

Олег Платонов

**1000 лет русского
предпринимательства**

ИЗ ИСТОРИИ КУПЕЧЕСКИХ РОДОВ

МОСКВА
СОВРЕМЕННОК
1995

ОГЛАВЛЕНИЕ

У «СВЯТОГО МАМЫ»	3				
КУПЕЦ-БОГАТЫРЬ САДКО И «ИВАНОВО СТО»	5			Сапожниковы	163
«ХОЖЕНИЕ ЗА ТРИ МОРЯ»	7			Сеньковы	166
«МОСКВИЧИ ЛЮБЯТ КУПЕЧЕСТВО»	8			Хлудовы	166
ОПОРА НА НАРОДНЫЙ ХАРАКТЕР	12			Шибяевы	170
ЯРМАРКА КАК СЕРДЦЕ РУССКОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА	15			Шорыгины	171
ПОСТРОИТЬ ХРАМ	16			ПРОСЛАВИВШИЕСЯ В МЕЦЕНАТСТВЕ	173
НА ПОРОГЕ ВТОРОГО ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ	19			Бахрушины	173
ДА УСТРОИТСЯ РУССКАЯ ЗЕМЛЯ!	21			Боткины	175
Строгановы	21			Мамонтовы	177
Афанасий Никитин	46			Найденовы	179
Затрапезновы	48			Солдатенковы	180
К СЛАВЕ И ЧЕСТИ ЛЮБЕЗНОГО ОТЕЧЕСТВА	57			Третьяковы	181
Демидовы	57			Щукины	183
Баташевы	67			КАЖДЫЙ РОД ЗНАМЕНИТ И СЛАВЕН	186
Яковлевы	69			Абрикосовы	186
Мальцовы	71			Алексеевы	187
БОГАТЫРИ РОССИЙСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ	75			Асеевы	188
Морозовы	75			Братья Асеевы	188
Рябушинские	83			Арзамасцевы	189
Прохоровы	105			Балины	190
ИЗЫСКИВАЯ НОВЫЕ ПУТИ	124			Баскаковы	191
Кокорев	124			Беловы	191
Губонин	125			Булычевы	192
Коноваловы	126			Виноградовы	195
Крестовниковы	128			Вишняковы	196
СЛЕД ИХ ОСТАНЕТСЯ НЕИЗГЛАДИМЫМ	130			Выдрины	197
Стахеевы	130			Гореловы	197
Второвы	134			Гучковы	197
Бардыгины	136			Досуевы	198
Бурьлины	146			Дунаевы	199
Гарелины	147			Ельцовы	200
Горбуновы	150			Ефремовы	200
Зимины	151			Жемочкины	200
Карзинкины	152			Ивановы	200
Коншины	153			Казеевы	201
Красильщиковы	156			Каряжины	201
Куваевы	158			Каштановы	202
Кузнецовы	159			Кащенко	202
Локаловы	160			Королев	202
Малотины	160			Криводушины	204
Разореновы	162			Кудрявцевы	204
				Куманины	204
				Носковы	205
				Орловы	205
				Полутовы	206
				Посылины	207
				Протопоповы	207
				Сакины	208
				Скворцовы	208
				Смирновы	211
				Суворовы	212

Суздальцевы
Тарасовы
Ушковы
Феокритовы
Шелапутины
Щенковы
Якунчиковы

212
212
213
214
215
216
216

Возраст русского предпринимательства давно перевалил за тысячу лет. Его юбилеи можно было отмечать вместе с тысячелетием России, которое праздновалось в прошлом веке. Однако до сих пор, говоря о тысячелетии России, почему-то подразумевают тысячелетие российской государственности, забывая важнейший факт, что, какой бы великой ни была эта государственность, она не смогла бы выполнить свои задачи без тесного союза с русским предпринимательством. Только опираясь на предпринимательство и частную инициативу, русское государство сумело освоить безбрежные просторы нашей страны. Политическое освоение гигантских территорий, осуществляемое Российским государством, шло параллельно с их экономическим освоением русскими предпринимателями, тяжелым самоотверженным трудом.

В 1918 году предпринимательство было запрещено под страхом смертной казни. Из российской жизни изъяли важнейший элемент экономического развития. За несколько лет был ликвидирован слой людей-предпринимателей — профессиональных организаторов российской экономики, которых Россия вынашивала и рождала столетиями. К 1920 году было физически истреблено или оказалось в вынужденной эмиграции более 100 тысяч предпринимателей. В последующие десятилетия вплоть до последних лет предпринимательство по закону рассматривалось как уголовно наказуемое преступление.

Потеря предпринимательского слоя была непоправима для России. Она лишилась уникальных тружеников, которые по своей культуре, психологии, образу жизни заметно отличались от западных предпринимателей. Очень важно подчеркнуть, что, наряду с крестьянством, русские предприниматели в гораздо большей мере, чем другие слои, сохраняли самобытные черты, несли в себе ценности русского национального сознания и русской культуры.

У «СВЯТОГО МАМЫ»

Древнюю Русь называли страной городов: при князе Владимире их было 25, перед нашествием Орды — 271, в царствование Ивана Грозного — 715, при царе Алексее Михайловиче — 923. Были среди них и очень большие по тем временам города. Наверно, не случайно русской княжне Анне Париж XI века показался большой деревней, а спустя несколько веков англичанин Р. Ченслер отмечал в 1554 году, что Москва по размерам превосходит Лондон.

Именно города становились оплотом развития предпринимательства,

складочными местами, в которых сосредотачивались массы товаров, распределяемые отсюда как по стране, так и за рубеж.

Вокруг городов возникало множество торговых и промысловых поселений. Сюда сходились для торговли, или, как тогда называли, «гостьбы» — купцы, бобровники, бортники, звероловы, смолокуры, лыкодеры и другие тогдашние «промышленники». Места эти получали названия погостов (от слова «гостьба»). Позже, уже после принятия христианства, в этих местах, как наиболее посещаемых, строились церкви и устраивались кладбища. Здесь совершались сделки, заключались договоры, отсюда пошла традиция ярмарочной торговли. В подвалах церквей хранился необходимый для торговли инвентарь (весы, меры), складывались товары, а также хранились торговые договоры. За это духовенство взимало с торговцев особую пошлину.

Купцы и предприниматели в Древней Руси не были выделены в отдельное сословие. В предпринимательской деятельности принимали участие все слои общества (в том числе князья и бояре). Тем не менее уже в XI-XII веках русское законодательство дорожит жизнью купца, и за голову купца полагался штраф вдвое больший, чем за голову простого человека (12 гривен и 5-6 гривен).

Интересное описание предпринимательской деятельности русских людей еще в дохристианский период оставил в своих записках византийский император Константин Багрянородный (905-959 гг.). По его словам, с ноября месяца, как только подмерзала дорога и устанавливался санный путь, русские купцы покидали города и направлялись в глубь страны. Всю зиму они скупали по погостам товары, а также собирали с жителей дань в оплату за ту охрану, которую им давал город. Весной уже по Днепру с полой водой возвращались купцы в Киев. К тому времени подготавливались суда, на которых купцы отправлялись в Царьград. Плыли огромным караваном, состоявшим из купцов разных земель — смоленских, любечских, черниговских, новгородских, вышгородских. Труден и опасен был этот путь. И только большая охрана спасала купцов от многочисленных грабителей. Проплыв Днепр, выходили в море, держась берега, так как в любой момент могли погибнуть на своих утлых суденышках от крутой волны.

Прибыв в Царьград, торговали там шесть месяцев. Согласно договору, оставаться на зиму они не могли. Размещали их не в самом городе, а у «святого Мамы» (монастырь св. Мамонта). Во время пребывания в Царьграде русские купцы пользовались различными льготами, предоставленными им византийским императором. В частности, русские купцы продавали свои товары и покупали греческие, не платя пошлин;

кроме того, им выделяли бесплатно продукты питания и разрешали пользоваться баней. По окончании торгового года греческие власти выделяли купцам съестные товары и корабельные снасти. Возвращались купцы не ранее октября, а там уже снова наступал ноябрь и нужно было ехать в глубь страны, на погосты, распродавать то, что было привезено из Византии, и скупать товары для зарубежной торговли на следующий год. Такая предпринимательская деятельность велась Русью не одно столетие. Круговорот торговой жизни сыграл огромную роль в освоении и объединении русских земель. Все большее и большее число людей вовлекалось в эту экономическую деятельность, становясь кровно заинтересованным в ее результатах.

Впрочем, русские купцы вели торговлю не только с Царьградом, откуда вывозили шелковые ткани, золото, кружева, вина, мыло, губки, различные лакомства. Большая торговля велась с варягами, у которых покупали бронзовые и железные изделия (особенно мечи и топоры), олово и свинец, а также с арабами — откуда в страну поступали бисер, драгоценные камни, ковры, сафьян, сабли, пряности.

О том, что торговля велась очень большая, свидетельствует обилие кладов того времени, которые до сих пор находят поблизости старинных городов, вблизи от больших рек, на волоках, возле бывших погостов. В этих кладах находят арабские, византийские, римские и западноевропейские монеты, в том числе даже отчеканенные в VIII веке.

Первый русский свод законов «Русская Правда» был пронизан духом предпринимательства. Когда читаешь его статьи, то убеждаешься, что он мог возникнуть в обществе, где важнейшим занятием была торговля, а интересы жителей тесно связаны с результатом торговых операций. «Правда», — пишет историк В. О. Ключевский, — строго отличает отдачу имущества на хранение — «поклажу» от «займа», простой заем, одолжение по дружбе, от отдачи денег в рост из определенного условленного процента, процентный заем краткосрочный от долгосрочного и, наконец, заем — от торговой комиссии и вклада в торговое компанейское предприятие из неопределенного барыша или дивиденда. «Правда» дает далее определенный порядок взыскания долгов с несостоятельного должника при ликвидации его дел, умеет различать несостоятельность злостную от несчастной. Что такое торговый кредит и операции в кредит — хорошо известно «Русской Правде». Гости, иногородние или иноземные купцы, «запускали товар» за купцов туземных, т.е. продавали им в долг. Купец давал гостю, купцу-земляку, торговавшему с другими городами или землями, «куны в куплю», на комиссию для закупки ему товара на стороне; капиталист вверял купцу «куны в гостьбу», для оборота из барыша .

Городские предприниматели, справедливо отмечает Ключевский, являются то сотрудниками, то соперниками княжеской власти, что отражало их большую роль в обществе .

Успешный рост предпринимательской деятельности в Древней Руси подтверждался широким развитием кредитных отношений. Новгородский предприниматель купец Климята (Клемент), живший в конце XII — начале XIII века, сочетал свою широкую торговую деятельность с предоставлением кредитов (отдачей денег в рост). Климята был членом «Купеческого ста» (союз новгородских предпринимателей), занимался он преимущественно бортным промыслом и скотоводством. К концу жизни ему принадлежали четыре села с огородами. Перед смертью он составил духовную, в которой перечислял свыше десятка различного рода людей, связанных с ним предпринимательской деятельностью. Из перечня должников Климяты видно, что он выдавал также и «поральское серебро», за что взимались проценты в виде наклада. Деятельность Климяты была такова, что он не только предоставлял кредиты, но и брал их. Так, он завещал в уплату долга своим кредиторам Даниле и Воину два села. Все свое состояние Климята завещал Новгородскому Юрьевскому монастырю — очень типичный случай для того времени.

По поводу предпринимательского кредита на Руси было особое мнение. Считалось не по-христиански брать высокие проценты. Однако пришлые люди пытались заниматься ростовщичеством под огромные проценты, что зачастую кончалось для них плачевно. Нетрудовой, паразитический характер такого ростовщического дохода вызывал широкий протест. Так, весной 1113 года в Киеве разразилось народное восстание, во время которого были разгромлены дома евреев-ростовщиков, взимавших огромные проценты, а также занимавшихся скупкой и перепродажей по спекулятивным ценам продуктов широкого потребления. После этого восстания Владимир Мономах ввел Устав, который резко ограничивал сумму процента, выплачиваемого по кредиту (не более 20 процентов в год), и тем самым подрывал позиции паразитического предпринимательства, наживавшегося на народной нужде . По сути дела, ростовщичество как паразитическое предпринимательство было запрещено и всячески осуждалось.

КУПЕЦ-БОГАТЫРЬ САДКО И «ИВАНОВО СТО»

Широкое развитие предпринимательства в России, отмечает историк Иловайский, было связано с исторически сложившимся характером народа

— «деятельного, расчетливого, домовитого, способного к неуклонному преследованию своей цели, к жесткому или мягкому образу действия, смотря по обстоятельствам» .

Анализируя характер великороссов, отмечая черты, которые могли способствовать развитию русского предпринимательства, русский историк академик В. Безобразов выделяет особо:

- **чувство меры**, которое уравнивает все разнообразные душевные порывы, движение увлечения всяких других чувств и страстей, соразмеряет важность различных целей и силу наличных способов их достижения;
- **практический расчет** — умение сосредоточиться на ближайших и важнейших целях жизни и пожертвовать в момент действия всеми более отдаленными, менее необходимыми и менее достижимыми, хотя бы и самыми возвышенными целями;
- **самообладание** среди разнородных и противоположных потребностей жизни и стремления к их удовлетворению;
- **трезвость характера**, не позволяющая увлекаться никакими чувствами и страстями, удаляющими от раз поставленной задачи, от начатого предприятия;
- **сила воли**, непрерывно поддерживающая бодрость духа, не позволяющая предаваться излишнему самообольщению при успехе и излишнему унынию при неудаче, всегда дающая рассудку господство над порывами чувств.

Именно эти черты стали фундаментом для развития русского предпринимательства и определяли его успех более тысячи лет.

Одним из самых характерных городов русского предпринимательства был Новгород Великий. Торговлей и предпринимательством здесь жила большая часть населения, и предприниматель был главной фигурой, о которой складывались сказки и легенды.

Новгородские торговцы в XI-XII веках проникали в дальние неизведанные страны, населенные неизвестными племенами. В «Повести Временных лет» под 1096 годом приводится рассказ новгородца Гюраты Роговича о торговле новгородцев с юргой.

В онежской былине рассказывается:

Отправлялись купцы новгородские
торговать за сине море.
Торговали за синим
за славным морюшком .

В новгородской былине о Садко (прообразом которого, по мнению

исследователей, был реальный человек Сотко Сытина, упоминаемый в летописи в 1167 году в качестве строителя церкви Бориса и Глеба в Новгороде) купец-предприниматель показан как герой-богатырь, причем подвигом представлена его торговая деятельность. Никому не известный гуслиар Садко своей энергией и удачей выбивается в богатые купцы.

Вот что рассказывают о Садко печорские былины:

Повыкупил товар весь из Нова-города
Повыгрузил товары в герлены корабли,
Пошел-то Садко да на герлены корабли.
Со всей своей дружинишкой хороброю,
Обирали-то сходенки дубовые,
Вынимали-то якори булатные,
Подымали тонки парусы полотнены,
За сине море торговать пошли .

А вот о нем же в онежских былинах:

Ай как стал ездить Садко торговать да по всем местам,
Ай по прочим городам да он по дальним,
Ай как стал получать барыши да он великие.

Однажды на пиру Садко похвастал, что скупит все товары в Новгороде. Два дня в торговых рядах он скупает товары, но вот на третий день приезжают московские купцы и Садко вынужден сознаться, что ему не скупить товары со всего белого света. После этого Садко снарядил 30 кораблей и вместе с другими купцами поехал торговать; по дороге корабль вдруг остановился как вкопанный, несмотря на попутный ветер. Понял Садко, что морской царь требует дани, бросил в море бочки золота, серебра, жемчуга. Однако водяной требует живой жертвы. Купцы бросают жребий, и он выпадает на Садко. Берет Садко гусли, спускается в море на дубовой доске и попадает в палаты морского царя, который требует, чтобы он поиграл ему на гуслиях. Под звуки гуслей царь морской пустился плясать, море взволновалось, корабли стали тонуть, люди гибнуть. Тогда Николай Угодник под видом старца седого явился к Садко и велел ему прекратить игру, оборвав струны гуслей. Затем царь морской требует, чтобы Садко женился на морской девице. Садко вынужден согласиться. После свадебного пира Садко засыпает и просыпается в родных местах, и в это время по Волхову подъезжают его корабли с казной. В благодарность за спасение Садко строит церковь Николе Можайскому и Пресвятой Богородице. Вот такую красивую легенду создало русское предпринимательство. Кстати, очень типичен конец — спасение, большая коммерческая удача знаменовались в среде русских купцов возведением храма.

Новгородские купцы вели свою торговлю и промысловую деятельность артелями, или компаниями, представлявшими из себя хорошо вооруженные отряды. Предпринимательских артелей в Новгороде насчитывалось десятки, в зависимости от товаров, которыми они промышляли, или местности, куда ходили торговать. Были, например, поморские купцы, торговавшие на Балтийском или Белом морях, низовские купцы, имевшие дела в суздальской области и т.п.

Самые основательные новгородские предприниматели объединялись в торгово-промышленную ассоциацию, именуемую тогда «Иванове сто», имевшую свой центр около храма святого Иоанна Предтечи в Опоках. Здесь располагался общественный гостиный двор, где купцы складывали свои товары, а также находилась «гридница» (большая палата), своего рода конференц-зал для проведения деловых совещаний. На общем собрании «Иванове сто» купцы выбирали старосту, который руководил делами этой «ассоциации», наблюдал за общественной кассой и оформлением деловых документов .

Около церкви проходил торг, стояли специальные весы, при которых находились выборные присяжные чины, наблюдавшие за правильностью веса и торговли. За взвешивание, как и при продаже товара, взималась особая пошлина. Кроме больших весов, возле церкви стояли и малые, служившие для взвешивания драгоценных металлов, слитки которых служили тогда вместо монеты.

Возникающие между предпринимателями и потребителями противоречия решались в специальном торговом суде, председателем которого был тысяцкий.

Купцы, входившие в «Иванове сто», обладали большими привилегиями. В случае финансовых затруднений им предоставляли кредит или даже безвозмездную помощь.

При опасных торговых операциях от «Иваново сто» можно было получить вооруженный отряд для охраны.

Однако вступить в «Иваново сто» мог только очень состоятельный предприниматель. Для этого в кассу «ассоциации» нужно было внести большой взнос в 50 гривен и, кроме того, безвозмездно пожертвовать в пользу церкви св. Иоанна в Опоках еще почти 30 гривен (за эти деньги можно было купить стадо волов в 80 голов). Зато вступив в «Иваново сто», предприниматель и его дети (участие было наследственным) сразу занимали почетное положение в городе и получали все связанные с этим привилегии.

Большую взаимовыгодную торговлю новгородские купцы вели с ганзейским союзом. Новгородские купцы скупали по всей России и

продавали ганзейцам льняные ткани, выделанные кожи, смолу и воск высокого качества, хмель, строевой лес, мед, меха, хлеб. От ганзейцев новгородские купцы получали вино, металлы, соль, сафьян, перчатки, крашеную пряжу и разные предметы роскоши.

Сильно развитая система предпринимательства вкупе с народным самоуправлением были главными условиями экономического процветания древнего Новгорода, которое неоднократно отмечалось иностранными купцами и путешественниками.

Кроме «Иваново сто», в русских городах существовали и другие профессиональные объединения предпринимателей. В XIV-XVI веках торговые предприниматели, имевшие лавки на городском торгу («ряда»), объединялись в самоуправляемые организации, члены которых назывались «рядовичами».

Рядовичи обладали отведенной под лавки территорией, имели своих выборных старост, обладали особыми правами на сбыт своих товаров. Чаще всего центром рядовичей была их патрональная церковь (в подвалах ее хранились товары), нередко им также предоставлялись даже судебные функции. Имущественное положение купцов было неравное. Самыми богатыми были «гости-сурожане» — купцы, торговавшие с Сузожем и другими городами Причерноморья. Состоятельными были и купцы суконного ряда — «суконники», торговавшие привозимым с Запада сукном. В Москве патрональным храмом «гостей-сурожан» была церковь Иоанна Златоуста. Принадлежность к корпорации московских гостей обставлялась примерно теми же правилами, что и в новгородской «Иваново сто». Положение в этой корпорации было тоже наследственным. Гости возглавляли купеческие караваны, отправлявшиеся в Крым.

«ХОЖЕНИЕ ЗА ТРИ МОРЯ»

Из XV века с нами говорит известный своей предприимчивостью тверской купец Афанасий Никитич Никитин, оставивший свои замечательные записки. Из этих записок следует, что русские купцы вели широкую торговлю с разными странами, находились в дружественных отношениях с иностранными купцами. Афанасий Никитин представляет собой образ настоящего русского купца, соединявшего в себе коммерческую хватку с глубокой религиозностью, совестью и патриотизмом. Увлеченный рассказами иностранных купцов о богатствах Индии, Афанасий Никитин, несмотря на все трудности, пробирается в неведомые земли, чтобы привезти оттуда товары, полезные для своей

родины. Из записок следует, что Афанасий Никитин человек «общительный, наблюдательный, быстро усваивающий языки, тщательно знакомился с предметами торговли каждого города, а попутно и с природой и с жителями каждой страны». В своем «Хожении за три моря — Каспийское, Индийское и Черное» — Афанасий Никитин преодолевает полный смертельных опасностей путь, может быть, самый длинный по тем временам (1466-1469 гг.) — от Твери до южных берегов Каспийского моря, через всю Персию, Индию, а затем возвращение на Русь. Он посещает Индию почти за тридцать лет до Васко да Гама и, по сути дела, открывает Индию для России.

В эпоху Ивана Грозного символом русского предпринимательства становится энергичная деятельность Строгановых, купеческие корни которой уходят еще в Новгород XV века. Самый знаменитый основатель рода Строгановых Аника Федорович продолжил и развил солеваренное дело, доставшееся ему от отца. Аника не только довел до совершенства сольвычегодские варницы, но и построил множество варниц на Кольской губе. Аника Федорович ведет большую торговлю с иностранными купцами, скупает у них заморские товары и с выгодой перепродает их. Особую статью приобрела торговля Строгановых с народами Урала и Приуралья. Посредством этой торговли, по сути дела, начинается активное освоение русскими людьми Урала и Сибири. Люди Строганова доходят вплоть до Оби и начинают бойкую торговлю с остяками и другими народами этого края, «весьма дружелюбно поступающая и лаская их, выменивая у них на свои дешевые товары дорогие меха соболей, лисиц, белок». В 1557 году Аника Федорович едет в Москву и объявляет при царском дворе о выгодах этой торговли и необходимости экономического и государственного освоения Урала и Сибири.

За свои труды Аника Федорович получает от царя огромную территорию малообитаемой, но «всем изобильной и к поселению весьма способной» земли по Каме в Перми Великой. Земли эти освоили уже его сыновья — Яков и Григорий — они строили там крепости, города, предприятия, множество разных храмов.

Еще один сын Аники Семен был главным инициатором отправления отрядов Ермака на завоевание Сибири, за что был награжден от Ивана Грозного Большой и Малой Солью на Волге. В Смутное время Строгановы проявили себя настоящими патриотами. Они всячески способствовали и деньгами и людьми освобождению Руси от интервентов, а также избранию царя Михаила. Строгановы построили в России множество заводов, которые обеспечивали работой десятки тысяч людей.

В последней четверти XVII века владения Строгановых составляли 9

млн. десятин, что превышало территорию Голландии, Бельгии и Дании вместе взятых.

Строгановы прославились не только предпринимательской деятельностью, но и меценатством. Благодаря их материальной поддержке, смогло возникнуть целое направление в русском иконописании конца XVI — начала XVII веков — строгановские школы, характеризовавшиеся изощренным мастерством, утонченной миниатюрностью письма, изысканностью красочной палитры.

Говоря о Строгановых, не следует считать, что они были крупнейшими предпринимателями XVI-XVII веков. Это совсем не так. Рядом со Строгановыми успешно работали их многочисленные конкуренты, крупные солепромышленники, торговцы, гости: Никитниковы, Шорины, Светешниковы, Веневитиновы (о двух из них мы еще расскажем). Исследователи этой эпохи повествуют нам и о настоящих королях розничной торговли. Такими, например, были московские гости Юдины, имевшие в столице до 30 каменных лавок, не считая провинциальных филиалов. Были гости, ведшие огромную торговлю с зарубежными странами, как например, новгородский гость Стоянов.

Кроме Никитина и Строгановых, в истории русского предпринимательства множество славных имен, которым Россия обязана открытию и освоению новых земель. Это и великоустюжские, и тотемские купцы, и беломорские мореходы-промышленники. И много других имен купцов и промышленников всех краев России. Их трудом и заботами шло «приращение земли Российской».

«МОСКВИЧИ ЛЮБЯТ КУПЕЧЕСТВО»

Кильбургер, побывавший в Москве в царствование Алексея Михайловича в составе шведского посольства, отмечал, что все москвичи «от самого знатного до самого простого любят купечество, что есть причиной того, что в городе Москве помещается больше торговых лавок, чем в Амстердаме или хотя бы ином целом княжестве».

Некоторые города по внешнему виду напоминали пестрые торговые ярмарки. Широкое развитие торговли отмечалось и в более ранние времена. Иностранцы, побывавшие в Москве XV века, отмечают особое изобилие съестных продуктов, что свидетельствовало о широком развитии товарных отношений среди крестьян, а отнюдь не о господстве натурального хозяйства. По описанию венецианца Иосафата Барбаро, «зимой привозят в Москву такое множество быков, свиней и других животных, совсем уже

ободренных и замороженных, что за один раз можно купить до двухсот штук». «Изобилие в хлебе и мясе так здесь велико, — отмечает Барбаро, — что говядину продают не на вес, а по глазомеру». Другой венецианец Амвросий Контарини также свидетельствует о том, что Москва «изобилует всякого рода хлебом» и «жизненные припасы в ней дешевы». Контарини рассказывает, что каждый год в конце октября, когда река Москва покрывается крепким льдом, купцы ставят на этот лед «лавки свои с разными товарами и, устроив таким образом целый рынок, прекращают почти совсем торговлю свою в городе». На рынок, расположенный на реке Москве, купцы и крестьяне «ежедневно в продолжение всей зимы провозят хлеб, мясо, свиней, дрова, сено и прочие нужные припасы». В конце ноября обычно «все окрестные жители убивают своих коров и свиней и вывозят их в город на продажу». «Любо смотреть, — пишет Контарини, — на это огромное количество мерзлой скотины, совершенно уже ободранной и стоящей на льду на задних ногах».

Ремесленными изделиями торговали в лавках, на рынках и в мастерских. Уже в глубокой древности ряд дешевых массовых товаров, изготавливаемых городскими ремесленниками (бусы, стеклянные браслеты, крестики, пряслица), распространялся купцами-коробейниками по всей стране.

Русские купцы вели большую торговлю с другими странами. Известны их поездки в Литву, Персию, Хиву, Бухару, Крым, Кафу, Азов и др. Предметом торговли были не только сырье и продукция добывающих промыслов, вывозившиеся из Руси (пушнина, лес, воск), но также изделия русских ремесленников (юфты, однорядки, шубы, холсты, седла, стрелы, саадаки, ножи, посуда и др.). В 1493 году Менгли-Гирей просит Ивана III прислать ему 20 тысяч стрел. Крымские царевичи и князья обращались в Москву с просьбой о присылке панцирей и других доспехов. Позднее, в XVII веке, огромная торговля русскими товарами шла через Архангельск — в 1653 году сумма вывоза через порт этого города за рубеж составляла свыше 17 миллионов рублей золотом (в ценах начала XX века).

Масштабы русской торговли поражали иностранцев, посещавших нашу страну в XVII веке.

«Россия, — писал в самом начале XVII века француз Маржерет, — весьма богатая страна, так как из нее совсем не вывозят денег, но они ввозятся туда ежегодно в большом количестве, так как все расчеты они производят товарами, которые имеют во множестве, именно разнообразными мехами, воском, салом, коровьей и лошадиной кожей. Другие кожи, крашенные в красный цвет, лен, пеньку, всякого рода веревки, кавиар, т.е. икру соленой рыбы, они в большом количестве

вывозят в Италию, далее соленую семгу, много рыбьего жира и других товаров. Что касается хлеба, то хотя его очень много, они не рискуют вывозить его из страны в сторону Ливонии. Сверх того, у них много поташа, льняного семени, пряжи и прочих товаров, которые они обменивают или продают, не покупая ничего чужеземного на наличные деньги, и даже император приказывает платить хлебом или воском».

Уже в XVI-XVII веках Россия обладает сильно развитой торговой сетью. В городах, посадах, селах, возле монастырей, на ярмарках ведут оживленную торговлю многие тысячи купцов и торговцев, идет интенсивный обмен товарами между отдельными районами страны, т.е. возникает всероссийский рынок.

В XVII веке в Москве торговое, купеческое сословие из разряда тяглых людей выделяется в особую группу городских или посадских людей, которая в свою очередь разделялась на гостей, гостиную и суконную сотни и слободы. Самое высшее и почетное место принадлежало гостям (их в XVII веке было не более 30 человек). Звание это получали от царя самые крупные предприниматели, с торговым оборотом не меньше 20 тысяч в год — огромная по тем временам сумма. Все они приближены к царю, были свободны от уплаты пошлин, вносимых купцами рангом ниже, занимали высшие финансовые должности, а также имели право покупать в свое владение вотчины.

Члены гостиной и суконной сотен (в XVII веке их было около 400) пользовались также большими привилегиями, занимали видное место в финансовой иерархии, но уступали гостям в «чести». Гостиные и суконные сотни имели самоуправление, их общие дела вершили выборные головы и старшины.

Низший разряд купечества представляли жители черных сотен и слобод. Это были преимущественно ремесленные самоуправляемые организации, сами производившие товары, которые потом продавали. Этот разряд, скажем так, непрофессиональных торговцев составлял сильную конкуренцию профессионалам-купцам высших разрядов, т. к. «черные сотни», торгуя собственной продукцией, могли продавать ее дешевле.

В городах посадские люди, имеющие право вести торговлю, делились на лучших, средних и молодых.

В общем, предпринимательская деятельность в городах Древней Руси была развита весьма сильно. Сфера деятельности русских купцов и предпринимателей XVII века была огромна, отражала всю географию экономического освоения России. Из Москвы брали начало б основных торговых путей — Беломорский (Вологодский), Новгородский, Поволжский, Сибирский, Смоленский и Украинский, — составлявших

экономическую инфраструктуру страны.

Беломорский (Вологодский) путь шел через Вологду по Сухоне и Северной Двине в Архангельск (а ранее к Холмогорам) и на Белое море, а оттуда в зарубежные страны. К этому пути тяготели замечательные центры русского предпринимательства: Великий Устюг, Тотьма, Сольвычегодск, Яренск, Усть-Сысольск, давшие России тысячи первоклассных предпринимателей.

В середине XVI века русские предприниматели получали право беспошлинной торговли с Англией (она шла Беломорским путем), имели в Лондоне несколько зданий для своих нужд. Русские везли в Англию меха, лен, пеньку, говяжье сало, юфть, ворвань, смолу, деготь, а получали отсюда ткани, сахар, бумагу, предметы роскоши.

Важнейшим перевалочным центром на этом пути была Вологда, куда всю зиму свозились товары из Москвы, Ярославля, Костромы и других городов, а затем по воде направлялись в Архангельск, откуда в свою очередь осенью приходили товары для отправки в Москву санным путем.

Новгородский (Балтийский) торговый путь шел из Москвы в Тверь, Торжок, Вышний Волочек, Валдай, Новгород, Псков, затем к Балтийскому морю. Через этот путь в Германию шли русский лен, пенька, сало, кожи и красная юфть. Поволжский путь проходил по рекам Москва, Ока и Волга, а затем через Каспийское море в Персию, Хиву и Бухару.

Главным предпринимательским центром на этом пути был Нижний Новгород с располагавшейся рядом с ним Макарьевской ярмаркой. Путь от Нижнего Новгорода до Астрахани преодолевался русскими купцами примерно за месяц. Шли караванами из 500 и более судов с большой охраной. И то даже на такие караваны время от времени совершались разбойные нападения. Купцы плыли и останавливались в местных предпринимательских центрах — Чебоксарах, Свяжске, Казани, Самаре, Саратове.

Торговля с Хивой и Бухарой проводилась в Караганском пристанище, куда из Астрахани под охраной приходили купеческие суда, а на встречу с ними приезжали местные купцы со своими товарами. Торговля велась около месяца. После этого часть русских судов возвращалась в Астрахань, а другая шла в Дербент и Баку, откуда уже посуху добирались до Шемахи и торговали с персами.

Сибирский путь шел водой из Москвы до Нижнего Новгорода и до Соликамска. От Соликамска купцы волоком двигались до Верхотурья, где был большой торг с вогулами, а затем снова водой до Тобольска, через Туринск и Тюмень. Далее дорога шла на Енисейск мимо Сургута, Нарыма. В Енисейске был устроен большой гостиный двор.

От Енисейска купцы двигались в сторону Илимского острога по Тунгуске и Илимю. Часть купцов продолжала путь и дальше, достигая Якутска и Охотска, проникая даже на Амур.

Главным предпринимательским центром Руси по торговле с Китаем был Нерчинск, где был построен специальный гостинный двор.

Главными товарами, которые покупали или выменивали на этом пути, были меха и звериные шкуры, из Центральной России в Сибирь везли железо, оружие, ткани.

Смоленский (Литовский) путь шел из Москвы через Смоленск в Польшу, но из-за постоянных войн этот путь для широкой торговли использовался сравнительно мало. Более того, в Москве очень неохотно привечали польских и еврейских купцов, которые имели плохую репутацию, а русские купцы избегали отношений с торговцами местечковой Польши.

Степной Малороссийский (Крымский) путь пролегал через рязанские, тамбовские, воронежские края, выходил к донским степям, а оттуда в Крым. Главными предпринимательскими центрами, тяготеющими к этому пути, были Лебедянь, Путивль, Елец, Козлов, Коротояк, Острогжск, Белгород, Валуйки.

Мы недаром показали широкий размах основных путей торгово-предпринимательской деятельности русских купцов. Он наглядно свидетельствует о гигантских усилиях, вложенных в экономическое освоение огромной территории России. Нужно понимать, что в Древней Руси эта деятельность была связана и с трудностями (что стоили только пути сообщения!). Осуществляя торговлю теми или иными товарами, русские купцы нередко принимали участие в организации их производства, особенно это касалось выработки воска, сала, смолы, дегтя, соли, юфти, кож, а также добычи и выплавки металлов и производства различной продукции из них.

Русский купец из посадских людей города Ярославля Григорий Леонтьевич Никитников вел крупную торговлю в Европейской России, Сибири, Средней Азии и Иране. Но основу его богатства составила торговля сибирской пушницей. Строил он ладьи и суда, перевозившие разные товары, хлеб и соль. С 1614 года он получает звание гостя. С 1632 года Никитников вкладывает капиталы в солеваренную промышленность. В конце 30-х годов в Соликамском уезде Никитникову принадлежали 30 варниц, на которых, кроме зависимых людей, работало свыше 600 наемных работников. Никитников держит целый ряд для продажи соли в разных городах, располагавшихся по течению Волги и Оки и связанных с ними рек: в Вологде, Ярославле, Казани, Нижнем Новгороде, Коломне, в Москве

и Астрахани.

Долгое время центром торговой деятельности Никитникова был его родной город Ярославль с обширным двором, принадлежавшим предкам Григория Леонтьевича. По старым описаниям, усадьба купца Никитникова превращается в настоящий торговый центр Ярославля, становится узловым торговым пунктом, в котором скрещивались волжские и восточные товары, приходившие из Астрахани, с западными товарами, привозившимися из Архангельска и Вологды. В усадьбе Никитникова была построена им в 1613 году деревянная церковь Рождества Богородицы. Недалеко от усадьбы стоял знаменитый Спасский монастырь, рядом с которым находился рынок. Ближе к реке Которосли стояли соляные и рыбные амбары Никитниковых. В 1622 году Никитников по приказу царя переезжает в Москву, куда перемещается и торговый центр его деятельности. В Китай-городе Никитников строит богатые палаты и красивейшую церковь Троицы в Никитниках (она сохранилась до сих пор). На Красной площади Никитников обзаводится собственными лавками в Сукольном, Суроожском, Шапочном и Серебряном рядах. Никитников возводит большие склады для ведения оптовой торговли. Его дом становится местом встречи богатых купцов и заключения сделок. В синодик церкви Троицы вписаны имена крупных московских гостей XVII века, которые находились в личных и родственных взаимоотношениях с Никитниковым.

Купец Никитников прославился не только предпринимательством, но и своей общественно-патриотической деятельностью. В начале XVII века он — молодой земский староста, подпись которого стоит в списках участников первого и второго земских ополчений, созданных в Ярославле для борьбы с польскими и шведскими захватчиками. Никитников постоянно участвовал в несении государственных выборных служб, представлял на земских соборах, участвовал в составлении челобитных царю от гостей и купцов, искавших защиты интересов русской торговли и ограничения привилегий иностранных купцов. Григорий Леонтьевич был смел и уверен в себе, бережлив и аккуратен в платежах, не любил должать, но и не любил давать в долг, хотя в долг приходилось давать довольно часто, даже самому царю, который жаловал его в награду серебряными ковшами и дорогой камкой. Исследователь жизни Григория Никитникова свидетельствует о нем как «о человеке деловом и практичном, глубокого пронизательного ума, твердой памяти и воли, с крутым решительным характером и большим жизненным опытом. Через все его наставления неизменно проходит требование сохранения семейного и хозяйственного порядка таким, каким он был при нем. Такой же деловой тон звучит в наказах о поддержании благолепия в выстроенных им церквях и в распоряжении об аккуратных взносах пошлин в казну за соляные

варницы»).

Весь свой капитал Никитников завещал не дробить, а передал в совместное и нераздельное владение двум внукам: «...и внуку моему Борису, и внуку моему Григорию жить в совете и промышлять вместе, а буде который из них станет жить неистова и деньги и иные пожитки станет сородичам своим раздавать и сторонним людям, один без совету брата своего, и он благословления моего и приказу лишен, до дому моево и до пожитков ему дела нет». И, конечно, умирая (умер в 1651 году), купец Никитников завещает: «...и церковь Божию украсить всякими лепотами, и ладан, и свечи, и вино церковное, и ругу священнику и иным церковникам давать вместе, чтоб церковь Божия без пеня не была и не за чем не стала, как было при мне, Георгии». Кроме своей московской церкви, он просил заботиться и о храмах, построенных им в Соли Камской и Ярославле .

Одним из характерных предпринимателей XVII века был купец Гаврила Романович Никитин, по происхождению из черносошных крестьян русского Поморья. Свою торговую деятельность Никитин начинал в качестве приказчика гостя О.И. Филатьева. В 1679 году он стал членом гостиной сотни Москвы, а в 1681 году получил звание гостя. После смерти братьев Никитин сосредотачивает в своих руках большую торговлю, ведет дела с Сибирью и Китаем, его капитал в 1697 году составлял огромную по тем временам сумму — 20 тысяч рублей. Как и другие купцы, Никитин строит свою церковь.

Кстати говоря, именно в XVII веке в Москве строится церковь, ставшая святыней купечества всей России. Это — Никола Большой крест, воздвигнутая в 1680 году архангельскими гостями Филатьевыми. Церковь была одна из красивейших в Москве да и во всей России. Ее взорвали в 1930-х годах.

Русские предприниматели, торговавшие с зарубежными странами, предлагали им не только сырье, но и продукцию, по тем временам, высокой технологии, в частности металлические устройства. Так, в инвентаре одного из чешских монастырей под 1394 годом документально зарегистрированы «три железных замка, в просторечии называемые русскими». В Богемии было, конечно, немало и своих прославленных мастеров по металлу из богатейших Рудных гор и Судетов. Но, очевидно, изделия русской промышленности были не хуже, если они пользовались известностью и успехом так далеко за рубежом. Это известие XIV века подтверждается и позднейшими источниками. Так, из «Памяти, как продать товар русской в Немцах», известной нам по тексту «Торговой книги» 1570-1610 годов, видно, что продажа русского «уклада» и других металлических изделий «в Немцах» была обычным делом и в XVI-XVII веках. Кстати

говоря, торговали и оружием. Например, в 1646 году было вывезено в Голландию 600 пушек .

Рассказывая о знаменитых русских предпринимателях XVII века, нельзя не упомянуть братьев Босовых, а также гостей Надею Светешникова и Гурьевых. Босовы вели торговлю с Архангельском и Ярославлем, скупали товары и на местных рынках Приморья, покупали также деревни в расчете на получение большого количества хлеба для продажи, занимались ростовщичеством, но основой их предприятия являлась сибирская торговля. Босовы отправляли в Сибирь обозы в 50-70 лошадей, груженных как иноземными товарами, так и русским сермяжным сукном, холстом, железными изделиями. Вывозили они из Сибири пушнину. Так, в 1649-1650 годы было вывезено 169 сороков и 7 штук соболов (6 767 шкур); приобретали в большом количестве и другие меха. На службе у Босовых было 25 приказчиков. Они организовали в Сибири собственные ватаги, т.е. промышленные экспедиции в места, богатые соболем, а также приобретали их у местных жителей и у служилых людей, взимавших в Сибири ясак. Высокую прибыль давала также продажа в Сибири иноземных и русских изделий. Имущество братьев Босовых, не считая капитала, вложенного в земли, и стоимости дома, оценивалось в 20 тысяч рублей на деньги того времени.

Богатейшие купцы несли казенную службу по финансам в качестве гостей, что давало им ряд преимуществ и предоставляло широкие возможности дальнейшего обогащения. Характер «первоначального накопления» имели также методы создания предприятий Надея Светешникова и Гурьева. Светешников вышел из ярославских посадских людей. Заслуги перед новой династией принесли ему пожалование в гости. Он вел крупные операции по торговле пушниной, занимался ростовщичеством и владел деревнями с крестьянами, но он также вкладывал свои средства в солепромышленность. Его богатство оценивалось в середине XVII века в 35,5 тысяч рублей (т.е. около 500 тысяч рублей на золотые деньги). Это пример крупного торгового капитала и перерастания его в промышленный. Важнейшее значение для обогащения Светешникова и развития его предприятий имели земельные пожалования. В 1631 году ему были отданы громадные земельные владения по обоим берегам Волги и по реке Усу до позднейшего Ставрополя. Здесь Светешников поставил 10 варниц. К 1660 году в Надеином Усолье было 112 крестьянских дворов. Наряду с наемными людьми он применял труд крепостных. Светешников построил крепость для защиты от кочевников, завел также кирпичный завод.

Из богатой верхушки ярославского посада вышли также Гурьевы. В 1640 году они завели рыбные промыслы в устье реки Яика, поставили здесь

деревянный острог, затем заменили его каменной крепостью (город Гурьев), на строительство которой затратили около 290 тысяч рублей (т.е. 4 миллиона золотых рублей) .

Развитие предпринимательства в России носило в значительной степени преемственный характер. Проведенное исследователем А. В. Демкиным изучение купеческих родов Верхневолжских городов показало, что 43 процента всех купеческих фамилий занимались торгово-предпринимательской деятельностью от 100 до 200 лет, а почти четверть — 200 и более лет. Три четверти купеческих родов, насчитывавших менее 100 лет, возникли в середине — второй половине XVIII века и действовали вплоть до конца столетия. Все эти фамилии перешли в девятнадцатый век . В общем из всех купцов, которые дожили до 1917 года, большая часть имела предпринимательские корни в семнадцатом веке, а то и глубже.

ОПОРА НА НАРОДНЫЙ ХАРАКТЕР

Главное, на что делал ставку Петр Первый — на использование творческой инициативы и самостоятельности русского предпринимателя и работника. Петр создал благоприятные условия для реализации лучших качеств и не ошибся. Конечно, он не стеснялся, когда это было нужно, привлекать к делу и иностранцев, но их вмешательство носило второстепенный, вспомогательный характер. При прочих равных условиях царь предпочитал отечественных специалистов и для этого посылал их учиться за границу. «Своими реформами и творческой инициативой, — пишет академик Струмилин, — Петр Великий впервые открывал широкую дорогу индустриальному предпринимательству. И на этот путь вполне естественно прежде всего вступили твердой ногой выходцы из тех самых трудовых низов, которые получили свою подготовку в области так называемых «народных» ремесленно-кустарных промыслов Московской Руси. Вот почему во главе петровских заводов и мануфактур оказалось так много бывших кузнецов и всякого иного рода тяглецов». Как, например, целовальник Тимофей Филатов, комнатный истопник Алексей Милотин, дворцовый служитель Родион Воронин, посадский человек И. Комаров, кожевенный мастер Пахомов, «красносельцы» Симоновы и другие. Среди более мелких предпринимателей встречалось немало крепостных крестьян на оброке.

Прав был историк С. Соловьев, отмечавший, что петровские преобразования есть дело «народное, а не лично принадлежащее одному Петру».

Весьма характерно, что большая часть русских предпринимателей Петровского времени, как и в более поздний период, вышла из крестьян или посадских людей, тогда как в западноевропейских странах — из дворян. И это прежде всего самые выдающиеся фамилии русских предпринимателей — Морозовы, Рябушинские, Прохоровы, Гарелины, Грачевы, Шорыгины, Бардыгины, Разореновы, Зимины, Коншины, Балины, Горбуновы, Скворцовы, Миндовские, Дербеневы, Локаловы, Дордоновы, Сеньковы, Ключниковы, Елагины, Заглодины и мн. др. За каждым из этих предпринимателей — организация огромных производств, снабжавших своей продукцией десятки, а то и сотни тысяч людей в России и за границей.

Для развития индустриального предпринимательства при Петре I создаются специальные правительственные органы — Берг-коллегия и Мануфактур-коллегия, которые разрабатывают программу мероприятий содействия промышленному развитию, осуществляемую не административными методами, а путем предоставления различных привилегий и льгот. Частные предприниматели для устройства фабрик и заводов получали ссуды без процентов; их снабжали инструментами и орудиями производства; освобождали от государственной службы; предоставляли временные льготы от податей и пошлин, беспошлинный привоз из-за границы машин и инструментов; обеспечивали гарантированными государственными заказами.

Поддерживание народной инициативы и предприимчивости в XVIII веке шло по пути отмены ограничений. Если при Петре еще существовали некоторые ограничения и стеснялась свобода торговли, то уже при Екатерине II ликвидируется необходимость получения «разрешительных указов на открытие нового предприятия и устройство всякого рода промышленных заведений объявлено совершенно свободным для всех».

Екатерина II создает самые благоприятные условия для развития русского предпринимательства. Она отменяет все возможные ограничения, объявив, что теперь «всем подданным нашим к заведениям станов и рукоделий столь беспредельная от нас дана свобода, что не стесняются они уже ни частым на то испрошением дозволения, ни надзираемым за делом рук их, где собственная каждого польза есть лучшее и надежнейшее поощрение».

Одновременно объявляется об уничтожении монополий («за вредни») и введение полной свободы торговли («всякому торгу свободну быть надлежит»). Историки отмечают «исключительную яркость» этого периода по «необычайной интенсивности процесса индустриализации» и по роли в нем частного предпринимательства.

В 1785 году российские предприниматели получают от Екатерины жалованную грамоту, которая сильно возвысила их положение. Согласно этой грамоте, все купцы были разделены на три гильдии. К первой гильдии относились купцы, владевшие капиталом не менее 10 тысяч рублей. Они получали право оптовой торговли в России и за границей, а также право заводить фабрики и заводы. Ко второй гильдии принадлежали купцы с капиталом от 5 до 10 тысяч рублей. Они получали право оптовой и розничной торговли в России. Третью гильдию составляли купцы с капиталом от 1 до 5 тысяч рублей. Эта категория купцов имела право только на розничную торговлю. Купцы всех гильдий были освобождены от подушной подати (вместо нее они платили 1% с объявленного капитала), а также от личной рекрутской повинности.

Кроме купцов разных гильдий, вводилось понятие «именитый гражданин». По статусу он был выше купца первой гильдии, ибо должен был обладать капиталом не менее, чем на 100 тысяч рублей. «Именитые граждане» получали право иметь загородные дачи, сады, заводы и фабрики.

Опора на лучшие качества русского предпринимателя и работника, использование инициативы и предприимчивости дали поразительные результаты, которые с полным основанием можно назвать промышленной революцией. Количество промышленных предприятий (без ремесленных мастерских) только за XVIII век увеличилось в 10-12 раз, достигнув в 1801 году — 2 423 предприятий с числом занятых почти 100 тысяч человек. По ряду экономических показателей Россия вышла на самые передовые рубежи. Прежде всего это относилось к металлургической промышленности.

Предприятия уральских предпринимателей и, прежде всего, демидовские заводы, продукция которых была известна во всей Европе, стали материальной базой стремительного рывка России в XVIII веке, и более того, уральский металл создал основу для промышленного переворота в Англии.

Особо следует сказать о роли русских предпринимателей в развитии технического прогресса. Вопреки утверждениям некоторых исследователей о незаинтересованности русских предпринимателей во внедрении технических новшеств, факты говорят об их огромных успехах в технической области. В частности черная металлургия России XVIII века была самой передовой в мире. Уже первые уральские домны, построенные на заводах Демидовых, да и не только у них, оказались значительно крупнее и продуктивнее английских, которые в то время считались лучшими. «И это превосходство, — пишет академик Струмилин, — несмотря на огромный рост зарубежной техники, нам удалось удержать за

собой в течение всего XVIII века». Немецкий историк металлургии Людвиг Бек, говоря об уральских домнах на рубеже XIX века, называл их не только «величайшими древесно-угольными доменными печами континента», но и наиболее производительными и экономичными по расходу топлива на единицу продукта, более производительными, чем любые другие печи, не исключая английских. Франция пыталась отгородиться от русского металла высокими пошлинами. В этой стране перед войной 1812 года писали, что русское железо «дешевле и лучше французского, и если оно свободно будет доставляться во Францию», то местная железодельная промышленность, не выдержав конкуренции, «погибнет совершенно».

Активным внедрением технических новшеств характеризовалось русское промышленное предпринимательство и в других отраслях, нередко опережая лучшие достижения мировой технической мысли. Если в Англии первая паровая машина Уатта двойного действия, обеспечившая собою целый промышленный переворот в этой стране, была построена только в 1785 году, то в России аналогичная двухцилиндровая паровая машина была создана гениальным механиком-самоучкой Ползуновым на 20 лет раньше, уже в 1765 году. Если в Англии изобретение Генри Моудсли суппорта к токарному станку, увенчавшее промышленную революцию XVIII века, обеспечив возможность и машины строить посредством машин, датируется 1797 годом, то у нас замечательный механик Андрей Нартов создавал самые совершенные копировальные токарные станки с механическим суппортом, заменяющим руку человека, еще в Петровскую эпоху. Токарные станки с водным приводом, так же как и сверлильные, применялись нередко и в заводской практике; например, на «токарной фабрике» Невьянского Демидовского завода в 1767 году значилось пять таких «точильных станов водяных». В легкой промышленности можно отметить чесальную и прядильную машины в заведении Родиона Глинкова с 1760-х годов, на много десятилетий опередившие механическое льнопрядение в Англии. В тяжелой промышленности следует отметить раннее появление у нас прокатных валков и станков.

Известно, что в Англии первые прокатные вальцы Дж. Пенна для отжатого железа появились лишь в 1728 году, а более совершенные прокатные станы запатентованы Генри Кортон и пущены в обращение не раньше 1783 года. В России же простейшие плющильные машины для проката шинного железа были в ходу на Урале уже в 1723 году. Но и более сложные вальцы с калиброванными ручьями для сортового проката применялись на Урале еще до 1765 года, а листопрокатные станы — с 1782 года. В частности, у нас еще до 1765 года «с великою пользою, под плющильной машиной делали разные карнизы, вырезывая для сего фигуру их в нижнем валу, и стачивая столько же верхнего, так чтоб выходил на

нем против той вырезки поясок, с такою же фигурою. Железо, пропускаемое между сим пояском и вырезкою, получало подобную им форму».

Русское предпринимательство было крепко своей родовой преемственностью и сословной сплоченностью. Купеческие роды поддерживали друг друга, роднились между собой, создавая своеобразные родовые унии. Об этом рассказывают росписи купеческих фамилий. Вместе с тем следует отметить, что русские предпринимательские роды не были замкнутой кастой, а постоянно подпитывались и обновлялись снизу, преимущественно из крестьянской среды.

Широкое развитие частной инициативы снизу породило мощное промышленное движение. Так, в районах старинного ткачества — Ярославской, Костромской, Владимирской губерниях — посадские и крестьянские дети (в том числе большое число крепостных), начиная с кустарной светелки ручного ткача или набойщика, постепенно создают крупные текстильные предприятия.

Крепостной графа Шереметева Бутримов Григорий Иванович в 1741 году основал текстильную мануфактуру, на которой работали вольнонаемные работные люди из крестьян-оброчников. Мануфактура при нем быстро расширялась. Так, если в 1744 году в ней было 30 станов, то в 1755 — уже 69. После его смерти мануфактура переходит в руки другого крепостного крестьянина — предпринимателя Грачева.

Основатель предпринимательского дела Грачевых крепостной крестьянин Иван родился в 1706 году, вначале занимался торговлей, а в 1748 году создал полотняную мануфактуру, выпускавшую продукцию высшего качества, которая через Петербургский порт шла за рубеж. Капиталы Ивана росли, и в 1756 году у него уже было 216 станов. Его наследники продолжали расширять мануфактуру. Ефим Иванович Грачев (1743-1814) имел в 1789 году — 455 станов, 3 034 десятины земли, 381 душу крепостных крестьян. Все это богатство было юридически оформлено на имя помещика. В 1795 году выкупается на волю, отдав помещику все предприятия и земли, заплатив 135 тысяч рублей. Став вольным, Е. И. Грачев записался в купцы I гильдии и стал арендатором своих же фабрик.

Крепостной крестьянин села Иваново Иван Матвеевич Гарелин — основатель династии предпринимателей текстильных мануфактур — вначале занимался посреднической торговлей полотнами. К 1765 году он накопил достаточно денег, чтобы перекупить у таких же, как он, крестьян-предпринимателей Грачевых полотняную мануфактуру Бутримова. В 1780-х годах на мануфактуре действовало 200 ткацких станов. Иван Матвеевич умер в начале XIX века, но его наследники значительно приумножили дело,

и уже в 1817 году в мануфактуре работали 1 021 стан и 85 набивных столов. Чистая прибыль предприятия приближалась к 50 тысячам рублей. Гарелины, будучи сами крепостными, покупали землю и даже крепостных (для работы на фабрике) на имя своего помещика. В 1820-х годах среди крестьян ходили слухи о скором освобождении. Когда Гарелины убедились в неосновательности этих слухов, то решили выкупиться на волю и в 1828 году так и поступили, хотя были принуждены помещиком оставить в его собственности и мануфактуру, и дома с хозяйственными постройками, и более 700 десятин земли. Кроме того, помещик потребовал с них еще 25 тысяч наличными. Тем не менее упорным трудом Гарелины поправили свои дела и в 1837 году выкупили у помещика свое предприятие, переоборудовали его, сделав одним из самых передовых в России и Европе.

В промышленности сложилось своего рода разделение сфер предпринимательства — с одной стороны, развитие крупной промышленности, ориентированной преимущественно на зажиточного и богатого горожанина, дворянство, царский двор, вывоз за границу; с другой — бурный рост мелкой крестьянской и кустарно-ремесленной промышленности, ориентированной на широкие народные массы, на все многообразие их потребительского спроса с огромным ассортиментом продукции.

Со второй половины XIX века крупная промышленность резко расширяет свой рынок, еще глубже проникая в толщу крестьянства, но домашняя крестьянская и кустарно-ремесленная промышленность удерживает значительную часть покупательского спроса простого народа, потребности которого крупная промышленность не могла выполнить или считала невыгодным. Крестьянство с огромным многообразием традиционной культуры зачастую предпочитало более близкую по выполнению кустарно-ремесленную продукцию обезличенной и усредненной фабричной.

Между крестьянской и крупной промышленностью постоянно шла конкурентная борьба, многие фабриканты вопили истошным голосом о своей гибели и невозможности работать при низких ценах на кустарные изделия.

Гжатский купец Жуков писал в слезной записке Николаю Первому: «...в уезде образовались промышленники, называемые прасолами, разносчиками, ходебщиками и мужиками-фабрикантами, которые производят, не платя никакой гильдейской повинности, торговлю... Сверх того, в уезде существуют крестьяне-подрядчики, которые берут для выделки миткаля и плисов... При дворах они имеют рабочие светлицы, а за недостатком таковых раздают основу по деревням... а потому фабриканты,

старавшиеся об улучшении изделий, производством своим почти вовсе теперь не занимаются, ибо дело их перешло в руки крестьян... Подобными же промыслами занимаются и в разных уездах Москвы, и во Владимирской губернии, особенно в Шуйском уезде — там почти все крестьяне или фабриканты или разносчики. В одном селе Иваново крестьяне привозят на рынок до 50 тысяч штук миткалей. Теперь прибылых торговцев, вышедших из крестьян и мальчиков, гораздо больше двух третей против пригородных московских жителей...»

Крестьяне, работавшие на дому, и кустари зачастую были и продавцами своих изделий, что позволяло им еще более успешно конкурировать с крупной промышленностью.

Развитие частной инициативы путем отмены различных ограничений и запретов сопровождалось активной государственной политикой таможенного тарифного регулирования, имеющей преимущественно охранительный характер. Это означало ограничение допуска на русский рынок товаров, которые были способны серьезно конкурировать с отечественными. Конечно, это ослабляло волю к действию русских промышленников, но вместе с тем было неизбежно в условиях сохранения феодальных пережитков, не всегда позволяющих на равных конкурировать с западными товарами.

В 1829 году в Санкт-Петербурге была открыта Первая Всероссийская мануфактурная выставка, в которой приняли участие сотни русских предпринимателей. Вплоть до революции эта выставка проходила раз в четыре года попеременно в разных городах. Со второй половины XIX века Россия начала принимать активное участие во всемирных выставках с разнообразным ассортиментом своих изделий, международное жюри всегда высоко отзывалось о наших промышленных успехах. Экспертиза всемирных выставок показывала, что по качеству многих товаров, например, изделий бумагопрядильного и бумаготкацкого производства, парчи, газета, кумача, изделий из серебра и золота, Россия не только не уступала другим странам, но и превосходила их.

Символом русского предпринимательства XIX века стала семья старообрядцев Морозовых. Родоначальник семьи Савва Васильевич Морозов (1770-1862), крепостной помещика Н. Г. Рюмина, прошел длинный путь от пастуха, извозчика, наемного ткача на фабрике Кононова до владельца собственного шелкоткацкого заведения в селе Зуево Богородского уезда в 1797 году. В 1820 году Савва Морозов вместе с сыновьями выкупается на волю за 17 тысяч рублей. В 1820-1840-е годы Морозовы создали четыре хлопчатобумажных фабрики, которые уже тогда оценивались в 200-300 тысяч рублей. Во второй половине XIX века

фабрики вырастают в четыре огромные фирмы: «Товарищество Никольской мануфактуры Саввы Морозова сын и К », «Товарищество мануфактур Викулы Морозова с сыновьями в местечке Никольском», «Компания Богородско-Глуховской мануфактуры», «Товарищество Тверской мануфактуры бумажных изделий». Перед революцией собственные капиталы семьи составляли более 110 миллионов рублей, на предприятиях Морозовых 54 тысячи рабочих производили продукции примерно на 100 миллионов рублей .

Другим ярким выразителем русского предпринимательства XIX века была семья предпринимателей Мальцевых. Ее основатель Василий Мальцов создал свой первый стекольный завод еще в 1724 году. Следующие представители Мальцевых Аким и Фома построили ряд стекольных заводов и парусно-полотняных предприятий. Сын Акима Иван Мальцов купил металлургический завод в селе Людинове.

Возникает целый мальцовский промышленный район (смежные уезды Орловской, Калужской, Смоленской губерний), который уже руками замечательного русского предпринимателя Сергея Ивановича Мальцева превращается в центр российского машиностроения. На мальцовских предприятиях были изготовлены первые в России рельсы, паровозы, пароходы, винтовые двигатели. В 1875 году С. И. Мальцов организовал акционерное общество, включавшее около 30 предприятия — чугуно- и сталелитейные, стекольные, фаянсовые, механические, а также ряд других производств — лесопильное, кирпичное, полотняное, бумажное.

В целом темпы развития русского предпринимательства в XIX веке были просто поразительны. С 1802 по 1881 годы численность фабрик (без мелкого и кустарного производства) увеличилась с 2 423 до 31 173, а численность рабочих с 95 тысяч до 771. Только за 1804-1863 годы (даже при наличии крепостного права) производительность труда увеличилась почти в пять раз.

ЯРМАРКА КАК СЕРДЦЕ РУССКОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА

Мы уже рассказывали, что торговля Древней Руси носила в значительной степени ярмарочный характер. Конечно, по мере времени возникло много и других форм торгового предпринимательства, но эта традиция ярмарок стала сердцем русского предпринимательства, ибо ярмарки были для России своего рода биржами.

Было в России место, куда ежегодно в августе со всех концов страны и света стекалось огромное количество людей. Загодя плыли сюда баржи и парходы, тянулись поезда, бессчетные обозы и караваны... В сказочный срок возникали магазины, лавки, склады, трактиры, гостиницы, театры, цирки, балаганы...

Место было выбрано очень удачно при впадении Оки в Волгу и называлось Нижегородской Макарьевской ярмаркой, а в просторечии — Макарием, или Макарьевской.

Кого здесь только не было — русские промышленники и купцы, маклеры и агенты, кяхтинские торговцы чаем, армяне, торгующие калмыцкими тулупами, хивинцы и бухарцы с хлопком, немцы, англичане, французы, индийцы, местные кустари, крестьянские коробочники и офени со своим товаром.

Здесь можно было купить или договориться о покупке любого товара, производимого в России, заключить сделки — от небольшой до многомиллионной суммы на долгий срок, наряду с крупно оптовой торговлей была и мелочная — розничная, разносная.

Ярмарка товаров была одновременно и ярмаркой-смотром всех творческих сил, технических новинок, тут же рождалась предприимчивость, сколачивались артели, товарищества.

Ярмарка была самым чутким барометром экономической жизни и ее надежным регулятором. Именно здесь формировался баланс между спросом и предложением, производством и потреблением главных российских продуктов. На ярмарке отдельные, самостоятельные части, отрасли, виды деятельности гигантского хозяйственного механизма России связывались в одно целое, координировались, получали общественное признание или недоверие, определялись и направления развития по крайней мере на год вперед. По своему значению и размаху ярмарка могла быть сравнима только со всемирными выставками, часто опережая и их по масштабу торговых оборотов.

Нижегородская ярмарка, корни которой уходят в глубокую старину, задавала тон 18,5 тысячам местных ярмарок, существовавших во все времена года по всей России в семи тысячах населенных пунктов и игравших там роль такого же экономического регулятора и распределителя местного сельского хозяйства, ремесел и промышленности. Одна ярмарка следовала за другой, перерастала в третью — на Николу, на Спас, на Успенье, на Покров в губернских, уездных, штатных и заштатных городах, а также в больших селах и при монастырях. Зимой Сибирская ярмарка в Ирбите, осенью Крестово-Ивановская в Пермской губернии, весной Алексеевская — в Вятской, летом — Караванная в Казанской и много,

много других. Нижегородская ярмарка, прошумев шесть положенных недель в сентябре, как бы переезжала в Москву, где до конца месяца продолжался макарьевский торг и съезд покупателей, часто называемый вторым Макарием. Столь оригинальное и оперативное решение многих проблем было исторически обусловлено свободным, инициативным характером развития хозяйства в России, чуждым централизму и административному нажиму. Для русских предпринимателей ярмарка была одной из самых понятных, доступных и привлекательных форм хозяйственного общения, развивавшихся в рамках народных традиций и обычаев, в основе которых лежала крестьянская Русь.

ПОСТРОИТЬ ХРАМ

Мечтой жизни большей части русских предпринимателей было желание построить храм. Пройдитесь по старым русским городам — на каждой улице по церкви, а то и больше, и возведены они преимущественно на добровольные пожертвования купцов и промышленников. Так в сознании русского человека отражалась идея искупления за богатство, которое всегда связано с грехом.

Русская православная народная этика (имеющая, как это ни кажется парадоксальным, еще дохристианские корни) создавала атмосферу почитания идеалов добра, души, справедливости, правды и нестяжательства. Суть его заключалась в преобладании духовно-нравственных мотивов жизненного поведения над материальными. Народное понимание нестяжательства: «Лишнее не бери, карман не дери, души не губи» или «Живота (богатства) не копи, а душу не мори». Отсюда ясно, что дало основание Ф. М. Достоевскому писать, что русский народ оказался, может быть, единственным великим европейским народом, который устоял перед натиском золотого тельца, властью денежного мешка. К богатству и богачам, к накопительству русский человек относился недоброжелательно и с большим подозрением. Многие в народе считали, что любое богатство связано с грехом. «Богатство перед Богом большой грех». «Богатому черти деньги куют». «Пусти душу в ад — будешь богат». «В аду не быть — богатства не нажать». «Копил, копил, да черта купил».

Справедливо отмечает писатель В. Белов, что «в старину многие люди считали Божьим наказанием не бедность, а богатство. Представление о счастье связывалось у них с нравственной чистотой и душевной гармонией, которым, по их мнению, не способствовало стремление к богатству».

Православному русскому человеку была чужда идея стяжательства, богатства ради богатства — представления прогресса, как постоянного наращивания обладания все большим числом вещей и предметов. Идея прогресса как стяжательства русская духовная культура противопоставляет идею преобразования жизни через преодоление греховной основы человека путем самоотверженного подвижнического труда.

Труд в православной этике русского человека — безусловная добродетель, исполнение которой — высшее жизненное наслаждение, ибо посредством его он приближается к Богу, преодолевает свою греховную основу.

Писатель М. Горький, много беседовавший с известным русским предпринимателем миллионером старообрядцем Бугровым, отмечает, что о своей работе он говорил «много, интересно, и всегда в его речах о ней звучало что-то церковное, сектантское. Мне казалось, что к труду он относится почти религиозно, с твердой верой в его внутреннюю силу, которая со временем свяжет всех людей в одно необозримое целое, в единую разумную энергию, цель ее: претворить нашу грязную землю в райский сад». Не понимая духовную сущность отношения этого старообрядца к труду как святому делу и добродетели, характерному для мировоззрения Древней Руси, Горький пытается объяснить это по-своему, со своих каких-то поверхностно-западноевропейских технических позиций. Но главное здесь в том, что подобное отношение к своему делу было характерно для многих русских предпринимателей. И недаром самыми выдающимися русскими предпринимателями XIX-XX века стали выходцы из старообрядцев, которые в значительной степени сумели сохранить идеалы и традиции Святой Руси. Эти идеалы и жизненные принципы, заложенные в них, способствовали созданию гигантских семейных фирм, подобных фирмам старообрядцев Морозовых и Рябушинских...

Итак, труд как добродетель, а что же богатство? Богатство в этике коренных русских предпринимателей не самоцель и не только путь к наслаждению жизнью (хотя это и допускается), но прежде всего средство делать добро, служить людям. Только таким образом национальная психология русского человека смиряется с греховностью богатства.

И вот в течение веков русские предприниматели воздвигают в нашем Отечестве на свои средства десятки тысяч церквей и часовен, один перечень которых займет много томов.

На огромном числе зданий, больниц, школ, клиник, ночлежных домов, приютов, богаделен в Москве, Петербурге и в провинциях вплоть до 1917 года сохраняются имена их основателей — как правило, именитых купеческих фамилий.

Построить храм или богадельню — это самый традиционный путь покаяния и общественного служения, но кроме него в XVIII-XIX веках возникают и другие пути — меценатство, собирание больших библиотек, коллекций, художественных галерей. Причем тогда, когда большая часть дворянства и интеллигенции интересовалась, как правило, западноевропейской живописью, скульптурой, иностранными книгами, русские предприниматели первыми начинают собирать церковнославянские книги, иконы, разные предметы русской старины.

Интересу русского купечества к древней русской иконе и старопечатной книге мы обязаны тем, что для нас сохранились лучшие образцы этого искусства. А сколько церквей было не только построено, но и отреставрировано на средства купцов!

Московский купец Тихон Федорович Большаков (1794-1863) посвятил свою жизнь отысканию древних русских книг. Его стараниями составились известные собрания (вошедшие впоследствии в государственные фонды) Погодина, графа Строганова, графа Уварова, графа Толстого, князя Гагарина, графа Шереметева, князя Оболенского, Буслаева, Тихонравова, Барсова, Ундольского, Морозова, Солдатенкова. В Румянцевском музее Большаков собрал такое большое число древних рукописей, которые составили целый отдел. Среди рукописей, разысканных Большаковым, — знаменитый «Стоглав».

Другой московский купец Алексей Иванович Хлудов собрал огромную коллекцию древних рукописей, среди которых 60 памятников относились к XIV веку, были сочинения и переводы Максима Грека, полемические сочинения никониан и раскольников.

А таких собирателей в купеческой среде были сотни. Молельни и домашние церкви многих русских купцов представляли собой настоящие музеи.

Да и ведь музейное дело в стране было поставлено на хорошую ногу купцами и промышленниками. В Москве лучшие музеи были созданы на средства предпринимателей, взять хотя бы Третьяковскую галерею, Цветковскую галерею, музей западного искусства Щукина и Морозова, Музей русской иконописи Остроухова. А сотни музеев, особенно краеведческих, в губернских и уездных городах России!

К.Т. Солдатенков основал известное книгоиздательство, собрал коллекцию картин и подарил ее Румянцевскому музею, а после смерти оставил капитал на сооружение грандиозной больницы (в советское время получила название Боткинской) и на основание ремесленного училища для подготовки фабричных рабочих (Купеческого общества); Шелапутины, Медведниковы основали больницы и школы; К. С. Алексеев

(Станиславский) основал знаменитый Художественный театр, деньги на постройку здания которого дал С. Морозов; семья купцов Боткиных собрала великолепную художественную коллекцию; Морозовы известны не только финансированием Художественного театра и созданием музея западного искусства, но и созданием огромного собрания старинных русских гравюр и портретов. Семья Щукиных не только образовала музей новой живописи, но и большой музей русской старины, который передала Историческому музею, а также на свои деньги основала Психологический институт. Савва Иванович Мамонтов останется в истории России не только как строитель северной железной дороги, но и как основатель частной русской оперы. Вокруг Мамонтова в Абрамцеве сформировался кружок художников, ставший одним из центров возрождения русского искусства.

Семья Рябушинских внесла большой вклад в возрождение русского церковного зодчества, собиравшие богатейшие коллекции русской иконописи. Она финансировала художественный журнал «Золотое руно», мероприятия в поддержку русской авиации, экспедиции по освоению Камчатки. И этот список можно множить до бесконечности.

С полным основанием можно говорить, что русские купцы и промышленники материально подготовили тот расцвет национальной культуры, который наблюдался в конце XIX — начале XX века. Возрождение национальных русских форм в искусстве в то время, когда господствовали западноевропейские понятия о прекрасном, связано тоже с меценатской деятельностью купцов. Строительство церквей в русском стиле, возрождение русской духовной живописи, поощрение мастеров, создававших произведения в национальном духе, в значительной степени осуществлялось на средства русских предпринимателей.

По сути дела, русское купечество выполняло функции, которые в других странах лежали преимущественно на интеллигенции и образованном слое. Не здесь ли корень серьезного разлада между купечеством и интеллигенцией?

Горько сказать, но ведь это правда, что значительная часть российской интеллигенции с момента своего зарождения в XVIII веке не любила русского купечества, презирала его, гнушалась им. Примеров этому настолько много, что и приводить не хочется.

С легкой руки интеллигенции XVIII-XIX веков, воспитанной преимущественно на западноевропейских ценностях, русские предприниматели (особенно купцы), подобно крестьянам, подавались как существа отсталые, темные и невежественные. И если по отношению к крестьянам у интеллигенции было определенное снисхождение как к «эксплуатируемому» классу, то к предпринимателям только

недоброжелательство и зло. Их представляли закоренелыми плутами и мошенниками, постоянно нечистыми на руку и алчными как волки. По сути дела, такое отношение к отечественным предпринимателям (особенно купцам) было связано с тем, что они, как и крестьянство, были оплотом сохранения национального духа России, чего нельзя было сказать о значительной части российской интеллигенции, лишенной национального сознания. Поэтому с полной уверенностью можно утверждать, что такое отношение было формой проявления антирусских настроений нигилистической интеллигенции, создавшей себе миф о грязных и подлых «Тит Титычах». Здесь их мнение было солидарно с мнением антирусски настроенных иностранцев. Миф о бесчестности русских купцов распространяется в записках некоторых иностранцев, побывавших в России XVI-XVII веков, имеет объяснение больше в их психологии, чем в реальной жизни.

Большая часть иностранцев, приезжавших в Россию в XVI-XVII веках, были люди авантюрного, а порой даже мошеннического склада, люди, которым нечего было терять, их цель была ловля «счастья и денег». Причем на русских людей они зачастую смотрели как на объект наживы и нередко пытались их надуть. Всучить какую-нибудь дешевку за дорогую вещь — клинок, выкованный в немецкой деревне, за дамасскую сталь, кусок дерева, найденный на дороге, за святыню с Афона — было среди иностранцев довольно распространенным явлением. Поэтому и русские люди смотрели на них с недоверием и в целях обезопасить себя от обмана назначали цену с учетом риска.

«Если бы торговое сословие и в прежней Московии, и в недавней России, — отмечает исследователь русского купечества П.А. Бурьшкин, — было бы, на самом деле, сборищем плутов и мошенников, не имеющих ни чести, ни совести, то как объяснить те огромные успехи, которые сопровождали развитие русского народного хозяйства и поднятие производительных сил страны. Русская промышленность создавалась не казенными усилиями и, за редкими исключениями, не руками лиц дворянского сословия. Русские фабрики были построены и оборудованы русским купечеством. Промышленность в России вышла из торговли. Нельзя строить здоровое дело на нездоровом основании. И если результаты говорят сами за себя, торговое сословие было в своей массе здоровым, а не таким порочным, как его представляли легенды иностранных путешественников».

У русских предпринимателей существовал своего рода негласный кодекс чести, осуждавший все виды развития паразитического, ростовщического, спекулятивного капитала. По неписаному табу о рангах российские предприниматели делились на несколько групп, а точнее

на две почтенные и одну непочтенную, презираемую. К первой группе относились промышленники, фабриканты (даже мелкие), крупные торговцы-оптовики, имевшие, кроме того, свои промышленные предприятия, а позднее финансисты и предприниматели в области страхования и кредита. Ко второй — торговцы крупные, средние, мелкие, ведущие дело «по чести и без обмана». А к третьей, «презираемой», группе относилось большое количество всяческих жучков, спекулянтов, перекупщиков, процентщиков, пытавшихся нажиться путем различных махинаций и обмана. Отношение к этой категории двух первых было крайне отрицательно, как правило, их на порог не пускали и по возможности пытались всячески наказать. Большая часть дельцов третьей группы происходила из западных и южных губерний России. Кстати, на базе именно этих элементов пытались возродить предпринимательство при нэпе. К сожалению, подобного рода люди пытаются «возродить» предпринимательство и сегодня. Спекуляция, обман потребителей, финансовые мошенничества, получение средств через подставных лиц и подставные организации стало у нас бытовым явлением. Настоящие предприниматели начала нашего века с подобными явлениями боролись жестоко и беспощадно (об этом, в частности, пишет П. А. Бурыйшкин), ибо существование подобной паразитической волны подрывало кредит общества к предпринимателям в целом.

НА ПОРОГЕ ВТОРОГО ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ

Особый этап русского предпринимательства приходится на конец XIX — начало XX веков. Он связан с коренной структурной перестройкой российского торгового и промышленного потенциала. В стране наблюдается чувство подъема, созидательного энтузиазма.

Происходит обновление предпринимательства. Лидерство в деловом мире начинает постепенно переходить от фабрикантов традиционных отраслей (текстильных, переработки сельхозпродуктов и т.п.) к фабрикантам передовых технологий — машиностроения и металлообработки. Происходит гигантское усиление роли банков и страховых учреждений. Начинает преобладать акционерная форма предпринимательства.

Символом предпринимательства новой эпохи становится деятельность семьи Рябушинских и концерна Стахеева.

Рябушинские — выходцы из крестьян Калужской губернии — уже в середине XIX века организуют несколько небольших текстильных фабрик.

Во второй половине века они расширяют свою деятельность, строят хлопчатобумажные предприятия, занимаются кредитными операциями, проникают в льняную, стекольную, бумажную и полиграфическую промышленность. В годы первой мировой войны активно участвуют в развитии металлообрабатывающей промышленности, строят один из первых в России автомобильных заводов. Еще в 1904 году на средства Рябушинских строится аэродинамический институт в Кучино под Москвой, ставший одним из центров создания русской авиационной промышленности. В 1902 году Рябушинскими создается Банкирский дом братьев Рябушинских, реорганизованный позднее в Московский банк (самый крупный в России).

В 1910-1916 годы в России возникает крупнейшее предпринимательское объединение — концерн Стахеева. Он складывается на основе «системы участия», «личной унии» разнообразных предприятий, подчиненных единой системе управления и контроля путем сближения Русско-Азиатского банка с семейным предприятием торговым домом «И. Г. Стахеев» (город Елабуга). Концерн возглавили крупнейшие предприниматели России А. И. Путилов, П. П. Батолин, И. И. Стахеев. Концерн проводил широкую экономическую деятельность, включая в свою сферу хлебную торговлю (традиционная сфера Стахеева), металлургические заводы Урала и Подмосковья, нефтяные предприятия Эмбы, каменноугольные копи Сахалина, лесные компании Охотского моря, текстильные фабрики, среднеазиатский хлопок, маслобойную промышленность, железные дороги, флот, экспорт. К 1917 году сумма оборотов стахеевского концерна превышала 300 миллионов рублей.

Русские предприниматели осуществляют коренное техническое перевооружение промышленности. Доля производственного накопления в конце XIX — начале XX века составляла 15-20 процентов национального дохода. Капитальные вложения в промышленность росли гигантскими темпами. Только за 1885-1913 годы крупные акционерные предприятия увеличили свои фонды в 11 раз, несколько медленнее в мелких и средних предприятиях. Средний рост производственных фондов составлял 596 процентов, или 7,2 процента в год, выше, чем, например, в США.

Ускоренными темпами идет механизация производства, если в 1860 году в нашей промышленности действовало механического оборудования на 100 миллионов рублей, в 1870 году — на 350 миллионов рублей, то в 1913 году — почти на 2 миллиарда рублей, то есть ежегодно обновлялось около пятой части технического парка машин.

Вопреки устоявшемуся мнению о каком-то особом зависимом положении России от иностранного капитала, общий объем зарубежных

вложений в промышленность составлял не более 9-14% всех промышленных капиталов, то есть не больше чем в основных западноевропейских странах, что было связано с общей тенденцией к интернационализации капитала. Отечественные предприниматели определяли всю промышленную политику России. Иностранцы, как правило, допускались лишь в те отрасли, куда отечественная буржуазия еще побаивалась вкладывать свои капиталы. В стране было достаточно внутренних средств, чтобы вложить их в промышленность. Так, за 1885-1913 годы прибыль по отношению к основному капиталу составляла 16%, а реальный прирост основных капиталов — 7,2%, кроме прибыли, существовали и другие источники образования основного капитала в промышленности. Начиная с 1876--1880 годов вплоть до 1913 года Россия имела непрерывный активный торговый баланс. С 1886 по 1913 годы она вывезла товаров на 25,3 миллиарда золотых рублей, а ввезла только на 18,7 миллиарда рублей, т.е. обеспечила приток золота и валюты в страну на 6,6 миллиарда рублей. В этих условиях русский рубль был устойчивой конвертируемой валютой, которую высоко ценили иностранцы.

Темпы роста производства средств производства на частных русских предприятиях были в два раза выше темпов роста легкой и пищевой промышленности. В результате удельный вес производства средств производства достиг 43 процента всей промышленной продукции, 63 процента оборудования и средств производства, необходимых в промышленности, производились внутри страны, и только немногим более трети ввозилось из-за границы.

По темпам роста промышленной продукции и по темпам роста производительности труда Россия вышла на первое место в мире, опередив стремительно развивающиеся США. За 1880-1910 годы темпы роста продукции российской промышленности превышали 9 процентов в год. С момента отмены крепостного права по 1913 год объем промышленного производства вырос в 10-12 раз, а по отдельным показателям темпы роста были просто гигантскими — выплавка стали увеличилась в 2 234 раза, добыча нефти — в 1 469 раз, добыча угля — в 694 раза, производство продукции машиностроения и металлообработки — в 44 раза, производство химической продукции — в 48 раз. Торговля и общественное питание были одними из самых развитых в мире.

Таковы были плоды русского предпринимательства, обещавшие в будущем еще больший урожай. «К середине текущего века, — предсказывал французский экономист Э. Тэри, — Россия будет господствовать над Европой как в политическом, так и в экономическом и финансовом отношении». Катастрофа 1917 года уничтожила эти надежды, разрушила плоды труда предпринимателей многих поколений. Сегодня

многое придется создавать заново.

О. ПЛАТОНОВ

ДА УСТРОИТСЯ РУССКАЯ ЗЕМЛЯ!

СТРОГАНОВЫ

Историки XVIII века производили род Строгановых от татарского мурзы Золотой орды, основываясь на рассказе голландского ученого, бургомистра Николая Витзена, который свое повествование о происхождении Строгановых в свою очередь заимствовал у голландского же географа Исаака Масса, писавшего о России еще в 1609 году. Согласно этой легенде, родоначальник Строгановых близкий родственник татарского хана, по иным утверждениям — даже его сын, в XIV веке был послан на службу к великому князю Димитрию Донскому в Москву, где, прилежно рассуждая о вере Христа Спасителя, пожелал принять закон христианский и при крещении был наречен Спиридоном. Мурза вообще был по сердцу Димитрию Иоанновичу, «крещения же ради великий князь паче его возлюбил и одарил по достоинству многими дары», выдав за него, между прочим, свою близкую родственницу (по одной версии — дочь, по другой — племянницу). Тот же Витзен повествует, что Спиридон первый будто бы ввел между русскими употребление татарских счетов. Узнав о крещении мурзы, хан потребовал его возвращения, затем выдачи, но в обоих случаях получил отказ и, «сим ответом не быв доволен... послал на границы российские множество вооруженных татар и повелел разорить российские заселения огнем и мечом». Димитрий Донской выслал против них «знатный отряд» под предводительством Спиридона; произошла стычка, и хотя «россияне и сильное действие имели», тем не менее были разбиты, а Спиридон был взят в плен. Сделав безрезультатные попытки склонить его к принятию старой веры, хан велел «привязать его к столбу, тело на нем изстрогать, а потом, всего на части изрубя, разбросать», что и «делом было тотчас исполнено». Дата мученической кончины Спиридона в составленной при Петре Великом родословной Строгановых отнесена к 6903 или 1395 году. Родившийся вскоре после его смерти сын его был наречен Козьмою, а по фамилии в память мученической кончины отца прозван Строгановым (от слова «строгать»).

Это легендарное сказание без должной критической оценки было повторено историками Г. Ф. Миллером и М. М. Щербатовым. Н. М. Карамзин первый высказал сомнения в его верности, по крайней мере в некоторых частях: признавая происхождение Строгановых из орды, факты строгания и введения счетов он считает несомненной басней. Более

определенно и веско высказался по этому поводу Н.Г. Устрялов. Гораздо вероятнее, по его мнению, другое предание, сохранившееся в одном сборнике Кирилле-Белозерского монастыря; согласно ему, род Строгановых происходит от стародавней новгородской фамилии Добрыниных; по меньшей мере, несомненно то, что в уездах Устюжском и Сольвычегодском, старинных новгородских областях, Строгановы с незапамятных времен владели обширными оброчными статьями. Последующие историки окончательно отвергли легенду о мурзе-родоначальнике, и теперь большинством принято, особенно на основании доказательств, приведенных Ф.А. Волеговым, что Строгановы — выходцы из Великого Новгорода, родоначальником же их был действительно некий Спиридон, живший во времена Димитрия Донского.

Несколько более достоверные сведения сохранились о внуке Спиридона Луке Козьмиче и правнуке Федоре Лукиче с детьми: Степаном, Осипом, Владимиром и Аникою, около 1488 года из Новгорода переселившемся на новые места, именно в Сольвычегодске. Вскоре после этого, будучи уже в преклонном возрасте, Федор Лукич принял иночество с именем Феодосия и около 1493 года скончался. Старшие его три сына умерли бездетными и каких-либо заметных следов своею деятельностью не оставили по себе. Наоборот, младший из них, Аника, предприимчивый, энергичный и умный, своими умелыми действиями положил твердое и прочное основание родовым богатствам, которые еще более расширились при сыновьях его — Якове, Григории и Семене, ставших родоначальниками трех ветвей рода. Старшие две линии вскоре угасли. Сын Якова Аникиевича Максим имел троих детей, из которых два старших сына, Владимир и Максим, умерли бездетными (последний около 1650 года), а младший Иван имел единственного сына Даниила, последнего из мужчин этой линии, имевшего лишь двух дочерей, Стефаниду и Анну. Еще ранее угасла средняя линия, вторым и последним представителем которой был единственный сын Григория Аникиевича, Никита Григорьевич, скончавшийся холостым. Осталась только младшая ветвь, родом от Семена Аникиевича. Его второй сын Петр Семенович имел многих детей, из которых только один сын Федор Петрович достиг зрелого возраста, но мужского потомства не оставил; остальные же дети Петра Семеновича скончались в молодых годах. Старший же сын Семена Аникиевича Андрей Семенович оставил наследником Дмитрия Андреевича, единственный сын которого Григорий Дмитриевич остался единственным представителем всего рода и, получив имущественные части от угасших двух старших линий, в своих руках объединил все громадные родовые богатства.

Первоначально Строгановы имели земли только в Сольвычегодском крае, которые путем покупок были значительно расширены; однако самые

главные земельные приобретения образовались у них из мест, пожалованных им многочисленными и разновременными грамотами московских государей. Уже 9 апреля 1519 года им была дана грамота на соляные промыслы, «дикие леса и Соль Кочаловскую в вечное владение» — в Сольвычегодском крае. Во второй половине XVI века они распространяют свои владения и в Перми Великой. Первая жалованная грамота на великопермские земли была дана им 4 апреля 1558 года, вторая — 2 февраля 1564 года при жизни Аники Федоровича. Этими двумя грамотами, положившими основание владений Строгановых в Перми Великой, им были пожалованы обширные земли по берегам Камы, протяжением в 146 тогдашних «немереных» верст. Вслед за этими дарами посыпались и другие. По вычислению знатока истории рода Строгановых, Ф. А. Волегова, основанному на архивных данных, разновременно пожалованные им земли составляли: в Перми Великой — по грамотам 4 апреля 1558 года и 2 февраля 1564 года — 3 415 840 десятин; 25 марта 1568 года по реке Чусовой — 1 129 218 десятин; 7 апреля 1597 года (при Федоре Иоанновиче) по Каме — протяжением в 254 версты и площадью в 586 382 десятины; 15 сентября 1615 года (при Михаиле Федоровиче) опять по Каме — 163 280 десятин; по грамоте 1685 года (при Иоанне и Петре Алексеевичах) по реке Веслянке — 604 21 У десятин; 29 сентября 1694 года по реке Лологе — 254 741 десятину и 2 июля 1701 года отданы Зырянские промыслы в 3 634 десятины. Кроме того, грамотой от 30 мая 1574 года пожалованы им также обширные земли за Уральским хребтом — 1 225 049 десятин. А всего — 10 382 347 десятин.

Сначала земли жаловались Строгановым лишь во временное владение, но каждый новый государь при восшествии на престол неизменно подтверждал их права на все прежде им пожалованное; всесильный же современник Петра Великого, Григорий Дмитриевич Строганов, исходатайствовал у этого государя грамоту, утверждающую его и его наследников в вечном владении всеми местами. В этих дарах правительство зашло настолько далеко, что впоследствии, в конце XVIII и начале XIX века убедившись в своей ошибке, само было вынуждено вести со Строгановыми в интересах казны продолжительные и сложные земельные процессы в результате которых в разное время у Строгановых было отнято 3 743 282 десятины. При таких условиях тягаться со Строгановыми мелким чердынским и усольским людям не было никакой возможности; отсюда становится легко понятным один из способов их утверждения на землях — способ захватный. Есть даже сведения, что Яков Аникиевич таким путем присвоил себе свыше 3 1/2 миллиона десятин. Жалованные Строгановым земли официально считались в большинстве случаев «пустыми», на деле же были заселены, хотя и весьма слабо,

различными инородческими племенами, которые, относясь к новым владельцам вначале довольно равнодушно и пассивно, по мере распространения их могущества и роста испытываемых притеснений стали защищать свои древние права часто с оружием в руках. Отсюда многочисленные стычки, а иногда и форменные кровопролитные войны, происходившие между местными аборигенами и первыми представителями Строгановых и заполнившие собою вторую половину XVI и первую XVII столетий истории Пермского края. Борьба между разрозненными полудикими инородцами и Строгановыми, владевшими дисциплинированной и удовлетворительно вооруженной военной силой, была, понятно, неравной, и каждая новая вспышка ее кончалась или уходом туземцев в глубокие лесные дебри, или же, что чаще, порабощением их, в то время как могущество Строгановых параллельно с этим возрастало: «Это была целая эпопея в истории землевладения в Перми Великой», — характеризует этот период А. И. Дмитриев.

Строгановы оказались прекрасными колонизаторами. Со времени их утверждения на Верхней и Средней Каме русский элемент в этом крае стал прибывать особенно быстро. Привлекая разного рода льготами нетяглых и бесписьменных людей, Строгановы весьма успешно стали населять прибрежные полосы Камы, Чусовой и других рек. Соседство беспокойных туземцев и воинственных татар заставило их прибегнуть к постройке «городков», «острожков», т.е. небольших крепостей. В последних они на свой «кошт» держали «пушкарей, пищальников и воротников» для «бережения от ногайских людей и других орд». С самого переселения на Урал Строгановы начали заниматься вываркою соли, продолжая в более широких размерах это дело и в Перми Великой. Это был один из первых видов добывающей промышленности вообще в России, а для Строгановых самый существенный и важный источник их больших доходов. Также весьма важным источником доходов служила для них начатая Аникою Федоровичем и его наследниками продолженная меновая торговля с инородцами, жившими за Уралом, которая имела еще и то историческое значение, что, основательнее познакомила Строгановых с бытом, нравами и жизнью вообще сибирских жителей и зародила у них мысль о возможности овладеть Сибирью. Постоянные угрозы со стороны сибирского хана Кучума, для отражения нападений которого нужно было иметь значительную вооруженную силу, заставили сына Аники, Семена, и его же внуков Максима Яковлевича и Никиту Григорьевича в 1578 году предпринять под угрозой царского гнева известный, чреватый историческими последствиями шаг — призвать «удалых людей», волжских казаков, во главе с Ермаком, а затем, снабдив их необходимыми припасами, послать в 1581 году походом на Сибирь. Это одна из самых блестящих

страниц в истории рода Строгановых. Те же Максим Яковлевич и Никита Григорьевич много помогали московским государям денежными средствами и ратною силою. За эти важные заслуги они, а также и потомки Семена Аникиевича в 1610 году Василием Шуйским были пожалованы исключительно им присвоенным особым званием «именитых людей» и правом называться и писаться полным отчеством — с «вичем». Денежную и ратную помощь оказывали московским государям и дальнейшие представители рода Строгановых, особенно в тяжелое для Московского государства Смутное время, когда в казне часто не было средств для уплаты жалования ратным людям. В одной из жалованных грамот Петра Великого вычислено, что Строгановы во время междоусобицы и при Михаиле Федоровиче пожертвовали деньгами 841 762 рубля, что на современный счет составит около 4 миллионов рублей. В звании особого почетного сословия, именитых людей, Строгановы пользовались многими преимуществами — неподсудностью обыкновенным властям (подлежали только личному царскому суду), правом строить города и крепости, содержать ратных людей, лить пушки, воевать с владетелями Сибири, вести беспощинную торговлю с азиатскими и иными инородцами, самим судить своих людей, льготой от всяких постоев, многих податей и денег, свободой от личной присяги и пр. В административном и судебном отношении вотчины Строгановых, занимавшие добрую половину Перми Великой, представляли нечто самостоятельное, неподвластное государевым наместникам и воеводам. Это было как бы вассальное государство со своими законами, установлениями, распорядками и управлением. Именитые владетели имели исключительное право чуть ли не по всем делам сноситься непосредственно с центральными государственными учреждениями в Москве, минуя местную администрацию. Строгановы пользовались большим почетом при дворе. В «Соборном Уложении» 1649 года Алексея Михайловича права Строгановых фиксированы были даже в особой статье (ст. 94, глава X).

Григорий Дмитриевич был последним «именитым человеком». Его трое сыновей Александр, Николай и Сергей Петром Великим за заслуги предков в 1722 году были возведены в баронское достоинство. Они первые в роде поступают на государственную службу и начинают вести придворный образ жизни. Старший из них мужского потомства не оставил. Родовая линия, происшедшая от Сергея Григорьевича, имела всего лишь три поколения:

Александр Сергеевич, первый граф в роде, возведенный в это достоинство австрийской императрицей Марией Терезией в 1761 году, а затем в то же достоинство Российской империи Павлом I в 1798 году, его сын граф Павел Александрович, известный участием в заседаниях

«Негласного комитета» при императоре Александре I и военными подвигами, и сын Павла Александровича, Александр Павлович (1795-1814), рано убитый в битве под Красном. Средний сын Григория Дмитриевича, Николай Григорьевич, имел многочисленное потомство, представители которого живы и поныне. Из его трех сыновей старший, барон Григорий Николаевич (1731-1777), тайный советник, умер бездетным; второй, барон Сергей Николаевич (1738-1777), бригадир, имел единственного сына, гофмаршала Александра Сергеевича (1771-1815), потомства не оставившего. Третий из них, барон Александр Николаевич (умер 13 марта 1789 года), действительный тайный советник, имел сына Григория Александровича (1770-1857), впоследствии графа и члена Государственного совета. Дети последнего, Николай и Алексей Григорьевичи, умерли молодыми, Валентин Григорьевич (1801-1833) дослужился до штаб-ротмистра кавалергардского полка и умер бездетным, четвертый из них — граф Сергей Григорьевич (1794-1882), женившийся на дочери Павла Александровича Строганова и от него унаследовавший графский титул; наконец, пятый сын Григория Александровича, граф Александр Григорьевич (1795-1891), также был членом Государственного совета. Из сравнительно недавно умерших представителей рода Строгановых следует назвать еще сына Сергея Григорьевича, известного нумизмата графа Александра Сергеевича (1818-1864) и сына Александра Григорьевича, шталмейстера Григория Александровича (1824-1879), бывшего женатым на великой княгине Марии Николаевне .

Строганов Лука Кузьмич, живший в XV веке, внук родоначальника Строгановых, Спиридона. Из «судейского списка», напечатанного в «Актах Археографической Экспедиции» (т. I, стр. 74), видно, что он пользовался правом оброка с большей части Двинской земли, принадлежавшей московским государям, и при Иоанне III отыскивал свои права на двинских бояр, которые, по всей вероятности, во время новгородских смут присвоили его оброчные земли, в состав которых входили, между прочим, Холмогоры, Падрин Погост, Матигорская лука, о. Кур (родина Ломоносова), Нелокса и др. В истории удельной Руси имя Луки Кузьмича связано с выкупом из татарского плена великого князя Василия Васильевича Темного. В грамоте, данной 24 марта 1610 года царем Василием Ивановичем Шуйским потомкам Луки Кузьмича, Максиму Яковлевичу Строганову с двоюродными братьями, говорится, что один из их предков, — по позднейшим исследованиям, не кто иной, как Лука Кузьмич, — выкупил Василия Темного «по великому к нему усердию, знатною суммою денег, не жалея своих пожитков». Данные летописей о времени этого события не совсем согласны; большинство их относят его к 1446 году, меньшинство — к 1445. Остается неизвестным, выкупил ли Строганов великого князя

единолично на свои средства или же лишь участвовал в этом выкупе, который, по выражению летописца, дорого стоил всему московскому государству. Карамзин и А. В. Экземплярский склонны принять первое предложение. Точно так же расходятся летописи и относительно размеров внесенной суммы. В «Никоновской летописи» говорится, что Василий Темный под крестным целованием обещал в виде выкупа дать «сколько может»; в «Новгородской летописи» указывается: «Царь Махмет взя на нем (Василии) окупа 200 000 рублей, а иное Бог весть»; в «Псковской» — «Князь великий окуп посулил от золота и серебра, и от портища всякого, и от коней, и от доспехов 29 500 рублей». После себя Лука Кузьмич оставил единственного сына Федора.

Строганов Аника (Иоанникий, в иночестве Иоасаф) Федорович, распространитель солеварения в Сольвычегодске и Перми Великой, колонизатор прикамских земель, младший из четырех сыновей Федора Лукича Строганова, родился в 1488 году в Новгороде, откуда его отец со всей семьей около этого же времени переселился на новые места, в Сольвычегодск. По смерти своих старших братьев, Стефана, Иосифа и Владимира, не оставивших потомства, и отца, скончавшегося в иночестве, Аника Федорович остался единственным представителем рода и владельцем значительных земельных поместий, нескольких соляных варниц и пр. Ближайшей его заботой было продолжить и улучшить начатую еще отцом разработку соли в Сольвычегодске; принятые им меры оказались «предпреемным действительнее», варницы он привел в «лучшее прибыточное состояние» и в непродолжительном времени стал получать от них «знатную прибыль». Когда же подросли его сыновья, Яков, Григорий и Семен, и в Сольвычегодске для деятельности всех стало тесно, он, усмотрев в Кольской губе богатые солью места, построил и там варницы, которые в течение долгих лет считались самыми доходными и обильными.

В начале царствования Иоанна IV Анике Федоровичу была выдана грамота, которой он был уполномочен наблюдать за тем, чтобы проезжающие из Архангельска в Москву английские и иные иноземные купцы не смели продавать свои товары в розницу, а лишь оптом, чтобы они не покупали пеньки и из нее не вили канатов, и далее, чтобы земские люди «железоделаемых домниц» не имели и иностранцам не продавали железа; на него возложена была также обязанность ежегодно отправлять в Москву составленные им ведомости о том, сколько и какого именно корабельного лесу куплено англичанами и какими вообще они торгуют товарами; наконец, ему было поручено из привозных «немецких» товаров «что надлежало по вольной цене покупать и ко двору в Москву посылать». Аккуратное и добросовестное исполнение им этих поручений засвидетельствовано тремя грамотами от 1552, 1555 и 1560 годов. Кроме

торговых дел, поручались Строганову и другие, что видно, например, из грамоты 18 мая 1562 года, в которой ему предписывалось собирать с сольвычегодских посадских и других людей оброчный хлеб и для его бережения построить особые житницы.

Свои обширные доходы Строганов получал не столько от соляных промыслов, сколько от торговли с иностранными купцами, приходившими к нему с «заморскими» товарами, и с туземными инородцами, от которых он в обмен часто на разные безделки приобретал «мягкую и дорогую рухлядь», т.е. меха. Прослышав о том, что эти товары в большом изобилии имеются у жителей за Уральским хребтом, Строганов снарядил экспедицию из десяти человек и отправил ее в Сибирь, поручив ей завязать торговые сношения с тамошним населением и, кроме того, наказав ей подробно и «с крайним прилежанием проведать о всех обстоятельствах», касавшихся сибирских инородцев, а возвратясь — «обстоятельно ему о том сказать». Когда же посланные пришли обратно «во всякой целости, с радостными известиями и не малым прибыточным товаром», Строганов сообразил все открывающиеся выгоды от торговли с зауральскими туземцами и в следующем году отправил к ним некоторых из своих родственников и доверенных лиц с разным мелочным товаром и с приказанием, чтобы они «внутри той земли жительство их (инородцев) еще далее проведать старались». Перейдя за Уральский хребет, новые посланные встретили на Оби остяков и других туземцев и, «весьма дружелюбно поступаая и лаская их», выменяли у них на свои дешевые товары дорогие меха соболей, лисиц и пр. Завязанные таким образом торговые сношения с зауральским населением еще более увеличили и без того значительные богатства Строганова и дали ему возможность расширить свои владения путем покупки земель в Печезерском и Колоторском уездах, в целом ряде волостей и приходов на Устюге и других местах; он построил также несколько церквей, в том числе великолепный храм в Сольвычегодске, и сделал значительные пожертвования по монастырям.

Голландцы Исаак Масса и Николай Витзен в своих повествованиях о России (1609 и 1666 годов) утверждают, что Аника Федорович первый из русских открыл путь для торговых сношений с Сибирью, но это едва ли верно в буквальном смысле; несомненно, что и до него меновая торговля с сибирскими инородцами практиковалась отдельными лицами, но последние вели ее втайне и всячески старались скрыть, боясь соперничества; Строганов же, «не в пример другим», не только не сделал из этого тайны, но в 1557 году поехал в Москву и объявил при царском дворе о выгодах этой торговли, а также о тех сведениях, которые ему удалось добыть о сибирских инородцах и о Сибири вообще. Тот же Витзен говорит,

что Аника Федорович ездил в Москву с вестью о «новой, им открытой земле», приписывая ему, таким образом, открытие Сибири, что, конечно, ошибочно, ибо Сибирь, во всяком случае ее отдельные части, были известны еще значительно раньше и Новгороду, и Московскому государству, а некоторые земли даже писались в титуле московских государей. В относительной важности добытых им сведений, по-видимому, не заблуждался и сам Строганов, нисколько не претендуя на такое важное открытие; по крайней мере, анонимный историк рода Строгановых, повествующий о деяниях его представителей в панегирическом тоне, конечно, не преминул бы подчеркнуть эту заслугу Анике Федоровичу, найди он на это хотя бы какие-либо данные в старинных фамильных документах, которыми он преимущественно пользовался. Однако он скромно говорит о поездке Строганова с целью донести лишь об открытии им возможности вести торговые сношения с Сибирью. Во всяком случае, сообщениям Строганова при дворе было придано важное значение, и вскоре после этого в Сибирь стали посылаться купцы и послы.

Донесение свое Строганов сделал, однако, далеко не бескорыстно, выпросив себе за него «немалое награждение», именно — громадную площадь сравнительно малообитаемой, но «всем изобильной и к поселению весьма способной» земли по Каме в Перми Великой. В поданной об этом просьбе он писал, что по правой стороне Камы против Пыскорской курьи и по обе стороны ее до реки Чусовой есть «места пустыя, леса черны и озера дикие, острова и наволоки пустыя на 14 верст; а прежде на том месте пашни не пахиваны, и дворы не ставливаны, и в царскую казну пошла никакая не бывала, и в писцовых, купчих и в правящих книгах те места ни за кем не записаны»; получив земли, он обещает поставить там городок, а «на городке пушки и пищали учинить для бережья от ногайских и иных орд... и по рекам до вершин, и по озерам лес сечи, и пашни расчистя пахати, и дворы ставити, и людей называть неписменных и нетяглых, и росолу искать, и варницы ставить, и соль варить». Убедившись из расспросов бывшего тогда в Москве пермского жителя Кадаула в том, что просимые Строгановым земли действительно необитаемы, Иоанн грамотою от 4 апреля 1558 года на имя среднего сына Аники Федоровича, Григория, пожаловал их, общию сложностью 3 415 840 десятин, в пользование роду Строгановых, причем сверх просимых льгот дал владельцам еще право в течение ближайших 20 лет беспошлинно вести торговлю, но ограничил их в «делании руд»: «буде найдут руду серебряную, или медную, или оловянную, их не делать», а тотчас отписывать об этом государевым казначеям. Профессор Фишер предполагает, что главным побудительным мотивом для Строгановых при испрошении этого дара было его желание расширить хлебопашество, которое он вел и раньше в значительных

размерах у Сольвычегодска, но в его увеличении был ограничен недостатком пригодной земли.

Получивши грамоту, Строганов тотчас возвратился в Сольвычегодск, откуда, оставив на месте младшего сына, Семена, сам с двумя старшими детьми, Яковом и Григорием, в непродолжительном времени переехал на новые земли, взяв туда для поселения часть крестьян и вольных людей. На новом месте он прежде всего высмотрел удобное место для поселения и, нашедши пригодную для этого горку на правом берегу Камы, при впадении в нее речки Верхней Пыскорки, построил там городок Камгорт, или Канкор, укрепил его и оборудовал пушками и пищалами с целью защиты от кочующих орд. В 1560 году в одной версте ниже Камгорта был начат постройкой монастырь во имя Преображения Господня, существующий и поныне под названием Пыскорского, которому после пожертвовал для поминовения царского рода «ближние места» к нему — земли от реки Лысьвы до реки Нижней Пыскорки с разными угодьями и несколькими варницами. В 1564 году Строганов нашел более удобное место для поселения, в 20 верстах от прежнего по течению Камы, к тому же богатое соляными залежами, и основал там другой городок, который тогда же царской грамотой был записан за его старшим сыном, Яковом; наконец, в том же 1564 году на правой стороне Камы, на Орловском мысу был отчасти им, а главным образом Григорием, возведен и третий городок, также снабженный «боевым снарядам» и названный Каргеданом, — название, впрочем, не привившееся и народной молвой замененное другим — Орел. Двадцатилетняя льгота от всяких повинностей и другие вольности, данные Строганову для более успешной колонизации края, привлекли туда многих безземельных, нетяглых и особенно неписменных и беглых людей, которые быстро стали заселять почти безлюдные места, начали расчищать из-под дремучих лесов земли, запахивать их и работать — на вновь открываемых Строгановым соляных варницах. Грамотой от 16 августа 1566 года Строганову были даны новые льготы: вместе «с детьми, городками и промыслами» он был взят в опричину, или в «собственную его величества протекцию», что означало освобождение от земского ведения и давало право по всем делам, кроме уголовных, быть судимым только государем или особо им назначенными лицами. Через два года после этого ему вновь были пожалованы обширные земли вниз по Каме от устья реки Чусовой, протяжением всего на 20 верст, «с реками, падунами и озерами, рыбными и звериными ловлями»; новые места были получены Строгановыми на тех же льготных условиях, как и прежние, почему и их колонизация пошла также успешно.

В построенных по Каме городках Строганов стал в обширных размерах вываривать соль, которую отправлял вверх и вниз по Каме, Чусовой и

Волге — в Казань, Нижний Новгород и другие, более мелкие города, а также сбывал ее на месте «вольною и договорною ценою» приезжавшим к нему из разных мест купцам. Имея право на беспошлинную торговлю и в качестве чуть ли не единственного, по крайней мере крупного, солеварителя устанавливая «вольные» цены, Строганов от этого дела нажил весьма «знатную пользу». Вместе с тем он и на новых местах не только не прекратил, но еще более расширил торговлю с сибирскими инородцами, главным образом с вогуличами, приобретая у них задаром дорогие собольи, куньи и лисьи меха. При таких условиях богатство его быстро росло, и слава о нем ширились...

Упомянутый выше анонимный историк рода Строгановых приписывает Анике Федоровичу, первому из русских, мысль о покорении Сибири. «Аникий вел на мысли своей, — говорит он, — великое намерение: не возможно ль ему, каким было образом, столь близко лежащую от российских границ землю Сибирскую или часть оной... присовокупить к Российской державе и тем бы принести знатную услугу государю и отечеству, и о сем тайно разговаривал и рассуждал с детьми своими, каким бы образом сыскать он мог способ к сему предприятию...; но толь великое славное дело сие начать он не мог, ниже дети его...»

Строганов был женат два раза; первая жена, Мавра, умерла в 1544 году еще в Сольвычегодске; вторая (имя неизвестно) — в Камгорте в 1567 году (родилась в 1510 году). После кончины второй жены Строганов, уже глубокий старик, оставил Каму и переехал в Сольвычегодск к младшему сыну, Семену, но, пожив у него недолгое время и почувствовав «тягость старости своей и в силах своих умаление», принял иночество под именем Иоасафа. В монастыре он вскоре заболел и в 1570 году умер, 80 лет и 10 месяцев от роду.

Строганов Григорий Аникиевич, второй сын Аники Федоровича, вместе с ним и старшим братом Яковом переселившийся из Сольвычегодска в Пермь Великую весной 1559 года. Год рождения неизвестен. Впервые упоминается в грамоте 1556 года, данной Иоанном IV его отцу; в ней, между прочим, говорится: «Велел есми сыну твоему Григорию на Устюге, в Перми и в иных наших городах искать руды медные, и ты бы (Аника) его на то дело отпустил». Сохранились сведения, что Григорий Аникиевич потратил немало труда и времени сначала в Сольвычегодске, а затем и на Каме для того, чтобы найти руду и тем угодить царю, желавшему иметь медь русского производства, но поиски его, по незнанию свойств искомой руды и отсутствию опытных в этом деле людей, успеха не имели. Незадолго до переезда на Каму, именно в 1558 году, Григорий Аникиевич с отцом ездил в Москву и там 4 апреля этого года получил на свое имя грамоту, которой ему жаловалась громадная

площадь земли по обе стороны Камы от реки Лысьвы до Чусовой, протяжением на 146 верст, и по притокам Камы справа и слева, общей площадью в 3 415 840 десятин, со всеми угодьями, лесами и ловлями; на месте «крепком и осторожном» ему было позволено поставить «городок», всюду, где окажется возможным, разрешено строить соляные варницы и основывать слободы с правом призывать в них разного рода и звания людей, и дана была 20-летняя льгота от неплатежа податей, оброков и земских повинностей; сверх того, он сам и все его люди на этих местах были освобождены от суда и ведомства пермских наместников («ведать и судить своих слобожан во всем Григорию»); «кому же будет дело до него, тот прежде испросит управную грамоту, и тогда Григорий явится в Москву бесприставно на суд царский». Грамота эта подписана окольным Федором Ивановичем Умного, известным любимцем Иоанна Алексеем Федоровичем Адашевым, казначеем Федором Ивановичем Сукиным и хозяином Тютиным. В 1564 году за Григорием Аникиевичем был записан построенный им совместно с отцом городок Орел. Пока на Каме жил Аника, Григорий Аникиевич вместе с братом Яковом хотя и принимали участие в постройке острожков и городков и во всех хозяйственных делах, но в общем играли подчиненную роль. Только после отъезда отца в 1567 году к младшему сыну Семену они, оставшись в Перми Великой, стали полновластными распорядителями и инициаторами дальнейших мероприятий по колонизации края. В 1568 году на пожалованных Якову землях братья поставили по Чусовой, Сылве и Яйве ряд острожков, в том числе Чусовский городок с крепостной стеной, снабдили их «всяким военным скорострельным снарядом», завели ратную дружину, поставили слободы и соляные варницы и, привлекая всякими льготами людей, обещая, по выражению Карамзина, «богатые плоды трудолюбия, добычу смелости», успешно и довольно быстро населили пустынные до тех пор места. Вскоре по смерти отца (1570 год) Григорий Аникиевич и Яков сделали крупные пожертвования землями за поминовение царского рода и усопших представителей своего рода в разные монастыри, особенно в Пыскорский, которому были отданы и некоторые весьма доходные соляные варницы. Незадолго до этого пермские владения Строгановых стали подвергаться систематическим нападениям со стороны вогуличей и остяков, почему Григорий Аникиевич и Яков, имея в сравнении с обширностью своих земель недостаточное количество оборонительных средств и укрепленных мест, в 1570 году обратились к Иоанну с просьбой о разрешении построить новые городки, — «ради пресечения опасности с вогульцами соседства и для приведения их под Российскую державу», и по получении соответственной грамоты тотчас возвели два «крепких острожка» — Яйвенский и Сылвенский, — «чтобы им (вогульцам) к государевым

пермским городам пути не было». Однако опасность вскоре стала угрожать и с другой стороны, именно от окрестных татар и черемис, которые в качестве исконных владельцев пожалованных Григорию Аникиевичу в 1558 году земель, постепенно вытесняемые и ограничиваемые в своих правах на звериные и рыбные ловли, стали все чаще показывать признаки своего недовольства; в 1572 году среди них вдруг вспыхнуло восстание, к которому присоединились и некоторые другие племена, или в настоящем чувствовавшие тягость нового соседства, или опасавшиеся ее в ближайшем будущем. Сначала они мелкими отрядами стали нападать на русских купцов, шедших к Строгановым по торговым делам, убивали их и «животы грабили», а затем соединенными силами обрушились и на владения братьев, убили 487 человек, многих взяли в плен, сожгли и ограбили несколько деревень и починков. Застигнутые врасплох, Григорий Аникиевич и Яков не могли оказать им повсюду решительного сопротивления, но это восстание побудило их просить у царя позволения не только защищаться в случаях нападения на них, но и самим, когда окажется нужным, идти наступательным походом против инородцев с целью «приводить их под царскую руку». Получив разрешение, братья избрали «голову добра», дали ему «охочих казаков», присоединили к отряду многих мирных остяков и вогуличей и в свою очередь напали на успокоившихся уже «бунтовщиков» совершенно для них неожиданно; в результате — «тех изменников скоро повоевали, жилища их разорили, многих убили, а оставшихся — мирными учинили». Этот поход, сопровождавшийся со стороны туземцев большими жертвами, надолго усмирив всех окрестных инородцев.

Вскоре после смерти отца между Григорием Аникиевичем и Яковом, с одной стороны, и младшим их братом Семеном, жившим в Сольвычегодске, с другой, возникла острая вражда, причины которой остаются неизвестными. Дело дошло до царского суда, которым Семен в 1573 году был признан виновным и старшим братьям «выдан головой».

1573 год был особенно богат событиями в жизни Григория Аникиевича и Якова. Летом этого года в их владениях по неосторожности некоего келейника Трифона, жившего отшельником в лесных делянках, вспыхнул грандиозный пожар, уничтоживший огромную площадь леса и крупный запас дров; на их земли напали орды сибирского хана Кучума, который, встревоженный слухами о том, что Строгановы возводят укрепленные поселения все ближе к Сибири, послал своего брата Маметкула, поручив ему разведать о новых укреплениях по Каме, сжечь их, если возможно, и истребить жителей. Предводительствуя значительным отрядом из татар, зауральских остяков, вогуличей и пр., Маметкул 2 июня внезапно обрушился на чувовский городок Кангор, здесь особенного успеха не имел,

но в окрестностях его умертвил многих из покорившихся русским туземцев, многих пленил, в том числе и случайно схваченного «государева посланника» Третьяка Чебукова. Узнав же о большом отряде, высланном против него Григорием Аникиевичем и Яковом из Чусовской крепости, Маметкул повернул обратно и ушел за Урал. Братья двинулись по его следам; по дороге они напали на поселения тех остяков и вогуличей, которые или присоединились перед тем к отряду Маметкула, или так или иначе помогали последнему, — многих жителей побили, «жен и детей в полон побрали, жилища в пепл обратили». От реки Утки, или Межевой, опасаясь ввиду «многолюдства татарского» идти дальше, Строгановы пошли обратно, в разных пунктах завоеванных и усмиривших земель оставляя небольшие отряды. Жалуясь на это внезапное нападение татар государю, Григорий Аникиевич и Яков просили у него разрешения самим ходить войною при благоприятных обстоятельствах, на этот раз уже против сибирского хана. По поводу этой просьбы (по другим сведениям — по чьему-то враждебному доносу, что, кажется, ошибочно) в начале 1574 года Григорий Аникиевич и Яков вызывались в Москву. Здесь Иоанн имел с ними несколько продолжительных бесед, подробно расспрашивая их о разных обстоятельствах, связанных с взаимоотношениями Прикамских земель и Сибири, и внимательно выслушивая их мнение о мерах, необходимых с целью обуздания татар и сибирского хана Кучума. Что именно предлагали Григорий Аникиевич и Яков, в точности остается неизвестным, но, по сведениям древних актов, царь с ними во всем согласился, предложенные ими, по-видимому, решительные меры вполне одобрил, а 30 мая 1574 года пожаловал их весьма важной грамотой, которой не только расширил их владения новыми землями по ту сторону Урала, но и облек братьев особыми правами, связанными с обороной, упрочением и дальнейшим поступательным развитием восточной окраины государства. Соответственное место грамоты гласит: «Его царское величество, государь, царь и великий князь Иоанн Васильевич пожаловал им, Строгановым, все те места за Югорским Камнем, в Сибирской Украине, между Сибирью, Нагай и Тахчей и Тобол реку с реками и озерами с устья до вершин, где собираются ратные люди салтана Сибирского; на тех землях позволено им принимать всяких чинов людей, города и крепости строить, и на оных держать пушкарей и пищальников, а ясных вогуличей от нападков и разездов татарских защищать, да и в самом царстве Сибирском покорением онаго под Российскую Державу иметь старание; также по реке Иртышу и по Оби Великой людей населять, пашни пахать и угодыями владеть». Пожалованные братьям за Уральским хребтом места состояли из Вагранских земель, Туринской пустоши, Заозерской дачи и в общей сложности составляли площадь в 1 225 040 десятин, не считая больших

соседних пространств, которые в грамоту хотя и не были вписаны, но фактически вошли во владения братьев. Кроме важного права вести, в случае надобности, наступательные войны и всеми мерами укрепляться на берегах Тобола, за ними той же грамотой были обозначены еще некоторые льготы, например, самим выделывать, если найдут, железо, медь, олово, свинец и серу, что запрещалось на прежде пожалованных местах, и беспошлинно вести торговлю с киргизами и даже бухарцами. Во время пребывания Григория Аникиевича и Якова в Москве, где они оставались до начала 1575 года, Иоанн сделал им и некоторые личные поручения, весьма характерные для того времени: купить для царя соболей, одинцов дорогих (грамота 12 декабря 1574 года), купить 1 500 ширинок, шитых золотом, за 3 000 рублей (грамота 2 февраля 1575 года), лучшего гусиного пуху 5 пудов за 200 рублей (благодарственная грамота 1 ноября 1575 года).

Получив разрешение на наступательные военные действия, Григорий Аникиевич и Яков по возвращении начали запасать оружие, пушки, «шеломы», «жамы», панцири, кольчуги и готовиться к серьезному походу. Однако им пришлось ограничиться лишь запасанием боевых материалов, — выступить открыто против сибирского хана им не довелось; главным и даже единственным препятствием к этому служил недостаток в людях, годных для серьезных походов. Прирожденные богатства — пушной зверь, обилие рыбы и «угодие» земли под хлебопашество — привлекли и на старые, и на новые места многих нетяглых и бесписьменных людей, которых братья снабжали всем необходимым для ведения хозяйства, селили по городкам и деревням, позволяли им самим выбирать удобные для поселения уголки, — но эти пришлые элементы были весьма мало пригодны для образования из них воинов. Только бесшабашное вольное казачество во главе с Ермаком дало Строгановым возможность осуществить свои намерения.

Вывариваемую в большом количестве соль Строгановы на крупных и малых судах отпускали для продажи вверх по Каме — к Чердыню и дальше, вниз по ней — к Казани и Нижнему Новгороду, и вверх по Оке — до Калуги и Коломны, поставив, таким образом, сбыт этого продукта еще шире, чем он был при их отце, и почти совершенно освободив торговлю от всяких пошлин; так, например, только Строгановы не платили денег при проезде их судов мимо Касимова, где в то время жил татарский хан Ших-Алей, имевший право на поборы со всех провозившихся по Оке товаров.

Григорий Аникиевич умер, вероятно, в 1575 году; в позднейших документах, например, в грамоте, данной в 1576 году на имя сына его Никиты и племянника Максима Яковлевича, он уже не упоминается.

Строгановы Никита Григорьевич и двоюродный брат его Максим

Яковлевич, дети Григория и Якова Аникиевичей, первые в роде «именитые люди», известны, главным образом, тем, что призвали к себе на службу волжских казаков во главе с Ермаком и снабдили их средствами для похода в Сибирь. При жизни родителей они играли подчиненную роль, после же их смерти продолжали совместно управлять пермскими землями вплоть до 1579 года, когда вместе с дядей, Семеном Аникиевичем, жившим в Сольвычегодске, решили поделить все имущества, находившиеся до тех пор у них в общем владении. По их просьбе, для утверждения раздела и уверстания каждой части оброком, из Москвы был прислан «сотной писец» Иван Яхонтов, впервые приведший в некоторую известность для московского правительства строгановские владения. Из его описи, известной под именем «Сотной книги» (подлинник ее в 1626 году сгорел во время пожара в Новгороде, сохранились лишь списки, частью опубликованные, но едва ли полные и вполне сходные с оригиналом), видно, что к этому времени в пермских владениях Строгановых состояло 4 городка, 11 деревень, 28 починков, 1 мельница, 352 двора, людей взрослых мужского пола 758 душ, земли пахотной 4 329 четвертей, лесу пашенного 677 четвертей, сена — 17 669 «копен» («копна» — земельная мера, равная $\frac{1}{10}$ десятины). Всего же земли, на основании жалованных грамот, к этому моменту во владении Строгановых числилось свыше 8 миллионов десятин. По этому разделу две части имущества поступили в общее владение и пользование Семена и Максима Яковлевичей, они получили: земли по Каме протяжением свыше 100 верст, по Чусовой — 20 верст, по Сылве — 40 верст и др., 3 городка, 2 острожка, 8 деревень, 21 починок, 1 875 десятин пахотной земли и свыше 10 тысяч «копен» сена; остальная треть досталась отдельно Никите Григорьевичу и состояла из земель, лежавших главным образом по той же Каме, от реки Пыскорки до рек Инвы и Косвы, протяжением на 74 верст, с городком Орел, 3 деревнями, 4 починками и пр.; подобным образом были поделены и сольвычегодские владения. После раздела Максим Яковлевич поселился в Чусовском городке, Никита Григорьевич — в Орле, а Семен продолжал оставаться в облюбованном им Сольвычегодске.

Сольвычегодские владения Строгановых, находясь в относительно мирном уголке России, были в сравнительной безопасности от нападений и грабежей со стороны полудиких инородцев. Наоборот, пермские их земли в этом отношении были поставлены в гораздо более неблагоприятные условия; окруженные со всех сторон инородцами, даже в значительной степени населенные ими, обретаясь в непосредственном соседстве с беспокойной Сибирью, они неоднократно подвергались уже и раньше набегам как со стороны ближайших туземных племен, которых Строгановы постепенно вытесняли и ограничивали в пользовании природными

богатствами края, так и со стороны людей сибирского хана Кучума, который близость Строгановых и возводившиеся ими укрепления мог рассматривать как угрозу целостности его владений. Над обеспечением безопасности пермских земель Максим Яковлевич и Никита Григорьевич должны были серьезно призадуматься. В их распоряжении были значительные запасы боевых средств, заготовленные еще их родителями, но ощущался большой недостаток в людях, способных к ратному делу. И вот в конце 1578 года братья прослышали, что по Волге и Хвалынскому (Каспийскому) морю подвизается шайка казаков, своими грабежами иностранных и русских купцов, даже царских послов (например, русского посла в Персию — Карамышева) навлекшая на себя гнев Иоанна и подвергавшаяся вследствие этого преследованию царских воевод. Максим Яковлевич и Никита Григорьевич задумали воспользоваться для своих целей услугами именно этой шайки. Весною 1579 года они послали на Волгу к Ермаку Тимофеевичу, Ивану Кольцо, Никите Пану, Якову Михайлову, Матвею Мещеряку и другим главарям атаманства «вернейших своих служителей» с предложением поступить к ним, Строгановым, на «службу честную». В посланной ими казакам «ласковой» грамоте, датированной 6 апреля 1579 года, Максим Яковлевич и Никита Григорьевич убеждали их «быть не разбойниками, а воинами царя Белого и... примириться с Россией». «Имеем крепости и земли, — писали они дальше, — но мало дружины; идите к нам оборонять Великую Пермь и восточный край христианства» (Карамзин. Т. 9. С. 224). Как известно, казаки приняли это предложение и осенью того же года, «на самом рек заморозе», подымаясь вверх по Волге, Каме и Чусовой, прибыли к Строгановым в числе 540 человек. Число это, впрочем, в летописных указаниях весьма сильно варьирует; в то время как Есиповская и Строгановская летописи в полном согласии называют 540, Ремезовская повышает его до 6 000 человек, что совсем невероятно. Точно так же летописные указания, а вслед за ними и мнения исследователей расходятся и по вопросу о том, был ли Ермак действительно приглашен Строгановыми или же, убегая от преследования царских воевод, сам пришел к ним. Известное основание для второго предположения можно найти в той же Есиповской летописи, в которой повествуется: «Побегоша казаки (преследуемые царскими воеводами) вверх по Волге... и дойдоша до Камы, и Камою до устья Чусовой, на ней же Строгановы вотчины и русские люди живуще...» Противоположное предположение опирается на упомянутую в тексте «ласковую» грамоту, в его же пользу определенно высказывается строгановский летописец, наконец, в царской грамоте на имя одного из позднейших представителей рода Строгановых прямо сказано: «Предки его призвали с Волги атаманов и казаков, Ермака с товарищи, в свои

вотчины...» Возможно, что Максим Яковлевич и Никита Григорьевич, призывая опальных казаков и боясь гнева Иоанна, старались держать этот поступок по возможности в тайне, почему он, может быть, и остался для некоторых летописцев неизвестным. Что делали казаки у Строгановых в первый год по прибытии, не вполне ясно. Некоторые источники утверждают, что они будто бы сражались с вогуличами, нападшими на пермские земли Строгановых, но это совершенно невероятно, так как разумеется здесь нападение произошло уже после отплытия Ермака в Сибирь. Историк Миллер полагает, что в течение первого года они занялись распашкой необработанных земель, приведя в годное для хлебопашества состояние один из берегов Чусовой на протяжении 70 верст. Это предположение, по крайней мере во всем его объеме, также слишком гипотетично и маловероятно.

Летом 1580 года Ермак, снабженный со стороны Максима Яковлевича и Никиты Григорьевича стругами, пушками, пищалями, порохом и пищевыми припасами, по реке Чусовой открыл свой поход на Сибирь. Большинство исследователей сходятся на том, что первая попытка Ермака дойти до Сибири была неудачна; вследствие отсутствия опытных проводников, он запутался и заблудился в дебрях реки Чусовой и ее притоков, должен был перезимовать на реке Сылве, а ранней весною возвратился к Строгановым в Чусовский городок. Второй раз, уже удачно, он выступил в поход тою же весною. Как бы то ни было, начало похода приурочивается обыкновенно к 1581 году. Вопрос о том, принадлежала ли инициатива похода Максиму Яковлевичу и Никите Григорьевичу или самому Ермаку, остается в исторической литературе до известной степени спорным. Анонимный автор обстоятельного очерка о роде Строгановых на основании разных семейных документов категорически утверждает, что Максим Яковлевич и Никита Григорьевич, храня еще заветы своего деда Аники и будучи отлично осведомленными о шатком положении дел в Сибири, об относительной беззащитности страны и плохом вооружении жителей, — не только были инициаторами похода, но даже, встречая будто бы противодействие если не со стороны Ермака, то его некоторых товарищей, принуждены были настойчиво убеждать казаков в необходимости и пользе этого дела. Мнение, что именно Строгановы пришли к этой мысли, разделяется и Карамзиным, который пишет, что они, «испытав бодрость, мужество и верность казаков, узнав разум, великую отвагу и решительность главного вождя», организовав еще собственную дружину из русских, татар, литвы и ливонцев, наконец, изготовив все необходимые припасы, — «объявили поход, Ермака воеводою и Сибирь целью». Такое заключение вполне вероятно, особенно если принять во внимание происшедший в 1573 году набег брата сибирского хана Кучума

— Маметкула, постоянную угрозу целостности владений со стороны зауральского соседа и естественное желание Строгановых уничтожить зло в корне. Сторонники обратного мнения указывают главным образом на то, что Максиму Яковлевичу и Никите Григорьевичу нужна была защита на месте, и помышлять о далеком походе, когда собственные земли оставались без защиты, они не могли. Так или иначе, были ли Строгановы инициаторами похода или нет, но заслуги их в этом деле и без того чрезвычайно велики, ибо они, обеспечив Ермака необходимыми продуктами и дав ему многих людей, так как казаков для серьезного похода было недостаточно, тем самым осуществили чрезвычайно важные условия, без которых не мыслим никакой военной успех. Помимо вооружения в виде пушек, пищалей и пр., Максим Яковлевич и Никита Григорьевич к 540 казакам Ермака присоединили еще 300 собственных ратников (по иным сведениям, даже 1 096 человек), выдали на всех свыше 60 пудов пороху и свинцу, 2 500 пудов ржаной муки, 1600 пудов круп и толокна, 800 пудов сухарей, 200 пудов масла коровьего, 400 «полтей» ветчины, дали толмачей, проводников, знамена, наконец средства передвижения по водному пути — большие «струги». Все снаряжение им обошлось по тогдашнему счету около 20 000 рублей, что было под силу только им и поставило бы в затруднение даже московское правительство. Фактическая сторона приведенных указаний подтверждается и упомянутой выше царской грамотой, где говорится, что Максим Яковлевич и Никита Григорьевич «на помощь ему, Ермаку, в товарищи, ратных многих людей наймовали и всему войску помощь чинили, и деньги, и платье, и боевое ружье, и порох, и свинец, и всякий запас к воинскому делу из своих пожитков давали и дворовых людей с ними посылали, и тою службою, радением и посылкою Сибирское государство взяли и татар и остяков и вогулич под нашу (царскую) высокую руку привели». Посылка опальных казаков в Сибирь была совершена без ведома государя, за что после Максим Яковлевич и Никита Григорьевич получили от него гневную грамоту, хотя формально они были правы, так как по данным еще предкам их грамотам они могли ходить войною на сибирских владетелей без особого на каждый раз царского разрешения.

Вскоре после отъезда Ермака, осенью того же 1581 года на пермские владения Строгановых было совершено неожиданное нападение со стороны пелымского князька Бехбелея Ахтанова, который, предводительствуя значительным отрядом вогульцев, сжег и разорил несколько деревень и починков. Указанная ниже грамота от 16 ноября 1583 года утверждает, что Бехбелей не встретил никакого сопротивления, но большинство исследователей принимает за доказанное, что на обратном пути его настигли Максим Яковлевич и дядя его Семен, разбили его толпы,

многих из его людей забрали в плен и чуть не захватили самого Бехбелея. В этой погоне Никита Григорьевич почему-то участвовать отказался, за что на него Максимом Яковлевичем и Семеном была принесена царю жалоба; в результате ее получилась из Москвы грамота, в которой Никите Григорьевичу делается строгий выговор и повелевается на будущее время не оставлять в таких случаях родичей без помощи. Вместе с тем из Москвы же был послан в Чердынь наместнику Перми Великой князю Елецкому приказ выслать, по требованию Строгановых, на помощь им служилых людей, а несколько позже (20 декабря 1582 года) старостам, целовальникам и земским людям в Перми Великой и Усолье Каменном разослано послание не препятствовать Строгановым набирать охочих и вольных казаков для обороны края. В 1582 году Бехбелей с отрядом остяков и вогуличей повторил свой набег, обрушившись сначала на Орел-городок, но, не будучи в состоянии сломить его сопротивление, он отступил и стал грабить окрестности, причем захватил «добычу немалую». На этот раз к ратникам Семени и Максима Яковлевича присоединил своих людей и Никита Григорьевич, и все они соединенными силами настигли Бехбелея в каком-то ущелье. Произошел ожесточенный бой, длившийся целый день; результатом было полное поражение Бехбелея, который и сам попал в плен, где от полученных тяжелых ран вскоре скончался.

Призыв Строгановыми Ермака и его поход в Сибирь, а также двукратный набег вогуличей стали известны в Москве только летом 1583 года; об этом донес туда чердынский воевода, Василий Пелепелицын, осветив все дело с самой неблагоприятной стороны для Строгановых, обвинив их в самовольных действиях. Вследствие этого доноса на имя Максима Яковлевича и Никиты Григорьевича Иоанном была послана гневная грамота от 16 ноября 1583 года. Упомянув, со слов Пелепелицына, о том, что Строгановы, дав Ермаку своих людей, оказались будто бы не в состоянии защищаться от нападений Бехбелея и позволили ему многое разорить, поджечь и разграбить, Иоанн продолжает: «...И то сделалось вашею изменою: вы вогуличей, и вотяков, и пелымцев от нашего жалования отвели и войною на них приходили; да тем задором с сибирским салтаном ссорили нас; а волжских атаманов — к себе призвав, воров наняли в свои остроги, без нашего указу... Ермак с товарищами пошли воевать вогулич, и остяков, и татар, а Перми ничем не пособили, и то все сталося вашим воровством и изменою; и вы б тех казаков в те поры в войну не посылали, а послали их и своих людей наши земли пермские оберегать...»; когда же вернутся казаки из похода, «вы бы их тотчас в Чердынь послали, а у себя их не держали». Если же этого не будет — заканчивается грамота — то «в том на вас опалу положим большую, а атаманов и казаков, которые слушали вас и вам служили, а нашу землю

выдали, велим перевешати».

Эта гневная грамота, по свидетельству летописца, сильно напугала Максима Яковлевича и Никиту Григорьевича. Но почти непосредственно вслед за нею они получили от Ермака, который имел уже несколько удачных сражений, самые утешительные известия о походе и с ними поехали в Москву оправдываться. Там они изложили Иоанну историю похода «во всех подробностях», рассказали об успехах и завоеваниях Ермака и просили «взять под высокую руку» новые земли. К тому же времени подоспел в Москву и посланный Ермаком Иван Кольцо. Следствием блестящих и неожиданных успехов похода «на Москве веселие было зело». На помощь Ермаку был послан с ратниками воевода князь Семен Дмитриевич Болховской, которого Строгановы в начале 1584 года снабдили пищей и ладьями для перевозки людей. Для «истинных же виновников столь важных приобретений» (Карамзин), т.е. для Строгановых, за их «службу и радение» гнев был сменен на милость, и они, в ее доказательство, были пожалованы правом беспошлинной торговли во вновь завоеванных землях.

В 1584 году Максим Яковлевич и его дядя Семен поделили между собою находившиеся со времени раздела 1579 года в их общем владении земли и имущества. Максим Яковлевич получил места по правому берегу Чусовой, оба берега Камы, выше устья Чусовой, правый ее берег, ниже Чусовой, оба берега Яйвы и расположенные на этих землях городки, острожки, деревни, починки, соляные варницы и пр. Семен получил во всем остальную половину, составившуюся, главным образом, из левого берега Чусовой, левого берега Камы ниже Чусовой, обоих — по реке Сылве и пр. Вместе с этим они разделили и сольвычегодские имения, а также «верстали казака против казака», т.е. поделили между собою поровну населявших их владения людей. В общем пользовании племянника и дяди остался только небольшой участок, при котором находились «пожни» и руда, — уже в это время они занимались плавкой железа в размерах, необходимых для удовлетворения хозяйственных надобностей. Письменное условие этого раздела сохранилось и доныне и носит название «деловой», или «полюбовного соглашения».

Около 1588 года у Никиты Григорьевича был отнят Орел-городок, чрез который проектировалось провести большую дорогу на Сибирь, но грамотой 1591 года он был отдан Никите Григорьевичу обратно. Некоторые выражения этой грамоты дают повод думать, что городок был взят не столько для государственных надобностей, сколько потому, что Никита Григорьевич в это время, неизвестно по каким причинам, находился в опале.

Вступивший в 1584 году на престол Федор Иоаннович не только подтвердил грамоты, данные Строгановым его отцом, но за услуги, оказанные ими при покорении Сибири, 7 апреля 1597 года пожаловал Никиту Григорьевича обширными землями «ниже Великия Перми (т.е. Чердыни)... По Каме-реке (правой стороне) полтретьяста верст, и от казаки полосмаста верст», с притоками, островами, лесами и пр., площадью всего в 586 380 десятин, разрешив ему строить там острожки, варить соль и дав 15-летнюю льготу от платежа всяких повинностей. На реке Очере Никита Григорьевич построил Очерский острожек, основал селение Охань (ныне город Оханск) и монастырь под именем «Оханской Богородской пустыни», стал населять новые земли «неписьменными» и «нетяглыми» людьми, а также пленными инородцами, приводя последних в христианство, а в 10 верстах от Орла, найдя богатые соляные залежи, поставил соляные варницы и положил основание городку Новое Усолье. 12 марта 1599 года все пожалованные Строгановым грамоты были подтверждены царем Борисом.

Еще в царствование Феодора Иоанновича Максим Яковлевич и Никита Григорьевич стали принимать участие своими вооруженными силами в поддержании престижа Московского государства не для своих личных целей, а по просьбам из Москвы: так, например, Максим Яковлевич, по получении грамоты от 28 мая 1591. года, принял меры предосторожности против «злоумышленников Нагого», а Никита Григорьевич, исполняя просьбу, выраженную в грамоте от 5 июня 1598 года, отправил к воеводе Никите Траханиотову 50 пеших и 50 конных ратников для присоединения их к силам, готовившимся против пелымского князя. Но истинно неоценимые услуги как ратными людьми, так и особенно денежными средствами оказали двоюродные братья государству в Смутную эпоху. В это время, когда в «казне царской деньгами такой недостаток был, что займованы были деньги как в Москве, так и по городам, у разного чина людей, и дано было из казны, под образом закладу, золотая и серебряная посуда, жемчуг и другие вещи», — Максим Яковлевич и Никита Григорьевич «деньгами и пожитками своими государю служили и помоществовали своими людьми, куда он, государь, послать в помощь укажет».

Грамотой от 19 июня 1608 года Шуйский просил Максима Яковлевича и Никиту Григорьевича, кроме данных уже раньше 1 000 рублей, выслать еще, обнадеживая их царским словом, что деньги будут возвращены, «радение» же Строгановых забыто не будет, и в доказательство этого другой грамотой от того же года жаловал их, — «ни их самих, ни детей их, ни крестьян их ни в чем не судить... без царского указа, не ставить к ним постояльцев во дворы», позволил «питье про себя держать безьявочно, у

веры (присяги) им самим не ставиться и во всех городах и по ямам подвод у них не имать». Около этого времени на имя Максима Яковлевича было получено письмо от знаменитого боярина Скопина-Шуйского, в котором последний писал: «...Ратным людям, иноземцам наемным дать нечего, в государевой казне денег мало, а государь от воров на Москве сидит в осаде... и вы, Строгановы, на наем ратных людей к нему в полки денег бы послали скоро...», а вслед за этим от самого царя получилась на имя братьев грамота с просьбой дать еще взаимообразно денег и с обещанием возвратить их и «великую царскую милость» оказать. На оба послания Строгановы ответили посылкой значительной суммы, в то же время известив великопермских воевод, что они вооружаются и «государевы доходы у себя с посаду и уезду собирают и государю царю и великому князю посылают». По просьбе царя Шуйского от 26 января 1609 года Максим Яковлевич и Никита Григорьевич послали отряд из своих людей в Даниловскую слободу для обороны от нового Лжедмитрия. Из челобитной устюжан видно, что в том же году Строгановы вошли с ними в соглашение стоять против самозванцев. За эту «службу и радение» царь Василий Иванович в грамоте от 4 августа 1609 года изъявил братьям благодарность с обещанием пожаловать их особо, «когда гнев Божий в государстве минется». Наконец в 1610 году от того же царя была вновь получена грамота, в которой подробно мотивируется просьба денег. «Всемирного ради греха, — говорилось в ней, — а по заводу литовских людей воры русские люди, совокупясь с литовскими людьми... многие города и волости смутили... и многим людям разорение, и грабежи, и убийства, и плен, и расхищение учинили, а которые бояре и дворяне, всякие служивые люди в осаде сидели и всякую нужду и голод претерпевали... и наше им жалованье давано деньгами, золотыми, и жемчугом, и платьем, и рухлядью, и в том наша казна истощала, — а как сия наша грамота придет, и вы б памятовали к себе наше жалованье и свою прежнюю службу и радение, нас ссудили, дали нам взаем денег, чем бы нам служивых людей пожаловать, чтоб... бояр наших и дворян, и служивых людей к нам прямою службою и вашим споможением литовских людей и русских воров одолели; какие милости от Бога сподоблены будете и от нас великое жалованье примите, и от всех людей похвалу получите... а вы только ссудите не малыми деньгами — тысяч с десять». И на эту грамоту братья ответили посылкой «многотысячной суммы». Что богатство Строгановых в это время могло служить источником для внутренних, так сказать, займов, видно, между прочим, из отзыва английского посла Флетчера, который еще несколько раньше писал, что «между купцами славились богатством одни братья Строгановы, имея до 300 000 (около 2 ¼ миллиона по нынешнему счету) рублей наличными деньгами, кроме

недвижимого состояния; что у них было множество иноземных мастеров на заводах, несколько аптекарей и медиков, десять тысяч людей вольных и пять тысяч крепостных, употребляемых для варения и развоза соли, рубки лесов и возделывания земли; что они ежегодно платили царю 23 000 рублей пошлины, во что правительство, требуя более и более, то под видом налога, то под видом займа, разорило их без жалости».

27 декабря 1610 года Шуйский пожаловал Никиту Григорьевича и Максима Яковлевича (и сына умершего Семена — Петра) важной грамотой. За «верные и непоколебимые службы» и за то, «что во время Московского разорения и смуты... от государя не отступили и во всем ему, великому государю, служили и прямили, многих ратных людей на государеву службу против изменников посылали, к ним не приставали, а поморские, пермские и казанские города от шаткости укрепляли», наконец, за то, «что от них в Коломне, и Рязани, и Владимире взято в казну много денег», — за все это царь (уведомляя их, что он в Москве здравствует, и бояре и все московские люди служат ему верно) пожаловал их званием именитых людей и правом писаться и называться полным отчеством, с «вичем» (окончание, как знак достоинства присвоенное в то время только боярам и окольничим). Вместе с тем ко всем приказным людям на Урале было разослано повеление выдать Строгановым на нужду солеварения денег, «сколько им будет надобно».

В 1616 году неожиданно разразилось возмущение среди казанских татар; с приставшими к ним чувашами, черемисами, вотяками и башкирами они, «собравшись великим скопом», напали на Казань, Сарапул и Оссу, многих жителей избили и в плен забрали. Опасаясь, чтобы и их люди не последовали примеру восставших, Максим Яковлевич и Никита Григорьевич, вместе с детьми Семена — Андреем и Петром, организовали из своих и наемных людей сильный отряд и, не дожидаясь царского разрешения, двинулись навстречу толпам восставших. После ряда кровопролитных стычек взбунтовавшиеся были разбиты, причем многие из них попали в плен. За подавление мятежа особой царской грамотой Строгановым была выражена царская благодарность. В числе пленных оказались многие инородцы, числившиеся в качестве людей Строгановых, и за их вины последние весьма жестоко расправились со всеми теми племенами, к которым принадлежали пленные, разорив их жилища и многих казнив.

В 1620 году умер Никита Григорьевич, не оставив потомства (не был женат). О нем следует еще упомянуть, что, будучи очень набожным человеком, он построил много церквей и несколько монастырей, которым дал земли и часто дарил богатую утварь. Его часть имущества была разделена на две равные части, одна из которых поступила в общее

владение детей Семена (Андрея и Петра), а другая досталась сыновьям Максима Яковлевича (также Максиму и Ивану). Сам Максим Яковлевич ко времени смерти Никиты Григорьевича или вскоре после этого за старостью почти совершенно устранился от ведения хозяйства. Впрочем, будучи уже не у дел, он высмотрел на реке Чусовой очень богатое солью место и велел поставить там варницы. Когда он умер, в точности неизвестно, вернее всего — между 1621-1623 годами, хотя в некоторых исследованиях указывается даже 1638 год. Ему наследовали сыновья Иван и Максим; третий сын, Владимир, умер еще при его жизни.

Строганов Иван Максимович, именитый человек, сын Максима Яковлевича, родился в конце XVI века. Имя его везде, где оно упоминается, встречается рядом с именем его младшего брата Максима Максимовича, почему и здесь, во избежание дословных повторений, о братьях приходится говорить вместе. В 1620 году они получили половину владений Никиты Григорьевича Строганова, не оставившего потомства, а спустя год или два наследовали также и отцу, который за старостью около этого времени совершенно устранился от хозяйственных дел. Из произведенной в 1623-1624 годах посланным из Москвы чиновником Кайсаровым переписи видно, что во владении братьев в это время была ровно половина всех родовых вотчин и имуществ (другой половиной владело потомство Семена Аникиевича), в которой состояло 2 городка, 45 деревень, 32 починок, 3 церкви, 14 соляных варниц, 14 лавок, 84 мельницы, 525 дворов и около 800 взрослых душ мужского пола, не считая инородцев. Неизвестно по каким причинам, но управление своими вотчинами братья повели совершенно неудовлетворительно и уже вскоре по смерти отца настолько запустили хозяйство, что около 1626 года принуждены были заложить часть своих земель за 4 600 рублей купцам Василью Шорнику, Якиму Патокину и Никитникову. Так как после они не оказались в состоянии внести залоговой суммы, то за них в 1639 году земли были выкуплены детьми Семена Аникиевича, Андреем и Петром, которые часть, доставшуюся Ивану Максимовичу и Максиму от Никиты Григорьевича Строганова, присоединили к своим владениям, им же оставили лишь вотчины, унаследованные от отца. С этих пор главное место по управлению именными занимает сын Ивана Максимовича, Даниил, своей энергичной деятельностью вскоре вполне восстановивший пошатнувшиеся дела, братья же отступают на задний план. Есть известие, что Иван Максимович будто бы построил Орел-городок и Очерский острожек, но оно ошибочно, так как оба поселения были основаны еще при их двоюродном дяде, Никите Григорьевиче, первое, впрочем, даже при деде — Якове Аникиевиче. Максим Максимович умер около 1650 года, не оставив потомства. Вся его имущественная часть перешла к племяннику, Даниилу Ивановичу, который

вскоре наследовал и Ивану Максимовичу, скончавшемуся в 1654 году.

Строганов Даниил Иванович, именитый человек, делавший большие денежные взносы в государственную казну при царе Алексее Михайловиче, единственный сын Ивана Максимовича Строганова. Еще при жизни отца и дяди Максима Максимовича, которые не совсем умелым ведением хозяйства значительно расстроили его и впали в долги, он около 1639 года взял управление в свои руки и стал фактическим распорядителем всей этой части вотчин. Это видно и из сохранившихся официальных документов того времени. Так, например, произведенная в 1641 году чиновником Чемезовым перепись строгановских земель и имуществ записывает их за ним, а не его родителем и дядей, которые в это время еще были живы. То же повторилось и при переписи Прокопья Елизарова в 1647 году. После отца и дяди оставшись полным владельцем вотчин, всего в общей сложности одной трети всех состоявших во владении рода земель, Строганов своим энергичным управлением не только привел это достояние в цветущий вид, но и расширил его путем покупки разных населенных мест, в том числе села Воскресенского, что на Кишарти, приобретенного у Андрея и Бориса Елисеевых. По переписи Чемезова (1641 год) он владел 3 городками, 50 деревнями, 8 починок, 420 дворами и 1500 душами мужского пола; в 1647 году (перепись Елизарова) городков было 5, деревень 60, починок 19, дворов 535 и мужских взрослых душ около 2 тысяч; наконец, в 1678 году, несколько лет спустя после его смерти, в оставленных им вотчинах состояло уже 6 городков, 73 деревень, 83 починок, свыше тысячи дворов и свыше 5 тысяч мужских душ (не считая инородцев); кроме того, много дворов и лавок в Москве, Устюге и Сольвычегодске.

Эти значительные средства Строгановых позволяли ему откликаться щедрыми денежными взносами, а также и ратной помощью на всякую просьбу царя Алексея Михайловича. Из позднейшей грамоты 1673 года на имя Григория Дмитриевича Строганова видно, что Даниил Иванович вместе с двумя другими современными ему представителями рода другой линии, Дмитрием Андреевичем и Федором Петровичем, между 1650-1673 годами внес одновременно в государственную казну более 418 тысяч рублей; отделить данную именно им сумму не представляется возможным, но она не составляла менее одной трети общего взноса; кроме того, ему, несомненно, принадлежит известная, хотя также не поддающаяся определению часть в общей сумме ссуд, сделанных Строгановыми до 1650 года и составлявших 423 706 рублей. Что же касается оказываемой им государству ратной помощи, то об этом свидетельствует грамота Алексея Михайловича от 12 марта 1661 года, в которой царь благодарит его за присылку в Москву на службу «даточных людей» (рекрутов) с запасами.

При дворе Строганов пользовался большим почетом; его извещали о всех важных событиях придворной жизни. Проживая обыкновенно в одном из родовых городков в пермских владениях, он часто наезжал в Москву и во время обедов у царя или патриарха сидел за одним столом с боярами. Умер Строганов около 1668 года, не оставив мужского потомства; вместе с его смертью угасла мужская линия, происходившая от старшего сына Аники Строганова — Якова Аникиевича, призванного Ермака. Все вотчины достались его жене Агафье Тимофеевне, урожденной Елизаровой, и двум дочерям — Стефаниде (впоследствии замужем за князем Петром Семеновичем Урусовым) и Анне. Агафья Тимофеевна ненадолго пережила мужа, и по ее кончине во владение имуществами вступила младшая дочь, Анна; в 1681 году она вышла замуж за боярина Сергея Ивановича Милославского, а все имущества передала именитому человеку Григорию Дмитриевичу, который с своей стороны обеспечил ее солидным приданым и уплатил некоторые долги ее покойного отца. В некоторых актах упоминается еще имя Даниила Дмитриевича Строганова, но такого лица, как окажется, совсем не существовало, и по всем признакам речь идет именно о Данииле Ивановиче Строганове.

Строгановы Дмитрий Андреевич и двоюродный брат его Федор Петрович, именитые люди, дети Андрея и Петра Семеновичей Строгановых, известны значительными денежными взносами в государственную казну при царях Михаиле Федоровиче и Алексее Михайловиче; дата рождения первого неизвестна, второго же относится к 1628 году. Оба вступили во владение доставшихся им по наследству родовых вотчин в 1641 году, когда отец Федора Петровича скончался, а родитель Дмитрия Андреевича принял монашество. 31 января 1641 года царем Михаилом Федоровичем дана была Дмитрию Андреевичу грамота, подтверждающая его права на владеемую им часть прежде пожалованных земель и вотчин в нынешней Пермской губернии, а несколько позже подобная же грамота была получена и Федоров Петровичем; наконец, еще одной грамотой от того же 1641 года за ним» были утверждены бывшие владения именитого человека Никиты Григорьевича во всем их объеме. Таким образом, Дмитрий Андреевич и Федор Петрович владели двумя третями всех родовых вотчин и земель, остальная же треть находилась в пользовании старшей линии рода, происходившей от Якова Аникиевича. По переписи Чемезова (1641 год) в их вотчинах состояло: 7 городков, 113 деревень, 15 починков, 844 двора и 3050 душ мужского пола; по следующей переписи Елизарова (1647 год) — 9 городков 119 деревень, 37 починков, 1067 дворов и свыше 4 тысяч мужских душ наконец, в 1678 г. (перепись князя Вольского) — городков 12, деревень 103, починков 70, около 2 000 дворов и около 8 000 взрослых мужских душ. Помощь Дмитрия

Андреевича и Федора Петровича государственной казне выразилась в значительных денежных взносах (не менее 200 тысяч рублей), главным образом для уплаты жалованья ратным людям. Помогая московским государям «многотысячными суммами», они в то же время неоднократно давали им и ратников из числа своих людей, иногда и сами, собственными силами, оказывали успешное сопротивление беспокойным инородцам северо-восточной окраины Руси, — особенно уфимским татарам и башкирам, которые одно время повели формальную войну и успели разорить или подвергнуть осаде ряд городов в Прикамском крае — Уфу, Сарапул, Кунгур, Стефанов-городище и др. Терпя от такого беспокойного соседства всякие неудобства, Дмитрий Андреевич и Федор Петрович собрали своих наемных людей и по собственному почину напал на татар и башкир, которые после ряда кровавых стычек были совершенно разбиты. Однако полного спокойствия среди инородцев не наступило, время от времени возникали новые возмущения, благодаря чему Строгановы должны были быть постоянно настороже и в течение многих лет содержать «на своем коште» ратных людей.

Исключительные услуги государству и богатство Строгановых поставили весь род также в исключительное положение, которое при жизни Дмитрия Андреевича и Федора Петровича было закреплено даже в на» более важном государственном акте — «Уложении» Алексея Михайловича В этом «Уложении» Строгановым была посвящена отдельная статья, — именно 94, глава X, — которая гласила: «А кто обесчестит именитых людей Строгановых, а по суду или сыску сыщется про то до пряма, и правит за бесчестье 100 рублей человеку». Благодаря тем же обстоятельствам, Дмитрий Андреевич и Федор Петрович пользовались большим почетом как при царском, так и при патриаршем дворе. При короновании Алексея Михайловича они поднесли царю «власти и чины» — «кубок серебряный, золоченый, атлас на серебряной земле, камку кызылбашскую, 40 соболей». Их же всегда извещали о всяких важных событиях придворной жизни; например, 31 марта 1661 года на их имя была послана специальная грамота Алексея Михайловича с известием о рождении царевича Федора Алексеевича. Точно так же высоким почетом пользовались они и при различных торжествах, если находились в Москве; так, в описании обеда у патриарха в день Петра 1667 года говорится: «Обед у патриарха был в Крестовой палате... в кривом столе с боярами сидели именитые люди Строгановы — Дмитрий и Данило».

Дмитрий Андреевич умер в 1673 году, в глубокой старости и погребен в Троицко-Сергиевом монастыре, у полуденных врат Соборной церкви; он был женат дважды: первый раз на княгине Анне Васильевне Волконской и второй — на княгине Анне Ивановне Злобиных; после себя оставил дочь

Пелагею (умерла вскоре после отца и погребена подле него) и сына, известного именитого человека Григория Дмитриевича. Федор Петрович скончался в 1681 году и наследников мужского пола не оставил (единственный его сын Алексей умер еще ребенком). Ему наследовала жена, Анна Никитична, и две дочери — Екатерина и Марфа Федоровны (вышли замуж: первая за Алексея Петровича Салтыкова, вторая — за Михаила Тимофеевича Лихачева). Анна Никитична как вотчины, так и соляные промыслы содержала в «весьма хорошем присмотре», значительно расширила площадь пахотной и сенокосной земли, построила много новых варниц, заменила обветшавшие «росольные» трубы новыми и привела несколько запущенные промыслы в лучшее состояние. «Мужским, а не женским разумом пользы свои наблюдала, — говорит летописец, — и тем своим добрым смотрением учинила во всем часть свою лучшею». Около 1688 года две трети своих владений она передала упомянутому Григорию Дмитриевичу Строганову, который вскоре получил и остальную треть и вместе с тем сделался единоличным владельцем всех родовых вотчин и имуществ.

Строгановы Андрей Семенович и брат его Петр Семенович, именитые люди, сыновья Семена Аникиевича, известны денежной и ратной помощью Московскому государству в трудные дни Смутного времени. Сообщая владея долей родовых имуществ, в своих делах братья всегда выступали как одно лицо, имена их почти везде фигурируют рядом, для них обоих пишутся и разные государственные акты, — почему и здесь, во избежание повторов, деятельность их рассматривается вместе. Андрей Семенович родился в 1581 году, Петр Семенович — в 1583 году. Унаследовав после смерти отца, в 1608 году, его часть имущества, они остались жить в Сольвычегодске, где продолжали заниматься хлебопашеством, варкою соли и отсюда управлять доставшимися им владениями в Перми Великой. К этим обширным землям в 1620 году была присоединена еще половина владений Никиты Григорьевича Строганова, умершего бездетным (другая половина перешла к детям престарелого Максима Яковлевича). О богатствах братьев в это время дает понятие произведенная в 1623-1624 годах наряженным из Москвы чиновником Кайсаровым перепись, из которой видно, что у них в общем владении в одной Пермской губернии состояло: 4 слободы, 28 деревень, 75 починков, 5 церквей, 1 монастырь, 9 варниц, 17 лавок, 5 мельниц, около 700 дворов и свыше 1000 взрослых душ мужского пола. Эти-то громадные средства и позволяли братьям неоднократно выводить московское правительство из затруднительного денежного положения в эпоху смуты, в то время, когда государственная казна совершенно иссякла, когда страна терзалась на части литовцами, поляками и самозванцами и нечем было платить жалованья войскам. Выяснить в цифрах точные

размеры оказанной ими государству денежной помощи не представляется теперь возможным. По сохранившимся актам можно определенно установить немногие лишь отдельные, притом незначительные случаи такой помощи. Так, например, по просьбе царя Василия Ивановича Шуйского от 24 марта 1610 года о займе ему денег на жалованье ратным людям братья послали 2000 рублей, уплата которых вместе с «большими и богатыми милостями» была обещана им из поморских доходов. Однако из одной позднейшей грамоты, данной на имя внука Андрея, Григория Дмитриевича, видно, что ссуды братьев государству простирались до двухсот тысяч рублей, что по тому времени составляло громадную сумму. Особенно большие деньги были даны ими воеводам князю Дмитрию Тимофеевичу Трубецкому, князю Дмитрию Михайловичу Пожарскому и Прокопию Ляпунову.

Грамотой царя Шуйского от 29 мая 1610 года Петр Семенович был удостоен звания именитого человека. «Будучи у Соли Вычегоцкие, — говорится в ней, — он, Петр, в междоусобную брань и во вражью смуту нам (государю) служил и прямил во всем, и от Московского государства не отступил, и к польским, и к литовским людям, и к русским ворах не приставал... а против воров стоял крепко, без всякого позыбания, и ратников многих на нашу службу посылал, и поморские, и пермские, и казанские города от шатости укреплял; да у него ж иманы у нас на Москве и по иным городам многие деньги и даваны служилым людям на жалованье. И за те его службы и радение мы Петра Семеновича пожаловали, велели писати ему изо всех приказов и в наших грамотах и в наказах с «вичем» (т.е. полным отчеством). В той же грамоте боярам, наместникам, воеводам, дьякам и приказным людям повелевается «его, Петра, и детей, и племянников, и людей его, и крестьян не судить ни в чем; а кому будет до них дело, и их сужу яз, царь...» Андрей Семенович того же звания, «именитого человека в роде», и права писаться с полным отчеством был удостоен несколько позже, именно в 1612 году, также особой грамотой, в которой, между прочим, писалось, что с того, кто его обесчестит, взыщется по суду «как за бесчестие, против московского лучшего гостя вдвое, сто рублей». За «службу и ссуды» братьев «во время бывшего мятежа по многим городам» Шуйский в конце 1610 года повелел приказным людям выдать Строгановым из четвертных доходов денег, «сколько им понадобится». В одной из позднейших грамот есть прямое указание, что от этих денег они отказались. «А что при царе Василии Ивановиче у прочих гостей деньги иманы, — говорится там, — то выданы им в том из казны заклады жемчугом и золотом и сосудами серебряными, и из них нижегородцы, посадские люди, те свои деньги из таможенных и кабацких доходов взяли назад, а прадеды и деды его, Строганова (Григория

Дмитриевича, на имя которого дана грамота), из нашей казны закладов и тех своих денег не имели и в том прибыли себе не искали, а служили и работали великому государю и всему Московскому государству верою и правдою во всем». Из времен недолгого царствования Шуйского сохранилось еще известие, что в том же 1610 году царь обратился к братьям с просьбой объявить по своим городам и деревням «о новом достоинстве» золотых денег, известных под именем «московок» или «новгородок», и постараться ввести их в употребление.

В начале 1613 года сольвычегодские укрепления братьев испытали жестокую и упорную осаду со стороны литовцев; именно в январе литовцы (сольвычегодский летописец говорит, что то были «черкасы» и русские под видом литовцев) в числе 3000 человек напали на Сольвычегодск; жители последнего, чтобы удержать неприятеля, на протяжении нескольких верст порубили на реке лед, а в городе поставили пушки. Принятые меры, однако, особенной пользы не принесли, и произошедшая 22 января схватка кончилась полным поражением сольвычегодцев, которые после этого поспешили запереться в «ограду», т.е. небольшую крепостцу, принадлежавшую Строгановым. Здесь над ними принял начальство Андрей Семенович, которому сильным пушечным огнем удалось принудить неприятеля к отступлению. Крепостца осталась невредимой, но остальная часть города значительно пострадала и подверглась грабежу.

Избранный в 1613 году на царство Михаил Федорович грамотой от 30 июля 1614 года подтвердил в полной силе все прежде дарованные Строгановым земли и льготы, а 15 сентября следующего года пожаловал братьям «пустые места» вверх по Каме, от реки Ошана до реки Тулвы, протяжением на 35 верст и площадью в 163 280 десятин, в вечное владение, с правом ставить остроги и варить соль и с десятилетней льготой от платежа всяких повинностей. За год до этого Андрей и Петр Семеновичи, с одной стороны, и их двоюродный брат Максим Яковлевич, с другой, поделили на равные части оставшийся после раздела 1584 года в общем владении небольшой участок с железной рудой. В 1616 году они вместе с тем же Максимом Яковлевичем и Никитой Григорьевичем Строгановыми, во главе значительного отряда из своих и наемных людей, разбили возмущившихся татар, которые, соединившись с черемисами, вотяками, башкирами и другими инородцами, напали на Казань, Осу и Сарапул и грозили опустошить и разграбить строгановские вотчины.

В 1624 году братья вновь получили от царя Михаила Федоровича подтвердительную грамоту на все прежние владения и льготы, в числе последних особенно существенны: право не быть судимыми на местах, а лишь в Москве, в день Благовещенья, затем право «не быть у веры», т.е. при присяге взамен себя ставить своих людей, наконец, свобода от всяких

местных налогов и государственных платежей не местным сборщикам, а непосредственно в московские Казанский и Мещерский дворцы или приказы.

Денежную помощь братья оказывали и Михаилу Федоровичу, который на них за их заслуги и богатство смотрел даже как на особое исключение среди подданных государства. Так, например, когда в 1633 году по всей стране были разосланы чиновники с требованием от всех, «никого не обходя, с животов пятую часть на укрепление государства и на дачу жалованья ратным людям», одни Строгановы составили исключение из этого правила. Взамен этого Михаил Федорович 14 марта 1633 года послал к ним особую грамоту, в которой сообщал, что он, «их жалуючи», к ним для «сбору пятинных денег послати еси никого не велел, а велел писати», чтобы они, «памятуя Бога, для избавления от врагов, на жалование ратным людям» прислали денег «по их соизволению, токмо неоскудно и не пощадя себя, как и прежде сего давали». «И тою дачею, — заканчивается грамота, — не нам (государю), а самому Богу в руки дадите, для избавления от наших христианских врагов, от польских и литовских людей». Известно, что братья отозвались на эту грамоту посылкой «многотысячной суммы». В противоположность другим подданным, которые пятинные деньги давали как общую повинность, Строгановым за их взнос были обещаны особые милости. В начале 1639 году Андрей и Петр Семеновичи еще более расширили свою часть владений, выкупив заложенные их племянником, Иваном Максимовичем, имения и часть их присоединив к своим.

Петр Семенович скончался 24 марта 1639 года, 56 лет от роду, оставив после себя сына Федора и дочь Анну (1616-1644), вышедшую замуж за князя Алексея Юрьевича Звенигородского. Кроме них, он имел еще четырех сыновей — Петра, Дмитрия, Владимира, Григория и двух дочерей — Марфу и Марью, но все эти дети умерли в молодых еще годах. Жена Петра Семеновича, Матрена Ивановна, скончалась в 1649 году, 67 лет от роду, будучи в иночестве под именем Марьи в одном из московских монастырей.

Вскоре после смерти брата Андрей Семенович бил челом царю Михаилу Федоровичу и в челобитной просил позволить ему и сыну умершего, Федору Петровичу, поделить между собою все владения. Получив разрешение, они в 1641 году полюбовно разделили поровну всю недвижимость, а в следующем продолжали раздел «всякого живота: денег, платья, хлеба, съестных запасов, сосудов, образов, снастей, крестов золотых и разных книг». В конце 1642 года Андрей Семенович принял иночество, с именем Авраамия. Сохранившийся и поныне надгробный памятник в Сольвычегодске свидетельствует, что Андрей Семенович скончался 17 июля 1649 года, 67 лет от роду. Имя жены его — Татьяна

Дмитриевна; после себя оставил сына Дмитрия и дочь Ирину.

Строганов Григорий Дмитриевич, именитый человек, единственный сын Дмитрия Андреевича Строганова, единоличный владелец всех огромных родовых богатств, помогавший Петру Великому денежными средствами, — родился в 1656 году. В старинных актах его имя впервые упоминается под 1672 годом, когда он по уполномочию отца ездил в Москву с подарками и поздравлениями царю Алексею Михайловичу по случаю рождения царевича Петра. В 1673 году умер его отец, и Строганов унаследовал его имущественную часть, составлявшую третью долю всех родовых вотчин и земель. Вскоре после этого, именно 1 июня 1673 года, Алексеем Михайловичем выдана ему грамота, подтверждавшая его права на унаследованные владения. Эта грамота, которая как бы резюмирует все прежде данные его предкам и в сжатых чертах рисует заслуги рода, оказанные им Московскому государству, является одним из важнейших документов для истории рода Строгановых. Перечислив услуги разных представителей рода, оказанные ими Московскому государству в Смутное время ратными людьми и денежной помощью в виде добровольных дач и «пятинных», «десятых», «шестнадцатых», оброчных, запросных и других денег, «гривенных соляных» пошлин, остановившись затем на роли предков Григория Дмитриевича в покорении Сибири и на усмирении ими восточных различных инородцев — татар, остяков, чувашей, вогуличей, черемисов, башкир, — эта важная грамота (подлинник цитаты из нее см. — Андрей и Петр Семеновичи, Никита Григорьевич и Максим Яковлевич Строгановы) подтверждает за Григорием Дмитриевичем все льготы, когда-либо полученные его предками: 1) ему писаться и к нему писать с «ничем»; 2) не судить его, кроме татбы; 3) людей своих судить ему самому; 4) у «веры» (присяги) вместо себя ставить по желанию своих людей; 5) обесчестившие его подвергаются штрафу в 100 рублей и царской опале; 6) всякое питье разрешается ему держать безьявочно; 7) постоя к нему никакого не ставить; 8) не брать с него дорожных, мостовых, подводных и т.п. податей; 9) ему самому и его людям во время пути везде ставиться безьявочно; 10) «А кто нашей грамоты не послушает, и тем от нас быти в великой опале, без всякой пощады».

В 1681 году Строганову перешла вторая треть всех имуществ, бывшая во владении старшей линии рода (происходившей от Якова Аникиевича) и за прекращением мужского поколения находившаяся в последнее время в руках дочери Данилы Ивановича Строганова, Анны Даниловны, которая в этом году вышла замуж. Полученная Строгановым дарственная запись обязывала его кормить до кончины мать Анны Даниловны, ей самой выдать денежное приданое и уплатить некоторые долги ее отца, что им и было исполнено. Для официального утверждения перехода этих вотчин из рук в

руки в 1682 году прибыл из Новгородского приказа подьячий Александр Феофанов, которым и была составлена подробная опись переходящих имуществ, датированная 30 ноября 1682 года. В том же году стольниками Овцыным и Поярковым произведена перепись сольвычегодских владений, на которые был наложен оброк в размере 241 рубля 51 копейки в год.

Таким образом, в 1681 году Григорий Дмитриевич владел уже двумя третями огромных родовых имуществ. Остальная треть находилась в это время в руках вдовы Федора Петровича Строганова, не оставившего мужского потомства, — Анны Никитичны. Но в 1688 году, по завещанию последней от 18 января 1686 года, он получил и эту долю с условием пожертвовать в Пыскорский монастырь 5 000 рублей и в девичьем Подгорском монастыре построить церковь, кельи и ограды. С этих пор Григорий Дмитриевич стал единоличным обладателем всех родовых вотчин и имуществ, которые со времени его предка Аники находились во владении то трех, то двух родовых линий. По подсчету Ф. А. Вологова, во всех трех объединенных долях состояло к этому моменту 9 519 760 десятин земли, 20 городков, свыше 200 деревень, около такого же числа починков, более 3 000 дворов и свыше 15 тысяч взрослых мужских душ, не считая туземных инородцев. Эти огромнейшие вотчины еще более были расширены путем присоединения к ним вновь пожалованных земель. Грамотой от 1685 года Строганов получил места по реке Веляной в Чердынском уезде с лесами и угодьями, площадью в 604 212 десятин, с платой 2 рублей в год оброка, а по грамоте от 29 сентября 1694 года ему были пожалованы земли по реке Лологе, в том же уезде, для «дровяной сечки» и для расчистки леса под пашни и покосы — площадью в 254 741 десятину и с уплатой оброка также в 2 рубля; наконец ему были переданы на особых условиях казенные Зырянские соляные промыслы и в 1700 году пожалованы еще некоторые земли. В общей сложности все это составило 10 382 347 десятин земли, на которой состояло, по ревизии Воронцова в 1715 году, дворов: 5 945 жилых и 5 324 пустых, мужских душ — 22 105 «на лицо» и 16 893 «в бегах и в мире скитающихся», а через 10 лет число мужских душ первой категории достигло 44 669, второй же — 33 235 в одних только великопермских владениях. Если же принять во внимание еще зауральские, сольвычегодские, устюжские, нижегородские и подмосковные имения Григория Дмитриевича, то его, без сомнения, должно назвать одним из богатейших людей своего времени.

Эти огромные средства давали Строганову возможность оказывать значительную помощь Петру Великому, особенно во время Северной войны. Еще 28 мая 1682 года Иоанн и Петр Алексеевичи писали ему, чтобы он дал князю Барятинскому на жалованье московским стрельцам денег с тем, что они будут ему возвращены, когда «царская казна будет в сборе».

Такими временными ссудами он неоднократно выводил государственную казну из затруднительного положения. Но самая важная его заслуга в смысле оказания помощи государству состоит в поддержке молодого флота как денежными средствами, так и путем пожертвования судов. Когда Петр Великий в 1700 году деятельно работал в Воронеже над сооружением военных судов, столь нужных в предстоящей войне с Турцией, Григорий Дмитриевич, находясь также в Воронеже, при государе, на собственные средства построил здесь два фрегата, которые были принесены в дар Петру и последним приняты с великой благодарностью. Одновременно с этим Строганов построил еще два военных судна при Архангельском адмиралтействе, также пожертвованных флоту. Все главнейшие работы на этих постройках были исполнены специально для этой цели выписанными иностранными мастерами, а вооружение судов, особенно железные пушки, было исключительно заграничного производства.

Широкая помощь Строганова государству и казне не оставалась без ответа и со стороны государей. Сначала оба государя Иоанн и Петр Алексеевичи, а затем Петр I один, в свою очередь щедро осыпали его своими милостями. Выше уже указывалось на пожалованные ему в разных местах земли. В 1685 году, по челобитной Строганова, ведено все дела, касающиеся как его самого, так и его людей, ведать исключительно в Новгородском приказе, куда и передать их из других палат. Грамотой 1688 года, которой были вновь подтверждены права Строганова на прежние, а также в этом лишь году унаследованные земли, он был пожалован поместным и денежным окладами. «Для вечного мира, — говорится в грамоте, — который учинился у нас (государей) с королем польским, за многие прародителей его денежные пожертвования и за его службу... и для того, что Строгановы истари знатные именитые люди и в Уложении об них именно сказано, — жалуется Григорий Дмитриевич поместным окладом в 1 000 четей и денежным в 150 рублей». Последняя сумма в 1698 году была увеличена даже до 170 рублей, «вдвое против лучшего московского гостя». Все земли, при прежних государях жалованные предкам Строгановых, отдавались им лишь во временное пользование на более или менее продолжительный срок, почему при восшествии на престол нового государя требовались каждый раз особые подтверждающие грамоты. Григорий Дмитриевич же, пользуясь особым расположением Петра Великого, первый исходатайствовал грамоты на вечное владение прежде пожалованными местами; важнейшей из них является грамота от 25 марта 1692 года, которой утверждены были права вечного владения Строгановых на столь обширные земельные пространства, что впоследствии само правительство нашло их чрезмерными и после ряда сложных судебных процессов кое-что вновь

возвратило казне. Что Григорий Дмитриевич пользовался уважением при дворе и высокой степенью в «государственном чиновстве», видно, например, из того, что ему посылались специальные извещения при каждом выдающемся придворном событии. Так, 25 сентября 1695 года цари Иоанн и Петр Алексеевичи извещали его о рождении царевны Прасковьи Иоанновны; такое же извещение было послано ему и 29 октября 1698 года по случаю рождения княжны Екатерины Иоанновны. Когда же во время пребывания Григория Дмитриевича вместе с супругою в Воронеже у него родился второй сын, Николай, восприемником новорожденного был не кто иной, как сам Петр I, который одарил своего крестника истинно по-царски: обширными землями по рекам Обве, Иньве и Косве и их притокам, «с погостами и волостями, деревнями и починками, и в них со крестьяны» — всего 16 погостов, несколько сот мелких деревушек, а в них — 3 443 двора и 14 000 человек.

В конце XVII века у Строганова было тяжёлое дело с Пыскорским монастырем и некоторыми лицами из-за соляных промыслов. Монастырь, некогда получивший от предков Григория Дмитриевича большие земельные угодья и соляные варницы, постепенно расширил свое солеварение, повысив ежегодное добывание соли до миллиона пудов. Сбывая этот продукт в «верховые города», куда продавалась и соль, добывая на варницах Строганова, монастырь тем самым составлял последнему чувствительную конкуренцию и причинял значительные убытки. Несмотря на это, против конкуренции самого монастыря Строганов ничего не имел и относился к ней терпимо. Но монастырь, вопреки заключенному в дарственных записях условию, лишаящему его права полученные им в дар от Строгановых владения дарить, закладывать или продавать, некоторые свои земли стал сбывать частным лицам. Купцы Василий и Алексей Филатьевы и Василий Шустов. приобрели от него значительные угодья, увеличили их землями, захватным путем присвоенными из окраинных владений Строгановых, поставили варницы, начали добывать соль и ею снабжать те же рынки, куда до тех пор ставил ее лишь Строганов, чем наносили ему «помешательство и притеснение». По поводу неправильных действий монастыря и купцов Строганов обратился с жалобой в Москву. В сентябре 1696 года оттуда был прислан стольник князь Григорий Васильевич Тюфякин с поручением установить межевые границы. При восстановлении границ по писцовым книгам и почти совершенно исчезнувшим межевым знакам к владениям Строганова были отнесены, между прочим, кое-какие участки, в течение последних 50 лет находившиеся в пользовании крестьян. Считая эти участки по праву давности владения своею личною собственностью, крестьяне запротестовали; когда же протесты остались без внимания, они

взбунтовались, пошли на воеводский дом, самого воеводу избили и ударили в набат. Уважен ли был их протест или против них были предприняты какие-либо крутые меры — остается неизвестным. Известно лишь, что по восстановленным Тюфякиным межам к Строганову перешли в полную собственность все основанные упомянутыми купцами предприятия — 44 варницы, 21 рассольная труба, 21 амбар и проч., на что Строганову была выдана правая грамота от 22 февраля 1697 года.

В 1679 году гостем Никитниковым были основаны Зырянские соляные промыслы, в царствование Алексея Михайловича перешедшие в казну. Ведение дела чиновными людьми было настолько небрежно, что оно давало казне один лишь убыток, между тем как промыслы сами по себе были достаточно богаты и при других условиях могли давать хороший доход. Строганов обратился в Москву с предложением передать ему эти промыслы на известных условиях. Вследствие их убыточности казна легко согласилась на это предложение. Весной 1697 года из Москвы был выслан стряпчий Кузьма Цезырев, которому было поручено Зырянские промыслы с варницами, циренами, принадлежащими к ним селами, деревнями, починками, крестьянами и бобылями, пашнями, сенокосами, лесами и прочими угодьями «переписать и с завару 7 205 (1697) года отказать за его, именитого человека Григория Дмитриевича, в вечное владение», при условии ежегодной бесплатной поставки 100 000 пудов соли в Москву и одновременного платежа пошлин за остальную соль; «ему же самому пошлины взыскивать с купцов», которым соль будет продана. По переписи оказалось, что к Строганову перешло 2 села, 1 сельцо, 16 деревень и 11 починков с тремя промыслами, состоявшими из 40 варниц; кроме того, за ним было приписано 333 двора и 1 116 душ мужского пола. Условие о единовременном платеже Строгановым соляных пошлин и о взыскании их после с покупающих соль купцов повело к ряду недоразумений, заключавшихся в том, что с купцов, уже однажды уплативших пошлины Строганову, несмотря на многократные приказы из Москвы, взыскивали их вторично на местах розничной продажи соли; понятно, что уплаты двойных денег отбивали всякую охоту у купцов брать продукт у Строганова, почему последний вскоре обратился в Москву с просьбой отменить возложенную на него обязанность быть посредником по уплате пошлин, на что и получил согласие. В 1700 году было отменено также и другое условие, поставленное при передаче промыслов — не наряжать и без отягощенных тяглами крестьян на новые работы; когда выяснилось, что пришедшие в ветхость варницы требуют капитального ремонта, Строганову было позволено для этой цели использовать приписанных к промыслам крестьян.

Первые годы Строганов жил преимущественно в Нижнем Новгороде, где им была заложена соборная церковь Пресвятой Богородицы, за которой

сохранилось название «Строгановской» (окончена при жене его, в 1719 году); в 1703 году он переселился в Москву. Как из Новгорода, так и из Москвы он почти ежегодно ко времени отправления караванов с солью ездил в свои пермские владения, пользуясь этими побывками для надзора за ведением хозяйства. Последнее он не только привел в лучшее и более «прибыточное» состояние, чем оно было при его предках, но и значительно расширил главную и наиболее доходную часть его — солеварение, построив новые и исправив старые соляные варницы. От выварочной соли, которую Строганов продавал как на месте ее производства приезжим купцам, так и в Нижнем Новгороде, он получал громадные прибыли, пока продажа производилась совершенно свободно. Но в 1705 году была введена государственная монополия на соль, и по Высочайшему указу весь добытый продукт Строганов обязан был представлять в Нижний Новгород и продавать исключительно в казну. Согласно договору, заключенному между ним и думным дьяком Автомоном Ивановым, казна уплачивала по 5 копеек с пуда соли да по 4 копейки за провоз ее до Нижнего. Плата была достаточная, и хотя новый порядок значительно урезал прежние доходы Строганова, все же он с ним примирился. Случилось, однако, несколько раз, что подрядчики, развозившие соль уже из Нижнего вверх и вниз по Волге и ее притокам, в большинстве оказались неисправными, вследствие чего казна отказалась от их услуги и всю эту доставку предложила Строганову. Указные провозные цены за перевозку были настолько незначительны, что Строганову грозил несомненный убыток, и он это предвидел, но, ввиду отношений к нему государя, предложение принял. Расчеты его вполне оправдались — он нес значительные убытки, особенно когда «по некоторым наветам и другим обстоятельствам» из поставочной указной цены, и без того низкой, «учинена была убавка». По расчетам некоего безымянного историка рода Строгановых, Строганов получал меньшую попудную плату, чем в свою очередь платил мелким подрядчикам. Однако он «нанесенную ему обиду до будущего рассмотрения сносил терпеливо».

Характерно для своего времени отношение Строганова к своим крепостным — мягкое и внимательное. В предписании его от 12 июля 1706 года чувовским приказчикам говорится: «А всякие платежи с крестьян наших собирать с великим рассматрительством: на ком мочно все вдруг взять, и на тех всякие платежи иметь что доведется, а кои скудные и заплатить вдруг нечем, и вам бы с них поборы иметь в год и в два, а не вдруг, смотря по их исправе, чтоб крестьянам нашим от того тягости и разорения не было, понеже ныне стали великие государевы подати. Также смотреть накрепко, чтобы им ни от чего обид и тягости не было, и в обиду их и разорение никому не давать и во всем оберегать». В свою очередь, и

он пользовался широкою популярностью среди населения Пермского края, даже у людей отпетых. Незначительное обстоятельство очень хорошо иллюстрирует эту популярность. Строганов имел обыкновение ежегодно весною посылать с людьми на Новоусольские промыслы значительные денежные суммы для расходов и расплаты с наемными рабочими. В 1712 году туда было послано 50 000 рублей, у Сольвычегодска к строгановским людям присоединился еще приказчик московского купца Евреинова с 10 тысячами рублей. Подымаясь на «стругах» по реке Келетме, посланные встретились со «славным вором» Коньковым, у которого была «воровская шайка» в 60 человек. Коньков после небольшой перестрелки, жертвою которой пало двое из строгановских людей, забрал остальных в плен и отнял все деньги. Узнавши, однако, что люди и деньги принадлежат Строганову, «славный вор» тотчас всех освободил, возвратил деньги, «весь шкарб до малейшей вещи» и заявил: «Нам ли батюшку нашего, Григория Дмитриевича, обидеть?» Деньги же Евреинова оставил у себя.

Умер Строганов 21 ноября 1715 года в Москве и погребен при церкви Николая Чудотворца, что в Котельниках. В молодости он женился на Вассе Ивановне Мещерской, а по её смерти сочетался вторым браком с Марьей Яковлевной Новосильцевой, бывшею позже первую статс-дамою при дворе; от нее он имел сыновей: Александра (родился в 1698 году в селе Городиевске около Нижнего), Николая (в 1700 году в Воронеже) и Сергея (в 1700 году в Москве); имел и других детей, но те умерли еще в детстве. Строганов славился своим гостеприимством и хлебосольством; дом его в Москве был широко открыт «не токмо друзьям его, но и всякого чина людям»; со всеми он был «добр и ласков, а бедным был старатель». Большой любитель церковного пения, в Нижнем Новгороде он завел прекрасный хор, слава о котором дошла до Москвы. В апреле 1689 года цари Иоанн и Петр и царевна Софья писали Строганову: «Как известно, у тебя есть киевского пения спеваки; то прислал бы из них в Москву двух лучших басистов и двух же самых лучших альтистов, и за сие ожидал бы царской милости»; а грамотой от 2 июня того же года цари дали знать Григорию Дмитриевичу, что присланные им «спеваки» приняты в Новгородский приказ, а за присылку они его «жалуют, милостиво похваляют». В Москве Строганов с успехом занимался собиранием рукописных сокровищ; из обращенной к нему просьбы святителя Димитрия, митрополита Ростовского, выслать ему книгу, «глаголемую Хронограф, или Летописец», видно, что Строганову принадлежал один из двух вообще существовавших в то время экземпляров этой рукописи. От Петра Великого он имел особую награду — портрет государя с короной, который всегда носил в петлице кафтана.

Строганов Александр Григорьевич, старший сын последнего в роде

именитого человека Григория Дмитриевича, родился 2 ноября 1698 года в родовой вотчине Гордиевке, недалеко от Нижнего Новгорода. После смерти отца остался малолетним, почему имуществами некоторое время управляла его мать, Мария Яковлевна, урожденная Новосильцева. В 1720 году он ездил в пермские и сольвычегодские вотчины, где в продолжение полугода ознакомился с состоянием хозяйства вообще и солеварения в частности; убедившись в убыточности сольвычегодских промыслов, он с согласия матери и младших братьев, Николая и Сергея, ликвидировал эти промыслы, остальные же значительно улучшил, построив новые и исправив обветшавшие варницы. В 1722 году Строганов и его братья, за заслуги предков, оказанные русскому государству, Петром Великим были возведены в баронское достоинство. В том же году, когда государь с армией отправился в персидский поход, Строганов сопровождал его от Москвы до Симбирска и в Нижнем Новгороде принимал его у себя в доме; здесь Петр отпраздновал день своего тезоименитства; эта оказанная Строганову честь свидетельствует о несомненном расположении к нему царя. Из Симбирска, несмотря на все просьбы Строганова дозволить ему идти дальше, он был «с честью» отправлен обратно в Москву. В 1723 году женился на дочери князя Василия Петровича Шереметева, Татьяне (у П. Долгорукова названа Доминикой) Васильевне, причем Петр Великий был посаженным отцом и «довольно на том браке изволил веселиться купно с государынею императрицею, их высочествами принцессами и прочими знатными особами, а особливо с его светлостью голштинским герцогом Фридериком». Татьяна Васильевна в браке прожила всего три года, в 1726 году скончавшись. Восемь лет спустя Строганов женился во второй раз, на дочери контр-адмирала Василия Дмитриевича Мамонова, Елене Васильевне; но и эта супруга прожила недолго; значительно позже Строганов вступил в третий брак, с Марией Артамоновной Загряжской (родилась 25 марта 1722 года, умерла 8 апреля 1788 года), Александр Григорьевич первым не только из братьев, но и вообще из рода Строгановых, был зачислен на службу. По просьбе его матери, императрица Екатерина Алексеевна пожаловала его в 1725 году действительным камергером, хотя звание это было только номинальным, так как он в придворных церемониях никакого участия не принимал и жалованья не брал; позже он был произведен в генерал-поручики и тайные советники. Умер 7 ноября 1754 года, 55 лет, наследников мужского пола не оставив. От второго брака имел дочь Анну (родилась 7 февраля 1739 года, умерла 22 апреля 1816 года), от третьего — Варвару (родилась 2 декабря 1748 года, умерла 29 октября 1823 года). Все имена его были унаследованы вдовою. Анна Александровна в 1757 году вышла замуж за князя Михаила Михайловича Голицына (сына генерал-адъютанта, также

Михаила Михайловича) и получила половину состояния. Остальная же половина перешла к князю Борису Григорьевичу Шаховскому, за которым была замужем вторая дочь Строганова. По отзывам современников, Строганов был большим благотворителем, человеком добрым и для своего времени весьма образованным; знал несколько иностранных языков, много читал и перевел несколько книг, в том числе с французского «О истине благочестия христианского» Гуго Тропля и с английского «Потерянный рай» (в переводе назван «Погубленный рай») Мильтона.

Деятельность Александра Григорьевича как солепромышленника и собственника громадных родовых владений неотделимо связана с деятельностью его братьев, Николая и Сергея Григорьевичей. Братья всегда составляли как бы одно юридическое лицо и в своих требовавшихся обстоятельствами действиях выступали неизменно с общего согласия, почему их деятельность в этом отношении, во избежание излишних повторений, и излагается здесь вместе. С их именем связан прежде всего постепенный, но неуклонный упадок пермского солеварения, достигшего при их отце высокого расцвета и сделавшегося одною из самых значительных областей тогдашней русской промышленности. Менее всего виновны в этом сами Строгановы: причины, способствовавшие упадку, лежали вне сферы их влияния; это были — неблагоприятные правительственные мероприятия, экономические условия (на первом плане недостаток в рабочих руках) и, наконец, открытый источник более дешевой добычи соли — Эльтонское озеро. От отца Строгановы унаследовали несколько солеваренных промыслов, наиболее богатыми и доходными из которых были Новоусольские, Ленвенские и Зырянские. С каждой варницы, при 1 поваре, 1 подварке, 2 дровозах, 1 мешкодержателе и 2 уминальщиках, они получали в сутки 100-120 пудов соли, что в общем составляло свыше 3 миллионов пудов ежегодной добычи. Вся вываренная соль, согласно условию, заключенному еще их отцом с правительством, ставилась за определенную плату в казну, причем Строгановы обязаны были доставлять ее в Нижний Новгород. Эта операция производилась на особых судах, «лодьях» и «межеумках» (по 100-120 тысяч пудов на каждом), которые вниз по Каме шли сплавом, а вверх по Волге до Нижнего бичевой. Нагрузка, сплав и транспортирование бичевой требовали, конечно, значительного рабочего состава, — на каждое судно от 160 до 250 человек, а на все (около 30) — от 5 до 7 тысяч человек (не говоря уже о варке соли, которая, впрочем, производилась обыкновенно своими крепостными). Найти такую массу людей при тогдашней слабой населенности пермских и соседних с ними земель было делом не легким. Тем не менее Строгановы, поставившие в казну сначала 2 миллиона, а с 1731 по 1742 годы даже 3 миллиона пудов соли ежегодно и бывшие не

только самыми крупными, но почти единственными поставщиками этого продукта, — до 1742 года справлялись со своей задачей вполне удовлетворительно, вербуя контингент рабочих из бродяжнических, бесписьменных и т.п. элементов. Но в этом году вдруг вышел указ, запрещавший держать на работах людей даже с писаными паспортами и делавший исключение только для обладателей паспортов печатных, что по отношению к Пермской области было почти равносильно полному запрету вести какое-либо крупное предприятие. Строгановых же этот указ поставил в совершенно безвыходное положение, и с этих пор начинаются их, так сказать, промышленные мытарства и ряд столкновений с Сенатом. С последним, впрочем, и раньше, еще при Петре I, у Строгановых вышло одно столкновение. Около 1724 года кто-то донес Сенату, что поставка соли в казну дает братьям будто бы громадные барыши. Не входя в подробное рассмотрение вопроса и даже не допросив Строгановых, Сенат принял сообщаемые в доносе сведения на веру и намеревался в этом смысле и разрешить дело. Но им заинтересовался сам Петр, который, детально рассмотрев все его обстоятельства, вынес совершенно обратное убеждение и на представленной ему Сенатом ведомости по этому вопросу положил резолюцию: «К прежней провозной цене прибавить по 3 деньги за пуд».

Чтобы хоть отчасти выйти из затруднений, созданных указом 1742 года, Строгановы принуждены были теперь отнять хороших работников от варниц и поставить их к «лодьям», вследствие чего пришлось сократить добычу соли в летнее время. Этим, однако, положение улучшилось ненамного. Попытки, сделанные Строгановыми в 1742 году с целью склонить Сенат на разрешение иметь им людей хотя бы с писаными паспортами, успеха не имели, наоборот, вызвали резкую резолюцию Сената — «Баронов Строгановых к поставке соли до Нижнего принуждать неослабно, не приемля от них представлений». В 1743 году затруднения братьев еще более обострились, притом по причине уже стихийного характера; в этом году Волга и Кама настолько обмелели, что сплавлявшиеся по ним суда с солью остановились. Народу грозил соляной голод. Строгановы послали в Сенат доношение, в котором просили правительство помочь им людьми из государственных крестьян приволжских и прикамских губерний, нужно же было ввиду необходимости часто стаскивать севшие на мель суда не менее 9 000 душ. После продолжительных переговоров и торгов Сенат согласился за счет Строгановых дать половину этого количества, а для найма «лодейных» людей командировал генерал-майора А. Юшкова и асессора соляной конторы Домашнева. Последние, однако, при всем старании могли найти всего лишь 10 человек с печатными паспортами. По-видимому, сплав в

конце концов был по молчаливому соглашению произведен беспаспортными рабочими, но Строгановы в этом году потерпели, во всяком случае, свыше 60 тысяч рублей убытков. В начале 1744 года братья повторили свою просьбу о разрешении им иметь людей без печатных паспортов. Сенат отказал. На это Строгановы ответили в мае решительной челобитной, в которой, ссылаясь на понесенные в предыдущем году убытки, на полную невозможность находить удовлетворяющих требованиям указа рабочих и на отсутствие у них денег для завершения текущей соляной кампании, а тем более для приготовлений к завару следующего года, — просили Сенат принять их промыслы за соответственное вознаграждение в казну. Вопрос был сложный, и Сенат предпочел отмалчиваться. Только осенью Строгановым было заявлено, что просьба их не подлежит удовлетворению, они же в случае несвоевременной доставки соли будут штрафованы. Ничего не добившись от Сената, братья обратились с челобитной о снятии с них соляных заводов в казну к самой императрице Елизавете Петровне, до разрешения же дела обещали «сколько возможности есть, пополнение чинить».

В следующем 1745 году повторилась старая история, рельефно вскрывающая одну из главных бед России XVIII века — недостаток в рабочих руках. В январе Сенат донес государыне, что им определено выдать Строгановым заимообразно 30 тысяч рублей, но они, не желая входить в долги, денег не берут; в феврале Строгановы заявили Сенату, что соль готова, рабочих же для спуска ее по рекам найти не могут; предлагаемых денег не берут, так как не надеются их возвратить, притом эта сумма помочь им не может ввиду необходимости иметь не менее 200 тысяч рублей; не вознаградит их и сделанная Сенатом прибавка по 1 копейке провозной платы с пуда; самое же главное — подрядчики за ненахождением рабочих с печатными паспортами отказываются от всяких сделок, почему они, Строгановы, поставку соли ни за какое вознаграждение выполнить не в состоянии. Сенат вновь прибег к старому средству — командировал тех же Юшкова и Домашнева вербовать рабочих и дал губернаторам и воеводам северо-восточных губерний приказ под страхом ответственности высылать на работы (опять-таки за счет Строгановых) государственных крестьян. Помимо этого, командированным велено было Сенатом в течение года прожить на промыслах Строгановых и определить, во что обходится последним выварка и доставка соли (это поручение было вызвано новым доносом о больших прибылях, будто бы получаемых Строгановыми). Расследование обнаружило, что сама выварка дает прибыль, но от перевозки в Нижний получается громадный убыток, значительно превышающий выгоды от добычи соли. К 1 апреля, по донесению Строгановых, не было еще ни одного рабочего, позднее же кое-

кто был найден, но и те, уже обзаточенные Юшковым, большею частью не явились, или возвратили задаток, или же вместо себя прислали малолетних и увечных, о чем братья снова жаловались в Сенат. Последнему, по-видимому, наскучили постоянные жалобы Строгановых, почему он определил: впредь Строгановым о соляных делах представлять и решения требовать от соляной конторы, которая уже сама в нужных случаях будет обращаться в Сенат. Однако и для него вскоре стало ясным, что жалобы Строгановых не были пустыми; в непродолжительном времени таковые посыпались и от мелких пермских солепромышленников, из них некоторые, например, Григорий Демидов, совсем отказались варить соль, и от промышленников Астраханской губернии. Осенью 1745 года Строгановы опять доносили, что не в состоянии продолжать дела, указывая на этот раз, кроме обычных причин, еще и на недостаток в дровах, которых на выварку более чем 2 700 тысяч пудов (вместо требуемых 3 миллиона) не хватит. Сенат ответил: во что бы то ни стало выварить все 3 миллиона пудов, так как в противном случае, вследствие разорения мелких промышленников, грозит соляной голод. На это летом 1746 года последовало доношение Строгановых: Высочайшей резолюции на их просьбу еще не последовало, Сенат принуждает их дело продолжать, а они пришли в такую несостоятельность, что платить лодейным работникам «капиталу у себя не имеют», понадобится же не менее 100 тысяч рублей, о займе которых они и просят. Таких денег в распоряжении Сената не оказалось, и он ассигновал лишь 42 399 рублей, — все, что было в наличности в соляной конторе. В конце 1746 года Строгановы заявляли о недостатке в дровах, в мае следующего года снова жаловались на свое «изнеможение», указав еще на убытки, причиненные им пожаром в Твери, где у них сгорели дом и амбары с солью; в июне было констатировано, что они недоварили миллион пудов соли, на что Сенат ответил указом с «крепким подтверждением» недостаток пополнить во что бы то ни стало. Строгановы отказались. Сенат определил — выварить и поставить 3 миллиона пудов «без рассуждений». В 1748 году Строгановы недоварили 2 миллиона пудов. Последовал указ Сената с «крайним подтверждением». В ответ на это братья просили сложить с них обязательство бесплатной поставки 100 тысяч пудов соли, взятое на себя еще отцом их за уступку ему бывших казенных Зырянских промыслов, с течением времени истощившихся. Сенат путем публикации попытался найти лиц, согласных взять на себя эти промыслы на тех же условиях. Отозвался лишь Пыскорский монастырь, но и тот поставил такие дополнительные условия, что Сенат предпочел отказаться от его услуг и о просьбе Строгановых доложил императрице, на что и последовало ее согласие. Наконец, в 1750 году Елизавета Петровна с целью положить конец всем неурядицам в

соляном деле повелела провозную плату увеличить Строгановым на 3 копейки с пуда соли, доставленной в Нижний, перевозку же в верховые города, наиболее убыточную, производить за счет казны. Для последней и Сената все затруднения разрешились довольно неожиданно — увеличением эксплуатации Эльтонского озера, соль которого постепенно вытеснила добываемую в других местах. В 1752 году Строгановым разрешено было ставить только 2 миллиона пудов, а вскоре всего 1 миллион. Строгановым же соль Эльтонского озера причинила непоправимый вред, так как отняла всякую надежду на переход их промыслов в казну, ближайшим же следствием этого была необходимость сократить производство и закрыть многие варницы. Таким образом, цветущие и доходные когда-то промыслы постепенно потеряли свое былое значение, а вместе с этим пало и значение Строгановых как единственных почти солепромышленников в России.

В 1740 году бароны Строгановы поделили между собою находившиеся до того в общей собственности владения в Москве и под Москвою, состоявшие из деревень и домов, а в 1749 году был произведен раздел также и пермских вотчин и соляных промыслов. С этой целью все их имущества были переписаны и разделены на три равные части, а затем брошен жребий. Каждому из братьев досталось по третьей части Новоусольских, Ленвенских, Зырянских и Чусовских соляных промыслов, кроме того, Александр Григорьевич получил 6 сел по Каме, 2 по Чусовой, 4 по Сылве и по 1 на Косве и Яйве; Николай Григорьевич — Орел-городок, село Косвинское, 3 села по Инве, 8 по Обве и еще 1000 душ крестьян; Сергей Григорьевич — села Романове и Булатово, село Слудское на Каме, 5 сел по Инве, 8 по Обве, в том числе Очерский острожек, и село Никольское на Яйве.

В заключение остается упомянуть о деятельности баронов Строгановых в качестве металлургических заводчиков. Еще предкам их, а затем при Петре Великом в 1721 году и им самим было дано разрешение искать руду и, если окажется, разрабатывать ее. Занятые все время солеварением, они долгое время не обращали почти никакого внимания на новую отрасль промышленности. В 1723 году на их землях были построены четыре казенных мед-ноплавильных завода — Ягошихинский, Пыскорский, Висимский и Мотови-лихинский, — а вскоре и они сами построили небольшой медноплавильный завод для собственных нужд. После раздела 1749 года каждый из братьев уже более внимательно относится к выплавке металлов. Александр Григорьевич построил заводы Югокамский и Нытвинский с 2 доменными печами; его третья супруга — завод Хохловский; Николай Григорьевич — медноплавильные Томанский и Пожевский и железоплавильные при реке Кыпу; Сергей Григорьевич — медноплавильный Билимбеевский на реке Добрянке с 2 доменными печами

и 2 молотами и железоплавильные Очерский и Саткисаткинский. Пока построенные казенные заводы ею же и эксплуатировались, никаких недоразумений у Строгановых с администрацией заводов не возникало; но в 1757 году они были подарены графу Роману Илларионовичу Воронцову и графу Ивану Григорьевичу Чернышеву, которые, особенно последний, повели дело хищническим образом, расширяя свои владения за счет земель Строгановых. С ними, а также с графом Петром Шуваловым и Акинфием Демидовым у Строгановых в последние годы их жизни возникает ряд земельных недоразумений, часто переходящих в длительные и сложные судебные процессы и тяжбы.

Строганов Николай Григорьевич, второй сын именитого человека Григория Дмитриевича Строганова, родился 2 октября 1700 года в Воронеже, где в это время находились его родители, а также и Петр Великий, наблюдавший за постройкой флота. Восприемником мальчика был сам царь, который сделал новорожденному щедрый подарок в виде обширных земель по рекам Обве, Инве и Косве. В 1724 году вышел указ Петра I о том, чтобы помещики, в вотчинах которых находятся беглые крестьяне, поспешили возратить их прежним владельцам, под угрозой платежа последним пожилых денег за все годы проживания у них чужих крепостных. Так как в вотчинах Николая Григорьевича и его братьев Александра и Сергея нашли приют себе немало беглых от других помещиков и новый указ грозил большими денежными потерями, то Строганов, по совету с братьями, решил поехать в пермские владения, чтобы самолично произвести ревизию в данном отношении. Туда он прибыл в 1725 году со свойственником Афанасием Извековым. По неопытности или другим причинам, но Строганов, после тщательной переписи крестьян, детального домашнего следствия, сличения устных показаний с документами, расспросов сведущих лиц и старожил и пр., нашел беглых помещичьих людей всего несколько душ (вообще гораздо больше, но почти все они были признаны государственными крестьянами, за которых помещики ответственности не подвергались). Впоследствии оказалось, однако, что их на самом деле было значительно больше, но они или были утаены администрацией имений, или же сами скрывали имена своих прежних господ, 7 возвращаться к которым не имели никакой охоты, тем более что у Строгановых крестьянам в общем жилось довольно сносно. Как бы то ни было, Строгановым пришлось уплатить за них «немалые деньги». В 1726 году Николай Григорьевич женился на Прасковье Ивановне Бутурлиной. В следующем году вместе с супругой и тем же Извековым вновь ездил в пермские вотчины для установления денежных и хлебных оброков с крестьян, урегулирования промысловых работ и вопроса о расположении при селах владельческих пашни и сенных покосов;

все это было им исполнено «точию со льготами» для крестьян. Елизавета Петровна пожаловала его сначала в «штатские», затем в тайные советники, а также орденами Александра Невского и святой Анны. Скончался Строганов в июне 1758 года, оставив трех сыновей: Григория, Александра и Сергея, и трех дочерей: Марию, вышедшую замуж за графа Мартына Карловича Скавронского и тем самым породнившую Строгановых с царствующим домом, Анну (родилась 2 июня 1734 года, умерла 1 марта 1813 года), замужем за князем Михаилом Ивановичем Долгоруковым, и Софию (родилась 29 сентября 1736 года, умерла 12 октября 1790 года), замужем за генерал-поручиком Степаном Матвеевичем Ржевским.

Строганов Александр Григорьевич, граф, генерал-адъютант, член Государственного совета, родился в 1795 году. Воспитание получил в корпусе инженеров путей сообщения, по окончании курса которого поступил в лейб-гвардии артиллерийскую бригаду. Находился в рядах войск, преследовавших отступавшего из России Наполеона, участвовал в сражениях под Дрезденом, Кульмом, Лейпцигом и был при занятии Парижа; в 1831 году участвовал в усмирении польского восстания. В 1834 году Строганов был назначен товарищем министра внутренних дел, каковым пробыл до 1836 года, когда получил пост генерал-губернатора черниговского, полтавского и харьковского, а с 1839 года по 1841 год управлял министерством внутренних дел. Членом Государственного совета состоял с 1849 года. Пробыв год (1854) военным губернатором Петербурга, он потом был около 9 лет новороссийским и бессарабским генерал-губернатором. В бытность в Одессе Строганов интересовался деятельностью тамошнего «Общества истории и древностей Российских», был его президентом и сделал много ценных пожертвований в его музей. В 1857 году он представил государю свой проект о преобразовании Ришельевского лицея в Новороссийский университет с двумя факультетами, юридическим и агрономическим, но по финансовым соображениям осуществление проекта было тогда отложено. После отставки от должности новороссийского генерал-губернатора Строганов был избран почетным гражданином Одессы, в которой на покое и провел последние годы жизни. Громадная его библиотека, согласно завещанию, досталась Томскому университету.

Строганов Александр Сергеевич президент Императорской академии художеств, директор Публичной библиотеки, первый граф в роде, один из наиболее выдающихся русских меценатов в широком и лучшем значении этого слова, единственный сын барона Сергея Григорьевича Строганова, родился 3 января 1733 года. Получив в доме отца под руководством лучших учительских сил блестящее по тому времени образование, для завершения его Строганов в 1752 году в сопровождении француза Антуана

отправился за границу. Посетив Берлин, где он радушно был принят генералом, впоследствии фельдмаршалом Кейтом, раньше бывшим на русской службе, и где осмотрел картинные галереи, библиотеки и дворцы, Строганов через Ганновер, Ганау, Франкфурт-на-Майне и Страсбург в конце года достиг Женевы, осматривая по дороге все достопримечательности в области искусства, науки и промышленной техники. В Женеве он пробыл два года и это время посвятил преимущественно слушанию лекций тамошних выдающихся профессоров, особенно историка Вернета, с которым остался в дружественных отношениях на всю жизнь. Южный город с его разнообразной жизнью и разноплеменным населением настолько понравился Строганову, что он просил дозволения у отца остаться в нем и дольше, но получил отказ в этом и в сентябре 1754 года переехал в Италию, где в течение зимы этого и всего следующего года, облегчая себе путь рекомендательными письмами графа М. И. Воронцова к владетельным особам и академика Миллера к ученым лицам, осмотрел художественные сокровища Турина, Милана, Вероны, Болоньи, Венеции и Рима. Не оставив без внимания почти ни одного музея, сделав всюду ценные покупки, послужившие основанием собранных им впоследствии богатейших коллекций, и завязав знакомства с выдающимися учёными и особенно художниками, Строганов из Италии направился в Париж, в котором пробыл также два года, предаваясь светским удовольствиям и в то же время изучая физику, химию, металлургию и посещая фабрики и заводы. Особенно замечательно, что для него, располагавшего громадными денежными средствами и более чем прекрасными для блестящей карьеры связями, это изучение разных научных отраслей было не пустой фразой, не простой ширмой для прикрытия широкой светской жизни, а действительным трудом и даже любимым занятием; за время своего путешествия он вполне усвоил немецкий и итальянский языки, не говоря уже о французском, который был ему не менее, если не более родным, чем русский.

Кончина отца заставила Строганова вернуться в 1757 году в Петербург, где он, по желанию Елизаветы Петровны, вскоре женился на дочери графа М. И. Воронцова, Анне Михайловне. В день обручения, на котором присутствовала сама императрица, он был пожалован в камер-юнкеры, вместе с этим вступив в придворную службу. Желая выказать Строганову свое расположение, государыня в октябре 1760 года командировала его в Вену для принесения приветствий австрийскому двору по случаю бракосочетания эрцгерцога Иосифа; там он от вдовствовавшей императрицы Марии-Терезии получил 29 мая 1761 года взамен унаследованного баронского титула титул графа Римской империи, данный ему, как сказано в дипломе, «в ознаменование к нему истинного

благоволения».

Последовавшие в скором времени политические события разрушили семейное счастье Строганова. Вместе с низвержением Петра III пал и граф Воронцов, который в качестве канцлера играл первую роль в государстве. Супруга Строганова вместе с отцом была безусловной сторонницей павшего императора, сам же Строганов находился в числе приверженцев воцарившейся Екатерины II. Этот разлад в политических воззрениях сказался и в семейных отношениях: между супругами возник раскол, завершившийся в 1764 году возвращением супруги Строганова в дом отца. Начатое вслед за этим дело о разводе тянулось вплоть до 1769 года, когда Анна Михайловна внезапно скончалась. Насколько известно, во всем этом деле Строганов вел себя в высшей степени корректно.

Елизавета Петровна относилась к Строганову, который был ее постоянным собеседником, чрезвычайно благосклонно. Не менее милостиво было отношение к нему и Екатерины II, в первый же год своего царствования пожаловавшей его в камергеры, в 1770 году чином тайного, а через 5 лет — действительного тайного советника и сенатором. И при этой императрице он был одним из ее постоянных собеседников и даже партнеров в модной тогда игре бостон, сопровождал ее в путешествиях по Финляндии, Белоруссии, в Ригу и Крым. Особенно ценила государыня Строганова за его остроумие, о котором свидетельствуют также многие его современники, и за то, что он в качестве человека совершенно независимого и равнодушного к служебной карьере держался непринужденно, свободно и без всякого подострастия даже с наиболее могущественными царедворцами и почти никогда не вмешивался в политику и в придворные интриги. В 1767 году в его доме собирались депутаты, избранные в комиссию по составлению проекта нового уложения. Будучи сам членом комиссии, он особенно настаивал на устройстве школ для крестьян. Около этого же времени, когда была составлена особая комиссия из духовных лиц для приведения в известность всех незаписанных раскольников, Строганов всеми силами старался и в стараниях успел — избавить от возврата владельцам тех из них, которые работали как в его, так и в чужих промышленных заведениях.

В начале 1771 года Строганов женился во второй раз, на известной в свое время красавице, княжне Екатерине Петровне Трубецкой, и тотчас же после свадьбы уехал в Париж, где пробыл свыше семи лет и сделал ценные приобретения картин и разного рода редкостей. В Париже 7 июня 1772 года родился его единственный сын Павел Александрович. По возвращении в 1779 году в Петербург Строганов во второй раз пережил семейную драму: его вторая жена увлеклась бывшим фаворитом Екатерины II Корсаковым и вслед за ним уехала в Москву. К этому событию Строганов отнесся чисто по-рыцарски: он предоставил в распоряжение ушедшей супруги дом в Мо-

скве, ежегодную значительную сумму и, сверх того, одно из своих подмосковных имений, село Братцево; сам же, несколько оправившись от этого нежданного несчастья, отдался воспитанию сына, придворной жизни, покровительству талантам и дальнейшему собиранию произведений искусства. Сохранились также отрывочные сведения о том, что около этого же времени он принимал участие в масонских и мартинистских ложах и под влиянием соответственных учений усвоил отличительный для масонов нравственный кодекс, человеколюбивые правила которого сказывались особенно в отношении Строганова к своим крестьянам, которых у него в одних пермских владениях было свыше 18 000 человек: в письмах к главноуправляющему он неоднократно писал, что желает быть «больше их (крестьян) отцом, чем господином».

Красной нитью через всю жизнь Строганова проходит его страсть к собиранию выдающихся произведений и редкостей в области живописи, ваяния и отчасти литературы. Для этой цели он никогда не жалел ни средств, ни труда. Уже в 1793 году в его галерее находилось 87 картин наиболее знаменитых художников различных школ — флорентийской, римской, ломбардской, венецианской, испанской, голландской и др. Тогда же он лично составил и издал в небольшом количестве экземпляров описание своей коллекции.

Его же собрания эстампов, камней, медалей и особенно монет, которых у него было свыше 60 000 экземпляров, не имели себе равных в России; лучшею из всех бывших тогда в России считалась и его библиотека, особенно богатая ценными рукописями. Владея такими сокровищами и в такое время, когда в России еще почти совершенно не было ни музеев, ни значительных общественных книгохранилищ, Строганов любезно предоставлял пользоваться всем им собранным всякому, серьезно интересовавшемуся той или другой областью искусства или литературы; его дом, по выражению историка Академии художеств П. Н. Петрова, «был в то время средоточием истинного вкуса» и посещался почти всеми видными художниками и писателями. В числе лиц, которые пользовались дружбой, а иногда и материальной поддержкой Строганова, были художники Варнек, Егоров, Иванов, Шебуев, Левицкий, Щукин, писатели Державин, посвятивший ему несколько посланий, переводчик «Илиады» Гнедич, Богданович, скульпторы Мартос, Гальберг, композитор Бортнянский, архитектор Воронихин, вышедший из его дворовых людей, и др. Ввиду исключительной страсти к произведениям искусства, тонкого понимания в его разнообразных областях и широкой популярности среди художников, Строганов в 1800 году был назначен президентом Академии художеств, почетным членом которой он состоял с самого момента ее основания. При его президентстве, в котором он оставался до самой смерти, академия достигла пышного расцвета,

сделалась истинным рассадником искусства и дала ряд выдающихся талантов, для поддержки которых и для доставления им возможности продолжить свое образование за границей Строганов никогда не жалел и собственных средств.

Насколько Строганов был нейтрален в разного рода политических делах, особенно в конце своей жизни, и насколько эта нейтральность ценилась, видно хотя бы из того, что он, несмотря на свою долголетнюю дружбу с Екатериной II, при новом царствовании не только остался в числе приближенных лиц императора Павла I, но и получил новые милости: тотчас по восшествии на престол император произвел его в обер-камергеры и пожаловал орденом Иоанна Иерусалимского, 21 апреля 1798 года возвел его в звание графа Российской империи, назначил, как уже упомянуто, президентом Академии художеств и, кроме того, директором Публичной библиотеки, при которой Строганов позже организовал группу лиц, занявшихся проектом ее расширения, и общество для печатания книг и переводов; наконец, этим же императором Строганову была поручена постройка Казанского собора. Такою же благосклонностью пользовался он и при Александре I: он был назначен членом главного управления училищ, ему же поручалось управление Петербургским учебным округом, во время отсутствия попечителя. Состоя в течение 27 лет (с 1784 года) петербургским предводителем дворянства, Строганов в 1803 году участвовал в депутации к государю для объяснения сенатского дели о сроке службы дворян, в 1806 году был в числе депутатов, поднесших от имени Сената Александру I благодарственный адрес по случаю изданного 30 августа этого года Манифеста о предстоящей с Францией войны, на ведение которой им было пожертвовано 40 000 рублей; наконец, при учреждении Государственного совета — был назначен в числе первых его 27 членов.

Последние 10 лет своей жизни Строганов почти всецело посвятил постройке Казанского собора. Несмотря на старческий возраст, он не щадил ни сил, ни здоровья, вникал сам во все детали постройки, взбираясь на леса и лично делая разнообразные указания. К работам были привлечены Строгановым исключительно русские силы, во главе которых стал упомянутый выше архитектор Воронихин. 15 сентября 1811 года собор был освящен. В этот день вследствие дурной погоды Строганов жестоко простудился. Произнесенные им евангельские слова — «Ныне отпускаеши раба твоего, Владыко, с миром», с которыми он подошел под благословение к митрополиту во время освящения собора, оказались пророческими: 27 октября он скончался. К. П. Батюшков в письме к Гнедичу образно и довольно метко охарактеризовал Строганова: «Был русский вельможа, остряк, чудака, но все это было приправлено редкой вещью — добрым сердцем».

Постройка собора, роскошный образ жизни, широкое гостеприимство,

устройство одной из лучших в России картинных галерей, собиранье ценных редкостей, благотворительные дела, наконец, покровительство талантам и вообще роль мецената в хорошем смысле слова — все это значительно расстроило даже его громаднейшие богатства, состоявшие в землях, лесах, крепостных, соляных варницах, заводах и пр. Сыну Строганова, помимо имущества, достался громадный долг, на сумму около 3 миллионов рублей, для погашения которого оказалось необходимым обратиться к правительственной ссуде.

АФАНАСИЙ НИКИТИН

Тверской купец Афанасий Никитич Никитин родился в первой половине XV века (точный год рождения неизвестен). В 1466 году, когда посол владетеля Шемахи, ширван-шаха Форус-Есара, именем Асан-бег, бывший у великого князя Иоанна III, собрался в обратный путь в Шемаху вслед за русским послом Василием Папиным, Никитин, проведавший о московском посольстве в Шемаху, решил вместе с ним отправиться туда для распространения русских товаров. Он с товарищами снарядил два судна, получил проезжую грамоту от тверского князя Михаила Борисовича и посадника Бориса Захарьича и с благословения владыки Геннадия, помолвившись в соборе Спаса Золотоверхого, поплыл вниз по Волге. В Костроме Никитин получил от великого князя Александра Васильевича великокняжескую проезжую грамоту за границу и с нею поехал в Нижний Новгород, где думал сойтись с послом московским Папиным, но не успел его захватить. Дождавшись приезда шемахинского посла Асан-бега, он вместе с ним поплыл Волгой далее, благополучно опустился к рукаву Волги — Бузану, но подле Астрахани был ограблен татарами, причем погибла вся рухлядь Никитина, в том числе и книги. Татары отпустили из устья Волги только два судна, но одно из них разбилось во время бури о берег, и бывшие на нем русские люди были захвачены в плен горцами — кайтанами. Никитину, однако, удалось добраться до Дербента, где он застал московского посла Василия Папина, которого стал просить позаботиться об освобождении захваченных кайтанами русских. Русские были освобождены и вместе с Никитиным представлены в Кайтуне ширван-шаху, который принял их очень ласково, но на просьбу помочь возвратиться на родину отвечал отказом, ссылаясь на то, что их слишком много. Пришлось русским людям расходиться в разные стороны, причем Никитин, по его собственным словам, «пошел к Дербенту, из Дербента к Баке, где горит огонь неугасимый, а потом за море». Свое путешествие Никитин впоследствии назвал «хожением за три моря» — Дербентское (Каспийское), Индейское и Черное. «Хожение» Никитина можно разделить на четыре части: 1) путешествие от Твери до южных бе-

регов Каспийского моря; 2) первое путешествие по Персии; 3) путешествие по Индии и 4) обратное путешествие через Персию на Русь, Первое его путешествие через персидские земли, от южных берегов Каспийского моря (Чебукара) до берегов Персидского залива (Бендер-абаси и Ормуза), продолжалось более года, от зимы 1467 до весны 1469 года. Он проехал через «Чебокар, Сару, Амиль, Димовант, Рей, Кашан, Каин, Езд, Сырчан, Таром, Лар, Бендер, Гурмыз». В его заметках об этом путешествии имеется лишь указание пути посредством обозначения местностей и некоторых расстояний и упоминание о смутном состоянии, в котором тогда находилась Персия. Переправившись из Дагестана по Каспийскому морю в Мазандеран, Никитин полгода провел в Чапауре, где, между прочим, праздновал и Пасху 1468 года, затем перешел в Сари, где оставался месяц; отсюда направился в Амоль, из которого поднялся в горы, и за Демавендом спустился к Тегерану, или, точнее, к Рею, ибо Тегеран был в то время незначительным городом в окрестностях Рея. Затем из Тарома Никитин повернул на запад к Лару, а из Лара опять на восток в Бендер-Абаси. Такой характер путешествия Никитина объясняется его торговыми интересами; он посещал все видные торговые места и даже по месяцу оставался в них. Из Персии Никитин отправился в Индию. Путешествие его по Индии продолжалось почти три года: от весны 1469 года до января или февраля 1472 года. Описание этого путешествия занимает большую часть дневника Никитина. Он отправился из Ормуза на Фоминой неделе 9-го или 10-го апреля 1469 года и в двадцатых числах апреля подошел к Индийскому берегу в Диу, затем имел остановку у Камбои по пути к Чювилю, куда прибыл через шесть недель. Здесь он был поражен видом «черных» обнаженных индийских туземцев и их «плохой едой». Продолжая свое путешествие через горы Гатские до Пали, Умри и далее к Чюнейру (Джюниру), Никитин не забывал своего торгового дела и, по-видимому, умел и на чужбине извлекать из него выгоду. Из Чюнейра, где он чуть не лишился свободы за отказ переменить веру, Никитин отправился через Кулонгер и Кельбург в Великий Бедер, где оставался несколько месяцев. В течение следующего затем года Никитин, по-видимому, продолжал путешествовать по Индии, что видно из подробных, изобличающих самовидца описаний городов Биджнагура и Рачюра. С наступлением 1471 года Никитин задумал вернуться на родину, что осуществить было нелегко вследствие происходивших в то время на Индостане войн. Боясь оставаться в Индии, чтобы не издержать всего своего достояния, Никитин вынужден был отказывать себе во многом: не пил ни вина, ни сыты и все же издерживал в день по два с половиною алтына. За месяц до байрама он вышел из Бедера и чрез Кельбург, Кулури, город, знаменитый драгоценными камнями, особенно сердоликом (в этом городе Никитин провел пять месяцев), Алянд, куда он прибыл, вероятно, во второй половине октября

1471 года, Ка-мендрию, Кынаряс, Сур в начале 1472 года добрался до Дабыля. Таким образом, во время своего путешествия по Индии Никитин объехал значительную часть западного полуострова, между реками Кистой и Годавери, т.е. области Аурунгабад, Бедер, Гейдерабад и Беджапур. Вместе с описаниями местностей, которые он посетил, он занес в свои записки и замечания о природе страны и ее произведениях, о народе, его нравах, верованиях и обычаях, о народном управлении, войске и т.п. Его заметки о народном управлении, несмотря на свою сбивчивость, любопытны тем, что их нет в рассказах других современников. Большой точностью отличается рассказ Никитина о поклонении индусов «Буте» в священном городе Парвате. Из животных он обратил внимание на слонов, буйволов, верблюдов, обезьян, живущих, по его словам, в горах, по скалам и по лесам и имеющих своего «князя обезьянского». Поразили Никитина также змеи «в две сажени длиной» на улицах Бедера и птица «гукук», летающая ночью, предвещающая смерть и изрыгающая огонь на тех, кто намеревается ее убить. Из царства растительного Никитин обратил внимание исключительно на некоторые пальмы и «великие», по-видимому, кокосовые, орехи. Подробно описаны Никитиным в особых заметках пристани Индийского моря. Описание это особенно любопытно, так как дает довольно подробные сведения о торговле и мореплавании того времени. Никитин указывает, чем богата каждая пристань. В Дабыле Никитин окончательно распростился с Индией. Припоминая своей отъезд, он отметил, что Дабыль — город очень большой, что туда съезжается все поморье Индейское и Эфиопское. «И ту окаянный аз рабище Афанасие Бога вышняго, творца небу и земли, взмыслихся по вере, по христианской, и по крещении Христове и по говейных святых отец устроенных, и по заповедех апостольских, и устремихся умом пойти на Русь». Он сел в тову (судно), договорив для себя место за два золотых от Дабыля до Ормуза. Однако ветры занесли корабль в сторону и после месячного плавания он пристал к берегу в виду Эфиопских гор, где подвергся нападению туземцев. Через пять дней корабль продолжал плавание, а через двенадцать Никитин высадился в Мошкат. Здесь он отпраздновал шестую за время своего странствования Пасху и после девятидневного плавания прибыл в Ормуз, откуда по знакомым местам добрался до расположенного близ Тавриза стана знаменитого завоевателя Западной Азии — Асан-бега, где провел десять дней, чтобы разведать, каким путем можно пробраться на север. В сентябре 1472 года он через Арцингам направился в Трапе-зонт, куда прибыл ко дню Покрова. Здесь Никитин подвергся обыску, причем у него «все, что мелочь добренькая, они выграбили все». С большим трудом, вследствие частых бурь на Черном море, удалось Никитину добраться до Балаклавы, а оттуда к Кафе, где он облегченно воскликнул: «милостию Божию преидох три моря». Неизвестно, какую дорогою

воротился Никитин на Русь, но можно думать, что возвращался он через Крым и Литву. Умер Никитин, не доехав до Твери, — в Смоленске. Лучшая характеристика Афанасия Никитина и его дневника, внесенного в полном виде в «Софийский временник» под 1475 годом под заглавием «Написание Офонаса тверитина купца, что был в Индеи четыре года, а ходил, сказывают, с Васильем Папиным», — дана академиком И. И. Срезневским. «Как ни кратки записки, оставленные Никитиным, — говорит он, — все же и по ним можно судить о нем, как о замечательном русском человеке XV века. И в них он рисуется, как православный христианин, как патриот, как человек не только бывалый, но и начитанный, а вместе с тем и как любознательный наблюдатель, как путешественник писатель, по времени очень замечательный, не хуже своих собратьев иностранных торговцев XV века. По времени, когда писаны, его записки принадлежат к числу самых верных памятников своего рода: рассказы ди Конти и отчеты Васко да Гама одни могут быть поставлены вровень с «Хожением» Никитина. Как наблюдатель, Никитин должен быть поставлен не ниже, если не выше современников-иностранцев». Предприимчивый, совершивший, вероятно, не одно путешествие за пределы Руси, что видно из приведенного им сравнения изображения Будды со статуей Юстиниана, находившейся в Константинополе, и дружественных его отношений с иностранными купцами, Никитин, несмотря на неудачи, не падал духом и, увлеченный рассказами восточных купцов, «залгавших его псов-бесерменов» о находившихся в Индии товарах, полезных для его родины, смело пробирался вперед, в земли неведомые. Общительный, наблюдательный, быстро усваивавший языки, Никитин тщательно знакомился с предметами торговли каждого города, а попутно и с природой и жителями каждой страны. Человек верующий, после пропажи религиозных книг вынужденный соблюдать посты и праздники приблизительно, Никитин искренно скорбел об этом, жалуясь в «Хожении», что не знает, «когда пост, когда Рождество Христово, когда среда, когда пятница». Видя новые религии, Никитин невольно должен был задаваться вопросом, какая же вера правая, и приходил к замечательному для человека того времени заключению: «А правую веру Бог ведает, а правая вера — Бога единого знати и имя его призывати на всяком месте чисте чисто». Отмечая особенности и достоинства виденных им земель вполне беспристрастно, Никитин часто переносился мыслью на Русь. С особенною силою проснулись в нем воспоминания о родине в городе Дабыле. Даже после всего того, что он видел в разных странах, русская земля кажется ему всего прекраснее, и, вспоминая ее, Никитин восклицает: «А Русская земля — да сохранит ее Бог, Боже, сохрани ее! В этом мире нет такой прекрасной страны. Да устроится Русская земля!»

ЗАТРАПЕЗНОВЫ

I

К числу ярославцев, наживших капитал торговлею города, принадлежал купец гостиной сотни Максим Семенович Затрапезнов, отец основателя Ярославской Большой мануфактуры — Ивана Максимовича Затрапезнова.

Но — прежде всего — несколько слов о населении городов тогдашней Руси, о «купцах гостиной сотни» и о их роли и значении в ряду других городских сословий.

Главным лицом в городах того времени был воевода; в его руках сосредоточивалась вся правительственная власть по областному управлению: он должен был хранить и промышлять государевы интересы, беречь накрепко, чтобы не было грабежа и разбоя, воровства, корчемства и распутства; судил воевода и по гражданским делам, ведал и духовные, и военные; челобитчики и просители приносили воеводе «посулы» и «поминки», а его близким и слугам подарки; это называлось «кормлением воеводы» и, по тем временам, не имело ничего зазорного; кого угощал воевода, за это приглашенные должны были отдаривать.

Вторым за воеводу был губной староста, ведавший дела полицейско-уголовные, он избирался на должность из дворян всеми сословиями.

Для мирской службы земскими людьми (т.е. торговыми и посадскими людьми, черною сотнею и крестьянами) избирались земский головной староста и, в товарищи ему, земские старосты, от каждой сотни по одному; в Ярославле их, по числу сотен, было 7; к ним от обществ — волостные третчики или совестные люди.

На земских выборах, на головного старосту и на его товарищей было возложено дело оценки имущества податных лиц, раздел земли и вообще городское хозяйство, раскладка податей, выбор целовальников к государеву делу, т.е. присяжных, целовавших крест. На службу в земскую избу всегда выбирались богатые люди; и тяжела была эта служба, в большинстве ведшая к разорению служащих, так как недоборы по податям и определенным доходам падали на них.

Полицейские служители в городе назывались «земскими ярыжками»; они ходили в каком-либо одноцветном платье и имели на груди буквы «З.Я.».

Городские обыватели делились на «беломестцев», т.е. не платящих поземельные подати, и на «тяглых людей» — платящих подати.

К беломестцам принадлежали: духовенство, служилые и ратные люди и

ремесленники, работавшие по казенной надобности. Государевы гости и — наконец — купцы гостиной и суконной сотни.

К тяглым людям принадлежали: посадские, казенные и черной сотни люди и слободские.

К духовенству принадлежали причты церквей с их семьями и монашествовавшие. Класс служилых людей составляли лица, находящиеся на службе по указу царя; сюда же принадлежали и ратные или военные люди, казенные мастеровые и купцы государевой сотни, или государевы гости.

Государев гость есть особое почетное звание, дававшееся купцам в XVII веке за заслуги государству в коммерческих делах; таких было немного; так, в царствование Алексея Михайловича число всю Россию, не превышало тридцати; на звание это выдавалась грамота, привилегии их состояли в том, что они и не отделенные от них их семьи подлежали только царскому суду, или особому лицу, на: ному по указу царя; как они, так равно их семьи и служащие, освобождались от общинных служб, пошлин и повинностей, имели право вотчинами и получать поместья; имели свободный выезд за границ варам; они были освобождены от присяги, а вместо них отвечали де и присягали их служащие; они могли держать у себя безъявочно всякого рода напитки и топить летом печи и бани; за обиду и бесчестье гостю платилось 50 рублей, а за обиду детей — 20 рублей; служба гостей, по назначению царя, была финансовая: заведование таможенными, кружечными дворами, царскою казною и казначеями; гости, для своего времени, были весьма крупными капиталистами: торговые обороты их простирались от 20 до 100 тысяч рублей в год, каковые, если принять во внимание ценность денег тогда и теперь, следует, по современному понятию, признать миллионными.

Что же касается до купцов гостиной и суконной сотни, то сотни эти состояли из богатых купцов или добровольно избираемых, или переводимых из посадских людей по распоряжению правительства; звание это передавалось по наследству вместе с капиталами и товарами; купцы гостиной и суконной сотни регистрировались правительством; привилегии их состояли в том, что они не несли общих повинностей с посадскими людьми; из них избирались должностные люди в головы, старосты, целовальники и др.; они не платили тягла, т.е. поземельной подати и могли держать у себя в домах для себя разные напитки; но они вносили пошлину с своих промыслов и не имели права покупать земли вне города. Гостиная и суконная сотни дробились на три статьи: большую, среднюю и меньшую; деление это основывалось на значительности торговых оборотов; гостиная сотня была почетнее суконной, так, за бесчестье купцу гостиной сотни первой статьи уплачивалось 20 рублей, а купцу суконной сотни — 15 рублей и т.д.; в общем —

крупные торговцы гостиной и суконной сотни, особенно «гости», являлись одним из самых влиятельных общественных элементов Московской Руси.

Посадские люди составляли общину; в Ярославле они, так же как и в Москве, делились «на сотни», которых было 7: Городовая, Сретенская, Никольская, Дмитровская, Духовская, Спасская и Толчковская; местоположение сотен нужно искать в их названиях: Городовая — очевидно — находилась в крепости, следующие 5 — получили свое название от ближайших церквей: Сретения Господня, Николо-Надеинской, Дмитрия Со-лунского, Духа Св. и Спасского монастыря; что же касается до Толчковской, то центром ее являлась церковь Иоанна Предтечи, а название свое она получила от главного занятия жителей — толчения дубовой коры, применявшейся на кожевенных заводах этой местности при дублении кож; в состав Толчковской сотни входили слободы: Мельничная, Толчковская, Друпина, Шилова, Коровницкая и Тверицкая; Спасской сотне принадлежали приход Богоявленский, Спасская слобода и слободка Крохина; из остальных сотен — 3 делились на «десятки», а именно: Сретенская — на 4; Никольская — на 2 и Духовская — на 9; десятки тоже имели свои названия, например, в Никольской сотне были Козьмодемьянский и Варваринский десятки; цифры дворов в десятках были довольно близки между собою, например, в Духовской сотне в одном десятке было 74 двора, в другом — 89, в остальных — 76, 60, 60, 59, 66, 76 и 57.

Общину посадских людей составляли мелкие торговцы, промышленники, ремесленники и другие на тех же основаниях, как и сельские волости, т.е. на общем землевладении, круговой поруке в уплате податей и отправлении повинности и на выборном управлении; это общинное состояние передавалось от отца к детям; если кто женился на дочери посадского человека и вступал в его семью, то он должен был записаться в тягловые посадские люди; никто из посадских людей не мог самовольно оставить выделенное ему общиною место; посадские люди также делились на три статьи: лучшую, среднюю и меньшую; посадский человек не имел права продать или передать свой надел или лавку беломестцу, но только посадскому же или тягловому человеку; откупа, таможи, кабаки, бани, перевозки, мосты и другие места предоставлялись исключительно посадским людям и дворовым крестьянам; исключительно из посадских же людей выбирались головы, целовальники, подьячие, сторожа, тюремщики и палачи; за бесчестье посадского из лучшей статьи платилось 7 рублей, средней — 6 и меньшей — 5 рублей; на посадских людях лежало все земское, финансовое и хозяйственное дело города; в общем это было самое страдательное сословие горожан.

Условною единицею меры обложения податных лиц была «соха». Она имела 4 статьи: лучшую, среднюю, младшую и худшую.

Принадлежность податного лица к той или другой статье обуславливалась его достатком. Поборы того времени с сохи, в Ярославле, были таковы: «в наместничий доход и присуд 1 рубль 9 алтын 2 деньги; ямских 10 рублей; мурзам и языкам 24 алтына; данных 20 рублей; полоняничных 2 рубля; пищальных 28 рублей 8 алтын 5 денег; поворотных 6 рублей; меховых 23 алтына 3 деньги». С ловецкой же сохи, взамен ямских денег и денег приказа большого дворца, посадские и ловецкие люди должны были доставлять в Москву, в три срока, красной рыбы на царский стол ежегодно 40 осетров, 20 севрюг, 70 белорыбиц и 300 стерлядей. Эта царская рыба сохранялась в садках; в ярославские садки свозилась рыба и из других мест.

Кроме того, торговые люди, посадские и купцы платили с лавок оброку в съезжую воеводскую избу по 3 алтына и 3 деньги с лавки в год.

Наконец, к черным сотням принадлежали: слободские жители города, затем дети попов, дьяконов и причетников, жившие на церковных землях и занимавшиеся торговыми промыслами, и, наконец, пригородные и жившие на городской земле крестьяне. Люди черной сотни платили тягло и другие повинности, служили целовальниками и десятскими по выбору; имели право держать у себя напитки в определенном количестве по выданному на то свидетельству (явки).

Выше упоминалось, что к числу ярославцев, обогатившихся торговлею, принадлежал Максим Семенович Затрапезнов, отец основателя Ярославской Большой мануфактуры.

К сожалению, сведений об этой интересной личности и о его детях осталось очень немного; несомненным можно считать лишь, что это был человек довольно богатый, владевший в Ярославле несколькими домами и лавками и торговавший в рядах — москательном, крашенинном, коробейном и красильном; все это видно из нижеследующей выписки из описи Ярославского гостиного двора 1691 года.

РЯД МОСКАТЕЛЬНОЙ, С СЕРЕДНЕВА КРЕСЦА В РЯД ИДУЧИ ПО ЛЕВОЙ СТОРОНЕ... «Лавка без трети гостиной сотни Максимка да Петрушка Затрапезного. Сказали, что у них на тое лавку без трети крепости сгорели, а оброку 15 алтын».

РЯД КРАШЕНИННОЙ, ЧТО БЫВАЛ НАПЕРЕД СЕГО ОДНОРЯДОШНОЙ И КАФТАННОЙ... «Две лавки гостиной сотни Максима да Петра Затрапезновых. Оброку 8 алтын. Сказали, что де у них на те две лавки крепости в пожарное время сгорели».

РЯД КОРОБЕЙНОЙ И КРАСИЛЬНОЙ... «Место лавочное гостиной сотни Максима да Петра Затрапезновых. Оброку 6 алтын 4 деньги. По сказке крепость у них на то место утерялась...» «Полтора места гостиной сотни Максима да Петра Затрапезновых. Оброку 15 алтын. Сказали, что де у них

крепость на те полторы места в пожарное время сгорела...» «Полторы лавки гостиной сотни Максима да Петра Затрапезновых. Оброку 15 алтын. Сказали, что у них на те лавки крепость в пожарное время сгорела».

А вот любопытный документ, содержащий показание М. Затрапезнова, данное им пред Ярославской канцелярией Надворного суда о самом себе, о его семье, о платимых налогах и проч.

«11 августа 1721 года по указу Великого Государя Царя и Великого Князя Петра Алексеевича Всея Великия и Малыя и Белья России Самодержца в Ярославской Канцелярии Ярославской Провинции Надворного Суда перед Господином Судьею Андреем Яковлевичем Дашковым гостиной сотни Максим Семенов сын Затрапезной по Святей непорочной Евангельской заповеди, Господи, ей-же-ей правду сказал: от роду ему пятьдесят один год, у него дети: Андрей 24, Иван 20, Дмитрий 18, Гаврило 10 лет, да крепостной человек Иван Степанов 50 лет; у него же, Максима, брат родной Петр 46 лет, у него сын Иван двух лет; а больше того детей мужеска полу и свойственников, и лавочных сидельцев, и работников при нем никого нет. А десятой деньги в год платит он по рублю, да с того же рубля накладных с ярославского посаду на гостиную сотню рубль же; драгунских и подводных — два алтына пять денег; за С.-Петербургской провиант — рубль; на покупку и на подряд морского провианта и припасов — тридцать алтын пять денег; на дело канала — шесть алтын четыре деньги; за Новгородскую и прочие провинции, где на винтер-квахтерах армейские полки, — пять алтын полпяты деньги; да с торгового своего промыслу в москательном ряду, в равенстве с посадскими людьми, в окладные платежи: в стрелецкие, в рекрутские, с рыбных ловель — десять рублей шесть алтын четыре деньги; всего в год платежа его, с братом и с детьми, четырнадцать рублей два алтына полтрети деньги. А ежели он. Затрапезной, в сей сказке что сказал ложно, иль детей мужеска полу и свойственников и людей и работников и прикащиков и сидельцев при себе хоть единую душу утаил, — и за то указал бы Великий Государь учинить ему указ и об утаенных людях, как о том именной Его Царского Величества указ повелевает. К сей сказке Гостиной сотни Максим Затрапезнов, что я в сей сказке написал самую истину, не утая ни единой мужеска полу души, и руку приложил».

Из документа этого видно, что Максим Затрапезнов имел 4 сыновей: Андрея, Ивана, Дмитрия и Гавриила, что у него был родной брат — Петр, с 2-летним сыном Иваном и, кроме того, «крепостной человек» Иван Степанов, а также что налогом М. Затрапезнов с братом и детьми платил «четырнадцать рублей два алтына полтрети деньги».

Максим Затрапезнов был женат на дочери посадского Прасковье Петровне Максимовой, жили они сначала в «Никольской сотне в Никольском

приходе» (т.е. в приходе церкви Николая Надеина), а затем — «в Спасове сотне Никольском приходе», т.е. в приходе церкви Николая Мокрого. .

Из этого же документа, между прочим, видна маленькая, но очень характерная для личности М. Затрапезнова и его жены подробность, а именно: У Прасковьи Затрапезновой, в Духовской сотне, по Железной улице, был собственный «двор», по всей вероятности — полученный ею в приданое от отца. Так вот в этом дворе, в момент переписи 1717 года, «за скудо-стию» проживал «посадский человек Прокофей Васильев, сын нищей, 62 лет, с женою Марьею 57 лет», ранее того, как видно из того же документа, до переезда Затрапезновых, проживавший в приходе Николая Мокрого в Никольской сотне у Затрапезновых же.

Очевидно, что в данном случае Затрапезновы давали приют бедняку — нищему, сначала у себя в доме в приходе Николая Надеина, а потом, после переезда в приходе Николая Мокрого, когда, по-видимому, подходящего помещения не оказалось, ему отвели квартиру в доме Прасковьи Затрапезновой на Железной улице.

Черточка, рисующая М. С. Затрапезнова и его жену людьми добрыми и сердечными.

Одними из первых ярославцев, надумавших вместо торговли заняться фабричным делом, были Максим Семенович Затрапезнов и его сыновья.

Как и каким путем они, торговцы крашенинными и красильными товарами, дошли до мысли об устройстве в Ярославле фабрики, притом именно фабрики полотняной, а не какой-либо иной — сведений не имеется: известно лишь, что в 1721 году, по именному указу Петра Великого, Максиму Затрапезнову и его сыновьям было приказано вступить в число компаньонов Тамеса и, совместно с Тамесом и с другими компаньонами, «производить» в Москве полотняную мануфактуру, да еще то, что указ этот был дан Петром без подачи о том Затрапезновыми прошения.

«В 1727 году, по прошению Ивана Максимовича Затрапезнова, для размножения той их мануфактуры, по определению Мануфактур-коллегии, отведено им от Ярославского магистрата по близости той их фабрики градской пустой земли длиною двести пятьдесят, шириною двести сажень».

Почти одновременно с только что упомянутым отводом земли Затрапезновы получили две казенные фабрики: полотняную и каламинковую, да часть инструментов казенной же писчебумажной фабрики и масляной мельницы: «В том же 1727 году 16 декабря, по силе указов Верховного Тайного Совета и Высокого Сената и мнения Комиссии о Коммерции, отданы им же, Затрапезновым, в собственное содержание имеющиеся в Санкт-Петербурге на коште Ее Императорского Величества полотняная и каламинковая мануфактура и часть бумажной мельницы инструментов, и

велено им оные каламинковую и полотняную мануфактуру, бумажную и масляную фабрики в Ярославле, или где они захотят, завести, и в компанию принимать им свободно; и быть тем всем мануфактурам и фабрикам за ними вечно, и за помянутые инструменты деньги велено по оценке заплатить им, Затрапезновым, по прошествии пяти лет, в чем Иван Затрапезнов и подписался, а каламинковой мануфактуры и бумажной фабрики инструменты отданы безденежно; да с Красносельской бумажной мельницы подмастерья и четыре человека от разных художеств старых учеников; а тех полотняной и каламинковой мануфактур мастера и ученики отданы им же, Затрапезновым, при тех мануфактурах, которых велено им содержать на их коште, и довольствоваться им при тех мануфактурах и фабриках, смотря по их трудам так, как и других мастеров довольствуют; а для масляной мельницы отдан подмастерье Власов».

Так как для приведения в движение механизмов бумажной и масляной мельниц (ролей, колотильных молотов и пр.) требовалось довольно значительное количество силы, которой на отведенном под устройство полотняной фабрики участке земли от протекавшего по нем ручья Кавардаковского получить было нельзя, то 16-го декабря 1727 года Затрапезновым было отведено «при Ярославле, при реке Которосли, градское место, где была мельничная плотина от вешней воды разломана без остатку; да при том лежащую градскую пустую землю при их же Затрапезновых кирпичных заводах; и как те мельницы построют, на них оброку накладывать не велено, понеже с тех мест оброку ныне не берется».

Из другого места того же указа видно, что плотина эта, ранее отдачи ее Затрапезновым, была отдана Макару Скобяникову — под устройство замшевого завода.

На плане Ярославля 1799 года, на левом берегу Которосли, совсем рядом с плотиною, показаны пунктиром два каких-то деревянных здания, видимо, и изображающие бывшие на этом месте, до составления плана, здания завода Скобяникова.

Так как, с другой стороны, известно, что вся местность по правому берегу Которосли, как раз против этого завода, за свой глинистый грунт, носила в прежние времена название «Глинищи», то при сопоставлении всех этих указаний одного с другим делается ясным, что кирпичные заводы Затрапезновых, о которых только что упоминалось в указе Мануфактур-коллегии, находились на том месте, на котором стоят здания современной мануфактуры.

Так вот — так как участок земли под кирпичными заводами Затрапезновых был, видимо, не велик, — то вышеупомянутым указом его и предписывалось увеличить прирезкою «пустой градской земли», примыкавшей к

их, Затрапезновых, кирпичным заводам.

Характерно, что некоторая неясность редакции указа об отводе Затрапезновым градского места, «где была мельничная плотина от вешней воды разломана без остатку», без упоминания о самой плотине, дала городскому магистрату повод в 1731 году, когда не только плотина, но и бумажная и масляная мельницы были уже пущены в ход, возбудить вопрос о правах Затрапезновых на построенную ими плотину и о праве города сдавать ее в аренду с торгов с переторжками, вследствие чего Затрапезновым пришлось писать в Мануфактур-контору «доношение», благодаря которому Мануфактур-конторою 2 апреля 1731 года вторично было приказано: «В Ярославле плотину, которая прежде всего отдана была к замшаному заводу Макару Скобяникову, отдать вышеписаным Затрапезновым под строение бумажной их же мельницы, из оброку без переторжки, для того, что в нынешнем 1731 году, по определению Мануфактур-конторы, тот его, Скобяникова, замшаной завод за непроизведение оставлен, а Затрапезновы имеют в Ярославле разные мануфактуры и фабрики не малые».

Из этого последнего распоряжения Мануфактур-конторы видно, что плотина, или, точнее, право пользования водяною силою Которосли, было отдано им не бесплатно, а из оброка, в чем и выразилась уступка Мануфактур-коллегии правам города на водяную силу.

Кстати, о плотине. Первая плотина на том месте, которое указом 16 декабря 1727 года было отдано Затрапезновым (и на котором она существует и по сие время), была устроена ярославским посадским Михаилом Афиногеновичем Пожиловым в 1669 году. Так как, благодаря устройству этой плотины, а также еще двух — в двух других местах Которосли, судоходство по Которосли прекратилось, то обстоятельство это вызывало со стороны жителей города Ростова большое недовольство и послужило поводом подачи ими нескольких челобитных о срытии плотин.

Челобитные эти успеха не имели; единственно, чего ростовцам удалось добиться — это издания императрицею Екатериною II в 1767 году, т.е. через сто лет после появления по Которосли плотин, указа об устройстве при плотинах шлюзованных каналов; первый такой канал при мануфактуре был устроен в 1768 году, но его в том же году промыло и потому пришлось перделывать вновь.

Окончательно канал был готов в октябре 1770 года, с какого времени и был открыт для общего пользования.

Одновременно с землями под устройство фабрик Затрапезновым были подтверждены все старые и, сверх того, даны некоторые новые, не имевшие у них ранее, права и привилегии:

«А когда те фабрики построятся, по урочных летах, будет собираться с

деланного товара пошлина. И для лучшего тех мануфактур и фабрик учреждения велено им выписывать из-за моря мастеров и учеников и туда для совершенного искусства посылать с пашпортами свободно, и инструменты из-за моря вывозить и в России покупать ныне и впредь беспошлинно, дабы в размножении таких мануфактур и фабрик не имели никакою пошлиною за инструменты отягощены быть. С покупки на те мануфактуры и фабрики материалов в России и с продажи товаров, против других фабрик, пошлин брать не велено, а именно с бумажной и масляной, и с полотняной пять лет, с каламинковой десять лет; а в отпуск за море те товары отпускать с платежом указанных пошлин. И показанным Затрапезновым на вышеозначенные новые, также и на прежние мануфактуры, по силе указов и прочих данных привилегий, велено сочинить немедленно привилегию и, рассмотря, для конфирмации внести Высокому Сенату при предложении, дабы они, Затрапезновы, с надеждою могли те мануфактуры и фабрики распространять и деньги употреблять без опасения, которая в Мануфактур-конторе и сочинена, токмо еще не подана».

Получив землю, инструменты и мастеров, И. М. Затрапезнов приступил к постройке новых фабрик.

Прежде всего, для, так сказать, начатия дела, на ручье Кавардаковском, на том месте, на котором в настоящее время стоит, рядом с Единовержескою церковью, мукомольная мельница, им была выстроена небольшая писчебумажная фабрика, а затем, ко второй половине 1731 года, были отстроены и пущены в ход и все прочие фабрики, а в том числе — и большая писчебумажная фабрика на реке Которосли.

Таким образом, все фабрики были устроены и пущены в ход менее чем в 4 года.

Эта скорость постройки должна быть признана прямо-таки изумительной. Дело в том, что. Затрапезновым, под расширение мануфактуры, было отведено непроходимое болото, которое, прежде чем начать возводить на нем какие бы то ни было строения, нужно было осушить, для чего И. М. Затрапезнову, как это видно из надписи на могильном его памятнике, пришлось вырыть «пруды и каналы довольные», о громадности размеров коих можно судить по сохранившимся их остаткам; для того же, чтобы пустить в ход бумажную и масляную мельницы, пришлось выстроить на Которосли новую плотину, на месте «от вешней воды разломаной без остатка», т.е. совершить работу прямо-таки колоссальную, понятие о размерах коей дает ныне существующая при мануфактуре плотина.

Пустив фабрики в ход, И. М. Затрапезнов, видимо потеряв надежду получить обещанную в 1727 году привилегию, подал в августе 1731 года . в Мануфактур-коллегию прошение, в котором, ссылаясь на то, что указ 1722

года о постройке в Ярославле полотняной фабрики остался у Тамеса и на то, что «полотняная с прочими мануфактуры имеется у них, Затрапезновых, в немалом учреждении», просил Мануфактур-коллегию «до привилегии дать особый указ с прочетом», в котором включить и другие мануфактуры, и бумажную фабрику, т.е., очевидно, те самые, которые незадолго перед этим были отстроены и пущены в ход.

При прошении Затрапезнов представил и образцы вырабатываемых на фабриках изделий.

Просьба Затрапезнова была исполнена, притом в такой форме, лучше которой Затрапезновы, как фабриканты, не могли и желать: «Сего сентября 7 дня, по указу Ее Императорского Величества, Конторе мануфактурных дел определено: понеже вышеписанные содержатели Затрапезновы хотя на свои мануфактуры и фабрики привилегий и не имеют, однако ж они те мануфактуры и фабрики произвели через российских мастеров, кроме иноземцев, и в добром порядке содержат, и размножают со всяким усердием, не щадя своего капитала; к тому же и делающиеся на их мануфактурах товары, за достойным их присмотром, пред другими такими же мануфактурами и фабриками, в доброту лучшего не малым обстоят; а скатерти, салфетки и бумага — делаются против заморских без охулки; того ради им, Затрапезновым, к вящей охоте и надежного оных мануфактур и фабрик доброго содержания и умножения, по силе именного и Верховного Тайного Совета и Высокого Сената указов и Мануфактур-конторы определений, до привилегии, которая в Правительствующий Сенат вознесена и опробована будет, дать им ныне из Мануфактур-конторы с прочетом указ, и Генерал-губернаторам, Губернаторам, Вице-губернаторам и Воеводам и прочим начальствующим, кому о сем ведать надлежит, вышеписанным Максиму, Ивану, Дмитрию, Гавриле Затрапезновым чинить всякое вспоможение, а обид и налогов не токмо самим чинить, но от других по всякой возможности охранять, под опасением Ее Императорского Величества гнева и пени, и платежа им убытка, от кого какой учинится; и прочет: сей Ее Императорского Величества указ, где надлежит, брать копию, а сей подлинный отдать им, Затрапезновым, или посланным от них, с расписками. Дан в Москве 7 сентября 1731 года».

Указ этот дает материал для нескольких любопытных выводов.

Так, в нем упоминается, что Затрапезновы свои фабрики и мануфактуры «произвели через российских мастеров, кроме иноземцев». Отсюда следует, что Затрапезновы данным им указами 28 июня 1722 года и 16 декабря 1727 года правом: «для лучшего тех мануфактур и фабрик учреждения» «выписывать из-за моря мастеров и учеников» — не пользовались, довольствуясь «мастерами российскими».

С другой стороны, так как скатерти и салфетки затрапезновских фабрик тем же указом признавались изготовленными, «против заморских, без охулки», то очевидно, что ввиду невозможности обойтись, при изготовлении таких салфеток без мастеров, знакомых с постановкою дела на фабриках «заморских», приходится заключить, что Затрапезновы пользовались другим данным им разрешением: «русских мастеров и учеников» — «за море» — «для совершенного искусства посылать с паспортами свободно».

Далее — про устроенные Затрапезновыми фабрики — в указе говорится, что «мануфактуры и фабрики свои они (Затрапезновы) в добром порядке содержат и размножают со всяким усердием, не щадя своего капитала»; последнее указание особенно ценно: оно ясно указывает на громадность затрат, сделанных Затрапезновыми на устройство своих новых фабрик; в особенности велики должны быть затраты на устройство на Которосли новой плотины, построенной на месте «от внешней воды разломаной без остатку», и на осушку «непроходимого болота», отведенного магистратом под устройство полотняной фабрики.

Далее — про изделия затрапезновских фабрик в указе говорится, что «делающиеся на их мануфактурах товары, за достойным их (Затрапезновым) присмотром, пред другими таковыми же мануфактурами и фабриками в доброту лучшего немалым обстоят; а скатерти, салфетки и бумага — делаются, против заморских, без охулки».

Характеристики эти очень ценны; из них мы узнаем о лучшем качестве изделий затрапезновских фабрик сравнительно с изделиями прочих русских фабрик того времени, а следовательно (нельзя указу не верить!), и фабрик, основанных учителем Затрапезновых — И. Тамесом в Москве и Кохмем; факт в высшей степени интересный для характеристики способностей И. М. Затрапезнова, этого «истинно первого мануфактура премудрого и искусного изобретателя» (так охарактеризован он в надписи на намогильном его памятнике), сумевшего в короткое сравнительно время, каких-нибудь 9-10 лет, не только догнать, но и обогнать своего учителя.

Наконец из выражения указа, что «скатерти, салфетки и бумага делаются, против заморских, без охулки» — видно, что изделия затрапезновских фабрик были ничем не хуже изделий заграничных фабрик того времени.

В заключение не могу не обратить внимание читателя на общий тон указа, наполненного перечислением заслуг Затрапезновых и их восхвалением, и на заключительную его часть, предписывающую генерал-губернаторам, губернаторам и прочим начальствующим «чинить» Затрапезновым «всякое вспоможение, а обид и налогов не токмо самим чинить, но от других по всякой возможности охранять, под опасением Ее Импера-

торского Величества гнева и пени, и платежа им убытка, от кого какой учинится», совершенно необычный для указов того времени, выдававшихся на учреждение фабрик и заводов.

Закончив постройку фабрик, И. М. Затрапезнов до 1736 года никаких крупных построек более не предпринимал, употребив, по-видимому, это время на внутреннее улучшение и усовершенствование мануфактуры.

Свидетелями этого периода жизни мануфактуры остались два указа, изданные в ответ на возбужденные И. М. Затрапезновым ходатайства: один сенатский, от 13 июля 1736 года, вследствие поданного им в Кабинет Ее Императорского Величества доношения, о разрешении выписывать из Голландии крепкую водку, требовавшуюся для окраски шерсти в алый цвет, а другой — именной, от 7 января 1736 года, по поводу возбужденного И. М. Затрапезновым, сообща с пятью другими фабрикантами, ходатайства о разрешении прикрепить к их фабрикам вольнонаемных рабочих на вечные времена.

Что касается до первого из упомянутых указов, то из него видно, что Медицинская Канцелярия, на рассмотрение коей было отдано вышеупомянутое «разных мануфактур и фабрик содержателя Ивана Затрапезного доношение, об отдаче ему удержанной в портовой таможне крепкой водки, которую он для крашенья на каламинки шерсти в составах алого цвета в 1734 году из Амстердама выписал...» — рассуждает, что ему, Затрапезнову, и другим фабрикантам, «которые с subtilными работами обходятся, вольность дать надлежит, дабы оную водку или из казенных аптек брать, или из-за моря выписывать, чтобы от происшедшей иногда от иной какой причины неудачи их красок не принуждением здешней крепкой водки оправдывались».

Исходя из этого отзыва, Сенат приказал: «Купленную крепкую водку фабриканту Затрапезнову отдать, и впредь в покупке на фабрики таких крепких водок для крашенья на каламинки шерсти оному и другим фабрикантам, из казенных ли аптек хотят брать, или из-за моря, выписывать для показанных в том доношении резонов дать позволение. Однако ж о выписанных из-за моря крепких водках, сколько когда привезено будет, сверх объявления в Коммерц-Коллегии, объявлять им в Медицинской Канцелярии; и дабы, кроме того, что на крашенье им потребно, той водки ни на что не употребляли и не продавали, в том у тех фабрикантов, кому такая водка для своих фабрик потребна, взять подписки, под жестоким штрафом, в Коммерц-Коллегии, и по взятии оных из той Коллегии в Медицинскую Канцелярию дать знать».

Указ этот интересен в том отношении, что указывает на существование при мануфактуре красильни и на изготовление, наряду с изделиями из льна,

изделий и из шерсти. Впоследствии на мануфактуре, как увидим ниже, изготовлялись изделия и из шелка.

Что же касается до второго указа, то суть его заключается в том, что всем рабочим мануфактуры, работавшим на ней по вольному найму, «которые поныне при фабриках обретаются, и обучались какому-нибудь мастерству, принадлежащему к тем фабрикам и мануфактурам, а не в простых работах обретались», приказывалось «быть при фабриках вечно», т.е., иными словами, указом этим дотолде вольных людей предписывалось приписать к мануфактуре и, таким образом, сделать крепостными.

Вот наиболее существенные места этого указа, совершившего в жизни рабочих фабрик и заводов того времени целый переворот и совершенно видоизменившего характер взаимоотношений между рабочими, с одной стороны, и владельцами фабрик — с другой.

«...А понеже Наш Правительствующий Сенат ныне Нам доносил, что он, рассматривая поданные от фабрикантов прошения, а именно Ярославской полотняной и других Ивана Затрапезного с братьями, суконных: Московской — Володимира Щеголина с товарищами, Казанской — вдовы Авдотьи Микляевой с наследником; полотняной и парусной Афанасия Гончарова, Федора Подсевальщикова, Ивана Тамеса с товарищи, к размножению и спокойному тех их прежде заведенных фабрик содержанию, и к побуждению вновь заводить, паче денежной помощи, за нужное изобрели недостаток в мастерах, и в подмастерьях, и учениках, и работных людях, принадлежащих до тех фабрик, что фабриканты, для невозможностей, принимали в ученики солдатских детей, коих по указам Нашим поведено писать в службу, а другим всякому держать под штрафом запрещено; также дворцовых, и синодальных, и архиерейских, и монастырских людей и крестьян и прочих разночинцев, положенных и неположенных в подушной оклад, которые через многие годы на фабриках мастерству обучались, и явились после беглыми, за которых в пожилых деньгах и в штрафах их волочат и убыточат, напротив же того, люди, чьи они беглецы есть, лишаются от них крестьянской работы, и с пуста платят подушные деньги и рекрут... Того ради указали Мы, для пользы государственной и чтобы те фабрики от разобранья мастеровых и работных людей в упадок и разорение не пришли, учинить нижеследующее.

1. Всех, которые поныне при фабриках обретаются и обучались какому-нибудь мастерству, принадлежащему к тем фабрикам и мануфактурам, а не в простых работах обретались, тем быть вечно при фабриках...
2. Впредь на тех мануфактурах и фабриках всяким мастерствам обучать и в мастера производить из детей вышеписанных отданных им вечно.
3. Которые поныне на тех фабриках и мануфактурах были в черных рабо-

тах, тех всех отдать, чьи они были; а за то, что они поныне были на фабриках, пожилых денег не взыскивать...

4. Которые при нынешней при фабриках переписи показали, что из каких чинов отцы и дети их, не знают, тем ныне быть потому же при фабриках...
5. Буде кто из тех, вечно отданных ныне к фабрикам, сбежит на прежнее жилище или в иные места, тех нигде не принимать и не держать, а поймав, приводить и объявлять в городах воеводам, им учиня наказание, отсылать на те же фабрики, откуда бежали. А будет кто беглого с фабрики держать, с тех брать пожилые деньги равно с беглыми и отдавать фабрикантам, от кого бежали. А будет кто из вышеписанных же, определенных ныне на фабрики, явятся невоздержные и ни к какому учению не прилежные, о тех самим фабрикантам, по довольном домашнем наказании, объявлять в Коммерц-Коллегии или в Конторе; а оттуда, по свидетельству фабрикантскому и мастеров, за такое их непотребное житие, ссылат в ссылки в дальние города, или на Камчатку в работу, чтобы другим был страх; а ежели в ссорах, или драках, или пьяные где взяты будут, а в воровстве ни в каком не показались, и к тяжкому розыску не подлежат, тех не держать, нигде ни одного дня и, не убышча, отсылать на фабрики; а оным фабрикантам самим чинить им наказание, при других их братии.
- б. Если же из купечества и из разночинцев подлые, не имущие пропитания и промыслов, мужеска полу, кроме дворцовых, синодальных, архиерейских и монастырских и помещиковых людей и крестьян, а женска полу, хотя б чьи они ни были, скудные без призрения по городам и по слободам и по уездам между дворов будут праздно шататься и просить милостыни, таких брать в Губернские и Воеводские Канцелярии и, записывая по силе прежних указов, отдавать на мануфактуры и фабрики, кого те фабриканты принять захотят, и давать им фабрикантам на них письма; дабы там за работу или за ученье пропитание получили и напрасно не шатались».

Приведенные выписки из указа ясны сами по себе и потому никаких пояснений не требуют.

Несомненно, что указ 7 января 1736 года в жизни рабочих мануфактуры сыграл громадную роль; достаточно упомянуть, что, благодаря ему, более тысячи человек рабочих одного лишь мужского пола, не считая женщин и девочек, людей — дотоле считавших себя свободными, внезапно лишились своей свободы и оказались прикрепленными к мануфактуре навечно!

Считая, что имена этих несчастливцев, искусство и старательности ко-

их мануфактура во многом, конечно, обязана былою своею славою, вполне заслуживают того, чтобы не быть окончательно забытыми, мною, на основании вышеупомянутой книги, составлен алфавитный их список с отметкою должности на мануфактуре и кто кем был до поступления на нее.

И кого среди них не было! И шведы, и поляки, и чухонцы, и саксонцы, и «черкаской породы», и поповы дети, и «ректорские дети», и дети «церковников» всевозможных наименований, и пр. и пр.; были даже один или двое «дворянских сынов», видимо поступивших на мануфактуру ради куска хлеба — и, волею судьбы, внезапно превратившихся в крепостных. Само собою разумеется, что больше всего было беглых крестьян, скрывшихся от своих помещиков, да посадских разных городов.

Любопытно, что потомки многих из рабочих, прикрепленных к мануфактуре в 1736 году, и по сей день работают на мануфактуре, например Москвины, Шелкошвейны, Забелины, Оладейниковы, Борноволокны и др.

Труды И. М. Затрапезнова по устройству мануфактуры не остались незамеченными: его дважды наградили; в первый раз: «Сего мая 3 дня в указе Ее Императорского Величества, за подписанием Ее Императорского Величества собственной руки, Ее Императорское Величество всемилостивейше пожаловала фабриканта Ивана Затрапезного за его труды, показанные к пользе Российского государства во умножении Ярославской полотняной его фабрики, чином Директора над той его фабрикою, в ранге Коллежского асессора; и дабы впредь ни от кого в его фабричном деле помешательства чинено быть не могло, того ради Губернаторам, и Воеводам, и прочим обретающимся в городах управителям, и судом и расправою, кроме государственных дел, его Затрапезного не ведать, а ведать его во всем том Коммерц-Коллегии», — а во второй: «Февраля 15 дня 1740 года Всемилоушнейше пожаловали онаго Затрапезнова рангом Коллежского Советника другим не в образец».

И — по заслугам, ибо труды по устройству мануфактуры И. М. Затрапезнову пришлось понести поистине громадные.

Нам, людям XX столетия, живущим в веке пара и электричества, в веке быстрых железнодорожных, паровых, телеграфных и всяких иных сообщений, в веке применения усовершенствованнейших машин для исполнения любой работы: и для забивки свай, и для выемки земли, и для прядения, и для тканья, и для выделки бумаги и проч., в веке обилия рабочих рук, даже и представить себе невозможно все те трудности и препятствия, которые приходилось преодолевать И. М. Затрапезнову как при постройке новых фабрик, так и при управлении ими, а равно сколько трудов и забот должен был положить он прежде, чем дело наладилось и пошло установившимся ходом. Ему нужно было и плотину строить, и непроходимое бо-

лото, отведенное под устройство полотняной фабрики, осушать, и рабочих набирать, принимая всех и всякого без разбору: и бродяг, и беглых, и осужденных по приговору судов и пр., и порядок и дисциплину среди них поддерживать, и мануфактурным работам, требовавшим, к слову сказать, от рабочих неизмеримо большего искусства и ловкости, чем в настоящее время, при применении автоматических машин, обучать, причем обучаемые, по отзыву фабрикантов того времени, представляли собою народ «дикий, неученый, совершенно непонятный к мануфактурному делу», и от нападков завистников и недоброжелателей защищаться, и о выписке из-за границы даже таких мелочей производства, как какая-нибудь крепкая водка, ныне продаваемая в любой москательной лавке, заботиться и проч.

И все эти препятствия и затруднения И.М. Затрапезнов преодолел и создал мануфактуру, еще много лет после него служившую славою и гордостью России .

К сожалению, труды и заботы И.М. Затрапезнова, по-видимому, самым печальным образом отразились на его здоровье: он умер в молодых еще годах, имея всего лишь 46 лет; оставшийся после него портрет изображает его человеком истощенным, с болезненным цветом лица, с серьезным задумчивым взглядом больших темных глаз, показывая, что и при жизни своей И. М. Затрапезнов хорошим здоровьем не пользовался.

Последним делом И.М. Затрапезнова на пользу и украшение устроенной им мануфактуры была постройка при мануфактуре церкви.

Несмотря на то, что в Ярославле, как видели выше, уже имелось множество прекрасных церквей, из которых каждая могла бы служить образцом при постройке вновь задуманной церкви, несмотря на то, что многие из строителей ярославских церквей так и поступали: посылали мастеров снять размеры понравившейся церкви, с поручением строить по ней новую, И. М. Затрапезнов и в этом деле сумел отрешиться от традиций родного города и проявить тот же дух новаторства, который неизменно проявлял в продолжение своей жизни: построил храм, резко отличающийся своим видом от прочих церквей Ярославля и этим невольно привлекающий к себе внимание.

По-видимому, глубокий почитатель Петра Великого, на осуществление мысли которого о насаждении в Ярославле полотняной промышленности ему пришлось столько поработать; кроме того, видимо, глубоко ему благодарный и за первую мысль о начатии в Ярославле полотняного дела, и за приказ вступить в число компаньонов Тамеса, и за издание «Регламента Мануфактур-коллегии», явившегося для преемников Петра как бы завещанием — как относиться к учредителям фабрик и заводов, и тем давшего ему, Затрапезнову, возможность из простого «ярославца гостиной сотни»

превратиться в «Мануфактур-Директора» и «Коллежского Советника», — И. М. Затрапезнов и задуманный храм надумал построить так, чтобы он вечно, пока ни существует, напоминал об имени Великого Преобразователя России.

И это ему удалось: и выбор имени святых, в честь коих он решил строить храм — святых апостолов Петра и Павла, имя одного из коих, как известно, носил Великий царь, и придание храму внешнего сходства с построенным Петром в Петербурге Петропавловским собором — и по сей день невольно переносят мысль к тому, чьей мысли Ярославская Большая мануфактура обязана своим возникновением и чьему покровительству — своим былым процветанием.

Закладка храма была произведена в 1736 году; освящен же храм был в два приема: в 1742 году — нижний, теплый: во имя святого Симеона Богоприимца и Анны Пророчицы, а в 1744 году — верхний, летний, во имя святых апостолов Петра и Павла, причем чин освящения этого последнего производил митрополит Ростовский и Ярославский Арсений Мациевич.

Дожить до окончания начатого постройкою храма И. М. Затрапезнову не пришлось: он скончался 8 сентября 1741 года. Его тело погребли под папертью выстроенного им храма.

А. Ф. Грязнов

II

Очерк прошлого Ярославской Большой мануфактуры был бы незаконченным, если бы в нем ничего не было сказано о судьбе младшей ее сестры «Ярославской мануфактуры».

Основанная в 1722 году Максимом Затрапезновым и Тамесом в Ярославле полотняная фабрика носила сперва название «Ярославская мануфактура Затрапезнова». После смерти Максима Затрапезнова в 1731 году (родился в 1670 году) осталось три сына: Иван, Андрей и Дмитрий, которые вскоре после кончины отца разделились, причем раньше всех, в 1736 году, отделился от братьев Андрей, оставшиеся Иван и Дмитрий, владея упомянутой мануфактурой, в 1741 году приступили к полюбовному разделу таковой. Дмитрий получил, кроме денег, сто ткацких станков, участок земли и два здания: одно каменное и второе деревянное; а за Иваном осталась мануфактура с остальными постройками и другим имуществом.

Получив свою часть, Дмитрий Затрапезнов устроил на доставшемся ему участке земли свою собственную полотняную фабрику, которая в следующем же 1742 году была уже пущена в ход. Таким образом, в Ярославле с этого года явилось две полотняные фабрики, принадлежащих двум Затрапезновым, и обе имеют право называться «Ярославскими мануфактурами»

Затрапезнова». Для избежания этого неудобства, т.е. чтобы фабрики эти различить, одну из них, построенную еще Максимом Затрапезновым, стали называть Ярославскою Большою мануфактурою, а другую, утвержденную его сыном Дмитрием, — Ярославскою Малою мануфактурою, которая в 1825 году его внуками была продана Григорию Дмитриевичу Углечанинову, владельцу полотняной фабрики в Костроме. Наследники последнего, проработав около 40 лет, допустили, чтобы фабрика была продана с аукциона военному ведомству для устройства в ее зданиях казарм.

Ч.М. Иоксимович

К СЛАВЕ И ЧЕСТИ ЛЮБЕЗНОГО ОТЕЧЕСТВА

ДЕМИДОВЫ

Демидовы ведут происхождение от крестьянина Демида Григорьевича Антуфьева, или Антуфеева, уроженца села Павшина, находящегося в 20 верстах от Тулы. В первой половине XVII столетия Антуфьев переселился в Тулу и занимался здесь кузнечным ремеслом. У него было три сына: Григорий, Семен и старший Никита (родился в 1656 году), предприимчивости и энергии которого род Демидовых и обязан своим возвышением и богатствами. За заслуги в развитии горного дела комиссар Никита Демидович грамотою от 21 сентября 1720 года был возведен в дворянское достоинство под фамилией «Демидова» вместе с сыновьями Акинфием, Григорием и Никитою и законным их потомством, и затем сыновья Никиты Демидовича получили диплом от 24 марта 1726 года в подтверждение пожалованного отцу их потомственного дворянства. Род дворян Демидовых пользуется громкою известностью, благодаря громадным его богатствам, широкой общественной благотворительности и выдающимся заслугам в деле развития отечественной горнозаводской промышленности. Урал и Сибирь в особенности многим обязаны роду Демидовых, энергичные представители которого основали здесь многие чугуно- и медно-плавильные и железоделательные заводы и начали эксплуатацию местных рудников .

Демидов Никита Демидыч, сын Демида Антуфьева, родился в Туле 26 марта 1656 года. Унаследовав от отца кузнечную мастерскую в Туле, Никита обратил на себя внимание Петра Великого во время одного из проездов его через Тулу. Как произошло самое сближение Петра I с кузнецом Никитой, точно неизвестно, и рассказы об этом, записанные историками, носят отчасти легендарный характер. В 1700 году Никита Антуфьев представил царю шесть ружей, изготовленных им самим. Царь остался доволен работой Демидыча, подарил ему сто рублей, а для расширения дела приказал отвести для Никиты, в 12 верстах от Тулы, в Малиновской засеке несколько десятин земли. Поощренный царем, Никита Демидыч устроил здесь, при устье реки Тулицы, железный завод «о многих молотах» и начал поставлять в пушкарный приказ разные воинские снаряды, взимая с пуда по 12 копеек, в то время как другие заводчики брали за пуд по 25 копеек. В награду за услуги Демидыча по снабжению войска оружием Петр в 1701 году грамотой от 2 января велел отмежевать в собственность Никите лежащие около Тулы стрелецкие земли и предоставить ему исключительное

право копать руду в Малиновской засеке и рубить лес для топлива и угля в Щегловской засеке. Литье пушек и ядер и заготовление других воинских снарядов пошло тогда на заводе Никиты еще успешнее. Испытав по приказанию Петра железную руду, взятую с реки Невьи, или Нейвы, вытекающей из озера Таватуя, Пермской губернии, и впадающей в реку Туру, в Тобольской губернии, и убедившись в прекрасных ее качествах, сметливый Никита Антуфьев обратился в Сибирский приказ с просьбой разрешить ему разрабатывать руду на казенных Невьянских заводах, основанных в 1669 году. Именным указом от 4 марта 1702 года Верхотурские (Невьянские) железные заводы уступлены были Антуфьеву с правом разрабатывать руду по рекам Невье и Тагилу и у Магнитной горы, а также покупать для заводских работ крепостных людей. За такую уступку Невьянских заводов Антуфьев обязался в течение пяти лет уплатить в казну железом сумму, потраченную казною на устройство этих заводов, и принял на себя поставку в артиллерию необходимых для нее «военных припасов». Во время войны с Швецией, продолжавшейся двадцать лет (1700-1721), Невьянские заводы снабжали нашу артиллерию разными орудиями, за которые великодушный заводоладелец довольствовался половинной, сравнительно с другими заводчиками, платой. В 1718 году Никита Антуфьев построил Бьньтовский завод и, получив от государя земли в Сибири с правом распространять их покупкою, построил и там несколько медно- и чугуноплавильных заводов и заселил отдаленные места до Колыванской округи, где было уже положено начало добывания серебряной руды. Чтобы привлечь на новые заводы рабочие руки, Антуфьев от себя выдавал переселяющимся сюда пособия на первое обзаведение хозяйством. Петр зорко следил за деятельностью предприимчивого туляка, интересовался подробностями устройства новых заводов и неоднократно передавал Демидову отеческие наставления о том, как обходиться с рабочими, и всячески поощрял его. В 1721 году Антуфьев основал медно-плавильный Верхнетурский завод и чугуноплавильные заводы: в 1725 году Нижнетагильский, а в следующем — Нижне-Лайский. Кроме железных заводов в Туле, Демидов имел два завода в Алексинском уезде Тульской провинции и Ветлужский завод в Костромской губернии. В окрестностях заводов Демидыч добывал железную и медную руду, производил разыскания минеральных богатств в губерниях Пермской и Иркутской, причем в последней добывал гранит и порфир. Открывая новые заводы, Демидыч вместе с тем расширял производство своих прежних заводов и вообще свои торговые обороты, и, между прочим, в 1721 году, значительно понизив против других подрядчиков цены, он принял на себя поставку в Петербургское адмиралтейство корабельного леса из Казанской губернии. По мере развития производства заводов росли и богатства Демидова. В 1715 году бывший павшинский крестьянин, простой кузнец Деми-

дов был уже настолько богат, что поднес государыне в подарок, по случаю поздравления ее с рождением наследника, кроме золотых бугровых сибирских вещей, 100 000 рублей — сумму для того времени весьма значительную, а к концу жизни получал ежегодного дохода до 100 000 рублей. Нуждаясь в рабочих руках, Демидов, вопреки строгим запрещениям Берг-Коллегии, переманивал к себе из казенных заводов лучших рабочих, принимал шведских пленных, знавших чугуноплавильное дело, и укрывал мастеровых и крестьян, бегавших с казенных земель, а медную руду, в которой иногда чувствовался недостаток на заводах, копал без дозволения правительства во многих местах, между прочим, и близ Уткинской слободы. Эти нарушения интересов казны послужили поводом к известному столкновению капитана Татищева с Демидовым. Горячий ревнитель казенных выгод Татищев, осматривая по поручению Берг-Коллегии казенные и другие заводы, нашел, что заводы Демидова пользовались гораздо большими льготами, чем другие заводы, и донес об этом государю. Демидов, в свою очередь, обвинял Татищева во взяточничестве. Разбор дела Татищева с Демидовым поручен был Геннигу, и, хотя Татищев был признан невиновным во взяточничестве, жалоба на него Демидова, однако, помешала Татищеву быть назначенным начальником горных заводов на Урале. Петр I, лично знавший предприимчивого заводчика, во внимание к особым его заслугам в горнозаводском деле, пожаловал в 1719 году Никиту Демидова в царские комиссары, 21 сентября 1720 года возвел его в потомственные дворяне под фамилией «Демидова», а в 1722 году из Кизляра прислал ему свой портрет. Скромный заводчик решительно отказался от предложенных ему Петром I чинов и орденов и с колебанием принял дворянское достоинство. Умер Демидов 17 ноября 1725 года, на 70 году от роду, и погребен в Туле, женат он был на Евдокии Федотовне (умерла в 1730 году), и имел трех сыновей: Акинфия, Григория и Никиту, между которыми и распределил все свои богатства. О сыновьях Никиты, Григории и Никите, известно немного. Григорий Никитич, кроме заводов, находившихся в общем владении всех трех братьев, имел еще железный завод, ему одному принадлежавший в Алексинском уезде, Тульской губернии, и в Пермской губернии, на Каме, имел солеварни, на которых вываривалось в год до 264 000 пудов соли. Единственный сын Григория Никитича Иван колесован на эшафоте при Бироне, и с его смертью род Григория совершенно пресекается. Брат Григория, Никита Никитич, отличался крутым, жестоким нравом, и в его деревнях и на заводах нередко происходили крестьянские бунты. Так в 1751 году он купил у князя Репнина деревню в Обоянском уезде. Крепостные, знавшие жестокий нрав нового хозяина, отказались допустить Демидова к владению имением и добились того, что уже купленное имение было снова возвращено Репнину по приказанию правительства. Никита Никитич был

знатоком горнозаводского дела и успел широко воспользоваться предоставленными горнозаводчикам льготами. Он основал заводы железные Нижне-Исайтанский в 1733 году, Буйский на реке Буйе, Кыштымский в Оренбургской губернии в 1757 году, Лайский в Екатеринбургском уезде и медно-плавильный Давыдовский при реке Давыдовке, в Пермской губернии, и в награду за особые заслуги в деле развития горнозаводского дела был пожалован в чин статского советника в 1742 году. Никита Никитич имел пять сыновей, которым и завещал свои заводы, но род его в третьем колене прекратился.

Демидов Акинфий Никитич, статский советник, родился в Туле, в 1678 году. Изучив горнозаводское дело под руководством родителя, Демидов отправился за границу для ознакомления с успехами горнозаводского дела на Западе и во время этого путешествия в Фрейбург приобрел богатейший минералогический кабинет, перевез его к себе в Сибирь и, дополнив сибирскими минералами, предназначил в дар Московскому университету, куда эта редкая минералогическая коллекция, заключавшая в себе более 6 000 номеров, и была передана в 1759 году через куратора И. И. Шувалова. Получив в управление еще при жизни отца (в 1702 году) Невьянские заводы и унаследовав затем от отца Выровский и Есенковский железные заводы в Калужском уезде и заводы на Урале, Демидов в 1726 году энергично начал разрабатывать медную руду в Томском и Кузнецком уездах и проник даже до Алтая, где открыл между реками Обью и Иртышом, близ озера Кольвани, Чудскую копь с признаками медной лазури и, исследовав затем руду, построил на реке Белой медно-плавильный Кольванско-Воскресенский завод, первый по времени открытия (в 1727 году) в Забайкалье. Открыв новые медные и свинцовые рудники во многих местах Сибири, Демидов, кроме того, основал семнадцать железных и медно-плавильных заводов: Верхнетагильский и Шуралинский в 1716 году, Нижнетагильский в 1725 году, три Шайтанских в 1727, 1733 и 1742 годах, Суксунский и Черно-Источенский в 1729 году, Барнаульский в 1730 году, Ревдинский в 1734 году, Бымовский в 1736 году, Шаквинский в 1740 году, Верхнелайский и Висимо-Шайтанский в 1741 году, Ашабский, Висимо-Уткинский и Рождественский в 1745 году. Медь и железо на этих заводах перерабатывались в посуду, инструменты, машины и пр. или же в неочищенном виде отправлялись из одного завода на другой и в особенности по Иртышу и Оби в Невьянские заводы. В знаменитых алтайских рудниках, обязанных своим открытием Акинфию Демидову, в 1736 году отысканы были в Змеиных горах богатейшие по содержанию золота и серебра руды, самородное серебро и роговая серебряная руда. Демидов несколько лет пользовался многими богатейшими рудниками, в том числе и Змеиногорским, не объявляя о том правительству. Когда об этом узнала императрица Елизавета Петровна, она немедленно же дала

Сенату указ, состоявшийся, впрочем, уже после смерти Демидова, в 1748 году, по которому алтайские заводы Демидова Кольванско-Воскресенский, Барнаульский и Шульбинский взяты были в ведение Кабинета Ее Величества, со всеми землями, рудниками, инструментами, с мастеровыми людьми и приписными крестьянами, а наследникам Демидова было выдано соответствующее вознаграждение по оценке. Предприимчивый и энергичный Демидов, открыв на реке Таасле, близ Невьянских заводов, месторождение асбеста, занялся разработкой его с промышленной целью и в 1722 году представил Петру I образцы полотна из асбеста. Кроме того, он расширил добычу и обработку малахита и магнита и разводил в окрестностях Тагильского и Невьянских заводов в Екатеринбурге и вообще в северной части сибирской половины Пермской губернии крупную, так называемую, тагильскую породу рогатого скота. С расширением горнозаводского дела росли и богатства Демидова: на одном Невьянском заводе было около 4 000 человек рабочих и вырабатывалось ежегодно до 200 000 пудов полосового железа, кроме множества других железных изделий. Насколько велики были богатства Демидова, видно из того, между прочим, что одних пошлин в казну он ежегодно уплачивал около 20 000 рублей и имел до 30 000 душ крепостных и заводских крестьян. Никита Демидов положил прочное начало горнозаводскому делу, а сын его, Акинфий, развил, усовершенствовал и твердо поставил его не только в Европейской России, но и в Сибири. Акинфию Никитичу род Демидовых преимущественно обязан своими родовыми богатствами. Женат был Демидов в первый раз на Е. Т. Коробковой, а во второй — с 1723 года на Е. И. Пальцевой и от первой жены имел сыновей: Прокопия и Григория, а от второй — Никиту и дочь Евфимию. В потомстве Акинфия Никитича главным образом и сосредоточились потом старинные родовые богатства Демидовых. Умер 5 августа 1745 года на пути из Петербурга в Сибирь на реке Каме близ села Яцкое Устье. Погребен в Туле.

Демидов Прокопий Акинфиевич, старший сын Акинфия Никитича, родился в Сибири 8 июня 1710 года. Владея огромными богатствами, унаследованными от отца, «Прокопий Акинфиевич мало обращал внимания на управление своими заводами, которые и помимо его вмешательства приносили огромный доход, проживая большею частью в Москве и лишь изредка по делам выезжая за границу, удивлял москвичей своими чудачествами и дорого стоившими затеями. Близкий ко двору императрицы Екатерины II и коротко знакомый со многими вельможами, Прокопий Акинфиевич охотно ссужал своих сановных приятелей значительными суммами денег, но при этом всегда на каких-либо курьезных условиях. Между прочим, в первую турецкую войну он оказал важную услугу и русскому правительству, ссудив его на военные нужды, через графа Румянцева, четыремя миллионами

рублей. Пользуясь расположением Екатерины II за щедрые пожертвования на общественные нужды, Демидов нередко позволял себе злые шутки над вельможами, что ему обыкновенно сходило безнаказанно и доставляло высшее удовольствие. Когда по инициативе государыни начата была в Москве постройка «Сиропитательного дома», Прокопий Акинфиевич внес на устройство этого воспитательного дома 1 107 000 рублей, причем из этой суммы выделил 205 000 рублей на устройство при воспитательном доме Коммерческого училища, которое и было основано в 1772 году в Москве, а затем в 1799 году, по желанию императрицы Марии Федоровны, переведено в Петербург. За это щедрое пожертвование Прокопий Акинфиевич получил чин статского советника и медаль. Кроме того, он внес 20 000 рублей на учреждение при Петербургском воспитательном доме госпиталя для бедных родильниц, пожертвовал 20 000 рублей Московскому университету с тем, чтобы из процентов с этого капитала выдавались стипендии беднейшим из студентов, главному народному училищу в Москве пожертвовал 5 000 рублей, а для Московского университета купил дом за 10 000 рублей, в который университет и был переведен. Вскоре, однако, и это здание оказалось тесным для университета, и императрица Екатерина II приказала архитектору Казакову составить план для постройки в Москве нового университетского здания. Прокопий Акинфиевич, узнав об этом, изъявил желание построить на Воробьевых горах университетское здание на свой счет и назначил для этой цели полтора миллиона рублей. Императрице, однако, не понравился выбор места, и потому пожертвование не осуществилось. В награду за щедрые пожертвования императрица пожаловала Прокопию Акинфиевичу чин действительного статского советника. Московский университет имя его занес на одну из досок в актовом зале в числе первых жертвователей, а университетское «Вольное Российское Собрание» избрало Демидова в свои члены и приветствовало его особою речью. Особую нежность Прокопий Акинфиевич питал к цветам и к пчеловодству: он имел в Москве прекрасный ботанический сад, описание коего издано Палласом, а в 1765 году он написал трактат «Об уходе за пчелами», появившийся в печати в «Русском архиве» в 1873 году. Занятый почти исключительно различного рода затеями, стоившими иногда больших денег, Прокопий Акинфиевич, как и большинство богатых людей того времени, проявлял удивительное равнодушие к общественным делам и лишь изредка, случайно интересовался тем, что происходило вокруг него. Так, присмотревшись во время путешествий к заграничным порядкам и учреждениям, Прокопий Акинфиевич, по возвращении, в 1771 году, в Россию, первым подал правительству мысль об учреждении в России ссудной кассы и по учреждении в первое время ее действий оказывал кассе своим капиталом значительную поддержку. Чудак, добродушный в обращении с малознакомыми, Проко-

пий Акинфиевич был жесток с близкими. После смерти первой жены, урожденной Пастуховой (умерла в 1764 году), много перенесшей горя от самоубийства мужа, Прокопий Акинфиевич женился на Семеновой (умерла в 1800 году). От первого брака он имел трех сыновей: Акакия, Льва и Аммоса, а от второго — четырех дочерей. Недовольный своими сыновьями, воспитывавшимися в Гамбурге, Прокопий Акинфиевич держал их почти в нищете и только по приказу государыни, которой сделалось известным печальное положение сыновей миллионера, вынужден был обеспечить каждого из них тысячью душ крепостных крестьян. Озлобленный таким вмешательством верховной власти в его права распоряжаться имуществом по своему усмотрению, Демидов поспешил продать купцу Яковлеву шесть своих чугуноплавильных заводов, доставшихся ему по наследству: Быньговский, Шайтанский, Невьянский, Верхне-Невьянский, Шуралинский и Верхнетагильский, и, несмотря на то, что вообще жил далеко не экономно и мало вникал в хозяйственные дела, все-таки оставил каждому из своих сыновей значительные капиталы, в общей сложности превышавшие три миллиона рублей. Умер Прокопий Акинфиевич в Москве 4 ноября 1788 года и погребен в Донском монастыре. После Прокопия Акинфиевича сохранилась интересная в историческом отношении переписка, характеризующая крепостной строй и рисующая картину заводского быта того времени. Часть этой переписки, именно: письма к сыновьям, к приказчикам, к Михельсону, к М. И. Хозикову, к Н. И. Рибас, к И. Бецкому, к Шувалову и др., а также наставление дочери напечатаны в «Русском архиве».

Демидов Никита Акинфиевич, третий сын Акинфия Никитича от второго его брака, родился 8 сентября 1724 года на берегу реки Чусовой, во время пути его родителей из Тулы в Сибирь. Получив по смерти отца, сравнительно с другими братьями, незначительную часть наследства, он в короткое время настолько увеличил свое состояние, что даже основал два завода: Нижне-Салдинский в 1760 году и Верхне-Салдинский в 1778 году. Великий князь Петр Феодорович, будучи наследником престола, неоднократно занимал у Демидова деньги и пожаловал ему Анненскую ленту с тем, чтобы он «возложил оную на себя по кончине императрицы Елизаветы Петровны». Вскоре по восшествии на престол Петра III Демидов потерял расположение к себе государя и был лишен пожалованного ему ордена, но Екатерина II возвратила ему орден св. Анны, вместе с тем произвела в чин статского советника, но запретила употреблять его на службу без именного указа. Демидов любил заниматься науками и покровительствовал ученым и художникам; он находился в дружеской переписке с Вольтером; с 1771 по 1773 год путешествовал за границу, посетил Спа, Амстердам, Рим, Неаполь, Париж, жил в Англии и в 1772 году вместе с ваятелем Шубиным извездил Италию для изучения сохранившихся памятников древности. По

возвращении в Россию Демидов издал «Журнал путешествия в чужие края» (в 1786 году), который свидетельствует о широкой наблюдательности автора и его выдающемся уме. В 1781 году Демидов пожертвовал на сооружение нового каменного здания университета в Москве 5 500 листов черного аршинного и 800 пудов связного железа для укрепления стен. В 1779 году он учредил при Академии художеств премию — медаль «За успехи в механике» и был избран в почетные члены Академии художеств, а также состоял членом Вольно-экономического общества и впоследствии получил орден св. Станислава. Кроме основанных им заводов, ему принадлежали два завода в Оренбургской губернии: Кыштымский и Каслинский, к которым в 1760 году правительством было приписано 756 квадратных верст леса, с правом пользования в течение 60 лет. Как помещик и заводчик, Демидов отличался крутым нравом и даже жестокостью: в 1756 году он купил имение у княгини Репниной, село Русаново, в Алексинском уезде, Тульской губернии, но крестьяне, знавшие крутой нрав Никиты Акинфиевича, «не дали себя отказать за Демидова» и только военной силой были приведены в повиновение, когда для усмирения крестьян Сенат отправил секунд-майора Веденяпина с 260 солдатами. О тягостном положении крестьян в имениях Демидова и на его заводах свидетельствует также наказ, данный государственными крестьянами слобод Исетской провинции депутату Анике Минакову, посланному в Екатерининскую комиссию для составления проекта нового уложения. Умер Демидов в 1789 году, оставив от третьей жены троих детей: сына Николая и двух дочерей, — Екатерину, вышедшую впоследствии замуж за известного острошлова, генерала от инфантерии С. Л. Львова, любимца Потемкина, и Марию, впоследствии супругу обер-гофмейстера Д. Н. Дурново.

Демидов Николай Никитич, сын Никиты Акинфиевича, родился 9 ноября 1773 года в селе Чирковицах, в 80 верстах от Петербурга, и в том же году был записан в лейб-гвардии Преображенский полк капралом. В 1775 году Николай Никитич произведен в чин подпрапорщика, в 1782 году назначен сержантом, в 1787 году переведен в лейб-гвардии Семеновский полк, в 1789 году именным указом назначен флигель-адъютантом в штаб генерал-фельдмаршала князя Потемкина-Таврического, в 1791 году в том же штабе назначен генерал-аудитор-лейтенантом и находился в действующей армии в Бессарабии; в следующем году он переведен с производством в чин подполковника в Московский гренадерский полк, в 1794 году — пожалован в камер-юнкеры, через два года — в действительные камергеры, в 1799 году назначен командором ордена св. Иоанна Иерусалимского. В 1800 году он был определен в Камер-коллегию для ознакомления с делом и затем в том же году, пожалованный в чин тайного советника, назначен членом Камер-коллегии. Унаследовав от отца богатейшие железные и медно-

плавильные заводы: Нижнетагильский, Нижне-Салдинский, Верхне-Салдинский, Черно-Источенский, Висимо-Уткинский, Висимо-Шайтанский, Лайский и Выйский — и получив при заводах и вотчинах 11 550 душ крестьян, Николай Никитич в молодости не умел должным образом пользоваться своими богатствами, вел роскошную, расточительную жизнь и, благодаря этому, был взят под опеку, которая оказала на него весьма благотворное влияние и потому была вскоре снята.

Выйдя в отставку, Демидов отправился в заграничное путешествие, посетил Германию, Англию, Францию и Италию и нигде не упускал случая знакомиться с успехами горнозаводской техники. Возвратившись в Россию в 1806 году, Демидов, желая завести на своих заводах все новейшие усовершенствования по части техники, выписал из Франции профессора Ферри, знаменитого тогда знатока горнозаводского дела, и положил ему 15 000 рублей жалованья в год, сумму для того времени весьма значительную. Желая подготовить опытных мастеров для своих заводов, Демидов на свой счет более ста человек крепостных отправил за границу в Англию, Швецию и Австрию для изучения специальных отраслей горнозаводского дела. Нижнетагильский завод Демидова, на котором, в числе других усовершенствований, заведены были и штанговые машины, по справедливости считался в то время лучшим по всему хребту Уральских гор. Женитьбой на баронессе Елизавете Александровне Строгановой (умерла в 1818 году) Демидов еще более увеличил свои и без того уже громадные богатства. Желая найти более широкий сбыт для выделяемого на своих заводах железа, Демидов завязал торговые сношения с Англией и для этого приобрел в Италии прекрасный корабль, а потом в Таганроге построил пять морских судов для плавания по Средиземному и Черному морям. Эта Демидовская флотилия не раз оказывала русскому правительству крупные услуги, перевоза казенные грузы между приморскими крепостями.

Получая доходы, Демидов уделял часть из них на общественные нужды. В 1807 году он пожертвовал большое каменное здание в Гатчине для Гатчинского сельского воспитательного дома. В 1812 году, 12 июля, после молебна в Московском Успенском соборе, в присутствии государя, Николай Никитич торжественно обязался собрать на свои средства полк, который и содержал до конца войны с французами. Шефом этого известного под именем Демидовского полка был сам Николай Никитич. В конце 1813 года Демидов подарил Московскому университету весьма ценную коллекцию редкостей, состоявшую более чем из 3 000 экземпляров редких минералов, раковин, чучел животных и пр., и этим пожертвованием положил основание новому музею по естественной истории. За это пожертвование Демидов избран в почетные члены Московского университета, а имя его, как жертвователя, занесено на одну из досок в актовом зале университета.

В 1819 году Демидов внес в Высочайше учрежденный комитет оказания помощи инвалидам 100 000 рублей. В 1821 году он же пожертвовал 50 000 рублей в распоряжение Высочайше учрежденного Комитета для оказания помощи наиболее пострадавшим от наводнения жителям Петербурга. Кроме того, Демидов щедрыми пожертвованиями участвовал во многих сооружениях на благотворительные или вообще общественные цели: в сооружении триумфальных ворот в Петербурге, в постройке госпиталя в Лаишеве, Казанской губернии, Пермской больницы, попечительного о тюрьмах Комитета, в сооружении памятников герцогу Ришелье в Одессе и Павлу Демидову в Ярославле. В 1825 году он пожертвовал свой дом в Москве для Дома трудолюбия и дал сто тысяч рублей на его перестройку; за это крупное пожертвование Демидов был награжден орденом св. Владимира 2-й степени и табакеркой с портретом императрицы Александры Феодоровны. В 1827 году Демидов поднес государю в дар крупных размеров платиновый самородок весом 10 фунтов 54 золотника и удостоился получить за это богатую табакерку с портретом государя. Демидов играл также немаловажную роль в деле колонизации Южной России. В 1822 году он купил в Херсонской губернии, в Тираспольском и Херсонском уездах, 18 000 десятин земли с незначительным населением и перевел сюда крестьян из своих северных вотчин. С энергией человека, взявшегося за новое дело, Демидов начал устраивать свои новоприобретенные имения, заводил в них виноградники, сады, разводил редкие породы рогатого и мелкого скота, причем не жалел денег, чтобы достигнуть в этом отношении желаемых результатов. Он выписывал лучшие сорта виноградных лоз и фруктовых деревьев из Франции и Италии, лошадей — из Англии, меринсов из Швейцарии, выписывал холмогорский скот, оренбургских коз и горных кавказских лошадей, кроме того, производил опыты культивирования хлопка и сальфора. Горячность и торопливость, какие проявлял Демидов относительно устройства своих имений в сельскохозяйственном отношении, вскоре оказались лишь плодом временного увлечения скучающего заводчика, и затем вскоре наступило разочарование в пригодности земель Херсонской губернии для нужных культур растений и для разведения улучшенных пород скота. Назначенный во Флоренцию русским посланником, Демидов устроил здесь на свои средства художественный музей и богатейшую картинную галерею, в которых собрал произведения знаменитых художников, весьма ценные изваяния из мрамора и бронзы и массу разных других редкостей. Коллекция эта после смерти Демидова досталась по наследству сыну его Анатолию и перевезена была им в Петербург. Во Флоренции Николай Никитич устроил на свои средства дом для призрения престарелых и сирот и пожертвовал на содержание его особый капитал. Признательные граждане Флоренции в честь жертвователя назвали одну из площадей, вблизи Демидовского дома

призрения, Демидовскою и поставили на этой площади статую Николая Никитича из белого мрамора, представляющую его в римской тоге, обнимающим больного ребенка. У ног его расположены четыре скорбные статуи, а на самом памятнике выбита надпись.

Несмотря на бурно проведенную молодость, Николай Никитич к концу жизни сделался бережливым, предприимчивым и внимательным к нуждам своих крепостных. В своих вотчинах он упорядочил рекрутскую повинность среди крестьян, а при Нижнетагильском заводе основал училище, в котором, кроме общеобразовательных предметов, преподавались также «общие начала механики и практического горнозаводского искусства». Училище это, давшее лучших мастеров для заводов Демидова и других, в 1839 году преобразовано в уездное и подчинено ведомству министерства народного просвещения. В последние девять лет жизни Демидов ежегодно 6 декабря, в день своих именин, раздавал на своих заводах по 25 000 рублей. Проживая в последние годы во Флоренции, Демидов хотя и жил весьма роскошно и, не жалея средств, покровительствовал ученым и художникам, умел, однако, искусно управлять своими делами в Сибири, Америке, Франции и других регионах и, благодаря такому энергичному и умелому хозяйничанью, оставил в наследство своим двум сыновьям имущества почти вдвое более сравнительно с тем, что сам получил от отца.

Демидов Анатолий Николаевич, младший сын Николая Никитича, родился в 1812 году во Флоренции, умер бездетным, в Париже, 16 апреля 1870 года. В молодости Анатолий Демидов служил в министерстве иностранных дел и, состоя при русском посольстве сначала в Париже, затем в Риме и в Вене, проживал почти постоянно близ Флоренции в роскошной своей вилле Сан-Дonato и имел титул князя Сан-Дonato, пожалованный ему королем итальянским, но не признанный еще тогда в России. В 1841 году Анатолий Демидов женился в Риме на родной племяннице Наполеона I, Матильде, графине де Монфор (родилась 27 мая 1820 года), дочери принца Жерома Бонапарта, бывшего короля Вестфальского. Демидов отправился в путешествие по Италии, России и Сибири. Унаследовав от отца, бывшего русским посланником во Флоренции, колоссальное богатство, чистый годовой доход с которого простирался до двух миллионов рублей в год, Анатолий Демидов основал во Флоренции шелковую фабрику. Вместе с другими железными и медно-плавильными заводами Демидову принадлежал и Нижнетагильский завод, в дачах которого найден был во время его владения особый минерал, названный в честь владельца завода демидовитом. Унаследованное Демидовым от отца собрание замечательных произведений живописи, ваяния, бронзы и разных других редкостей было так велико, что для помещения его заложено было в 1833 году в Петербурге особое здание на Васильевском острове. Анатолий Демидов, по примеру

отца, также был щедр на крупные пожертвования: он пожертвовал 500 000 рублей на устройство в С.-Петербурге дома для призрения трудящихся, который и теперь носит имя жертвователя; вместе с братом Павлом Николаевичем пожертвовал капитал, на который в С.-Петербурге же устроена детская больница; при Академии наук в С.-Петербурге учредил премию в 5 000 рублей за лучшее произведение на русском языке; в 1853 году выслал из Парижа 2 000 рублей на украшение церкви Демидовского лицея в Ярославле, пожертвовал в библиотеку лицея все свои издания и несколько других ценных французских книг, а также щедро покровительствовал ученым и художникам; между прочим, знаменитая картина «Последний день Помпеи» написана была К. Брюлловым по заказу Анатолия Николаевича. Имя Анатолия Демидова в свое время пользовалось широкой известностью как в русской, так и в западноевропейской, особенно французской, литературе. Заинтересованный в развитии горного дела в отечестве, Анатолий Демидов в 1837 году снарядил на свой счет ученую экспедицию для изучения Южной России и Крыма. В этой замечательной по своим важным результатам экспедиции приняло участие 22 лица, в том числе несколько выдающихся ученых и художников, во главе со знаменитым профессором горной парижской школы Ле-Пле. Результаты этой первой по времени научно обставленной экспедиции, уже тогда предвидевшей блестящее будущее русской горнозаводской промышленности, опубликованы в великолепно изданном описании этого путешествия. Издание это иллюстрировано рисунками Раффета и снабжено альбомом в 78 видов и 95 изображениями естественноисторических предметов. Описание собственно путешествия вышло также особо. Кроме того, в 1842 году на французском языке появилась работа главного горного инженера Ле-Пле, выполненная при участии Миленбо, Лалана и Эйро, под названием «Исследование каменноугольного Донецкого бассейна, произведенное в 1837-1839 годах по распоряжению А. Н. Демидова». Это сочинение Ле-Пле и его сотрудников составляет часть общего труда Демидовской экспедиции, в которой принимал деятельное участие, как знаток горного дела, между прочим, и граф С. Г. Строганов, и притом весьма ценную, как по своему ученому достоинству, так и по тому значению, какое постепенно приобрел в нашей промышленности каменный уголь. По желанию инициатора и организатора экспедиции книга Ле-Пле была переведена на русский язык профессором Г. Е. Шуровским и издана в 1854 году в Москве, с атласом, геологической картой и обширным приложением от переводчика, в коем изложены дальнейшие успехи каменноугольного дела в Донецком бассейне. Кроме того, Анатолий Демидов издал альбом видов, нарисованных французским художником М. Дюран, путешествовавшим по России на счет Демидова. Умер в Париже 16 апреля 1870 года.

Демидов Евдоким Никитич, сын Никиты Никитича, владелец заводов железных и чугуноплавильных: Авзяно-Петровских, Верхнего и Нижнего, в Оренбургской губернии, и Дугненского, Выровского и Людиновского, в тогдашней Московской губернии. Демидов был суровым хозяином, и на его заводах, из-за крайне жестокого обращения с крепостными рабочими, нередко вспыхивали крестьянские бунты, принимавшие иногда широкие размеры и носившие характер вооруженных восстаний. В 1741 году, в Ромодановской волости, Калужской провинции, в имении Демидова все крепостные, в том числе и женщины, отказались повиноваться своему хозяину и восстали с оружием в руках. Против возмущившихся был послан полковник Олиц с 500 солдатами, но был разбит крестьянами и взят в плен, а из отряда его было ранено 11 офицеров и 218 человек нижних чинов. Для усмирения тех же крестьян был отправлен затем бригадир Хомяков, который сжег несколько деревень и, подступив к селу Ромодановскому, схватил около 200 крестьян. В Петербурге нашли действия Хомякова слабыми и предали его военному суду, а на его место отправили генерал-майора Опочинина, которому удалось поймать до 670 человек. Зачинщиков из возмущившихся крестьян Опочинин сослал в Сибирь на демидовские же заводы, но для более тяжелых работ. В 1761 году крестьяне Демидова, приписанные к его Авзяно-Петровскому заводу, прекратили работы, а в следующем году жаловались на притеснения Демидова в Сенат, который поручил произвести следствие по этому делу генерал-майору Кокошкину и полковнику Лопатину. Вместе с тем, в том же 1762 году, для усмирения взбунтовавшихся был отправлен генерал-квартирмейстер князь А. А. Вяземский, которому была дана на этот случай очень подробная, подписанная самой императрицей инструкция. Инструкция эта полностью помещена в Сборник Императорского Русского Исторического Общества и интересна как исторический документ, рисующий заботливость русского правительства о фабричных рабочих. Князю Вяземскому предписывалось прежде всего привести бунтовщиков в рабское послушание и усмирить, потом сыскать подстрекателей, в случае крайности смирить их оружием, затем расследовать причины неудовольствия и осведомиться: «Не лучше ли горные работы производить вольнонаемными работниками, чтобы этим, если можно, отвратить на будущее время все причины к беспокойствам и работу сделать и прочнее, и полезнее?» В 1765 году на Демидова жаловались казанские чернопахатные крестьяне, приписанные к Оренбургской губернии, к Авзяно-Петровским заводам, и крестьяне села Русанова. Для производства следствия по этим делам был назначен подполковник князь Енгалычев, но следствие неожиданно было прервано сенатским указом, которым предписывалось «оную комиссию отставить», потому что крестьяне жаловались на убийство 63 человек самим Демидовым, между тем как это сделано было

только по его приказанию, и отправить от военной коллегии в Алексинскую и Лихвинскую вотчины Демидова военные команды с штаб-офицером, которому поручалось уговаривать крестьян и, «если это не подействует, поступать с ними по всей строгости законов». Недовольство заводских крестьян Демидова дошло до того, что во время Пугачевского бунта они охотно присоединились к бунтовщикам и при помощи их разрушили несколько чугуноплавильных заводов Демидова в Оренбургской губернии. Хищнический способ хозяйствования в отведенных для заводов Демидова лесах заставил тульское дворянство отправить своего депутата в Екатерининскую комиссию для составления проекта нового уложения и вручить ему наказ хлопотать, чтобы Евдокиму Демидову запрещено было иметь железный в Алексинском уезде завод на реке Дугне, в 150 верстах от Москвы, так как завод этот сжигал ежегодно более 400 000 бревен. Умер Евдоким Демидов 29 января 1789 года.

Демидов Павел Григорьевич, сын Григория Акинфиевича, основатель Демидовского Ярославского лицея, известный своею благотворительностью на пользу просвещения, ученый-натуралист, действительный статский советник, родился 29 декабря 1738 года. Первоначальное образование Демидов получил в Ревеле у профессора Сигизмунди, под руководством которого с 1748 по 1751 год усвоил латинский и немецкий языки и затем был отправлен родителями для продолжения наук в Германию, где слушал лекции сперва в Геттингенском университете до мая 1755 года у великих светил естественных наук и металлургии — Галлера, Геснера, Зегнера, Мейера и других известных профессоров, потом в академии в Фрейберге — по металлургии у Гофмана и по минералогии и химии у Геллерта и целый год изучал здесь практически искусство добывания руд и плавильное дело. Отсюда Демидов с научно-образовательною целью предпринял путешествие по Европе и в течение шести лет успел посетить Богемию, Венгрию, разные земли австрийские и большую часть Германии, сделал ученые наблюдения в Швейцарии, побывал в Риме, Неаполе и других городах Италии, посетил Францию, Голландию, Англию и Шотландию, где от города Глазго получил право гражданства. Затем Демидов посетил Данию, Швецию и Норвегию, повсюду изучал на месте способы разработки серебряных, железных и медных рудников и в Швеции имел случай познакомиться и сблизиться с знаменитым ботаником Линнеем, лекции которого слушал в Упсале, посещая в то же время и лекции по химии и минералогии профессора Валерия. В начале 1762 года, вскоре после смерти отца, Демидов возвратился в Россию и передал значительную часть своего наследственного имения в распоряжение своих братьев, а сам посвятил себя исключительно наукам. И в России, как и за границей, главное внимание Демидов обращал во время своих путешествий на рудники и горные заводы. Он посетил все частные и

казенные екатеринбургские заводы и побывал в 1763 году в Туле, Петербурге, Шлиссельбурге и Ладогге, изучая горнозаводское дело. С 1762 по 1772 год Демидов состоял на государственной службе и удостоился внимания императрицы Екатерины II, получив в 1762 году «за обширные познания в натуральной истории минералогии» чин советника Берг-Коллегии, а при выходе в отставку — чин статского советника. В 1772 году Демидов был избран в действительные члены «Вольного Российского Собрания» и в том же году отправился за границу для поправки своего здоровья в Спа и Стокгольм, побывав в эту поездку в Германии, Франции и Голландии. Возвратившись в Россию в 1773 году, Демидов всецело отдался «философскому уединению, рассматриванию природы и ученым созерцаниям» и в то же время находился в постоянной переписке со многими европейскими учеными: с Бюффоном, Галлером, Валерием и особенно с Линнеем, которому Демидов сообщил много своих открытий по части естественной истории, помещенных Линнеем в его системе зоологии с выражением благодарности Демидову. Между прочим, Демидов сообщил Линнею описание корсака — животного, обитающего в киргизских степях между Яиком, Эмбою и Иртышом, и описания кобеца (род ястреба) и красной астраханской утки, помещенные Линнеем в трудах. Во время путешествий за границей и по России, благодаря своим богатствам, Демидов имел возможность приобрести редкие коллекции по естественной истории и минералогии, собрание медалей, монет, художественных редкостей и значительную библиотеку. Начало своим собраниям Демидов положил покупкою почти за 20 000 рублей в Париже одного из первоклассных кабинетов у актрисы Парижского театра, девицы Клерон. Затем он приобрел коллекцию кайенских птиц, пополненную такими знатоками, как Пуассоньер и Бовиль, разными редкими животными, преимущественно пресмыкающимися, купил Вейнгардово собрание минералов, состоявшее из 200 штучков разных стран и особенно богатое золотою рудою, венгерскими опалами и агатами, потом приобрел Вейсову коллекцию, коллекцию сибирских штучков, оригиналистическое собрание Войта и геогностическое Вайнера. Не останавливаясь ни перед какими материальными тратами для пополнения своей библиотеки, Демидов приобрел массу замечательных рукописей и дорогих редких изданий на всех языках и по всем отраслям знания, преимущественно же по естественным наукам. Русских книг в библиотеке Демидова было 529 названий, в том числе много книг старопечатных славянских, и 158 рукописей, из коих многие, по свидетельству В. У. Идольского, заслуживали внимания ученого, и, судя по краткому описанию, потеря многих из них совершенно невознагражима. Демидов собственноручно составил каталог своей библиотеки по системе, им самим изобретенной, доказывающей редкое знание литературы и библиографии, под названием «Каталог российским книгам библиотеки П. Де-

мидова. Библиографическая система или методическое распределение книг, расположенное по порядку материй, т.е. основанное на разных источниках, откуда разум человеческий почерпает свои познания (единые истинные черты, могущие постановить основание естественного распределения); с постепенным порядком их связи, или наиболее натурального расположения их родов и видов, или классов и порядков». Каталог этот был издан по поручению Демидова профессором Фишером в Москве. Здесь же в первом томе описания его музея значатся следующие сочинения П. Г. Демидова: семь томов, оставшихся в рукописи, на немецком языке, заключающих в себе описания путешествий Демидова по всем тем странам и городам, которые он посетил с июля 1755 года по март 1763 года; тринадцать различных научных сочинений на немецком языке. Кроме того, на немецком же языке Демидов составил описания принадлежавших ему собраний монет и медалей и минералогического кабинета и на французском языке — каталог коллекции редкостей естественной истории и атлас по естественной истории. Второй и третий тома книги Фишера посвящены описанию принадлежавшего Демидову кабинета естественной истории. Постоянно работая сам на научном поприще, Демидов хотел дать возможность работать на том же поприще и другим, и с 1803 года начинается его обильная приношениями благотворительная деятельность на пользу просвещения. В 1803 году Демидов начал хлопоты об учреждении в Ярославле университета. В том же году он пожертвовал 3 578 душ крепостных на содержание профессоров и другие по университету надобности и 100 000 рублей на содержание процентами с этого капитала беднейших из студентов и для командировок достойнейших из них в лучшие заграничные университеты. На эти средства было открыто в 1805 году 29 апреля Ярославское училище высших наук, ныне Демидовский юридический лицей. Кроме того, в 1803 году Демидов пожертвовал еще 200 000 рублей с тем, чтобы 100 000 рублей из них были даны в пособие Московскому университету и употреблялись на содержание беднейших студентов, на отправку достойнейших из них для усовершенствования в заграничные университеты и на содержание особой Демидовской кафедры натуральной истории, а остальные 100 000 рублей разделены были поровну между Киевским и Тобольским университетами в Сибири, когда последние будут открыты: Демидов предвидел будущее значение Сибири и неминуемую потребность там в высшем учебном заведении. Пожертвованный им капитал — 50 000 рублей для университета в Тобольске — обращен на устройство университета в Томске и в 1881 году, ко времени открытия этого университета, достиг 190 000 рублей. По Высочайшему повелению в актовом зале Томского университета поставлен портрет Павла Григорьевича Демидова как первого жертвователя на университет. Кроме того, Демидов пожертвовал Московскому университету свою библиотеку, кабинет

натуральной истории и минцкабинет, стоимостью около 250 000 рублей. Одновременно с принятием пожертвований на учреждение высшего училища в Ярославле 6 июня 1803 года Демидов был пожалован кавалером ордена св. Владимира большого креста первой степени и вскоре, в 1805 году, был произведен в чин действительного статского советника. В 1803 году в общем собрании Правительствующего Сената, по Высочайшему повелению, вручена была Демидову золотая медаль с изображением на одной стороне лица Демидова, а на другой — с надписью: «За благотворение наукам». Демидов и потом не оставил заботливого попечения о благосостоянии основанного на его средства училища в Ярославле. В 1811 году он дал 20 000 рублей на перестройку дома для училища и снабдил училище библиотекою, кабинетами физических машин, химических приборов и собранием разного рода камней и минералов. Московскому университету Демидов подарил богатое собрание имевшихся у него моделей, относившихся до горного и плавильного искусства и представлявших разные штольни, шахты, печи, машины и инструменты, кроме того, коллекцию редких экземпляров из царства животных, гербарииум и собрание разных художественных редкостей; обсерватории Московского университета Демидов подарил астрономический экваториал работы английского художника Шорха и орган, оцененный в 10 000 рублей. Пожертвования Демидова в Московском университете заняли три отдельные залы, которые и назывались Демидовскими. Однако все эти неоцененные приношения Демидова Московскому университету, в том числе и библиотека, погибли во время пожара в 1812 году и спасены были только собрания раковин и полипов, штUFFы систематического собрания и драгоценные камни, между которыми особенно отличался замечательный величиною чистой воды изумруд. На покупку дома для института благородных девиц в Харькове Павел Григорьевич пожертвовал 22 000 рублей, а в 1812 году сделал вклад в существующий и теперь, открытый в 1786 году, в Ярославле дом призрения ближнего, в размере 1 000 рублей. Последние годы жизни Павел Григорьевич провел в любимом своем селе Леонове. Овдовев еще в молодости, Павел Григорьевич не оставил после себя потомства. Владея громадными богатствами, Павел Григорьевич всю жизнь провел в научном труде. Весьма отзывчивый к чужим нуждам, сам он жил, по словам современников, весьма скромно, почти замкнуто, в знакомствах был крайне разборчив, в разговоре — медлителен. Глубокий знаток природы — ученый-натуралист, Павел Григорьевич знал в совершенстве математику, физику, минералогию, металлургию, искусство литейное и не только был знаменитым физиком и наблюдателем, но и глубоким философом и искусным литератором, владевшим бойким пером. Кроме занятий науками, Павел Григорьевич признавал только одно удовольствие — музыку, и, как страстный любитель, сам с увлечением играл на форте-

пиано и скрипке. Умер 1 июля 1821 года в подмосковном своем селе Леонове на Яузе и погребен в Московском Спасо-Андрониевском монастыре. В благодарность за крупные пожертвования Московский университет в университетском музее поставил портрет Павла Григорьевича и занес имя его на мраморную доску в актовом зале, а признательное ярославское дворянство, движимое чувством благодарности к своему сочлену, как основателю высшего училища, на собранные по подписке средства воздвигло Павлу Григорьевичу Демидову памятник, — бронзовую колонну, вышиною в 17 аршин, с бронзовой сферой и вызолоченным парящим на ней орлом, на гранитном пьедестале, — который открыт на Ильинской площади в Ярославле 6 марта 1829 года.

Демидов Павел Николаевич, брат Анатолия Николаевича, владелец богатейших Сибирских чугуноплавильных заводов, почетный член Императорской Академии наук, родился 6 августа 1798 года. Павел Николаевич воспитание и образование получил в Париже, в лицее Наполеона, с 1812 по 1826 год служил в русской армии и затем, в 1831 году, был назначен гражданским губернатором в Курской губернии. Покровительствуя процветанию научных знаний в России и владея громадными богатствами, Демидов с 1830 года по смерть свою ежегодно, в день рождения покойного государя Александра Николаевича 17 апреля, вносил в Академию наук по 20 000 рублей «на награды за лучшие по разным частям сочинения в России» и по 5 000 рублей «на издание увенчанных Академией рукописных творений». За такое щедрое пожертвование Демидов удостоился выражения особого благоволения государя Николая Павловича. Начиная с 1832 года Академия наук из пожертвованного Демидовым капитала ежегодно назначала за выдающиеся сочинения Демидовские премии — большие в 5 000 рублей и малые в 2 500 рублей. Вместе с братом своим Анатолием Павел Николаевич учредил в Петербурге детскую больницу, на содержание которой внес особый капитал, и, кроме того, сделал крупные пожертвования в Комитет инвалидов, в Приют для бедных, в Общество садоводства и др. Умер в Майнце 25 марта 1840 года. Павел Николаевич женат был на Авроре Карловне Шернваль и от этого брака имел единственного сына Павла, получившего княжеский титул Сан-Донато.

Его сын родился 9 октября 1839 года в Веймаре, на втором году лишился отца и, получив прекрасное домашнее образование, в 1856 году вступил в С.-Петербургский университет студентом юридического факультета, курс которого окончил в 1860 году со степенью кандидата. Поселившись в Париже, Павел Павлович продолжал здесь свое научное образование под руководством Лабуле, Франка и Бодрильера. В 1867 году Павел Павлович женился на княжне Марии Элимовне Мещерской, которая через год скончалась от родов. Переселившись после смерти жены в Вену, Павел Павло-

вич вступил на службу по министерству иностранных дел и был причислен к Венскому посольству, но, пробыв здесь недолго, уже в 1869 году возвратился в Россию и поселился в Каменец-Подольске, где занял скромное место советника губернского правления. Вскоре, однако, он переселился в Киев и здесь был избран сперва почетным мировым судьей, а потом, в 1870 году, киевским городским головою. В 1871 году Павел Павлович вступил во второй брак с княжной Еленой Петровной Трубецкой. Пожалованный в 1871 году в звание егермейстера двора Его Императорского Величества, Павел Павлович был избран в 1874 году в должность киевского городского головы на новое трехлетие, но отказался от этой должности по нездоровью и Поселился сперва в С.-Петербурге, а потом в своей вилле Сан-Донато, которую продолжал обогащать выдающимися произведениями искусства. В начале восточной войны, движимый человеколюбием, Демидов вернулся в Киев и принял должность чрезвычайного уполномоченного от Общества Красного Креста. Целый год проработал Павел Павлович в этой должности, не жалея ни труда, ни здоровья, ни средств, устраивая помещения для больных и раненых, снабжая воинов большею частью на свои личные средства всем нужным и во временных бараках, и на санитарных поездах, и при отправлении солдат на родину. С 1880 году Павел Павлович поселился в С.-Петербурге и, по смерти Александра II, снова вступил на службу в министерство внутренних дел, где перед ним открылось поле административной деятельности, и, кроме того, принял должность председателя банка и Общества для поощрения промышленности и торговли. Владея значительными богатствами на Урале, Демидов на своих Уральских рудниках ввел все новейшие усовершенствования, при Пермских Нижнетагильских заводах основал первую фабрику бессемерования стали, чем дал крупный толчок к развитию выработки на своих заводах стальных изделий, и на свой риск занялся разработкой Луньевских каменноугольных копей на севере Урала, предвидя широкую будущность для этой отрасли промышленности. Изделия заводов князя Павла Сан-Донато на Венской всемирной выставке удостоены почетного диплома, а на Филадельфийской 1876 года награждены бронзовою медалью. Широкая и разнообразная благотворительная деятельность и чуткая отзывчивость к нуждам ближнего приобрела Демидову громкую известность. После смерти первой жены Демидов основал в Париже рукодельню имени св. Марии, где, вплоть до коммуны, от 300 до 400 бедных парижанок находили себе ежедневную работу, обеспечивавшую им существование. За последние 9 лет жизни Демидов пожертвовал на пенсии, стипендии и другие пособия в пределах России капитал около 1 200 000 рублей. Из этих процентов ежегодно отпускается, между прочим, 15 000 рублей Демидовскому дому, 2 500 рублей Николаевской детской больницы, 2 000 рублей Киевскому университету, 3 750 рублей С.-

Петербургскому университету и 5 000 рублей Обществу дешевых квартир. Кроме того, на средства Павла Павловича открыто несколько новых, а также вполне устроены уже существовавшие учебные и благотворительные заведения при Нижнетагильском и других заводах, в том числе реальное училище, два народных училища для мальчиков, два таких же училища для девочек, школы грамотности при заводах и рудниках в 9-ти пунктах, два приготовительных — для призрения детей, две больницы, покои при них и аптеки, фельдшерская школа и библиотеки при школах и т.п.; по инициативе же Демидова при заводах учреждены были 10 сберегательных товариществ. В совокупности общий ежегодный расход Демидова на благотворительные цели составлял к концу его жизни до 250 000 рублей. За такую широкую благотворительность Демидов был назначен почетным попечителем всех Демидовских благотворительных учреждений, основанных его предками и им самим. 2 июня 1872 года император Александр II разрешил Демидову принять титул князя Сан-Донато, пожалованный ему итальянским королем Виктором Эммануилом, и два ордена — св. Маврикия и Лазаря и Итальянской короны. В 1879 году признательное население Флоренции поднесло Демидову золотую медаль, с изображением его и его супруги, и адрес, доставленный особой депутацией, в состав которой входили представители рабочих корпорации, со значками. Муниципалитет по этому случаю избрал князя и княгиню Сан-Донато почетными гражданами Флоренции. От государя Александра II Демидов получил орден Станислава I степени и удостоился неоднократно выражения монарших благоволения и всемилостивейших знаков внимания. Во Флоренции Демидов открыл школы, приюты, устраивал дешевые столовые для рабочих и т.п. Он купил в Италии имение Медичисо в Пратолино, в котором и скончался 17 января 1885 года. В русской печати Павел Павлович известен как автор брошюры «Еврейский вопрос в России», Спб., 1883 года, и как издатель просуществовавшей, впрочем, очень недолго газеты «Россия».

А. Черкас

БАТАШЕВЫ

Родоначальник семьи горнозаводчиков Баташевых Иван Тимофеевич Баташев, «Тульския оружейныя слободы кузнец». (Умер в 1734 году.) В 1700 году он находился при постройке липецких чугуноплавильных заводов, а потом стал покупать в окрестностях Тулы земли и строить железные заводы. Биограф Баташевых П. Свиньин говорит о нем как о бывшем управителе Демидова, но из дел Берг-Коллегии видно только, что Баташев пользовался покровительством сильного уже в то время царского любимца

«Демидыча»: так, до 1721 года Баташев все земли покупал на имя Никиты Демидова. Таким образом, в период с 1711 по 1721 годы разновременно были куплены в Тульском уезде по реке Тулице небольшие участки, и на них строились заводы. Первый завод был построен в 1716 году в Старом городище, и можно предположить, что этот завод был переделан из бывшей на том месте «водяной мельницы» (т.е. железоделательный завод, приводимый в действие водою), принадлежавшей Демидову. Вблизи первого вскоре был построен второй завод, так что до 1721 года за Баташевым числилось два завода, работавшие весьма успешно: уже в 1720 году на Баташевских заводах «сделано железа» 3 026 пудов. Вскоре отношения между Баташевым и Демидовым значительно пошатнулись: в 1722 году Баташев жаловался князю Василию Волконскому, в ведении которого были тульские заводы, что «не любя ево (Баташева) Никита Демидов подымает у себя плотины, и оттого потопляются его заводы и чинится многое помешательство, а ежели б помешательства не было, то б можно сделать в год железа 9 000 или 10 000 пуд.» Сообщая об этом Берг-Коллегии, князь Волконский ставит на вид, что Баташев, вопреки указам, никакими льготами со стороны правительства не пользуется «и к тем заводам руду и уголья покупает с платежом пошлины». В том же году Баташев подал Петру за собственноручною подписью челобитную, в которой просил «о владении тех ево заводов дать ему жалованную грамоту или привилегию» и, кроме того, облегчить в платеж десятинной платы, так как «не токмо что прибыли видит, но и убытку стало многое число от потопа Никиты Демидова». В этой челобитной Баташев к своему прежнему званию «Тульския оружейныя слободы кузнец» прибавляет новое — «железных заводов промышленник». В конце двадцатых годов Баташев построил новый завод в Медыньском уезде (на земле генерала Чернышева) и вскоре добился того, что один Медыньский завод по производительности мало чем уступал двум тульским. По духовному завещанию Баташев тульские заводы отказал жене своей Акулине Ивановой и младшему сыну Родиону, а Медыньский завод назначил старшему сыну — Александру, который довел свой завод до полного упадка. По смерти Александра (1740 год) его вдова уступила завод Родиону, который, таким образом, соединил опять в одних руках все дело отца. Между тем, Берг-Коллегия, убедившись в полной негодности Медыньского завода, в 1742 году распорядилась запечатать заводские домны. В 1753 году Родион снова начал производство на Медыньском заводе, но опять ненадолго, так как в 1754 году Сенат вносит этот завод в список заводов, подлежащих уничтожению, для охранения лесов от истребления. По смерти Родиона Баташева (1754 год) все его предприятия перешли в руки сыновей его, Андрея (умер в 1799 году) и Ивана (родился в 1741 году, умер 28 января 1821 года). По-видимому, старший брат остался после отца уже взрослым, так

как сразу же является полновластным хозяином всех заводов, скрепляет свою подписью все официальные акты и по энергии, с которой он принимается за работу, оказывается лучшим выразителем начертаний своих предков. Имущество, доставшееся братьям, заключалось только в небольшом капитале да в тульских заводах. Не чувствуя в себе силы и не надеясь на чью бы то ни было поддержку, Андрей до 1765 года не поднимает вопроса о вознаграждении со стороны правительства за те убытки, которые неизбежно были связаны с закрытием Медынского завода; вместо этого он старается вознаградить себя новыми предприятиями и приискивает руды с целью строить заводы. В течение первых шести лет самостоятельной работы им сделано девять заявок и на местах приисканных руд построено два завода — в 1755 году Унженский (во Владимирской губернии на земле князя Долгорукого) и в 1758 году Гусевский (во Владимирской губернии). В устройстве последнего завода принимает уже участие и младший брат. Изучая до сих пор заводское дело под руководством старшего брата, Иван Родионович с этого времени становится надежным помощником ему и впоследствии оказывается самым выдающимся представителем фамилии Баташевых. Первая совместная деятельность братьев выразилась в приобретении земель и крестьян у тех помещиков, во владениях которых сделаны были заявки. Покупка земель и крестьян клонилась к тому, чтобы путем залога вновь приобретаемой недвижимой собственности расширить оборотный капитал, а переводом из приобретаемых местностей крестьян на действующие заводы увеличить число рабочих рук. Мера оказалась удачной: производство на двух новых заводах в 3 года, с 1762 по 1764 годы, утроилось и возросло до 122 88,5 пудов. В эти годы Баташевы стараются сбывать свое железо «в заморский отпуск» и держат в столице для своих торговых операций поверенных по делам. В 1765 году братья стали ходатайствовать в Берг-Коллегии о вознаграждении их за убытки, понесенные ими в 1754 году вследствие закрытия Медынского завода. Берг-Коллегия нашла возможным уволить заводчиков «от платежа четырехкопеечной десятины на 10 лет по другим заводам». 1766 год в деятельности Баташевых ознаменован постройкой двух новых заводов в Нижегородской губернии — Выксунского и Велетменского, причем Выксунский в первый же год работы дал 4 783 пуда чугуна. В 1770 году Иван и Андрей Родионовичи приобрели от заводчицы Даниловой (рожд. Демидовой) два завода — Верхотурецкий и Сементинский. Хотя заводы при покупке были в действии, Баташевы просили Берг-Коллегию вновь приобретенные заводы действием прекратить, а приписных к ним крестьян перевести на Гусевский, Выксунский и Велетменский заводы. Коллегия согласилась. Самые заводы и принадлежащие к ним земли Баташевы заложили за 30 000 рублей «для лучшего распространения железных своих заводов». Сильно нуждаясь в то время

в военных снарядах, правительство обратилось к Баташевым с запросом, не возьмутся ли они на своих заводах готовить пушки, бомбы и ядра. Так как Баташевы не пользовались субсидиями и не были обязаны правительству, то Адмиралтейств-коллегия предложила, кроме уплаты всех расходов по заготовке, выдавать награды 10%, а за некоторые подряды и 20% с затраченного капитала. Такого рода предложение показалось Баташевым выгодным, и в 1770 году они уже раньше назначенного срока выполнили подряд, доставив в Адмиралтейств-коллегию 154 пушки, не считая бомб и ядер. Впрочем, первый опыт оказался неудачным, и во время пробы многие пушки разрывало. Тем не менее, по ходатайству Адмиралтейств-коллегии, «за усердную работу» весь род Баташевых с 1770 года освобождается от подушного оклада и братья Андрей да Иван Баташевы награждаются чином титулярного советника. В конце 1770 года Баташевы получили разрешение «построить особливую фабрику с плавильными в ней печми» для более тщательной обработки чугуна, а затем опять приступают к разведкам в различных местностях и в 1772 году строят Илевский завод в 70 верстах от Выксунского, причем Берг-Коллегия находила необходимым новый завод «от платежа десятины впредь на 10 лет уволить». В 1773 году Баташевы обратились в Берг-Коллегию с просьбой разрешить им постройку завода на реке Железнице в 6 верстах от Выксунского завода. Просьбу свою они мотивировали тем, что правительство из года в год возлагает на них все большие надежды и что литье пушек большого калибра на Выксунском и других заводах «от недостатка воды совсем невозможно». Новью Железницкий завод первоначально предполагался для «высверливания и точки отлитых на Выксунском заводе во флот пушек и военных орудиев». Потребность в таком заводе была большая, и Берг-Коллегия писала: «Велеть ту фабрику, если еще не начата, строением как наискорее окончить». Впоследствии на Железницком заводе специальное «высверливание и точка военных орудиев» прекратились и там так же, как на остальных заводах, происходила выплавка чугуна. В конце 70-х годов производительность Железницкого завода по выплавке чугуна даже стояла выше, чем на Гусевском. Одновременно с Железницким был построен и Пристанский завод на самом берегу реки Оки. В 1776 году Баташевыми приобретен у князей Репниных завод Еремшенский (в Тамбовской губернии). Затем, в конце 70-х годов и в начале 80-х, Баташевы заводят свои собственные суда и на них доставляют якоря и пушки к вновь строившемуся тогда Архангельскому порту. В 1783 году в верховье речки Унжи, в 50 верстах от Выксунского завода был построен Верхотурецкий, и этот завод является последним, в постройке которого участвовали оба брата. В начале 1783 года, по Высочайшему повелению, весь род Баташевых возводится в дворянское достоинство, а в конце того же года между братьями происходит раздел всего

имущества. Поводом к разделу, как можно предполагать, послужило то обстоятельство, что Андрей Родионович пожелал обеспечить незаконно прижитых им детей наряду с законными. После смерти Андрея долго продолжались споры между законными и незаконными его наследниками.

Между тем, Иван Родионович продолжал работать на пользу заводского дела. В 1784 году построил он на реке Снаведи, в 23-х верстах от Выксунского, большой Снаведский завод, через два года — Сынтульский (в Рязанской губернии) и в течение следующих 12 лет старался скупать возможно большее количество земли и крестьян. Так, в 1791 году он приобретает у князя Долгорукого те места, где были раньше построены многие его заводы и в том числе — Унженский. В 1800 году им основан на реке Железнице, в 8 верстах от Выксунского, Верхнежелезницкий завод для выделки кос, а в 1803 году на той же речке на расстоянии 1 версты от Верхнежелезницкого завода он построил проволочную фабрику. Вообще в период с 1800 по 1821 год производство на заводах Ивана Баташева резко меняет свой характер. Если раньше все цели заводчика направлены были к расширению производства и увеличению числа заводов, то теперь он стремится в заводское производство внести возможно больше разнообразия. Количество ежегодно выплавляемого чугуна значительно уменьшается, а заводы один за другим переделываются в фабрики для производства различных железных предметов, и преимущественно предметов первой необходимости. Снаведский завод переделывается в фабрику для отливки разной чугунной посуды, Велетменский — для выделки кос, проволоки и гвоздей. На Выксунском заводе с 1802 года производится выделка железной посуды и несколько позже устраиваются мастерские для ручной обделки кос; с 1810 года на том же заводе выделываются серпы, а в 1818 году вводится производство суконных машин. В 1819 году даже строится собственная суконная фабрика. Интересно, что на Выксунском заводе, скудном водою, в 1815 году, после долгих неуспешных опытов, построена наконец своими механиками паровая машина в 12 лошадиных сил для приведения в движение доменных мехов.

На 70-м году жизни Иван Родионович отказался от личного заведования всеми делами, да едва ли его участие тогда уже и требовалось: штат прекрасных служащих, строгая во всем отчетность и вообще образцовая постановка дела на Баташевских заводах давали возможность главе предприятия спокойно отдохнуть в семье внучки, бывшей замужем за Шепелевым. Баташев сделал ее наследницей всего своего имущества, заключавшегося, кроме заводов, в 148 967 десятинах земли с 12 528 душами крестьян. Говоря о фамилии Баташевых вообще, следует упомянуть, что они вышли из той же школы тульских кузнецов, как и Демидовы. Собственным умом и энергией они, подобно Демидовым, возвысились, а своим исключительным

трудолюбием создали впоследствии промышленность целого края.

Правда, место деятельности Баташевых, именно средняя полоса России, близость этого места к контролю центральных учреждений и, наконец, отсутствие особого покровительства со стороны высших властей — все это исключало возможность для Баташевых приобрести ту роль, какую пользовались Демидовы на Урале. Но попытки к приобретению такой роли не раз проявлялись среди Баташевых, и память народа до последнего времени хранит много сказочных, по своим ужасам, эпизодов из жизни этих дворян-кузнецов. Говорят, что Гусевский завод мог бы поспорить своими кровавыми воспоминаниями с «историческою» башнею на Невьянском заводе Демидовых. При Андрее Родионовиче весь Гусевский завод, как гласит предание, изрыт был подземными ходами, и в одном из обширных помещений производилась постоянная чеканка монеты. Когда на завод прибыли правительственные агенты с целью проверить слухи о «Баташевском монетном дворе», то Андрей Родионович не задумался похоронить живыми работавших в подземелье, отдав приказание немедленно засыпать все ходы и выходы. Исключительным типом среди Баташевых является Иван Родионович, который, если доверять сохранившимся о нем сведениям, может быть поставлен наряду с лучшими людьми своего времени. Не говоря уже о выдающемся уме, энергии и трудолюбии, Иван Родионович отличался похвальным добротой, уважением к чужой личности и редким для промышленников XVIII века умением согласовать свои собственные интересы с интересами ближних. Он строил больницы и церкви (последних около 15), а своими заботами о бедных снискал себе громкую известность.

ЯКОВЛЕВЫ

Савва Яковлевич Яковлев по происхождению мещанин города Осташкова Тверской губернии, который, по семейному преданию, прибыл в Петербург пешком, «с полтиною в кармане и родительским благословением». Фамилия его в то время была не Яковлев, а Собакин.

По прибытии в Петербург он занялся торговлею мясом, торгуя им с лотка вразнос.

Известно, что императрица Елизавета Петровна чрезвычайно любила вокальную музыку и потому очень жаловала не только людей, обладавших этим искусством, но даже тех, кто имел хотя какую-либо способность к нему.

Однажды, сидя на балконе, Ее Величество заметила проходившего вдали молодца с ношею на плечах; услышав его звонкий, чрезвычайно сладенький напев: «све-жа-я те-ля-ти-на», государыня напрягла слух; а разнос-

чик, точно в угоду ей, повторяет свой призыв покупателям.

— Какой прекрасный голос, — сказала императрица находившимся близ нее придворным и добавила: — Скажите гофмаршалу, чтобы он взял педуна в поставщики припасов для моей кухни.

Разносчик немедленно был догнан посланными за ним камер-лакеями и отведен в присутствие гофинтендантской конторы.

Детина, обративший внимание императрицы, был Савва Яковлев Собакин.

Когда артель, к которой он принадлежал, узнала о счастье своего члена, то не могла достаточно удивиться, разводила руками, приговаривая: «Ну талант выпал Савке, — так называли парня товарищи, — теперь успевай наш земляк загребать денежки, не ходи, как мы, грешные, с утра до вечера по улицам, не голоси без толку!»

Действительно, карман Собакина начал быстро наполняться; этому помогло также и то, что некоторые из вельмож, желая угодить государыне, поручили избранному ею поставщику снабжать их собственные дома, чем, разумеется, ускорили его обогащение.

Немало содействовало Собакину, при составлении его богатства, и покровительство князя Потемкина, которому он доставлял съестные припасы, угождая всем причудам светлейшего. А Потемкин, довольный Собакиным, отдал ему поставку на армию, что в ту пору было обыкновенным источником громадной наживы.

Под конец царствования Елизаветы Петровны Собакин, записавшись в купечество, имел уже столько капитала, что мог, вместе с другими коммерсантами, взять на откуп таможду в Риге и нажить здесь миллионы.

Около же этого времени богач, чтобы добиться дворянства, а через это — приобрести право на покупку населенных имений, перешел из податного звания в чиновничье; это ему и удалось: в 1762 году Савва Яковлев, «за особенно оказанные услуги», был возведен Петром III в потомственное дворянство.

Большие торговые обороты сделались для Собакина постоянным занятием. Так, при Екатерине II в руки его попал петербургский питейный откуп, от которого Савва нажил «большие тысячи».

Но Савка оставался прежним Савкою.

Вышел такой казус.

В 1774 году заключен был мир с Турцией в Кучук-Кайнарджи. Екатерине очень желательно было, чтобы самая чернь в ее резиденции поняла всю важность нового политического события; для достижения было употреблено

реблен способ, правду сказать, довольно странный: на три дня после объявления манифеста приказано было открыть все петербургские кабаки, причем каждому посетителю дозволялось, на казенный счет, выпить чарку водки в честь победы Румянцева. Пьянство было гомерическое. По окончании попойки правительство затребовало от откупа сведения о количестве израсходованного вина и получило в ответ столь громадную цифру бочек, что стало в тупик. Прежде уплаты денег нарядили следственную комиссию — для разыскания правды. Оказалось, что во всех столичных складах не могло храниться такого запаса водки, какой был выписан откупщиком. Собакин был отдан под суд, но счастье опять выручило своего любимца: государыня его помиловала и, для забвения его поступка, повелела ему носить фамилию по отчеству — Яковлев.

Нажив миллионы, Яковлев еще более умножил свое состояние скупкою фабрикой и заводами; так, в 1764 году он купил Ярославскую Большую мануфактуру, а затем, начиная с 1779 года, начал скупать на Урале горные заводы.

Первый завод, купленный им там, был Невьянский.

Невьянский завод, эта, да будет позволено так выразиться, колыбель уральской железодельной промышленности, и попала путем покупки у Прокопия Акинфиевича Демидова, внука Никиты Демидовича, в руки С. Я. Яковлева.

Одновременно с Невьянским заводом П. А. Демидов продал Яковлеву еще пять заводов: Бынговский, Шуралинский, Верхнетагильский, Шайтанский и Верх-Нейвинский, взяв за все всего лишь 800 тысяч рублей, сумму, по сравнению с действительной их стоимостью, ничтожную. Продал все эти заводы П. Демидов потому, что «недоволен был своими сыновьями».

Помимо этого, в том же 1769 году купил С. Яковлев у генерал-прокурора генерал-кригскомиссара А. И. Глебова Холуницкие горные заводы, состоявшие из заводов: Белохолуницкого со вспомогательным при нем Богородицким, Климовского и Чернохолуницкого, а через пять лет после этого, а именно — в 1774 году, купил у графа Воронцова за 200 000 рублей Верх-Исетский завод.

Всего в течение своей жизни С. Яковлев скупил и построил 22 завода и, благодаря этому, сделался самым крупным русским заводчиком.

Время нахождения заводов во владении С. Яковлева оставило по себе на Урале недобрую память; и вообще-то крепостному населению жилось на заводах не сладко: жестокие истязания, кнут, плети, каторжные избы, колодки, цепи были в большом ходу; с переходом же заводов к С. Яковлеву положение рабочих сделалось еще хуже: помимо всего прочего, их стали обременять непосильными работами.

Насколько тяжело жилось рабочим на заводах Яковлева — можно судить по тому, что, по словам одного из историков Урала, в старом хозяйском доме на Невьянском заводе находили человеческие скелеты, прикопанные на цепях к стенам. Немало также имеется свидетельств, а еще того больше — преданий о возвышающейся над Невьянским заводом покосившейся башне, на которой теперь бьют одни куранты, а в прежние времена, как гласит предание, производился дозор за всем, что делалось в округности. Впрочем, наилучшею характеристикой положения рабочих на заводах Яковлева во время нахождения их в его владении может служить нижеследующий факт.

Объявил в 1764 году приписной к Невьянскому заводу крестьянин Алексей Федоровых, впоследствии переименованный Поляковым, о «золотых рудах», найденных им в даче П. А. Демидова. Ни правительство, ни Демидов не обратили внимания на заявление крестьянина: при новом содержателе заводов — Собакине, Федоровых напомнил правительству о своей находке. Такое заявление испугало Собакина тем, что у него отнимут земли, и он приказал заарестовать Федоровых. Отца и сына схватили в Ирбите, отняли у них товар и 3 000 рублей денег и в глухой повозке отвезли в Невьянск, а отсюда сына «на судне до Костромы, оттоль к Нижний Новгород отправили», отца же, сильно «изувеченного» еще в Ирбите, держали в оковах до 1797 года. Каким-то образом Алексею Федоровых удалось подать на Высочайшее имя прошение, в котором он просил освободить его от оков и принять в покровительство Берг-Коллегии. Указом Коллегии в 1797 году велено было канцелярии главного правления заводов Федоровых освободить и допустить к разрабатыванию золотых руд, объявленных им в 1764 году. Кроме того, предписывалось произвести дознание о тех притеснениях, которым подвергались Федоровых, а также и о том, почему объявленные прииски через 33 года были не открыты и не изведаны.

Чем все это кончилось — неизвестно.

По смерти С. Яковлева, последовавшей в 1784 году, все огромное его состояние, по разделу 1787 года, было разделено, по числу сыновей, на четыре части: Ярославская Большая мануфактура досталась на часть Михаила Саввича Яковлева; Невьянский и Бынгровский заводы — Петра Саввича, оставившего по себе память тем, что в 1792 году сочинил для заводских приказчиков крайне интересную инструкцию из 18 пунктов, в которой предписывались: экономия в лесе, чтобы берегли его недреманным оком, чтобы в Невьянке было благочиние, порядок, тишина и благосостояние; не шатались бы по кабакам и улицам пьяные, песельники и крикуны... наблюдаема бы была по всем улицам, переулкам и в рядах чистота, канавы и мосты имелись бы исправны и т.д. Заводы Верх-Исетского округа достались на часть Ивана Саввича, а ныне принадлежат наследникам его наследницы,

его внуки, гр. Н. А. Стенбок-Фермор; наконец все прочие заводы — Нейво-Алапаевский, Нейво-Шайтанский, Верхнесинчихинский и др. — достались на долю его четвертого сына — Сергея Саввича.

А. Ф. Грязнов

МАЛЬЦОВЫ

Русские предприниматели Мальцевы дали свое имя целому промышленному району. Мальцовский заводской округ принадлежит к числу интереснейших, но недостаточно еще исследованных местностей внутренней России. Он находится в углу, где сходятся три губернии, занимая до 1 150 кв. верст в Жиздринском уезде Калужской губернии, 750 кв. в. в Брянском уезде Орловской губернии и 100 кв. в. в Рославльском уезде Смоленской губернии, всего до 2 000 кв. верст, т.е. больше многих немецких герцогств. Здесь мы видим сочетание лесных богатств с минеральными при плохой пахотной земле, так что местность эта как бы самой природою предназначена для фабрично-заводского производства, над развитием и упрочением которого особенно потрудился генерал Сергей Иванович Мальцов, заслуживший почетную известность во всей России (умер в 1893 г.). К нему дело это перешло в конце 30-х годов, и он занимался им до 1885 года, т.е. посвятил ему около 50 лет своей жизни. За время его управления этим делом, главным образом, и составила слава этих заводов. Управляя этим делом, Сергей Иванович забывал свои личные интересы, желая только развить дело в более обширных размерах и давать побольше заработка населению. При нем дело это не только расширилось в четыре раза, но получило отличный характер самобытного национального производства, на которое были обращены взоры всего русского коммерческого и делового люда. Известно, что с Мальцовских заводов вышел первый русский свекловичный сахар. На этих заводах учился новому производству граф Бобринский, который отсюда же взял и образец для устройства своего крупного свеклосахарного завода. От Мальцева вышли первые русские рельсы для Николаевской железной дороги. У него же сделана первая паровая машина для Петербургского Арсенала и Тульского оружейного завода; отсюда же вышел первый винтовой двигатель для парохода, который до сих пор действует на корвете «Воин» и находится в полной исправности. Из Мальцовских заводов вышел первый пароход, появившийся на Днепре и Десне, и в 1858 году выпущены первые американские пароходы на Волгу — три колосса в 230 футов длины, по 300 сил спущены по Жиздре и Оке, вызывая удивление всего прибрежного населения. Тут же была устроена первая газовая печь мартеновской системы. Во время Крымской войны в 1855-1856 годах отсюда же ставились по дешевой цене лафеты для нашей армии.

Производство с течением времени становилось постоянно разнообразнее. С 1871 по 1881 год были получены значительные заказы на паровозы и вагоны. Мальцов старался, чтобы все изделия были из русских материалов и чтобы для потребностей заводского населения меньше выписывать из других районов. Поэтому, кроме главного дела — механического, чугунного и стеклянного, — были еще устроены кирпичные заводы, смолокурные, большая столярная мастерская, лесопилка, канатная фабрика, писчебумажная, содовый, пивоваренный и винокурный заводы. Для обеспечения населения жизненными припасами были устроены хутора, где было образцовое скотоводство. Таким образом извне покупался только чай, сахар и мануфактурные произведения.

Известно также, что в этом районе были свои деньги, которых в разное время выпущено до 2 ¹/₂ миллиона рублей. Деньги эти были разной ценности: от 3 копеек до 5 рублей; их даже принимали в уплату акциза. Потом они постепенно выкупались, и ко дню образования товарищества, когда дальнейший выпуск их был воспрещен, их оставалось почти на 1 миллион рублей.

Около Мальцовских заводов кормилось почти 100 тысяч человек, считая не только коренное население, но и окрестное крестьянство, которое нанималось на побочные работы на заводах — для подвозки руды, топлива, угля, для лесных работ и т.д. Все это рабочее население жило в то время как у Христа за пазухой: оно знало, что о нем позаботятся и не дадут ему терпеть никакой нужды. И, действительно, на случай неурожая там заготавливался хлеб для рабочих, строились каменные дома в рассрочку, на самых льготных условиях, причем часто долги эти, оставшиеся в размере 100-200 и даже 300 рублей, совсем не взыскивались и прощались. Во время наделения крестьян землей генерал Мальцов отдал своим рабочим даром огородную, усадьбную и выгонную землю. Вообще там сложился какой-то патриархально-семейный помещичий строй. Денег рабочие получали на руки мало, но зато они были обеспечены, получая из магазинов натурою все, что им нужно было для удовлетворения своих нужд: хлеб, чай, сахар и разные другие товары.

Вместе с тем отношения к ним были вполне отеческие и мягкие, что потом отразилось отчасти несколько неблагоприятно, потому что отучило их от самостоятельности. Таким образом, здесь была если не Америка, как пишет Вл. И. Немирович-Данченко, — потому, что здесь не было того оживленного индивидуального развития, какое характеризует Америку, — то своего рода Аркадия: население жило здесь, не заботясь о завтрашнем дне, и не опасалось никаких невзгод.

В 1877 году Мальцевым проложена первая узкоколейная железная до-

рога, с устройством которой у нас стал известен особый, так называемый мальцовский, тип железных дорог. Мальцовская дорога простирается на 203 версты. Устройство ее обошлось до 9 ¹/₂ тысячи рублей с версты с подвижным составом.

С конца 70-х годов разные причины подорвали деятельность Мальцовских заводов, которая не была согласована с новыми условиями русской экономической жизни. Так, с проведением сети железных дорог, стали открываться другие, однородные с Мальцовскими, заводы, которые стали посылать по этим дорогам свои товары на те же рынки, на которые посылали свои изделия и Мальцовские заводы. Потом открылся доступ иностранным изделиям. Вследствие этого механическое дело на Мальцовских заводах стало давать убыток, потому что оно было сопряжено с стремлением делать все из русских материалов. Например, когда получен был заказ на паровозы, то оказалось, что рессорной стали в России нет, и вот Сергей Иванович задумал устроить свое рессорное дело и на заводе в Сергиево-Иванове устроил образцовую печь Сименса, вследствие чего пришлось понести значительный убыток, который еще более истощил оборотный капитал. Для поддержки дела пришлось образовать акционерное товарищество, но и при нем убытки продолжались, росли казенные долги, так что заводы на время передавались в казенное управление, которое одни заводы, второстепенные, закрыло, а на главных сократило работы, после чего часть рабочих разошлась в другие районы, а из оставшихся значительная часть работала по 2-3 дня в неделю, чтобы всем хватило работы. Население от уменьшения заработка стало приходить в упадок.

В конце 1893 года образовалось акционерное общество Мальцовских заводов с основным капиталом в 4 миллиона рублей, которое и приобрело все имущество со всеми заводами за 10 миллионов рублей, из коих переведено долгом на общество 6 ¹/₂ миллиона. Производство стало крепнуть, валовой доход на 8 миллионов рублей в 1894-1895 годы повысился в среднем до 10 миллионов в 1899-1902 годы, в том числе стоимость выработанных изделий с 6 миллионов дошла до 7 ¹/₂ - 8 ¹/₂ миллиона.

Основное производство распределено в 13 пунктах на 16 заводах, в том числе 1 вагоностроительный, 6 чугунолитейных и механических, 6 стальных, 1 фаянсовый, 1 эмалированной посуды и 1 бумажная фабрика. На них в 1901 году было 8 ¹/₂ тысяч рабочих, получивших 1 586 тысяч рублей; паровых сил было 1 400, водяных колес — 15. Кроме того, 5 лесопилок, 17 мельниц, 4 кирпичных, 4 смологонных завода, один пивоваренный, 18 углеобжигательных печей. Из минеральных богатств добываются: железная руда, огнеупорная глина, мел, известь, торф, при этом занято более 5 тысяч человек. Лесов 142 тысячи десятин; при разработке их занято до 20 тысяч народа. В общем заводы и другие уголья дают работу 35 тысячам человек.

Пашни хотя и больше, чем прежде, но все же мало: всего 11,3 тысячи десятин, лугов 6,8 тысяч десятин.

Железная дорога перевозит до 20 миллионов пудов груза и $\frac{1}{2}$ миллиона пассажиров; в 1901 году она дала валового дохода 587 тысяч рублей, потребовала расхода 401 тысячу.

При заводах — 8 больниц и приемных покоев, 6 врачей, 15 фельдшеров, 2 аптеки; содержание медицинской части в 1901 году обходилось в 62 тысячи рублей. В 14 городах общество содержит торговые конторы для сбыта изделий и приема заказов.

Более интересные местности района: самый крупный поселок — Людиново в Жиздринском уезде, 50 верстах от Брянска. Завод основан в 1769 году Петром Демидовым, устроившим здесь две домны. Впоследствии от Демидовых Людиновский завод перешел к Мальцевым. Для действия завода была сооружена большая плотина, благодаря которой образовался пруд в 18 верст длиною. Здесь устроены были водяные колеса и турбины для заводского дела. Сначала производство ограничивалось выработкой чугуна и железа, а потом введено было и пудлингование.

Само Людиново скорее напоминает местечко или уральские заводские города; оно отличается от села обилием каменных домов. Домны вечно пышат пламенем, и ночью село освещается фантастическим светом. В центре села расположена большая церковь, вмещающая до 8 тысяч человек.

Населения здесь в цветущую пору насчитывалось до 12 тысяч человек; теперь же около 6 тысяч.

На заводе с 1870 по 1881 годы делался подвижной состав для железных дорог, главным образом, по казенным заказам. Всего за это время изготовлено было паровозов на 9 миллионов рублей, 11 тысяч платформ и вагонов на 15 миллионов рублей, итого на 24 миллиона рублей. Кроме того, здесь изготавливались котлы, машинное литье, чугунные прессы, земледельческие орудия, двери, решетки, памятники, словом — производств считалось от 70 до 80 на сумму 4-5 миллионов рублей. Потом цифра эта начала падать, и особенно быстро она падала во время казенного управления, а именно: в 1881 году вся сумма изделий оценивалась в 2 $\frac{1}{2}$ миллиона рублей; в 1886 году она понизилась до 1 600 тысяч рублей, а в настоящее время она составляет всего только 1 100 тысяч рублей. Это падение объясняется, главным образом, тем, что с 1881 года уже не строится подвижного состава для железных дорог, вследствие чего отпало около 3 миллионов рублей в год; теперь остаются только литейный отдел, чугунная мастерская, отдел эмалированной посуды. Рабочих — 1 900, паровых сил — 700.

В 4 верстах от Людинова расположено селение Сукремль, где основан чугунолитейный завод в 1737 году, потом он останавливался и работать

стал только с 1811 года. Село это имеет очень унылый вид. Дома обветшали, но самый завод отделан заново.

В этом селении 280 дворов; население достигает 2 000 человек. На заводе изготавливается на 200 тысяч рублей дешевых чугунных изделий (посуда, вьюшки и пр.), сплавляемых отсюда по Болве; рабочих 400.

Песочное — довольно большое село, в 30 верстах к северу от Людинова, расположено на реке Болве, которая отсюда становится судоходною. Здесь устроена плотина. Домов до 600, жителей 4 $\frac{1}{2}$ тысяч. Заводов три: чугунный с 1839 года, фаянсовый с 1854 года и эмалированной посуды с 1843 года. Производство на 600 тысяч рублей, рабочих до 1 000. Вследствие удушливого воздуха и минеральной пыли, много умирает от чахотки.

К югу от Людинова — село Дядьково — географический и административный центр района. Это — старинное поселение. Хрустальное дело начато здесь с 1780 года.

Здесь завод послужил ядром для всего дела. Из доходов от стеклянного производства, при сбыте изделий по всей России, покупались соседние лесные дачи, строились другие заводы и фабрики. Так как дело это было первинкой в России и не имело конкурентов, то оно быстро развилось. Этому способствовало также то обстоятельство, что завод имел отличный материал, превосходный песок, из которого получался лучший хрусталь в России.

Дядьково имеет вид довольно порядочного уездного города. Оно расположено на речке Ольшанке, где устроена запруда для турбин. На площади — красивая церковь с колоннадой, отличающаяся своим хрустальным иконостасом. Вообще Дядьково напоминает лучшую эпоху Мальцовского дела. Здесь до 600 дворов и до 6 500 жителей.

Интересно главное заводское здание — Гута. С 1 и 2 часов ночи приступают к варке стекла, которая оканчивается к 11-12 часам вечера, и тогда начинается дутье стеклянных изделий и отливка их механическими приспособлениями; потом эти вещи идут для прокатки. Таким образом, главные работы производятся ночью. Рабочих до 1 800, в том числе 800 женщин и подростков; производство оценивается в $\frac{1}{2}$ миллиона рублей.

Обстановка работ на стеклянном заводе убийственная: чрезвычайно резкие переходы температуры — с +40 до -45° на морозе. Летом рабочие не могут долго работать и должны очень часто выбегать на воздух, от этого и заработок их меньше. Зимой они бегают из Гуты по морозу в легкой одежде, подвергаясь вредным влияниям.

В шлифовальном отделении нужны очень крепкие нервы: визг сотен колес, которые режут и шлифуют стекла, способен повергнуть человека

слабонервного в обморок, между тем рабочие сидят здесь 12 часов. Мелкая стеклянная пыль, которая выделяется во время шлифования, осаждается на легкие и режет их, почему те мастера, которые работают дольше других и делают более глубокие грани, имеют вид очень истощенный и удручающий. В Дядькове также оказались новоявленные кустари: так как много рабочих осталось без работы, то они стали заниматься работой на дому, для чего начали покупать материал, устроили свои машинки, стали резать разные узоры. Интересно то, что работы на дому оказываются дешевле, нежели работы на фабрике: так, рисовка стаканов оценивается по 2-5 коп., смотря по рисунку, тогда как на заводе она обходится в 10-12 коп.» это — оригинальное явление, что домашнее производство может конкурировать с фабричным.

Кустари отвозят изделия для продажи в Брянск, куда являются евреи из черты оседлости, им и сбывают. По мнению мастеров, без евреев-покупателей они не могли бы работать: евреи дают заказы.

Некоторые из рабочих делают очень оригинальные кресты из стекла и другие предметы. Интересно видеть, как эти мастера держат в голых руках доски, доведенные до красного каления, и распилывают их, не ощущая ни малейшей боли. (Впрочем, многие из рабочих ухитряются даже ходить босыми ногами по битому стеклу, без всяких последствий, ибо кожа на подошвах у них сделалась вроде слоновой, на которую осколки не действуют.)

В 14 верстах от Дядькова находится Старский стеклянный завод, где в начале 1890-х годов практиковалась интересная форма рабочей ассоциации. Здесь образовалась артель стекольщиков, которой конкурсное управление сдало в пользование заводские здания даром — с тем, чтобы артель ставила стекло по определенной цене. Число членов артели достигает 244 человека, которые в среднем получали в полтора раза больше заработка, чем наемные рабочие на других стеклянных заводах, ибо в чистый плюс пошло сбережение от расходов на администрацию и по другим общим статьям. Но артель не могла развиваться в полную рабочую ассоциацию, ибо не сумела выделить руководящего элемента, в особенности коммерческого, который взял бы на себя соглашения с заказчиками и другие, более сложные манипуляции по сбыту и пр. Артель, однако, имеет жизненность, как вспомогательная ассоциация под руководством и контролем центрального управления. С переходом всех заводов к обществу артель закрылась. Подобная форма полуассоциаций очень желательна и вместе с тем вполне доступна для рабочих, так как значительно повышает долю заработка и упрощает управление. Но подобного рода ассоциации возможны только в более простых производствах и более однородных, каковы литейное, стеклянное и т.п., в более же сложном деле: как например, механическом, где

существует переход отдельных материалов из одной стадии в другую и где становится необходимым более сложный учет работ, — подобные ассоциации едва ли имеют будущность. Теперь на заводе до 500 рабочих, производство на 200 тысяч рублей.

Знеберский завод (в 8 верстах от Дядькова) выделяет до 2 ¹/₂ миллионов бутылок на сумму до 100 тысяч рублей при 240 рабочих. Здесь устроена сплошная ванная, в которой варится стекло, имеющая зловещий вид, вроде какого-то жупела.

В 10 верстах к югу от Дядькова — село Любахна, красиво расположенное на реке Болве, с хорошей рощей и пятиглавой церковью на ее опушке. В селе до 2 ¹/₂ тысяч жителей. В 1847 году здесь был устроен чугунолитейный завод, а потом около него были учреждены другие довольно разнообразные производства: канатная и писчебумажная фабрики, водочный и пивоваренный заводы, паровая лесопильня: рабочих было более 500 человек. Потом все сократилось, остались только чугунное и бумажное дела, рабочие дошли до бедственного положения: постройки стали разрушаться, скот распродался, одежда и более ценные вещи вроде самоваров и т.п. были снесены в заклад; лошадей осталось всего только 35, по 1 лошади на 9 дворов. В последнее время экономическое положение несколько лучше; часть ушла на заработки в другие места, другие получили работу при заводах.

В 16 верстах от Любахны, все по железной дороге, находится Радицкий стеклянный завод, действующий уже 138 лет, с 1765 года; на нем теперь 600 рабочих, производство на 300 тысяч рублей. Ближе к Брянску, у станции Радицы — пункта примыкания Мальцовской железной дороги к Орловско-Витебской линии, большой Радицкий вагонный завод, самый молодой по времени основания (с 1870 года), самый крупный по цифре производства — на 2 ¹/₂ миллиона рублей, или более ¹/₃ всей производительности заводов; рабочих 800 человек.

В стороне от линии два небольших чугунолитейных завода — Харьковский и Ресетский, производящие на 200 тысяч рублей каждый. В 14 верстах от Дядькова — село Ивоть с 1 ¹/₂ тысячей жителей; здесь стеклянный завод — на 250 тысяч рублей, а в пределах Смоленской губернии — небольшой Щеткинский стеклянный завод, в 10 верстах от станции Ивановской Орловско-Витебской железной дороги.

Из 16 действующих заводов Мальцовского общества 7 основаны в конце XVIII века. Большинство заводов имеет старинный вид. В последнее время рабочее население начинает чувствовать себя лучше и как будто приходит в норму: излишние руки разместились на другие заводы, часть привлечена к разработке леса, руды и торфа, усилившейся при акционерном обществе. На земледелие почти никто из рабочих не перешел, и зе-

мельные надель, придуманные для поддержки безработных, не достигли цели. Да и странно было бы требовать, чтобы люди, несколько поколений прошедшие на фабриках и заводах, вдруг превратились в «землероев», не имея раньше понятия о трудных полевых работах, когда самый организм приспособился не к этим работам, а к дутью стекла, к обработке железа, к жару прокатных и сварочных печей. Достаточно сказать, что когда, например, мы посетили Людиновскую школу, то в классе из 70 мальчиков ни один не мог объяснить фразу: «мужик пахал полосыньку»: никто не видел пахоты и не знал, что такое «полоса», смешивая ее со «стежкой», т.е. дорожкой.

Самые заводы еще работают неполной производительной силой, хотя и выдерживают переживаемый Россией промышленный кризис, с ослаблением которого выработка должна подняться, тем более — изделия заводов так разнообразны и большей частью рассчитаны на массовый спрос, нужны для хозяйственного обихода народа: чугунная и стеклянная посуда, домашние принадлежности и пр.; кроме того — фигурная посуда, садовая мебель и другие вещи, локомотивы, молотилки, разные двигатели, вагоны, котлы, паровики для узкоколейных железных дорог. Может еще развиться производство сельскохозяйственных машин. Вообще, при правильном ведении дела Мальцовские заводы ожидают хорошее будущее, которое заставит их забыть пережитые невзгоды.

А. Субботин

БОГАТЫРИ РОССИЙСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

МОРОЗОВЫ

I

Основателем Никольской мануфактуры «С. Морозова, сын и К⁰» и родоначальником мануфактурно-промышленной семьи Морозовых является крепостной крестьянин помещика села Зуева Богородского уезда Московской губернии Николая Гавриловича Рюмина — Савва Васильевич Морозов, который родился в 1770 году. О детстве Саввы ничего не известно. Известно лишь, что сперва он помогал отцу в рыбачестве, но ввиду малого заработка, а равно и по скудности земли, Савва начал заниматься шелкоткацким делом.

Сначала Савва Васильевич работал ткачом на небольшой шелковой фабрике Кононова, получая на хозяйских харчах по пяти рублей ассигнациями в год. На Савву выпадает жребий идти в солдаты, и он, желая откупиться от рекрутства, делает крупный заем у Кононова. Уплатить сделанный долг из получаемого жалованья было трудно, если даже и прямо немислимо, да и сам Кононов, давая деньги, желал лишь закабалить хорошего работника; но Савва, твердо решившись отделаться от долга, перешел на сдельную плату и выплатил свой долг, работая со всею своей семьею, в два года. Такой результат дал ему мысль открыть свое самостоятельное дело, что он и сделал в селе Зуеве в 1779 году с капиталом в 5 рублей, которые он получил в приданое за женой Ульяной Афанасьевной, которая славилась своим искусством красить товар.

Первоначально Савва Васильевич работал лишь шелковый товар, затем дело было переведено на шерстяное, и лишь с 1847 года было поставлено чисто хлопчатобумажное, каковым оно остается и теперь, но с 1797 года частью переведено из Зуева через реку Клязьму в м. Никольское Владимирской губернии, где тогда было основано только товаротделочное заведение, положившее начало Никольской мануфактуре. Рассказывают, что Савва Васильевич был также хорошим мастером по выработке ажурных тканей и после народной войны 1812 года носил несколько лет из Зуева в Москву на себе в котомке свои ажурные изделия и продавал их в дома именитых в то время помещиков и обывателей столицы: скопля таким образом капитал, необходимый для исполнения задуманной им цели — устроить свою ткацкую и бумагопрядильную фабрики. Честность Саввы Василь-

евича и чистота работы, а вместе и прочность краски его ткацких изделий вскоре сделали то, что скупщики, зная дни его приезда, выходили далеко по дороге к нему навстречу, чтобы перехватить выдающийся товар. Успеху дела немало способствовало и то, что Савва, кстати сказать, был выдающимся пешеходом, он приносил свою работу в Москву в один день: выходил со светом, к вечеру был уже в столице.

Кроме продажи изделий, источником нынешних миллионов служила опять-таки честность Саввы, которому окрестные крестьяне сносили деньги на хранение и тем самым увеличивали средства для оборота. Вместе с родителями работали и сыновья — Елисей, Захар, Абрам, Иван и Тимофей: дела пошли настолько хорошо, что в 1820 году Савва Васильевич мог уже откупиться от Н. Г. Рюмина со своими 4 сыновьями за громадную по тому времени сумму в 17 000 рублей ассигнациями. Пятого же сына помещик не отпустил и дал свободу лишь впоследствии, как говорят, за баснословную сумму.

Получив вольную, Савва Васильевич деятельно принялся за расширение дела, и в 1830 году им была основана в городе Богородске как отделение Зуевской фабрики небольшая красильная и отбельная, а также и контора для раздачи пряжи мастеркам и принятия тканей от последних. Эти заведения послужили основанием нынешней Богородско-Глуховской бумажной мануфактуры, перешедшей в начале сороковых годов к его второму сыну Захару Саввичу Морозову. Первый сын — главный помощник Саввы Васильевича — Елисей Саввич после женитьбы также отделился и в 1837 году открыл рядом со своим отцом в м. Никольском маленькую красильную фабрику, послужившую в свою очередь началом нынешней мануфактуры «товарищества Викулы Морозова с сыновьями». В 1825 году Савва Васильевич основал московскую фабрику, которая в сороковых годах состояла из 11 строений, где помещались 3 ткацких, 1 сновальная и 3 красильных и сушильных. Машин не имелось, но было 240 ручных станков с жаккардовыми машинами для выработки цветных узорчатых тканей. Эта московская фабрика была ликвидирована после Крымской войны.

В 1838 году Савва Васильевич создает первоклассную в России по размерам Никольскую механическую ткацкую фабрику в большом многоэтажном каменном корпусе, а через 9 лет, именно в 1847 году, Савва Васильевич почти рядом со своим ткацким корпусом выстроил специальный придельный корпус, не бывалых до того времени размеров.

С выделом из состава общей фирмы сыновей — Елисея и Захара Саввичей — Савва Васильевич с 1850 года, тогда уже в преклонных летах (умер в 1860 году), передал ведение всеми делами своему младшему сыну Тимофею Саввичу при ближайшем сотрудничестве четвертого сына Ивана

и двух малолетних внуков своих Абрама и Давида Абрамовичей, прямых наследников тогда уже умершего третьего сына Саввы Васильевича — Абрама Саввича Морозова. Иван Саввич не любил мануфактурного дела и вскоре после смерти Саввы Васильевича выделил свой капитал, так что Тимофей Саввич с 1850 года вплоть до своей смерти в 1889 году является единственным руководителем наследства Саввы Васильевича Морозова, которое он вел сперва под фирму «Товарный дом Саввы Морозова сын и К^о», а в 1873 году учредил паевое товарищество под тем же названием. Учредителями еще были М. И. Дианов, Ф. Ф. Пантелеев, С. П. Прокофьев и Н. П. Рогожин. Первый из них состоял директором товарищества до 1886 года.

По совету своего отца, Тимофей Саввич в 1857 году начал скупать долевые паи на заарендованный под фабрику будущей Тверской мануфактуры участок земли около города Твери от прежних предпринимателей и сверх сего купил для той же цели, т.е. для расширения своих фабрик во Владимирской губернии, два земельных участка неподалеку от м. Никольского, в сельце Ваулове и в устье реки Киржач, в селе Городище, где впоследствии была устроена большая контора для раздачи основ и утка мелким кустарям-ткачам, работавшим у себя в деревнях, и больших размеров отбельно-красильный и отделочный корпус, а также и набивная фабрика. Тверская же мануфактура, устав паевого товарищества которой был утвержден в 1859 году, начала функционировать уже в 1860 году, и ею также руководил Тимофей Саввич до 1872 года, когда, вследствие раздела, последняя перешла во владение его племянникам — Абраму и Давиду Абрамовичам. После этого снова всю свою кипучую деятельность сосредоточил на расширении Зуевской фабрики, как продолжала называться его фабрика и в м. Никольском, и ее отделения в Ваулове; вплоть до своей кончины в 1889 году Тимофей Саввич в последнее десятилетие своей промышленной деятельности проявил неимоверную энергию в деле улучшения производства своих фабрик. Он не жалел средств на приглашение опытных и знающих дело мастеров-англичан и русских инженеров. Для подготовки этих последних к фабричной деятельности им были учреждены стипендии при Императорском техническом училище для командировок окончивших курс молодых инженеров за границу. Он сам первый же их брал к себе на фабрику. При его же материальном содействии в русской технической литературе появился безусловно капитальный труд А. И. Шорина «Опыт практического руководства по ткачеству хлопчатобумажных тканей». Его неизменным желанием было поставить производство Никольской фабрики на первое место в России, чего он и достиг. Но зато в лице Тимофея Саввича перед нами встает во весь рост тип самодура: я так хочу, мне никто и ничто не может служить помехой. В дни приездов хозяина на фабрику на ней все трепетало, как перед грозой. Из служащих имели цену лишь бессердечные

и черствые исполнители воли хозяина. Получив дьячковское образование, Тимофей Саввич не мог понять, что улучшением фабричного оборудования и надлежащим подбором технических сил он вскоре бы достиг тех результатов, которые ему были желательны; но его вера в палку и уверенность в кулаке оставили темный след в истории Никольской мануфактуры в виде тех беспорядков и забастовки, которые произошли в 1885 году на Никольской мануфактуре. В начале 80-х годов Тимофей Саввич сравнительно с соседями повысил расценки на работы у себя на фабрике, но в то же время и ввел систему штрафов, которые шли в пользу хозяина. «Распоряжения о том, за что и как штрафовать, — говорил на суде в 1885 году исправнейший исполнитель воли Тимофея Саввича А. И. Шорин, — всегда шли из Москвы; мало штрафуете — прогоню. При таких порядках в иной месяц у рабочих заработка могло не хватать на харчи... У самых хороших рабочих было штрафов до 15% суммы заработка». После Тимофея Саввича фактическим руководителем Никольской мануфактуры стал его старший сын Савва Тимофеевич Морозов, за время правления которого мануфактура достигла выдающегося положения не только у нас в России, но и за границу. При нем не только производство усовершенствовалось и развивалось, но и положение рабочих улучшилось. Им был ликвидирован знаменитый бунт рабочих в 1885 году, вызванный применением его отцом больших штрафов и неимением для рабочих фабричных квартир. Савва Тимофеевич штрафы почти совсем отменил. Для рабочих выстроил много хороших благоустроенных казарм, медицинскую помощь поставил образцово, и, наконец, когда началось волнение в 1904-1905 годах, он решил привлечь рабочих к участию в прибылях товарищества мануфактуры. Но последнее не было одобрено его матерью Марией Федоровной, которая, как главная пайщица и директриса-распорядительница мануфактуры, в апреле месяце 1905 года, устранила Савву Тимофеевича от управления фабрикою, что и послужило причиной его трагической кончины 13 мая того же года.

После его смерти и по настоящее время, смело можно сказать, что положение рабочего люда на фабриках Саввы Морозова не улучшалось. Директором-распорядителем со дня смерти Тимофея Саввича до 1911 года состояла его супруга Мария Федоровна, а после ее смерти ее сын Сергей Тимофеевич, который управлением делами Никольской мануфактуры почти не занимается, а его заменяют в техническом направлении Федор Геннадиевич Карпов, председатель общества развития мануфактурной промышленности, а в коммерческом Иван Андреевич Колесников. Последний поступил в товарищество бухгалтером еще в 1870 году, а с 1886 года состоит директором правления. С 1905 года он фактически состоит директором-распорядителем всей мануфактуры. Кроме И. А. Колесникова и Ф. Г. Карпова, директором правления состоял бывший бухгалтер Иван Петрович

Сушкин и племянник С. Т. Морозова Сергей Александрович Назаров, а кандидатами — Тимофей Саввич Морозов и Юлия Александровна Крестовникова, сестра С. Т. Морозова. Управляющим всеми фабриками состоит известный специалист по крашению, отбелке и отделке бумажных тканей В. Н. Оглоблин, прядильным директором состоит Н. В. Бакастов, красильной — А. А. Санин, управляющий ткацкой фабрикою — Л. П. Дара, а его помощник — А. П. Горев; ткацкими мастерами — А. А. Альбицкий, П. П. Туницын и Е. Д. Политов.

Здесь уместным считаем упомянуть еще о деятельности Тимофея Саввича Морозова и его супруги Марии Федоровны на поприще развития технических познаний в мануфактурной среде. Так, Тимофей Саввич, видя неподготовленность ткацких подмастерьев, для улучшения у себя ткацкого отдела при своей школе грамоты в 1880-х годах устраивает ткацкий класс, во главе которого становится ученый рисовальщик М. В. Бобров. Этот класс, давший около десятка ткацких мастеров, был вскоре самим же основателем закрыт, так как многие окончившие переходили на службу к его конкурентам, не получив должной оценки на мануфактуре, их взрастившей. Затем Мария Федоровна пожертвовала 125 тысяч рублей на постройку здания для лаборатории механической технологии волокнистых веществ при Московском техническом училище.

В настоящее время мануфактура состоит из бумагопрядильной фабрики в 177 144 прядильных и 23 822 крутильных веретен, механической ткацкой в 3 745 станков, красильно-набивной и белильно-отделочной фабрик и торфяного завода с 2 000 десятин земли под торфяной разработкой. Рабочих на фабриках около 18 000 и на торфяном заводе летом около 4 000. Годовая выработка пряжи и разных тканей достигает 26 000 000 рублей.

Основателем товарищества мануфактур Викулы Морозова с сыновьями является старший сын Саввы Васильевича Морозова, Елисей Саввич, который в 1837 году, отделясь от отца, открыл маленькую красильную фабрику рядом с отцовской в м. Никольском. Первое время дело велось в очень скромных размерах, так как Елисей Саввич более занимался изучением религиозных вопросов, нежели своей фабрикою. Им был написан трактат о пришествии Антихриста и о пророках Илии и Ионе. Фабричными делами занималась почти исключительно его супруга Евдокия Демидьевна, тем и объясняется, что лишь в пятидесятых годах, по настоянию сына своего Викулы, он выстроил первую самоткацкую фабрику в 1847 году и вскоре затем сам устранился от дел (умер в 1868 году), передав все управление в руки тому же Викуле Елисеевичу. Последний 000 лет русского предпринимательства в 1872 году выстроил бумагопрядильную фабрику, а в 1882 году учредил паевое товарищество, в которое, кроме самого Викулы Елисеевича, вошли: его сотрудница — супруга Евдокия Никифоровна Морозова; его

сотрудник с 1856 года Иван Кондратьевич Поляков и его, Викулы Елисеевича, сыновья — Алексей, Федор и Сергей, которых после своего совершеннолетия заменил третий сын Викулы Елисеевича Иван Викулович. Одно время был директором товарищества и самый младший сын Викулы Елисеевича Елисей Викулович. Иван Викулович уже второй десяток находится во главе товарищества, и под его руководством фабричное производство значительно развилось и улучшилось. Перед ним довольно долгое время мануфактурою руководил Алексей Викулович, но он теперь ее не касается, как и его другие братья.

В настоящее время мануфактуре принадлежат: 1) в м. Никольском прядельная фабрика с 159 000 прядельных и 18 000 крутильных веретен, ткацкая фабрика с 2 500 механическими ткацкими станками, белильно-красильная и отделочная фабрика и 4 512 десятин земли с лесом и торфяными болотами и 2) при селе Савине Богородского уезда Московской губернии: бумаго и вигонопрядельная фабрика с 29 000 веретен и ткацкая фабрика с 418 ткацкими станками. Число рабочих на Никольских фабриках 10 500, производящих в год бумажной пряжи и таковых тканей на 21 миллион рублей, а на Савинских — 2 000 рабочих, годовое производство которых доходит до 2 1/2 миллиона рублей. Нынешнее правление состоит из Ивана Викуловича Морозова, Ивана Кондратьевича Полякова, Степана Никифоровича Свешникова, который заведует фабриками в м. Никольском, Ивана Ивановича Ануфриева, Сергея Ивановича Бузникова, Григория Ивановича Полякова и Елисея Ивановича Полякова, который заведует Савинской фабрикой со дня ее основания.

В 30-х годах в городе Богородске было небольшое отделение Зуевской фабрики С. В. Морозова в виде красильно-белильного заведения и раздаточной конторы, откуда отпускалась пряжа кустиарям для ткачества на дому на своих станках. В начале сороковых годов Савва Васильевич отделил своего второго сына Захара Саввича, к которому в собственность и перешло богородское заведение, которое он в 1842 году перенес из Богородска в село Глухово, называемое еще Жеребчихой, где Захар Саввич приобрел 180 десятин земли от помещиков Глухова и Жеребцова.

Постепенно расширяя дело, Захар Саввич в 1847 году уже построил механическую ткацкую фабрику, позднее возникла бумагопрядельная фабрика, а в 1855 году Захар Саввич утверждает паевое товарищество «Компания Богородско-Глуховской мануфактуры». После смерти Захара Саввича всеми делами заведовали его сыновья Андрей и Иван Захаровичи, при которых дело было расширено в значительных размерах: они не только расширили существующие прядельную и ткацкую фабрики, но выстроили в 1870 году красильную и набивную в родовом гнезде Морозовых в селе Зуеве, а после смерти Андрея Захаровича при помощи своих сыновей, Давида и Арсения,

Иван Захарович выстроил в 1876 году плисорезную и ткацкую фабрики в деревне Кузнецях, недалеко от Орехово-Зуева. Последние предприятия в 90-х годах были переведены на главную фабрику в Глухово, а земля с постройками в начале этого 1915 года была продана товариществу Зуевской мануфактуры Н. И. Зимина.

После смерти Ивана Захаровича в 1888 году директорами мануфактуры становятся его два сына, Давид и Арсений Ивановичи, и племянники, Константин и Евстафий Васильевичи. Давид Иванович заведовал коммерческой, а Арсений Иванович хозяйственной частями мануфактуры, что в настоящее время делают их сыновья: Николай Давидович, Петр и Сергей Арсениевичи, которые так же, как и их родители, предприимчивы и энергичны. В 1890 году мануфактура имела 100 000 прядельных веретен и 2 100 механических ткацких станков. Годовая производительность была около 15 миллионов рублей при 8 000 рабочих на фабриках и около 1 700 человек около нее по деревням (кустари-ткачи). Летом на торфяных болотах занято еще 2 300 человек. Основной капитал был только 750 000 рублей, но запасный и другие — более 4 миллионов рублей. Вот это и побудило Давида и Арсения Ивановичей увеличить основной капитал до 6 миллионов рублей, но так как им не хватало 1 250 000 рублей, то ими был приглашен Кноп, который на эту сумму и купил новые пай. Таким образом, Кноп достиг своей заветной мечты быть пайщиком и морозовских фабрик, откуда он ушел только три года тому назад. До 1911 года мануфактура работала более или менее тяжелый товар, а также ткани для крестьянского населения, а с приглашением в этом году для заведования ткацкими фабриками бывшего заведующего на фабрике Саввы Морозова, Григория Ивановича Тусева, Богородско-Глуховская мануфактура начала вырабатывать и для городского населения очень изящные ткани, которые вполне конкурируют с подобными заграничными. Этому, несомненно, в большой мере помогло преобразование красильного отделения мануфактуры, которым заведует при непосредственном сотрудничестве А. А. Смирнова и Б. А. Розенталя второй сын Арсения Ивановича, Сергей Арсеньевич. Последний состоит председателем совета при Богородском реальном училище, а его брат Петр — председателем совета при Московском ткацком училище. Здесь нельзя не отметить, что многолетними и плодотворными сотрудниками Морозовых до прошлого года были: Т. М. Власов как главный бухгалтер и доверенный О. А. Дегинов как управляющий фабриками более 50 лет.

Ныне мануфактуру составляют следующие отделения: 1) бумагопрядельная с 128 813 прядельных и 47 190 крутильных веретен, 2) ткацкая с 3 400 механическими станками, 3) отбельная, красильная, набивная и отделочная фабрики, и при них около 10 тысяч десятин собственной земли под лесом и торфом. Число рабочих около 13 000, а годовая выработка доходит

до 22 миллионов рублей. При фабрике имеется и начальное училище высшего типа.

Здесь уместным считаем упомянуть, что Богородско-Глуховская мануфактура по количеству крутильных веретен занимает первое место в Московском промышленном районе. Давид и Арсений Ивановичи Морозовы были первые фабриканты московского района, которые обратили внимание на ниточное производство. Ниточное производство заведено при прядильном директоре англичанине Якове Ивановиче Ратклифе, который 17 лет заведовал прядильною фабрикой. После его смерти, последовавшей 10 лет тому назад, прядильным директором становится инженер-технолог Виктор Иванович Чердынцев, который после практики на Норской мануфактуре два года провел в Англии для усовершенствования в своей специальности, а кроме того, два года провел на фабрике товарищества Соколовской мануфактуры Асафа Баранова в качестве прядильного мастера.

Оживление промышленного движения в России вслед за окончанием Крымской войны, а с другой стороны — по случаю открытой между Москвою и Петербургом, ныне Петроградом, Николаевской железной дороги, вызвало в конце пятидесятых годов в среде московских мануфактурных промышленников потребность искать удобных местностей для постройки своих паровых хлопчатобумажных фабрик на более отдаленном радиусе от Москвы, с более дешевым топливом и рабочими людьми, чем под Москвой. В 1856-1858 годах, когда именно и было построено большинство наших мануфактурных фабрик, и поныне существующих, небольшой группой московских мануфактур промышленников и торговцев в лице С. М. Шибаева, И. В. Митюшина, В. И. Брызгалина и В. Залогина во главе с энергичным предпринимателем Н. И. Каулиным была избрана для устройства прядильных и ткацких фабрик местность около города Твери близ реки Волги, на берегу реки Тьмаки. Н. И. Каулин уже ранее имел здесь, около Рождественского монастыря, небольшую мануфактуру, также, затратив на устройство под Москвой особой андреевской фабрики почти весь свой капитал, вскоре выступил из этой компании, а его примеру последовали Шибаев и Залогин, последний потому, что задумал один в том же районе создать небольшую мануфактуру. На их место в компанию поступил от зувских фабрик Саввы Васильевича Морозова его сын Тимофей Саввич с тем расчетом, чтобы, возможно, там и здесь расширить производство, в это время сократившееся за выделом из общей фирмы двух старших сыновей С. В. Морозова, Елисея Саввича с сыном Викулом и Захаром Саввичем с сыновьями Иваном и Давидом.

При Тимофее Саввиче Морозове в 1859 году был утвержден устав созданного паевого товарищества, были пущены в ход не только прядильная, но и механико-ткацкая фабрики, а вскоре были выстроены белильно-

красильная и отделочная фабрики, которые были обеспечены топливом из своих местных дач, величина которых в 1872 году достигала 4 561 десятины.

В 1872 году, когда состоялся третий раздел фирмы «Саввы Морозова сын и К^о», т.е. когда Тверская мануфактура по жребию перешла в собственность племянников Тимофея Саввича и внуков Саввы Васильевича, к Абраму и Давиду Абрамовичам Морозовым, как прямым наследникам после умершего их отца Абрама Саввича Морозова, — наступила, можно сказать, новая эра в дальнейшем расширении и усовершенствовании производства изделий товарищества Тверской мануфактуры.

Во главе этой мануфактуры становится бывший помощник Тимофея Саввича Абрам Абрамович Морозов, который при содействии своего брата Давида Абрамовича и зятя Владимира Григорьевича Чибисова с неустанной энергией повел дело. За 10 лет времени его директорства, т.е. с 1872 по 1882 годы, были сильно увеличены прядильный и ткацкий отделы, а также была выстроена новая, очень большая, отделочная фабрика, и, наконец, им было приобретено для мануфактуры 32 666 десятин леса.

С кончиною Абрама Абрамовича, с 1883 по 1892 годы, во главе правления товарищества стояла его супруга Варвара Алексеевна, дочь известного фабриканта Алексея Хлудова и опекунша до совершеннолетия своих сыновей — Михаила, Ивана и Арсения Абрамовичей. Тверская мануфактура и в это время не перестала развиваться и усовершенствоваться; лесное имущество увеличено в количестве 20 050 десятин. Нельзя обойти молчанием и того, что Варвара Алексеевна много сделала для улучшения бытовых условий жизни фабричных рабочих и особенно много сделала для их просвещения, что, без сомнения, является результатом ее близкой дружбы с редактором-издателем «Русских ведомостей» проф. Соболевским. Здесь интересным считаем отметить, что Варварой Алексеевной сделан первый опыт назначить директором Тверской мануфактуры русского инженера. Это было сделано в 1896 году, когда во главе упомянутой мануфактуры стал известный общественный деятель и директор Никольской мануфактуры «Саввы Морозова сын и К^о» инженер-механик Н. Н. Алянчиков.

В настоящее время правление мануфактуры состоит из Варвары Алексеевны и ее сына Ивана Абрамовича Морозова, А. А. Масленникова, В. Ф. Луксинира и В. И. Рогожина. Директором-распорядителем состоит И. А. Морозов, при котором мануфактура быстро развивается, но положение рабочих не улучшается. Прядильных веретен имеется 158 512, крутильных 10 010 при 4 020 механических ткацких станках. Рабочих 14 000, а годовое производство доходит до 30 000 000 рублей.

Ч.М. Иоксимович

II

С именем Морозовых связуется представление о влиянии и расцвете московской купеческой мощи. Эта семья, разделившаяся на несколько самостоятельных и ставших различными ветвей, всегда сохраняла значительное влияние и в ходе московской промышленности, и в ряде благотворительных и культурных начинаний. Диапазон культурной деятельности был чрезвычайно велик. Он захватывал и «Русские ведомости», и философское московское общество, и Художественный театр, и музей французской живописи, и клиники на Девичьем Поле. Морозовы были одной из немногих московских семей, где уже к началу девятнадцатого века насчитывалось пять поколений, одинаково активно принимавших участие и в промышленности, и в общественной деятельности. Были, конечно, проявления и упадка, но в общем эта семья сохраняла долго свое руководящее влияние.

Основателем морозовской семьи был Савва Васильевич Морозов, начавший свою деятельность в начале XIX века, после московского пожара, когда сгорел ряд прежних московских фабрик. С этого времени, под влиянием благоприятного таможенного тарифа, начался подъем в хлопчатобумажной промышленности.

У Саввы Васильевича было пять сыновей: Тимофей, Елисей, Захар, Абрам и Иван. О судьбе последнего известно немного, а первые четыре явились сами или через своих сыновей создателями четырех главных морозовских мануфактур и родоначальниками четырех главных ветвей морозовского рода. Тимофей был во главе Никольской мануфактуры; Елисей и его сын Викула — мануфактуры Викулы Морозова; Захар — Богородской-Глуховской, а Абрам — Тверской. Все эти мануфактуры в дальнейшем жили своей отдельной жизнью, и никакого «Морозовского треста» не существовало.

Тимофей Саввич был основателем одной из первых морозовских мануфактур — Никольской, которая была первой русской хлопчатобумажной фабрикой, оборудованной конторой Л. И. Кноп. Акционерную форму она приняла сравнительно поздно, в 1873 году, и получила название: «Товарищество Никольской мануфактуры Саввы Морозова сын и К^о». Это была полная мануфактура, то есть покупавшая хлопок и продававшая готовый товар, зачастую из своих складов, непосредственно потребителям. Работали так называемый бельевой и одежный товар, и изделия ее славились по всей России и за рубежом — в Азии и на Востоке.

Тимофей Саввич тратил немало средств на разные культурные начинания, в частности на издательство, которое он осуществил с помощью своего

зятя, профессора Г. Ф. Карпова.

Жена Тимофея Саввича, Мария Федоровна, после его смерти была и главою фирмы, и главою многочисленной семьи. Я ее хорошо помню — мы были пайщиками Никольской мануфактуры.

Это была женщина очень властная, с ясным умом, большим житейским тактом и самостоятельными взглядами. Подлинная глава семьи.

У Тимофея Саввича было два сына и три дочери, — Савва и Сергей Тимофеевичи, Анна, Юлия и Александра Тимофеевны. О Савве Тимофеевиче я скажу в дальнейшем отдельно. Сергей Тимофеевич дожил до глубокой старости и умер сравнительно недавно в эмиграции. Он был женат на О. В. Кривошеиной, сестре известного государственного деятеля. Сергеем Тимофеевичу принадлежит честь создания в Москве Кустарного музея в Леонтьевском переулке. Он много содействовал развитию кустарного искусства.

Савва Тимофеевич был женат на бывшей работнице Никольской мануфактуры, где она, в свое время, была «присучальщицей». Сначала она вышла замуж за одного из фабрикантов из семьи Зиминых, овдовела, и потом на ней женился Савва Тимофеевич. Я ее помню уже немолодой, но еще очень интересной женщиной, весьма авторитетной и скорее надменной. Она была своего рода русским самородком, и кто не знал ее прошлого, никогда не сказал бы, что она стояла за фабричным станком. Мне доводилось с ней встречаться по городским благотворительным делам. Помню один комитет, где она с большим искусством председательствовала. После смерти мужа она третий раз вышла замуж за бывшего московского градоначальника А. А. Рейнбота. Как известно, против него было возбуждено уголовное дело, что нанесло большой удар ее самолюбию. От брака с Саввой Тимофеевичем у нее было четверо детей: Мария и Елена, Тимофей и Савва Саввичи. Мария Саввишна была замужем за И. О. Курлюковым (из семьи «бриллиантчиков»), но скоро с ним разошлась; занималась благотворительностью, была очень добрая, но какая-то странная, видимо, не совсем нормальная, любила выступать на благотворительных вечерах в балетных танцах. Коронным номером ее была «русская», поставленная ей, как многим другим московским любительницам, балериной Е.В. Гельцер, которая сама, исполняя ее, пользовалась огромным успехом. У Марии Саввишны это дело не ладилось, над ней добродушно подсмеивались и называли «Марья Саввишна, Вчерашна Давишна». Все это было уже после смерти ее отца.

Савва Тимофеевич в течение ряда лет был во главе Никольской мануфактуры и хорошо знал фабрично-заводское дело. Кроме того, он много занимался и промышленно-общественной деятельностью. Мне уже прихо-

дилось говорить о его выступлениях как председателя Нижегородского ярмарочного биржевого комитета. Там его очень ценили и любили. Мне пришлось вступить в состав этого комитета лет через пятнадцать после его ухода, но о нем всегда говорили и вспоминали.

Савва Тимофеевич был человек разносторонний и многим интересовался. Он сыграл большую роль в жизни Художественного театра. Вот как о нем вспоминает Станиславский: «Несмотря на художественный успех театра, материальная сторона его шла неудовлетворительно. Дефицит рос с каждым месяцем. Приходилось собирать пайщиков дела для того, чтобы просить их повторять свои взносы. К сожалению, большинству это оказалось не по средствам...

...Но и на этот раз добрая судьба позаботилась о нас, заблаговременно заготовив нам спасителя.

...Еще в первый год существования театра на один из спектаклей «Федора» случайно заехал Савва Тимофеевич Морозов. Этому замечательному человеку суждено было сыграть в нашем театре важную и прекрасную роль мецената, умеющего не только приносить материальные жертвы, но и служить искусству со всей преданностью, без самолюбия, без ложной амбиции и личной выгоды. С. Т. Морозов просмотрел спектакль и решил, что нашему театру надо помочь. И вот теперь этому представился случай.

Неожиданно для всех он приехал на описываемое заседание и предложил пайщикам продать ему все пай. Соглашение состоялось, и с того времени фактическими владельцами дела стали только три лица: С. Т. Морозов, Вл. Ив. Немирович-Данченко и я. Морозов финансировал театр и взял на себя всю хозяйственную часть. Он вникал во все подробности дела и отдавал ему все свободное время... Савва Тимофеевич был трогателен своей бескорыстной преданностью искусству и желанием посильно помогать общему делу...» Не менее положительную характеристику дает хорошо его знавший Вл. Ив. Немирович-Данченко в своих воспоминаниях «Из прошлого Москвы»: «Среди московских купеческих фамилий, — пишет он, — династия Морозовых была самая выдающаяся. Савва Тимофеевич был ее представителем. Большой энергии и большой воли. Не преувеличивая, говорил о себе: если кто станет на моей дороге, перейду и не сморгну. Держал себя чрезвычайно независимо... Знал вкус и цену простоте, которая дороже роскоши... Силу капитализма понимал в широком государственном масштабе».

В свое время в Москве очень много говорили об участии С.Т. Морозова в революционном движении, приведшем, в конце концов, Савву Тимофеевича к самоубийству. Немирович-Данченко дает по этому поводу любопытные подробности: «Человеческая природа не выносит двух равносиль-

ных противоположных страстей. Купец не смеет увлекаться. Он должен быть верен своей стихии, стихии выдержки и расчета. Измена неминуемо поведет к трагическому конфликту, а Савва Морозов мог страстно увлекаться. До влюбленности. Не женщиной, — это у него большой роли не играло, а личностью, идеей, общественностью. Он с увлечением отдавался роли представителя московского купечества, придавая этой роли широкое общественное значение. Года два увлекался мною, потом Станиславским. Увлекаясь, отдавал свою сильную волю в полное распоряжение того, кем он был увлечен; когда говорил, то его быстрые глаза точно искали одобрения, сверкали беспощадностью, сознанием капиталистической мощи и влюбленным желанием угодить предмету его настоящего увлечения.

Кто бы поверил, что Савва Морозов с волнением проникался революционным значением Росмерсхольма...

Но самым громадным, всепоглощающим увлечением его был Максим Горький и, в дальнейшем, — революционное движение...» На революционное движение он давал значительные суммы. Когда же в 1905 году разразилась первая революция и потом резкая реакция, — что-то произошло в его психике, и он застрелился. Это случилось в Ницце.

Вдова привезла в Москву, для похорон, закрытый металлический гроб. Московские болтуны пустили слух, что в гробу был не Савва Морозов. Жадные до всего таинственного люди подхватили, и по Москве много-много лет ходила легенда, что Морозов жив и скрывается где-то в глубине России...

Легенда, действительно, по Москве ходила, но сомнений, что в Москву было перевезено и похоронено тело С. Т. Морозова, не было. Тело его из Ниццы привезла не вдова, а специально посланный его семьей племянник Карпов. Он сам мне рассказывал, как выполнил эту миссию, и у него никаких сомнений не было.

Другая ветвь морозовской семьи была «Викулычи». Им принадлежала другая мануфактура в том же местечке Никольском, под названием «Т-во Викулы Морозова сыновей».

Викула Елисеевич был сын Елисея Саввича и отец многочисленного семейства. Все они были старообрядцы, «беспоповцы», кажется, поморского согласия, очень твердые в старой вере. Все были с большими черными бородами, не курили и ели непременно своей собственной ложкой. Самый известный из них — Алексей Викулович, у которого была на редкость полная и прекрасно подобранная коллекция русского фарфора. В Москве эту коллекцию знали мало, так как владелец не очень любил ее показывать. Было у него и хорошее собрание русских портретов, но мне не пришлось его видеть.

Из братьев я знал еще Елисея Викуловича, который, как помнится, ничем особенным не отличался. Зато одна из сестер получила большую известность: она была замужем за мебельным фабрикантом Шмидтом и мать известного революционера, покончившего с собой в московской тюрьме, после декабрьского восстания 1905 года.

Другая была замужем за крупным ткацким фабрикантом, В. А. Горбуновым, который был тоже «беспопонец». Я помню, что на его похоронах церковная служба продолжалась более шести часов кряду.

Старообрядческой была и третья ветвь: Морозовых Богородско-Глуховских. Богородско-Глуховская мануфактура была одной из старейших русских акционерных компаний, основанная в 1855 году Иваном Захаровичем, внуком Саввы Васильевича. У него было два сына, Давыд и Арсений Ивановичи. Первого я не помню, он давно уже умер, а Арсения Ивановича помню хорошо. Он был одним из главных персонажей старообрядчества (рогожского согласия) и пользовался и среди них, и в промышленных кругах весьма большим уважением. У него было два сына, Петр и Сергей Арсеньевичи, и дочь, Глафира Арсеньевна Расторгуева (ее муж был Николай Петрович, из семьи Расторгуевых — рыбников).

Оба брата, Арсений и Давыд Ивановичи, покровительствовали литературе, и некоторые журналы — «Голос Москвы», «Русское дело» и «Русское обозрение» — издавались в значительной степени на их средства.

У Давыда Ивановича было также два сына и дочь, — Николай и Иван Давыдовичи и Ольга Давыдовна, по мужу Царская. Николай Давыдович был женат на Елене Владимировне, урожденной Чибисовой и дочери Ольги Абрамовны из семьи «тверских» Морозовых. Детей у них не было.

Николай Давыдович был одной из самых примечательных фигур на московском торгово-промышленном горизонте. Он долгое время стоял во главе дела, принадлежавшего их семье, и поставил Богородицко-Глуховскую мануфактуру на большую высоту. Это была одна из лучших, по своему техническому оборудованию, фабрик по всей Европе. Работала она, как и все фабрики Морозовых, бельевой и одежный товар, и некоторые «артикулы» пользовались большой и заслуженной славой. Николай Давыдович долго жил в Англии, хорошо знал английскую хлопчатобумажную промышленность и даже состоял членом английских профессиональных организаций. Николай Давыдович принимал участие в работе биржевого комитета, хотя и не любил занимать официально какие-либо должности. Но он был своего рода душой дела, к голосу его прислушивались и с мнением его считались. Он вел суровую борьбу против отдельных попыток всякого рода злоупотребления и бесчестностей в торгово-промышленном обиходе: неплатежей, невыполнения обязательств по контрактам, нарушения данного

слова и пр. В этих случаях он был беспощаден к правонарушителю и своей горячностью и страстностью всегда умел заставить большинство следовать за ним.

Он был моим соседом по имению: он купил у Белосельских-Белозерских их подмосковное имение, где построил прекрасный дом в стиле английского замка. Имение это было в десяти верстах от нашего, и мы часто ездили в Москву одним и тем же поездом. С этого началось наше знакомство, перешедшее потом в дружбу. В дальнейшем, на бирже, мы много вместе работали.

Брат его, Иван Давыдович, занимался сначала больше общественной деятельностью, и мы тоже с ним немало, встречались. Он был и гласным думы, и у почетным мировым судьей, и принимал участие в городских благотворительных комитетах, например, по Вербному базару и Дню белой ромашки. Женат был он первым браком на Ксении Александровне Найденовой. Они были радушными и хлебосольными хозяевами, и я не раз у них бывал. Обычно играли мы у них в карты, в любимую когда-то в Москве игру, — преферанс. Постоянная партия была: братья Н. Д. и И. Д. Морозовы, И. М. Любимов и я. Играли, надо сказать, очень крупно.

Последней ветвью морозовской «династии» были «Абрамовичи», или «тверские». Родоначальником этой группы был Абрам Саввич, основатель Тверской мануфактуры, женатый на Дарье Давыдовне Широковой, родная сестра которой, Пелагея Давыдовна, была замужем за Герасимом Ивановичем Хлудовым. Его сын, Абрам Абрамович, был женат на Варваре Алексеевне Хлудовой, дочери Алексея Ивановича Хлудова, т.е., иначе говоря, на своей двоюродной племяннице. У них было три сына: Арсений, Михаил и Иван Абрамовичи.

У другого сына Абрама Саввича, Давыда Абрамовича, был сын, Николай Давыдович, ничем себя не проявивший и умерший сравнительно рано, и три дочери: Серафима Давыдовна Красильщикова, Маргарита Давыдовна Карпова и Антонида Давыдовна Алексеева. О Серафиме Давыдовне придется мне говорить в связи с семьей Красильщиковых.

В этой ветви морозовского семейства особенно известными были женщины, — не урожденные Морозовы, а морозовские жены. Варвара Алексеевна, урожденная Хлудова, и Маргарита Кирилловна, урожденная Мамонтова, сыграли обе огромную роль не только в московской, но и в общерусской культурной жизни. Варвару Алексеевну Боборыкин описал в своем «Китай-городе». Но оригинал был гораздо примечательнее копии. Верно у Боборыкина лишь то, что ее деятельность широко развернулась после смерти ее первого мужа, А. А. Морозова. Вторым ее мужем был профессор В. М. Соболевский, руководитель газеты «Русские ведомости».

По каким-то завещательным затруднениям она не могла за него выйти замуж официально, и ее дети от Соболевского, Глеб и Наталья, носили фамилию Морозовых. Глеб Васильевич был женат на Марине Александровне Найденовой. Варвара Алексеевна была — «классический тип прогрессивной московской благотворительницы». Не было начинаний, на которые она не откликнулась бы. Но в ее активности была особая черта, являвшаяся, конечно, следствием ее близости к «Русским ведомостям», и в этом вопросе она представляла некоторое исключение среди других деятелей из московского купечества. Одним из ее главных созданий были так называемые Пречистенские курсы для рабочих, которые действительно были таковыми и, с течением времени, стали значительным центром для просвещения московских рабочих масс. Моя сестра, Надежда Афанасьевна, почти со времени их возникновения была одной из деятельных сотрудниц Варвары Алексеевны в этом деле, в связи с чем и я, соприкасаясь с этим начинанием, был в общении с Варварой Алексеевной и сохраняю благоговейную память о ее бескорыстной и энергичной работе.

Беспристрастия ради, я приведу один отзыв, который дает о ней Вл. Немирович-Данченко в своей книге «Из прошлого»: «Это была очень либеральная благотворительница. Тип в своем роде замечательный. Красивая женщина, богатая фабрикантша, держала себя скромно, нигде не щеголяла своими деньгами, была близка с профессором, главным редактором популярнейшей в России газеты, может быть, даже строила всю свою жизнь во вкусе благородного сдержанного тона этой газеты. Поддержка женских курсов, студенчества, библиотек, — здесь всегда можно было встретить имя Варвары Алексеевны Морозовой. Казалось бы, кому же и откликнуться на наши театральные мечты, как не ей. И я, и Алексеев были с ней, конечно, знакомы и раньше. Уверен, что обоих нас она знала с хорошей стороны.

Когда мы робко, точно конфузясь своих идей, докладывали ей о наших планах, в ее глазах был почтительно-внимательный холод, так что весь наш пыл быстро замерзал, и все хорошие слова застывали на языке. Мы чувствовали, что чем сильнее мы ее убеждаем, тем меньше она нам верит, тем больше мы становимся похожими на людей, которые пришли вовлечь богатую женщину в невыгодную сделку. Она с холодной, любезной улыбкой отказала...» Сын Варвары Алексеевны, Михаил Абрамович, был известен в Москве под именем «Джентльмен». Этим именем он был обязан тому, что с него, как говорится, списал героя своей известной пьесы того же наименования А. И. Сумбатов-Южин. Эта пьеса очень хорошо шла в Московском Малом театре и в начале девятисотых годов, и в новой постановке, незадолго перед войной 1914 года.

Вся Москва ее пересмотрела, и о герое много говорили, хотя, в сущности, сам по себе он этого, может быть, и не заслуживал. Был он человеком

образованным, не без дарований, даже писал (под псевдонимом М. Юрьев), но больше всего знали его в Москве, помимо сумбатовской пьесы, еще по сказочному даже для Москвы карточному проигрышу: в одну ночь в Английском клубе он проиграл известному табачному фабриканту и балетоману, М. Н. Бостанжогло, более миллиона рублей.

Жена его, Маргарита Кирилловна, была также очень известна в Москве, но совсем в иной области. В ее доме, при ее содействии и участии, устраивались религиозно-философские собрания, и устраивались они московскими философами, начиная с князя Сергея Николаевича Трубецкого. Мне удалось, по протекции, раза два или три присутствовать на этих чрезвычайно интересных собраниях, являвшихся одной из значительных достопримечательностей. Протекцией моей был Семен Владимирович Лурье, принадлежавший к промышленному миру, но исключительно грамотный в вопросах как экономики, так и философии. Он был очень близок к делу устройства этих собраний.

М. К. Морозова тоже была выведена в театральной пьесе, в «Цели жизни» Вл. Немировича-Данченко, — в карикатурном, но не слишком злом виде. О ней и о собраниях в ее доме немало писал в своих воспоминаниях за последнее время Степун. К его мемуарам мне еще придется вернуться: у меня впечатление, что автор «Николая Переслегина» не очень хорошо знал Москву.

Семьей Морозовых было создано много благотворительных учреждений, в частности университетские клиники. Самым значительным был институт для лечения раковых опухолей при Московском университете. Про эту клинику Рябушинский говорил, что она представляла собой целый город. Далее были университетские психиатрические клиники, детская больница имени В. Е. Морозова, Городской родильный дом имени С. Т. Морозова, богадельня имени Д. А. Морозова. В. А. Морозовой было устроено ее имени начальное ремесленное училище, и С. Т. Морозовым — упомянутый уже мною музей кустарных изделий. Наконец, Морозовыми был сооружен прядильно-ткацкий корпус при Московском техническом училище и организована соответствующая кафедра по текстильному делу.

П. Бурышкин

РЯБУШИНСКИЕ

I

По данным Димитриевской приходской церкви Ребушинской слободы

(в 3 верстах от Боровска) значится, что в 1786 году 1 ноября у служителя Якова Денисова родился сын Михаил. Крещен того же числа, восприемники были: боровский мещанин Матвей Евтеев и Ребушинской слободы служительская жена Евфимия Ермолаева.

Из того же источника видно, что семья Якова Денисова в 1789 году состояла из следующих лиц:

Денис Кондратьев	76 лет	(родился в 1713 году)
Яков Денисов (сын его)	56 »	1733
Евдокия Евтеева (жена Якова)	44 »	1745
Агафья (дети их)	19 »	1770
Василий »	17 »	1772
Домника »	13 »	1776
Иван »	10 »	1779
Артемий »	5 »	1784
Мария »	4 »	1785
Михаил »	3 »	1786

По записи П. М. Рябушинского известно, что дед его Яков Денисов был по прозванию Стекольщиков, по занятию резчик по дереву. Фамилия Стекольщиковых и до настоящего времени сохранилась в слободе Ребушинской, и все ее представители происходят от двух старших сыновей Якова Денисова.

Из прозвания «Стекольщиковым» служителя Якова Денисова, бывшего резчиком по дереву, видно, что отец его, служитель Денис Кондратьев, был стекольщиком и этим ремеслом служил Пафнутиеvскому монастырю.

Денису Кондратьеву, родившемуся в 1713 году, пришлось в течение своей долгой жизни испытать все последствия тех перемен, которые совершались в отношениях монастыря к служительской слободе, под влиянием распоряжений правительства, клонившихся к отнятию земельной собственности у монастырей.

Денис Кондратьев застал еще время, когда монастырь содержал за свой счет служителей; ему пришлось и приспособляться в течение долгого переходного времени к новым условиям, когда нужно было, служа монастырю, платить оброк в Коллегию экономии и, наконец, совершенно отделиться от монастыря и, получив земельный надел, обратиться в «экономического» крестьянина.

Малый надел в Ребушинской слободе не мог давать достаточно средств для содержания большой семьи, и резьба по дереву являлась подсобным промыслом, по-видимому, связанным с временными нуждами монастыря в такого рода мастерах, так как в дальнейшем этот промысел не сохранился в фамилии Стекольщиковых.

Кроме ремесла, подсобным промыслом являлась торговля, так как имеются сведения, что жена Якова Денисова занималась скупкою чулок по деревням и перепродавала их в Боровске.

С 1798 года младшие сыновья Якова Денисова — Артемий и Михаил — не значатся более в приходских книгах, из чего можно заключить, что с этого года они были отданы в ученье, а старшие Василий и Иван остались при отце, продолжая заниматься резьбой по дереву.

Артемию было 14 лет, а Михаилу 12 лет, когда они были отданы мальчиками в торговлю, но куда были они помещены, точных сведений не имеется. Известно только, что Артемий совместно с братом с 1802 года платит третью гильдию и занимается самостоятельно торговлей в ветошном ряду, как значится в капитальных книгах Архива купеческой управы.

Ко времени шестой ревизии Артемий Яковлевич был женат, а Михаил Яковлевич оставался холостым и вел самостоятельную торговлю в холщовом ряду.

Закон того времени гильдейским сбором заменял все ранее бывшие промысловые сборы, и сбор этот составлял 1 % с объявленного капитала, который никакой проверке не подлежал. С 1785 года размер гильдейского капитала для первой гильдии был 10-50 тысяч рублей, для второй — 5-10 тысяч рублей и для третьей 1-5 тысяч рублей. В 1807 году размер объявляемых капиталов был повышен для первой гильдии от 50 тысяч рублей, для второй от 20 тысяч и для третьей от 8 тысяч.

В ревизских сказках, относящихся к 1811 году, значится: «В Барашской слободе, сентября 27 дня. — Третьей гильдии купец Михаила Яковлев 24 лет. Прибыл в 1802 году июня 18 дня, Калужской губернии, Боровского уезда, Атепцовской волости, Ребушинской слободы, из экономических крестьян; жительствоует в Пятницкой части церкви Черниговской у пономаря Ивана Михайлова. У него Михаила жена Афимья Степанова 18 лет».

Женился Михаил Яковлевич на Евфимии Степановне Скворцовой. Степан Юлианович Скворцов, крестьянин деревни Шевлино, вел значительное кожевенное дело. У него были собственный завод и в Москве торговля, которой, по-видимому, заведовал старший сын Егор Степанович. У последнего был дом в Кожевниках, где и до сих пор владеют г. Скворцовы домами; состоял он тоже сначала в третьей гильдии, а с 1833 года в первой гильдии.

У Степана Юлиановича, кроме сына Егора, было еще три сына: Андрей, Михаил и Василий, которые в 1808 году были записаны в третью гильдию. Кроме четырех сыновей, была дочь Евфимия, за которую посватался Михаил Яковлевич.

Как мы знаем по ревизским сказкам, поселились молодые в Голутвине, и в этом районе в дальнейшем будущем развивалась деятельность Михаила Яковлевича, подобно тому, как Скворцовы обосновались неподалеку от него в Кожевниках.

К Барашской слободе, к которой приписаны были оба брата Яковлевы, они никакого отношения не имели. В то время и самой Барашской слободы уже не существовало, она вошла в состав города, и воспоминание о ней сохранилось только в названии Барашевского переуллка да церковью Воскресения и Вознесения на Барашах. Прежние слободские управления были уже упразднены и заменены домом Московского градского общества, где для удобства регистрации продолжались записи по слободам. Этот порядок регистрации купечества и до сих пор ведется в купеческой управе.

Какого рода торговлей занимался Михаил Яковлевич, сведений почти не сохранилось, но действующий в то время закон 1785 года (ст. 116) определял его права так: «Третьей гильдии не только дозволяется, но и поощряется производить мелочной торг по городу и по уезду, продавать мелочной товар в городе и округе, возить его водой и сухим путем по селам, селениям и сельским торжкам и на торжках этих продавать, выменивать и покупать потребное для мелочного торгу оптом или в розницу, в городе или в округе».

«Третьей гильдии не запрещается иметь станы, производить рукоделия, иметь и содержать малые речные суда, иметь трактиры, герберги, торговые бани и постоянные дворы для приезжих и прохожих людей» (ст. 117 и 118).

«Третьей гильдии запрещается ездить в карете и впрягать зимою и летом более одной лошади» (ст. 119).

Две лошади дозволялось запрягать только купцам первой и второй гильдии, причем для первой экипажем могла служить карета, а для второй коляска.

В этих торговых рамках несомненно заключалась деятельность Михаила Яковлевича. В капитальных книгах купеческого дома градского общества сохранились следующие сведения. В 1810 году оба брата живут вместе, и Артемий торгует в ветошном ряду, а Михаил в холщовом. В 1811 году место торга Михаила Яковлевича не меняется, а старший брат имеет ветошную лавку на Неглинной.

Удачны или неудачны были первые шаги их самостоятельной торговой деятельности, но наступивший 1812 год не мог не отозваться неблагоприятно на торговых делах. Ожидание неприятеля к стенам Москвы, бегство населения из города, наконец, пожары, испепелившие большую часть столицы, — все это надолго надорвало силы московского купечества.

Михаил Яковлевич с семьей, во время занятия Москвы неприятелем, переехал в село Кимры, Тверской губернии, и по семейным преданиям, принялся там за скупку обуви, но эта торговая операция, по-видимому, не была удачна, так как в дальнейшей своей торговой деятельности он обувью никогда не занимался. С 1814 года он перестал вносить гильдейский сбор и приписался в московские мещане, так же как и брат его Артемий Яковлевич.

Возвратившись из Тверской губернии, он в июне 1813 года подал в дом Московского градского общества следующее прошение: «Состою я в московском по третьей гильдии купечестве в Барашской слободе, и с объявленного мною капитала все государственные подати по 1813 год, кроме пожертвования по общественному приговору девяноста рублей, плачены были безнедоимочно. Настоящий же 1813 год, равно и на будущее время, по претерпенному мною от нашествия в Москву неприятельских войск разорению, процентных денег платить нахожу себя не в состоянии, почему дом градского общества покорнейше прошу по неимению мною купеческого капитала перечислить в здешнее мещанство».

Это прошение Михаила Яковлева было принято и постановлено навести справки, нет ли у просителя дома или другого имущества для взыскания невнесенного пожертвования на нужды войны.

Дальнейших сведений в купеческом архиве о Михаиле Яковлеве не имеется в течение десяти лет, и только в деле о принятии его в 1824 году в московское купечество приведена справка магистрата о разрешении ему в 1820 году именоваться Ребушинским. Ту же фамилию в 1827 году разрешено носить второй гильдии купцу Артемию Яковлеву. С течением времени данная фамилия изменилась в «Рябушинский», как в официальных документах, так и в подписях ее носителей, но Михаил Яковлевич до конца своей жизни подписывался: Ребушинской.

Об этом десятилетии имеются только следующие сведения, записанные П. М. Рябушинским по семейным воспоминаниям: Михаил Яковлевич служил у Сорокованова, который ему, как своему приказчику, передал за старостью лет торговлю с тем, чтобы он выплачивал ему годами, что и было выполнено. Жила семья Рябушинских в приходе святого Ипатия в Ипатьевском переулке в доме Мещанинова, и в этом доме родились все дети Михаила Яковлевича.

Эти сведения показывают, что Михаил Яковлевич вскоре по переходе в мещанство поселился в Ипатьевском переулке и, по данным Архива купеческой управы, оставался жить в том же доме до 1830 года, когда переехал в свой дом в Николо-Голутвинском приходе.

Михаил Яковлевич имел трех сыновей и двух дочерей, которые роди-

лись в следующих годах: Пелагея в 1815 году, Иван — 1818 году, Павел — в 1820 году, Анна — в 1824 году, Василий — в 1826 году.

Все эти годы он жил в Китай-городе, в центре московской торговой деятельности, очевидно, для того, чтобы быть ближе к делу, которое вел, чтобы тратить менее времени и сил на проходы между своей квартирой и лавкой Сорокованова в Гостином дворе.

Михаил Петрович Сорокованов начал торговать в холщовом ряду после нашествия французов, хотя, как видно из данных Архива старых дел, свою лавку он купил в 1802 году у Маркела Демидова Мещанинова, в доме которого позднее поселился М. Я. Рябушинский. Купив лавку, он сам в ней не торговал, так как до 1811 года он в капитальных книгах третьей гильдии московского купечества по Семеновской слободе значится торгующим хлебом в собственном доме в приходе Богоявления, что на Елохове.

М.П. Сорокованов был 61 года, когда начал торговать в холщовом ряду. У него было в то время пять сыновей в возрасте от 37 до 17 лет, но, видимо, они, кроме второго, Федора Михайловича, все были мало способны к торговле, так как после смерти отца сыновья, оставшиеся в живых, перешли в мещанство, а младший записался в цех. Лавка же в холщовом ряду продана была в 1844 году М. Я. Рябушинскому. Единственный способный к торговле Ф. М. Сорокованов, отделившись от отца в 1825 году, занялся торговлей лесом и скончался в 1840 году купцом второй гильдии.

Ненахождение в своей семье помощников в новом роде торговли, предпринятом М. П. Сороковановым, побудило его, по всем вероятностям, нанять себе в приказчики М. Я. Рябушинского, который еще до нашествия французов торговал в холщовом ряду.

«В старые времена, — говорит Пыляев, — общая картина московских рядов и Гостиного двора представляла самую кипучую деятельность. Ночью вся эта часть, запертая со всех сторон, представляла какой-то необъятный сундук с разными ценностями, охраняемый злыми рядскими собаками на блоках да сторожами. Но лишь только на небе занималась заря и вставало солнце, как вся эта безлюдная и безмолвная местность вдруг растворялась тысячами лавок, закипала жизнью и движением. Длинной вереницей тянулись к рядам тяжело нагруженные возы от Урала, Крыма и Кавказа, куда глаз ни заглянет — всюду движение и кипучая деятельность: здесь разгружают, там накладывают возы; тюки, короба, мешки, ящики, бочки — все это живой рукой растаскивается в лавки, в подвалы, амбары и палатки или накладывается на возы. Длинные, извилистые полутемные ряды построены без плана и толку, в них без путеводителя непривычному не пройти; все эти ряды сохраняли и вмещали в себя товары ценою на миллионы рублей».

«Площадь, занятая теперь Верхними рядами, — по описанию Пыляева, — разделялась в то время на три отделения. Первое отделение, против Красной площади пространство от Никольской улицы до Ильинской, в длину заключало в себе восемь линий, имеющих свои названия по роду товаров. Каждая линия торговых рядов первого отделения имела восемь названий: Ножевая, Овощная, Шапочная, Суконная Большая, Суконная Малая, Скорняжная, Серебряная и Большая Ветошная, или Покромная; линия Ножевая имела ряды: Новый Овощной и Седельный; линия Шапочная имела четыре ряда: Колокольный, Холщовый, Кафтанный и Шапочный; Большая Суконная — четыре ряда: Железный, Лопатный, Малый Золотокружевной и Смоленский Суконный; линия Суконная Малая — пять рядов: Сундучный, знаменитый своими пирожками и квасом, Нитяной, Малый Крашенинный, Большой Золотокружевной, Затрапезный и Московский Суконный, поперек этой линии шел Большой ряд Крашенинный; линия Скорняжная делилась на Бумажный, Епанечный, Скорняжный и Шелковый ряды; линия Серебряная на Иконный, Женский Кружевной, Малый Ветошный и Серебряный. Линия Большая Ветошная на Перинный ряд, затем Большой Ветошный и Сольный, лицом на Ильинку — Панский ряд».

Этот мир постоянного движения, борьбы за существование в самых разнообразных областях труда, соединенных чуть не под одну крышу, этот мир, постоянно сменяющегося состава его, в зависимости от торгового таланта и создававшихся в нем навыков, тянул к себе Михаила Яковлевича Рябушинского, уже ранее окунувшегося в его интересы. Чтобы работать здесь интенсивно, необходимо не терять времени бесполезно для дела, будет ли оно свое или чужое. Эти соображения и определили продолжительное проживание Рябушинского в Ипатьевском переулке.

Говорят, что у человечества имеются три цели, руководящих жизнью: или власть, или слава, или деньги. У М. Я. Рябушинского ни одна из этих целей не руководила жизнью. Он не искал власти, а только пользовался ею в семье, как орудием для совершенствования выполняемого дела; он не искал славы и даже прятал от посторонних глаз блестящие результаты своей упорной многолетней работы; он не искал денег, так как, создавая своим делом крупный по тому времени капитал, он не пользовался им для своих личных и семейных потребностей.

Михаил Яковлевич принадлежал к небольшому пока слою людей, для которых не власть, слава и деньги являются целью жизни, а дело, которое они взяли вест. Он принадлежал к тому типу людей, который в Западной Европе создал буржуазию. У нас, как в стране еще малокультурной, обладающей меньшим числом творческих сил в области материального блага, этот тип наиболее часто встречается в деревне в виде «хозяйственного мужика», у которого все помыслы, все семейные, общественные отно-

шения подчинены, по выражения Гл. Успенского, «власти земли», т.е. интересам того земледельческого дела, которым поглощен хозяйственный мужик.

Таким «хозяйственным мужиком» был и М. Я. Рябушинский в области торговли.

Всю свою долгую жизнь, не меняя того образа жизни, какой создался в начале XIX века, он направлял все нараставшее богатство на дальнейшее развитие дела. От торговли холщовым товаром он перешел постепенно к торговле и бумажным, который входил все более и более в моду у потребителя, и шерстяным. Торгуя сперва в арендованных лавках, он затем покупает их у наследников Сорокованова и Нечаева. Скупая сперва товар у крестьян и мастеров, он затем сам начинает раздавать кустарям материал и им заказывать желательный товар. В 1846 году он заводит свою небольшую фабрику в Москве. В последние же годы своей жизни, когда его сыновья Павел и Василий стали взрослыми и оказались дельными работниками в его деле, он заводит фабрики шерстяных и хлопчатобумажных тканей в Медынском и Малоярославском уездах Калужской губернии.

Создавая свое дело, Михаилу Яковлевичу приходилось почти все время работать одному. Сперва дети были малы, а затем он долго не доверял их деловитости и привязанности к созданному им делу. Он доверял только своей жене Евфимии Степановне, отличавшейся своею добротой и хозяйственной заботливостью о семье; ей он завещал все свое дело, но она скончалась ранее мужа.

К детям он относился сурово. Само собою разумеется, что он требовал от них с ранних лет посильной помощи в лавке, но и к способам использования ими своего досуга он относился ревниво. Так, например, услышав раз где-то в доме раздающиеся звуки скрипки, он разыскал на чердаке второго сына Павла с инструментом в руках. Бедная скрипка поплатилась жизнью, так как была разбита о стропила крыши, а сын после этого не смел и думать о продолжении своих тайных от отца уроков музыки у какого-то эмигранта-француза, оставшегося в Москве после войны.

Книжному обучению детей он не придавал особенного значения. Учились они чтению и скорописи; судя же по изменению в их правописании в сороковых и пятидесятых годах, они большему научились самостоятельно, чем под руководством учителя.

По понятиям Михаила Яковлевича, наиважнейшим и наилучшим учителем является сама жизнь, и потому уже с 16 лет старший сын Иван Михайлович был поставлен на самостоятельное дело. По годовому отчету на Пасху 1835 года он арендовал у отца одну из лавок и самостоятельно торговал, получая из кладовой товар с 10% надбавкой на цены. В лавке товара

было на 11 727 рублей. В 1836 году он получил пользы от торговли 1 330 рублей 90 копеек, из которых уплатил отцу «за лавку, хлеб и одежду» 600 рублей. Следующие 2 года торговый оборот и доход увеличивались. Платил «процентных» (8%) 927 рублей 30 копеек, за ужин и обед 250 рублей и за одежду 450 рублей. Перед женитьбой, в 1841 году, Иван Михайлович забирает у отца товара только на 2 800 рублей, но расплачивается с посторонними поставщиками товара Михаил Яковлевич, который заканчивает все денежные счета с сыном в 1845 году после выдела его.

Деловитость, привязанность к делу и способность упорно преследовать намеченную цель — эти качества, которыми обладал М. Я. Рябушинский, не могли не цениться его хозяином, М. П. Сороковановым, у которого собственные сыновья этими качествами не обладали. Но еще более должны были сблизить хозяина и его приказчика одинаковое религиозное настроение, так как М. П. Сорокованов подходил к своим 70 годам, когда религиозные вопросы особенно сильно захватывают человека.

После разорения 1812 года, как всегда бывает после сильных общественных потрясений, все русское общество переживало время религиозных исканий. Эти искания в народной среде выразились в создании различных новых сект, а в московском купечестве в усиленном переходе из господствующей церкви в старообрядчество.

В то время старообрядческая община Рогожского кладбища процветала. Благодаря священнику Ивану Матвеевичу Ястребову, все имущество общины было охранено от неприятеля. При слухах о приближении французов к Москве отец Ястребов вырыл ямы, в которые спрятал все имущество, и остался сам на кладбище его охранять. Немалую поддержку в восстановлении прежнего порядка на кладбище получил он в 1813 году от казаков, занявших Москву, с их атаманом графом Платовым, который тоже был старообрядцем.

Процветание Рогожского кладбища выразилось в создании многих учреждений благотворительного характера, служивших показателем жизнеспособности данной религиозной общины. Приют для призреваемых, сиротский дом, училище, дом умалишенных, приют для приезжающих созданы были в ограде кладбища.

Противоположение религиозной жизни старообрядческой общины и московских приходов должно было оказывать действие на религиозно настроенные в 20-х годах умы, и, по всем вероятностям, этим объясняется, что число старообрядцев в Москве, в конце XVIII века доходившее до 20 тысяч прихожан, к 1825 году возросло до 68 тысяч.

Религиозные вопросы русского общества в первой четверти XIX века не могли не отражаться на Михаиле Яковлевиче Рябушинском. С раннего

детства, вследствие близости к монастырю, он проникнут был потребностью молитвы и церковного общения. Женившись на Евфимии Степановне, он вошел в семью, тоже очень религиозную. Степан Юлианович Скворцов построил в своем приходе, Пятнице Берендееве, большой храм и, живя в 3 верстах от села в деревне Шевлино, он каждый день ходил пешком до глубокой старости слушать утреню и обедню.

Будучи уроженцем Ребушинской слободы, находящейся в трех верстах от города Боровска, где погребены боярыни Морозова и Урусова, Михаил Яковлевич не мог не знать о трагической кончине этих поборниц старообрядчества, могилы которых до сих пор служат предметом общего почитания. Теперь, когда окружающая жизнь обратила внимание М. Я. Рябушинского на моральные и социальные различия между лицами, принадлежащими к господствующей и старообрядческой церквям, когда его симпатии склонились к тем, кто сохранил старинный уклад жизни, кто более отличался хозяйственностью, работоспособностью, — детские воспоминания о мученической кончине боярынь Морозовой и Урусовой освящали весь тот уклад жизни и верований, за который они умирали голодной смертью в подземелье.

В котором году совершился переход в старообрядчество М. П. Сорокованова и М. Я. Рябушинского, данных не имеется. По-видимому, переход Сорокованова со всей семьей относится к 1825 году, когда произошел выдел его второго сына Федора, так как этот последний один из семьи остался принадлежащим к господствующей церкви.

Переход Михаила Яковлевича, по-видимому, совершился между 1818 и 1820 годами, в которые у него родились сыновья Иван и Павел. Предположение это имеет следующие основания. В 1820 году он переименовался в Яковлев на Ребушинской. Вступая снова в московское купечество в 1824 году, он заявляет только об имени дочери Пелагеи, внесенной в ревизию 1815 года, и умалчивает о всех прочих детях. Кроме того, в Архиве купеческой управы имеется запрос его перед IX ревизией о составе семьи Рябушинского в прежние ревизии, причем указывается, что в VII ревизию внесена дочь Пелагея, а в VIII ревизию, производившуюся в 1834 году, сын Иван. Из этого запроса видно, что сами Рябушинские предполагали детей, рожденных после 1820 года, невнесенными в ревизские сказки.

Артемий Яковлевич Рябушинский тоже перешел в старообрядчество, но, по-видимому, позже, так как в Архиве купеческой управы имеются документы о свадьбе его сыновей — Алексея в Троицкой церкви, что в Серебряниках, и об Иване справка, выданная Духовной консисторией. Что же касается самого Артемия Яковлевича, то в его купеческих документах не имеется указаний о принадлежности к старообрядчеству, но известно толь-

ко, что он скончался 4 октября 1830 года от холеры, похоронен на московском старообрядческом Рогожском кладбище. Младший же сын его Петр Артемьевич, родившийся в год смерти отца, крещен был в старообрядчестве. Этот сын в ревизских сказках и в документах по купечеству не значился и числился московским мещанином; он с малых лет был более близок к семье Михаила Яковлевича, чем к своей, и чуть не всю жизнь был у него на службе; скончавшись в 1879 году, он похоронен на Рогожском кладбище.

Девять лет Михаил Яковлевич Рябушинский прослужил приказчиком у Сорокованова и на десятый решил снова приняться за самостоятельную торговлю. При объявлении гильдейского капитала в 1824 году свидетелями в достоверности сообщаемых сведений о торговле Рябушинского в холщовом ряду подписались братья жены его — Егор и Василий Степановичи Скворцовы.

Михаил Петрович Сорокованов, оставшись один в своей лавке, продолжал торговать холщовым товаром только три года. В 1827 году он подал свое гильдейское заявление на следующий год, в котором уже не упоминается о торговле в холщовом ряду, а сказано — «торгую лесом в Покровском ряду»; в заявлении следующего года значится «торгую лесными рощами», а в 1830 году — «хлебом на немецком рынке». Но к хлебной торговле, которая прежде была его специальностью, он воротился только на один год. Семидесятипятилетний возраст уже не позволял по-прежнему работать, и приходилось остальные годы жизни числиться по лесной торговле, на которой специализировался его сын Федор Михайлович. Подступали болезни старческого возраста: в 1835 году Михаил Петрович ослеп, а в 1836 году разбит был параличом и в 1839 году скончался 85 лет от роду.

Кончина Михаила Петровича Сорокованова освободила Михаила Яковлевича Рябушинского от обязательства, принятого на себя в 1827 году, пожизненно уплачивать своему бывшему хозяину некоторую сумму за полученный от него товар при передаче торговли, но владельцем лавки № 24 в холщовом ряду он сделался только в 1844 году, купив ее у Василия Михайловича Сорокованова.

Прибавление, к начатой в 1824 году самостоятельной торговле в холщовом ряду, лавки М. П. Сорокованова заставило М. Я. Рябушинского подумать о более широкой и прочной организации обеспечения себя нужным товаром. С этой целью он вносит в июне 1827 года свой гильдейский платеж за следующий год, мотивируя этот заблаговременный платеж тем, что «ныне же нужно мне по коммерческим делам отлучиться в разные российские города и селения».

В первой четверти XIX века крупная ткацкая промышленность переживала продолжительный кризис; многие фабрики ликвидировались, и осво-

бодившиеся в них рабочие, обладавшие навыком и искусством в ткацком деле, перенесли его из города в деревню, устроив домашние мастерские кустарного характера; также много создалось кустарей, занимавшихся набивкою миткаля у себя дома. Получавшийся у кустарей товар сбывался на месте в провинции, а также доставлялся в Москву. Этим товаром по преимуществу торговали Михаил и Артемий Яковлевичи Рябушинские.

Поездка М. Я. Рябушинского в провинцию, по-видимому, была связана с мыслью о создании торговых связей с владимирскими кустарями, так как к этому времени относится покупка его женою Е. Ст. Рябушинской 115 десятин земли в Покровской округе Владимирской губернии.

В конце 1829 года Евфимия Степановна приобрела на торгах голутвинский дом в 6 квартале Якиманской части за 27 тысяч 30 рублей. Из этой суммы она внесла 6 823 рубля, а 20 206 рублей были рассрочены платежом на 14 лет по 721 рублю 86 ¹/₂ копейки, в каждое полугодие. Этот дом до сих пор почти сохраняет свой прежний вид, и в нем находятся народная столовая и убежище для вдов и сирот московского купеческого и мещанского сословий имени П. М. Рябушинского. Значительная же часть купленной при доме земли отошла Истоминым при продаже им голутвинской фабрики.

Имущественное положение Рябушинских в то время определяется взаимным духовным завещанием, сделанным Михаилом Яковлевичем и Евфимией Степановной в 1830 году.

«По кончине моей, Михайлы, — говорится в завещании, — все благоприобретенное свое имение движимое, заключающееся в товаре, долговых документах, деньгах и что только после меня оказаться может без всякого изъятия предоставляю в полное распоряжение и управление ей, супруге моей Афимье Степановне, в которое мое имение ни детям нашим, ни коекому из родственников ни под каким предлогом не вступаться и не до чего дела нет. Буде мне, Афимье Степановне, кончина живота последует прежде супруга моего Михайлы Яковлевича, то после себя недвижимое свое имение, как-то: 1) каменный дом, мною купленный с публичного торга в конкурсе, стоящий в Москве, Якиманской части, 6-го квартала под № 626 со всем под тем и садом землею и 2-е) доставшуюся мне по купчей из дворян от Титулярной Советницы Катерины Петровны Мечковой полупустошь Малахову, Буйны тож, лежащую во Владимирской губернии, Покровской округи, при речке Шерпе по течению ея на левом берегу, в коей удобной земли, пашни, леса и сенных покосов сто пятнадцать десятин, а буде окажется по измерению то и более, предоставляю в полное владение ему, супругу своему Михаилу Яковлевичу Ребушинскому, до которого имения в жизнь его ни детям нашим ни же кому либо другому дела нет и ни по каким

правам и случаям не вступаться».

С переездом на житье в собственный дом начинает создаваться самостоятельная жизнь второго поколения Рябушинских.

В 1832 году была выдана замуж старшая дочь Пелагея Михайловна за купеческого сына Евсея Алексеевича Капустина. Эта свадьба была приятна родителям и создала надолго родственную близость между Рябушинскими и Капустиными. Старший сын их Михаил Евсеевич почти всю жизнь свою проработал в Деле Рябушинских, и в настоящем году один из внуков Пелагеи Михайловны, Иван Михайлович, празднует 25-летний юбилей своего пребывания на службе товарищества мануфактур П. М. Рябушинского с сыновьями, а другой внук, Антон Михайлович, служит заведующим хозяйственным отделом фабрик.

В 1842 году женился старший сын Иван Михайлович на московской мещанке Наталье Дементьевне Гавриловой, домовладелице в той же Якиманской части. Этот брак, по-видимому, был по любви и создал разлад в семье, закончившийся выделом Ивана Михайловича по «отдельной записи», в которой говорится, что родители «заблагорассудили с общего согласия отделить сына Ивана Рябушинского от семейства и капитала, а так как за нами Михайлою и Афимьей никакого наследственного капитала и имения не имеется, а какое есть, то все благоприобретенное нами Михайлой и Афимьей Ребушинскими, а потому крепостной мой, Михайлы, дом с принадлежащею к нему землею и надворным строением, доставшийся мне по купчей в 1843 году от московских мещанки Татьяны Дементьевой Гавриловой и купеческого сына жены Натальи Дементьевой Ребушинской, состоящий в Москве, Якиманской части, 3 квартала, под № 281, в приходе церкви Успенъе Пресвятой Богородицы, что в Казачьей, отдаю сыну нашему Ивану Рябушинскому в вечное и потомственное владение с тем, чтобы ему и наследникам его, таковым отделом оставаться навсегда довольным, а я, Иван, принимая таковую родителей моих награду, оставаясь оною совершенно довольным с должною моею благодарностью, обязуюсь за себя и наследников моих более ни из капитала, ни «з имения, как при жизни родителей моих, так и после кончины их, от других наследников ничего не требовать, хотя бы и вновь что-либо ими, родителями моими, в жизнь их приобретено было».

Позднее, после смерти Натальи Дементьевны, отношения между отцом и сыном стали снова доброжелательными, и Михаил Яковлевич в своем духовном завещании не забыл о старшем сыне. Отец, ценивший в людях выше всего деловитость, не мог не ценить ее в сыне, хотя бы он работал вне родительской зависимости. Иван же Михайлович вел свою торговлю «бумажным товаром» успешно и, скончавшись в 1876 году, оставил после

себя капитал в 158 536 рублей 34 копейки, которые поручил распределить душеприказчикам своим: брату Павлу Михайловичу и Т. Г. Рассадкину.

В 1866 году Ив. М. Рябушинский вторично женился, и его вдова Елена Васильевна до сих пор является одним из самых близких и почитаемых людей в семье Павла Михайловича Рябушинского.

В 1834 году женился второй сын Павел Михайлович на московской мещанке Анне Семеновне Фоминой, внучке Ивана Матвеевича Ястребова, всеми уважаемого священника Рогожского кладбища. Этот брак, по-видимому, устроенный родителями и приятный для них, не был счастлив для молодых.

Вслед за браком Павла Михайловича, в 1844 году, вышла замуж младшая дочь Анна Михайловна за Петра Яковлевича Шувалова.

В том же 1844 году была куплена у Василия Михайловича Сорокованова лавка № 24 в холщовом ряду, в которой издавна торговал М. Я. Рябушинский. За «каменную лавку на белой земли с находящеюся над нею палаткою» уплачена Сорокованову тысяча рублей. Лавка эта имела «длинику по правую и левую сторонам по 3 сажени, поперечнику в переднем и заднем концах по 1 сажени». В 1849 году у наследников Нечаевых удалось купить и соседние лавки, которые Михаил Яковлевич много лет арендовал. Михаил Яковлевич купил лавки за № 20, 21, 22, 23 за четыре тысячи двадцать пять рублей. Эта покупка обошлась Рябушинскому значительно дороже первой, так как лавки эти занимали площадь 8 ½ аршин на 9 аршин 3 вершка.

В губернском Архиве старых дел имеется об этих лавках судебный процесс Сорокованова с соседом Меньшовым. Из этого дела видно, что все эти лавки принадлежали в начале столетия чиновнику Маркелу Демидову Мещанинову, в доме которого потом много лет жила семья М. Я. Рябушинского. Этот Мещанинов сдавал свои лавки в аренду по 18 рублей, а в одной держал сидельца, т.е. приказчика на отчете. Очень может быть, что и Рябушинский до 1812 года, когда был еще Михаилом Яковлевым, начинал свои первые шаги по торговле холщовым товаром в лавке Мещанинова или в купленной у него в 1802 году М. П. Сороковановым. Делая это предположение, можно объяснить, почему в воспоминаниях Павла Михайловича Рябушинского сохранилось, что его отец торговал в своих лавках раньше нашествия французов.

Все эти пять лавок, как видно из вышеуказанного процесса, были в общих каменных стенах, со сводами, и постройка была настолько прочна, что вполне уцелела от пожара 1812 года.

Этими пятью лавками Рябушинские владели до 1871 года, когда Василий Михайлович их продал купцу В. И. Меньшову.

Шерстяной и полушелковый товар готовила Московская фабрика в Голутвинском переулке с 1846 года, а также, по всем вероятностям, он доставлялся калужскими кустарями, так как раздача материала на ручные станки по деревням практиковалась в больших размерах.

По сообщению А. Тихомовича, кроме миткаля, медынские кустари «работают бурса, альпака, фэй». «Работают саржу, камлот, русинет, кашемир»; в 12 деревнях (в том числе Насонове) «выделяют бумажные, шерстяные и шелковые материи».

В описании Калужской губернии М. Попроцкий сообщает, что «ткачество здесь имеет характер кустарный. Оно производится в крестьянских избах по деревням Медынского, Боровского, Малоярославского и Тарусского уездов. Несколько иногородних и местных купцов и богатейшие крестьяне (мастерки) имеют здесь конторы для раздачи работающим крестьянам привозимой из Москвы бумажной пряжи, приемки от них миткаля и доставки его в Москву. Главным из производителей считают московского купца Рябушинского; из его контор в течение уже нескольких лет раздается работа на 3 000 станков». В том же сочинении в таблицах имеются сведения о существовании в Насонове Медынского уезда, бумаготкацкой фабрики купца Рябушинского на 600 станков при 650 рабочих с ценностью производства в 150 тысяч рублей.

Кроме того, по годовому отчету торговли М. Я. Рябушинского за 1856 год поставлен расход на постройку фабрики 45 500 рублей. По-видимому, это относится к Чуриковской фабрике, так как М. Попроцкий, собиравший материалы для своей книги в 1857 году, указывает, что «Московский купец Рябушинский построил фабрику близ Малого Ярославца на 200 станков с паровым двигателем в 45 сил; станки выписаны из заведения Гика в Манчестере». Впрочем, имеются также данные, что в 1856 году перестраивалась московская фабрика, а местные жители Чурикова утверждают, что их фабрика строилась в 1854 году.

Изготавливаемый товар продавался не только в розницу, но и оптом, так как по вексельным записям видно, что Михаил Яковлевич имел с 20-х годов довольно обширные торговые дела с евреями из Западного края, которым он доставлял товар, изготавливаемый кустарями.

Годовые отчеты начали составляться с 1835 года. Они составлялись Павлом Михайловичем, которому было тогда 15 лет. Год заканчивался к Пасхе, и отчет озаглавливался:

**Христос Воскресе. Господи, благослови, Христос.
Счет капитала и палатки московского купца Михаила Рябушинского.**

Первые годы долговые обязательства вписывались общей цифрой, по указанию отца, причем отмечалось: «из старой еврейской книги», «по но-

вой еврейской», «по русской книге» и «по дневной книге». Позднее все должники и кредиторы вписывались в отчет рукою Павла Михайловича. Должниками в значительной части состояли торговцы мануфактурой. Многие из этих должников в период перехода денежных расчетов с ассигнаций на серебро оказывались неплатежеспособными, и с 1838 года по 1849 год пришлось списать со счетов 80 тысяч рублей таких долгов.

При примитивном счетоводстве, при котором запись велась только товару и долгам, сумма которых, за исключением собственных долгов, определяла размер накопленного капитала, на вычислении прибыли очень значительно отзывались как списанные долги, так и затраты на приобретение имущества и на постройки, которые, подобно всем вообще расходам, в учет не входили.

Ко времени кончины Михаила Яковлевича, в середине 1858 года, его капитал уже превысил 2 миллиона рублей ассигнациями, так как счет на серебро вошел в торговые обычаи только в начале 60-х годов.

В пятидесятых годах Михаил Яковлевич заметно чувствовал утомление своей долгой трудовой жизнью; прежнее недоверие к окружающим сменилось полной верой в то, что его работа не пропадет и перейдет в дельные руки. Его сын Павел Михайлович проявлял кипучую деятельность по организации фабрик и расширению торговли, а Василий Михайлович был всецело поглощен техникой торгового дела. Общее руководство делом, конечно, оставалось за стариком, но оно уже не требовало, при новых условиях, прежней энергии, которая заметно стала угасать после кончины жены Евфимии Степановны, последовавшей 29 декабря 1853 года.

На следующий год по каким-то соображениям Михаил Яковлевич записался на два года во вторую гильдию и был выбран в Московскую торговую депутацию в 1855 году. Это была единственная общественная служба, которую он нес в своей жизни.

Со смертью жены кончилась сила их взаимного завещания, утвержденного в 1830 году, и потому теперь, в 1855 году, Михаил Яковлевич снова приступает к составлению завещания, обеспечивающего продолжение созданного им дела. В этом завещании он не забывает никого из лиц, кровно с ним связанных, но размер созданного им дела оставляет прикрытым торговой тайной и передает его нераздельно двум младшим сыновьям Павлу и Василию.

«Во имя Всесвятых Троицы, Отца и Сына и Святого Духа. Аминь!

Я, нижеподписавшийся московский Мещанин и временный 3-й гильдии Купец Михаила Яковлев, сын Рябушинский, будучи в здравом уме и твердой памяти, но помня час смертный, могущий последовать внезапно, учинил сие духовное завещание в благоприобретенном моем имении, — в том

1-е) Когда Господу Богу угодно будет прекратить дни жизни моей, то все благоприобретенное мое движимое и недвижимое имение, могущее остаться после меня, равно товар, деньги, как наличные, так и в долгах находящиеся, словом, все без всякого изъятия, сим завещаю в полное единственное и потомственное владение и распоряжение и неотъемлемую собственность ейским 2-й гильдии купцам Павлу и Василию Михайловым Рябушинским, в каковое имение брату их Ивану Михайлову Рябушинскому и сестрам их Пелагее Михайловой Капусткиной и Анне Михайловой Шуваловой и каким другим родственникам ни почему не вступаться и ни до чего дела нет и всякая от них поданная просьба о выдаче им завещаваемого мною Павлу и Василию Рябушинским имения перед Правительством должна считаться ничтожною, 2-е) Святые иконы завещаю и благословляю ими: Павла Рябушинского образом Отечества Царские двери и образом крестом; Василия Рябушинского образом Михаила Архангела, крестом с Отчеством и образом Св. Ильи Пророка, дочерей Павла Рябушинского благословляю образом Боголюбские Божий Матери в окладе; Клавдию — образом Казанской Божьей Матери в окладе; Елизавету — образом Апостола и Евангелиста Иоанна Богослова в окладе; Марью — образом Св. Пророка и крестителя Иоанна Предтечи; Ольгу — образом Св. Вонифатия в окладе; Александру — образом Пророка Моисея в окладе; временно-московского купца Ивана Михайлова Рябушинского образом Праздника в окладе; дочь его Фелицату — образом Казанской Божьей Матери в окладе; ейскую купеческую жену Пелагею Михайлову Капусткину — образом знамения Пресвятыя Богородицы в жемчуге; сыновей ее Михаила Капусткина образом Спасителя в окладе; Алексея образом Спасителя в окладе; Анну Михайлову Шувалову и дочерей ее образом Св. Николая в окладе; сына моего крестного московского мещанина Петра Артемьева Рябушинского — образом Св. Николая в окладе; мелкие же образа и духовные книги предоставляю на волю и распоряжение Павла и Василия Рябушинских. 3-е) Из имеющегося и могущего остаться после кончины моей капитала: ста тысяч рублей серебром прошу Павла и Василия Рябушинских выдать Пелагее Капусткиной — шесть тысяч рублей серебром; Ивану Рябушинскому — шесть тысяч рублей серебром; московскому мещанину Петру Рябушинскому тысячу пятьсот рублей серебром; московскому мещанину Ивану Артемьеву Рябушинскому триста рублей; московскому мещанину Семену Сергееву двести рублей; дочерям умершего Гаврилы Петрова Целибеева каждой по тысяче рублей серебром, по выходе в замужество за избранных Павлом и Василием Рябушинскими им женихов; московскому мещанину Павлу Гаврилову Целибееву триста рублей, Михаиле Гаврилову Целибееву триста рублей; боровскому мещанину Якову Матвееву Шапошникову — триста рублей; крестьянам: Матвееву Васильеву — сто рублей, крестьянину

Антону Иванову — сто рублей, Гавриле Иванову — сто рублей; Кондратию Иванову — сто рублей, Сергею Иванову — пятьдесят рублей; московской мещанке Александре Максимовой — сто пятьдесят рублей; боровскому мещанину — Ивану Ивановичу Хомутникову — сто рублей; боровскому мещанину — Гавриле Иванову Хомутникову — сто рублей, боровским мещанкам Александре Ивановой — сто рублей, Екатерине Ивановой — сто рублей, Анне Ивановой — двести рублей; Марье Васильевой — триста рублей; московскому купцу Василию Алексею Федотову икону в окладе. Из остающегося затем капитала прошу Павла и Василия Рябушинских употребить на поминовение души моей, по усмотрению их, призирать и кормить нищих, нанять чтеца Псалтири на год при неугасаемой лампаде, исправить поминовение по душе моей в девятый, двадцатый, сороковой день и в годовщину подаянием во все тюремные замки арестантам, нищим и несчастным, и затем оставшийся капитал за поминовением к году во всю текущую жизнь Павла и Василия Рябушинских прошу их помнить меня милостыней и раздачей нищим и несчастным. Должные мне деньги по счетам, записям и векселям, если не будут иметь возможности платить, то простить оные и после кончины моей не требовать, 4-е) Из недвижимого имущества моего, завещаемого Павлу и Василию Рябушинским, должно поступить в полное единственное владение их и распоряжение: Павлу — дом, состоящий в Москве, Якиманской части 6 квартала, доставшийся мне по духовному завещанию покойной жены моей Афимьи Степановой Рябушинской; а Василию — лавки, состоящие в Москве, Городской части под № 20, 21, 22, 23 и 24, доставшиеся мне по двум купчим, совершенным во 2-м Департаменте Московской Гражданской Палаты. Сверх сего, имею я в своем владении пашенной и непашенной земли сто десять десятин, тысяча семь сот двадцать девять сажен, состоящей Калужской губернии Медынского уезда в сельце Ново-Насонове, доставшейся мне по купчей от титулярного советника Ростислава Владимировича Сомова, каковую землю предоставляю им Павлу и Василию Рябушинским в общее владение, а равно все, что может быть приобретено при жизни моей по каким бы то ни было актам, то все поступает без остатка в пользу означенных Павла и Василия Рябушинских. Завещание сие должно воспринять силу и действие после смерти моей, а до того времени предоставляю себе право изменить оное, дополнить или вовсе уничтожить».

Ко времени утверждения этого духовного завещания, в 1858 году, после смерти Михаила Яковлевича никаких дополнений воли завещателя не было сделано, так что земля, на которой построена была фабрика в Чурикове Малоярославского уезда, в 1854 году, должно быть, была куплена на имя Павла Михайловича, так как в сообщении суду о ценности различных частей наследуемого имущества ничего не упоминается о Чурикове, в котором

фабрика строилась в 1854 году. Также завещание не упоминает и о московской фабрике, которая построена была в 1846 году на земле владения в Якиманской части.

Подобно умолчанию о своих фабричных имуществах, созданных, конечно, благодаря энергии сына Павла Михайловича, Михаил Яковлевич умалчивает в завещании и о размерах своего торгового капитала, как мы уже указывали, достигавшего в то время двух миллионов рублей ассигнациями. Этот капитал создавался долголетним трудом, долголетним напряжением энергии и торгового таланта М. Я. Рябушинского, но он, даже умирая, не хочет похвастать результатами своей работы, боясь повредить этим делу, которому служил.

Эта подчиненность интересам дела была всю жизнь самой характерной чертой М. Я. Рябушинского, и потому сам он как личность оставался всю жизнь в тени, не оставив никаких следов ни на общественной арене, ни в воспоминаниях своих современников.

К сожалению, не имеется даже портрета, по которому можно было бы живо представить себе этого недюжинного человека. Единственным материалом для его оценки остались торговые отчеты за 22 года, по которым можно предположить, что в 1820 году М. Я. Рябушинский имел капитал, едва ли превышавший 1 000 рублей, а в 1858 году достигший 2 миллионов рублей. Эти две цифры дают масштаб для сравнения его с другими лицами, работавшими в то же время в той же области труда.

Думается, что лиц, обладавших тысячей рублей, имелось много тысяч, но лиц, создавших из них в течение 40 лет работы два миллиона, — очень немного, и они едва ли своим счетом заполнят один десяток.

Следует отметить, что в создании дела Михаила Яковлевича Рябушинского «счастье» играло очень незначительную роль. Напротив, разорение Москвы надолго подорвало его самостоятельную торговую деятельность. Единственным благоприятным моментом была передача ему М. П. Сорокиным своего торгового дела, но это дело, судя по размерам лавки, было не особенно большое. Что же касается его торговых и кредитных операций, то они совершались в общих для всех торговцев условиях конкуренции и высоты учетного процента.

Чтобы выделиться среди общих условий, надо в самом себе нести нечто особенное, индивидуальное. Особенностью Михаила Яковлевича была сильная воля, соединенная с мировоззрением «хозяйственного мужика».

Все для дела — ничего для себя. Такой был девиз жизни М. Я. Рябушинского, закончившейся 20 июля 1858 года.

После его кончины осталось 3 сына, 2 дочери и 15 внуков.

Павел Михайлович Рябушинский родился в 1820 году, а Василий Михайлович в 1826 году, и, следовательно, последнему было 5 лет, когда семья Рябушинских переехала из Ипатьевского переулка в свой Голутвинский дом, с обширным двором и садом, где, конечно, и проходили детские годы их жизни.

Однообразное спокойствие замкнутого в заборах двора положило свой отпечаток на характер Василия Михайловича в противоположность с Павлом Михайловичем, до 11 лет прожившим в Китай-городе, на его улицах кишаших деловым людом. Общительность, экспансивность, подвижность Павла Михайловича и замкнутость, соединенная с малоподвижностью Василия Михайловича, остались на всю жизнь их отличительными особенностями. Оба брата как бы разделили между собою неуравновешенные свойства характера их отца Михаила Яковлевича и своим различием характеров предопределили необходимость после смерти отца слиться в общую торговую фирму. В одном культурном качестве оба брата не отличались между собой, это в трудоспособности, выработанной тяжелым деловым режимом, созданным и неуклонно поддерживаемым Михаилом Яковлевичем Рябушинским.

Книжное образование обоих братьев было очень незначительно; они учены были, как в старину говорилось, на медные гроши. Но более живой от природы Павел Михайлович, по-видимому, не ограничился только познанием науки жизни и стремился самостоятельно уже взрослым пополнить свои знания в области того промышленного дела, в котором работал.

С 14-15 лет оба брата служили мальчиками в лавке отца и день за днем знакомились с его делом, ежегодно составляя к Пасхе опись всего торгового имущества, которая служила годовым отчетом. Отец по своему характеру не мог доверчиво относиться к накапливаемому ими торговому опыту и требовал от них беспрекословного подчинения его воле.

Живой ум Павла Михайловича не мог удовлетвориться традиционными формами торгового труда, и он с интересом знакомился с техникой небольшого фабричного дела у дяди Артема Яковлевича, устроившего в 1830 году бумаготкацкую фабрику на Яузе. В 1846 году Михаил Яковлевич купил ткацкую фабрику, находившуюся недалеко от него в Якиманской части, и на следующий год перевел ее в свой дом. К 50-м годам Павел Михайлович настолько изучил у себя и на других московских фабриках технику ткацкого и бумагопрядильного дела, что стал незаменимым помощником отцу, затрачивая массу энергии на устройство новых фабрик в Калужской губернии, в Новонасонове, Медынского уезда, где была прежде только контора по раздаче кустарям пряжи, и в Чурикове Малоярославского уезда.

До 25 лет Павел Михайлович числился купеческим сыном и самостоя-

тельно гильдии не платил, но правительственные мероприятия против торговой деятельности старообрядцев, которыми предполагалось понудить их к переходу в единоверие, заставили подумать о получении самостоятельных торговых прав. В 1854 году одна из рогожских часовен была обращена в единоверческий храм. Одновременно с этим объявлено было, что с 1 января 1855 года старообрядцы лишаются права записи в купечество. Это распоряжение правительства произвело громадный переполох среди старообрядцев торгово-промышленного класса и содействовало очищению старообрядчества от более слабых его элементов. Около трети обращений в единоверие последовало 30 и 31 декабря 1854 года, т.е. в последние числа, назначенные для объявления купеческих капиталов. Лишение права внесения купеческого капитала вело неминуемо к выполнению рекрутчины с ее двадцатипятилетним сроком службы.

Как ни поглощены были Рябушинские интересами своего дела, но они не подчинили им своих религиозных взглядов. Павел и Василий Михайловичи перестали числиться купеческими детьми и записаны были снова в московское мещанство. Но скоро до семьи Рябушинских дошли слухи, что за 1 400 верст от Москвы имеется вольный город Ейск. Этот город, основанный в 1848 году, получил различные льготы для его скорейшего заселения, и, благодаря этим льготам, запись старообрядцев в ейское купечество оставалась пока возможною.

Справив необходимые документы в мещанском управлении, Павел Михайлович спешно на перекладных отправился в дальний путь за гильдейским свидетельством; этот трудный в то время переезд не обошелся ему легко, так как близ Ейска он сломал себе руку, но тем не менее воротился домой в Москву, не только сам ейским купцом 3-й гильдии, но и привез гильдейские свидетельства брату Василию Михайловичу и зятю Евсею Алексеевичу Капусткину.

Вскоре после смерти Михаила Яковлевича Рябушинского в том же 1858 году указом Московской казенной палаты оба брата были снова причислены в московское купечество на временном праве и записались во вторую гильдию, а в 1860 году и с 1863 года до конца жизни платили первую гильдию.

В конце 50-х годов энергия Павла Михайловича была главным образом поглощена организацией фабрик.

В Архиве Старых дел имеется рапорт от 27 февраля 1849 года московского обер-полицеймейстера генерал-губернатору, в котором сообщается, что фабрика Михаила Рябушинского «заведена им в 1846 году в доме Комитета Человеколюбивого общества, а оттуда в 1847 году переведена в собственный его дом; но разрешения на существование этого заведения он,

Рябушинский, никакого не имеет, кроме получаемых им из Дома Московского градского общества купеческих свидетельств». В Архиве Купеческого общества никаких сведений о фабрике не имеется, и в гильдейском заявлении в 1845 году показано имущество: 1 лавка и 2 дома в Голутвине, а в следующих годах повторяется: «недвижимое имение все то же». Сопоставление этих данных позволяет предположить, что фабрика существовала без разрешения не только три года, так как заводить фабричное производство в чужом доме на один год, в то время как имелось свое помещение, едва ли могло быть выгодно.

Из того же рапорта обер-полицеймейстера видно, что фабрика была небольшая; «машин никаких нет, а имеется 140 станков, при которых рабочих находится 140 человек, на годовое же отопление сказанного заведения и кухни для рабочих употребляется 25 сажень трехполенных дров».

Вопрос о топливе, видимо, очень занимал генерал-губернатора Закревского, так как он ко всем фабрикантам в то время предъявлял требования о замене дров торфом, так что, по словам А. Н. Найденова, все принуждены были для удовлетворения начальства держать напоказ штабели торфа, которым отапливать было еще тогда убыточно. В разрешении на фабрику, данном Михаилу Яковлевичу Рябушинскому, значится: «Чтобы дров на отопление фабрики употреблялось в год не более 130 сажень трехчетвертной меры, да и те стараться всячески заменять торфом».

В 1856 году Василий Михайлович Рябушинский от имени отца, вследствие его болезни, подает прошение о разрешении построить «в саду на пустопорожней земле каменный четырехэтажный жилой корпус длиною в 12 сажень, шириною 6 сажень, в коем весьма довольно и не стеснительно можно будет распространить имеющиеся при заведении ткацкие станки». В ответ на это прошение получено было разрешение на постройку здания и на помещение в нем «ткацких станков жакардовских пятьдесят, простых станков двести сорок один, сновальных четыре, рабочих взрослых триста пятьдесят пять и шпульников шестьдесят; дров трехчетвертной меры сто восемьдесят сажень, обязав его, Рябушинского, подпискою заменять последние торфом».

Мастером значится во всех ведомостях «сам хозяин»; материалы — пряденая шерсть и бумага аглицкая и русская — выписываются из Англии и покупаются в Москве.

Когда строилась Насоновская фабрика в Медынском уезде Калужской губернии, точных сведений не имеется, но по ходу нарастания товара, определяемого годовыми отчетами, можно предполагать, что она организовалась в 1849 году. По данным, приведенным в описании Калужской губернии М. Попроцкого, в 1857 году Насоновская бумаготкацкая фабрика име-

ла 600 станков при 650 рабочих и с ценностью производства в 150 тысяч рублей.

Хотя в книге М. Попроцкого статистических сведений о Чуриковской фабрике в Малоярославском уезде Калужской губернии не имеется, но упоминается о ее существовании и о том, что в ней работает при помощи 45-сильного двигателя 200 станков, выписанных от Гика в Манчестере. Один из бывших рабочих с этой фабрики, ныне помощник ткацкого мастера на Вышеволоцкой фабрике, Федот Федоров помнит, что Чуриковская фабрика построена в 1854 году, что очень вероятно, судя по значительному приросту в этом году товара по данным отчетов. На тот же год указывают местные чуриковские крестьяне, работавшие тогда на фабрике.

В Чурикове предварительно устроен был кирпичный завод на земле, купленной у Г. Колосова. Павел Михайлович два лета прожил в Чурикове и сам заведовал постройкой. Была построена каменная двухэтажная ткацкая на 200 станков; здание красильни тоже построено двухэтажное — низ каменный, а верх, где была сушильня, деревянный. На фабрике работало 600-700 сменных рабочих. Вырабатывали на Чуриковской фабрике миткали, демикотоны, канифасы, кашемиры, саржи и др. Ежедневная выработка была около 250 кусков.

Механиком на фабрике был Христиан Карлович Людвиг, ткацкой заведовал Михаил Евсеевич Капусткин, отбельной — Василий Михайлович Соболев. Счетоводство вел Кондратий Иванович Ануфриев.

Павел Михайлович приезжал на фабрику каждый месяц, а Василий Михайлович очень редко, так как на нем лежала обязанность руководить работою по торговле в Москве.

Уже в последние годы жизни Михаила Яковлевича московская торговля настолько увеличилась, что домашними силами не могла выполняться. И ранее он принужден был нанимать приказчика, но в 60-х годах их приходилось иметь три и несколько мальчиков.

Увеличение персонала служащих началось с 1860 года, когда поступил на службу к Рябушинским Козьма Гаврилович Климентов. Он перешел от фирмы Зацепина после смерти хозяина, после того как его дело было ликвидировано наследниками. У Рябушинских К. Г. Климентов прослужил 40 лет, не дожив только 5 месяцев до своего юбилейного года. Когда в 1887 году основано было товарищество на паях, то он был выбран на должность одного из трех директоров правления. Хорошо зная торговое дело, он тридцать девять лет заведовал амбаром и со свойственной ему педантичностью являлся раньше всех к дверям амбара, ключи которого находились у него. 21 сентября 1899 года К. Г. Климентов скончался, оставив о себе память, как о деловом, добром и отзывчивом на чужое горе человеке.

Передав заведование амбаром К. Г. Климентову, Павел Михайлович прием товара от мастеров продолжал производить сам в Голутвинском доме. Зная хорошо всю технику производства, он отмечал все недостатки принимаемого товара и указывал мастерам на технические причины того или иного дефекта. Цены на ходовые товары устанавливались Павлом Михайловичем, но цены на новые товары он предоставлял определять приказчикам, имевшим непосредственные отношения к покупателю. В зависимости от впечатления, производимого новым товаром на покупателя, приказчик должен был выработать ему цену.

Уже в пятидесятых годах торговать Рябушинским в Гостином дворе становилось тесно. Поэтому после смерти отца Павел и Василий Михайловичи, решившие в 1862 году образовать Торговый дом, выбрали более подходящее для их дела помещение неподалеку от рядов в Чижовском подворье; лавки же свои Василий Михайлович сначала сдал в аренду купцу Осину, торговавшему галантерейным товаром, а затем в 1871 году продал В. И. Меньшову за 18 000 рублей.

Официальное утверждение «Торгового дома Павла и Василия братьев Рябушинских» состоялось в 1867 году, когда Московская городская дума заслушала прошение их.

Быстро разраставшееся торгово-промышленное дело братьев Рябушинских содействовало расширению круга общества, в котором вращался Павел Михайлович. Его деятельную натуру давно уже не удовлетворял замкнутый патриархальный строй жизни, установленный отцом. Еще при жизни Михаила Яковлевича он заводил знакомство в музыкальном и литературном мире, а затем в 60-х годах у него нередко собирались артисты Малого театра.

Н. А. Найденов в своих «Воспоминаниях о виденном, слышанном и испытанном» указывает на то, что московское купечество в царствование Николая I характеризовалось носимым костюмом. Консервативное большинство купечества носило «русское платье», а прогрессивное меньшинство — «немецкое». К этому меньшинству принадлежал и Павел Михайлович Рябушинский.

Начало царствования Александра II оживило общественные интересы всего русского общества, и прогрессивная часть купечества с интересом начала относиться ко многим выборным должностям, которые тяготили стариков.

В 1860 году Павел Михайлович выбран был на три года в члены шестигласной распорядительной думы, как представитель от московского гильдейского купечества. Это трехлетие службы совпало с окончанием прежнего порядка управления городскими делами по закону 1846 года и с перехо-

дом Москвы в 1862 году к новой организации думы, которая в конце концов выразилась в городском положении 1870 года, а пока введена была временно только в столицах и Одессе.

В 1864 году Павел Михайлович был выбран в комиссию по пересмотру правил о мелочном торге; в 1867 году выбран в кандидаты депутатов городского депутатского собрания и в члены коммерческого суда; в 1871 и 1872 годах выбран в члены учетного и ссудного комитетов Московской конторы Государственного банка. С 1870 года по 1876 год он состоял выборным московского биржевого общества.

В 1864 году передовая часть московского купечества была очень взволнована появившейся на русском языке запиской германского коммерческого съезда. Эта записка переведена была на русский язык департаментом внешней торговли и, ввиду предстоящего заключения торгового договора между Россией и таможенным союзом, послана была биржевому комитету с поручением доставить свое мнение.

Для рассмотрения этой записки среди московского купечества и фабрикантов возникла мысль создать, так же как в Германии, частные съезды купечества, и мысль эта была одобрена министерством финансов.

На первом собрании съезда предложено было выбрать 20 депутатов, которым поручить заведовать купеческими съездами. Собралось на собрание 195 членов, и 76 прислали заявления о выбираемых ими лицах в число 20 депутатов и 20 кандидатов. П. М. Рябушинский выбран одиннадцатым по числу голосов депутатом.

Так как в число депутатов вошло много лиц почетных, но «не обладавших способностью заниматься работами письменными», как говорит Н. А. Найденов, то это вынудило депутацию привлечь к участию в занятиях всех числившихся кандидатами. Увеличение этим путем рабочих сил депутации позволило ей разделиться на комиссии по различным отраслям промышленности. Работы по хлопчатобумажной промышленности поручены были Т. С. Морозову, П. М. Рябушинскому и В. К. Крестовникову. На долю этих депутатов выпало наиболее боевое положение, так как министерство финансов в то время было настроено фритредерски и предполагало значительно понизить пошлины на хлопок. Эти три депутата составили записку о нуждах русской хлопчатобумажной промышленности и защищали свою точку зрения не только на совещаниях в Петербурге, но, кроме того, подали в биржевой комитет заявления о желательности довести до сведения купечества о результатах данного им поручения.

Результатом этого заявления было собрание купечества, на котором участвовало 228 лиц и были подписаны два обращения в биржевой комитет о необходимости войти к министру финансов с представлением об опасно-

сти, угрожающей русской промышленности, и о ходатайстве допустить избранных в том же заседании лиц к представлению объяснений при дальнейшем рассмотрении тарифного вопроса.

Это заседание было первой попыткой купечества поднять свой голос в защиту русской промышленности.

В том же 1868 году П. М. Рябушинский с меньшей удачей делает попытку в собрании выборных побудить купечество к самопомощи. Он предлагает при помощи подписки собрать необходимую сумму денег для открытия при мещанском училище практических классов рисования и ткацкого дела. Для почина сбора денег он внес собранные им 4 250 рублей 25 копеек. Но к этой сумме московское купечество ничего не прибавило, и она была возвращена вносителю.

Василий Михайлович Рябушинский, в противоположность старшему брату, очень мало вращался в обществе и вел обычную ему замкнутую жизнь. Общественную службу он нес только, будучи выбран за три года до смерти, в 1882 году, присяжным попечителем Коммерческого суда.

Павел Михайлович, поглощенный развитием фабричного и торгового дела, отдающий немало времени и сил общественной деятельности, мирился с холостым укладом своей жизни после неудачной попытки создать семью.

Женившись 23 лет на Анне Семеновне Фоминой, внучке известного священника Рогожского кладбища Ив. М. Ястребова, которая была старше мужа на несколько лет, он не нашел с нею семейного счастья. Хотя первый ребенок у них был сын, но он умер, не дожив одного месяца. После этого каждый год рождались дочери. С женой были постоянные ссоры, которые выразились в конце концов взаимными жалобами в Магистрат. Магистрат оправдывал Павла Михайловича, но тот решил покончить раз навсегда с семейными дразгами и перенес свои обвинения жены в суд, который постановил в 1859 году считать их брак расторгнутым. После расторжения брака на руках Павла Михайловича осталось 6 дочерей возрастом от 6 до 13 лет, которых он отдал всех воспитывать в пансион. По окончании пансиона они выходили все замуж: Алевтина за Князькова, Клавдия за Радакова, Елизавета за Кузнецова, Марья за Павлова, Александра за Голоконникова. Шестая дочь Ольга умерла до замужества.

Деловая жизнь и неудача первого опыта создать семейную жизнь не способствовали желанию вторично думать о браке. Предполагал жениться Василий Михайлович, который был моложе Павла Михайловича на шесть лет, и сватали ему невесту в старинной старообрядческой семье петербургского хлебного торговца Овсянникова.

В 1870 году Павел Михайлович поехал в Петербург устраивать эту

судьбу, но, познакомившись с предполагаемой невестой Александрой Степановной Овсянниковой, он сам увлекся ею и 11 июня принял от ее родителей благословение на брак.

Отец невесты был известный петербургский купец Степан Тарасович Овсянников, производивший очень крупную торговлю хлебом. Женат он был вторым браком на Елизавете Семеновне Золотовой, принадлежавшей к старинной московской купеческой фамилии.

В воспитание детей Степан Тарасович не вмешивался и вполне полагался на Елизавету Семеновну и м-м Труба, содержавшую великосветский пансион, в котором воспитывались его дочери от первого и второго брака. Окончить курс пансиона он не дал ни одной из дочерей, так как ранее этого выдавал их замуж. Приданого полагалось заготовить для каждой на 15 тысяч рублей, и такую же сумму он давал деньгами. Только Александра Степановна, выходя за Рябушинского, получила менее, так как Степан Тарасович признал, что ее приданое обошлось дороже 15 тысяч рублей.

В то же время С. Т. Овсянников не жалел денег на жизнь, делал крупные затраты на дела благотворительного характера, но обширного знакомства, кроме делового, он не имел, и дети, за исключением дней абонементов в Итальянской опере, проводили время дома в небольшом кружке родственных связей.

20 июля 1870 года Александра Степановна и Павел Михайлович венчались в Молитвенном доме отца Димитрия на Ольховской улице в Москве и в тот же день поехали на дачу в Лесное под Петербургом. Возвратившись в Москву, молодые сперва поселились в доме Ананова в Милютинском переулке, а затем в собственном доме в Малом Харитоньевском переулке.

«2 марта 1876 года проживающие в Москве Яузской части 1-го квартала в собственном доме под № 55/65 в Малом Харитоньевском переулке 1-й гильдии купец Павел Михайлович Рябушинский и дочь С.-Петербургского купца 1-й гильдии девица Александра Степановна Овсянникова, проживающая в С.-Петербурге в доме своих родителей на Калашниковском проспекте Рождественской части, являсь к приставу Яузской части, заявили о желании своем записать в метрическую книгу брак свой по расколу.

Поручителями были: по мужу московский первой гильдии купец Василий Михайлович Рябушинский, почетный гражданин Федор Карлович Фишер, поручителями по жене московский купеческий брат Тимофей Гаврилович Рассадкин, бронецкий мещанин Артемий Борисов.

Действительность сего заявления и правильность брака удостоверяю, пристав Яузской части майор Дунаев».

Когда брак Рябушинских получил официальную санкцию пристава, се-

мейная жизнь их давно уже определилась и ожидался пятый ребенок.

Счастливая брачная жизнь по-старинному выразилась в многочисленном потомстве. Родились:

- 17 июня 1871 года Павел
- 3 июня 1872 — Сергей
- 1 июля 1873 — Владимир
- 5 июня 1874 — Степан
- 19 марта 1876 — Борис. Скончался в 1883 году.
- 12 мая 1877 — Николай
- 7 мая 1878 — Елизавета
- 12 мая 1879 — Александра. Скончалась в 1880 году.
- 15 июня 1880 — Михаил
- 8 августа 1881 — Евфимия
- 18 октября 1882 — Дмитрий
- 17 декабря 1883 — Евгения
- 12 апреля 1885 — Федор. Скончался в 1910 году.
- 29 июля 1886 — Надежда
- 22 сентября 1887 — Александра
- 14 января 1893 — Анна. Скончалась в 1895 году.

Затрачивая массу сил на рождение и воспитание многочисленных детей, Александра Степановна тем не менее находила в себе силы как для поддержания общественных отношений и руководства домашним хозяйством, так и для влияния на торгово-промышленные дела Рябушинских.

Влияние Александры Степановны на дела не выражалось непосредственно. Оно выразилось в том, что со времени женитьбы Павла Михайловича устанавливается все более и более прочная связь хозяев со служащими, что не могло не отражаться благотворно на ход всего торгово-промышленного дела Рябушинских.

Всякие шероховатости во взаимоотношениях, неизбежные во всяком живом деле, на которые Павел Михайлович по своему характеру реагировал очень горячо, Александра Степановна всегда умела смягчать, умиротворяя затронутые самолюбия. Давние служащие в фирме до сих пор с благодарностью вспоминают благотворное влияние на взаимоотношения в товариществе Александры Степановны.

Позднее вышеупомянутого Козьмы Гавриловича Климентова на службу к Рябушинским поступил крестьянин деревни Селютиной Владимирской губернии Егор Петрович Тараканов.

Сначала Е. П. Тараканов, пришедший к Рябушинским от Ермакова, заведовал ткацкой на Чуриковской фабрике близ Малого Ярославца, а когда она в 1874 году сгорела, переехал на фабрику в Вышний Волочек, где занял

должность полного управляющего вместо Петра Захаровича Дергунова. Бухгалтером в то время был Константин Павлович Александров, а старшим конторщиком, заведующим прядильной — Николай Федорович Стуколов. Как Дергунов, так и Стуколов до этого служили у Шиловых.

Все отделения фабрики управлялись под руководством Е. П. Тараканова. Кроме обширного опыта и ума, Егор Петрович обладал поразительным умением ладить с окружающими его людьми. Благодаря этому качеству, за все долгое время его пребывания на фабрике там не было никаких крупных недоразумений между рабочими и администрацией.

Прослужив Рябушинским более 30 лет, в последние годы своей жизни Егор Петрович потерял зрение и оставил службу на фабрике; получая пенсию от товарищества, он жил в Вышнем Волочке, где скончался и похоронен в 1911 году.

Когда в 1886 году К. Г. Климентов праздновал свой двадцатипятилетний юбилей службы у Рябушинских, служебный состав амбара состоял только из шести лиц: Козьма Гаврилович, его помощник Даниил Лукич Силин, конторщик А. В. Абрамов, Иван Николаевич Сусоколов, бухгалтер Роман Иванович Пикерсгиль и Никанор Иванович Хохлов. Последние два скончались, состоя на службе у Товарищества.

Незадолго до женитьбы Павла Михайловича им задумано было расширение мануфактурного дела. В 1869 году решено было приобрести у администрации по делам фирмы «А. Шилов и Сын» бумагопрядильную фабрику на 46 588 веретен за 268 тысяч рублей. Эта фабрика, находясь в полуверсте от станции Вышний Волочек Николаевской железной дороги на сплавной реке Цне, представляла особенно благоприятные условия для развития, находясь почти на равном расстоянии от Петербурга и Москвы, на таком важном железнодорожном пути, как Николаевская дорога, а также вследствие лесистости местности и низкой цены земель, обеспечивающих фабрики топливом. Московская фабрика успешно развивалась, пока не убыточно было работать на ручных станках. Также организована была и фабрика в Насонове. Но когда ткачество стало безвыгодно при ручном труде и явилась необходимость введения паровых двигателей, то оказалось выгоднее эти две фабрики ликвидировать, чем коренным образом реформировать. Поэтому вскоре после покупки Вышневолоцкой фабрики Насоновская в 1870 году была закрыта, а Московская в 1872 году продана Истоминым, которые в последствие образовали товарищество Голутвинской мануфактуры.

Более удовлетворяющая требованиям быстро развившейся техники, Чуриковская фабрика, близ Малого Ярославца, продолжала работать. Она находилась в лесистой местности, обеспеченной топливом, но цены на зем-

лю в 70-х годах в этом районе сильно росли, и потому обеспечить мануфактуру топливом на дальнейшее будущее становилось более затруднительным, чем прежде. Предвидение этого затруднения побудило Рябушинских не возобновлять Чуриковскую фабрику, когда в 1874 году она почти вся сгорела, и сосредоточить все мануфактурное дело в Вышнем Волочке, в районе которого и покупались лесные земли.

После кончины Павла Михайловича его сыновья значительно увеличили площадь лесных дач, и к 1912 году земельное владение «Товарищества П. М. Рябушинского с Сыновьями» достигло 41 тысячи десятин.

С концентрацией всего фабричного дела в Заворове Вышневолоцкого уезда обороты Торгового дома значительно возросли, но руководители его все так же, как и ранее, ежедневно сидели в небольшой комнате конторы в Чижовском подворье. Павел Михайлович и Василий Михайлович сидели в конторе от 10 часов утра и до 6 часов вечера. Последнего можно было всегда застать на его обычном месте, первый же нередко отсутствовал, так как поездки за границу и на фабрику, где производилось много новых построек, очень часто отвлекали Павла Михайловича от Москвы.

После пожара Чуриковской фабрики в Заворове в 1875 году была построена большая красильно-отбельная фабрика и ткацкая. В том же году строилась каменная больница. В 1877 году для рабочих, переселившихся из Калужской губернии с чуриковской фабрики в заворовскую, построена была каменная казарма на 60 семейств.

В 1880 году пожар на Заворовской фабрике, а затем пожар в 1895 году красильной фабрики вызвали необходимость значительных строительных работ и устройства нового помещения для больницы. В 1884 году построена вторая верхняя казарма на 80 семейств рабочих, а в 1891 году на месте ручной ткацкой построено училище на 150 человек.

В 1878 году минуло 20 лет, как братья Рябушинские состояли сначала несколько лет во 2-й гильдии, а затем в 1-й, что давало им право на возбуждение ходатайства о причислении их к потомственному почетному гражданству. Шесть лет собирались в купеческую управу всевозможные, требуемые законом, справки, и 25 мая 1884 года состоялось определение Сената: «По указу Его Императорского Величества, Правительствующий Сенат слушали: записку из дела по прошению московских 1-й гильдии купцов Павла и Василия Михайловых Рябушинских о возведении их с их семейством в потомственное почетное гражданство и о выдаче им грамоты на это звание, приказали: из дела видно, что московские 1-й гильдии купцы Павел и Василий Михайловы Рябушинские сначала состояли при капитале отца их Михаила Яковлева Рябушинского по 3-й гильдии, а за смертью его наследственный и нераздельный капитал по 2-й гильдии на 1859 год объявил

сын его Павел Михайлов Рябушинский вместе с братом Василием Рябушинским и состоял с тех пор по 1865 год включительно сряду и непрерывно три с половиною года во 2-й гильдии и три с половиною года в 1-й гильдии, с 1866 года по 1884 год они продолжали состоять в 1-й гильдии сряду 18 лет, в которой и ныне находятся, причем в 1862 году, по случаю открытия ими в Москве на общий наследственный, нераздельный капитал Торгового дома в образе полного Товарищества, под фирмою «П. и В. братья Рябушинские», предоставлено Василию Рябушинскому именоваться по одному общему купеческому свидетельству также купцом 1-й гильдии; что в семействе Павла Рябушинского, состоящем с ним совокупно и нераздельно, в одном капитале находятся: жена его второго брака Александра Степановна и их дети, сыновья: Павел, Сергей, Владимир, Степан, Борис, Николай, Михаил и Дмитрий и дочери девицы Елизавета и Евфимия Павловы; купец же Василий Рябушинский холост; что никто из них торговой несостоятельности не подпадал и судебным приговором опорочен не был; Павел и Василий Рябушинские в 1869 году состояли под следствием по обвинению их в подделке этикетов, но дело это определением Московской Судебной Палаты, состоявшимся 8 марта 1880 года, прекращено, и что они принадлежат к расколу поповщинской секты. Сообразив обстоятельства настоящего дела с законами и находя, что купцы Рябушинские с семейством на основании Высочайше утвержденного 3 мая 1873 года мнения Государственного совета, в силу которого всем вообще раскольникам дозволяется производить торговлю и промыслы с соблюдением общедействующих по сему предмету постановлений, а следовательно, и постановлений о правах и преимуществах, сопряженных с производством торговли, за бесспорное пребывание их в высших гильдиях в течение установленного законом срока, имеют право на потомственное почетное гражданство, Правительствующий Сенат определяет: московских 1-й гильдии купцов Павла и Василия Михайловых Рябушинских с семейством возвестить в потомственное почетное гражданство и выдать им грамоту на это звание, возвратив документы. О чем для объявления им со взысканием с них гербовых пошлин 60 копеек и с препровождением грамоты на потомственное почетное гражданство и документов для выдачи оных по принадлежности, по жительству просителей, в городе Москве Яузской части 1 участка, в собственном доме под № 55/65, Московскому Губернскому правлению послать указ, а гг. Министров Внутренних Дел и Финансов уведомить о настоящем определении указом, для сведения».

На следующий год, после получения потомственного почетного гражданства, 21 декабря 1885 года Василий Михайлович Рябушинский скончался, не оставив никаких указаний, как распределяется принадлежащее ему имущество.

Законными наследниками являлись Павел Михайлович и дочери брата покойного Ивана Михайловича.

Из наследуемого от Василия Михайловича имущества половина перешла по закону во владение Павла Михайловича, остальную же половину в $\frac{1}{2}$ доли получила Фелицата Ивановна Ушакова, старшая дочь Ивана Михайловича по первому браку, и / получили малолетние его дочери от второго «брака, Юлия и Глафира Рябушинские.

В память Василия Михайловича Рябушинского Павел Михайлович внес в Богдельный дом Рогожского кладбища 25 тысяч рублей.

Неожиданная кончина Василия Михайловича и выдел из дела 25% общего капитала заставили задуматься Павла Михайловича над созданием формы владения, наиболее обеспечивающей дальнейшее развитие дела. Это было тем более необходимо, что дети все еще не выходили из учебного возраста и старшему Павлу Павловичу в момент смерти дяди было 16 лет.

Решено было образовать «Товарищество мануфактур П. М. Рябушинский с сыновьями», и составление устава, а также проведение его по всем бюрократическим инстанциям поручено было присяжному поверенному С. А. Шереметьевскому.

В сентябре 1887 года устав товарищества был Высочайше утвержден, и в декабре того же года состоялось первое общее собрание, так что в настоящем 1812 году закончилось двадцатипятилетие его деятельности. Товарищество состояло из следующих лиц:

- 1) Павел Михайлович Рябушинский, 1-й гильдии купец — 787 паев с правом на 10 голосов.
- 2) Александра Степановна Рябушинская — 200 паев с правом на 10 голосов.
- 3) Егор Петрович Тараканов, крестьянин Владимирской губернии деревни Селютиной — 5 паев с правом на 1 голос.
- 4) Иван Александрович Прокофьев, Воскресенский купец — 1 пай с правом на 1 голос.
- 5) Павел Гаврилович Целибеев, московский мещанин — 1 пай с правом на 1 голос.
- 6) Константин Васильевич Федотов, московский 2-й гильдии купец — 1 пай с правом на 1 голос.
- 7) Козьма Гаврилович Климентов, коломенский мещанин — 5 паев с правом на 1 голос.

Все эти последние 5 лиц впоследствии продали свои пай братьям Рябушинским.

По балансу на Пасху 1887 года товарищество приняло от П. М. Рябу-

шинского имущество на 2 416 656 рублей 18 копеек, из которых сумма сверх 2 миллионов рублей, поступивших в основной капитал, заакредитована товариществу Рябушинским. Имущество заключалось: 1) 3 253 десятин 1 008 квадратных саженой земли стоимостью 34 868 рублей; 2) фабричные корпуса с машинами — 500 тысяч рублей; 3) разные машины по описи — 448 164 рубля 86 копеек; 4) хлопка в кладовых и в пути — 630 тысяч рублей; 5) хлопка и пряжи в деле — 128 тысяч рублей; 6) товаров в кладовых на фабрике и в Москве — 240 тысяч рублей; 7) топлива — 61 494 рубля 26 копеек; 8) строительных материалов — 31 023 рубля 57 копеек; 9) разное имущество по описи — 33 105 рублей 49 копеек; 10) наличных денег в кассе — 300 тысяч рублей.

Выделение мануфактур в особое предприятие на паях сильно способствовало их развитию и увеличению. Но так как они не могли втянуть в себя всего капитала П. М. Рябушинского, то параллельно с ними производилась как покупка процентных бумаг, так и учетные операции.

Такое использование наличного капитала совершалось и во время существования Торгового дома П. и В. Братьев Рябушинских. Из годовых отчетов того времени видно, что сумма учетных операций имеет тенденцию возрастания, хотя не в соответствии с ростом капитала:

Год	Учет векселей	Капитал
1867	726 846 р. 19 к. (100)	1 198 081 р. 76 к. (100)
1870	806 988 р. 20 к. (111)	2 047 307 р. 08 к. (170)
1875	1 537 185 р. 55 к. (211)	4 265 000 р. - к. (351)
1880	908 779 р. 11 к. (125)	5 504 382 р. 63 к. (460)
1885	3 619 699 р. 84 к. (497)	8 010 304 р. 64 к. (667)

Вопрос о способах лучшего использования капитала возбуждал постоянные разногласия между братьями.

Павел Михайлович стремился большую часть капитала поместить в промышленные и торговые предприятия. Василий Михайлович не любил фабрику и недоверчиво относился ко всем затратам на улучшение и расширение фабричного дела. Когда Павел Михайлович решил приняться за бумагопрядильное дело и приобрести продававшуюся на выгодных условиях Шиловскую фабрику, то Василий Михайлович настолько был против этого, что Павел Михайлович решил приобрести эту фабрику на свои личные средства, помимо Торгового дома, и предварительная запродажная была совершена на его имя.

Также восставал Василий Михайлович и против приобретения земельной собственности, так что некоторые лесные дачи были приобретены позднее Товариществом по значительно более высокой цене, чем они пред-

лагались ранее. Василий Михайлович считал, что спокойнее, а потому и выгоднее использовать капитал, помещая его в процентные бумаги и учетные операции.

В 80-х годах П. М. Рябушинский, по-видимому вследствие этих разногласий с братом, обратил внимание на соотношение между различными способами использования капитала и в целом ряде годовых отчетов расчленяет прибыль на ее составные части, сообразно источнику дохода.

Годы	Приб. на товар	на %	на учете
1882	295 800 р.	103 740 р.	126 621 р.
1883	315 379 р.	153 167 р.	205 902 р.
1884	253 979 р.	80 360 р.	206 684 р.
1885	169 869 р.		269 001 р.
1887	190 486 р.	60 245 р.	158 448 р.

В дальнейшем развитии своего дела Павел Михайлович расширил учетные операции, доведя их в последние годы своей жизни до 9 миллионов рублей.

До учреждения в 1860 году Государственного банка все потребности промышленности и торговли в кредит удовлетворялись частными лицами. Хотя попытки организовать промышленный кредит государством делались и раньше, но они все были неудачны. В 1769 году в Москве и Петербурге были созданы ассигнационные банки, при которых впоследствии были учреждены конторы для ссуд под векселя и товары. В 1817 году эти конторы были обращены в Коммерческий банк, который существовал до реформирования его в 1859 году в Государственный банк. Обороты вексельного кредита в Коммерческом банке были незначительны и по годам колебались для обеих столиц между 10 и 30 миллионами рублей, товарный же кредит никогда не доходил даже до 1 миллиона рублей. Хотя учет совершался из 6-7 процентов в то время, как частый учетный процент в Москве был 15, а в Одессе доходил до 36, но тем не менее учет векселей в Коммерческом банке не развивался, вследствие его бюрократического характера и строгих правил, вызванных появлением значительного числа неблагонадежных и даже фальшивых векселей. Промышленный и торговый кредит в Коммерческом банке определялся платимой гильдией. Для первой гильдии допускался прием к учету векселей на 57 142 рубля 86 копеек, что составляло прежние 200 тысяч рублей ассигнационных. Для второй гильдии допускался кредит в 28 571 рубль 43 коп. и для третьей — 7 142 рубля 86 копеек. Эти суммы давались на 2 лица из 6-7% и в банке считались постоянным пособием. Многие купцы, как говорит Н. А. Найденов, для имения удобных векселедателей записывали своих приказчиков в гильдии.

Вслед за созданием Государственного банка начали создаваться и частные банки, но и они до конца XIX века не исчерпали потребность промышленности и торговли в кредите, а потому и при их существовании частный неорганизованный кредит мог еще развиваться параллельно с ними.

Идя навстречу не удовлетворенной еще потребности в кредите, П. М. Рябушинский смотрел на эту отрасль своей торговли как на равнозначную с торговлей и производством товаров, а потому и у продолжателей созданного им дела оно естественно должно было развиваться в конце концов в совершенно обособленных два коммерческих дела: мануфактуры и банки.

Тем не менее Павел Михайлович всю свою жизнь сам был по преимуществу фабрикантом, и вопросы промышленности его более интересовали, чем вопросы кредита. Он с юности любил промышленную технику и знал ее. На всероссийских промышленных выставках его экспонаты обращали на себя внимание специалистов. В 1865 году Рябушинские получили серебряную медаль на Московской промышленной выставке. В 1870 году на Всероссийской выставке в С.-Петербурге «за хорошую бумажную пряжу и доброкачественные при умеренных ценах разнообразные бумажные ткани, а также за туалет-де-норд хорошей выработки и отделки» Торговый дом П. и А. братьев Рябушинских был награжден золотой медалью. Затем, несмотря на пожар 1880 года, уничтоживший всю фабрику в Вышнем Волочке, она к 1882 году была возобновлена в таком совершенном виде, что на промышленно-художественной выставке в этом году могли быть выставлены особо одобренные экспертизой: «пряжа из египетского и американского хлопка, гладкие и узорчатые ткани, беленые и крашеные, при весьма большом разнообразии сортов»; «за совмещение всех операций по переработке хлопка в готовые ткани, а также за постоянное стремление к улучшению производства своих ткацких изделий» братья П. и В. Рябушинские награждены были правом употребления на вывесках и изделиях изображения Государственного герба.

Среди постоянных забот о развитии руководимого им дела Павел Михайлович, как и большинство московского купечества, не забывал о благотворительных обязанностях, сопутствующих создаемому богатству. В памятный для всех 1891 год Павел Михайлович открыл 26 августа в своем Голутвинском доме обширную народную столовую. В 1895 году этот дом пожертвован Александрой Степановной Человеколюбивому обществу для устройства в нем, кроме столовой, убежища имени П. М. Рябушинского для вдов и сирот московского купеческого и мещанского сословий христианского вероисповедания. На устройство и оборудование этого убежища предоставлены были значительные средства. Кроме того, по духовному завещанию Павла Михайловича, обеспечено особым капиталом бесплатное кормление в народной столовой трехсот человек ежедневно.

Несмотря на свой преклонный возраст, Павел Михайлович продолжал созидать дело товарищества и в последние годы жизни организовал при своих мануфактурах лесопильный завод. Это промышленное дело являлось естественным последствием увеличения площади лесовладения товарищества. Первоначально покупка лесов вызывалась необходимостью обеспечения мануфактур топливом. Окружающая фабрики местность входит в район лесов с преобладанием хвойных пород. Высокое качество местного елового леса делало не рациональным использование его древесины только на топливо, и потому строительный материал в лесных насаждениях потребовал его переработки в рыночные сорта товара и привел товарищество к организации своей лесной торговли.

Это дело развивалось уже детьми Павла Михайловича. Долго с нетерпением он дожидался этого времени, так как, женившись на Александре Степановне пятидесяти лет, он только к семидесяти годам мог рассчитывать на сотрудничество детей.

Но не надолго им предстояла роль помощника в работе отца. В новом наступившем XX веке они сделались его заместителями. 21 декабря 1899 года Павел Михайлович Рябушинский скончался 79 лет, окруженный своей многочисленной семьей.

Александра Степановна пережила мужа на 1 год и 4 месяца. Она скончалась 30 апреля 1901 года и похоронена вместе с Павлом Михайловичем на Рогожском кладбище.

Еще сыновья были в возрасте от 2 до 16 лет, когда Павел Михайлович Рябушинский 6 декабря открыл действия учрежденного им в 1887 году товарищества под фирмой, в которой они участвовали.

С нетерпением он ждал их вступления в рабочий возраст и старался еще в детстве их побуждать интересоваться доступными детскому пониманию делами по фабрике и торговле.

Большинство сыновей были погодки, и потому росли дружной семьей, в которой разница лет почти не замечается. Все они незаметно переходили из ребяческого возраста в учебный, когда женские заботы о здоровье и welfare сменяются мужским руководством в школе.

Заботы о детях лежали на Александре Степановне, которой во всем помогала Софья Карловна Дикгоф. Она поступила к Рябушинским почти со школьной скамьи немецкой Петропавловской школы в 1876 году 22 лет и до сих пор остается незаменимым членом семьи Рябушинских.

С девяти лет дочери учились в гимназии, а сыновья определялись в приготовительный класс Академии Практических наук или в реальное училище Воскресенского и с этого возраста имели гувернеров-иностранцев для

того, чтобы облегчить усвоение языков. Дети учились хорошо, и большинство из них кончало школу с золотыми медалями. Летом учащаяся молодежь отправлялась на фабрику, где жила окруженная атмосферой фабричных вопросов и интересов. Павел Михайлович рекомендовал заведующим разными отделами фабрики знакомить детей практически с той или другой специальностью, но это ознакомление достигалось само собой одним только пребыванием на фабрике, а время молодежи, хотя и работавшей несколько в мастерских, уходило более на отдых; после душевных школьных стен их тянули к себе верховная езда, охота, а не изучение фабричного дела.

По окончании курса академии старших сыновей Павел Михайлович посылал за границу для ознакомления с той отраслью дел товарищества, в которую ему хотелось направить того или другого сына. Он настолько торопился увидеть детей работающими в деле, что старшего сына Павла Павловича взял, было, из школы ранее окончания им курса и велел ему заниматься в амбаре, но вскоре осознал свою ошибку и уступил просьбам сына дать ему докончить курс академии.

Любовь к делу жила в Павле Михайловиче так же страстно, как и в отце его Михаиле Яковлевиче, и наступившая старость заставляла особенно нетерпеливо относиться ко времени вступления сыновей в коммерческую жизнь. В 90-х годах уже четверо из его сыновей работали в деле, и Павел Михайлович, умирая в 1899 году, мог быть спокоен за созданное им дело, так как сознавал, что оно находится в умелых и дружных руках.

Мы уже указывали, что Торговый дом П. и В. бр. Рябушинских вел в значительных размерах учет первоклассных торговых векселей. При жизни Павла Михайловича эта деятельность в товариществе продолжала развиваться, и среди лиц, кредитовавшихся одним из крупных был известный торгово-промышленный деятель юга — А. К. Алчевский, который незадолго до своей трагической кончины для реализации долга продал Рябушинским часть своих акций Харьковского земельного банка.

В 1901 году, когда разразился крах во всех делах, руководимых покойным Алчевским, братьям Рябушинским, оказавшимся самыми крупными акционерами Харьковского земельного банка, пришлось войти ближе в дела банка. На место старого правления было выбрано общим собранием новое, в состав которого вошли: Вл. П. Рябушинский, М. П. Рябушинский, П. П. Рябушинский, Вл. Гр. Коренев, Е. П. Лапкин, М. Ил. Антропов и П. К. Котов. Пришлось пополнить часть утраченного прежним правлением капитала и выпустить новые акции, причем этот выпуск был гарантирован товариществом мануфактур П. М. Рябушинского с сыновьями.

За последние десять лет дела Харьковского земельного банка приведе-

ны в нормальное для русского земельного кредита состояние. Дивиденд 1911-1912 годов был 26 рублей на акцию, причем цена акций, в начале 1901 года, стоявшая в 266-268 рублях и упавшая во вторую половину этого года до номинальных 200 рублей, в настоящее время, в 1912 году, держится в 455 рублях. Выпуск закладных листов, упавший в 1901 году до 92 миллионов рублей, в настоящее время достигает суммы 142 миллиона рублей.

Наличность капитала, не находящего себе помещения в собственные промышленные дела, неминуемо побуждает совершать кредитные операции: учет векселей или покупку и продажу процентных бумаг.

Эти операции издавна совершались Рябушинскими, которые в 1902 году решили придать им более организованную форму банкирского дома. В этом деле участвовали: П. П. Рябушинский, С. П. Рябушинский, Вл. П. Рябушинский, Ст. П. Рябушинский, М. П. Рябушинский, Дм. П. Рябушинский и Ф. П. Рябушинский. Основной капитал был объявлен — 5.000.000 рублей. В Банкирском доме было три распорядителя — П. П. Рябушинский, Вл. П. Рябушинский и М. П. Рябушинский. Доверенным Банкирского дома состояли: Ал. Вл. Кисляков, Н. М. Крашенников и Р. Г. Штесс.

В течение десяти лет деятельности Банкирского дома он открыл 12 отделений: в 1906 году — в городе Вышнем Волочке, в 1908 году — в городе Ржеве, в 1909 в С.-Петербурге и Ярославле, в 1910 — в Иваново-Вознесенске, Витебске, Вязьме, Костроме, Сергиевом Посаде и Смоленске, в 1911 году — в городах Острове, Пскове, Сычевке и Богородске.

Обороты этих отделений Банкирского дома были следующие:

Отделения:	1908 г.	1909 г.	1910 г.	1911 г.
	руб. коп.	руб. коп.	руб. коп.	руб. коп.
Ржевское	20 784 479 25	38 373 128 75	49 476 276 34	59 713 610 72
В. Волоцкое	9 861 392 18	11 289 792 20	14 471 512 69	17 648 671 85
С.-Петербург.		9 413 222 22	346 108 569 58	496 901 046 77
Ярославское		3 038 350 96	67 319 833 67	67 143 939 80
Иван.-Вознес.			4 561 564 02	58 844 601 68
Смоленское			1 964 383 62	24 815 483 77
Витебское			1 173 963 13	18 530 818 46
Костромское			1 010 682 90	15 841 076 17
Серг.-Посад.			849 156 58	8 053 673 61
Вяземское			787 889 —	21 610 771 12
Богородское				18 384 718 22
Островское				1 847 810 18
Псковское				1 561 653 35
Сычевское				193 168 14

Обороты московского правления Банкирского дома были следующие:

Год	Руб.	коп.
1902	3 019 975	95
1903	33 695 311	60
1904	71 777 152	82
1905	313 424 424	86
1906	642 866 796	34
1907	660 628 663	78
1908	742 347 218	31
1909	915 941 883	21
1910	1 197 219 114	92
1911	1 423 286 596	47

Выбор мест для открытия отделений Банкирским домом показывает на сосредоточивание им своей деятельности исключительно в нечерноземной России и по преимуществу в районе развития льноводства и мануфактурной промышленности. Из этих районов первый до сих пор слабо был обслуживаем организованным кредитом, между тем как население его издавна выделяет из себя торговые и промышленные силы, без кредита не могущие на местах развить до значительных размеров свои дела.

Десятилетняя работа Банкирского дома не имела в сущности самостоятельного значения: она была как бы школой, которая вырабатывала необходимый опыт и подготовляла служебный персонал для более широкой и устойчивой банковской организации, которая при акционерной форме могла бы работать, привлекая к себе русский капитал.

С января 1912 года Банкирский дом братьев Рябушинских преобразовался в акционерное предприятие под названием «Московский банк», с основным капиталом в 20 миллионов рублей к 1 января 1913 года. Названием своим банк должен был выразить свою связь с московским купечеством, из которого многие являются учредителями банка. Кроме Павла, Сергея, Владимира, Степана, Михаила и Дмитрия Павловичей Рябушинских, в число учредителей вступили: М. Н. Бардыгин, Ал. Ф. Дерюжинский, Ал. Андр. Карзинкин, Ал. Г. Карпов, Н. Т. Каштанов, Ал. Ив. Коновалов, Вл. Гр. Коренев, Гр. Ал. Крестовников, Ал. Ив. Кузнецов, Ив. П. Кузнецов, Гр. Ив. Мальцов, Ив. Абр. Морозов, В. В. Носов, М. Ал. Павлов, Л. Арт. Рабенек, Д. В. Сироткин и С. Н. Третьяков.

Развивая финансовую деятельность товарищества, третье поколение Рябушинских не меньшее внимание уделяло и промышленным делам фирмы.

Через месяц после кончины Павла Михайловича Рябушинского 30 января 1900 года, в Заворове произошел громадный пожар, уничтоживший прядильную и ткацкую фабрики. Этот пожар заставил товарищество приняться за переустройство обеих фабрик, оборудовав их вновь машинами и приняв во внимание все наличные усовершенствования в технике прядильного и ткацкого дела. С 1901 года для отопления фабрик начата разработка тремя машинами торфяных болот, но в то же время лесная площадь, принадлежащая товариществу, продолжала увеличиваться, и в течение последних 12 лет было приобретено 27 тысяч десятин. Фабрики соединены с Николаевской железной дорогой рельсовым путем. Для рабочих построена трехэтажная казарма на 130 семейств. Построено новое большое здание для фабричной школы. В настоящем году построена центральная силовая станция для обслуживания всех фабрик энергией.

В связи с покупкою лесов товарищество за последние годы начало развивать свое лесоторговое дело.

Стремясь по возможности помещать в промышленные дела свободный капитал, товарищество за последние десять лет вышло из своих прежних рамок мануфактурной промышленности и имеет целый ряд новых дел: писчебумажное, стекольное, типографское и др.

Из восьми сыновей Павла Михайловича совместно работают в настоящее время шесть братьев, так как Николай Павлович Рябушинский, не имея склонности к торгово-промышленным делам, выделился и вышел из состава товарищества мануфактур П. М. Рябушинского с сыновьями. Младший же из братьев Федор Павлович работал только три года и скончался в 1910 году от скоротечной чахотки.

Главными работниками в различных делах товарищества являются Павел Павлович, Сергей Павлович, Владимир Павлович, Степан Павлович и Михаил Павлович, так как Дмитрий Павлович хотя и участвует во всех делах товарищества, но главным образом занят научной деятельностью в устроенном им Аэродинамическом институте для разработки вопросов воздухоплавания. В настоящем году он дополнил его постройкой гидродинамической лаборатории на реке Пехорке.

Покойный Федор Павлович оставил о себе память как инициатор и организатор научной экспедиции по изучению Камчатки. С целью лучшего ознакомления с Сибирью он пригласил А. А. Ивановского прочесть ему полный курс географии, антропологии и этнографии Сибири, Федор Павлович отнесся к этому курсу с громадным интересом; во время лекций он аккуратно вел записки и заметки; немедленно приобретал рекомендуемые для прочтения книги и основательно знакомился с ними; в конце концов у него составила обширная библиотека книг о Сибири, как русских, так и

иностраных, а также большое собрание географических карт и атласов. В первой половине курса, когда давалась подробная характеристика Западной Сибири, Федор Павлович особенно заинтересовался Алтаем, его природою и кочевым населением. В это время впервые у него зародилась мысль снарядить научную экспедицию в Алтай и он хотел осуществить ее в ближайшее же лето. Но когда в дальнейшем развитии курса Федор Павлович познакомился с нашими дальневосточными окраинами, наибольшее его внимание привлекла к себе Камчатка. Он был поражен, как мало она изучена, он удивлялся, как может оставаться необследованным такой обширный край, равный по площади всей Пруссии, край с такой своеобразной природой. Мысль об организации Камчатской экспедиции всецело овладела Федором Павловичем, и он деятельно стал готовиться к ее осуществлению. Прежде всего он познакомился с организациями крупных иностранных экспедиций и в особенности с экспедицией американца Джезупа на крайний северо-восток Сибири. Затем он начал вырабатывать план собственной экспедиции в Камчатку, причем на первых же порах ему пришлось убедиться, что выработка этого плана — дело чрезвычайно большой трудности как за отсутствием необходимых данных в литературе и за невозможностью добыть эти данные на месте в Камчатке. Одно время Федор Павлович совсем уже решил самому сделать предварительную, рекогносцировочную поездку в Камчатку, что несомненно намного облегчило бы дальнейшую работу исследования. Но быстро развивавшийся туберкулез легких помешал осуществить эти планы.

На Камчатскую экспедицию Ф. П. Рябушинский пожертвовал 200 000 руб. По его мысли она должна была поставить своей целью возможно подробное и разностороннее исследование полуострова Камчатки, а потому для достижения этой цели необходимо было участие значительного числа специалистов, выбор которых и определил успех задуманного Федором Павловичем дела.

II

П. М. Рябушинский был женат на Александре Степановне Овсянниковой, дочери петербургского миллионера, известного своим процессом, про который русские юристы говорили, что он являлся необычно ярким свидетельством неподкупности русского суда.

Павел Михайлович Рябушинский умер в декабре 1889 года. Во главе стал старший сын, Павел Павлович. Вначале он занимался только банковскими и промышленными делами своей семьи, но затем, — примерно с 1905 года, — принялся за общественную деятельность и сразу занял в ней выдающееся место. Впоследствии он был председателем Московского биржевого комитета, членом Государственного совета по выборам от про-

мышленности, председателем Общества хлопчатобумажной промышленности, председателем Всероссийского союза промышленности и торговли и видным старообрядческим деятелем. Им была создана газета «Утро России», считавшаяся органом прогрессивного московского купечества, а сам он был сравнительно левых настроений и не боялся их высказывать. Говорил он не плохо, но свои речи тщательно подготовлял, — никогда не говорил экспромтом. Одной из его любимых тем было осознание купечеством своей роли в хозяйственной жизни и необходимость для купцов оставаться купцами, а не переходить в дворянство. Говорил он прямо то, что думал, иногда нарочито заострял вопрос и не старался приспособляться к настроениям своего собеседника. Когда, во время войны, по инициативе князя Львова и Астрова, Земский и Городской союзы решили послать делегацию к государю, в составе шести человек, — по три от каждого из союзов, — то Городской союз, наряду с М. В. Челноковым и Н. И. Астровым, выбрал П. П. Рябушинского и не выбрал А. И. Гучкова, который также был кандидатом; помню, как многие из участников Городского съезда, где происходили выборы, говорили: Рябушинский царю правду скажет.

Не боялся он и ответственности и не хотел перекладывать ее на других. Помню, как однажды, в «Утре России», в руководстве которым я, с 1911 года, принимал немалое участие, возник вопрос о напечатании статьи фактического ее редактора против весьма непопулярного министра внутренних дел Н. А. Маклакова. Маклаков, как известно, был назначен министром после убийства Столыпина, будучи черниговским губернатором, с которым царская семья при поездке в Киев в сентябре 1911 года познакомилась. Н. А. Маклаков был талантливый рассказчик и отлично подражал животным. Коронным его номером был «прыжок влюбленной пантеры»; под этим заглавием и должна была появиться статья в газете. Помню, что голоса разделились: некоторые боялись, что газету закроют, а номинальный редактор очень пострадает. Павел Павлович, настаивавший на напечатании статьи, заявил, что ответственность берет на себя и готов подвергнуться возможным карам. Статья была напечатана, и газета подверглась суровой репрессии.

Моя общественная работа и на бирже и, частью, в политике (Московская группа партии прогрессистов) прошла в близком соприкосновении с Павлом Павловичем, и в дальнейшем мне придется немало о нем говорить. Скажу сейчас только, что его общественная работа была омрачена его тяжелой болезнью — туберкулезом, который начался у него во время войны.

Жил он на Пречистенском бульваре, в доме, который раньше принадлежал Сергею Михайловичу Третьякову, бывшему городскому голове и одному из создателей галереи. Дом был большой, не слишком парадный и со вкусом обставленный. Он памятен мне не по большим приемам, которые

бывали сравнительно редко, а по бесконечному количеству заседаний там происходивших. Особенно помню нашумевшие когда-то «экономические беседы» объединений науки и промышленности. Правда, науки были представлены не очень многочисленно, но «промышленности» было много, хотя приглашали с разбором, главным образом тех, кто мог принять участие в беседе. Председательствовал на этих собраниях, с большим блеском, профессор С. А. Котляревский.

Владимир Павлович был в правлении Московского банка и много занимался общественной деятельностью, участвуя в тех же учреждениях и сообществах, где был его старший брат. Но сверх того, он был гласным Московской городской думы, но городскими делами занимался сравнительно мало; очень интересовался «Утром России», где мы с ним довольно часто встречались. Вообще приходилось много иметь с ним дела. Меня всегда поражала в нем одна особенность, — пожалуй, характерная черта всей семьи Рябушинских, — это внутренняя семейная дисциплина. Не только в делах банковских и торговых, но и в общественных, каждому было отведено свое место по установленному рангу, и на первом месте был старший брат, с которым другие, в частности Владимир Павлович, считались и, в известном смысле, подчинялись ему.

Степан Павлович заведовал торговой частью фирмы, но больше был известен как собиратель икон. Он имел одну из лучших в России коллекций и был в этом деле большим авторитетом. Иконами вообще многие из братьев интересовались, что, в конце концов, выдвинулось уже в эмиграции в создание общества «Икона», которым долгое время руководил инициатор его, Владимир Павлович, увековечивший свое имя этим делом. О-во «Икона» весьма много сделало для популяризации за рубежом и русской иконы, и русской иконописи.

Михаил Павлович также принимал участие в руководстве Московским банком, но его знали в Москве по другому поводу: во-первых, он купил (и жил в нем) дом на Спиридоновке, который раньше принадлежал Савве Тимофеевичу Морозову. Это был нелепо парадный дом. Во-вторых, Михаил Павлович был известен как муж одной из самых признанных московских красавиц. Татьяна Фоминична была дочерью капельдинера Большого театра Примакова, окончила балетное училище и танцевала в кордебалете Большого театра. Потом вышла замуж за отставного полковника Комарова, с ним развелась и вышла за Рябушинского, несмотря на не очень большое образование, она была одной из самых остроумных дам в Москве.

Николай Павлович был художник, эстет, издатель «Золотого руна», владелец нашумевшей в Москве дачи, находившейся в Петровском парке и называвшейся «Черный Лебедь». Эта вилла славилась оригинальностью

меблировки, а устраивавшиеся в ней приемы — своеобразной экзотикой. «Николашу», как его называли в Москве, всерьез не принимали, но он оказался хитрее своих братьев, так как все состояние прожил еще на Родине и от революции не пострадал. У него был вкус и знание, и он занимался одно время антикварным делом.

Дмитрий Павлович — известный ученый, профессор, член-корреспондент Французской академии наук. Работал он в области аэродинамики. У него в имении, станция Кучино Нижегородской дороги, была устроена первая по времени аэродинамическая лаборатория.

ПРОХОРОВЫ

I

Фабрика Прохорова и Резанова, впоследствии товарищество Прохоровской Трехгорной мануфактуры, основана в июле 1799 года Василием Ивановичем Прохоровым и Федором Ивановичем Резановым, как это явствует из письма В. И. Прохорова к Ф. И. Резанову, сохранившегося от начала XIX столетия. Других же официальных документов, свидетельствующих о начале самого производства, не сохранилось; небольшое фабричное производство могло в то время начаться явочным порядком.

Основатели фабрики, как и большинство позднейшего московского купечества, вышли из крестьянской среды.

Отец Василия Ивановича, Иван Прохорович, принадлежал к монастырским крестьянам Троице-Сергиевской лавры, в которой он занимал должность штатного служителя. Ему нередко приходилось с митрополитом бывать в Москве, и здесь, как человек предприимчивый, он пробовал торговать кустарными изделиями Троице-Сергиевского Посада.

В 1764 году, когда у монастырей были отобраны вотчины, он освободился от крепостной зависимости и вскоре же с семьей переехал в Москву на постоянное жительство и приписался к мещанам Дмитровской слободы.

Чем в первое время в Москве занимался Иван Прохорович — неизвестно, но, вероятно, что никакого прибыльного и надежно обоснованного дела он не имел, что и заставило его сына своего, Василия Ивановича, определить на службу приказчиком к одному старообрядцу, занимавшемуся пивоварением.

Таким образом, Василий Иванович Прохоров начал свою самостоятельную жизнь.

Во время моровой язвы, в 1771 году, Василий Иванович тяжело заболел, и хозяин отправил его на излечение к своим единоверцам на Рогожское

кладбище.

Тут, благодаря внимательному уходу старообрядцев, Василий Иванович выздоровел. Но продолжительное пребывание в среде рогожских старцев не прошло для него бесследно: оно сильно отразилось на его духовно-нравственном облике и создало несколько полезных и прочных знакомств среди купцов-старообрядцев.

Сколько времени находился Василий Иванович на службе у старообрядца-пивовара и служил ли он у него по выздоровлении от моровой язвы — сведений не сохранилось, но, несомненно, что знакомство с делом хозяина привело его к мысли открыть свою пивоварню. По всему вероятно, это произошло в начале 80-х годов, так как известно, что 3-го ноября 1784 года Василий Иванович приписался в московские купцы. Жительствовал он в это время в приходе Св. Николая Чудотворца, что в Хамовниках, где и «торг имел пивоваренный».

В своих семейных воспоминаниях сыновья Василия Ивановича, Тимофей и Константин Васильевичи, рисуют его человеком мягким, добродушным и в высшей степени религиозным.

«Кроме обычных утренних и вечерних молений, — пишет Тимофей Васильевич, — он часто любил предаваться молитве в уединении, и во всякое время, когда дух воззовет к молитве...» Несомненно, на религиозность его значительное влияние оказало раннее и продолжительное знакомство со старообрядцами.

Будучи от природы человеком впечатлительным и любознательным, Василий Иванович живо интересовался религиозными вопросами вообще и распрями между господствующей церковью и старообрядцами в частности. Много времени уделял он на чтение книг, преимущественно богословского, религиозно-нравственного и мистического содержания, на религиозные беседы и споры. Эти религиозно-философские беседы и те духовные интересы, которыми жили рогожские старцы, были по душе Василию Ивановичу, и он перешел в раскол.

По своему времени Василий Иванович был весьма грамотным человеком, и, обладая хорошей памятью и склонностью к отвлеченному мышлению, он скоро приобрел большую начитанность по религиозным вопросам. Все это вместе с присущими ему даром слова, мягкостью и добродушием скоро создало ему славу выдающегося начетчика.

Часто в праздничные дни и особенно в длинные зимние вечера он устраивал у себя в доме собрания знакомых и близких, которым и читал разные полезные книги, рассказывал прочитанное или поучал в вопросах религии и нравственности. В этом последнем он всю свою жизнь видел как бы истинное свое призвание.

Целые десять лет Василий Иванович оставался верен старообрядчеству. Потом под влиянием бесед со своим другом, протоиреем церкви Сергия в Рогожской, отцом Евфимием, у него выработалось отрицательное отношение к старообрядчеству. Долгие и мирные беседы с отцом Евфимием в конце концов привели Василия Ивановича к убеждению, что без «церкви и законного священства» нельзя спастись, и он снова перешел в православие. Как видного прозелита, протоиерей Евфимий представил его митрополиту Платону. Получив от Василия Ивановича на предложенные ему вопросы вполне удовлетворительные ответы, митрополит выразил надежду на то, что Василий Иванович будет истинным сыном церкви.

Однако по своим религиозным убеждениям Василий Иванович всю жизнь был скорее единоверцем, нежели православным; но, как и прежде, он остался сторонником веротерпимости и просвещения, основанного на евангельских истинах.

Стремление пропагандировать свои религиозные идеи не оставило Василия Ивановича после обращения; оно даже усилилось в нем, доходило до желания быть епископом, чтобы при этом с большою силой можно было бы насаждать и защищать православие.

Близкою Василию Ивановичу по духу и нравственному складу была вторая жена его, Екатерина Никифоровна, на которой он женился в зрелых летах (ему в это время было 42-43 года, а ей не более 17 лет).

Екатерина Никифоровна была дочерью московского купца Никифора Родионовича Мокеева, происходившего из крестьян села Милятина Медынского уезда Калужской губернии.

Будучи много моложе своего мужа, она вполне прониклась его убеждениями и взглядами на жизнь и людей; трудолюбивая и гуманная, обладавшая светлым умом, она во всем разделяла взгляды своего мужа, тем самым давая ему нравственную поддержку в трудные минуты жизни.

Работала она с утра до вечера и окружающим ее любила говорить, что праздность губительна, свободное же время посвящала молитве, чтению житий святых и пению псалмов.

Преданная жена, Екатерина Никифоровна была матерью, отдававшей всю себя детям, которых у нее было, кроме двух падчериц, четыре сына и четыре дочери.

Она внимательно следила за их воспитанием и обучением, за что и дети до глубокой старости питали к ней самые теплые и искренние чувства.

В записках, оставшихся после Тимофея Васильевича, имеется интересная характеристика Екатерины Никифоровны. Несмотря на некоторую длину ее, мы не можем не привести ее здесь, так как она показывает, и

каковы были эти люди, и каково было представление их об идеальном, так как образ матери в ней явно рисуется идеализированным в благоговейном представлении сына. «Лжи, коварства и лести она не терпела и уклонялась от тех обществ и лиц, в которых эти недостатки не были исправляемы. Детям своим и ближним часто внушала справедливость в делах и словах; совесть была всегдашним судьей ее самой и всех, кто хотел следовать ее советам и наставлениям. С самого детства молитвы в уединении и чтения псалмов и житий святых занимали ее каждодневно и неоднократно. Чувствуя скуку и уныние, отчего бы они ни происходили, она тотчас становилась на молитву или читала Пролог и другие жития святых, и скука оканчивалась слезами и успокоением. Часто слышали мы, как она пела псалмы; «Живый в помощи Вышняго» и «Не ревнуй лукавствующим» повторялись чаще других.

Труд занимал ее с утра до вечера. Без занятий не оставалась она ни в какое время и всегда говорила, что праздность губительна для всех. Даже в последние годы жизни слепота очей и тяжкие предсмертные скорби не останавливали ее от занятий рукодельных. Детям своим она внушала целомудрие и благословенную брачную жизнь, советуя им от помыслов ограждать себя молитвою и душеполезным чтением, удаляться неизвестных, кольми паче соблазнительных товариществ и не читать соблазнительных книг. Просто воспитанная жена-гражданка, она первым основанием счастья детей почитала просвещение, основанное на благочестии; дети при родителе начали учение, при ней кончили. Она даже была возбудительницею учения детей в заведениях наших, сама занималась у себя женскою школою и на школу мальчиков радовалась, сама кроила для учеников и учениц рубашки и несколько шила.

С самого раннего детства и до конца жизни, при всех переворотах, никогда не жаловалась, а всегда была довольна и за все благодарила Бога, часто повторяя слова Давида: «Мал бех и состарился и не видел праведника оставленна». Детей своих с самого младенчества приучала молиться Богу, становя их часто молиться с собою; а кто выучивался писать, тех заставляла переписывать канон Кресту и все чтомые на неделе тропари и кондаки святым.

По поступлении нашем к занятиям, говорила, чтобы мы имели страх Божий, жили правдою, уклонялись от всего непозволительного, сохраняли свою совесть в чистоте и непорочности; а в последнее время одно ее подтверждение детям было — иметь между собою любовь и согласие, помнить бедных, особенно родственников не оставлять в нужде, старых и немощных призывать и покоить, а малолетних научить, воспитать и устроить, в темнице сидящих и больных посещать, странных не забывать, никого не огорчать и со всеми иметь мир. Несколько девочек из дальних родственниц,

бедных, она воспитала у себя и выдала замуж с приличным награждением, и, когда некоторые из них оказались неблагодарными, нимало не обижалась, а говорила: «Я не для благодарности делала, а по обязанности христианской».

Семье Прохоровых пивоваренное производство не нравилось, как противоречащее их мировоззрению, поэтому Василий Иванович искал все время случая переменить его на какое-либо другое занятие. Да и Екатерина Никифоровна нередко и с грустью говорила: «Не могу я молиться об успехе твоего дела, не могу желать, чтобы больше пил народ и через то разорялся».

Случай этот представился. Василий Иванович знакомится с будущим вторым основателем фирмы — Резановым, а впоследствии и роднится, выдав за него одну из своих родственниц. Федор Иванович Резанов был сын пахотного солдата Стрелецкой слободы города Зарайска Рязанской губернии. Он рано лишился отца и, чтобы поддержать существование престарелой матери и свое, отправился в Москву. После немалых скитаний энергичный и предприимчивый юноша попадает на одну из ситценабивных фабрик. Здесь приходится исполнять ему множество трудных, нередко непосильных работ. Как человек даровитый, Резанов выучивается грамоте, в совершенстве знакомится с ситценабивным производством и начинает подумывать о выходе из своего зависимого положения. Но трудно было подняться — у него не было ни средств, ни связей в торгово-промышленном мире. Прохоров в это время занимал уже видное общественное положение, пользовался уважением и доверием московского купечества и имел некоторые средства. Благодаря капиталу В. И. Прохорова и его связям в торгово-промышленной среде, Резанов нашел возможным применить свои знания к делу, а Прохоров, благодаря знаниям Резанова, вложил свои деньги в производство, которое ему нравилось.

В июле 1799 года они заключили словесный договор на устройство в Москве ситценабивной фабрики. Договор заключался в том, что они дали друг другу слово работать вместе пять лет, 9 частей прибыли делить пополам, а десятую — «Резанову за его знания и распоряжение».

Свою мануфактурно-промышленную деятельность Прохоров и Резанов начали в наемных помещениях, но где именно, прямых на то указаний не имеется. По всей вероятности, это были фабричные помещения во владениях князей Хованских, находившиеся за речкой Пресней и составляющие ныне то самое место, где расположены владения г-жи Беляевой и конный двор товарищества Прохоровской Трехгорной мануфактуры. Ровный скат на южную сторону, близость Москвы-реки, пруд с чистой водой благоприятствовали устройству ситценабивной фабрики, для которой необходимы

были и ровный открытый луг для бельников, и чистая вода для мытилки.

После 1812 года успеху дела главным образом способствовало то обстоятельство, что в Москве Прохоровым совсем не было конкуренции: все ситценабивные фабрики после нашествия французов находились в полном разрушении. Центром этой промышленности стал Иваново-Вознесенск. В своей книге «Город Иваново-Вознесенск» Я. М. Гарелин говорит: «Все фабричные обороты и деятельность московских фабрик перешли в то время в руки ивановских фабрикантов. Работы, производящиеся на здешних фабриках день и ночь, увеличили производство непомерно; набойщики зарабатывали тогда до 100 рублей в месяц, не слишком обременяя себя работой. В это время набойщика не стесняло ничто — ни аккуратность в набивке, ни точность соблюдения раппорта в рисунках». Самое производство ситцев того времени Гарелин называет горшечным, а самих производителей ситцев горшечниками. Из этих-то горшечников впоследствии и вышли солидные фабриканты. «Процесс перехода совершался так, — рассказывает Гарелин, — прилежный и ловкий набойщик, при помощи своего небольшого семейства, например, жены и двух сыновей, мог приготовить до 20 штук ситцев в день, т.е. набить миткаль, предварительно выбеленный, одной или двумя красками, вечером их смыть, а в ночь высушить; на другой день, накрахмалив и опять высушив, прокаландрировал у посторонних, где ему складывали ситец в штуки, прессовали, и в таком опрятном виде товар поступал в распоряжение набойщика. Поутру в базарный день, этот горшечник продавал свои товары в том же Иванове купцам, приезжавшим из разных мест для покупки ситцев. Таким образом, не отходя от своего семейства, подобный набойщик, продавая каждый базар по 20 штук своего ситца, получал на худой конец 40 рублей чистой выгоды. К концу года у него уже составлялся значительный капитал». При этом ситцы красились прочно только одним колером; если же колеров было два или три, то эти последние редко закреплялись, были «верховые», т.е. смываемые, линючие.

Действительно, период времени после двенадцатого года до тех пор, пока сожженная Москва не вступила в свою обычную колею, должен считаться в истории Прохоровской мануфактуры и Иваново-Вознесенска одной из лучших страниц. В это время за счет Москвы мелкие кустари Иванова делались крупными фабрикантами, а Тимофей Васильевич через какие-нибудь два года увеличил свое производство в десять раз.

Росту промышленных предприятий способствовали и другие причины. С восстановлением мира в Европе в 1814 году все отрасли промышленности, а хлопчатобумажная в особенности, стали развиваться с неимоверной быстротой. Главным двигателем в этом деле было применение паровых машин, произведшее полный переворот во всех видах промышленности. Потребление хлопчатобумажных тканей по размерам торгово-

промышленных оборотов начало выдвигаться на первый план во всех странах. Россия не могла остаться равнодушной ко всеобщему промышленному оживлению; она, должна была приняться за изыскание новых способов для развития своих производительных сил. Правительство со своей стороны на этот раз пошло навстречу интересам хлопчатобумажной промышленности: оно в течение целого десятилетия держалось строго запретительной торговой политики.

Попав в благоприятное течение промышленного потока, Тимофей Васильевич, при своих выдающихся дарованиях, быстро подвигался вперед, развивая и расширяя свое фабричное дело, несмотря на то, что глава семьи и фирмы почти совсем перестал принимать участие в своем промышленном деле. Здоровье Василия Ивановича все более и более ухудшалось; наконец, болезнь свела его в могилу. Он умер в 1815 году, в то время, когда дела фабрики были уже в блестящем положении. Все свое движимое и недвижимое имущество Василий Иванович завещал жене и детям в нераздельную собственность. Со смертного одра он советовал детям держаться в жизни тех правил, которые и ему самому служили основой во всех его поступках: «Любите благочестие и удаляйтесь от худых обществ, никого не оскорбляйте и не исчисляйте чужих пороков, а замечайте свои, живите не для богатства, а для Бога, не в пышности, а в смирении; всех и, кольми паче, брат брата любите».

После смерти отца Тимофей Васильевич становится полным руководителем предприятия при деятельном участии своих братьев. В лице отца он потерял твердую нравственную опору, испытанного духовного руководителя, но, верный его заветам и полученному в доме родителей воспитанию, он, как и все семейство Прохоровых, старается не уклоняться от намеченного пути.

Но часто бывает, что в своем увлечении при быстром житейском плавании человек и на малой мели может потерпеть большое крушение; так и в жизни Тимофея Васильевича было не мало мелей, сопровождавшихся более или менее значительными крушениями. Особенно глубоко в его памяти сохранился случай 1817 года, из которого он извлек поучительный для себя урок. Рассказывая об этом в своей автобиографии, он предостерегает сына от тех неприятных внутренних мучений, которые рождаются следствием таких человеческих пороков, как заносчивость, гордость, неблагодарность по отношению к старшим... «Удача мне, шестнадцатилетнему мальчику, не во всех отношениях послужила на пользу: я сделался гордым, даже против братьев, грубым и неблагодарным к родителям... в 1817 году в январе месяце потерпел достойное поношение и унижение против Бога, родителей и всех меня знавших. К оправданию моему не оставалось ни одного слова, кроме смиренной к Богу молитвы и покорности старшим. Долго мне на-

добно было стыдиться не людей только, но и стен за мое преступление».

Это относилось к одному из случаев проявления порока, которым нередко страдают и страдали незаурядные русские люди, — это пристрастие к «пагубному». Тимофей Васильевич был в полном отчаянии, но были добрые и расположенные к нему и семье Прохоровых люди, которые вовремя поддержали неопытного юношу.

Помимо энергии и природных дарований самих владельцев мануфактуры, проявлявшихся в промышленном и торговом их деле, помимо своевременного снабжения фабрики всеми видами усовершенствованных орудий производства и красящих веществ, стать мануфактуре в ряды первоклассных способствовало и еще одно обстоятельство: она обслуживалась прекрасно подготовленным штатом рабочих и мастеровых, получивших техническую подготовку в Прохоровской фабричной ремесленной школе.

Это обстоятельство столь интересно в жизни мануфактуры, что безусловно заслуживает быть занесенным на страницы истории технического образования в России и в историю мануфактурной промышленности. Вопрос о комплектовании фабрик и заводов опытными мастерами и рабочими у нас в России, в большинстве случаев, разрешался в XIX столетии (нередко и теперь это делается многими) очень просто: за солидное вознаграждение выписываются иностранцы; братья Прохоровы в этом деле пошли собственным путем, с которого до сих пор не сходят и их потомки. Начало этому было положено сыном основателя мануфактуры Тимофеем Васильевичем.

Еще в первые годы своей деятельности Тимофей Васильевич обратил серьезное внимание на грубое и невежественное состояние мастерового народа. Не только хорошо грамотные, а даже умеющие кое-как читать и писать попадались в то время среди рабочих очень редко. Не отличалось особым просвещением и большинство владельцев всевозможных предприятий. Об устройстве же учебных заведений для широкой забитой крепостной массы в обществе не говорили, и ко всякой попытке сделать что-либо для просвещения рабочей массы относились тогда отрицательно.

Таким образом, большинство населения было обречено на полный застой во всех областях жизни. Только немногие лучшие люди сознавали это и, по мере сил, старались проводить в жизнь новые понятия. К числу таких людей, несомненно, принадлежал и Тимофей Васильевич Прохоров.

В начале своей промышленной деятельности умный юноша ясно видел, что русскому рабочему при врожденной его сметливости недостает общего развития для усвоения технических знаний; он понимал, что без образования рабочей массы не может развиваться наша промышленность. И вот, сам с жаром предаваясь образованию, Тимофей Васильевич берется за дело

просвещения своих рабочих.

Сначала Тимофей Васильевич сам лично занялся обучением взрослых рабочих чтению и письму. Как и следовало ожидать, рабочие намерение своего хозяина, да еще молодого, сочли за праздную затею. Быть может, никогда не чувствовавшие стремления к свету, оступевшие в труде, зачерстевшие в невежестве, они не могли понять значения образования и не видели для себя необходимости в грамоте. Это было около 1815-1816 года.

Холодно встреченный в своих начинаниях, Тимофей Васильевич не мог оставить без воплощения той мысли, в правоту которой он безусловно верил: он не мог отказаться от намеченной им цели — поднять умственную и нравственную сторону русского рабочего.

«Должно быть, к решению вопроса я подошел не с той стороны, — сказал себе Тимофей Васильевич, — недаром сложилась в народе поговорка: «горбатого исправит только могила». Недаром и в Писании сказано, что новое вино не следует вливать в старые меха». Впоследствии Тимофей Васильевич, встретив полное сходство своего вывода с мнением Лейбница, как афоризм выписал его слова: «Преобразование человеческого рода совершается с преобразованием молодого поколения».

Он решил впредь свою фабрику пополнять рабочими, получившими правильное обучение с детства, для чего в 1816 году основывает при своей фабрике ремесленную школу.

Учебно-воспитательное дело в школе было организовано просто и практично: дети часть дня обучались в фабричных мастерских различным мастерствам и производствам и часть дня проводили в школе. В программу школы входили: Закон Божий, русский язык, арифметика, чистописание и рисование линейное (т.е. черчение) и узорное. Широта курса программы Прохоровской школы того времени станет для нас понятной только после того, когда мы вспомним, что учение в то время шло чрезвычайно медленно по церковнославянской азбуке, составлявшей первую и трудную ступень образования, и чаще всего заканчивалось умением читать Часослов и Псалтырь. Присутствие же в программе «русского языка» говорит об обучении чтению и письму «гражданскому». Арифметика и графические искусства и подавно должны были резко выделять школу из ряда народных школ, которые, сами по себе, тогда были редкостью.

Школьное обучение велось по вечерам, днем же каждый из мальчиков занимался на фабрике тем мастерством, которое ему было по силе и соответствовало его способностям. Так, одни занимались набойщицким делом, другие резным или рисовальным искусством, третьи крашением и т.д.

Хотя обучение в школе и велось приглашенными учителями, тем не менее, Тимофей Васильевич ежедневно заходил в школу и зорко следил за

тем, как дети относятся к учебному делу. Что же касается обучения мальчиков тем или иным фабричным производствам в мастерских, то мастерам строго вменялось в непременную обязанность помогать ученикам и руководить их в занятиях. Постоянное же присутствие хозяина на фабрике не допускало возможности неисполнения его воли. На фабрике он успевал всюду быть и все видеть: ни одно дело не начиналось без его личного надзора, без его непосредственного распоряжения. Он давал свои указания и набойщикам, и ткачам, он руководил крашением и красковарением, присутствовал на мытилках (плотах, с которых в Москве-реке промывался окрашенный или набитый товар). Такая лихорадочно-неустанная деятельность Тимофея Васильевича имела огромное воспитательное значение. Мастерские не только исправнее и аккуратнее работали, но, главное, не могли вести никакого неприличного разговора. Они очень хорошо знали, что их хозяин не мог терпеть ни сквернословия, ни неблагопристойных разговоров. От старших он требовал, чтобы они были для младших примером трудолюбия, искусства в работе, а главное — в благонравии.

В течении второго и третьего десятилетия школа была незначительного размера: в ней обучались до 30 мальчиков — детей рабочих и бедных жителей Москвы, которые принимались Тимофеем Васильевичем по контракту на 4-5 лет. Большинство питомцев и по выходе из школы оставались на службе у Прохоровых.

В 1830 году, во время холеры, в Москве осталась масса осиротевших детей, обреченных на полную гибель. Прохоровы, чтобы хотя некоторой части их облегчить участь и обеспечить будущее, набрали в свою школу до 100 человек детей обоего пола. Школа выросла до значительных размеров.

Устроив так школу, Тимофей Васильевич получил от нее блестящий результат. Жизнь вполне оправдала его ожидания.

Поставив свою фабрику в ряды первоклассных, Тимофей Васильевич не мог не видеть, что при отсутствии технического образования русская промышленность не в состоянии пойти рука об руку с европейской. Он видел, что одна Прохоровская школа может дать русской промышленности слишком ограниченное количество подготовленных работников. Поэтому он искренне хотел, чтобы его первый и единственный в своем роде пример по образованию рабочих нашел себе подражание. «С этой целью он решил отдать свои действия на суд общества и назначил ученикам своим произвести открытое испытание. Приглашены были известные в обществе лица из купечества; посетителей собралось немало, и их вниманию были представлены не только познания учеников в некоторых науках, но и опыты мастерства их, и все посетители были удивлены их успехами. Это было в начале 1832 года».

Удовлетворенный успехом своей школы, Тимофей Васильевич решил идти дальше в том же направлении. Он предложил московским мануфактуристам общими силами основать в Москве технологическое училище и решил посвятить себя делу технического образования. Для приобретения необходимых сведений в области технической, а равно по вопросам педагогического характера, Тимофей Васильевич весной того же 1832 года отправился в Германию. Там он один объехал все более замечательные мануфактурные центры, побывал и во Франции, но только в одном Мюльгаузене. Наряду с мануфактурами Тимофей Васильевич знакомился с механическими и химическими заводами, как имеющими прямое и непосредственное отношение к мануфактурному делу. В особенности же внимание его было обращено на постановку в Германии народного образования. Он посещал университеты, музеи и, главным образом, народные школы. Всюду он старался заметить то, что могло быть с пользой приложенным на родине.

Возвратившись к осени в Москву, Тимофей Васильевич вместе с братом своим Константином Васильевичем выработал проект технологического института. Обязанность директора этого училища он безвозмездно брал на себя, а в том случае, если бы купечество отказало ему в доверии, предлагал из собственных средств платить жалованье тому лицу, которое будет избрано для этой цели.

Но ни купеческое общество, ни правительство не откликнулись на призыв человека, для которого, по его словам, «филантропия была главным предметом забот и упражнений», которого «общественная служба и христианская философия отвлекали от промысла, но здоровье и жизнь услаждали».

Во время своего путешествия в 1832 году Тимофей Васильевич старался изучить и условия иностранной торговли. Перед отъездом за границу он прожил значительное время в Петрограде, стараясь ознакомиться с его биржевыми делами, в особенности с торговлею хлопком и английскою пряжей. Сделав непосредственно у английских и голландских поставщиков несколько покупок пряжи, он увидел, что для такого рода деятельности он мало подготовлен и что капитал его не таков, чтобы с ним можно было вести крупные обороты заграничной торговли. Главное же, что ему при этом мешало, было то, что Домыслы его были сосредоточены на вопросах технического образования, которым он вознамерился окончательно себя посвятить.

В то же время у Тимофея Васильевича созрела мысль, путем издания технического журнала, заняться распространением промышленно-технических сведений в России. В успех этого предприятия верили и бра-

тья, так как они в Тимофее Васильевиче видели человека, которого «судьба вызывает на что-то необыкновенное» (Я. В.). Но намерение это осуществить ему не пришлось. Коммерческие же дела, которыми в это время Тимофей Васильевич занимался в Петрограде, были настолько неудачны, что мягкий и деликатный Яков Васильевич не мог удержаться, чтобы не написать: «Нам утешительно знать от Вас, что Вы в Петербурге время не скучно проводите и находите для себя нечто полезное и, в особенности, что всего драгоценнее для Вашего здоровья, и хотя не ручаетесь за общую нашу пользу, по временам мы не отчаиваемся; конечно, Ваши покупки, как видится, не слишком для нас интересны... но мы от Вас надеемся иметь особенную пользу, относящуюся до мануфактурных сведений; в этом мы полагаем всю цель Вашего путешествия».

До сих пор Яков Васильевич на брата смотрел с благоговением и, пошлав ему письмо с укоризною, сам испугался своего поступка, а потому до получения ответа вновь пишет: «Может быть, я еще по неопыту не могу передать на бумаге тех чувств и тех выражений, коими довольствуются родные сердца; но поверьте, что мое сердце навсегда пребывает к Вам в прямой любви, и чувства мои, как к старшему брату, наставнику и попечителю, всегда преисполнены уважения; но таковые объяснения мои были на Ваши письма в духе несколько расстроенном (я сам себя сознаю малодушным, ибо мой дух не всегда соотнобщается с разумом: что помыслил, то и сделал, а после об этом и буду рассуждать и беспокоиться). После я раздумал, на что я так писал?.. И теперь сколь прискорбно сердцу моему, если я мог быть причиною Ваших беспокойств. Ныне вполне сознаю неосмотрительность свою и прошу Вашего прощения: простите и успокойтесь, любезнейший братец».

Авторитет Тимофея Васильевича в глазах братьев был слишком велик, чтобы они могли сразу счесть себя самостоятельными. Прежде чем провести в жизнь какое-либо новое дело, Яков Васильевич советуется с Тимофеем Васильевичем, но чем дальше, тем все больше и больше проглядывает в этих советах предрешенности.

«Наши дела текут, — пишет он 25 января 1832 года, — общим порядком, торгуем изрядно, но, к сожалению, за кашемировыми ситцами и шлафроками все остановка, и более происходит от недостатка тканья, коего необходимо поприбавить. И, кажется, фабрика около Серпухова нам будет весьма кстати».

И Серпуховская фабрика вскоре же арендуется. В феврале того же года он пишет Тимофею Васильевичу: «Украинская нам торговля, кажется, совсем бесполезна, ибо производство там малое, а расходы большие. Вот Крещенская ярмарка торговала на 28 тысяч, и это еще не худо, а расхода,

исключая жалованья приказчикам, до 1 000 рублей, также и в кредит тоже на 7 000 рублей там отпускает. Итак, если все счастливо, то на круг копеек 10 на рубль расходов лишнего ляжет, а цены и 2 копейки в рубле против московских разницы не имеют. Да теперь братец Иван Васильевич занялся хозяйственно ткацкою фабрикою, и украинская часть как бы в чужих руках. Итак, не посоветуете ли, окончив сборную ярмарку, вместе с приказчиками товар в Москву возвратить. Поверьте, так сделать будет полезнее и дело пойдет аккуратнее». И торговля в Украине прекращается.

В это время общее руководство всем предприятием переходит в руки Якова Васильевича, влияние которого в семье все возрастало, несмотря на то, что он был самым младшим ее представителем.

Чтобы свободно можно посвятить свою жизнь, свои знания, приобретенное состояние делу, которое стало близко сердцу, Тимофею Васильевичу решил отделиться от братьев и пойти своей дорогой. По своим воззрениям и складу ума Тимофей Васильевич является столь крупною личностью, что то биография, написанная о. И. Благовещенским, помещалась в школьных хрестоматиях (Хрестоматия Сухотина и Дмитриевского, издание 1862 года, стр. 117-150).

Тимофей Васильевич Прохоров принадлежал к разряду идейных общественных тружеников, о которых в потомстве долго хранится добрая память.

Те убеждения, которые были заложены в Тимофее Васильевиче семейным воспитанием, основанным на религиозно-нравственных правилах, оставались руководящими началами в нем всю его жизнь. В своем рассуждении «О богатении» он приводит ту мысль, что богатство допустимо иметь только в том случае, если оно употребляется на помощь обездоленным или способствует тем или иным путем духовно-нравственному совершенствованию людей. Хотя эта мысль определенно была высказана и в зрелом уже возрасте, но зарождение ее, вне всякого сомнения, относилось к первым шагам его деятельности. Учреждение фабрично-ремесленного училища в 1816 году, имевшего целью поднять уровень фабричных мастеровых, постоянная забота о развитии этого дела на пользу отечественной промышленности — разве это не живое воплощение высказанных мыслей?

Все хорошие мысли и добрые стремления у Тимофея Васильевича в жизни всегда приводились в живую действительность.

В 19-20 лет Тимофей Васильевич был уже человеком со сложившимся характером и определившимися наклонностями. Ко всякому делу, за какое бы он ни брался, он относился серьезно и вдумчиво. Это резко его выделяло из ряда сверстников по возрасту и положению; его высокие нравственные и умственные качества были у всех на виду. Именитое московское ку-

печество его, еще не вышедшего из юношеского возраста, принимало в свою среду как зрелого человека.

Что же касается местного населения Пресненской окраины, то среди него он пользовался большим уважением. Уже в 1817 году, несмотря на 20-летний возраст, Тимофей Васильевич единодушно избирается в словесные судьи при местном частном доме. Жители Пресни не ошиблись. Как судья, он серьезно, с сознанием высокого гражданского долга, относился к возложенным на него обязанностям. Преследуя одну мысль — дать торжество справедливости — он добросовестно вникал в каждое дело, благодаря чему нередко приходил в столкновение с полицейскими чиновниками. Решительный и настойчивый, он особенное внимание обратил на ускорение решения дел, в особенности тех, которые до него еще лежали под сукном. Это сделало его популярным среди обывателей; говорили, что у них такого судьи никогда не было.

Отличительной чертой характера Тимофея Васильевича была наблюдательность, жажда знания и страсть основательно знакомиться с каждым вопросом. Где бы он ни был, что бы ни видел — все его интересовало, все он хотел изучить, перенять. Он был значительно просвещеннее своего отца: в кругу его чтения, кроме литературы религиозной, отводилось и много места литературе светской — он читал Посошкова, французских и немецких экономистов, интересовался и вопросами философскими... Познания его были обширны и разносторонни. Но при всем этом Тимофей Васильевич оставался глубоко религиозным человеком, строго хранившим веру и заветы своих отцов.

Одаренный пылкой фантазией, он всегда обдумывал какие-нибудь проекты и стремился их осуществить. Родные и близкие часто советовали ему, ради сохранения здоровья, охладить свое рвение к учению, к всевозможным хлопотам и заботам, но он оставался до самой старости таким, как был. «Мне часто говорили старшие: Тимоша, не слишком изнурай себя хлопотами и заботами, побереги свое здоровье: потерявши его, не воротить. Но я всегда был отягощен исполнением необузданных обещаний и захватов. С раннего возраста невозможного исполнить для меня не существовало».

Священник И. Благовещенский, долголетний сотрудник, друг и духовник Тимофея Васильевича, говорит о нем следующее: «Обладея пылким и пронизательным умом, он живо сознавал многие нужды нашего общества, и в особенности, торгового сословия, и в разговорах нередко удивлял своих собеседников обилием глубоких и светлых мыслей. Желая, чтобы добрая мысль скорее переходила в дело, он любил распространять и утверждать ее в других людях и составлял разные проекты для пользы общества, каковы,

например, проекты для развития торговли и для распространения народного образования, для улучшения быта духовенства и усиления его влияния на народ и прочее. Дар слова был у него неистощимый. О всяком предмете, ему известном, он без всякого приготовления мог говорить час и более, не останавливаясь. Он, можно сказать, говорил для себя или думал вслух, а так как говорил всегда с убеждением, то очень часто к концу беседы убеждение его невольно сообщалось и его слушателям. Предметами для своих бесед Тимофей Васильевич избирал или нравственность и обязанности христианские, или практическое хозяйство, или искусства, ремесла и торговлю, или общие правила нравственности в их применении к частным обстоятельствам жизни. В беседах со своими учениками и мастеровыми он всегда старался говорить о том, что знать для них особенно нужно, — о честном труде, об удалении от пьянства, об опрятности в одежде, пище и жилищах, о благопристойности поведения и в доме и на улицах, о милосердии к животным домашним и тому подобное. Всякий случай сколько-нибудь замечательный давал повод Тимофею Васильевичу для того, чтобы сказать несколько добрых слов мастеровым и ученикам школы. Например, наступал ли церковный праздник, — он рассказывал им историю праздника или давал наставление, как проводить время, свободное от работ. Умирал ли кто из известных лиц в столице или где-либо — опять в свободные часы Тимофей Васильевич собирал всех и говорил о качествах и действиях умершего, из его жизни выводил полезные уроки или приглашал к молитве о нем и вообще к поминовению усопших. Сгорел московский театр, — Тимофей Васильевич, случайно бывший на пожаре, по возвращении в дом, собрал всех и, описывая бедствия, указал на самоотвержение тех, которые старались прекратить пожар, на безрассудство праздных зрителей; потом перешел мыслью к пожарам вообще и внушал, как осторожно надобно обращаться с огнем и как должно строить дома, особенно в селах, чтобы пожары не истребляли целых улиц и селений. По возвращении из своих поездок в другие города или за границу Тимофей Васильевич приглашал к себе учеников и мастеровых для свидания и рассказывал им случаи, с ним бывшие, и все в каком-либо отношении для них занимательное и полезное». Вообще речи Тимофея Васильевича, по-видимому, были красноречивы и убедительны; его с интересом слушали не только простой народ и лица собственного круга, но и студенты высших учебных заведений. Вот что пишет г. Ярцев в своей статье «Первые фабричные театры в России» (Историч. вестн. 1900 г., май): «На одной из подмосковных фабрик мне случилось встретить почтенного старца-технолога, который через полвека вспоминал, с каким интересом они, тогдашние ученики технологического института, слушали обращенные к ним речи посетившего институт Прохорова».

Чтобы не быть стесненным в своих действиях, Тимофей Васильевич, с согласия матери и других родственников своих, в 1833 году отделился от братьев.

Неудача с учреждением в Москве технологического училища не остановила Тимофея Васильевича от следования по намеченному им пути. В том же году на Швивой Горке он купил обширный дом, некогда принадлежавший баронам Строгановым. Здесь он решил основать нечто особенное, небывалое — фабрику-школу.

Это учреждение настолько оригинально и замечательно, что никак нельзя обойти его молчанием. На основании огромного запаса сведений по вопросу постановки технического образования, которые накопились у Тимофея Васильевича за его 20-летнюю практическую деятельность, и на основании тех наблюдений, которые он сделал за границей, в его уме создался тип учебно-промышленной фабрики, к устройству которой он немедленно и приступил. В мыслях Тимофея Васильевича ясно нарисован был план занятий в его техническом заведении: обучение мастерам и учебным предметам как общеобразовательным, так и специальным, распределялось так, чтобы дети московских мещан из учеников делались бы мастеровыми, из мастеровых настоящими мастерами и учителями мастерства.

В мае началась перестройка Строгановского дома согласно намеченным целям, а в сентябре уже было открыто и само мануфактурное производство.

В доме, кроме комнат для хозяина, были устроены учебные мастерские, классы для учебных занятий, отдельные спальни как для учеников, так и для мастеровых, помещения для приказчиков, конторы и товаров. Все это было устроено так, чтобы хозяин мог в несколько минут обозреть все части своего учреждения.

Кроме того, было составлено обширное зало, в котором должны были собираться все ученики и рабочие для бесед или для чтения книг духовно-нравственного содержания. Беседы эти велись с благословения митрополита Филарета приходским священником, а иногда вел их и сам Тимофей Васильевич. Тут же производились беседы и чтения по вопросам, касающимся мануфактурной промышленности.

Для начала дела Тимофей Васильевич с фабрики братьев взял несколько хороших мастеровых и учеников из старой своей школы. С вновь принятыми количество учеников достигало значительного числа — их было до 50 человек. Как все это для начала ни было хорошо, но все же тут задуманное Тимофеем Васильевичем далеко не исчерпывалось. Его планы были много шире, но тех средств, хотя и очень больших (у него было до 500 000 рублей ассигнациями), все же было далеко не достаточно.

Нанимая к себе на фабрику ткачей, набойщиков, рисовальщиков, колористов и других мастеров и мастеровых, Тимофей Васильевич заключал с каждым из них договор, в силу которого этим лицам вменялось в обязанность обучать детей мастерствам и быть для них примером в поведении и усердии к работе. Каждый из них обязывался не употреблять бранных слов, не заводить безнравственных разговоров, не допускать грубого обращения. Безграмотный должен был посещать школу.

Мастеровых Тимофей Васильевич нанимал на год, а не сдельно, как это велось на всех фабриках, с тою целью, чтобы работы исполнялись неспешно, чтобы рабочие не имели никакого повода отказываться от учения или посещения устраиваемых для них собраний.

Что же касается самой школы, то она не имела характера проектированного Тимофеем Васильевичем технологического училища, но в то же время совсем не походила и на промышленное заведение. Тут, прежде всего, определялись способности и природные склонности ребенка к тому или другому ремеслу, а затем давались ему посильные работы, входящие в цикл данного ремесла или производства. Физический труд детей чередовался с трудом умственным: мальчики не менее 2-3 часов в день занимались в классах, обучаясь чтению, письму, арифметике, выкладкам на счетах и рисованию линейному (черчению) и узорному. Практические занятия учеников состояли в изучении всех мастерств, которые имели применение в мануфактурном деле. Одни из учеников занимались резным искусством по дереву и металлу, другие обучались набойщицкому мастерству, третьи — ткацкому делу. Некоторые обучались даже мастерствам, далеким от мануфактурного дела, как-то: слесарному, столярному, плотничному и даже сапожному и портновскому.

Знания и умения технического характера человеку даются не сразу, а приобретаются они и усваиваются от постоянного и долговременного упражнения в одном и том же деле; первые два, а иногда и три года ученик-подросток только приглядывается, приспосабливается к делу, проходя предварительные стадии в своем мастерстве. Поэтому, чтобы не выпускать от себя недоучек, Тимофей Васильевич, принимая учеников, заключал с их родителями контракты на 4-5 лет. В школе-фабрике Тимофея Васильевича знания учащимися усваивались не механически лишь, а сознательно.

Через 5-6 лет Тимофей Васильевич располагал хорошим штатом мастеров и мастеровых по всем частям своего производства, и он достиг того, что ни по фабрике, ни по школе, ни по торговле у него не принималось ни одного стороннего работника. Порядок, тишина и миролюбие среди рабочих фабрики были идеально хороши, даже взятые со стороны мастеровые вскоре изменялись к лучшему.

Если в ком-либо из учеников Тимофей Васильевич замечал особые способности и усердие, то в поощрение этого назначал тому приказчице жалованье, доходившее до 200 рублей в год при готовом и улучшенном содержании. Причем тем из них, которые стремились к высшему образованию, он всячески помогал преодолеть всякие трудности на этом пути, приглашая к ним на собственный счет учителей по разным отраслям знаний: по математике, словесности, бухгалтерии, немецкому языку, музыке и пению.

Поставленная таким образом фабрика-школа если и не могла всецело конкурировать с лучшими фабриками своего времени в качестве своих товаров, зато внутренний ее строй, отношение хозяина к фабричным рабочим и теперь поставили бы Тимофея Васильевича в ряды передовых и просвещеннейших людей, тогда же, 70-85 лет тому назад, это было явлением необыкновенным, так как закона, который регулировал бы отношение фабрикантов и рабочих, не существовало.

Несомненно, Тимофей Васильевич достиг бы своей цели — иметь образцовое учебно-промышленное учреждение, если бы тому не помешал промышленный застой конца тридцатых и начала сороковых годов.

Вот как сам Тимофей Васильевич изображает свое тогдашнее положение: «С 1836 года, когда капитал наш по инвентариуму, за расплатою долгов, простирался за шестьсот тысяч рублей ассигнациями, я рвался отстать от промышленных дел, но как мне не доставало решительности исполнить предполагаемое, снова вдавался в обороты и связи, и потом — то неурожаем хлеба, то уничтожение лаж на ассигнации, то неудачная продажа товаров — истощали последние мои выгоды и приводили меня в большое отягощение... Несмотря на неудачи, я не переставал соревновать сверстникам своим, и не только не уменьшал производства, но умножал оное: строил, арендовал фабрики и проч. Ревность не пособила мне умножить моего капитала, а неудачи расстроили мое здоровье до иступления».

Действительно, Тимофей Васильевич в это время сверх своих сил разбрасывался: у него, кроме бумагошелкоткацкой и ситценабивной фабрик в Таганском доме, были ткацкие фабрики в Сегуни (в 10-12 верстах от Москвы) и близ Ново-Спасского монастыря. «Товар мой фабричный терял репутацию, главным образом, от худых, неопытно покупаемых материалов, — с грустью замечает Тимофей Васильевич в одном из своих писем к брату, — долги вьнут, и капитал быстро падает».

Просветительная деятельность Тимофея Васильевича с братьями, не могла укрыться от внимания таких государственных людей, каким был тогдашний министр финансов граф Е. Ф. Канкрин. В 1835 году была в Москве выставка мануфактурных изделий, на которой участвовали обе фирмы Прохоровых. Государь Николай Павлович обратил особенное свое внима-

ние на братьев Прохоровых и лично удостоил их своей благодарности за учреждение школ и за попечение о нравственности рабочих на фабриках. На другой день император, пригласив в Николаевский дворец купцов, принимавших участие в выставке, благодарил их за усовершенствование в русской промышленности; при этом вызвал братьев Прохоровых и еще раз «удостоил всемилостивейшей благодарности, в самых лестных выражениях, — говорит св. Благовещенский, — поставил их в пример всему обществу, говоря, что должно заботиться не о своих только выгодах, но и о благосостоянии и доброй нравственности народа». Такое признание со стороны монарха заслуг в деятельности Тимофея Васильевича с братьями по улучшению быта рабочих было принято ими «со слезами сыновней признательности». «Я вполне, — говорит Тимофей Васильевич, — награжден милостивым вниманием государя и восхищен столь высоким одобрением моих действий; высшим для меня утешением, высшею радостью служит надежда, что слово царя подействует на общество купеческое и возбудит в нем заботливость о заведении школ для народа». Вскоре после выставки Тимофей Васильевич получил звание Мануфактур-Советника.

В деле духовно-нравственного просвещения народа Тимофей Васильевич старался использовать все пути, к тому ведущие: он призывал духовенство к проповеди Слова Божия с церковной кафедры, устраивал сам школы для народа, привлекал к тому других, учреждал библиотеки, читальни, народные чтения-собеседования и, наконец, был первым в России строителем фабричного театра.

Вот что об этом пишет г. Ярцев в выше цитированной статье: «Как человек просвещенный, Прохоров не мог не понимать великого значения театра, как средства для «улучшения народной нравственности». Из этого желания укрепить в фабричных нравственное начало и просветить их и исходило, без сомнения, намерение Прохорова устроить фабричные спектакли.

Сведения, приводимые мною, сохранились в семейных преданиях Прохоровых. Я слышал рассказ о фабричном театре Прохорова от одного из последующих владельцев Трехгорной мануфактуры, недавно скончавшегося С. И. Прохорова, который был главным руководителем современного театра на своей фабрике. Кое-что помнят и старики из фабричных служащих.

Начало спектаклей на Прохоровской фабрике, организованных Тимофеем Васильевичем, относится к 1820-м годам. Сцена была приспособлена в одном из фабричных помещений, исполнителями выступали ученики из фабричной школы. Душой этого дела был, конечно, сам Прохоров. Он, по рассказам фабричных того времени, сам следил за подготовкой актеров к

представлению. Один из участников тогдашних спектаклей вспоминал, как хозяин, когда разыгрывали «Недоросля», указывал ему на неправильности в его игре и все говорил: «логики, логики у тебя нет». Мать Прохорова также принимала посильное участие в устройстве спектаклей и шила, между прочим, костюмы для актеров. Спектакли продолжались и в 30-х, и в 40-х годах, но подробности о них мне, к сожалению, не удалось узнать, да вряд ли они кому и известны... Заканчивая свою статью, г. Ярцев говорит: «Историей русского просвещения не должны быть забыты и имена Волкова, Прохорова и Дмитриева, как начинателей, в разное время и при разных условиях, в деле применения сцены к просветительному влиянию на рабочую массу».

Следующий период в жизни мануфактуры был переломом в ее производстве. В 1839 году фабрика выработала собственных миткалевых ситцев около 8 тысяч кусков, а в 1842 году на собственной фабрике их было изготовлено менее четверти этого количества. Расширившиеся торговые обороты требовали большого количества более доступного по цене товара, чем тот, который производили набойщики на Трех Горах; приходилось с каждым годом увеличивать заказы машинных ситцев по собственным миткалям или приобретать их из вторых-третьих рук. В ноябре 1840 года Яков Васильевич писал одному из своих покупателей и комиссионеров Е. Н. Дрябину: «Мы отдавали свои миткали Битепажу под набивку ситцев, но пользы никакой не учитываем».

Что же касается второй отрасли производства — ткачества, то тут дела обстояли много хуже. Наводнение русских рынков английскою пряжею подняло кустарное ручное ткачество по деревням до невероятных размеров. Производство миткалей, отчасти и других хлопчатобумажных тканей, вследствие конкуренции кустарей, в городе стало делом совсем безвыгодным. Начавшее нарождаться механическое ткачество хлопчатобумажных тканей по условиям того времени, о чем будет сказано ниже, завести в Москве не представлялось возможным.

Братьям Прохоровым приходилось или оставить насиженное в Москве место, бросить заведенное здесь и устроенное дело и переселиться со всем своим производством в провинцию, или же в пределах возможного расширить ситце- и платочнонабивное дело. Было решено пожертвовать ткацким делом, отвести ему второстепенное место в производстве. Хотя в это время платки, шали, покрывала и шлафры и составляли $\frac{3}{4}$ всего фабричного производства, но братья Прохоровы ясно видели, что дальнейшее развитие их производства в этом направлении в будущем не открывает широких перспектив и что пора и им начать производство ситцев механическим путем.

В 1841 году на «Нижнем дворе» был выстроен новый каменный фабричный корпус, а вскоре же началось и постепенное оборудование его и других частей фабрики для нового дела.

Усиленные постройки продолжались и в следующем году, так было выстроено еще два каменных корпуса, в три и четыре этажа, кубовая красильня в три этажа (низ каменный), кухня и спальня. В один этот год на строительные надобности было израсходовано более 165 тысяч рублей серебром, что по тому времени составляло громадную сумму.

В этом же году началось усиленное оборудование фабрики: из Бельгии было получено два паровых котла, а с завода Шепелева — первая на фабрике паровая машина.

Вопрос о паровой машине решался довольно долго; вначале предполагалось приобрести ее через английскую комиссионерскую контору в Петрограде Ивана Бука. Но, очевидно, высокая цена, которую просил Бук, и дальний срок доставки машины заставили Прохоровых остановиться на машине русского завода.

28 марта 1842 года Яков Васильевич писал конторе Бука: «Извините, на письмо Ваше от 12 с. м. ответом запоздали: причиной того то, что мы все думали решиться кончить Вашу машину, но ныне уже оную кончили на заводе Шепелева, а поэтому Ваша нам ненадобна».

Одновременно с постановкою котлов и паровой машины шла постановка и оборудование ситцепечатного отделения сначала на одну трехколесную машину. Вследствие задержки печатных валов, выписанных из Англии через контору Бука, первая партия собственных машинных ситцев не могла появиться раньше конца 1842 года.

В марте Яков Васильевич писал Буку: «Насчет заказанных Вам 6 валов английских медных мы недоумеваем: как Вам сделать залог в оных на 5 300 рублей ассигнациями, когда мы с Вами только в первый раз это дело начинаем и не знаем, каковы оные будут готовыми? В таком случае не решаемся иначе Вам платить, когда увидим на оных выпечатанные образцы. А что касается до верности заказа, то Вы имеете от нас записку, а в подобных обстоятельствах нам доверяют, нашему честному слову, и еще никто от нас не имел в оном неприятностей. Итак, мы желаем, только бы с Вашей стороны было все исправно соблюдено, а от нас противного не встретите».

10 июня Яков Васильевич напоминает Буку: «Очень жалею, что Вы не сдержали аккуратно Вашего слова, доставить валы в мае месяце, потому мы сколько-либо успели за лето на оных сработать на Нижегородскую ярмарку».

7 ноября Я. В. писал П. А. Быковскому: «Мы теперь устанавливаем

машины и начинаем работать ситцы; я полагаю, что в Ирбите будем оных производить довольно». Но, очевидно, новое дело не сразу налажилось, так как лишь в январе следующего 1843 года Яков Васильевич решился уведомить своих покупателей о начале выработки им собственных машинных ситцев. «У нас теперь стали выходить машинные ситцы довольно хорошо, — пишет он покупателю из Украины, — и продаем недорого, коими могу Вам рекомендоваться и прошу быть оных покупателями».

Отправляя в Петроград Угрюмову 50 кусков собственных ситцев по 85 копеек ассигнациями (24 копейки серебром) за аршин, Яков Васильевич замечает: «Товарец хорош, цена не высока, просим Вас нам заметить, как оный в Вашем месте будет принят, а на будущее время у нас будет и рисунок, и цветов поболее». Приказчику в Ирбите — «при начатии работы нами ситцев, просим благоразумно вникнуть и передать нам требования оных, как манеров, так и сортов».

За постановкою печатной машины для выработки ходовых ситцев последовала постановка и двух перротин, могущих заменить каждая несколько десятков набойщиков.

Теперь, располагая печатной машиной и двумя перротинами, применяя к работе на фабрике пар и паровую машину, братья Прохоровы уже имели возможность во всякое время значительно увеличить свое производство.

Расширяя фабрику, братья решили упрочить создаваемое ими торгово-промышленное предприятие. Теперь у каждого из них стали подрастать дети, и потому чисто домашний, семейный образ ведения дела становился не совсем удобным.

По завещанию Василия Ивановича, все имущество в 1815 году им было оставлено в безраздельное владение семьи. Гильдейские права на торговлю и промысел исправлялись по 2-й гильдии на имя купеческой вдовы Екатерины Никифоровны Прохоровой.

8 мая 1843 года братья Прохоровы заключили между собою нотариальный договор на образование Торгового дома под фирмою «Братья И., К. и Я. Прохоровы», в предпосылке к которому значилось:

«Тысяча восемьсот сорок третьего года, мая 8 дня. Мы, нижеподписавшиеся, московские 1-й гильдии купцы братья: Иван, Мануфактур-Советник Константин и Яков Васильевы, дети Прохоровы, учинили между собою договор сей в том, что как мы после кончины родителя нашего московского купца Василия Ивановича Прохорова в оставшемся после его движимом и недвижимом имении и капитале, за выделом из всего одного следуемой части брату нашему Мануфактур-Советнику Тимофею Васильевичу Прохорову, состоим с родительницею нашею московской 2-й гильдии купчихою Екатериною Никифоровною Прохоровою единственными наследниками; и

хотя упомянутый капитал был как наследственный, объявленный от имени родительницы нашей, и мы, состоя при ней, занимались под ее надзором издавна производимою нами торговлею, но ныне, принимая во внимание ее преклонные лета и нежелание заниматься далее торговыми делами, а притом не желая делить между собою имение и капитал, вознамерились, по согласию и благословиению ее, родительницы нашей, для распространения торговли бумажными произведениями наших фабрик, открыть с объявлением наследственного по 1-й гильдии капитала с сего 1843 года, на неопределенное время, в образе полного товарищества Торговый дом под фирмою «Братья И., К. и Я. Прохоровы».

Вследствие сего, отделив следующую родительнице нашей из имени и капитала покойного родителя нашего часть и приняв на себя все платежи по векселям до сего времени от имени родительницы нашей данных, а также и получение долгов по документам и счетам, на имя ее, по бывшей до сего торговле нашей, полученным, назначаем в основание следующие для фирмы нашей правила».

Преобразовывая свою фирму, братья Прохоровы усиленно продолжали переоборудовать свою фабрику. В этом деле особенно большую помощь как Прохоровым, так и вообще мануфактурной промышленности в России принесла Московская мануфактурная выставка 1842 года; на ней русские мануфактуристы увидели множество новых машин и аппаратов, способствующих улучшению и удешевлению их производства. Прохоровская фабрика как нельзя лучше воспользовалась всем тем, что подсказала выставка.

Отбельное, запарное, отделочное отделения на фабриках братьев Прохоровых после выставки устраиваются совершенно заново. Само производство во многом начинает принимать другое направление — удаляться как бы от мануфактуры собственно. К выработке товаров стали применяться новые способы.

В декабре 1857 года Константин и Яков Васильевичи получили разрешение на ведение своих торгово-промышленных дел под новою фирмою: «Братья К. и Я. Прохоровы». В общем новый договор был близок к договору 1843 года. Совершенно новым является § 9, которым договаривающиеся братья, признавая себя по летам и здоровью не в достаточной мере сильными, уполномочивают Ивана Яковлевича «управлять делами фирмы по доверенности», а несовершеннолетнего еще Константина Константиновича определяют к нему помощником, в полное его распоряжение; при этом Ивану Яковлевичу предоставлялось право по смерти кого-либо из договаривающихся стать равноправным товарищем, а в случае смерти обоих — полным хозяином всех дел фирмы.

Такое высокое доверие к Ивану Яковлевичу со стороны отца и дяди

было вполне заслуженно: он был в курсе всех дел, как фабричных (хозяйственных и технических), так и торговых в Москве и на ярмарке. Несмотря на молодой возраст, Иван Яковлевич, благодаря 4-5-летней практике, был уже опытным хозяином.

После того как Константин Васильевич с сыном оставили фабрику, тяжесть всех забот как технических, так и коммерческих всецело легла на одного Ивана Яковлевича. Но это теперь для него не было страшным делом: за ним был уже большой опыт. Иван Яковлевич ясно видел всю выгоду того момента, который в это время переживала наша мануфактурная промышленность: в ней совершался переворот и в хозяйственном, и в техническом отношении. Во что бы то ни стало он решил использовать это обстоятельство.

В течении шестидесятых и семидесятых годов русская промышленность должна была коренным образом переродиться. Преобладавшая до сих пор помещичья фабрика пришла в полное разорение: при принудительном труде, вообще говоря, она не могла работать хорошо, к тому же и сами помещики совершенно не были подготовлены к новым условиям экономической жизни России. На барской фабрике не стало дарового труда; у хозяина-помещика не было ни запасного капитала, ни технических познаний, необходимых для того, чтобы привести оборудование фабрики в состояние, соответствующее времени. Американская война во всей Европе произвела тяжелый промышленный кризис. Дела повсюду стали. Помещичьи фабрики повсюду остановились.

Купцы-фабриканты быстро учли выгоды нового положения вещей. При оживлении дел после застоя они усиленно начали расширять свои производства и, пользуясь новыми, более быстрыми путями сообщения, произвели полное завоевание рынков для своих товаров. С этого времени фабрикантами и заводчиками становятся почти исключительно представители торгово-промышленного сословия, членами которого являются или недавние крепостные, или предприимчивые и энергичные пришельцы с Запада. Появилось соперничество среди предпринимателей, и рост русской промышленности пошел более ускоренным темпом, чем прежде.

Для ведения промышленного дела нужны были энергия, предприимчивость и капитал. Всякий, кто стоял близко к промышленности в то время, видел, что каждый рубль, вложенный в дело, являлся заметным приростом и приносил хорошую прибыль. То обстоятельство, что прохоровская фирма перешла в собственность Ивана Яковлевича и Алексея Яковлевича с единоличным распоряжением первого из них, оказалось выгодным для ее развития. Личные качества Ивана Яковлевича, как опытного фабриканта и коммерсанта, внушали безусловное доверие к фирме со стороны промыш-

ленных сфер. Варвара Яковлевна Лепешкина, сестра Ивана Яковлевича, дает ему полную возможность в короткий сравнительно срок широко развернуть промышленное дело; И. А. Лямин снабжает его в широких размерах нужным для фабрики миткалем.

Полученная по разделу Иваном Яковлевичем фабрика была далеко не в блестящем состоянии.

Начало семидесятых годов, как известно, было эпохой промышленно-учредительной горячки, вызванной, главным образом, усиленным железнодорожным строительством. Правительство и частные предприниматели вложили в это дело около двух миллиардов рублей. Деньги широко разлились в народной массе, и на мануфактурном рынке появился усиленный спрос на товары. Ситценабивные фабрики не успевали исполнять заказы. В 1872 году фабрика Ивана Яковлевича выпустила на рынок уже 550 000 кусков товара. Так как такое сильное торговое оживление было явлением, создавшимся искусственным образом, то многим промышленникам вскоре же и пришлось расплатиться, понести большие потери. Иван Яковлевич, в первую очередь поставивший себе задачу расширить и улучшить фабричное производство, не торопился, да и не имел возможности всю выработку своей фабрики производить по собственным товарам. Он охотно исполнял заказы крупных московских скупщиков-мануфактуристов, что составляло около половины всего производства. Это обстоятельство спасло Прохоровскую мануфактуру от тех неприятностей, какие пришлось пережить многим фирмам в 1872-1875 годах, вследствие начавшегося промышленного застоя. Неурожаи 1872 года произвели быстрое понижение цен на мануфактурные товары. Производство почти всех фирм значительно сократилось, появился ряд банкротств, от которых пострадали особенно мануфактурные фирмы, еще не успевшие приобрести надежных средних покупателей. На делах Прохоровской мануфактуры этот кризис не отразился: в 1873 году она выработала товаров 450 000, в 1874 — 480 000, в 1875 — 487 514 кусков. Исполняя заказы, фабрика не имела на складах залежей товара. Потеря от скупщика-заказчика не могло быть: его суровье представляло из себя хороший залог за исполненную работу.

Как остаток дореформенного строя в торгово-промышленных делах, на мануфактурном рынке в семидесятых годах все еще царил оптовый денежный скупщик. Почти все мануфактурные фирмы того времени были в руках 15-20 таких скупщиков. Скупщик, владевший рынком, и на новую фабрику продолжал смотреть, как смотрел на фабрику барскую или кустарную, которые без его поддержки, без его заказов существовать не могли.

Прохоровская мануфактура в этом отношении занимала среднее место. Она исполняла крупные заказы скупщиков и имела собственную опто-

вую торговлю на юге России. Центральным местом для сбыта собственных товаров был Харьков, а в связи с ним и все украинские ярмарки; равно значительную часть своего товара Прохоровская мануфактура сбывала крупным Московским скупщикам, державшим в своих руках московский рынок и Нижегородскую ярмарку. Такими скупщиками у братьев Прохоровых были: Н. И. Харузин, С. П. Оконишников, И. В. Шукин, Братья Шаповы, И. И. Дунаев, Н. П. Алексеев, С. П. Карцов, К. И. Лебедев, К. Е. Прохоров — все москвичи. Из иногородних был лишь один петроградский торговец г. Егоров.

Наладив техническую сторону своей фабрики и ход своих коммерческих дел и подняв годичную выработку товаров на фабрике до полумиллиона кусков, Иван Яковлевич решил упрочить свою фирму, т.е. поставить ее в положение юридического лица, чтобы она могла существовать без особых колебаний и в те моменты, когда во главе ее дел не будет стоять единой руководящей силы. При таком расширении производства, какое приняла фабрика в половине семидесятых годов, ему одному уже стало и трудно все держать в своих руках, входить во все стороны обширного дела. Явилась потребность в помощниках, которые были бы заинтересованы в деле, как хозяева его.

На семейном совете Иван Яковлевич, его супруга Анна Александровна и брат его Алексей Яковлевич пришли к мысли учредить товарищество на паях. В число учредителей они пригласили двух лиц из испытанных служащих — Никиту Васильевича Васильева и Василия Романовича Келлера, занимавшего место главного бухгалтера с 1868 года.

В конце 1873 года был составлен проект Устава «Товарищества Прохоровской Трехгорной мануфактуры».

В прошении, поданном на имя министра финансов М. Х. Рейтерна в январе 1874 года, между прочим, значилось: «Учреждение нами, учредителями, настоящего товарищества вызывается семейными обстоятельствами, дабы определить долю участия каждого из наследников существующей уже более 75 лет мануфактуры и предупредить могущие быть споры и недоразумения между участвующими в торговом деле участниками. Наконец, такого рода учреждение, как товарищество на паях, дает право каждому пайщику на долю участия по управлению делами и вообще устанавливает правильный и вполне обеспеченный надзор за ходом дела, т.е. как со стороны коммерческой, так технической и хозяйственной, и, кроме того, легкий переход имущества к наследникам, не влияя на ход дела, каковы условия при образе товарищества, на вере невозможны».

15 марта 1874 года был Высочайше утвержден Устав товарищества: «Для содержания и распространения ситценабивной фабрики, находящейся

в Москве, в Пресненской ч., в 3 квартале и принадлежащей Торговому дому «К. и Я. Прохоровы». В силу § 2, 3 и 4 фабрика Торгового дома «К. и Я. Прохоровы» со всеми принадлежащими к ней землями и прочим имуществом, по оценке, поступила в собственность товарищества, вместе со всеми обязанностями и правами, приобретенными прежними владельцами фабрики. Основной капитал товарищества был определен в полтора миллиона рублей.

К сожалению, в самом начале этого оживления Прохоровская мануфактура, приготовившаяся широко развернуть свое дело, должна была на некоторое время приостановить свою деятельность: в ночь с 22 на 23 декабря все ее фабричные корпуса, расположенные по берегу Москвы-реки, сгорели дотла. В пламени погибли и машины, и товары. Иван Яковлевич был в отчаянии. Но, как дальновидный и опытный промышленный деятель, он во что бы то ни стало решил не прерывать дела до постройки новых фабричных корпусов и оборудования фабрики из опасения потерять покупателей и заказчиков. Он на короткое время распустил рабочих и принялся за приискание для себя оборудованной фабрики. Такая, к счастью, вскоре же и нашлась. Это была незадолго перед тем закрывшаяся фабрика Игнатова в Серпухове. Н. Н. Коншин, владевший ею, намеревался использовать ее для своих целей, но ввиду хорошей цены, которую предложило ему товарищество Прохоровской мануфактуры, согласился ее уступить товариществу.

В начале января 1878 года состоялась покупка фабрики. Промышленные дела были хороши. Нужно было торопиться с устройством купленной фабрики; правление, служащие и мастера приложили к этому большое старание; Иван Яковлевич не жалел средств. Результатом совместных усилий было то, что Серпуховская фабрика уже в начале марта стала выпускать готовый товар.

По своим размерам Игнатовская фабрика была вдвое меньше Трехгорной — все ее оборудование было рассчитано на производство ситцев в таком размере, сколько могли бы дать 4 печатные машины, т.е. 200-250 тысяч кусков товара в год. Кроме того, и вообще оборудование Серпуховской фабрики с технической стороны далеко не отвечало требованиям нового владельца.

Прежде всего оказалось неудовлетворительным и недостаточным освещение. Для усиления ночных работ понадобилось много светильного газа, поэтому в первую очередь пришлось выстроить газовый завод. За счет закрытия граверной и некоторых других отделений, которые уцелели в Москве, не расширяя фабричных зданий, вскоре же представилась возможность пополнить печатное отделение еще двумя печатными машинами, а вместе с этим увеличить и другие отделения ситценабивной фабрики.

В целях увеличения производства на Трех Горах уже в мае 1878 года в уцелевших каменных корпусах было устроено палильное отделение и поставлено 9 красильных барок и 6 промывных колес.

Серпуховская фабрика, работавшая круглые сутки, ежедневно вскоре же стала давать до 2 000 кусков напечатанного товара. При этом торговые дела в Москве шли так хорошо, как никогда.

Те отделения фабрик товарищества, которые уцелели от пожара, с успехом продолжали свою деятельность. В ткацкой фабрике на 80 ручных ткацких станах продолжалась работа кашемира и других мелкоузорчатых, преимущественно широких тканей. В набойщицких мастерских производились усиленно работы 200 набойщиками; в кубовой красильной оставалось в действии 26 красильных кубов и соответствующее им количество других машин. Число всех рабочих на Трехгорной фабрике в Москве простиралось до 700 человек.

Устроив дела на Серпуховской своей фабрике, Иван Яковлевич занялся разработкой проекта новой ситценабивной фабрики в Москве. Проект этот был составлен согласно современным условиям ситценабивного дела. Расположение всех частей фабрики было спроектировано так, чтобы суровый товар, поступив в одном ее конце, постепенно переходя из одного отделения в другое, выходил бы совершенно готовым в другом.

Зимой 1878-1879 года была в значительной мере сделана заготовка строительных материалов, а ранней весной уже было заложено и новое здание фабрики. К осени того же года стены огромного по тому времени двухэтажного каменного корпуса, протянувшегося по берегу Москвы-реки, были уже готовы и покрыты крышей. Зимой были выложены между железными балками и своды обеих этажей, сделаны полы и оконные рамы, а летом 1879 года началась установка выписанных из Англии с завода Матсер-Платта машин новейшей конструкции. В первую очередь были поставлены отбельные кубы. Это дало возможность частью разгрузить Серпуховскую фабрику, а вместе с тем и усилить выработку товаров. Отбельная в 1880 году имела выпуск товара в количестве свыше 500 000 кусков, и уже не представлялось надобности в отдаче товара для отбелики на другие фабрики.

Прохоровская фабрика, начиная с 80-х годов, получила несколько иное направление, чем раньше. Товарищество начинает прокладывать новые пути, вырабатывает определенную программу и старается поставить дело более рационально. Этот поворот, намеченный Иваном Яковлевичем, был воспринят его приемниками, сыновьями Сергеем и Николаем Ивановичами. А. Я. Прохоров, оставшись в 1881 году главою мануфактуры, передал руководство всеми делами, коммерческими и техническими, своим племянникам, за собою же оставил только общее наблюдение. Болезненное

состояние мешало ему самому работать так же деятельно, как он работал с братом, и теперь он принимал участие в ведении дел преимущественно советами, направляя молодых фабрикантов.

Братья Сергей и Николай Ивановичи Прохоровы были почти однолетки. Иван Яковлевич и в особенности их мать Анна Александровна, признавая необходимость образования для руководителей большого промышленно-коммерческого дела, решили дать своим сыновьям основательное общее образование. Отправить детей за границу они не решились, боясь сделать из них космополитов, оставить в Москве, в среде торгово-промышленной молодежи того времени, тоже считали не совсем надежным. Было избрано нечто среднее: сыновья были определены в Ревельскую губернскую гимназию. В то время в Остзейском крае не только преподавание в гимназиях велось на немецком языке, но и весь строй школьной жизни был строго немецкого уклада, почти средневекового характера.

В декабре 1877 года братья Прохоровы кончают курс в Ревельской гимназии. Родители охотно разрешают обоим сыновьям получить высшее образование сообразно их склонностям. Сергей Иванович поступает на естественное отделение физико-математического факультета Императорского Московского университета, а Николай Иванович — на юридический факультет.

Сергей Иванович родился 5 декабря 1858 года. Уже в детстве он выделялся среди своих сверстников; его пылливому уму до всего было дело, всякая новая вещь, появлявшаяся в доме, возбуждала в нем интерес; и если новая ваза или статуэтка разбиты, то уж это наверно он удовлетворил свое любопытство. Сергей Иванович уже с детства проявлял глубокий интерес ко всякому делу, ко всему относился сосредоточенно, вдумчиво. Подготавливая урок к следующему дню, он заинтересовывался часто целым отделом данного учебного предмета и самостоятельно штудировал до конца весь отдел.

Мимо чужого горя Сергей Иванович не умел проходить равнодушно, безучастно; в его отзывчивом сердце всегда рождалось участие. Будучи 10-11-летним мальчиком, Сергей Иванович попадает на пожар в деревне Тушино (семья Прохоровых жила в Покровском-Глеbove в 2-3 верстах от Тушина). У пепелища догоревшего дома сидела женщина, окруженная детьми. Глубокое горе и тихий стон ее поражают мальчика. Он бежит домой, берет свою детскую копилку с находящимися там золотыми и серебряными монетами и мчится обратно. Подбежав к женщине, он бросает ей в фартук копилку и убегает.

Ему, как первому в классе, часто приходилось быть в ответе за поведение своих товарищей — и не было случая недовольства им ни со стороны

товарищей, ни со стороны директора. Правдивость и искренность его для всех были вне всякого подозрения.

Когда Сергей Иванович стал хозяином фабрики, ни один его рабочий не сомневался, что в случае нужды со стороны хозяина он встретит не только помощь, но и участие. Случилось несчастье во время коронационных торжеств, Сергей Иванович первый явился на Ходыньское поле, привлек весь медицинский персонал своей фабрики, семью и служащих к оказанию помощи пострадавшим, размещая их в своей больнице до выздоровления. Всех, так или иначе соприкасавшихся с ним, он очаровывал, подчинял и увлекал за собой. Инженеры и мастера, работавшие на его фабрике, трудились не за страх, а за совесть и с любовью. Всякое улучшение в деле замечалось и соответственным образом любовно оценивалось Сергеем Иванычем. Поэтому многие, пройдя школу Сергея Ивановича, становились выдающимися техниками-работниками, сохраняющими и до сих пор благоговейную память к идеальному хозяину-работнику.

Но все это далось, разумеется, Сергею Ивановичу не легко. Он много пережил и передумал, в особенности в то время, когда делал первые шаги на своем трудовом поприще.

Основательно изучив общую, аналитическую и органическую химию, Сергей Иванович с II курса университета едет в Мюльгаузен, поступает там в школу химиков для изучения преимущественно красильного и ситценабивного дела у профессора Нёльтенга. Затем, чтобы ближе ознакомиться с постановкой этого дела за границей, посещает некоторые лучшие фабрики Мюльгаузена. Тут все его интересует, и фабрикация, и быт рабочих, и внутренний фабричный распорядок, вообще все стороны фабричной жизни. В Мюльгаузене многие еще и до сих пор помнят хорошо молодого работника-фабриканта.

Здесь все в деятельности, и характере Сергея Ивановича напрашивается на параллель его с замечательным предком Тимофеем Васильевичем. Тут и жажда полезных знаний, и смелость в действиях, и широкая инициатива, и доброе, на все отзывчивое сердце. Как тот, так и другой были больше общественными, государственными деятелями на промышленном поприще, нежели фабрикантами-промышленниками в узком значении этого слова. Они личные свои интересы всегда ставили на второй план относительно интересов государственных или общественных.

Возвратившись в Москву, Сергей Иванович уже не робко берет в свои руки фабрику. Опыт Запада диктует ему, что пора коренным образом изменить весь строй фабричного дела, поставить его на европейский лад.

Наука в это время переставала существовать сама для себя; ее истины стали интересовать не только теоретиков, но к ним стало прислушиваться и

все общество. В течении XIX столетия научная химия сделала громадные завоевания в области открытий; все это вскоре же находило себе применение в промышленности. Таким образом, наука становится необходимым двигателем в промышленном деле. На Западе при фабриках и заводах стали учреждаться хорошо оборудованные лаборатории, издаваться специальные журналы по различным частям техники, где обсуждались вопросы не только практического, но и теоретического характера. С этим прежде всего пришлось познакомиться Сергею Ивановичу. Кипучая сила, свежая энергия 24-летнего фабриканта-колориста, его глубокая уверенность в достижении правильно намеченной цели, его вера в силу науки становятся постоянными его качествами.

Прежде всего он основывает в 1882 году на своей фабрике научную химико-аналитическую лабораторию и поручает заведование ею одному из лучших своих университетских учителей — Освальду Карловичу Миллеру, и сам принимает непосредственное участие в решении всех технических вопросов, которые возникали в литературе, в фабричной лаборатории и лично у него.

Прежде всего Прохоровская фабричная лаборатория поставила себе задачей найти научно обоснованные способы к определению достоинств тех продуктов, «которые поступали на фабрику. Растительное индиго в то время играло весьма важную роль в фабричном деле, О. К. Миллер принялся за изучение свойств этого красителя, и в результате получился целый ряд ценных в научном и техническом отношении работ по этому вопросу Прохоровской химической лаборатории, выполненных Освальдом Карловичем, его сотрудниками и преемниками по лаборатории: В. А. Милановским, А. М. Невядомским, М. М. Чиликиным.

В 1883 году Освальд Карлович получил канарин и при этом показал, что искусственные пигменты могут быть прямокрасящими веществами.

Крупнейшей работой химической лаборатории является постановка отбеливания хлопчатобумажных тканей на чисто научных основах и под контролем химической лаборатории.

С основанием на фабриках товарищества химико-аналитической и научной лабораторий и деятельность химико-технической лаборатории начинает приобретать планомерный характер. Эта лаборатория, прежде именовавшаяся «Лабораторией при секретной», появилась с первого дня основания фабрики. Здесь колористы-практики чисто эмпирическим путем вносили те или иные изменения в имевшиеся у них рецепты работ. Т. В. Прохоров, несомненно, был одним из первых в России фабрикантов, пытавшихся входить в «секретную» с теоретическими познаниями по химии. Рецепты красок и более совершенные приемы работы, по совершенно понятным

причинам, оставались «секретами» часто даже не самой фабрики, а только ее колориста. С колористом-практиком П. П. Кузовкиным в 40-х годах в лаборатории работает В. К. Прохоров, а в 50-х годах с П. Н. Финягиным «занимаются пробочками» сначала И. Я., а затем и К. К. Прохоровы. Пригласив в конце пятидесятих годов к себе на фабрику колориста-англичанина К. А. Ониль, Иван Яковлевич дает ему в лабораторию ученика своей школы, из рисовальщиков, С. В. Шахина, который за 2-3 года работы с Ониль приобретает некоторый запас химико-технических сведений. В шестидесятых годах Станислав Васильевич уже становится ответственным колористом на фабрике. Лишь с поступлением в 70-х годах на фабрику таких колористов, как г. Выборки и Прю-дом, в лабораторных работах появляется некоторая планомерность, и поручаются они химикам с научной подготовкою. Первым таким химиком был Н. Г. Волчанинов.

Среди выдающихся работ Прохоровской лаборатории того времени нельзя не упомянуть о получении цветной вытравки по чернотиановому плюсу. Честь этого замечательного в ситценабивном деле открытия принадлежит Николаю Гавриловичу Волчанинову, более 30 лет проработавшему на фабрике товарищества Прохоровской мануфактуры. Способ этот, заимствованный у Н. Г. Волчанинова с Прохоровской фабрики г-м Прюдомом, сделался скоро общим достоянием и более четверти столетия применяется почти повсеместно как в России, так равно в Европе и Америке. В одной России этим способом вырабатывалось и вырабатывается ежегодно миллионное количество кусков различных товаров.

Лишь с переходом в 1886 году химико-технической лаборатории в ведение О. К. Миллера она приобретала прочное положение. Под руководством Освальда Карловича работало несколько химиков — А. Ф. Эберггард, В. Ф. Каулен, В. Н. Оглоблин, А. В. Сиволобов. Затем со вторым поступлением в 1893 году на фабрику В. В. Выборни под его руководством работал с 1894 г. А. К. Шейнерт. Заняв место колориста на фабрике, Артур Карлович расширил химико-техническую лабораторию, которою, кроме него, руководили его помощники В. И. Крепе, В. С. Плужанский, О. Е. Фроссар, П. О. Вильгельм. Лабораторией до 1908 года заведовал Г. А. Флейшер, его сменил Н. Н. Вознесенский, при котором химико-техническая лаборатория достигла ее теперешнего развития. Всевозможного рода химико-технические работы, по указаниям химиков, исполняют ученики мануфактурно-технического училища товарищества, которые, пройдя полный курс таких работ, основательно подготавливаются к практической фабричной деятельности.

Среди своих научных работ химико-техническая лаборатория исполняла и исполняет текущие работы, непосредственно связанные с производством фабрики и не выходящие за ее пределы.

Получив от отца заново устроенную ситценабивную фабрику и вообще прочно поставленное торгово-промышленное дело, братья Сергей и Николай Ивановичи, согласно интересам дела и личным склонностям, разделили между собою труд ведения дела.

Сергей Иванович сосредоточил в своих руках техническую сторону производства. Он почти все свои силы отдавал фабрике; с раннего утра и до вечера он или работал в фабричных лабораториях с химиками, или наблюдал за работами и ходом товара в различных отделениях фабрики, или зорко и внимательно просматривал дневную выработку товаров перед выпуском их с фабрики. Он не только в лицо, но и поименно знал всех мастеров и всех рабочих.

Несмотря на обширность дела, Сергей Иванович во всякое время был в курсе всех его деталей. Всякая замеченная техническая ошибка, неисправность работы привлекали его внимание и будили в нем новые мысли, рождали вопросы. К решению последних тотчас привлекались наличные научные и технические силы — закипала коллективная работа...

Так работал Сергей Иванович на фабрике. Николай Иванович со своей стороны, взяв в ведение коммерческую сторону дел товарищества, постепенно, без резкой ломки принялся за коренное преобразование их. Торговая деятельность товарищества начала расширяться: оно открывало оптовые склады и розничные магазины не только в центре России, но и на окраинах ее, а равно в Южной и Северной Персии. Теперь потребитель в значительной мере становится ближе к производителю товаров — мануфактуре.

Таким образом, дружно работая, братья Прохоровы подняли свое дело на должную высоту.

Но братья не только продолжали дело, унаследованное от отца, а решили расширить свое производство за пределы ситценабивного дела. А именно: к ситценабивному делу присоединить дело бумаготкацкое и бумагопрядильное.

Расширяя и совершенствуя производства своих фабрик, товарищество, верное заветам основателя фирмы и его непосредственных преемников, постоянно пеклось об улучшении материального и духовно-нравственного быта своих рабочих, не жалея средств на это дело.

«Живите не для богатства, а для Бога, не в пышности, а в смирении; всех и кольми паче брат брата любите», — говорил Василий Иванович своим сыновьям. Своею жизнью, своим отношением к ближним вообще, и к рабочим в частности, он был образцом справедливости и сердечного отношения.

Потомки Василия Ивановича шли в своей жизни этим, им указанным

путем. Заботы о благоустройстве быта рабочих никогда владельцами мануфактуры не отодвигались на задний план, делалось это всегда не по принуждению или по обязанности, а по сердечному влечению.

Какого бы вопроса в данном случае мы ни коснулись, мы встретим тут не одни лишь добрые начинания, а традиционно укоренившиеся твердые положения. Уж так у нас исстари заведено. Забота о жизни и здоровье рабочих, попечение о престарелых и немощных, воспитание и устройство в жизни малолетних — все это на Трехгорной фабрике Прохоровых имеет свою историю.

Подавая сведения о своей фабрике, братья Прохоровы в 1853 году на вопрос о том, какую пользу приносит их учреждение, писали: «О пользе, приносимой заведением, можно судить по количеству ежегодно выдаваемой заработной платы, простирающейся на сумму от 100 до 140 тысяч рублей, по возможному наблюдению за нравственным и физическим положением народа, для чего на фабрике устроены для рабочих отдельные спальни, лечебница, школа для живущих при ней и приходящих из окрестности детей и взрослых мужского пола».

Чтобы приохотить рабочих к посещению церковных служб, братья Прохоровы и в те давние времена из рабочих и учеников при храме содержали церковный хор.

Читатель уже видел, что братья Прохоровы были первыми фабрикантами в России, которые устроили у себя на фабрике школу для рабочих и подняли ее до степени ремесленного училища в то время, когда вообще никто, может быть, еще не помышлял о насаждении технического образования. Недаром «Северная пчела» 1832 года на своих страницах замечает: «Давно ли известный технолог Дюпен предлагал учредить во Франции школы для ремесленников, а у нас уже несколько лет существует и процветает подобное частное учебное заведение с целью, чтобы, обучая ремеслу, образовывать ум полезными сведениями, поселить в сердце нравственность, основанную на Вере, и таким образом облагородить человека и ремесло, а через это открыть средство к поддержанию семейного благосостояния».

Важно тут не то, что Тимофей Васильевич, его братья Константин и Яков Васильевичи, затем Иван Яковлевич и его дети учредили, содержали и содержат уже в течение 100 лет у себя на фабрике ремесленную школу и другие образовательные учреждения, а важно то, что они в данном случае принимали сами непосредственное участие в устройении самих этих учреждений.

Даже пожар 1877 года и переселение большей части фабрики в Серпухов не прервали деятельности мануфактуры в этом направлении: школа за это время потеряла лишь ярко выражавшуюся раньше ремесленно-

техническую окраску.

Устроив фабрику, Иван Яковлевич, несомненно, обратил серьезное внимание на свою школу. Среди фабричных бумаг 1880-1881 годов нашлось большое количество контрактов, по которым мануфактура взяла в свои мастерские ремесленных учеников на 4, 5 и 6 лет.

Та техническая фабрично-ремесленная школа, которая была хороша в 30-40-х годах, уже в 80-х годах не могла удовлетворить спросу возросшей техники производства. Это Иван Яковлевич ясно видел; при каждом отдельном случае, когда вместо русского мастера приходилось ставить иностранца, он чувствовал, что настало время устроить такую фабричную школу, которая давала бы мануфактуре нужных работников.

Выполнение этой задачи взяли на себя сыновья Ивана Яковлевича.

Возвратившись из Германии, Сергей Иванович был поражен неподготовленностью наших рабочих, их малой сообразительностью и небрежностью к работе, сравнительно с тем, что он видел в Мюльгаузене. Он на первых же порах задался мыслью создать себе надежный контингент низших служащих: толковых красковаров, красильщиков, раклистов, искусных граверов и других мастеров, «унтеров промышленности», как он выражался, которые были бы непосредственными руководителями труда рабочих.

В декабре 1885 года правление решило восстановить фабрично-ремесленную училище. Педагогическим персоналом училища, при участии заведующих отделениями фабрик товарищества, был намечен учебный план «вечерне-дополнительных» классов. 7 января 1886 года 46 малолетних рабочих и ремесленных учеников, имевших подготовку не ниже начальной школы, уже сидели в классе.

В программу дополнительных классов, кроме общеобразовательных предметов, составляющих курс двухклассных училищ, входили начала физики и химии, рисование и черчение.

Дополнительные классы дали столь хорошие результаты, что товарищество решило упрочить их положение. По предложению управляющего Отделом промышленных училищ И. А. Анопова, дополнительные классы 19-го августа 1894 года были преобразованы в школу ремесленных учеников, первое в России учебное заведение этого типа. При увеличении требования со стороны фабричной администрации по отношению к ученикам школы правление Прохоровской мануфактуры всегда шло навстречу этим запросам. Учебный план школы постепенно видоизменялся и расширялся.

15-го июля 1905 года, согласно ходатайству Почетного Смотрителя школы Н. И. Прохорова, школа была преобразована в мануфактурно-техническое училище с тремя подготовительными при нем классами, рав-

носившими трем старшим классам городских по Положению 31-го мая 1872 года училищ.

В течении 29-летнего своего существования «дополнительные классы», школа ремесленных учеников и мануфактурно-техническое училище выпустили 451 человека, окончивших полный курс учения. Из всего наличного числа питомцев училища 80-85% работает по различным отраслям русской промышленности. До 250 человек в настоящее время отдают свой труд мануфактуре, их взрастившей, не мало из них служит химиками-техниками и на других фабриках Московского и Владимирского районов или техниками в различных конторах и других учреждениях в Москве.

Рабочие Прохоровской мануфактуры высоко ценят заботу товарищества о воспитании их детей. Мало того, что обучение в училище в продолжение 6 лет для всех бесплатное, товарищество учеников трех специальных классов принимает на полное свое содержание.

Руководители мануфактуры не забывали удовлетворять духовные потребности и взрослого населения своих фабрик. В восьмидесятых годах еще до появления закона об обучении малолетних рабочих на фабриках существовали вечерние классы для малолетних рабочих. Фабричная администрация зорко следила за тем, чтобы малолетние исправно посещали уроки. С 1897 года при фабричном училище была открыта мужская воскресная школа для взрослых, в которой вскоре открылись занятия и в вечерние часы, 2 раза в неделю. С постройкою ткацкой и прядильной фабрик женский труд нашел на фабриках большое применение, и товарищество в 1898 году открыло при училище также бесплатные вечерние и воскресные классы для женщин. В мужских и женских классах обучалось ежегодно от 400 до 600 человек взрослого населения.

В 1884 году, по инициативе С. И. Прохорова, были устроены классы оркестровой музыки, где молодые фабричные ремесленники обучались игре на духовых инструментах. В 1885 году товариществом были учреждены духовно-нравственные и образовательные беседы и чтения со световыми картинками и основана бесплатная библиотека для служащих и рабочих.

С 1887 года на средства мануфактуры на фабрике устраиваются бесплатные народные спектакли, для чего вначале имелось особое здание вместимостью на 1 300 человек. На сцене Прохоровского фабричного театра по преимуществу шли произведения Островского, Гоголя, Писемского, Аверкиева... Исполнителями в большинстве случаев являются служащие и рабочие фабрики товарищества.

Несмотря на то, что московское городское самоуправление, взимая с рабочего населения больничный сбор, брало на себя обязательство оказывать бесплатно медицинскую помощь, ее всегда оказывалось недостаточно,

в особенности на окраинах Москвы. Владельцы Прохоровской мануфактуры искони с 30-40-х годов при своей фабрике имели бесплатную лечебницу с постоянными кроватями, в которой был постоянный фельдшер, и врачом давались бесплатно советы. С расширением фабрики увеличивался и размер больницы и состав медицинского персонала.

Престарелые и хроники — больные рабочие и служащие всегда от фабрик получали пособия в виде пенсии или помещались в богадельни. Так, еще в 40-х годах Прохоровы давали помещение или оплачивали его стоимость для приходских (Никольской и Предтеченской) богаделен и выдавали значительные денежные пособия. Впоследствии была устроена и собственная богадельня. Что же касается пенсионеров, то их всегда было более или менее значительное количество, например, в настоящее время их 192 человека. Кроме того, в экстренных случаях, острой болезни или другого несчастья, рабочим оказывались и оказываются единовременные пособия, что всегда составляло и составляет значительную сумму в расходах мануфактуры.

Обеспечение рабочих здоровую и недорогую пищую владельцы мануфактуры всегда считали одною из первых своих забот. В первой половине прошедшего столетия и в начале второй его половины рабочие продовольствовались артелями, забирая пищевые продукты частью в хозяйском складе, частью на стороне. В целях лучшего довольствия мытальщики, черно-рабочие, ученики долгое время принимались на фабрику на хозяйских харчах. Когда в 80-х годах на фабриках товарищества сильно увеличивался семейный элемент, выросла забота о приобретении предметов первой необходимости по доступной цене, товарищество тогда со своей стороны сделало все нужное, чтобы прочно организовать Общество потребителей. При пособии товарищества и непосредственном доброжелательном его руководстве, это учреждение сразу стало прочно, принося ощутительную пользу его членам. Ежегодно обороты Общества потребителей простираются за 500 000 руб.

Чтобы обеспечить рабочих своих фабрик удобным и здоровым жилищем, Прохоровская фабрика всегда прилагала к этому все свое старание. Но в особенности этот вопрос обострился за последние 25 лет. Частные квартиры вздорожали, да на окраине города они и очень плохи. Поэтому товариществу пришлось затратить весьма большую сумму на упорядочение этого чрезвычайно важного вопроса в жизни рабочих.

Вступление Прохоровской Трехгорной мануфактуры в новое столетие жизни ознаменовалось большим ее успехом при участии на Всемирной Парижской выставке 1900 года. За успехи мануфактуры в техническом деле товариществу была присуждена высшая награда — гран-при; за заботы о

быте рабочих, по санитарному отделу, товарищество получило «золотую медаль», и, наконец, школа ремесленных учеников товарищества, участвуя в выставке по учебному отделу, удостоилась высокой награды: ей присуждена «золотая медаль». Владелец мануфактуры Н. И. Прохоров за его промышленную деятельность удостоился ордена Почетного Легиона; при этом заведующие отдельными частями фабрик товарищества также получили соответствующие награды.

II

Прохоров Николай Иванович, потомственный дворянин, Мануфактур-Советник, родился в Москве в 1860 году, скончался 19 сентября 1915 года на своей подмосковной даче, близ села Никольского. Заболел Николай Иванович в июне месяце. Не вполне оправившись, он стал выезжать и, не слушая советов врачей и близких, неустанно работал. Избранный председателем организационно-испытательной комиссии по устройству Московского военно-промышленного завода, Николай Иванович всецело отдался работе по мобилизации промышленности и до последних минут своей плодотворной жизни, будучи опасно болен, сильно интересовался делами исполнительной комиссии (названной выше). Смерть летала уже над ним, но, захлебываясь в волнах ее, он все твердил: «Как грустно, я лежу в постели, а люди работают».

Прохоров был одним из самых видных представителей московской промышленности и общественным деятелем. Он был самым крупным пайщиком, председателем правления товарищества Прохоровской Трехгорной мануфактуры, председателем правления товарищества Ярцевской мануфактуры, членом совета Русского для внешней торговли банка, владельцем каменноугольных копей в Донецком бассейне, казначеем Попечительного совета Иверской общины и принимал участие во многих просветительных и благотворительных учреждениях. Как только началась война, Николаем Ивановичем было устроено несколько лазаретов. Помимо организации лазаретов и гласных пожертвований, он много уделял из своих средств на нужды армии, о чем знали только близкие к нему люди. Он был известен также как общественный и политический деятель; промышленные круги неоднократно намечали его кандидатом в Государственную думу. В 1905 году уделил много труда на составление истории революции. Записки эти будут изданы. Почивший безукоризненно владел многими иностранными языками. Он получил образование в Ревельской гимназии, затем на юридическом факультете Московского университета, по окончании которого вступил в правление Прохоровской мануфактуры, во главе которой состоял до последних дней своей жизни, и превратил это предприятие в одно из самых известных и крупнейших в России, причем на своей фабрике постепенно вводил все новейшие технические усовершенствования. В то же вре-

мя он заботился об улучшении быта рабочих, устраивая больницы, школы и т.д. Благодаря этому и личному обаянию своему, он пользовался большим авторитетом и глубоким уважением в промышленных и общественных кругах и среди рабочих. Почивший уделял много времени организованной при фабрике школе, заботился о ней; он любил учеников школы, оказывал им всевозможные услуги, выдвигал талантливых. Он гордился школой и успехами учеников ее, — преклонялся перед трудом, труд был культом всей его жизни, в труде он находил цель и смысл жизни.

Ш

В. П. Рябушинский справедливо заметил: «Родовые фабрики были для нас то же самое, что родовые замки для средневековых рыцарей». В отношении Прохоровых это в особенности верно. Прохоровская семья, в лице ее мужчин, прежде всего жила своим делом. Выражение «прохоровский ситец» было указанием не только на фабричную марку, а на творчество семьи и ее представителей.

Поэтому Прохоровы мало проявили себя в общественной деятельности. Эта культурная и даровитая семья не дала ни городского головы, ни председателя биржевого комитета. Даже гласным думы, кажется, никто не был. Все время и все внимание уходило на фабрику. Зато на фабрике было сделано все, что можно: больница существовала с 70-х годов, — раньше была приемным покоем; амбулатория, родильный приют, богадельня; школа была устроена в 1816 году; ряд ремесленных училищ для подготовки квалифицированных рабочих, ряд библиотек, свой театр и т.д.

В деле благотворительности Прохоровы действовали, так сказать, «частным порядком», всегда отзывались в годы испытаний. Во время японской войны в Омске был устроен большой лазарет и питательный пункт. Им с успехом заведовала А. А. Прохорова, бывшая там и представительницей Красного Креста. Во время голода 1892 года Е. И. Беклемишева, урожденная Прохорова, открыла в Черниговском уезде столовую для голодающих и больницу для тифозных. Истратила она на это большие средства и заразилась от своих больных сыпным тифом. Она была очень талантливым скульптором: ее вещи были во всех музеях и многих частных коллекциях. Ее талант перешел к дочери, К. В. Беклемишевой, одного из самых талантливых и любимых скульпторов в эмиграции.

Наконец, можно упомянуть, что сын другой сестры, А. А. Алехин, был шахматным чемпионом мира.

П. Бурышкин

ИЗЫСКИВАЯ НОВЫЕ ПУТИ

КОКОРЕВ

Василий Александрович Кокорев был сын солигаличского купца средней руки, торговавшего солью. Мать его была женщина редких качеств, и всю свою жизнь Кокорев внимательно слушал ее советы. Семья была старообрядческая, принадлежала к беспоповскому поморскому согласию, и Василий Александрович до конца дней своих остался верен верованию отцов. Получил он весьма малое образование, нигде не учился, кроме как у старообрядческих начетчиков; никакой школы не кончил. Рано начал он заниматься торговой деятельностью и на ней приобрел необходимую в жизни опытность. Отсутствие книжных знаний пополнил чтением и вошел в ряд людей глубокой культуры; был хорошим оратором, красочно и остроумно — со словечками — выражал свои мысли; обладал литературным талантом и оставил ряд трудов...

Материальное благополучие Кокорева началось тогда, когда он стал заниматься откупами. В 1843 году он сделался поверенным одного из откупщиков и начал свою карьеру на этом пути с представления «записки» о необходимых реформах в откупном деле. В этом проекте Кокорев желал «придать торговле вином увлекательное направление в рассуждении цивилизации» и выдвигал мысль об откупном комиссионерстве. Питейный доход в то время составлял примерно 45% государственного бюджета, почему всякая мысль упорядочения откупного дела приветствовалась финансовой администрацией. Кокорев стал сам действовать как откупщик-комиссионер; дела у него пошли весьма успешно, он быстро составил огромное состояние и занял одно из первых мест среди откупщиков. С. И. Мамонов в своих воспоминаниях называл его «откупщицким царем».

Ставши богатым человеком, Кокорев дал полный простор и своей энергии, и своей творческой инициативе. Он был одним из пионеров русской нефтяной промышленности, создав еще в 1857 году в Сураханах завод для извлечения из нефти осветительного масла и Закавказское торговое товарищество, а впоследствии — Бакинское нефтяное общество. Он организует Волжско-Камский банк, сразу занявший видное место в русском финансовом мире; утверждает Северное страховое общество; строит в Москве знаменитое Кокоревское подворье, где имеется и гостиница, и торговые склады, — сооружение, которое стоило 2 ½ миллиона, — цифра рекордная по

тому времени; наконец, участвует в создании русского Общества пароходства и торговли.

Помимо своей деятельности в области народного хозяйства, Кокорев немало работал и в области общественной. Высшей точкой его общественной карьеры был год после Крымской войны. По совету Кокорева, во время Крымской войны откупа были сданы на новое четырехлетие без торгов, и это было временем его наибольшего значения. По окончании войны он обратил на себя внимание торжественной встречей, организованной черноморским морякам, приехавшим в Москву. Представители московского купечества в ноги кланялись защитникам Севастополя, а откуп разрешил героям три дня пить безданно и беспопшлинно.

Кокорев вообще славился устройством банкетов и разного рода чествований. Это он стал во главе лиц, оказавших в Москве гомерическое по размеру гостеприимство американскому посольству Фокса.

Общее оживление и пробуждение общественного мнения после Крымской войны встретили в нем горячего сторонника. Над его либерализмом подсмеивались и в шутку называли его «русским Лафитом». Поэт Н. Ф. Щербина находил, что на Кокорева нет и рифмы на русском языке, чтобы достойно воспеть его деяния. Но когда в первые годы царствования Александра II началось движение в пользу освобождения крестьян, — как это ни странно теперь, эту реформу нужно было пропагандировать, — он занял в ряду защитников отмены крепостного права одно из первых мест. На обеде в Английском клубе (1857) он произнес речь, напугавшую московского генерал-губернатора. Кроме того, издал ряд брошюр, в частности «Миллиард в тумане». Эта кличка так и осталась за ним в Москве.

Кокорев был также собирателем картин и начал покупать произведения и русских, и иностранных художников еще в начале 50-х годов. В 1861 году открытая им галерея в особо выстроенном для нее здании заключала в себе свыше 500 картин, из коих половина русской школы. Одною Брюллова было 42 картины; Айвазовского — 23. Были и произведения старинных русских живописцев: Левицкого, Боровиковского, Угрюмова, Матвеева, Кипренского и других.

Галерея Кокорева просуществовала, однако, недолго: менее десяти лет. После его банкротства она была распродана в розницу. Часть купил П. М. Третьяков для своей галереи, часть купил Александр III, тогда еще наследник престола. Лучшие иностранные картины были приобретены Дмитрием Петровичем Боткиным.

Главное литературное произведение Кокорева носит название «Русские провалы». Оно было напечатано незадолго до смерти автора и представляет своеобразное сочетание воспоминаний и ожесточенной критики разных

правительственных мероприятий. Вот как автор характеризует свою задачу:

«Пора государственной мысли перестать блуждать вне своей земли, пора прекратить поиски экономических основ за пределами отечества и засорять насильными пересадками на родную почву; пора, давно пора возвратиться домой и познать в своих людях свою силу».

Кокорев преисполнен самого глубокого пессимизма и видит будущее в черных красках.

«Печалование о расстройстве русских финансов, — пишет он, — объемлет в настоящее время все сословия; все чувствуют, как в наших карманах тают денежные средства и как неуклонно мы приближаемся к самому мрачному времени нужд и лишений».

Как известно, его мрачные предсказания не оправдались и ничего особо страшного не произошло. Русские финансы после реформы, связанной с эпохой С. Ю. Витте, стали на новый, более здоровый путь и успешно выдержали ряд таких испытаний, как русско-японская война. Вообще, все рассуждения Кокорева носят (в области экономики) характер славянофильствующей полемики и лишены серьезного и глубокого анализа действительности. Теперь не может не вызвать улыбки его попытка считать «провалами» привоз хлопка в Россию, или привоз чая морским путем, или, наконец, взаимоотношение между серебром и ассигнациями. К моменту опубликования своих писаний Кокорев уже не был в расцвете славы. Его мемуары не помогли ему вернуть былое влияние.

Как многие другие русские самородки, Кокорев не сумел удержаться на том высоком уровне, куда сумел себя вознести. Все его благополучие было связано теснейшим образом с откупами. Когда откупное дело стало сходить на нет, его дела пошатнулись и он увидел их запутанными. Он расплатился с казной, отдав за полщены свое московское подворье; продал свою коллекцию картин, свой дом. Совсем он не разорился, но прежних возможностей у него уже не было. Он войдет в историю как человек «большого калибра» и «игры ума». Его в шутку всегда называли кандидатом в министры финансов. В те времена ему это не было возможно, но и без этого не только в истории московского купечества, но и в русской истории вообще он останется яркой фигурой человека, который хорошо знал нужды России и ее народный характер, угадывал ее потребности и подчас находил нужное решение.

П. Бурыйшкін

ГУБОНИН

К московскому промышленному, скорее, финансовому миру принадлежал и Губонин, известный железнодорожный строитель, построивший ряд

новых линий, выполнивший много частных подрядов и сделавший себе огромное состояние, исчислявшееся, в период его расцвета, в десятках миллионов рублей. Петр Иванович Губонин родился в крепостной крестьянской семье в деревне Борисовой Коломенского уезда Московской губернии в 1828 году. Деревня эта принадлежала помещику Бибикову. Отец Губонина был каменщик, и у него самого, с молодых лет, было около Подольска небольшое заводское предприятие для тески камней. С молодых же лет он стал заниматься и подрядами по каменным работам. В дальнейшем, вместе с инженером Садовским, он получил подряд на постройку каменных мостов Московско-Курской железной дороги. Подряд был удачно выполнен, и, когда началась в России железнодорожная горячка в половине 60-х годов, он — временами один, временами в компании — построил немало новых дорог. Так, им были выстроены: Орловско-Витебская дорога, Грязе-Царицынская, Лозово-Севастопольская, Уральская, Горнозаводская, Балтийская и другие.

Ставши богатым человеком, он принял участие в создании многих новых предприятий, и банковских (Волжско-Камский банк), и страховых (Северное страховое общество), и общества «Нефть», и других. Купил он также в Крыму известное имение Гурзуф, завел там обширное виноделие и стремился сделать из него европейский курорт.

Губонин был тесно связан деловыми отношениями с Кокоревым, иногда даже они вместе получали концессии. Во многих кокоревских начинаниях, например, в Волжско-Камском банке участвовал Губонин. Кокорев и Губонина связывает еще и в известном смысле общая судьба: оба нажили большие деньги и оба их потеряли. Губонин не прошел через банкротство, как Кокорев, но от бывших миллионов не осталось и следа.

Губонин принимал также участие в постройке и создании культурных очагов. Так, в значительной степени на его средства было построено Комиссаровское техническое училище в Москве, которое долгое время готовило техников, очень ценившихся в московской промышленности.

Принимал Губонин ближайшее участие и в постройке у Москвы храма Христа Спасителя. Выйдя из крепостных крестьян, он прошел через купечество и вышел в дворянство. Он имел чин тайного советника и получил потомственное дворянство особым Высочайшим указом. Дворянство было ему дано «в воздаяние пожертвований с 1870-1872 года, на устройство и обеспечение бывшей в сем году политехнической выставки в Москве и во внимание к стремлению его своими трудами и достоянием содействовать общественной пользе». Позднее дворянское достоинство было распространено и на детей его. Но Губонин не захотел быть «мещанином во дворянстве», в чине тайного советника он ходил в картузе и сапогах бутылка-

ми и надевал звезду на долгополый сюртук.

У него было два сына: Сергей и Николай Петровичи. У них уже не было связи с московским купечеством. Один из его внуков был убит во время русско-японской войны на «Варяге».

П. Бурышкин

КОНОВАЛОВЫ

I

Основателем товарищества мануфактуры Ивана Коновалова с сыном является крестьянин вотчины помещика А. И. Хрущева — Петр Кузьмин Коновалов, который в 1812 году имел сновальное и красильное заведения в селе Болячках Костромской губернии, а в 1827 году ценность фабричного производства одной «китайки» достигала цифры 52 000 рублей.

В 1841 году, помимо «китайки», вырабатывались — миткаль, нанка, канифас, льняные скатерти и салфетки, и общая производительность в год достигла 217 000 рублей, которая увеличивалась из года в год, до самой смерти Петра Кузьмича, последовавшей в 1846 году, когда управление делами перешло к его сыну Александру Петровичу, так как старший сын Осип Петрович (1806-1855) из дела вышел, основавший собственную фабрику, а второй сын Ксенофонт Петрович вскоре (1849 год) умер.

В 1857 году Александр Петрович первый в Вичугском районе ввел паровой двигатель, а в 1864 году им была построена механическая ткацкая фабрика на 84 станка, тоже как новизна для этого района. В 1870 году на фабрике Александра Петровича работало уже 813 механических станков.

В 1870 году Александром Петровичем была закончена красильно-отделочная фабрика в местечке Каменка близ Волги и этим положено начало для целого ряда подобных фабрик Вичуго-Кинешемского района. Причина характерного для Вичугского края явления, приобретшего особенно широкое распространение с 80-х годов прошлого столетия лежит в недостатке воды, который с развитием фабрик начинает чувствоваться все сильнее и сильнее.

Стоимость годового производства по данным 1858 года достигала лишь 562 625 рублей, а в 1879 году она повысилась до 1 660 400 рублей, когда в производстве большое значение приобрела выработка льняного полотна, составляющая 25% стоимости общего производства. Число рабочих в последнем году достигло 2 000 человек, среди которых насчитывалось 20 мастеров и подмастерьев и 200 женщин.

Начиная с 1880 года, когда общее производство достигало 2 080 000 рублей, выработка льняных изделий снова начинает падать, и в настоящее время стоимость их не превышает 8% общей стоимости фабричного производства, которое превышает 10 миллионов.

По смерти Александра Петровича в 1889 году младший его сын Петр Александрович был выделен, и фабриками стал заведовать его старший сын Иван Александрович, которым в 1891 году была увеличена ткацкая фабрика до 2 237 механических ткацких станков, и в 1894 году была пущена в ход бумагопрядильная фабрика на 45 000 веретен, так что годовое производство к 1890 году достигло пяти миллионов рублей. Это и побудило Ивана Александровича преобразовать фирму из единоличного предприятия в паевое товарищество с основным капиталом 5 000 000 рублей, что и было осуществлено в 1897 году, когда общее руководство предприятием было отцом передано сыну Александру Ивановичу.

В 1900 году прядильная фабрика значительно расширяется до 65 000 веретен, также ткацкая, а особенно отбельно-отделочная фабрика начала расширяться, так что общая годовая выработка в 1912 году достигла 11 миллионов рублей. В этом году основной капитал увеличен до 7 000 000 рублей, а мощность всего предприятия характеризовалась следующими цифрами:

Прядильное производство. Количество прядильных веретен — 72 796, крутильных — 6 696. Переработано хлопка около 250 000 пудов.

Ткацкое производство. Количество механических станков — 2 237, на которых переработано бумажной пряжи — 165 560 пудов, а льняной и вигоневой — 13 773 пуда. Всего выработано бумажных, полульняных и льняных товаров — 863 810 штук, весом — 174 900 пудов. По заказам товарищества выработано другими фабрикантами бумажных товаров — 175 628 штук, весом — 27 122 пуда.

Отбельно-красильно-отделочное производство. Производительность этих фабрик в Каменке выражается цифрой около 1 110 000 штук.

Рабочие. На фабрике в Болячках около 5 000, а в Каменке около 1 000 человек, годовой заработок которых вместе составляет 1 200 000 рублей. Замечательно, что рабочие обеих фабрик, со дня их основания и до настоящего дня, т.е. в течение более 100 лет ни разу не бастовали, что служит самым лучшим доказательством прекрасных отношений между хозяевами и рабочими.

В 1912 году в ознаменование столетнего юбилея фирмы в Болячках открыта новая клиника-больница на 100 кроватей, родильный приют на 25 кроватей и ясли на 160 детей.

Ч. М. Иоксимович

II

Семья Коноваловых была костромского происхождения. Начало их промышленной карьеры описал Мельников-Печерский, автор «В лесах» и «На горах». Александр Иванович был четвертым поколением основателя дела. Отца его, Ивана Александровича, я знал хорошо. Звали его «Петр Великий», и он, действительно, был внешне похож на великого преобразователя России. Но на этом сходство и кончалось. Иван Александрович был известен своими легендарными кутежами и пристрастием к прекрасному полу. Не знаю, каким образом, но в начале столетия его как-то отстранили от дела, сослали в Харьков и дали соответствующую пенсию. Коноваловским делом стал управлять Александр Иванович. Коноваловская мануфактура «Т-во Ивана Коновалова с сыном», работала бельевой и одежный товар. Фабрика считалась немного устаревшей и, по сравнению со своим прошлым, в некотором упадке. Но дело считалось и было богатым.

Александр Иванович был первым браком женат на Второвой, сестре известного Николая Александровича. Они скоро разошлись. Вторым браком Александр Иванович женился на француженке, которая, если не ошибаюсь, была гувернанткой у Кокоревых. От первого брака у него был сын, Сергей Александрович, ныне профессор одного из английских университетов.

Александр Иванович был отличный музыкант-виртуоз — в Париже даже давал концерты. Был он учеником одной из самых больших русских знаменитостей.

Вторая половина общественной деятельности Александра Ивановича прошла на моих глазах.

Но в биржевом комитете я его уже не застал, а был он заместителем председателя.

П. Бурышкин

III

Коновалов Александр Иванович, Мануфактур-Советник, родился в 1875 году. Общее образование получил в Костромской гимназии и Московском университете, а профессиональное — в Мюльгаузене и Эльзасе, где он работал на фабриках и заводах.

По возвращении из-за границы в 1897 году принял на себя руководство делами товарищества мануфактур Ивана Коновалова с сыном. Александр Иванович был одним из инициаторов учреждения Костромского комитета торговли и мануфактур, председателем которого он состоял с 1905 по 1908 год. Инициативе Александра Ивановича принадлежит создание хлоп-

кового комитета при Московской бирже, открывшего свои действия в 1908 году для арбитража среднеазиатских, кавказских и персидских хлопков. В настоящее время Александр Иванович состоит с 1907 года председателем Российского Взаимного страхового союза, являясь одним из его учредителей; с 1906 года — выборным Московского биржевого общества, причем с 1906-1910 годы он был старшиной Московского биржевого комитета, а с 1908-1910 — заступающим место председателя Московского биржевого комитета, с 1901 года — членом Костромского комитета торговли и мануфактур, с 1906 — членом Московского отделения торговли и мануфактур, с 1908 — членом совета Московского купеческого общества взаимного кредита, с 1909 по 1912 годы Александр Иванович был избран членом Государственной думы четвертого созыва от Костромской губернии. В июле 1913 года был избран гласным по Кинешемскому уездному земству.

КРЕСТОВНИКОВЫ

Род Крестовниковых — является одним из самых старых. В писцовых книгах Костромской губернии еще во второй половине XVII века упоминается крестьянин под кличкой «Крестовник», каковая, видимо, произошла от того, что он постоянно принимал участие в «крестных ходах». Его сыновья сохранили это прозвище, и только позднее появилась полная фамилия. Впоследствии часть семьи переселилась в Москву и другие города. Так, по преданию семьи Крестовниковых, во время осады Оренбурга Пугачевым, в 1773-1774 годах, поставщиком на гарнизон был Гаврило Крестовников. От этого Гаврилы Крестовникова в семейство Григория Александровича, председателя биржевого Московского комитета, по наследству перешла икона, перед которой, по семейному преданию, прабабушка Григория Александровича молилась, когда Пугачев шел братъ приступом Оренбург.

В Москве Крестовниковы появляются в начале XIX века. По материалам для истории московского купечества, собранным Н. А. Найденовым, они состоят в московском купечестве с 1826 года, и перечислились из города Переславля-Залесского Владимирской губернии. Но, видимо, они были в Москве и ранее, так как в библиотеке Московского биржевого комитета сохранились письма одного из Крестовниковых, повествующего о своих приключениях в Москве, занятой французами в 1812 году, и о том, как он оттуда с трудом выбрался. Сохранились также и балансы их предприятий (от 1817 года), где они участвовали с какими-то другими компаньонами. Но с конца 20-х годов они начинают действовать самостоятельно.

У Константина Косьмича Крестовникова, умершего совсем молодым около 1830 года, было семь сыновей, из которых только у старшего, Александра Константиновича, и у Владимира Константиновича были дети. Ос-

тальные умерли бездетными. Все братья первоначально участвовали в общих торговых и промышленных делах, но главное руководство было в руках Александра Константиновича.

В 1847 году братья Крестовниковы построили в сельце Поляна Московской губернии, при станции Лобная, Савельевской железной дороги, прядильную фабрику, перейдя, таким образом, из группы торговцев в промышленники. В 1853 году они же построили в Казани стеариново-мыловаренный завод. Впоследствии этот завод сделался и глицериновым, и химическим. Этим заводом до глубокой старости управлял Иосиф Константинович, который обладал большими знаниями по химии...

Этот завод был в России первым по своей специальности и, после Октябрьского переворота, стал государственным заводом по обработке жир-веществ № 1.

Для характеристики одного из Крестовниковых старшего поколения я приведу интервью по поводу таможенной войны с Германией, которое появилось в газете «Новое время» в 1893 году. Вот как смотрят на дела В. и К. Крестовниковы, представители фабрично-торгового товарищества братьев Крестовниковых; фирма имеет некоторые отношения с Германией, отправляя туда глицерин и, хотя на теперешней войне не теряет пока, не выгадывает, но готова и на потери, лишь бы выйти с честью из нынешнего положения.

«Иначе нельзя, — говорил воодушевлено седой старик Крестовников, — без потерь невозможно. Потерпим, если нужно. Но чтобы из этого толк вышел, а не один только разговор. Надо характер выдержать. Достаточно раз мы подставляли наши затылки. Довольно. Пора и за свой ум взяться. Ведь вот вы небось читали, что мы не успели объявить наши повышенные тарифы, как в Познани, если не ошибаюсь, уже некоторые фабрики закрылись. Значит уже и кранкен. И существовали, значит, они исключительно на наш счет, как чужеродные грибки и полипы, следовательно, польза нам уже есть от этой войны. Есть польза и от одного сознания, что им без нас никак нельзя, а нам без них можно. Только мы попридержались, и уже плохо: фабрики прекратили свое действие. Ведь это замечательный факт. И невольно вспомнится тут и Петр Великий, и его дубина. Задал бы он этому покупающему познанские чемоданы, — разве мы не можем обойтись без познанских фабрик. Зачем же мы содержим за свой счет эту ораву. Нет, непременно, во что бы то ни стало, нужно выдержать характер, понести жертвы, но выйти, наконец, на свою дорогу. Что за опека. Да и зачем они нам. Мы и без ихних чемоданчиков и саквояжиков как-нибудь извернемся, а вот как они без нашего хлебушки будут обходиться, — вот это мы посмотрим. Хлеб ведь для близира покупается. Без хлеба обойтись трудно-

то. Некоторым образом можно с голоду умереть». В 1847 году Александр Константинович женился на Софии Юрьевне Милиотти, и в 1885 году у нее родился сын Григорий. Будущий председатель Московского биржевого комитета окончил Московский университет по естественному отделению физико-математического факультета и, совместно с профессором В. В. Мордвиновым, опубликовал ряд работ по органической химии в журнале Русского физико-химического общества, и в Берлинском химическом обществе. Проработав около года, после окончания университета, на Казанском заводе своей семьи, он поступил на службу в управление Московской-Купеческой, тогда еще частной, железной дороги. В начале 90-х годов дорога была выкуплена казной, и Г. А., представляя интересы прежнего общества, вошел в соприкосновение с крупными петербургскими деятелями, как Н. А. Вышеградский, С. Ю. Витте, Поссьер и др.

В начале 90-х годов Григорий Александрович вернулся в товарищество братьев Крестовниковых, где занял место председателя правления. К этому времени братья его отца достигли уже старости и уходили на покой. Григорию Александровичу пришлось активнейшим образом взяться за руководство сложными и разносторонними делами их фирмы. Ему приходилось каждый год ездить в Сибирь для организации там скупки бараньего сала. Эти поездки, по санному пути, на лошадях — Сибирской дороги тогда еще не было — дали ему возможность хорошо познакомиться с российской действительностью того времени и, в частности, с крестьянским хозяйством и убедиться, насколько плохо обстояло дело с крестьянским скотоводством. Он стал противником общины и считал, что переход к хуторскому хозяйству может способствовать подъему благосостояния в деревне.

По инициативе Григория Александровича было создано товарищество Московского механического завода, первого в России (по времени) по изготовлению ткацких станков. Это свое начинание Григорий Александрович считал одним из самых важных из осуществленных им.

Примерно в это время начинается и его работа в биржевом комитете при Н. А. Найденове. В 1896 году, во время всероссийской выставки в Нижнем Новгороде, от несет трудную обязанность председателя комиссии экспертов; участвует активно в происходящем там торгово-промышленном съезде.

Г. А. Крестовников был, несомненно, одним из самых выдающихся общественно-промышленных деятелей, которых знала дореволюционная Россия, и это тем более примечательно, что его активная работа на командных постах продолжалась сравнительно недолго: около десяти лет (с 1906 по 1915 год): она сводилась всего к двум моментам: председательству в Московском биржевом комитете и участию в Государственном совете по

выборам от торговли и промышленности. Правда, раньше он недолго был членом Московской городской думы, участвовал в биржевом комитете, при Н. А. Найденове, но его яркая, волевая и авторитетная фигура — выявилась тогда, когда он занял пост председателя биржевого комитета. Он не ставил, кстати сказать, свою кандидатуру, он выдвигал популярное в Москве имя С. И. Четверикова, но последний сам настаивал на необходимости выбрать Крестовникова, и биржа пошла за ним. Для нового председателя задача была не легкая. Во-первых, у всех на памяти была деятельность его предшественника, двадцать пять лет с лишним сохранявшего свое звание; во-вторых, время было исключительно трудное, — Россия только что пережила первую революцию, и определить позицию торгово-промышленного класса, установить вехи, по которым ему надлежало двигаться, — было делом весьма и весьма нелегким.

Мне уже пришлось говорить, что в эту пору Москва как бы выпустила из своих рук «лидерство», не сумев, или не желая явиться центром всероссийских организаций промышленности и торговли, — то, что в скором будущем осуществил Совет съездов. Здесь я только добавлю, что ударение нужно делать на слове «не желая», так как и Крестовников, и те, на кого он опирался, — а это было громадное большинство тех, кто был связан с биржей, — вовсе не стремились тогда подставлять вместо московской организации всероссийскую.

Г.А. Крестовников отлично разбирался в вопросах общегосударственного значения; доказательством тому служат его речи в Государственном совете, где он был одним из ораторов, которых слушали, но в порядке организационном он отстаивал самостоятельность — можно бы сказать «самостийность» — биржевого комитета в Москве. Это ему Московская биржа обязана тем, что ее комитет до самых дней революции остался «сам по себе», — одной из самых влиятельных промышленных группировок в России.

Я не знаю, любил ли Григорий Александрович Петербург, но для меня несомненно, что он, как и многие другие московские жители, недолго любил петербургское чиновничество и, в особенности, чиновников от промышленности. Это ярко сказывалось на его отношениях, а за ним шел и весь биржевой комитет с Советом съездов. Конечно, официально комитет входил в состав петербургских группировок: представители Москвы были на съездах, где их принимали с почетом, и всегда сажали на председательские места. Григорий Александрович бывал и председателем съезда, или председательствующим на самых больших собраниях, а все-таки чувствовалось, что Крестовников не только «отражает» московские интересы и настроения, но и сам способствует этому противоположению одной столицы другой. И эта нарочито московская позиция Крестовникова весьма спо-

собствовала усилению и его авторитета, и его популярности. Редко кто начинал с ним спор в собрании биржевых выборных. Да надо и прибавить, что к своим председательским обязанностям Григорий Александрович относился с необычайной добросовестностью и всегда полностью знал те вопросы, которые будут обсуждаться, и мог дать все справки.

В его манере нести торгово-промышленное представительство была еще одна особенность, которая тоже немало способствовала усилению его авторитета. Я не очень знаю, интересовался ли он политикой, как таковою, но в нем не было и признаков «партийности». Он не боялся окружать себя, даже брать себе ближайшими помощниками своих политических противников. С П. П. Рябушинским, который смотрел на многие вещи совсем иначе, чем Григорий Александрович, они довольно долго вместе дружно работали, находя общий язык по вопросам профессиональным или с точки зрения общих интересов промышленности.

В его фигуре было спокойствие, я бы сказал, величавость. Не помню, чтобы он когда-нибудь кричал, суетился или «кипятился». Он не был оратор адвокатского склада, но когда он говорил, у него всегда было что сказать, и потому его внимательно слушали.

Примерно с 1900 года Григорий Александрович состоял председателем совета Московского купеческого банка. Банковской организации тогда в России еще не было, а когда она возникла, она была в Петербурге. Купеческий банк был самым крупным финансовым учреждением, и остальные банки группировались вокруг него, образовав, не формально, как бы банковский комитет. Это придавало должности председателя Совета как бы общественный характер и было впоследствии важным дополнением к роли Григория Александровича председателя биржевого комитета.

Григорий Александрович был женат на дочери Тимофея Саввича Морозова, Юлии Тимофеевне. Это усиливало его связь с московским хлопчатобумажным миром, который считал его своим.

Дети Григория Александровича и Сергея Владимировича продолжали жизнь семьи в ее старых традициях.

П. Бурышкин

СЛЕД ИХ ОСТАНЕТСЯ НЕИЗГЛАДИМЫМ

СТАХЕЕВЫ

Совместная дружная работа Ивана Ивановича Стахеева и Прокопия Петровича Батолина в течение многих лет (с 1899 г.) была всегда неизменно направлена на улучшение способов ведения своих обширных операций и на дальнейшее безостановочное развитие их, вызываемое требованиями жизни и времени. В круг их деятельности входили: крупнейшее в России по размерам хлебное дело на внутреннем и внешнем рынках; вопросы земледелия и сельского хозяйства; торговля нефтью и керосином; транспортное дело, как тесно связанное с этими делами; торговля мануфактурой и другими товарами, обслуживающими потребности широких народных масс.

Развитие именно этих отраслей торговли и промышленности и составило содержание большей части отдельных обществ и организаций, объединенных впоследствии под фирмой торгово-промышленного товарищества «Иван Стахеев и К^о».

Хлебное дело — коренное дело товарищества, и к нему оно относилось с особенной любовью и заботой.

Начав дело в районе родного Прикамья, товарищество постепенно распространялось, с одной стороны, на восток и Сибирь, с другой — оставалось в центральных губерниях, где открывало конторы, и далее на юг, к богатому Черноморскому побережью.

Производя значительные операции с отправкой наших хлебных товаров за границу и чувствуя тоже непосредственно на себе все отрицательные стороны и все неустройство нашего портового дела, товарищество задумало самостоятельно устроить по крайней мере себя и, на первых порах, для экспорта через Балтику приобрело земельные участки и складочные помещения в городе Балтийском Порту с намерением начать работы для расширения уже существующей там небольшой гавани и оборудования ее по всем правилам современной портовой техники, а для районов, тяготеющих к Черному морю, товарищество приобрело участие в обществе, имеющем складочные и погрузочные средства и прекрасно оборудованную гавань в городе Николаеве.

По мере такого разрастания дела товарищество в целях и в видах луч-

шего руководства делом создавало отдельные организации в главных районах; для Восточной России, с главной конторой в Елабуге, — Камско-Вятское торговое товарищество; для Волжского района, с центром в городе Казани, — общество Казанских мельниц, которому товарищество передало принадлежащую ему большую паровую мукомольную мельницу около Казани; для хлебного района Центральной России было учреждено Соединенное общество сельского хозяйства и торговли с главной конторой в Кирсанове (Тамбовской губернии), которому переданы имение, принадлежащее товариществу Б этой губернии, и мукомольная мельница (с водяными турбинами); для Юга России товарищество учредило Акционерное общество торговли и промышленности на Юге России с главной конторой в Николаеве, важном портовом городе на Черном море; этому обществу, с открытием после войны проливов, предстоит огромная работа.

Параллельно с развитием операций с торговлей хлебом товарищество все время укрепляло свои связи с производителями зерна. Помимо собственного непосредственного участия в обработке земли и сборе хлебов, товариществом были образованы, при участии владельцев земли, два общества — «Рожь» и «Колос».

Постепенное развитие торговли нефтяными продуктами имело своим последствием занятие заметного места в общих оборотах страны и определенного положения на рынке, чему еще способствовали и имевшиеся в распоряжении довольно большие перевозочные средства, обслуживавшие главным образом бассейн реки Волги.

Но, естественно, желание положить в основу торговли собственную нефть и этим укрепить свое положение в этой области все время заставляло думать о том, чтобы обзавестись собственными нефтяными промыслами.

Мысль о том, чтобы утвердиться где-нибудь в Баку или Грозном, была оставлена из-за трудности конкурировать там с местными старыми, уже сильно укрепившимися фирмами. Поэтому нужно было думать о новых, еще не разведанных областях. С этой целью была приобретена концессия на разработку нефти в пустынных и безлюдных степях южной части Уральской области. Начаты были, несмотря на огромные трудности, из-за дикости и отдаленности местности, интенсивные работы, которые через два года настолько увенчались успехом, что представилось вполне целесообразным затратить в этой работе большие капиталы: было учреждено первое акционерное общество с капиталом в 6 миллионов рублей. С учреждением этого общества дело пошло значительно быстрее. Было приступлено к обширным эксплуатационным и разведочным работам, и к концу второго года своего существования добыча этого общества была доведена до уровня 5,5 миллионов пудов в год. Такие блестящие результаты работы этого пер-

вого общества дали возможность товариществу организовать вторую, еще с большим капиталом, компанию для эксплуатации остальных оставшихся у него в той же Уральской области нефтеносных земель.

В настоящее время степи Уральской области совершенно преобразились: появилось много новых, прекрасно оборудованных поселков, степь покрыта лесом вышек, дымят два больших завода, проложены длинные нефтепроводы (более 100 верст длиной). Новый Уральский нефтеносный район по количеству добываемой нефти занимает сейчас уже третье место в России.

Одновременно с этим товарищество предпринимало шаги к укреплению и развитию торговли нефтяными продуктами путем приобретения и постройки складов и перевозочных средств, главным образом по Волге, Каме и на востоке, по всей Сибири.

Как было указано выше, торговля мануфактурой была одним из важных отделов деятельности учредителей товарищества. Думая о создании условий для того, чтобы этой отрасли дать возможность работать совершенно самостоятельно, товарищество наметило логическое развитие ее в приобретении в дальнейшем, с одной стороны, фабрик и, с другой, земель для культуры и сбора хлопка.

С этой целью товарищество начало выполнение этой программы покупкой участков в Ферганской области и энергично занялось орошением и культурой хлопка на этих участках. Затем эти участки были переданы образованному новому обществу «Фергана», которое имело целью дальнейшее расширение посевных площадей. Для очистки и переработки хлопка и хлопкового семени приобретено участие, кроме намеченных к постройке новых заводов, в известных в этом крае предприятиях Андреевского товарищества, маслособойного завода Соловьева в Андижане и общества «Салонин». Для скупки же хлопка и торговли им было образовано Русско-Азиатское хлопковое общество с правлением в Москве, этом главном центре хлопковых оборотов в России.

Вслед за Ферганской областью товарищество распространило свою деятельность и начало развивать ее в обширных, почти еще не тронутых владениях смежного Бухарского ханства. Из почти неисчерпаемого запаса земель, годных под культуру хлопка, товарищество уже обеспечило себя очень значительной площадью и ныне разрабатывает планы и схемы целого ряда предприятий, имеющих целью использовать природные богатства страны и приобщить их к торговле и промышленности в современном значении этих слов. Имеются в виду обширные оросительные работы в системе рек Амударья и Сырдарья, для чего часть машин выслана уже сейчас.

Для вывоза продуктов, производимых в Бухаре, и для ввоза товаров,

необходимых ее населению, а также для сооружения всякого рода фабрик, мельниц и т.п. учреждается Русско-Бухарское торгово-промышленное общество.

Особенно успешно товарищество выполнило последнюю часть программы: участие в переработке хлопка. В Петрограде было приобретено стариннейшее большое предприятие Российской бумагопрядильной мануфактуры, владеющее четырьмя большими фабриками в разных частях города, обслуживаемыми 12 тысячами рабочих, и в Москве тоже очень значительная Истомкинская мануфактура «Шибаетова с с-ей».

Владея этими крупными фабриками и имея в виду значительно изменить технические и хозяйственные способы эксплуатации их, товарищество наметило сильнейшее расширение своего фабричного дела для того, чтобы затраты, необходимые для поднятия технического совершенства вырабатываемых товаров — на приглашение специалистов русских и иностранных, образование опытных лабораторий и т.д. легли бы равномерно на стоимость товаров и, по возможности, легче окупались. Таким образом, товарищество использовало вскоре представившиеся случаи и купило Старо-Горкинскую мануфактуру при селе Михневе и затем Большую Шуйскую мануфактуру — обе в Московском районе. Общее количество находящихся в распоряжении товарищества веретен достигло вследствие этого количества в 400 тысяч, что в связи с имеющимися в этих предприятиях большими ткацкими, красильными и набивными производствами дает товариществу одно из первых мест по его значению в текстильной промышленности.

Имеющее громадное значение вообще, а для молодых в экономическом отношении стран, как Бухара и области Средней Азии в особенности, железнодорожное хозяйство привлекло к себе внимание товарищества с первых же шагов его деятельности в Средней Азии.

Путем приобретения значительных количеств акций товарищество приобрело возможность делового влияния на обслуживающие Бухару и Среднюю Азию уже построенные Бухарскую и Ферганскую железные дороги и на строящуюся еще Семиреченскую железную дорогу.

Начав таким образом работу в этой важнейшей отрасли государственного хозяйства, товарищество таким же путем добилось руководящего влияния в ряде других железнодорожных обществ, в том числе и в обществе Московско-Казанской железной дороги, едва ли не самой важнейшей в России и с наибольшей будущностью, в Бугульминской и Северо-донецкой железных дорогах.

Помимо старания, которое товарищество прилагает и будет прилагать к улучшению и усовершенствованию железнодорожного дела, оно руководится в своей железнодорожной политике сознанием необходимости воз-

можно больше расширить сеть железных дорог, которых в России, сравнительно с» другими культурными странами, слишком мало.

Так, товарищество приняло участие в производящей ныне постройке Южно-Сибирской железной дороги, имеющей значение как; в смысле создания колонизационного фонда, так и образования выхода богатейших в России угольных и медных месторождений края.

Касаясь мимоходом другой, столь же важной области путей сообщения — судоходства, нужно только заметить, что товарищество, будучи всегда озабочено вопросом создания русского морского коммерческого пароходства, успело лишь положить начало своей работы в этом направлении в водах Охотского моря, где оно обзавелось небольшой пока еще флотилией судов. Это начало оказалось для фирмы удачным, так как судоходство в дальневосточных водах — единственное не пострадавшее от военных невзгод и на долю которого выпала самая напряженная работа. Дальнейшие шаги товарищество, ввиду слишком большой сложности вопроса, оставило до окончания войны.

Горнозаводская промышленность после столь удачного начала в области нефтедобывания не переставала привлекать к себе внимания товарищества. Оно заручилось некоторыми заводами и концессиями на разработку недр на Кавказе, в Сибири, Средней Азии и Монголии, образовало акционерное общество для исследования и организации горных и промышленных предприятий, в которое, между прочим, впервые привлекло в качестве участников-пайщиков своих сотрудников-инженеров. Это общество, к руководству делами которого привлечены многие крупные научные и технические силы, немедленно же после своего учреждения организовало несколько экспедиций на поиски различных ископаемых в некоторые богатые, но малоизвестные и мало разведанные районы.

Хлебные операции товарищества положили начало деловым сношениям с другой окраиной России — Дальним Востоком. Товарищество, которое в своей программе ставило создание и развитие торгово-промышленной деятельности окраин на видное место, воспользовалось предоставившейся возможностью приобрести концессии на разработку рыбных и лесных богатств на глухих берегах Охотского моря и на его островах, снарядило туда экспедицию для исследования этого края и прилегающих островов.

Учрежденное товариществом, совместно с крупными рыбопромышленниками, Охотско-Амурское рыбопромышленное общество занимает в настоящее время по улову рыбы по реке Амур, на Камчатке и острове Сахалине одно из первых мест.

Начав у себя таким образом и лесное дело, товарищество с обычной энергией занялось его организацией по всей России. Были приобретены в

самом начале лесные площади около Петрограда, в Новгородской губернии, лес в которых предназначался для местного потребления (одно из входящих в товарищество обществ приобрело в Петрограде лесопильный и фанерный завод, на который этот лес и доставлялся на переработку), а затем и большие лесные дачи на реках Унже и Каме.

Таким образом, лесное дело приняло уже значительные размеры, и, следуя своей системе, товарищество образовало для его дальнейшего развития отдельное общество под названием Батолинское лесопромышленное общество, в котором приняла участие крупная нефтяная фирма (Т-во бр. Нобель), что заранее обеспечивает большой сбыт лесных материалов (для разных потребностей нефтяной промышленности).

Великая европейская война в числе других указала на высокую, можно, пожалуй, сказать — мировую важность нашего лесного хозяйства и в то же время крайне неудовлетворительную постановку его у нас, из-за которой вся выгода нашего лесного экспорта доставалась иностранцам, главным образом немцам, которые возили к себе по дешевым ценам наше сырье. Товарищество решило внести свою долю в улучшение этого положения и в последнее время приобрело обширные лесные концессии в России на реке Мезени, с тем чтобы построить здесь обширные лесопильные заводы для переработки дерева, производства бумажной массы, недостаток которой так больно отразился на нашем печатном деле, и в дальней Персии, в северной ее части, граничащей с нашими среднеазиатскими владениями.

Проведение в жизнь и дальнейшее закрепление всех этих предприятий почти во всех важнейших отделах экономической жизни страны потребовало, конечно, огромных средств, которыми не могли располагать ни отдельные лица, ни какое-либо отдельное кредитное учреждение. Товарищество справилось и с этой задачей, проведя и в этой области свой принцип приобретения возможно большей самостоятельности.

Будучи, благодаря своим постоянным обширным операциям, в лучших отношениях с наиболее крупными русскими и заграничными банками, товарищество вначале имело возможность широко использовать свои связи.

Но дальнейшее расширение дела не позволило товариществу продолжать ту же политику, которая уже не давала больше гарантий для беспрепятственной и спокойной деятельности.

В этих целях для финансирования, например, огромных предприятий в Средней Азии, о которых упомянуто выше, товарищество в соглашении с другими крупными учреждениями открывает свой отдельный банк, специально для работы в этой области, с будущим местом правления в городе Бухаре. Для своей деятельности на севере России и сношений с границей товарищество учредило специально Русско-норвежский банк, в котором

половинное участие принимают крупные капиталисты и промышленники Норвегии.

Продолжая ту же политику, товарищество успело в то же время путем покупки акций приобрести значительные доли капиталов некоторых из самых больших петроградских и московских банков.

Сделавшись таким образом совладельцем этих банков, товарищество имеет возможность непосредственно участвовать в их работе и содействовать тому, чтобы их деятельность была бы направлена по наиболее здоровому пути, отвечающему интересам общей экономической жизни России и развитию и процветанию ее производительных сил.

В самое последнее время ввиду все расширяющейся области работ товарищества организована экспедиция для разведок на железо в Приамурской области, угля — на Сахалине, начата эксплуатация лесных богатств и намечена постройка соответствующих заводов, товарищество начало хлопотать об учреждении банка, который бы обслуживал Дальний Восток, а в будущем взял бы посредничество для сношений с Японией и Америкой.

Заканчивая этот краткий очерк деятельности, в результате которой, как можно видеть из приведенных данных, работа товарищества распространялась на заметную уже долю всей экономической жизни страны, остается еще дополнить этот очерк упоминанием о тех начинаниях, которые товарищество все время делало и продолжает делать в области культурно-просветительного дела России.

Так, товарищество оказывает финансовую поддержку народным общеобразовательным курсам и реальному училищу, учрежденным Черняевым в Петрограде. Далее, учреждено при содействии товарищества Общество для распространения образования.

Недостаток технического персонала с теоретическими и практическими знаниями не мог не ощущаться, в частности, и у товарищества, которому нужны и будут нужны много работников-техников, что побудило товарищество заняться вопросом об учреждении обширного народного политехникума. Проект этого политехникума сейчас разрабатывается, и товарищество надеется, как только минуют тяжелые времена войны и внутреннего строительства, найти средства и способы, чтобы этому проекту дать жизнь.

В последнее время товарищество вошло участником самого большого в России издательства и книжного дела, уже имеющего за собой большие заслуги в деле поднятия народного развития, с целью еще более интенсивно развить его деятельность путем открытия отделений во всех самых глухих углах России.

В связи с этим проектом товарищество приняло главное участие в уст-

ройстве первого у нас Всероссийского телеграфного агентства с чрезвычайно обширными задачами и обширной организацией, с собственными телеграфными и телефонными линиями, проекты которых уже вырабатываются по последнему слову техники, и, далее, приобрело одну из крупнейших в России бумажных фабрик Российского общества писчебумажных фабрик в Петрограде (Печаткина) и еще одну бумажную фабрику на юге (в Ростове-на-Дону).

Пропуская перечисление других, менее значительных предприятий, имеющих подсобный характер по отношению к более крупным, упомянутым в этом очерке, дадим еще, наконец, общую характеристику объема сего дела товарищества в рублях: баланс товарищества за 1917 год достиг цифры, превышающей 300 миллионов рублей, а если принять во внимание обороты всех предприятий, связанных с ним, то цифра влияния товарищества на народное хозяйство уже выражается в миллиардах.

В тяжелые времена, наступившие для страны с началом войны, потрясшие в основе всю экономическую жизнь России и внесшие тяжкое расстройство в торговлю и промышленность, а затем принесшие и небывалую по результатам революцию и последовавшую за ней, к несчастью, еще большую разруху всех экономических отношений в тяжелый период созидания нового порядка и гражданственности, товарищество ни минуты не оставалось в своей систематической и неустанной работе, несмотря на все большие и большие трудности, которые оно встречало на своем пути.

1917 г.

ВТОРОВЫ

I

В деле развития мануфактурной промышленности, наряду фабрикантами прилагали свой ТОУД, свой капитал и с фабрикантами прилагали свой труд, свой капитал и оптовые торговцы мануфактурными товарами. Благодаря их предприимчивости, их энергии, мануфактурные товары из промышленных районов проникали в далекие окраины нашего обширного отечества, благодаря им приобретались новые рынки. В XIX столетии торговля мануфактурою в центральных губерниях сосредотачивалась в руках небольшого числа скупщиков — оптовых торговцев: братьев Щаповых, И.В. Щукина, Н.И. Харузина, С.П. Оконишников, И.И. Дунаева и некоторых других; их торговля ограничивалась преимущественно Москвою и Нижним Новгородом. Что же касается далеких окраин, например, Сибири, Средней Азии, Заволжья, то проводниками мануфактурных товаров являлись скуп-

щики — меновщики, которые к окраинам направляли предметы фабрично-заводской промышленности, а оттуда они привозили естественные произведения тех стран. Такие торговые фирмы, как сыгравшие и играющие еще большую роль в общем государственном хозяйстве, заслуживают полного уважения и должны занять почетное место в истории развития русской промышленности. Среди них в этом отношении должна быть отмечена фирма Стахеева, но были и такие фирмы, которые вывозом сибирских товаров не занимались. К числу этих последних принадлежит товарищество А. Ф. Второва с сыновьями.

Основателем этого товарищества был мещанин города Луха, Костромской губернии, Александр Федорович Второв.

В 1866 году он открыл в городе Иркутске оптовую мануфактурную торговлю. Открытие торговли в таком отдаленном городе, каковым является Иркутск, в то время представляло большие затруднения. Отсутствие правильно поставленных отношений с покупателями, с одной стороны, и неудобные пути сообщений — с другой, сильно отражались на планомерном развитии дела. Товар приходилось закупать в Москве и на Нижегородской ярмарке. Для этой цели Александр Федорович ездил сам в Москву и на Нижегородскую ярмарку, причем на одну дорогу из Иркутска приходилось тратить 1-1 1/2 месяца.

Из Москвы товар отправляли гужом до места назначения. На доставку товара тратилось от 3 до 4 месяцев. Таким образом, только на закупку и доставку товара на место назначения уходило около полугода. Это обстоятельство, разумеется, не позволяло в достаточной степени увеличивать оборот, так как капитал мог оборачиваться только один раз в год. Трудность доставки товара заставляла быть очень предусмотрительным в его сортировке, так как в случае недостачи того или другого сорта покупать товар для подсортировки было очень затруднительно.

С этой задачей Александр Федорович справлялся очень успешно. Товар был в надлежащем ассортименте, и поэтому его дело начало увеличиваться.

Кроме Иркутска, с течением времени он начал выезжать на Верхнеудинскую и Преображенскую ярмарки. Затем он открыл отделения в Томске, Верхнеудинске, Сретенске, Чите и Троицкосавске.

Как человек, обладающий природными коммерческими дарованиями, он скоро убедился в необходимости открытия наряду с оптовой и розничной торговли. Как в Иркутске, так и во всех вновь открытых отделениях он открыл розничные магазины, в которых торговля производилась не только мануфактурой, но и готовым платьем, обувью, галантерейным товаром и проч. Таким образом, дело начинало принимать почти универсальный характер.

С открытием железнодорожного сообщения дело стало на более прочные основания. Явилась возможность организовать непрерывную покупку товара, и условия доставки его значительно улучшились.

В 1897 году Александр Федорович переселяется на постоянное жительство в Москву, где и руководит покупкой товара для отделений в Сибири.

В 1900 году он учредил паевое товарищество с основным капиталом в 3 000 000 рублей, директором-распорядителем которого он состоял до самой смерти. В 1906-1907 году товарищество приобрело мануфактурное дело у Н. Д. Стахеева и вместе с тем открыло отделения в Западной Сибири.

20 октября 1911 года Александр Федорович Второв скончался на 74 году жизни. До самой своей смерти он стоял во главе предприятия и интересовался всеми его делами.

После смерти Александра Федоровича во главе товарищества стали его сыновья Николай Александрович и Александр Александрович Второвы, которые ведут это дело до настоящего времени.

В настоящее время товарищество имеет торговлю в 11 городах Восточной и Западной Сибири: Иркутске, Верхнеудинске, Чите, Сретенске, Троицкосавске, Томске, Барнауле, Бийске, Новониколаевске, Камне и Екатеринбурге. В большинстве из этих городов товарищество имеет свою недвижимость, которая оценивается в три миллиона рублей.

Основной капитал в период существования товарищества несколько раз увеличивался и в настоящее время достиг до 10 000 000 рублей. Оборот товарищества в настоящее время выражается около 30 000 000 рублей.

В правлении и в отделениях занято около 1 300 служащих.

В память умершего Александра Федоровича Второва правление товарищества учредило фонд для выдачи пособий служащим товарищества с капиталом в 300 000 рублей. Кроме этого, товарищество ежегодно отчисляет на пополнение его суммы, по постановлению общего собрания пайщиков.

В состав правления входят: директора — Николай Александрович, Александр Александрович и Борис Николаевич Второвы и кандидаты София Ильинична Второва, Константин Алексеевич Мозгов и Семен Алексеевич Симаков.

Торгово-промышленная деятельность семьи Второвых в настоящее время не ограничивается уже Сибирью, а начинает приобретать командующее положение и на всем нашем внутреннем мануфактурном рынке. Глава этой семьи Н. А. Второв представляет из себя крупного коммерсанта в полном значении этого слова, обладающего большой инициативой, смелостью и решительностью в действиях.

Его деятельность уже не ограничивается одним мануфактурным рынком; она начинает проявляться и в других отраслях коммерческой деятельности.

В течение нескольких столетий торгово-промышленная Москва — громадный фабричный центральный район с его конторами и оптовыми складами — теснилось в Китай-городе; никакие расширения, направленные вверх, не могли удовлетворить потребность в помещениях для быстро растущей промышленности. Чтобы разгрузить Ильинку и Варварку, Н. А. Второв строит вне Китай-города, на Варварской площади, огромное здание «Деловой двор», специально приспособленное для торгово-промышленных предприятий. Огромное многомиллионное здание далеко не было готово, а все его помещения уже были заарендованы нашими крупнейшими фирмами. Этой постройкой была пробита вековая брешь торгово-промышленной жизни города Москвы.

Н. А. Второв является главным организатором Акционерного общества «Поставщик», учрежденного им из приобретенного дела фирмы «Тиль», издавна работавшей на военное ведомство.

Кроме того, он явился организатором крупнейшего дела объединения продажи выработки трех первоклассных фабрик московского района: товарищества Н. Н. Коншина, товарищества Даниловской мануфактуры и товарищества А. Гюбнера. Для этой цели эти фирмы по его инициативе учредили товарищество Внутренней и Вывозной торговли мануфактурными товарами, которое и приняло на себя реализацию товара означенных фабрик. Во главе этого товарищества стал Н. А. Второв. Это товарищество, с основным капиталом в 15 000 000 рублей, в столицах и других значительных торговых центрах Европейской и Азиатской России открыло торговые склады для торговли всевозможными хлопчатобумажными товарами и пряжею. Чтобы иметь полный ассортимент товаров, товарищество нашло нужным приобрести фабрику А. Г. Гусева, изготовляющую тяжелые бумажные ткани.

Началась великая война, явилась потребность в снарядах, и Н. А. Второв, со свойственной ему энергией, быстро строит два завода для снаряжения гранат, управление которыми он возлагает на своего сына Бориса Николаевича Второва.

Среди указанных уже налаженных Н. А. Второвым дел есть одно такое, которому предстоит большое будущее. Это — учреждение в Москве большой красочной фабрики. Будем надеяться, что и на этом пути Н. А. Второву удастся сделать так же много, как и в торгово-промышленных делах, чтобы хотя отчасти освободить русскую промышленность от немецкого ига в красочном деле.

II

Второвы были сибирские купцы и оптом торговали мануфактурой почти по всей Сибири. «Начало» их было довольно «трудным»: Сибирь без железной дороги была так далеко от Москвы, но, как говорит Рябушинский, их дело стало «известной, после потрясений сильно окрепшей оптовой фирмой». Впоследствии их дело, акционированное в 1900 году, имело самый крупный основной капитал в этой области: 10 миллионов. Впрочем, Щукинское дело в то время имело форму торгового дома и его капитал опубликован не был.

Об Александре Федоровиче, отце Николая Александровича, пишет в своих воспоминаниях П. И. Щукин, говоря, что он пользовался большой популярностью на Нижегородской ярмарке. Александр Федорович умер в 1911 году. После смерти Николая Александровича развил в Москве чрезвычайно энергичную деятельность, и, хотя принадлежавшее ему торговое дело продолжало существовать и успешно работать, он сам ушел в промышленность и банковское дело. Мне уже приходилось указывать, что он объединил, в отношении сбыта, три крупнейшие московские ситценабивные фабрики, — Альберта Гюбнера, Даниловскую и Коншинскую. Позднее он приобрел Московский промышленный банк, бывшую банкирскую контору И. В. Юнкер и К°. С помощью этого банка он стал приобретать ряд предприятий, в частности в цементной и химической промышленности. Его банк был также связан с шерстяной и суконной промышленностью и с изготовлением предметов военного снабжения. Он был одним из первых по привлечению к сотрудничеству видных чиновников (А. Я. Чемберс) и людей науки (проф. В. Б. Ельяшевич).

Н. А. Второв был загадочно убит в мае 1918 года. Его похороны, с разрешения советской власти, были последним собранием буржуазии. Рабочие несли венки с надписью: «Великому организатору промышленности».

После Рябушинских Второв наиболее видная фигура среди национальной финансовой олигархии. До 1900 года А. Ф. и Н. А. Второвы (отец и сын) были только владельцами крупного предприятия (в Сибири, по торговле текстилем). В 1901-1914 годах они стали главными владельцами крупных московских текстильных предприятий. Создав свою самостоятельную финансовую базу, Второв развернул строительство военных заводов, во много раз умножив свои капиталы за счет сверхприбылей.

П. Бурышкин

Бывают люди, которых трудно представить себе частными лицами — настолько тесно связана у них личная жизнь с окружающим обществом. И наоборот, самую округу, включающую такого человека, трудно вообразить без его имени. След его остается неизгладимым. О нем говорят: внешний вид города или области, тот или иной бытовой или общественный порядок, воспоминания и рассказы жителей, разные записи, документы, даже известный отпечаток на душевном складе населения.

Такие люди становятся историческими. Для истории это «вехи», расставленные на протяжении длинного ряда годов, без которых было бы невозможно проследить развитие какой-либо страны. Пока нет личностей, резко выделяющихся из общего уровня, так сказать, двигающих историю, до тех пор весь промежуток времени, пережитый этой страной, будет лишь ее периодом доисторическим.

Исторические размеры и качества таких людей неодинаковы: одни из них влияли на судьбы мировые, другие на судьбы отдельных государств, а иные ограничивались деятельностью в пределе маленькой области или даже одного города. Одни, облеченные властью, воздействовали на окружающее приказом и насилием и часто, желая добра, творили зло; другие, опираясь только на свое нравственное влияние, безраздельно служили одному добру, ставили это добро главной целью своей жизни и широко отдавали ему и свою огромную работоспособность, и душевные силы, и материальные средства.

На Русской земле немало было людей этого последнего типа, которые всю жизнь свою посвящали благосостоянию, просвещению и духовному подъему родного края. Из таких именно людей и их жизненного подвига и складывается великая картина строения Русской земли. Посему выяснить деятельность одного подобного человека для своего края — значит обрисовать ячейку всей русской истории.

Давно признано лучшими исследователями русского быта, что основную черту русской и вообще славянской природы составляет дух общинности, привычка сливать личное благоденствие с процветанием окружающего общества. На этой почве совершилось и вступление Руси во Христову Церковь. И так понял русский человек и свою новую веру и не мог отделить ее от всех прочих проявлений жизни, а всю жизнь, во всех ее мелочах даже, пропитал ею. С одной стороны, возникли замечательные типы иноков-отшельников, истинных светочей духа, для которых иночество было только способом научиться забвению своей личности и послужить родной стране просветителями, умиротворителями, созидателями. С другой стороны,

явился тип мирских людей, которые, обладая тоже строго церковным мировоззрением, создали «христианскую хозяйственность», пропитали ее духом каждый обыденный шаг. Они не отрекались от земного достатка, но на первом месте у них было стремление к Царству Божию и правде Его. Когда такие люди достигали большого богатства, они отнюдь не походили на грубо-корыстных стяжателей, а обращались в строителей и благотворителей храмов, кормильцев сырых и убогих, сосредоточивая вполне естественно в своих руках огромную нравственную власть. Они старались превратить общину мирскую в такую же благоустроенную, ни в чем не нуждающуюся, какими были общины монашеские. Так и прозвал их народ «кормильцами», доселе именуя этим словом всякого радетеля.

Самым ярким представителем этого типа был первый собиратель земли Русской — Иван Калига: искренняя набожность, широкая благотворительность и умение создать большой материальный достаток, не отступая от правды Христовой, в оправдание слов Писания: «рука дающего не оскудевает». Иван Калита — это свод отдельных меньших собирателей и радетелей Руси, рассеянных по разным городам и весям, выведших оригинальную русскую культуру и положивших твердые основы русского общественного быта и творчества.

Долгие годы протекли с тех пор. С европейским просвещением вошли к нам и новая культура и новые идеалы; строение верхних классов в России коренным образом изменилось; прежнее мировоззрение понемногу исчезало; строгая соборность и церковная общинность падали, сохраняясь только в среде простого народа. Но что русский народ не утратил еще былых особенностей — об этом свидетельствуют некоторые крупные имена богачей, вышедших из народа и послуживших своим богатством тому же народу. Таков был род именитых людей Строгановых, позднее Демидовых, братьев Третьяковых.

К числу таких замечательных людей, воплощающих в себе лучшие качества великорусского племени, следует отнести и Никифора Михайловича Бардыгина, выдающаяся общественная деятельность которого так ярко выразилась в жизни его родного города, что по ней легко воссоздать и определить его личность, и характер покойного. В этом смысле Никифор Михайлович Бардыгин был несомненно человек исторический. Поприщем его деятельности был город Егорьевск Рязанской губернии, и здесь он уже не только «веха» на историческом пути города, но крупный рубеж двух совершенно различных его периодов.

Никифор Михайлович Бардыгин принадлежит целиком к народной крестьянской Руси. Это чистейший тип самородка, каких давала старая Русь, хотя и плотно прикрытая сверху слоем «образованного класса», но не

обезличенная и не обеспокоенная в своих глубинах. Биографические сведения о Никифоре Михайловиче, о его ближайших предках и родителях вскрывают любопытные подробности старо народной бытовой обстановки, верований, воззрений и нравов.

В первой четверти прошлого столетия жил в деревне Кормиловской (1,5 версты от Егорьевска) крестьянин Федор Никитин, по прозвищу Бардыгин. У него было трое сыновей: Филипп, Савелий и Михаил. Когда в окрестностях Егорьевска появилось кустарное ткачество, двое старших сыновей Федора Никитина, долгое время прозывавшихся «Кормиловскими», а потом по делу принявших фамилию Никитиных, также завели в Егорьевске ткацкое производство, которое шло довольно долго, хотя и не особенно успешно. Младший же брат их, Михаил Федорович, ушел в зятя к Александру Борисовичу Кулакову, небогатому егорьевскому торговцу, женившись на его единственной дочери Гликерии Александровне. У Кулаковых была мелкая бакалейная торговля и хлебная пекарня, которую вела жена Александра Борисовича, Авдотья Ивановна.

Эта женщина представляла замечательный тип старых патриархальных времен. Сохранившиеся воспоминания о ней свидетельствуют, какая внутренняя красота скрывалась иногда в таких цельных, простых натурах. Авдотья Ивановна соединяла в себе ясный ум, глубокую веру, сострадание к бедным, огромное трудолюбие, смелость и физическую силу.

Сохранилось такое воспоминание, рисующее духовный мир Авдотьи Ивановны. В доме ее издавна была древняя и чтимая икона св. Николая Чудотворца. Во время одного из обострений преследования старообрядцев, в царствование Николая I, как-то волной прошел всюду усиленный переход из православия в старообрядчество. В Егорьевске, где старообрядчество и прежде всегда было сильно, тоже начались переходы, и во главе перешедших были богатейшие люди: В. Д. Клопов и Г. Н. Брехов. Волна эта захватила и Авдотью Ивановну, которая, раздумывая над преследованиями старообрядцев, недоумевала: за что их гонят? «Ведь они только усерднее нас Богу молятся!» — говорила она. Она смутилась, долго боролась с собой и, наконец, решила перейти в старообрядчество. По обычаю, надлежало ей при этом принести свою древнейшую икону в старообрядческую часовню. И вот однажды ночью, когда все спали, она собралась пойти «за утреню» к старообрядцам. Но когда она подошла к двери «горницы», чтобы взять хранившуюся там икону, у ней подкосились ноги, как она сама после рассказывала, и она внезапно упала у порога. Домашние, ничего не подозревавшие, поутру перенесли ее в постель. Заболев после этого, Авдотья Ивановна усмотрела в этом чудесное воздействие св. Николая, остановившего ее от задуманного шага. Однако только после долгого времени она решила вернуться в лоно православной церкви, и когда решилась в первый раз по-

ехать в собор (ходить она еще не могла), то просила обвести себя «задами», чтобы не видали ее подруги, с которыми она уговорилась уйти в старообрядчество. В соборе она усердно молилась и после этого скоро выздоровела.

Авдотья Ивановна, овдовев, сама вела свои дела. Счетоводство свое она вела углем на потолочных балках. Должникам, не платившим долги по неуважительным причинам, особенно же замеченным ею в домашнем буйстве, она грозила словами: «Смотри плати, а то похерю!» И должник при первом же случае платил долг и давал зарок остепениться, страшась одной мысли, что Авдотья Ивановна может «похерить» запись за ним и таким образом заклеит его как недобросовестного человека.

Михаил Федорович оказался деятельным помощником своему тестю. Он ездил с хлебным товаром по базарам и ярмаркам: в Ильинский Погост, в Павловский Посад, в Орехово. Ежегодно же ездил за хлебом в степь, доставляя его оттуда в Егорьевск на волах. Таким образом, он отлучался из дому на долгое время, Гликерия Александровна была отдана замуж чуть ли не 14 лет и в первые годы своего замужества во время таких отлучек мужа играла в куклы.

Из позднейшего же времени сохранилось в семье воспоминание о таком случае. Раз как-то Михаил Федорович очень долго не возвращался из поездки в степь. Домашние по нем сильно соскучились; их воображению представлялись и разбойники и прочие ужасы тогдашних дальних поездок, и они, конечно, усердно молились за него. Однажды, отходя ко сну, Гликерия Александровна особенно долго и горячо молилась пред иконой св. Николая о благополучном возвращении мужа и в таком настроении легла спать. Под утро ей снится сон: будто она опять молится и вдруг открывается дверь, входит передовой обозный чумак и говорит ей: «Обоз пришел, Михаил Федорович здоров, кланяется тебе и скоро придет». Когда она, вставши утром, стала на свою обычную утреннюю молитву, вдруг отворилась дверь, вошел действительно передовой чумак и она услышала наяву те самые, радостные для нее слова, которые слышала во сне.

Михаил Федорович, оставаясь в деревне после братьев, носил там отцовское прозвище «Бардыгин». Оно удержалось за ним и в Егорьевске. Поэтому когда он, в 1854 году, уже будучи сам хозяином, приписывался к купеческому сословию, то это прозвище по его просьбе обратили ему в законную фамилию. Дом, в котором жил Михаил Федорович, стоял на углу Соборной площади, там же, где и теперь находится каменный двухэтажный дом Бардыгиных. Тогда дом был очень небольшой, тоже двухэтажный, с каменным только низом. В нижнем этаже была с одной стороны бакалейная лавка, с другой бараночная и хлебная пекарня. Эта мелочная торговля, од-

нако, не могла прокормить семейство, и поэтому, чтобы хоть немного увеличить доход, приходилось сдавать верх дома внаем, а самим помещаться в кухне нижнего этажа.

В 1835 году, 4 марта, у Михаила Федоровича родился первый сын, Никифор Михайлович. За ним следовали дочери Анастасия (1838 год), Мария (1842 год), Акулина (1845 год), Ольга (1847 год) и сын Иван (1852 год). Сестры Никифора Михайловича, кроме Марии, вышедшей замуж за фабриканта Ивана Потаповича Любимилова, в цветущих годах ушли в Коломенский Брусенский монастырь. Брат его, Иван, умер одиннадцати лет, убившись в игре.

Никифор Михайлович был одарен от природы ясным умом, энергичным и предприимчивым характером, а от родителей унаследовал твердую веру и доброе сердце. Грамоте он выучился у вековухи «Пашихи», ходившей читать Псалтирь над покойниками и жившей в Солдатской слободе. Дальнейшее же образование он получил у соборного дьячка Дмитрия Федоровича Лебедева и больше ни в каких учебных заведениях не был. Это, однако, не помешало ему, обладая любознательностью и способностями, заниматься потом много самообразованием. В долгие осенние и зимние вечера, когда домашние женщины пряли, он часто сидел за какой-нибудь книжкой, прислонившись поближе к их «лучине». Никифор Михайлович рассказывал, как он, бывало, украдкой наклонял в светце лучину, чтобы она поярче горела и было посветлее, и как почти тотчас же получал крепкий подзатыльник: ведь так лучина скорее сгорала и расход на освещение увеличивался. Мать его, Гликерия Александровна, часто видя у него книжки, вовсе не похожие на церковные, а особенно вроде «Бовы Королевича» или «Еруслана Лазаревича», с огорчением говорила про него своему духовнику о. Лаврентию: «Все вот читает какие-то пустые книжонки!» О. Лаврентий, очевидно понимавший мальчика, его огромную любознательность, его даровитость и твердость, успокаивал ее, говоря по старине, попросту: «Не бойся, Лукерья Александровна, — пчелка и с падали мед берет».

С раннего возраста начал Никифор Михайлович помогать отцу в занятиях по торговле и скоро стал его правою рукою. Он трудился и по дому, и в лавке; ездил сам в Коломну на трех лошадях за мукой, и, бывало, ему приходилось хаживать из Коломны 40 верст пешком, чтобы только выгадать 15 копеек в провозе, положив на телегу лишний мешок; ездил он также в Орехово, в Павловский Посад и в Ильинский Погост с хлебом, баранками, пряниками и т.п.

Так шло понемногу торговое дело до Крымской кампании, когда Михаилу Федоровичу пришлось пережить тяжелое время. По окончании войны цены на хлеб внезапно упали, а у него было принято много хлеба, куп-

ленного в степи по дорогим ценам и в долг. Он разорялся, и кредиторы, зная его ограниченные средства, опасались, что и он, как это нередко в таких случаях бывает, «скинет» со своих долгов, дабы оставить себе средства для продолжения дела. Но Михаил Федорович сам остался ни с чем, а им отдал весь долг свой до копейки.

Требование совести, таким образом, было удовлетворено, и этот поступок Михаила Федоровича, конечно, навсегда утвердил основание успеху дел его семьи в дальнейшем будущем. Но в то время сам он так упал духом, что не мог более даже и подумать опять завести хотя бы прежние свои предприятия, а решил ограничиться маленькой булочной и сам со своими домашними принялся печь булки и баранки. Небольшое подспорье получалось от размотки пряжи, которую семья Михаила Федоровича брала от местных фабрикантов, в том числе и от его же братьев.

В этот тяжелый момент выручил семью энергичный, предприимчивый дух Никифора Михайловича, который задумал взяться за новое дело. Он давно уже наблюдал, как хорошо шли дела у егорьевских фабрикантов и как постоянно увеличивался повсюду сбыт бумажных тканей. И вот, когда после Крымской войны ткацкое дело особенно оживилось, он начал раздумывать о том, как бы и ему завести такое же производство. Построить сразу фабрику и поставить рабочих, конечно, не было никакой возможности. Поэтому приходилось начинать с того, чтобы вместо размотки чужой пряжи покупать ее, руками своей семьи разматывать, самому сновать основы и отдавать затем по деревням ткачам-кустарям для выработки, сработанный же товар самому отвозить для продажи в ярмарки на Украину, куда сбывалось большинство егорьевских товаров.

Уже имевшийся торговый опыт и природный практический ум Никифора Михайловича вполне оправдывали его смелость и ручались за успех. Однако не легко оказалось ему получить на это дело согласие отца. Своих денег на покупку пряжи и расплату с ткачами у Никифора Михайловича не было. А Михаил Федорович, удрученный падением своей хлебной торговли, строго рассчитывал каждую копейку и к затее сына отнесся с большим недоверием. Никифор Михайлович представлял все доводы, указывал на пример других, между прочим на своих же дядей Филиппа и Савелия, у которых дело шло, хотя они и вели его очень «просто».

Наконец, он обратился к содействию добрых знакомых: Леонтия Агاپовича Фролова, Хрисанфа Гавриловича Кулакова и Василия Дмитриевича Клопова, которым и Михаил Федорович, и Гликерия Александровна уже начали жаловаться, что вот, мол, «Микеша» все пристаёт к нам «с нанкой». Добрые знакомые поддержали энергичного молодого человека, их советы подействовали, и в 1857 году Михаил Федорович «завел нанку». Так как

новое дело привлекло к себе все внимание новых фабрикантов, то для ведения прежнего и вообще для помощи в том же году был приглашен и первый служащий — Лаврентий Михайлович Панкратьев.

Дело началось, но родители все-таки мало верили в его успех. Особенно недовольна была Гликерия Александровна. Товар вырабатывался зимой, когда у крестьян не было полевых работ, а продаваться должен был летом и осенью. Видя, как Никифор Михайлович целую зиму все только забирает все деньги из ее лавочной выручки, она почти каждую выдачу денег, особенно к концу зимы, сопровождала словами: «Разбойник ты, долго ли ты еще будешь нас обирать-то?» Никифор Михайлович горячо любил свою мать; ему, конечно, тяжело было видеть ее сомнения, но он слишком верил в успех, чтобы бросить дело. «Погоди, маменька, — ласково уговаривал он ее, — все тебе верну, придет время». И время пришло.

Приехал он летом из Украины, с Ильинской ярмарки, и как только вошел и поздоровался со всеми, то обратился к ней и говорит: «Ну, маменька, подставляй передник!» — и с этими словами ссыпал ей всю свою ярмарочную выручку, добавив: «Вот тебе твои денежки; будешь ли ты теперь бранить меня за мою затею?» Гликерия Александровна растерялась от неожиданности и уже в восторге от своего «Микеша» принялась ходить по дому, всем показывать невиданную кучу денег и озабоченно спрашивать: «Батюшки, да куда же мы это все денем-то? Куда нам такие деньги?»

Незадолго до начатия ткацкого дела Никифор Михайлович женился на Авдотье Теофилактоне, крестьянке села Парфеньева, воспитаннице коломенского купеческого семейства Макеевых. Эта женщина, умная от природы, добрая и хозяйственная, была первой сотрудницей Никифора Михайловича по его новому делу. Она заведовала всей хозяйственной частью, выдавала пряжу в работу, принимала товар. Ей, главным образом, обязан Никифор Михайлович своими первоначальными успехами. Она поддерживала в нем энергию и стремилась везде, где могла, помогать ему в его трудах.

Выработка тканей и продажа начали быстро развиваться, и Никифор Михайлович всецело отдался этому делу. Вскоре во дворе, наряду с прочими надворными постройками, он устроил небольшое помещение для сновальни, а позже в том же помещении завел 40 ткацких ручных станков, чтобы устранить перерыв в работе в летнее время.

Работа велась уже вся наемными рабочими.

В 1859 году Никифору Михайловичу пришлось устраивать свою крапильню для пряжи, которую он и выстроил на арендованной у города земле близ Солдатской слободы, где теперь стоит ночлежный дом. Дело настолько расширилось, что явилась надобность пригласить и второго служащего для помощи в ярмарочной украинской торговле. К этому делу в 1862 году

он определил своего первого сновальщика, Михаила Емельяновича Казмина.

В 1865 году Никифор Михайлович купил у дьякона Мелихова дом с усадьбой в 684 кв. сажени, за 1 000 рублей, на том месте, где теперь стоит его механическо-ткацкая фабрика. Дом был маленький, одноэтажный и совершенно ветхий. Его снесли и построили на его месте новый двухэтажный дом с каменным низом. Сюда Никифор Михайлович перенес ткацкую фабрику и красильню, а на прежнем месте, при доме, остались контора, кладовая, крутильня и сновальня. В 1866 году введено было крашение кубового товара, для которого был приглашен первый мастер Иван Иванович Стариков. С 1868 года Никифор Михайлович начал ездить на Нижегородскую ярмарку и открыл постоянную торговлю в Москве, заведовать которою пригласил тогда же Дорофея Ивановича Карякина.

В 1869 году появилось отделочное производство, «галандрия», устроенная при доме, которою руководил мастер Петр Елисеевич Волков, поступивший от «Сизихи», имевший тогда галандрию в Егорьевске и отделывавшей товар для егорьевских фабрикантов.

Настойчивый труд и добросовестность Никифора Михайловича, пользовавшегося и раньше общим доверием, скоро создали ему прочное положение в торговом мире великорусского мануфактурного района. Это давало ему возможность пользоваться широким кредитом и сильнее развивать дело. Первоначально его окредитовал егорьевский фабрикант Василий Дмитриевич Клопов, который продавал ему пряжу на 12 месяцев из 9 1/2 %. С 1865 года ему открыли кредит бр. Хлудовы, у которых он в первый же год купил пряжи на 91 635 рублей. В том же 1865 году ему открывают кредит Л. Кноп, Вогау и К°, бр. Расторгуевы. С 1866 года его кредитуют Павла Малютина сыновья, Савва Морозов, Якунчиков; с 1868 года — Л. Л. Рабенек, И. З. Морозов. В 1869 году ему делает первый учет на 14 788 рублей 18 копеек Московский купеческий банк, а в 1870 году открывают кредит: Государственный банк, а также Ю. С. Нечаев-Мальцев; в 1871 году — Учетный банк, Тверская мануфактура, бр. Воробьевы, К. Стукен и Егорьевский банк; в 1872 году Волжско-Камский коммерческий банк; в 1873 году — Е. Е. Шлихтерман.

На пути развития своего дела Никифору Михайловичу приходилось преодолевать немало и препятствий. Едва он завоевал доверие своего семейства и поставил дело на настоящую дорогу, как ему начали делать затруднения некоторые егорьевские фабриканты из рядов вторых поколений, которые с недоброжелательством смотрели на нового конкурента хотя и с маленьким, но, очевидно, живым и быстро развивающимся делом.

Так, желая подорвать его кредит, однажды донесли братьям Хлудовым,

что Никифор Михайлович на ярмарках на Украине денег выручил очень мало, да и на те на все купил там же разных товаров для своей бакалейной лавочки, как, например, цареградских стручков и прочего, а потому-де им в уплату денег с ярмарки не привезет. Когда же Никифор Михайлович, возвратясь из Украины, немедленно, по обычаю, явился к братьям Хлудовым и сполна уплатил им следовавшие с него деньги (в то время все расчеты с ними велись в Егорьевске), то директор фабрики, англичанин Фома Христофорович Отсон, неожиданно для Никифора Михайловича, спросил его: «А стручка купил?» Никифор Михайлович, который любил вспоминать этот забавный случай, отвечал, что и стручка и всякого другого товару купил. Тогда Отсон, покачав головой, сказал: «И долг платил и стручка купил — это очень карашо!» А в 1865 году, в целях создать Никифору Михайловичу затруднения и затормозить его предприимчивость, в городской думе поднят был вопрос о его красильне, якобы незаконно им построенной и портящей городскую землю. Сохранившиеся по этому делу документы настолько характерны и интересны, что мы приводим их здесь целиком.

«1865 года марта 31 дня гласные Егорьевской городской думы Василий Сержутов и Яков Денисов подали в думу рапорт, в котором, между прочим, доводили до ее сведения о следующем: «Егорьевский 2-й гильдии купеческий сын Никифор Михайлович Бардыгин в 1859 году взял в арендное содержание городскую огородную землю шесть десятин собственно под огорода, на что и заключен был им, Бардыгиным, с думою контракт, где оный и хранится, с дозволением выстроить на оной земле жилого покоя, с пристроением для складки овощей; но как у него в настоящее время постройка слишком распространилась, с красильным заведением, а следовательно, снята земля им более для мануфактурного заведения, нежели как для огорода, вопреки заключенного Бардыгиным контракта, без прибавки цены в пользу города, хотя остальная часть земли от застроенного им заведения и отдается другим людям в содержание под огороды, обработкою которых сам Бардыгин не занимается, находя выгоды отдавать в другие руки. Имеет ли он право, вопреки заключению контракта, устроить мануфактурное заведение на огородной земле, которая от ядовитости красок, истекающих из оною, может портиться и не скоро после прийти в нормальное положение? И получил ли на то дозволение, от кого следует или нет? И как купеческий сын, не записавшись в гильдию, арендует и делает торговые обороты на собственное свое лицо с 1859 года, не имея на то права, отчего казна и городской доход имеют ущерб». Запрошенный по сему рапорту чрез егорьевского полицейского надзирателя 2-го участка егорьевский 2-й гильдии купеческий сын Никифор Михайлович Бардыгин отвечал: «Я снял городскую землю в 12-летнее содержание с правом, по указу Губернского правления, возвести на оной земле жилых строений, сараев, навесов и прочего без ог-

раничения, значит, сколько и что для меня нужно, с тем только, чтобы мне по истечении срока означенное строение немедленно снести. А так как я для этой постройки избрал из огорода ту часть земли, которая для посева овощей и прежним арендатором, и мной по недоброкачественному своему грунту для плодов не была засеваема, то я, дабы земля она не была б бездоходною и не причиняла мне убытку, и распространил постройку, вследствие чего и просил губернское правление об открытии в оных строениях красильного и сушильного заведений, что мне указом Губернского правления чрез Егорьевское городское правление разрешено и объявлено от 25-го сентября 1861 года, № 9568. Следовательно, я открыл заведение не самовольно, а с разрешения высшего начальства; что же касается до выражения гласных о порче земли от ядовитости красок, то это несправедливо, ибо я сток красильных выкрасок устроил не на землю, а прямо в речку Гуслиянку, при которой вышеупомянутое заведение находится. Следовательно, от этого стока вреда быть земле не может. 1865 года, мая 12 дня».

Обращаясь по сему предмету в губернское правление, дума, между прочим, . говорила: «Торги были произведены на отдачу принадлежащей городу Егорьевску земли б десятин собственно под огороды, для посева разного рода овощей, а не под устройство красильного заведения, — почему на оное явилось лиц, желающих снять оную под огороды, немного; а если бы торги производить на отдачу той земли под устройство красильного заведения, как торгового, требующего местности близ воды, то тогда явились бы лица, более нуждающиеся в подобной земле, и надали бы гораздо более, чем Бардыгин».

Рязанское губернское правление 22 сентября 1865 года, ссылавшись на указ свой (о котором говорил и Никифор Михайлович сам), уведомило думу, что «за сделанным вышеозначенным указом губернского правления распоряжением могут быть предпринимаемы меры к извлечению больших выгод для городской казны с земли, находящейся в арендном содержании купца Бардыгина, не иначе, как только по окончании срока настоящей его аренды». В 1868 году у Бардыгиных произошел пожар. Не успел Никифор Михайлович еще отстроиться после пожара, как в том же 1868 году, 18 июля, скончался его отец, Михаил Федорович (59 лет). Он скончался в амбаре, в котором после пожара жило все семейство, пока строили новый дом. В следующем году (28 декабря 1869 г.) умерла его бабушка, Авдотья Ивановна (87 лет), а через полтора года Никифора Михайловича (24 июля 1871 г.) постигло особенно тяжелое горе: умер от холеры старший его сын Порфирий, 13-ти лет, блестяще учившийся уже в Практической академии коммерческих наук в Москве, очень способный и подававший большие надежды мальчик. Жена Никифора Михайловича, Авдотья Феофилактовна, которая особенно любила этого своего сына, не могла перенести этой потери и 26

июля, через день после сына, скончалась и сама, всего 35 лет от роду. В ней Никифор Михайлович лишился своей главной помощницы, вдохновительницы и горячо любимой подруги. Горе его было очень велико. После похорон, взяв связку ключей покойной, он со слезами сказал друзьям: «В первый раз беру их».

В это время тяжкого испытания, когда Никифор Михайлович предполагал даже совершенно прикончить свое дело, его спасла от отчаяния горячая вера в Бога и сильная, мужественная природа. Бог послал ему утешение в лице второй его жены, Марии Владимировны (урожденной Макарьевой). Она стала для него ангелом-хранителем и как бы восприняла в себя душу умершей. Она сумела оказать большое нравственное влияние на своего супруга и с энергией и успехом поддерживала его стремления к самоусовершенствованию.

Жизнь в доме снова закипела, и даже сильнее прежнего. Тут как раз словно судьба заставила Никифора Михайловича обнаружить свою предпримчивость и коммерческую смелость.

В начале 70-х годов, за несколько лет до Восточной войны, разразился в России промышленный кризис. Много фабрикантов приостановили работы; некоторые фабрики закрылись вовсе. Пряжа не имела сбыта, и цена ее упала. В это время Никифор Михайлович, кредит которому был везде свободен, расширял свои покупки пряжи и раздачу работ по деревням. Этим он до известной степени избавлял окрестных крестьян от безработицы и обеднения, а вместе с тем и увеличивал свое дело. Местные жители удивленно покачивали головами, видя, как Бардыгин продолжал все более вырывать товары на склад в кладовые и «залезать» при этом в долги. Недоброжелатели его даже злорадствовали. Но Никифор Михайлович оказался дальновиднее всех: вскоре после войны дела оживились, цена пряжи и товаров сильно поднялась и наготовленные им товары быстро разошлись и значительно его обогатили: он имел 300 000 капитала.

Прибыль эта воодушевила Никифора Михайловича основать механическо-ткацкое дело, о котором он уже давно мечтал, и в 1880 году он приступил к постройке самоткацкой фабрики. В выписке машин ему содействовали братья Хлудовы. Заведующий их ливерпульской конторой, Герман Осипович Деккер, вел за Никифора Михайловича все расчеты с английскими заводчиками, а директор их Егорьевской фабрики, Василий Фомич Ротвель, личный друг Никифора Михайловича, был главным руководителем в выборе машин и в устройстве всей технической стороны дела. Заведующим новой фабрикой был назначен Иосиф Алексеевич Никитин, свояк Никифора Михайловича, поступивший на службу к нему с 1875 года.

Не без затруднений наладилось это дело. Во-первых, на выписанных

станках оказалось невыгодным работать те цветные товары, которые работали на руках и для которых, собственно, и был выбран тип станков; пришлось заправлять новые сорта, суровые, а это потребовало переделки большинства станков, число которых было более 300. Переделка их и заправка новых суровых тканей были произведены мастером Федором Сергеевичем Тарасовым, выучеником фабрики «Т-ва Викулы Морозова», поступившим на службу к Никифору Михайловичу в 1882 году. Но перестройка эта, хотя и была необходима, сильно удорожила стоимость фабрики, и без того значительную для тогдашних средств Никифора Михайловича. Притом же вырабатываемые суровые сорта приходилось отдавать в крашение и набивку московским отдельщикам, а они были неважны: в товаре выходило много брака, который, конечно, приходилось сбывать с убытком. Ко всему этому и общие торговые обстоятельства опять ухудшились. Это было самое тяжелое время, которое когда-либо Никифору Михайловичу пришлось пережить в его деле. Выручили его крепкое здоровье, сильный характер, упорный труд и особенно добрые отношения главных кредиторов — братьев Хлудовых и Ю. С. Нечаева-Мальцева. Высоко ценя деятельность Никифора Михайловича, они без колебаний увеличивали ему свои кредиты до всей той полноты, которая только требовалась обстоятельствами. Для сбыта же товаров, которые не успевали проходить на прежних рынках, начаты были чрез Ирбитскую ярмарку дела с Сибирью; заведование этой отраслью было поручено Николаю Андреевичу Ерофееву, служившему у Никифора Михайловича с 1872 года. Благодаря всему этому, Никифор Михайлович благополучно справился со всеми невзгодами и уже в 1882 году построил свою товарную красильню, чтобы выпускать готовый товар вполне доброкачественный.

Здесь-то всецело проявилась особенная его система совершенствовать производство. Он все свое внимание обратил на достижение возможно лучших результатов от крашения. Необходимо было добиться, чтобы окраска одежных тканей в черный цвет не линяла от дождя и не выгорала от солнца. И вот Никифор Михайлович, совершенно не зная не только химии, но даже и простых ходячих рецептов, начинает доходить сам до всех деталей работ, в постоянных разговорах со своим красильным мастером Николаем Васильевичем Смирновым подробно выясняет все причины, почему что должно делаться, и постепенно наводит того на различные новые комбинации, все более и более усовершенствовавшие дело. Результат оказался блестящий. Совместными, после длинного ряда опытов, усилиями был наконец выработан такой способ окраски, благодаря которому товар выходил безусловно прочным.

Выработка и применение этого способа было крупным событием в деле Никифора Михайловича, которое затем и развилось главным образом бла-

годаря этому обстоятельству. Замечательное качество товара сразу создало ему большую известность, а с тем вместе и большой, постоянно увеличивавшийся сбыт.

В 1883 году в дело вступил сын Никифора Михайловича, Михаил Никифорович, который под энергичным руководством отца начал входить во все стороны фабричного производства и торговли. В 1885 году они уже имели свое печатное отделение, а в 1889 году построили специальную красильню для пунцового товара и пунцовой пряжи в Городце, на которую заведующим был назначен Николай Герасимович Петрашев.

С возрастанием спроса на бардыгинские товары росли и размеры красильного и печатного их производства; перерабатывалось уже не только суровье своей ткацкой фабрики, но и покупное с посторонних фабрик. Это повело к постройке в 1894 году новой большой красильной, печатной и отделочной фабрик, на отдельном месте, куда и были вынесены со старой все красильные, печатные и отделочные отделения. Заведующим этой фабрикой был приглашен в 1896 году Владимир Александрович Назаров. Наконец самоткацкая фабрика была в 1897 году расширена до 1 000 станков.

Никифор Михайлович был первый из фабрикантов, стремившийся к тому, чтобы продавать товары не скупщикам и посредникам, а по возможности непосредственно розничным торговцам. Это повело к необходимости постепенно открывать собственные торговые отделы, кроме Москвы, в Харькове, Ромнах, Ростове-на-Дону, Томске и Петропавловске, а также посылать товары на 12 ярмарок: Нижегородскую, Каменскую, Урюпинскую-Покровскую, Мензелинскую, Урюпинскую-Крещенскую, Симбирскую, Ирбитскую, Криворожскую, Тюменскую, Атбассарскую, Куяндинскую и Крестовскую. Впоследствии пример Н. М. Бардыгина вызвал подражание, и уже теперь очень многие крупные мануфактуры имеют свои постоянные склады в наиболее значительных городах Российской империи. В связи с системой местных коммивояжеров эта форма торговли, по видимому, надолго будет доминирующей, по крайней мере у фабрикантов-мануфактуристов.

Так и развивалось дело, и слагалась личная жизнь Никифора Михайловича. Из мелкого булочника он сумел сделаться крупным фабрикантом, ни на минуту не сходя с безукоризненного честного пути. Можно сказать, не он искал богатства, а богатство шло к нему, давая ему возможность проявить свои основные душевные свойства, укрепленные доброй семейной атмосферой.

Главными семейными традициями в доме были церковность и широкая благотворительность. Мать Никифора Михайловича, Гликерия Александровна, говаривала, что в молитве за детей она просила у Бога для них толь-

ко одного: чтобы они были благочестивы. Часто видели, как в темные вечера она, заперев свою лавочку, выносила оттуда целый мешок всяких припасов, взваливала его на спину и относила куда-нибудь в закоулок к бедной семье. Отец Никифора Михайловича, Михаил Федорович, неукоснительно вставал совершать полунощницы. К нему всегда приходили погорельцы из разных деревень, и он помогал им, чем мог, даже когда сам жил в бедности, едва перебиваясь хлебной и бакалейной лавкой. Все это, входя в ежедневный обиход семьи, неизгладимо ложилось на молодую душу и воспитывало ее в евангельских заветах любви к ближнему и честного труда. Только из такой школы и мог выйти тот прочный и прямой характер, который затем пошел в жизни безошибочно верным путем и снискал всеобщее уважение и доверие. Это доверие было настолько велико, что, несмотря на скромные еще тогда обороты Никифора Михайловича, со введением в действие нового городского положения в 1872 году, его выбрали первым городским головою города Егорьевска. Было не мало богатых купеческих семейств, среди которых можно было найти подходящих кандидатов в городские головы. Эта купеческая аристократия продолжала смотреть на Никифора Михайловича все с тем же недоброжелательством, с которым когда-то старались затормозить его молодое промышленное дело. Выбрали же Никифора Михайловича большинство жителей среднего и малого достатка, которые видели в нем настоящего мирского человека, справедливого, независимого и внимательного к нуждам бедных людей. Говорили про него: «Он сам нужду видел и сам в люди вышел». Во мнении горожан эти качества служили порукой за то, что Никифор Михайлович поведет и дела города так же хорошо, как свои собственные. И это доверие, оказанное ему горожанами именно в это время, Никифор Михайлович всегда особенно глубоко ценил.

С этих пор Никифор Михайлович выступает на поприще общественной деятельности, сначала в должности городского головы, а затем и в других должностях по общественному избранию: в церкви, городе и земстве.

Было уже сказано, что Никифор Михайлович принял городское хозяйство совершенно расстроенным. Прилегающие к городу выгонные земли, лесные дачи и пр. расхищал каждый, кто хотел, и город не получал с них почти никакого дохода; не имелось даже точных планов этих владений. Городские доходы почти целиком состояли из налогов (всегда более или менее обременительных), далеко не покрывавших расходов даже на самые существенные нужды; недоимки и дефицита переходили из года в год, и ни о каких серьезных общепользных начинаниях не могло быть и речи.

Никифор Михайлович обратил внимание прежде всего на земельные имущества, как могущие создать крупный источник дохода. Кроме пустошей под лесом и лугами в окрестностях, много было городской земли и на краю самого города, захваченной даром или не приносившей дохода. С

этих-то мест и начал Никифор Михайлович. Тут, когда он выступил на защиту городского населения, ему сразу же пришлось повести борьбу с разными учреждениями и лицами, а особенно с его личными главнейшими кредиторами.

Между прочим, крупное тянувшееся около 10 лет, дело возникло с обществом Московско-Рязанской железной дороги, которое незаконно захватило городскую землю для проведения ветки на фабрику братьев Хлудовых и под постройку станции Егорьевск.

Выяснив через землемеров количество этой земли, дума 15 февраля 1873 года постановила пригласить для ведения дела поверенного К. И. Порозова, с которым условия заключены были довольно внушительные: он должен был вести все дело на свой счет с тем, чтобы после его выигрыша взысканная сумма была разделена пополам; в случае же проигрыша он не получал ничего. Через несколько лет разных проволочек выяснилось, что дело клонится в пользу города и железнодорожные сооружения придется снести. Тогда правление фабрики братьев Хлудовых обратилось к городу с предложением продать товариществу как арендуемую у города землю под их фабриками, так равно и занятую веткой железной дороги с тем, чтобы город затем от претензий к обществу железной дороги отказался. Дума согласилась, и по ее постановлению от 17 февраля было решено продать землю братьям Хлудовым в количестве 23 десятин за 50 000 рублей, на чем и закончилось это дело, одно время сильно обострившее отношения между Никифором Михайловичем и братьями Хлудовыми.

Еще более крупное дело, по пустоши Самгино, тянувшееся в суде с 1818 года, было также удачно закончено Никифором Михайловичем. Эта самая обширная городская пустошь находилась в общем нераздельном пользовании городского общества, крестьян деревни Русанцевой и купца В. Д. Клопова. Возникали всевозможные пререкания, и городу почти невозможно было пользоваться землей. Никифор Михайлович поднял вопрос об упорядочении такого положения дел; через того же поверенного возбуждено было судебное дело, и в 1888 году по полюбовному размежеванию составлен был план и полюбовная сказка, утвержденная Рязанским окружным судом, после чего во владении города оказалось 466 десятин 1 800 квадратных саженой под лесом и лугами.

Почти в таком же положении, как Самгино, были и другие пустоши города. Везде приходилось вновь размежеваться с другими владельцами, так как планы, составленные в 1812 году, не сходились с действительными городскими владениями. На все пустоши были составлены новые планы, и после восстановления границ город оказался владельцем ценных угодий в 8-ми пустошах, всего 982 десятины, стоимостью до 300 000 рублей.

Закрепив таким образом за городом его земельные имущества и упорядочив их доходность, Никифор Михайлович с первых же лет своего управления городом значительно поднял и другие его доходы. При его вступлении в должность головы эти доходы едва достигали 10 000 рублей. В 1876 году, т.е. в конце первого же четырехлетия, они возросли почти в десять раз, дойдя до 96 937 рублей. Эти цифры говорят сами за себя.

Теперь в руках Никифора Михайловича были уже некоторые средства, чтобы оправдать расходы на дела самые важные, от которых зависит все благоустройство города. Необходимо было упорядочить торговлю, защититься от пожаров, улучшить санитарное состояние Егорьевска. И вот с первого же года управления Никифора Михайловича начинается непрерывный ряд городских сооружений.

Базарная торговля велась раньше кое-как, в передвижных деревянных лавочках на Соборной площади, которые также были разбросаны и в других местах города. 17 ноября 1872 года Никифор Михайлович предложил думе построить на Соборной площади два каменных корпуса лавок для сдачи в аренду. На следующий же год это было осуществлено. Впоследствии, в 1876 году, сооружены были еще по ограде каменного собора 46 лавочек; расходы на это произведены были пополам с собором; также пополам разделяется и получаемый с этих лавочек доход. Позже было устроено еще несколько помещений для магазинов в городских зданиях.

Торговля и промышленность Егорьевска сильно страдали от совершенно невозможного сообщения со своей станцией, затруднявшего и доставку, и отправление товаров, и проезд пассажиров, ибо дорога по обе стороны переезда через реку не только весной и осенью обращалась в топкую грязь, но и летом нередко затрудняла перевозку тяжестей. 29 сентября 1872 года Никифор Михайлович поднял в думе вопрос об устройстве к станции мощеного подъездного пути. Для этого нужно было соорудить новый мост через речку, сделать насыпь и устроить шоссе, что было исполнено. Для покрытия сделанной на это затраты был установлен сбор за проезд по новому шоссе с каждого груженого воза по 2 копейки.

Затем естественно было позаботиться об устройстве мостовых в городе, о которых до того помину не было: грязь повсюду была невылазная. Особенно чувствовалась эта беда на площадях в базарные дни, а осенью по городу местами были почти непроходимые болота, как, например, на Сенной площади. Устройство мостовых в управление Никифора Михайловича шло непрерывно в широких размерах. Ежегодно мостовые удлинялись, ремонтировались, а временами прокладывались вновь сразу в нескольких местах, как это видно из целого ряда постановлений думы.

С 30 ноября 1875 года поднимается вопрос об устройстве уличного ос-

вещения, которого также не существовало. По ночам город погружался в полную тьму. Так как нужда в освещении была велика, то сеть фонарей расширялась безостановочно и быстро. Так, когда жители Огородной улицы просили поставить им хоть один фонарь, у них поставлен был 31.

Самым крупным делом по внешнему благоустройству города было сооружение водопровода, который Никифор Михайлович задумал в первое же четырехлетие своей службы. В то время едва ли какие города, кроме столичных, имели у себя водопроводы. Но Никифор Михайлович ясно понимал, какое это будет иметь огромное значение и для здоровья жителей, и для защиты их имущества от пожаров. Кроме того, это полагало предел эксплуатации трактирщиками тех жителей, которые, не имея своих колодезцев, были вынуждены брать воду у них за плату. 17 февраля 1875 года были впервые возбужден в думе вопрос о водопроводе; в докладе, составленном по поручению Никифора Михайловича, были приведены все доводы, какие только можно было выставить, до экономических выгод в расходе чая, мыла при стирке и т.п. включительно. Никифор Михайлович понимал нерешительность горожан, не привыкших еще к расходам на такие крупные сооружения. Дума постановила составить проект и смету и представить подробные соображения. 19 ноября все это было управой представлено, и дума определила: построить водокачку, главный резервуар и бассейны на трех центральных площадях, с употреблением на это из городских сумм до 25 000 рублей. Никифор Михайлович предложил еще обратиться к частным пожертвованиям, и тут же по подписке было собрано 7 607 рублей, в числе которых 5 000 рублей подписал он сам. 28 ноября постановление думы было уже утверждено губернатором. В том же году выхлопотано было разрешение на беспошлинный ввоз машин и приобретены были котел, паровая машина и насосы, дававшие 4 000 ведер воды в час. На реке Гуслиянке, выше города, устроен был пруд и на берегу его каменное здание для машин. Все постройки велись без всяких подрядов, хозяйственным способом, и в этом деле огромную помощь оказали Никифору Михайловичу: фабрикант Осип Кондратьевич Князев своими энергичными трудами по надзору за технической частью, которую он хорошо знал, и Иван Семенович Карцев, которого Никифор Михайлович всегда ценил, как верного и трудолюбивого помощника по должности товарища головы. В 1877 году водопровод уже был успешно и благополучно пущен в ход. Немедленно начали проводить воду по заявлениям жителей на прочие улицы города, и скоро ее можно было иметь почти на всех перекрестках.

Первоначальное пожертвование Никифора Михайловича в 5 000 рублей было только некоторою официальною долею того, что им было лично израсходовано при постройке. Во всех городских сооружениях всегда находился во главе строительной комиссии; пользуясь этим, он строил по сво-

ему усмотрению, всегда гораздо шире, чем было положено в думе, и обыкновенно перерасход уплачивал из своих средств. Все знали это свойство его, и потому, обыкновенно, никто не вмешивался в его распоряжения, в полной уверенности, что это его «самоуправство» окажется городу только выгодным. Случалось, что когда у города не оказывалось наличных средств на какое-либо предприятие, задуманное Никифором Михайловичем, он кредитовал город сам, предоставляя возвращать ему деньги по мере возможности, не связывая сроками и не начисляя процентов. Возвращалось, конечно, не все; остальное считалось пожертвованным.

Впоследствии водопроводное дело было еще усовершенствовано. Так как вода в пруду часто загрязнялась, то Никифор Михайлович на свой счет устроил возле пруда 5 артезианских скважин. Из одной из них, глубиной в 45 сажений, и подается теперь вода в город; остальные — 11-саженные — остаются в запасе на случай ремонта главного источника. Прежние машины уже не могли подавать воду из таких глубоких колодцев; поэтому был установлен воздушный элеватор системы «Мамут», подающий в час 8 000 ведер, а прежние машины с прудом остались резервными на случай каких-либо поломок в действующей системе.

Серьезное внимание обращал Никифор Михайлович на защиту города от пожаров. Мы уже видели, что еще его отец особенно близко принимал к сердцу положение погорельцев. Эта черта была унаследована и сыном. На каждый возникавший в городе пожар, во всякое время дня и ночи, Никифор Михайлович приезжал первый и сам распоряжался тушением. Пострадавшие от пожара бедные горожане всегда находили в его лице своего защитника. Он всегда умел своим хозяйственным взглядом отыскать у города источник для денежной или натуральной им помощи. Как образчик этих забот, приведем постановление думы 6 июня 1873 года, которым бесплатно отпущено погорельцам (пострадавшим от пожаров с 27 на 28 мая) десять десятин городского леса в пустоши «Мастищи». Лес отпущен был не только с правом рубки для построек, но даже с правом продавать часть его в случае нужды в деньгах. А для исполнения этого постановления была наряжена комиссия из самих погорельцев под председательством одного из членов управы.

Заботами Никифора Михайловича была усилена городская пожарная команда как людьми и лошадьми, так и необходимым инвентарем. Впоследствии было выстроено и специальное здание для пожарного депо. В 1877 году, когда был устроен и пущен в ход водопровод, на центральных бассейнах были приделаны пожарные краны и рукава, чрез которые вода могла подаваться на место пожара, если оно было не очень далеко от бассейнов, напором из их баков, не требуя ни бочек, ни насосов. На обеих своих фабриках Никифор Михайлович также устроил приспособления для по-

дачи из фабричных водопроводов в случае пожара воды в бочки пожарного обоза, а также на небольшие расстояния и рукавами. Благодаря этим мерам и всегдашней помощи от фабрики братьев Хлудовых, обладающей первоклассным пожарным обозом до паровой помпы включительно, город был поставлен в отношении быстроты борьбы с возникающими пожарами так высоко, что страховые общества перевели его в один из высших классов, что дало горожанам навсегда большие сбережения на расходах по страхованию.

Не было ни одного места в городе, куда бы Никифор Михайлович не направлял своего хозяйственного ока. Неподалеку от кладбища была площадь, постоянно заваливаемая мусором. Никифор Михайлович предложил устроить здесь сад, на который 19 ноября 1875 года и было городом отпущено 200 рублей. Место было огорожено и сделаны посадки. Впоследствии, в 1897 году, в ознаменование 25-летия службы Никифора Михайловича в должности головы, сад этот был назван «Бардыгинским».

23 сентября 1879 года постановлено огородить и другое место у главного водопроводного бассейна, где образовалась самосевом от деревьев большой дороги роща под названием «Нескучный сад». Должно отметить, что первый сад был разбит по плану тогдашнего рязанского губернатора Н. С. Абазы, который весьма сочувственно и с особенным доверием относился ко всей деятельности Никифора Михайловича. В свою очередь Никифор Михайлович особенно тепло вспоминал этого симпатичнейшего деятеля эпохи царя-Освободителя и то время, когда действовало городское положение императора Александра II. Тогда со стороны представителей власти не встречалось никаких препятствий начинаниям города в его благоустройстве. В Петербурге министр внутренних дел Маков говорил Никифору Михайловичу: «Делайте все, что городу надо, как знаете; не входите только в долги».

В самом же Егорьевске Никифор Михайлович встречал всегда самую деятельную помощь со стороны тогдашнего уездного исправника Евгения Яковлевича Арбузова, с которым Никифор Михайлович был в особенно дружественных отношениях. Однако следует указать, что прочные, добрые отношения установились между ними лишь после крупного недоразумения, которое имело характер столкновения старого порядка вещей с новым и которое поэтому привлекло на себя тогда даже внимание печати. Случилось так, что на одном пожаре, вспыхнувшем против дома Никифора Михайловича в 1872 году, он поставил собственную свою пожарную трубу и своих людей действовать со стороны именно своего дома. Исправник же приказал было полиции перевести трубу Никифора Михайловича на другое место, а когда заведовавший ею приказчик, егорьевский мещанин И. Д. Денисов, отказался исполнить это требование, его арестовали и хотели на-

сильно взять трубу. Никифор Михайлович трубу не дал, а за арест приказчика подал на исправника жалобу. Таким образом, исправник являлся представителем старого дореформенного строя, когда никто без ужаса и подумать не мог не исполнить какого бы то ни было требования начальника, а Никифор Михайлович являлся представителем нового порядка, когда каждый гражданин уже мог пользоваться всеми своими законными правами безбоязненно. Дело было решено в пользу Никифора Михайловича. Е. Я. Арбузов, к его великой чести, сознал свою ошибку и справедливость взглядов Никифора Михайловича, и они стали с тех пор искренними друзьями, что много содействовало успешности всестороннего благоустройства Егорьевска.

БУРЫЛИНЫ

I

Дед видного общественного деятеля в городе Иваново-Вознесенске Дмитрия Геннадиевича Бурылина — Диадор Андреевич Бурылин (1786-1860) положил основание настоящей мануфактуры еще в 1812 году устройством небольшой ручной ситценабивной мастерской. Это предприятие до самой смерти основателя, как и при его сыне Геннадии Диадоровиче (1828-1879), пока в дело не вошел сын последнего, Дмитрий Геннадиевич, т.е. до 1872 года, а второй стал во главе отцовского предприятия, так как Геннадий Дмитриевич был больной, не принимало широких размеров.

У Геннадия Дмитриевича было два сына — Николай и Дмитрий. Первый из них Николай Геннадиевич еще при жизни отца в 1872 году сделался заведующим Куваевской ситценабивной фабрики, где в настоящее время является владельцем и директором-распорядителем.

В 1872 году предприятие Бурылиных было настолько увеличено, что можно было приступить к введению машинного производства для набивки ситцев, а после смерти Геннадия Диадоровича его второй сын, Дмитрий Геннадиевич, начал быстро развивать отцовскую фабрику. Им в 1890 году была основана механическая ткацкая на 378 станков, а вскоре затем была устроена и небольшая вигонепрядильная на 2 200 веретен. Наконец, увеличение последовало в 1906 году, когда Дмитрию Геннадиевичу была арендована, а затем куплена ситценабивная фабрика Н. Д. Новиковой, которая была основана в 1880 году, но за прекращением рода владельцев дело было продано.

Расширив, таким образом, свою мануфактуру до больших сравнительно размеров, Дмитрий Геннадиевич в 1909 году создает товарищество на паях

с основным капиталом в 750 000 рублей, и в него входит директором Алексей Козьмич Семенов. С основанием товарищества фирма с каждым годом увеличивает свой оборот и занимает далеко не последнее место среди мануфактурных предприятий города Иваново-Вознесенска.

Здесь не лишним считаем заметить, что одно время колористом на фабрике Дмитрия Геннадиевича Бурылина был известный химик и писатель Эдуард Лаубер, а также француз Де-ла-Круа.

В настоящее время предприятие состоит из прядильной, ткацкой, отбельной, красильной и ситцепечатной фабрик, где занято до 2 000 рабочих, вырабатывающих ежегодно разных окрашенных и набитых товаров, ластика и ситца до 840 000 кусков.

Состав правления: Дмитрий Геннадиевич Бурылин, его зять Алексей Козьмич Семенов и сын Иван Дмитриевич Бурылин. Последний состоит техническим директором в Куваевской ситценабивной мануфактуре. При этом считаем необходимым отметить, что тот же состав правления руководит и товариществом на паях при селе Егорьевском, Щуйско-Егорьевской мануфактуры с основным капиталом в 200 000 рублей, устроенной близ города Шуи в 1906 году. Дмитрий Геннадиевич Бурылин состоит попечителем рисовальной школы в Иваново-Вознесенске, которая недавно переведена в здание «Музея промышленности и искусства», созданного им же и на его средства в память деда Диадора Андреевича Бурылина. Дмитрий Геннадиевич теперь всецело отдается изучению старины вообще, а особенно изучению своего родного города Иваново-Вознесенска. Дмитрием Геннадиевичем собрано уже много исторического и этнографического материала, между которым первое место занимают те, которые имеют связь с развитием мануфактурной промышленности. В музее Дмитрия Геннадиевича, несомненно, первое место займет коллекция мануфактурных товаров, которые производило Иваново 200-100-50 лет тому назад. Эта коллекция, показанная Дмитрием Геннадиевичем Бурылиным на Всероссийской выставке 1896 года, уже и тогда представляла из себя весьма интересный исторический памятник. Появление в печати всего собранного Дмитрием Геннадиевичем будет приветствовано всеми интересующимися развитием нашей мануфактурной промышленности.

Зять Дмитрия Геннадиевича, Алексей Козьмич Семенов, также занимается общественными делами: он в настоящее время занимает пост городского головы в г. Иваново-Вознесенске.

Ч. М. Иоксимович

II

Бурылин Дмитрий Геннадиевич, фабрикант в городе Иваново-Вознесенске. Родился в 1852 году. С самых юных лет Дмитрий Геннадие-

вич посвятил себя фабричной деятельности и на этом поприще немало потрудился. Участвуя лично во всех фабричных работах, Дмитрий Геннадиевич этим приобрел огромные познания, изучив фабричное дело в совершенстве, что дало ему возможность развить свое дело до крупных размеров: в 1909 году им основано «Т-во мануфактур Д. Г. Бурылина в Иваново-Вознесенске» с капиталом в 1/2 миллиона рублей.

Положение, занимаемое Дмитрием Геннадиевичем в области общественной деятельности, определяется тем, что 28 лет сряду он был избираем гласным городской думы и в это время занимал такой ряд должностей, перечислить которые здесь не хватит места.

Имя Дмитрия Геннадиевича известно не только в мире отечественной промышленности, но и в мире просвещения и искусства. Будучи не в силах израсходовать свою неисчерпаемую энергию на обширном поле деятельности фабричной и общественной, Дмитрий Геннадиевич посвящает досуги свои великому делу на пользу просвещения и изучения старины. В этом отношении Дмитрий Геннадиевич работает с молодых лет, не щадя ни сил, ни средств, и он достиг желанной цели: совершая путешествия по разным государствам, Дмитрий Геннадиевич собрал много редких ценностей как созданных природой, так и человеческими руками. Из собранных предметов им образован «Музей промышленности и искусства», в память деда, Диадора Андреевича Бурылина, основателя ситценабивной фабрики (в 1812 году), строителя Единоверческой Благовещенской церкви (в 1839 году) и основателя Вознесенской слободы (в 1848 году). Музей Дмитрия Геннадиевича, занимающий уже несколько комнат и дающий материал для объемистого каталога, доступен каждому интересующемуся посетителю, который всегда находит со стороны хозяина большое внимание и приветливость. Относительная ценность музея определяется ценностью маленькой его части, — нумизматический отчет монет и медалей до 60 000 тысяч и коллекция русских мasonicких знаков более 700 предметов, за которую американцы предлагали Дмитрию Геннадиевичу на выставке в С.-Петербурге значительные суммы и, конечно, получили отказ: музеи Дмитрием Геннадиевичем собран для России и русских. В недалеком будущем музей Дмитрия Геннадиевича будет переведен в специально построенное им, по проекту художника-архитектора Трубникова, здание, при котором устроен также отдел для публичной читальни и обсерватории. В здании музея уже открыта школа рисования, почетным попечителем которой Дмитрий Геннадиевич состоит.

Отдавшись всецело изучению старины, Дмитрий Геннадиевич положил много труда и на изучение своего родного города Иваново-Вознесенска: им собрано уже много исторического материала, и к открытию музея им будет выпущено по этому материалу полное иллюстрированное издание «Исто-

рия Иваново-Вознесенска».

Дмитрий Геннадиевич имел счастье три раза (в 1896, 1912 и 1913 годах) представляться Его Императорскому Величеству, удостоившись милой беседы по поводу его собственных коллекций старинных ситцев, первоначальной в России выработки, которые государь император изволил обозреть с Августейшим Семейством. В юбилейные дни Отечественной войны 1812 года Дмитрий Геннадиевич имел счастье поднести на выставке музея 1812 года Августейшим Дочерям Их Величеств шелковые платки, сработанные на его фабрике по редчайшему оригиналу-гравюре эпохи 1812 года.

Иждивением Дмитрия Геннадиевича реставрирована деревянная церковь, построенная новгородцами в городе Иваново-Вознесенске в 16 столетии (что доказывают надписи на колоннах и на образах). При этой церкви Дмитрий Геннадиевич выстроил и содержит на свои средства церковно-приходскую школу в память Высочайшего Манифеста 17 октября 1905 года. Кроме этой школы, им выстроено в родном городе 5 учебных начальных заведений.

ГАРЕЛИНЫ

I

Основание мануфактурной промышленности в Иваново-Вознесенске было положено крепостными крестьянами графа Шереметева, которому принадлежало село Иваново. Там издавна существовало набоечное мастерство по крестьянскому холсту; незатейливая набойка производилась сначала масляными красками, а затем и красками заварными. Но это производство носило домашний характер; лишь в 1751 году крестьяне Ямановский, Иван Матвеевич Гарелин и Грачев основали фабрики для производства набивки. В это время ни в Иваново, ни вообще в России еще не было ситценабивного производства, оно появилось у нас несколько позднее, а в Иваново — только в конце XVIII века. В пятидесятых и шестидесятых годах этого столетия существовали только две ситценабивные фабрики, основанные иностранцами Лиманом в Шлиссельбурге и Чамберлином и Козенсом в Петрограде. Это новое и чрезвычайно прибыльное дело привлекло к себе многих, но особенно оно показалось заманчивым для юрких ивановцев. Чтобы постигнуть секрет производства, несколько крестьян из Иваново постарались проникнуть в качестве рабочих на новые фабрики. Первым счастливым, постигшим секрет ситценабивного дела, был О. С. Соков, с которого, собственно говоря, и началось в Иваново ситценабивное производство. Его примеру последовали Михаил Ямановский, Иван Матвеевич Гарелин с сыном и другие.

Основанная Иваном Матвеевичем Гарелиным в 1751 году набоечная фабрика в 80-х годах постепенно начала преобразовываться в ситценабивную. Деятельным сотрудником Ивана Матвеевича Гарелина в устройении фабричных дел был его сын Мефодий Иванович. Обладая недюжинным умом, Мефодий Иванович все свои досуги посвящал самообразованию, читал книги, газеты и вообще интересовался общественной и государственною жизнью; он принимал деятельное участие по управлению общественными делами в селе Иванове. Несмотря на неутомимую работу, Мефодий Иванович дожил до преклонных лет; он скончался в 1825 году, будучи 68 лет от роду.

Фабрика Гарелиных в Иванове сначала находилась близ нынешней публичной библиотеки, и только в двадцатых годах прошедшего столетия она была перенесена на свое теперешнее место, занимавшееся раньше фабрикою Грачева.

Первоначальная набойка по бумажным тканям разводилась по бухарским и индийским тканям, которые привозили сначала Гандурины, а потом и Гарелин из Астрахани; они же привозили марену, чернильные орешки и другие товары в Иванове, а в Астрахань возили уже набитые ситцы и набойки по кинешемским, костромским и ярославским холстам. С Петроградом, Ригою и Москвою для получения английских и немецких миткалей и бязи вели дело с 1782 года те же Иван Матвеевич Гарелин и Гандурины. Из счетов Ивана Матвеевича Гарелина (1778-1779) видно, что, кроме своих льняных произведений, он скупал у других ивановских фабрикантов работу их фабрик для продажи.

С 1785 года, кроме тканья и набойки, на фабрике Гарелина начали красить в синий цвет (индиго) в горячих кубах холщовую крашенину (отчего потом для бумажных тканей получилось название кубовые ситцы). В 1787 году у него началось тканье бязи из пряжи бухарского происхождения. С 1788 года М. И. Гарелин начал покупать бумажную бязь у московских ткачей-фабрикантов, но главная покупка бумажных тканей производилась в Петрограде, где впервые в 1793 году при покупке Иваном Матвеевичем Гарелиным у Претора и Монбельса 700 кусков бумажной ткани встречается название миткаль. Бязью, или бахтусом, назывался ровный иностранный миткаль. Надо полагать, что название это (бязь) получено из Азии, откуда почти до 1850-х годов привозили набойку, называемую бахтою, набитую на грубой бумажной ткани.

По примеру фабриканта О. С. Сокова в 1792 году у М. И. Гарелина начали работать «белоземельные» ситцы, тогда у него производилось и «галандренье» таковых; на его же фабрике впервые в Иванове начали с 1793 года употреблять для обработки товара и купоросное масло (серную кисло-

ту), которое покупали в Москве по 18 рублей за пуд, с 1815 года вошли в ход на его фабрике ткацкие станки с челноками-самолетами, а с 1818 года М. И. Гарелин начал набивать так называемые «саксонские» лаписные кубовые ситцы, которые названы так потому, что первый мастер, работавший эти ситцы и живший в Москве на фабрике Чорикова, был родом из Саксонии. Перед самой кончиною Мефодия Ивановича в 1825 году на его фабрике была поставлена ситценабивная машина, приводившаяся в движение лошадьми.

По сведениям Тихонравова, за 1817 год по величине и производству фабрика Гарелина занимала третье место, немного лишь уступая фабрике Варвары Ефимовны Грачевой и крестьянина графа Шереметева Михаила Ивановича Ямановского. У Мефодия Ивановича Гарелина в 1817 году находилось 1 021 ткацкий станок и 85 набивных столов с 1 407 рабочими; вырабатывалось сурового миткаля 12 000 штук и покупалось 11 000 штук, из которых набивалось в ситец 12 000 штук, на выбойку шло 10 000 штук и на платки 1 000 штук. Годовое производство товаров по стоимости превышало миллион рублей, давшее чистой прибыли 45 980 рублей.

После смерти Мефодия Ивановича в 1825 году дело до 1843 года продолжали его сыновья Петр и Никон Мефодиевичи; первый из них еще при жизни отца более или менее самостоятельно управлял фабрикой, так как Мефодий Иванович, главным образом, занимался торговлей. Фабрика Гарелина делала больше успехи; в 1829 году иностранцы Геббель и Барук начали красить у них на фабрике бумагу и миткаль в адрианопольский цвет, а в 1832 году у них является первая для Иванова паровая машина в 12 сил Бердовского Петроградского завода, этого рассадника паровых машин в России. Тогда там же начинается впервые в Иванове применение пара не только как двигательной силы, но и для других операций, как-то: для согревания воды, варения красок и сушки товара. Наконец, в 1837 году братья Петр и Никон Мефодиевичи приобрели от своего помещика графа Шереметева в собственность участки земли под своими фабриками, после чего последовал их раздел в 1843 году, причем Никону Мефодьевичу достались постройки и земля, где теперь находится мануфактура его имени, а Петру Мефодьевичу — земля, где находится теперь Покровская мануфактура П. Н. Грязнова.

Кратковременное (1843-1857) единоличное управление мануфактурою «Никона Гарелина сыновья» Никоном Мефодиевичем ознаменовалось устройством отдельной ситценабивной фабрики в 1844 году и бумагопрядильни в 1846 году на 29 000 веретен. Его же сыновья: Сергей (умер в 1884 году), Федор (умер в 1884 году) и Мефодий (умер в 1909 году) — в 1866 году основали механическую ткацкую фабрику, а самый старший сын Никона Мефодиевича, Иван Никонович, выделился еще при жизни отца в 1854 году

и устроил свое фабричное дело, ныне товарищество мануфактур «Ивана Гарелина с сыновьями».

Самым полезным для мануфактуры был Мефодий Никонович, который после смерти Сергея и Федора Никоновичей, с 1884 года до конца своей жизни, до 1909 года, был полновластным хозяином всей мануфактуры. При нем мануфактура значительно развилась и производство улучшилось, но неожиданная его кончина и запутанное завещание произвели заминку в деле, особенно в 1912 году, который был трудным в жизни мануфактуры еще и вследствие общего промышленного застоя. Дела фирмы пошатнулись было настолько, что пришлось обратиться за помощью к банкам, но, благодаря учреждению паевого товарищества и приглашению в руководители делами Константина Петровича Григорьева, бывшего коммерческого сотрудника товарищества «Саввы Морозова сын и К^о», фирма скоро оправилась.

Директором товарищества состоят: Петр Николаевич Зубков, Николай Федорович Гарелин и Константин Петрович Григорьев. Директором прядильной и ткацкой состоит более двадцати лет инженер-механик Федор Киприанович Козлов.

Теперь владельцами мануфактуры являются наследники Федора Никоновича: жена Анна Ивановна и дети Николай Федорович и Анна Федоровна, а также и сын Анны Никоновны Зубковой, урожденной Гарелиной — Петр Николаевич Зубков.

В настоящее время мануфактура имеет 42 060 прядильных веретен, 857 механических ткацких станков, 15 печатных и плюсовальных машин и вырабатывает разных бумажных тканей в год на сумму около 6 500 000 рублей. Число рабочих доходит до 3 500 человек.

Основателем товарищества мануфактур Ивана Гарелина с сыновьями, как об этом упоминалось, был старший сын Никона Мефодиевича Гарелина — Иван Никонович, родившийся в 1821 году. В 1854 году, после женитьбы на А. А. Лепетовой, дочери доверенного известного шуйского торговца английской бумажной пряжей Киселева, он отделился от отца и при помощи тестя купил Батуриинскую ситценабивную фабрику, на которой ситцы вырабатывались ручным способом. Для механической работы Иваном Никоновичем была поставлена одна тридцатисильная паровая машина с тремя паровыми котлами, наряду с которой ручная набивка ситцев продолжалась до 1884 года.

Собственной ткацкой фабрики у Ивана Никоновича Гарелина не было; для получения суровья он имел контору, через которую раздавалась пряжа крестьянам-ткачам. После промышленного кризиса 1860-1865 годов производство у Ивана Никоновича стало быстро расти. В 1873 году была по-

строена механическая ткацкая фабрика, вследствие чего годовая выработка собственных миткалей с 30-39 тысяч уже в 1875 году поднялась до 148 500 кусков при 750 рабочих.

Озабочиваясь дальнейшим развитием дела, Иван Никонович в 1879 году основывает отбельную фабрику, а через четыре года (в 1883 году), учредив паевое товарищество с основным капиталом в 2 миллиона рублей, он намеревался приняться за коренное преобразование и расширение своего начального производства, но исполнить эту работу пришлось уже его сыну Александру Ивановичу, ставшему после смерти Ивана Никоновича (1884 год) во главе предприятия. В течение своего тридцатилетнего управления делами товарищества Александр Иванович все отрасли производства увеличил в несколько раз. При основании товарищества было 893 ткацких станка, 6 отбельных варочных кубов, 3 печатных машины, 11 красильных барок; годовая выработка ситцев была около 120 000 кусков, а в конце жизни Александра Ивановича, т.е. в середине 1915 года, мануфактура имела 2 020 механических ткацких станков, 17 варочных кубов, 14 печатных машин, 4 плюсовки и 12 красильных барок, дающих занятые 4 500 рабочим и выпускающим готового товара ежегодно до 2 ½ миллиона кусков на сумму до 15 миллионов рублей.

Таким образом, пожалованное Александру Ивановичу в 1898 году звание Мануфактур-Советника является вполне заслуженным.

Главным помощником на фабрике у Александра Ивановича сперва был его брат, Никон Иванович, после кончины которого в 1896 году его обязанности исполняет и по настоящее время инженер-механик Николай Павлович Бакулин. Колористом более 20 лет состоит Василий Адольфович Ферман, а заведующим фабрикою около 35 лет — Павел Александрович Успенский. Ткацкая же фабрика находится под руководством Ивана Федоровича Лебедева и Александра Афанасьевича Рубцова, а механической частью всей фабрики руководит более 20 лет Гавриил Дмитриевич Афанасьев.

Еще при жизни отца Александра Ивановича, Ивана Никоновича, заведующим коммерческой частью мануфактуры был Иван Алексеевич Шагурин, который эту должность и по настоящее время занимает с успехом. Ему в течение почти шестидесятилетней службы пришлось быть главным сотрудником по коммерческой части при трех поколениях семьи Гарелиных, т.е. при основателе мануфактуры Иване Никоновиче, при его сыне — Александре Ивановиче и теперь при внуке основателя — Александре Александровиче, так что большую долю заслуг в достигнутом мануфактурою финансовом успехе с правом можно отнести Ивану Алексеевичу Шагурину.

При фабрике имеются: ясли, родильный приют, богадельня, школа, библиотека и театральный зал для рабочих, во главе этих учреждений стоит почти четверть века супруга Александра Ивановича, Мария Александровна Гарелина.

Ч. М. Иоксимович

II

Гарелин Иван Никонович, потомственный почетный гражданин, основатель фирмы «Товарищество мануфактур Ивана Гарелина с сыновьями» в городе Иваново-Вознесенске. Родился в 1821 году, скончался в 1884 году.

Иван Никонович в течение многих лет состоял гласным уездного и губернского земства, городским головою города Иваново-Вознесенска, членом Владимирского мануфактурного комитета и во многих других общественных и просветительных учреждениях. Он был видным общественным деятелем города Иваново-Вознесенска, на пользу коего вложил много инициативы и личного труда.

Гарелин Александр Иванович, Мануфактур-Советник, учредитель директор-распорядитель фирмы «Товарищество мануфактур Ивана Гарелина с сыновьями», известный общественный деятель города Иваново-Вознесенска, почетный мировой судья Шуйского судебного округа, директор Шуйского уездного попечительства детских приютов.

Имя Александра Ивановича, как общественного и торгово-промышленного деятеля, пользуется широкой известностью и большим уважением в мире отечественной промышленности.

Производства: ткацкое, отбельное и ситценабивное. На фабриках занято свыше 4 500 человек рабочих. Вырабатывает фабрика в год до 2 200 000 кусков ситца набивного и тканей.

При фабриках имеются: приемный покой на 45 кроватей, училище на 250 человек, колыбельная на 100 детей, ясли на 80 детей, свыше 100 квартир для служащих, столовая и кухня на 2 000 человек, довольство которым товарищество дает безвозмездно. Фабрика по своему техническому оборудованию, а также в отношении быта рабочих занимает отечественной промышленности одно из первых мест.

ГОРБУНОВЫ

Основателем товарищества мануфактуры братьев Григория и Александра Горбуновых в 1826 году был дед учредителей товарищества, крестьянин Костромской губернии Нерехтского уезда села Широкова Осип Афа-

насьевич Горбунов, родившийся в 1780 году. После его смерти (1845 год) начатое им дело продолжали вести его сыновья, Андрей Осипович и Климент Осипович, а от последнего, умершего в 1859 году и оставившего капитал около 35 000 рублей, оно перешло к его сыновьям: Григорию, Александру и Максиму Климентьевичам.

В начальном своем периоде промышленная деятельность вышеназванных лиц выражалась в производстве на нескольких ручных станках у себя дома, средствами своей семьи, а затем стали отдавать купленный материал — пряжу — в работу окрестным ткачам-кустарям.

Для такой обработки пряжи в сельце Киселеве Нерехтского уезда Костромской губернии, куда семья переехала из родного села Широкова, были выстроены клеилка и сновальное помещение, где все работы производились исключительно ручным способом.

Производство ткани в таком виде год от году развивалось все больше и больше и в 1868 году достигло до 73 000 кусков на сумму около 330 000 рублей, причем работа производилась только в течение шести осенних и зимних месяцев; участвовало в этой работе до 6 000 семейств.

Главным руководителем дела в этом периоде (1859-1869) и затем в последующее время был умный, энергичный старший сын Климента Осиповича — Григорий Климентьевич.

Помимо продажи миткаля в суровом виде, часть миткаля отдавалась на ситценабивные фабрики в набивку под ситец и продавалась в Москве, где имелся постоянный амбар, а также и на ярмарках Нижегородской, Симбирской и Ростовской.

Видя такой успех в своих делах, руководители предприятия осуществили давно лелеемую мысль об устройстве механическо-ткацкой фабрики; таковая и была выстроена в конце 1869 года в сельце Киселеве на 112 станков.

На этих 112 станках было занято 150 человек, и за год было выработано, считая и раздачу пряжи на дома, всего около 70 000 кусков на сумму до 350 000 рублей, причем на механических станках работа производилась круглые сутки, в три смены.

В 1872 году фабрика имела уже 392 станка и около 500 рабочих.

Стоимость годового производства по данным 1872 года достигала уже около 600 000 рублей.

Сравнивая оборот 1869 года, когда работа производилась ручным способом, и оборот 1872 года, когда работали на механических станках, ясно можно видеть, какой быстрый рост производства дало введение паровой движущей силы.

Такое усиленное расширение производства предприятия, связанное с крупным увеличением оборотов, побудило участников дела реорганизовать само торговое дело, и вот, в 1872 году, единоличное предприятие преобразовывается в «Торговый дом братьев Григория, Александра и Максима Горбуновых».

В 1876 году оборот увеличился до 1 250 000 рублей, а в 1879 году была приобретена в собственность ранее находившаяся в аренде механическо-ткацкая фабрика братьев Кучиных во Владимирской губернии Ковровском уезде при селе Колобове, на которой было 428 механических станков.

Такое увеличение производства заставило участников торгового дома преобразовать его в паевое товарищество 1882 года с основным капиталом в 2 000 000 рублей.

Все пай были размещены между ближайшими родственниками учредителей — Григория и Александра Климентьевичей Горбуновых.

К этому времени на обеих фабриках товарищества было уже 1 464 механических станка; выработка миткаля достигла 649 000 кусков; рабочих было около 2 000 человек.

Через 10 лет, т.е. в 1892 году, станков было уже 1 650, количество рабочих 2 900 и годовой оборот достиг 3 800 000 рублей.

До 1892 года предприятие работало миткаль из покупной пряжи.

Значительная переплата за пряжу прядильщикам, громадная зависимость от них побудили руководителей дела — Григория Климентьевича Горбунова и ближайшего его, в то время, сотрудника Василия Александровича Горбунова, заменившего в 1889 году отца своего, Александра Климентьевича, устроить в 1892 году собственную бумагопрядильную фабрику.

В этом году был выстроен при Киселевской ткацкой фабрике новый корпус на 60 000 бумагопрядильных веретен: оборудовано было первоначально только 25 000 веретен.

Время постановки этих веретен было выбрано очень своевременно; цена на пряжу с начала 1892 года пошла на повышение, что дало возможность уже в следующем году сделать первое увеличение количества веретен еще на 30 000.

Ч. М. Иоксимович

ЗИМИНЫ

Родоначальником товарищества Зуевской мануфактуры И. Н. Зимина

был крестьянин деревни Зуева Московской губернии Богородского уезда Семен Григорьевич Зимин (1760-1840), который в конце 18 века имел небольшое шелкоткацкое ручное заведение. С ним вместе работали его три сына: Никита (1791-1866), Иван (1799-1885) и Куприян (1805-1855) — до 1838 года, когда перед кончиною Семена Григорьевича последовал выдел Ивана и Куприяна, которые завели самостоятельно небольшую ручную бумаготкацкую фабрику. Никита Семенович между тем продолжал отцовское шелковое дело до пятидесятых годов, когда приступил к ткачеству бумажных тканей, а в 1858 году уже завел и крашение пряжи, а затем и тканей в красный адрианополюский цвет, называемый еще и пунцовым. После его смерти его сын Иван Никитич (умер в 1887 году) начал очень быстро расширять и улучшать производство, а именно: пунцовое крашение и ситцепечатание. Им в 1868 году предприятие было переименовано в «И. Н. Зимина»; а в 1884 году им же создано товарищество на паях под названием «Товарищество Зуевской мануфактуры И. Н. Зимина».

Сыновья Ивана Никитича: Леонтий (умер в 1913 году), Григорий, Иван, Сергей и Александр, а также сыновья Леонтия Ивановича: Николай, Иван, Алексей, Сергей, Александр, Владимир и Василий — оказались достойными своих предков и с 1897 года, кроме ситценабивной фабрики в Зуеве, основали бумагопрядильно-ткацкую фабрику при станции Дрезна Московско-Нижегородской железной дороги и приступили к выработке, кроме ситцев и кумача, и других бумажных тканей, так что в настоящее время годовое производство их фабрик достигает 13000000 рублей при 4500 рабочих. На фабриках имеется 100000 прядильных и 1 600 крутильных веретен и 2 300 механических ткацких станков.

Как мы уже упомянули при описании товарищества Зуевской мануфактуры И. Н. Зимина, основателями этой мануфактуры были сыновья Семена Григорьевича Зимина Иван и Куприян, которые выделились от остальных братьев в 1838 году и самостоятельно начали работать на ручных станках разные бумажные ткани, а также имели раздаточную контору для выдачи пряжи кустарям.

В пятидесятых годах кумачное производство было перенесено на родину Зиминых из города Александрова Владимирской губернии, и Зимины взяли пример с фабрикантов Новосадова и Брызгалова, которым первоначально сами отдавали пряжу для крашения в красный адрианополюский цвет.

После смерти (1855 год) Куприяна Семеновича делами управлял его старший брат Иван, который вследствие расширения производства в 1867 году вместе со своим сыном Макарием (1844-1871) и племянниками Петром, Яковом и Филиппом Куприяновичами открыл Торговый дом под фир-

мою «Хлопчатобумажная мануфактура, Торговый дом Ивана Макаровича, Петра Яковлевича и Филиппа Зиминых». При его жизни, т.е. в 1868 году, была основана недалеко от Зуева Подгорная механическая ткацкая фабрика, а в 1876 году и черная красильня.

После кончины Макария Ивановича его заменили в делах сыновья Иван и Николай (1868-1909) Макаровичи. Последний был инженером-механиком, и при нем в 1908 году пущена в ход бумагопрядильная фабрика.

Теперь во главе Торгового дома находятся Яков и Филипп Куприяновичи и их племянник Иван Макарович. На фабриках работают 17 072 прядильных с 1 112 крутильными веретенами и 758 механических ткацких станков при соответствующем количестве красильных и отделочных машин. Годовое производство около 2 миллионов рублей при 880 рабочих.

Ч. М. Иоксимович

КАРЗИНКИНЫ

В 1857 году И. А. Карзинкин купил «Ярославскую Большую мануфактуру» и сразу же построил новую фабрику на 40 000 веретен, в 1878 году прибавлено 70 000, а три года спустя прибавлено еще 57 000. В 1887 году было приступлено к постройке новой ткацкой фабрики, так как «старая» фабрика была основана еще в 1868 году. С этих пор мануфактура постоянно расширялась, так что в начале 1914 года товарищество мануфактуры имело 309 954 прядильных и 10 804 крутильных веретена при 1 912 ткацких станках. По количеству веретен прядильная фабрика занимает 2-е место в России. Годовая выработка пряжи около 850 000 пудов, а тканей около 500 000 000 аршин, что составляет подсчет ценности приблизительно 18 миллионов рублей. Число рабочих доходит до 11 300 человек. Состав нынешнего правления: Александр Андреевич Карзинкин, Михаил Сергеевич Карзинкин и Николай Васильевич Скобеев. Управляющим фабрикою состоит Алексей Флегонтович Грязнов, который является преемником профессора Семена Андреевича Федорова. Имущество за вычетом погашения, которое в балансе не обозначено, при земельном и лесном фонде в 71 774 десятины, оценивается в 2 292 300 рублей.

Первые годы «Ярославская Большая мануфактура», как все тогдашние русские фабрики, работала на иностранных хлопках, по преимуществу — американских; затем, когда, после присоединения Туркестанского края и покорения Хивы (в 1873 году), на русских хлопковых рынках начал появляться среднеазиатский хлопок, товарищество тотчас же обратило на него свое внимание и начало применять у себя на фабрике.

Вначале вся торговля среднеазиатским хлопком производилась в Оренбурге и, отчасти, в Нижнем Новгороде.

Ряд покупок среднеазиатского хлопка ознакомил «Ярославскую мануфактуру» с его техническими свойствами и выдвинул вопрос о более широком применении его вместо заграничного: результатом этого последовало решение товарищества завязать непосредственные сношения для покупки хлопка в местах его произрастания — в Хиве, Бухаре, Ташкенте Коканде и прочее.

Первая попытка сделанная в этом направлении, относится к 1880-1881 году, когда товарищество командировало уполномоченное лицо Н. В. Скобеева, впоследствии долгое время управлявшего среднеазиатскими делами товарищества, для непосредственной покупки хлопка в названных местах.

Таким образом, эту первую попытку к созданию непосредственных сношений с внутренними хлопковыми рынками Средней Азии справедливо можно считать началом возникновения среднеазиатского дела, принявшего впоследствии, в связи с возникновением собственных хлопковых плантаций и целой сети хлопкоочистительных заводов, контор, покупных и складочных пунктов, такое широкое развитие и многосложную организацию, что по размерам и денежным оборотам своим дело это могло бы представлять не вспомогательную отрасль, а совершенно самостоятельное торгово-промышленное предприятие.

Несколько позднее товарищество устроило собственные хлопкоочистительные заводы. Устройство этих заводов, помимо коммерческих, заключается в свойствах местного (из туземных семян) среднеазиатского хлопка и в способе очистки, резко отличающих его от американского хлопка.

Дело в том, что природный среднеазиатский хлопок, выращенный из «местных семян», созревая, не открывает своих коробочек, заключающих в себе волокно (американский же открывает), почему с полей собирается не прямо хлопок-сырец (как в Америке и Египте), а срываются самые коробочки, известные в Средней Азии под именем «гузы».

Коробочки эти, для того чтобы добыть из них хлопок-сырец, необходимо раскрыть, кожуру скорлупы отделить, волокно же сырец направить для дальнейшего очищения от семян.

Возникновение хлопкоочистительных заводов товарищества началось с приобретения в 1885-1886 годах в разных хлопковых центрах (в Ташкенте и Ферганской области) земельных участков для устройства контор и складов и установки для них ручных (винтовых) прессов для запрессовывания покупаемого хлопка в кипы для отправки в город Ярославль.

Первые заводы товарищества появились в Ташкенте, Коканде, Наман-

гане и Андижане, а затем в Хиве, Бухаре, Чарджуе и Мерве. Каждый завод содержал известное количество джин (машин для очистки хлопка, т.е. отделения волокна от семени) и винтовые прессы для прессовки хлопка в кипы.

Параллельно с организацией в Средней Азии хлопкоочистительного дела, высокие технические достоинства волокна хлопка, выращенного в Средней Азии из американских семян, выдвинули, в свое время, вопрос о создании в Средней Азии культуры хлопка из американских семян. Инициатива дела принадлежала как правительственным органам края, так и первым русским хлопководам: было устроено несколько казенных и частных опытных плантаций, для коих семена выписывались непосредственно из Америки. Товарищество «Ярославской Большой мануфактуры» не замедлило создать собственные плантации, преследовавшие цель культуры американского хлопка не только для потребностей своей фабрики, но и для распространения хороших семян среди туземного населения, независимо от раздачи товариществом настоящих американских семян, выписываемых им для этой цели из Америки значительными партиями.

В 1900 году, по прошествии 18 лет со времени первого шага товарищества в Средней Азии, дела его в этом крае представляются в следующем виде.

Общая площадь земельных владений товарищества в Средней Азии, занятых хлопковыми плантациями, достигает свыше 2 750 десятин, из них наиболее крупные участки вблизи города Андижана (Андреевский хутор) (1 000 десятин) и вблизи города Ходжента (1 300 десятин).

Далее, общее число хлопкоочистительных заводов, находящихся в различных пунктах Средней Азии — 12.

Общее число джин для очистки хлопка, находящихся на этих заводах — около 70, с более чем 4 500 пилами; при них около 15 винтовых и гидравлических прессов; общее количество паровой и водяной силы, расходуемой для движения джин и прочих механизмов хлопкоочистительных заводов, около 250 инд. сил; продуктивность всех заводов, при настоящих условиях работы, — около 6 000 пудов чистого волокна в сутки.

Далее, кроме упомянутых собственных заводов, товарищество «Ярославской Большой мануфактуры» арендует 6 хлопкоочистительных заводов и в трех пунктах имеет собственные прессы для запрессовки хлопка, покупаемого в очищенном виде.

Ч. М. Иоксимович

КОНШИНЫ

Учрежденное в 1877 году товарищество мануфактур И. Н. Коншина в Серпухове не было новым предприятием: оно явилось продолжением старинного фабричного дела, имевшего уже тогда более чем столетний возраст.

Петр Великий в стремлении поднять производительные силы России принял ряд мер с целью вызвать фабричное производство. Казна сама строила фабрики и заводы и затем передавала их частным лицам, ссужала фабрикантов капиталами, снабжала инструментами и рабочими, выписывала из-за границы мастеров; фабриканты освобождались от государственной службы и податей, иногда им предоставлялась монополия производства.

Благодаря этим мерам, в России возникли казенные заводы (оружейные, горные) и частные фабрики (суконные, полотняные, парусинные). Большинство фабрик сосредоточивалось в той местности, которая теперь называется Центральным промышленным районом: самая природа — менее удобная для земледелия почва, обилие лесов, водные пути сообщения (Волга с притоками, цепь озер) — благоприятствовала здесь переходу к обрабатывающей промышленности.

Именно к этому первому периоду русской фабричной промышленности, приблизительно к середине XVIII столетия, относится и возникновение фабрики Коншиных в Серпухове, изготовлявшей полотно и парусину.

Коншины принадлежали к старинному роду серпуховских посадских людей, известному с половины XVI столетия: фамилия их (Конша) уже упоминается в Серпуховской Сотной книге 1552 года.

XIX век характеризуется быстрым ростом хлопчатобумажной промышленности, занявшей первенствующее положение в России, вызвавшей крупные мануфактуры и сконцентрировавшей в себе огромные капиталы.

Развитие американского хлопководства, применение машин к обработке хлопка сделали бумажную ткань товаром, с которым не могли конкурировать льняные и пеньковые ткани ни по дешевизне, ни по восприимчивости к самой разнообразной раскраске.

Приблизительно до половины XIX столетия все хлопчатобумажное производство России велось на привозной пряже: в России не было прядильных машин, вывоз же их из Англии до 1842 года был запрещен, а ручная пряжа не могла конкурировать с английской машиной; к тому же устройство прядильных фабрик требовало огромных капиталов.

Коншинская фабрика совершила переход к ручной набивке бумажных тканей в самом начале XIX века, именно в 1804-1805 годах.

В 1831 году фабрикант Максим Алексеевич Коншин с сыном уже участвовал в промышленной выставке в Москве и получил за свои изделия первую награду. Мы имеем описание его бумаго-миткальной и набивной фабрики за 1838 год.

Фабрика помещалась в 7 каменных и 14 деревянных строениях, имела 1 400 ручных станков и около 200 набойщицких столов для набивки ситцев, машину для пропуска миткала, приводимую в движение лошадьми, и 2 000 вольнонаемных рабочих, работавших на самой фабрике и в уездах (ткачи). Пряжа выписывалась из Англии и раздавалась кустарям для ткачества.

Фабрика набивала в год 54 000 вытканых ими полотен в ситец, покрывала и платки, на сумму 1 200 000 рублей ассигнациями со сбытом их в самом Серпухове.

Преемник Максима Алексеевича, Николай Максимович Коншин, расширил фабрику, доведя к 1840 году число станков до 2 000 при 300 набойщицких столах и число рабочих до 2 ½ тысяч; выработка составляла около 100 000 кусков на сумму до 500 000 рублей серебром.

При нем же, в 1844 году, была устроена красильня для крашения как тканей, так и пряжи. Фабрика занимала 10 каменных и 20 деревянных строений. Закупка пряжи производилась непосредственно в Англии, а сбыт изделий — в Серпухове, Москве и на Нижегородской ярмарке.

Отмена запрещения на вывоз английских машин, высокая пошлина на привозную пряжу, развитие техники в России создали в середине XIX столетия русскую прядильную промышленность.

В 1848 году при Коншинской мануфактуре устроено было прядильное отделение, значит, и в этом отношении она была одною из первых. Основателем этой фабрики был тот же Николай Максимович Коншин.

Вот описание прядильной фабрики в первый год ее существования.

Она помещалась в 4-этажном корпусе, имела 205 машин, приводимых в движение паровой машиной (1 трепальная, 3 настильных, 50 чесальных, 5 ленточных, 30 банкоброшных, 20 ватеров, 34 мюля, 2 пресса, 20 мотовил), и 195 рабочих при 4 мастерах-англичанах; вырабатывала 10 000 пудов пряжи на сумму 162 000 рублей.

В 1852 году число машин дошло до 300 при 1 000 рабочих, с производством 51 000 пудов.

Итак, с 1848 года ткани работали частью уже из собственной пряжи, которая, однако, все еще раздавалась для ткачества кустарям, так как механической ткацкой фабрики еще не было.

В 1853 г. Николай Максимович (родился в 1798 году) скончался, и во главе промышленных дел становится его жена Марфа Филипповна (умерла

в 1867 году), при которой фабрики развивались медленно. В начале ее управления на фабриках было 2 300 станков и 290 набойщицких столов с 2 740 рабочими; годичная выработка ситцев равнялась 115 000 кускам. Несмотря на громадный размер фабрики, на ней не было паровых двигателей, и два имевшихся каландра приводились в движение конною силою. В 1854 году на фабриках прибавились 2 водокачки и промывная машина, в 1858 году — 2 отжимные, тоже конноприводные.

1858 год был знаменательным в жизни семьи Коншиных: Марфа Филипповна все принадлежавшее ей имущество передала сыновьям: Ивану (родился в 1828 году, умер в 1898 году), Николаю и Максиму Николаевичам. Иван Николаевич в 1858 году, получив от матери «Старую Мызу» с прядильною и ручною ткацкою фабриками, повел самостоятельное свое промышленное дело, братья же его основали Торговый дом под фирмою «Николая Коншина сыновья».

Так как в настоящее время фирмы И. Н. Коншина уже больше не существует, то позволим себе здесь сказать несколько слов о том, как она закончила свое существование. Те свободные средства, около миллиона рублей, которые получил от матери Иван Николаевич, позволили ему улучшить фабрику в техническом отношении, а затем удачные покупки хлопка в 1863 году, а может быть, впоследствии и другие коммерческие операции сделали его очень богатым человеком. Крепкий, всегда расчетливый, Иван Николаевич боялся смелых шагов и в течение сорока лет продолжал вести свое дело без видимого стремления к его расширению. Умирая бездетным (1898 год), он все свое состояние, превышавшее 10 миллионов рублей, оставил жене Александре Ивановне (родилась в 1833 году, умерла в 1914 году). Ликвидировав промышленное предприятие, Александра Ивановна предалась делам благотворительности: и миллионы остались завещанными на различного рода благотворительные дела.

Лишь в 1859 году, с переходом большей части фабрики к Торговому дому «Николая Коншина сыновья», введены были машины, действующие паром (промывная, отжимная, сушильная, водокачка с отдельной паровой при каждой и красильные барки с 2 паровыми котлами), рядом с прежними, действовавшими на лошадиной силе. Затем число паровых машин постоянно увеличивалось, были поставлены 3 печатные машины, и фабрика перешла с ручной на машинную набивку.

Наконец, в 1861 году Торговый дом «Н. Коншина сыновья» построил механическую ткацкую фабрику в виде 2 каменных 3-этажных корпусов с 473 станками, при одной паровой машине, с 540 рабочими при 5 мастерах и прядильную на 30 000 веретен.

В первый год выработка ткацкой фабрики составляла 27 ½ тысячи кус-

ков.

Уже с 1848 года, с постройки прядильни, Коншинская мануфактура начала сосредотачивать у себя все отрасли хлопчатобумажной фабрикации, от выработки пряжи до выработки ткани, и принимать тот вид большого и «комбинированного» предприятия, который составляет отличительную черту русской хлопчатобумажной промышленности.

В 1859 году была перестроена и ситценабивная фабрика, уже не удовлетворявшая своему назначению. Теперь все фабрики были устроены по требованиям современной техники и снабжены английскими машинами при посредстве фирмы Л. Кноп.

С начала семидесятых годов прошлого столетия фабрики перешли в собственность нынешнего главы фирмы Николая Николаевича Коншина, заведовавшего ими и раньше в качестве члена Торгового дома, и с этого времени их деятельность непрерывно развивалась и развивается под его постоянным руководством. Николай Николаевич был деятельнее своих братьев; желая поставить свое дело на надлежащую высоту, он зорко следил за успехами промышленной техники, с этой целью даже был в Англии. Он настойчиво стремился распространять свои товары не только внутри своего отечества, но и за его пределы. Общее содействие русской промышленности и торговли за развитие торговых сношений России с Персией присудило в 1890 году Николаю Николаевичу «Алексеевскую» медаль; которая была первой и единственной.

В 1882 году, в воздание заслуг на поприще отечественной промышленности в течение двухсот лет, род Коншиных возведен в потомственное дворянство.

В 1877 году предприятие преобразовалось в паевое «Товарищество мануфактур Н. Н. Коншина в Серпухове» с основным капиталом 3 000 000 рублей. К этому времени фабрики (строения и машины) представляли уже стоимость 1 ½ миллиона рублей и лесные владения — в 500 тысяч рублей; производительность их равнялась 105 000 пудов пряжи, до 500 000 кусков сурового товара и около 300 000 кусков готовых тканей (часть миткала продавалась суровьем, без переработки).

В 1885 году товариществом приобретена от Н. Н. Коншина отдельная красильно-отделочная (аппретурная) фабрика, а в 1898 году, в дополнение к прядильно-ткацкой фабрике, построена еще новая ткацкая.

Продолжая все расширяться, товарищество Н. Н. Коншина за десятилетний период времени — с 1897 года по 1906 год включительно — приобрело новых машин на 4 000 000 рублей и воздвигло новых построек на 3 200 000 рублей, построив и оборудовав за это время: новую ткацкую фабрику, новую электрическую станцию, огромные корпуса для беления и от-

делки товара и для печатных машин.

В 1898 году увеличен основной капитал до 6 000 000 рублей и выпущен облигационный заем в 3 000 000 рублей.

В 1900 году выпущен дополнительный облигационный заем в 1 500 000 рублей.

Ныне оба займа погашены полностью.

В 1911 году основной капитал увеличен до 10 000 000 рублей и выпущен третий облигационный заем в 3 000 000 рублей, из коих в обращении осталось в настоящее время около 2 000 000 рублей.

В 1913 году приступлено к постепенной перестройке большинства фабричных корпусов, оборудуя их по последнему слову техники и переходя на одну центральную электрическую силовую тягу. Для этой цели в 1914 году построена огромная электрическая станция, рассчитанная на 7 000 лошадиных сил для передачи электрической энергии на все 4 фабрики и во все вспомогательные учреждения.

За высокое качество своих изделий товарищество, участвуя почти на всех выставках, получило ряд высших наград до Государственного герба включительно.

В общей сложности на всех фабриках занято одних рабочих, не считая прочих служащих, около 14 000 человек.

Фабрика имеет 62 паровых котла, 55 паровых машин, турбогенераторов, нефтяных двигателей и паровых насосов (всего около десяти тысяч индикаторных сил), 115 000 прядильных веретен, 4 200 ткацких станков, 29 печатных машин, 18 плюсовальных и свыше 300 разных отделочных машин.

Товарищество перерабатывает в пряжу ежегодно свыше 350 000 пудов египетского, американского и русского хлопка и потребляет больше 320 000 пудов пряжи разных номеров, начиная от 2 и кончая 120; ежегодный выпуск товара доходит до 3 000 000 кусков на сумму 30 000 000 рублей.

При фабриках имеются большие спальни для рабочих, оборудованные по всем правилам гигиены, собственные дома с квартирами для служащих, рабочий поселок с 350 отдельными домиками, харчевые лавки с хлебопекарней, делающие миллионный оборот, больницы, школы, чайная с театром, место для гуляний и гимнастики и т.п.

Кроме того, при фабриках имеется еще несколько вспомогательных предприятий, как-то: литейный, кирпичный и лесопильный заводы, слесарные, столярные, щеточная и экипажные мастерские, мельница и проч.

Для снабжения фабрик лесными материалами и топливом товарищест-

во владеет лесными дачами, составляющими в общей сложности около 16 000 десятин, в которых ведется правильное лесное хозяйство. Для подвоза лесного материала товариществом проложена по дачам собственная железная дорога на протяжении около 40 верст. Кроме древесного топлива, товарищество пользуется нефтяными остатками, антрацитом и каменным углем в количестве около 2 500 000 пудов.

Товарищество вырабатывает у себя на фабриках весьма разнообразные ткани, начиная от самых тончайших батистов и сатинов, которые по своему качеству и изяществу успешно конкурируют с иностранными, и кончая самыми обыкновенными грубыми тканями для крестьянского потребления.

Во главе мануфактуры и по настоящее время, несмотря на преклонный возраст, состоит Николай Николаевич Коншин, а директорами правления — Федор Львович Кноп, Николай Александрович Второв, Александр Николаевич Коншин и Андрей Андреевич Ценкер.

За последние 5 лет предприятие давало ежегодно около 20% прибыли, из которой 13% поступали в погашение и 6% в дивиденд.

Ч.М. Иоксимович

КРАСИЛЬЩИКОВЫ

I

Родоначальником фамилии Красильщиковых является «дедушка Григорий», который еще в начале XIX столетия имел при селе Родниках небольшое красильное заведение, вследствие чего был прозван «Красильщиком». Это прозвище затем осталось как фамилия для всего потомства.

С разорением в 1812 году французами Москвы мануфактурные промыслы Вичугского района, к которому причисляется и село Родники, начали быстро развиваться, и заведение «дедушки Григория» было увеличено прибавкою двух ткацких станков, количество которых к 1820 году было удесятерено, а при сотрудничестве сыновей, Ивана и Михаила, «дедушка Григорий» учредил и контору для раздачи пряжи на работу по домам небольшим мастеркам.

Так как остальные братья Ивана и Михаила не хотели усердно заниматься делами, то в 1820 году последовал раздел семьи «дедушки Григория»: Иван Григорьевич делается основателем нынешней фирмы «Товарищество мануфактур наследников Михаила Ивановича Красильщикова», а Михаил Григорьевич — родоначальником упомянутой фирмы.

Развитию ткацко-красильного заведения Михаила Григорьевича очень

много способствовал его сын Антон Михайлович, который всю свою жизнь (1810-1867) посвятил делам своей фабрички. В конце его жизни, когда дела чуть-чуть пошатнулись, но их спасла, главным образом, энергичная и трудоспособная невестка Антона Михайловича и жена первого его сына Михаила Антоновича — Анна Михайловна, дочь небольшого фабриканта из соседней деревни Репина — Михаила Хонина. Эта умная женщина сумела сперва вместе с мужем дать большой размах своей фабрике устройством механической ткацкой фабрики. Оставшись в 1875 году вдовой с малолетними детьми, Анна Михайловна перевела все дело на свое имя и блестяще вышла из тех тяжелых условий, в каких находилась в то время фабрика. При помощи брата своего Парфения Михайловича Хонина она восстанавливает кредит предприятия и даже приобретает у своего родственника Ф. Иванчикова остановившуюся ситценабивную фабрику, которая и поныне бездействует.

В 1888 году достигает совершеннолетия самый младший сын Антона Михайловича, Николай Михайлович Красильщиков, унаследовавший от матери ее энергию и трудоспособность. Воспитанный на новых началах, Николай Михайлович, став во главе предприятия, сразу освобождает его от старых патриархальных порядков и придает ему новый, современный промышленный характер. Самолюбивая Анна Михайловна сперва пробовала даже противодействовать сыну в его начинаниях, но была вынуждена пойти на уступки. Когда в 1894 году Николай Михайлович задумал основать паевое товарищество ее имени, она приняла в этом участие, но тем не менее, несмотря на блестящий ход фабричных дел, до самой смерти (1902 год) не могла примириться с теми новшествами, которые заводил сын. С уходом Анны Михайловны уходит и ее «правая рука», брат Парфений Михайлович, и Николай Михайлович начинает окружать себя людьми с высшим техническим образованием. Первым таким лицом был инженер Леонид Леонидович Фролов, который при помощи отличного практика Исидора Степановича Лимонова становится руководителем красильно-отделочной фабрики. В 1907 году его место занимает член государственной думы инженер-технолог Александр Осипович Горев. Ткацкой фабрикой, когда она была механической, с 1873 до 1910 года заведовал Павел Петрович Закорюкин. Прядильная фабрика была основана под руководством инженера Петра Христиановича Матиссена в 1898 году, ею он руководил почти 15 лет. Перейдя за смертью И. Ф. Иванчикова на высшую должность — заведующего хозяйственной частью фабрики, руководство бумагопрядильной фабрикою, вместе с ткацкой, он передал инженеру Николаю Борисовичу Рожкову. Помощниками Рожкова в ткацкой фабрике состоят мастера С. П. Закорюкин и М. Д. Алимарин. Коммерческою частью товарище-

ства заведуют Петр и Федор Михайловичи Красильщиковы, но главным руководителем почти сорок лет состоит Степан Никанорович Барков, который начал свою деятельность у Красильщиковых еще в 1867 году. Его помощником в настоящее время состоит бывший руководитель Харьковского склада Василий Петрович Подпальный.

В настоящее время мануфактура имеет 84 652 прядильных и 2 784 крутильных веретена при 3 009 ткацких станках и 8 200 рабочих. Годовое производство достигает 16 миллионов рублей.

Теми новшествами, против которых восставала А. М. Красильщикова, были те культурно-просветительные учреждения, которыми Родниковский район так ярко выделяется среди подобных ему фабричных районов; эти новшества помогли мануфактуре стать в ряды лучших наших мануфактур. Двадцать пять лет тому назад Н. М. Красильщиков определенно и решительно высказал свое глубокое убеждение в преимуществе грамотного и развитого рабочего перед невежественным; и с тех пор он, совместно со своими сотрудниками, неуклонно и последовательно старался внести свет в темную рабочую массу.

Быстрый рост мануфактуры вызвал сильный прилив рабочих, почти возник народный дом, имеющий в настоящее время большое значение, как центр, около которого сосредоточилось большинство просветительных учреждений Родниковского района. Здание народного дома каменное — 74 аршина длиною и 27 аршин шириною; оно заключает в себе четыре зала: чайною на 400 человек, библиотеку-читальню, склад картин, склад-выставку сельскохозяйственных орудий, семян, наглядных пособий по сельскому хозяйству. Народный дом служит местом собраний различных общественных организаций: общества потребителей, общества пчеловодства, благотворительного общества, Малышевского кредитного общества, кружка любителей драматического искусства, любительского церковного хора. Здесь же постоянный синемаграф.

Для просвещения взрослого населения фабрики с 1891 года ведутся чтения со световыми картинками. Местом для чтений служит столовая рабочих, в которой устроена постоянная сцена. Заведующим культурно-просветительными учреждениями состоит Василий Александрович Халезов.

В 1903 году кружок местных интеллигентных лиц, при пособии товарищества, организовал общеобразовательные и технические курсы, которым ставилась нелегкая задача — «дать специалисту-рабочему, кроме общего образования, возможность ознакомиться с самой теорией его специальности».

Несмотря на то, что Родниковский фабричный район не занимает, по

своим размерам, первого места в Костромской губернии, постоянным и неизменным представителем рабочих в Государственную думу избирается г. Шагов, рабочий с фабрики Красильщиковой, как представитель наиболее культурного рабочего края в губернии.

Основателем фабрики товарищества мануфактуры наследников М. И. Красильщикова был Иван Григорьевич Красильщиков, сын родоначальника всех впоследствии отдельных фабрик в селе Родниках, «дедушки Григория». В начале прошлого столетия Иван Григорьевич, вместе с сыном Михаилом, основал красильно-кубовое заведение. Сын же Михаила Ивановича, Иван Михайлович (с 1801-1855), расширил отцовское красильное заведение и основал ручную ткацкую работу раздачей мастеркам-ткачам, которая была сильно развита его сыном Михаилом Ивановичем (с 1855-1876), в этот же период было положено начало механическому ткачеству, крашению и отделке тканей фабричным путем, к этому же времени относится расширение торговых оборотов на Украине и в Москве посредством скупных товаров и выдачей под набивку миткалей ивановским фабрикам. С 1876 года после смерти Михаила Ивановича руководительницею фабрики и всего дела становится его вдова Елена Ивановна, на правах опекуни над малолетними детьми, после смерти последнего старшего сына Василия Михайловича (1890 год), главной наследницей после брата вступает дочь Елены Ивановны, Ольга Михайловна Щербакова, которая в 1910 году совместно с матерью и зятем Александром Ивановичем Кокоревым, организует паевое вышеозначенное товарищество. Доверенным в Москве состоит Геннадий Михайлович Ладыгин. Его помощником — Константин Дмитриевич Травников. Заведующим фабрикою более 40 лет состоит Александр Васильевич Аверин.

В настоящее время предприятие состоит из механической ткацкой в 263 станка и красильно-отделочной, где годовая выработка разных тканей при 500 рабочих достигает около 1 000 000 рублей.

Ч.М. Иоксимович

II

Семья Красильщиковых в Москве была известна сравнительно мало. Они держались особняком, мало где, в других домах купеческих династий, бывали и, за исключением Серафимы Давыдовны, не были родней старых московских фамилий. Мне эта семья была хорошо известна, так как мой отец сделал в их предприятии свою деловую карьеру. Им принадлежала большая фабрика в селе Родниках.

Работали они одежный товар, который славился своим черным цветом, не линявшим при стирке. Товар их нарасхват раскупался на рынке, и дела

их процветали. Их годовой доход исчислялся в миллионах рублей; все три семьи принадлежали к числу самых богатых в Москве. Фирма их называлась «Товарищество Анны Красильщиковой с сыновьями».

К началу текущего столетия Анны Михайловны уже не было в живых. Было три брата: Петр, Федор и Николай Михайловичи. В семье был еще четвертый брат, Иван, не знаю почему, но к делам фабрики он не имел отношения.

В Москве их звали «американцами». В те времена так характеризовали людей с правилами «светского» этикета и обхождения.

В историю русской жизни эта семья должна войти не только ввиду той огромной роли, которую играла их фабрика в хлопчатобумажной промышленности: было и другое основание для того, о котором мало кто знает.

Один из братьев, Николай Михайлович, обладал прекрасным, исключительным по силе тенором. Мне удалось слышать более или менее все знаменитости итальянской оперы. Хорошо помню Мазини, Таманьо, Ансельми, позднее — Карузо. С Фигнером и Собиновым был хорошо знаком лично. Может быть, мало кто мне поверит, но я утверждаю, что такого голоса, как у Красильщикова, ни по красоте, ни по силе, не было даже у Карузо. Николай Михайлович долго учился в Италии и постиг в совершенстве все требования итальянской школы. Когда он кончил свое музыкальное образование, — если не ошибаюсь, в конце девяностых годов, — то самые знаменитые импресарио предлагали ему какие угодно контракты, для гастролей по всему миру. Он никогда не соглашался. Причин было две: во-первых, несметное богатство делало для него неинтересной материальную сторону этого дела, но было и нечто худшее: у него был «трак» и он не мог петь публично. Ряд попыток, им предпринятых, кончились для него неудачно.

Николай Михайлович был в приятельских отношениях с моим отцом. Он и его жена бывали у нас; бывали и мы у них, в доме на Моховой (бывшей Базановке), где они жили последнее время. Он часто пел, но никогда в той комнате, где сидели слушатели: он уходил в соседнюю, часто темную, если дело было вечером, — и пел оттуда, и я скажу, что никогда после я не слышал ничего подобного; в особенности было хорошо, когда он пел из итальянской оперы. Он был убежденный «итальянец». У него был необычный авторитет в московских оперных кругах. Многим, начиная с Неждановой и Собинова, он давал уроки и наставления, всегда, конечно, бесплатно. Собинов мне говорил, что никакие советы не были для него так ценны, так полезны, как именно советы Николая Михайловича.

Я помню один поразивший меня случай. Это было в Кисловодске, в 1917 году. Мы жили вместе в пансионе и однажды пошли вместе же в опе-

ру. Шел Риголетто, и герцога пел Д. А. Смирнов, артист Московского Большого театра, — тоже один из его учеников. Мы сидели в первом ряду, рядом со сценой. Смирнов все время смотрел на своего учителя, который всячески ему помогал, жестом и иногда даже голосом. Смирнов пел как никогда и имел огромный успех.

Мне иногда за рубежом приходилось вспоминать Н. М. Красильщикова. Я чувствовал, что не всегда доверяют моей памяти. Но раз я нашел свидетеля — светлейшего князя П. П. Волконского, бывшего русского дипломата при Ватикане, который хорошо знал Николая Михайловича и даже ему аккомпанировал. У него о Николае Михайловиче приблизительно такие же, как у меня, воспоминания.

П. Бурышкин

КУВАЕВЫ

Основателем товарищества Куваевской ситценабивной мануфактуры в городе Иваново-Вознесенске был Яков Ефимович Куваев (1756-1833). который еще в 1817 году имел небольшую фабрику с ручной выработкой ситцев, которая продолжалась до 1857 года. После смерти Якова Ефимовича в 1833 году фабрикой продолжал управлять его сын Иван Яковлевич, а с 1847 года сын последнего Харлампий Иванович Куваев (1827-1867) Под руководством этих двух лиц, а особенно при Харлампии Ивановиче дело расширилось, чему немало содействовал умный и дельный управляющий фабрикою Евграф Александрович Попов, который и после смерти Харлампия Ивановича Куваева немало поработал на расширение предприятия.

Нужно заметить, что еще в 1841 году была поставлена первая одноколнерная печатная машина с конным приводом, а к 1847 году перротина для набивки ситцев в четыре колера, в 1853 году была прибавлена трехколнерная печатная машина.

В 1857 году на фабрике была поставлена первая 10-сильная паровая машина и паровой котел; с этого времени ручная выработка ситцев постепенно стала сокращаться и заменяться машинной.

К 1874 году производство ситцев на фабрике выросло до 120 000 кусков в год. С 1874 по 1887 год число печатных машин было увеличено до 8-ми, устроены красильное, отбельное и другие отделения фабрики; производительность фабрики быстро поднималась.

После смерти И. Х. Куваева в 1865 году фабрика перешла по наследству к его жене Екатерине Осиповне Куваевой, а затем к ее дочери Надежде Харлампиевне Бурылиной, урожденной Куваевой. С 1872 года фабрикою

управляет старший сын фабриканта Геннадия Диадоровича Бурьлина и супруг Надежды Харлампиевны, Николай Геннадиевич Бурьлин, которым вместе с Надеждой Харлампиевной в 1887 году было учреждено паевое товарищество с основным капиталом в один миллион рублей, увеличенным в 1912 году до пяти миллионов за счет других капиталов, без дополнительных со стороны пайщиков взносов.

Ч.М. Иоксимович

КУЗНЕЦОВЫ

Матвей Сидорович Кузнецов имеет четыре завода, которые находятся в Тверской губернии, в Риге, Харьковской губернии и в селе Дулево. Фирма эта существует с начала нынешнего столетия и начало имела в Гжели, откуда в 1832 году дело было переведено в Дулево. С этого года оно постепенно расширялось, и ныне все заводы вместе вырабатывают до 50 000 000 штук посуды, при обороте фирмы в 4 000 000 рублей. Рабочих на всех заводах до 5 000 человек при заработке от 8 до 45 рублей (заработок исключительно сдельный). На разных заводах, в силу местных условий, рабочие помещаются или в хозяйских, прекрасно обставленных помещениях, или же в собственных домах, поставленных некоторыми на хозяйской земле. Для удобства рабочих при фабриках имеются церкви, школы, больницы, родильные приюты и магазины с продажей жизненных припасов и вообще всего необходимого для рабочего по ценам, утвержденным фабричными инспекторами.

Каждая из фабрик распланирована возможно не только что не скученно, но прямо раздельно, так что корпуса стоят частью между садов, а частью и прямо окружены лесом. При этом на тех фабриках, что стоят не в городе, а на землях владельца, какие-либо заведения с продажей спиртных напитков никогда не допускались и допущены не будут.

Из массы разнообразных предметов, вырабатываемых фабриками, нельзя не остановиться на терракотовых фигурах, вырабатываемых от величины туалетных вещей и кончая статуями в рост человека; кроме того, ввиду моды на русские древности, фабрики за последнее время занялись производством изразцовых печей, каминов, полов, погодков и других цветных украшений, со строгим соблюдением древнерусского стиля. При этом цены на эти высокохудожественные произведения далеко не из высоких, например: громадный камин в стиле XV или XVI столетия стоит около 300-400 рублей. В то же время, ввиду того, что электричество приобретает все большее и большее применение, фабрики начали в массе производить телеграфные, телефонные и вообще электрические изоляторы, имея на них по-

стоянные казенные заказы.

Материалы заводы получают преимущественно русские (глина 1 000 000 пудов, пополам русская и иностранная, апока, песок и алебастр — 400 000 пудов русские, шпат и кварц — 200 000 пудов финляндские и норвежские, дрова и торф свои, а уголь часть русский и часть английский), но часть и иностранные.

Кварц и шпат (каждый отдельно) обжигаются по восемь часов, затем измельчаются жерновами; но жернова не в состоянии измельчить до подобия муки, что достигается тем, что во вращающиеся барабаны, выложенные фарфоровыми плитками, кладут шпат или кварц, и небольшие фарфоровые шарики, величиною с волжский орех. Из барабанов получается порошок, по которому трудно предполагать, что он за сутки назад имел вид твердого кварца.

Затем, смешав оба порошка и прибавив столько же глины (русской и английской), все вместе смешивают в чанах с водою. После двух часов размешивания смеси полученную массу передают, при посредстве спуска и насоса, в зажимы (прессы), из которых получается тестообразная масса, до употребления лежащая в кладовых, от 3-х до 6-ти месяцев, для вызревания. Чем дольше масса вызревает, тем она лучше. Взяв вызревшую смесь, подмастерье, на вертикальном станке, делает из нее блины, эти последние идут на другие станки, где опять-таки машинными формовками и ножами им даются формы тарелок, чайников, чашек и проч. Само собою разумеется, что сложные вещи, как чайники, вазы и т.п., проходят не одну формовку, а состояются из нескольких частей, да и вообще каждая вещь проходит приблизительно до 18 человек. Сформованная вещь сушится в этих же залах, кстати сказать, очень высоких, очень светлых, а по вечерам освещаемых электричеством. Обсохнувшие вещи (в этом виде они называются бисквитом) идут в капсулях, из огнеупорной глины, в горно, для первого обжига. Температура горна до 3000 °F. После горна, в котором бисквит остается 30 часов, ему дают остыть и обливают глазурью (состав тот же, но жидкий, как густые сливки) и опять ставят в горно для обжига. После второго обжига получается белый фарфор, который, после сортировки, переходит в живописное отделение. Здесь (большинство рисовальщиц-женщин), что ни стол, то особый вид и характер рисования: одни рисуют только контуры, другие только ободки, третьи вписывают цветы в контуры, четвертые заняты переводом рисунков, посредством деколькамани и т.д. После первого рисунка фарфор идет, здесь же в печи, для укрепления красок, печи эти называются муфлями. Смотря по сложности рисунка вещь бывает в печах от одного до шести и семи раз. При этом надо заметить, что искусство живописи по фарфору имеет свою особую трудность: краски при рисовании совершенно не похожи на те, что будут по выходе из печи, сле-

довательно, художник, налагая тень или колер, должен принимать во внимание степень перемены или, так сказать, степень упорности каждой краски. В рисовальной рисовальщице и рисовальщице большую часть из учеников рисовального класса, устроенного фабриковладельцем при имеющихся на заводах, школах. Школы эти двухклассные, третьего разряда, с несколькими параллельными отделениями. Как учеников школы, так равно и желающих из подростков заводов, ввиду облегчения будущей воинской повинности, обучают строю и занимаются с ними врачебною гимнастикой. Вообще можно заметить со стороны Матвея Сидоровича Кузнецова все усилия к улучшению и облегчению как быта, так и труда рабочего. Фабрика за высокое качество своего производства имеет два Государственных герба, несколько золотых медалей и почетных отзывов как русских, так и иностранных. (Одна из последних золотых медалей фабрикою получена на Парижской Всемирной выставке 1889 года.)

Д.И. Шишмарев

ЛОКАЛОВЫ

В скором времени после перехода знаменитой Ярославской мануфактуры при новых хозяевах г. Карзинкиных к выработке хлопчатобумажных тканей вместо льняных в 1871 году основывает в 42 верстах от города Ярославля новую льноткацкую фабрику известный льноторговец из села Великого Ярославской губернии, Алексей Васильевич Локалов. Этот русский самородок еще в начале второй половины прошлого столетия раздавал пряжу крестьянам, которые ткали для него полотно на своих домашних станках, которое он белил и отделявал, так что в непродолжительном времени он выпускает на рынок «локаловское полотно», которое во всех отношениях если не превосходит, то безусловно является равным по качеству известному «ярославскому полотну» — этой гордости нашей отечественной льняной промышленности. В шестидесятых годах Алексей Васильевич для получения безукоризненной белки устраивает при селе Гавриловой Яме на берегу реки Которосли белильную фабрику, а по приглашению в 1870 году известного тогда льнопрядильщика Виталия Осиповича Кувшинникова он создает и льнопрядильную на 8 000 веретен. При Виталии Осиповиче Кувшинникове сделано начало и механического ткачества. Сын основателя Александр Алексеевич еще при жизни отца (Алексей Васильевич скончался в 1874 году) оказался достойным заместителем, так как Алексей Васильевич часто отсутствовал. При нем была не только расширена механическая ткацкая, но созданы большая прядильная и отделочная фабрики, а в 1888 году им же было основано паевое товарищество с основным капиталом в 1

½, миллиона рублей, после чего он вскоре и скончался в 1890 году.

Его наследники зятья — Владимир и Леонид Георгиевичи Лопатины, ибо у Александра Алексеевича не было мужского поколения, продолжали с успехом Локаловское дело до 1912 года, когда его продали хлопчатобумажникам и банкирам братьям Рябушинским. В этот момент мануфактура имела 19 364 веретена мокрого прядения, 996 веретен сухого прядения и 312 крутильных при 934 механических ткацких станках и при полном комплекте отделочных машин. Общее пространство земли, занятою фабрикою, составляет около 82,5 десятин, и, кроме того, при фабрике имеется лесных дач до 3 500 десятин. Фабрика вырабатывала ежегодно около 140 000 пудов пряжи номеров от № 2 по № 150 и выделяла до 212 000 кусков полотняного и салфеточного товара на сумму до 4 000 000 рублей. Работой на фабрике занято всего 3 475 человек, из коих взрослых мужчин — 1 530, женщин — 1 649 и подростков обоего пола — 178.

С переходом мануфактур к братьям Рябушинским приступлено к расширению всех отделов, а для ткацкой выстроен особый одноэтажный с верхним светом корпус. Установка новых машин еще не закончена.

Ч.М. Иоксимович

МАЛЮТИНЫ

Раменская фабрика «П. Малютина сыновья», в течение целого полу столетия славившаяся как своим техническим совершенством, так равно и особенными заботами по благоустройству быта рабочих, имеет во многих отношениях интересную историю. Когда в двадцатых годах прошедшего столетия в России стала нарождаться мануфактурная промышленность, князь Владимир Сергеевич Голицын в своем имении, на берегу озера при селе Раменском Бронницкого уезда Московской губернии основал большую барскую фабрику. Отсутствие технических познаний у предпринимателя, с одной стороны, и подневольный труд, с другой — привели к печальным результатам: дело, как и на всех барских фабриках, несмотря на бесплатный труд, шло плохо, убыточно; в течение 6-7 лет фабрика дважды выгорала. Сознав свое бессилие, как фабриканта, князь Голицын в середине тридцатых годов фабрику вместе со всеми рабочими сдал в аренду некоему Хайлову, в руках которого она пробыла тоже недолго.

В 1843 году Раменская фабрика перешла в аренду к братьям Михаилу, Павлу и Николаю Семеновичам Малютиным. Главным руководителем всех фабричных дел был П. С. Малютин (1792--1860), который сумел и подневольного крестьянина приохотить к работе. Управление технической стороною Раменской бумагопрядильной фабрики, как и на всех почти фабри-

ках того времени, находилось в руках англичан. Будучи человеком незаурядного ума и крепкой воли, Павел Семенович не мог питать симпатии к иностранному элементу, да еще далеко не первого сорта: в течение 10 лет он сменил пять директоров. Несмотря на противодействие со стороны директора — англичанина, Павел Семенович в 1851 году пригласил к себе на фабрику молодого русского технолога. Это был Ф. М. Дмитриев, только что окончивший курс в Петроградском технологическом институте. Дмитриев, несмотря на юный возраст, вскоре приобрел полное доверие со стороны Павла Семеновича; не прошло и пяти лет, как он уже становится ответственным директором на фабрике, по тому времени значительных размеров. Хорошо поставленное дело, несомненно, приносило большие барыши, но расширять его размеры сверх имевшихся 23 000 веретен Малютины не находили для себя возможным:

Голицыны не соглашались продать свою фабрику, а Павел Семенович находил для себя рискованным возводить большие постройки на чужой земле; и Раменская фабрика до шестидесятых годов оставалась прежних размеров.

Братья Павла Семеновича были бездетными, и потому после их смерти он становится единственным владельцем фабрики. Кроме тех высоких качеств, которыми обладал сам Павел Семенович как промышленный деятель, успеху дела способствовали в большой мере и умело выбранные непосредственные помощники — сотрудники: Петр Семенович Гальцов и Федор Михайлович Дмитриев. Первый из них был преданнейшим слугою Торгового дома Малютиных; будучи человеком большого ума и такта, он в течение сорока лет был главным руководителем коммерческой части всего предприятия; это положение он занимал, как при самом Павле Семеновиче, так и при его наследниках, до самой смерти (1883 год). Что же касается Ф. М. Дмитриева, то это был замечательный человек и удивительный администратор, у которого не одно поколение инженеров училось искусству управлять большими промышленными предприятиями, который своей работой показал, что русские инженеры нисколько не будут уступать иностранцам, если со стороны наших промышленников они встретят к себе сочувственное отношение, а административная и филантропическая деятельность Федора Михайловича послужила живым образцом для нашего правительства при введении фабричных законов в 80-х и 90-х годах прошлого столетия. Многолетний сотрудник Федора Михайловича по Раменской фабрике Петр Семенович Гальцов называет его «гордостью не только дома Малютиных, но и всего нашего отечества». И действительно, вся научная (с 1869 по 1882 год), как профессора Московского Императорского технического училища, так и практическая его деятельность, как директора Раменской мануфактуры, заключала в себе идею сблизить интересы про-

мышленника с благосостоянием рабочего класса.

Из незаурядных сверстников и сотрудников, Ф. М. Дмитриева и П. С. Гальцова, заслуживает доброй памяти и друг Федора Михайловича — А. А. Филатов, по профессии счетовод и кассир на Раменской фабрике. Усвоив в детстве одну лишь простую грамоту, Александр Алексеевич путем самообразования поднял себя настолько, что интересовался научными вопросами в области естествознания и истории, любил изящную литературу, интересовался философией. Появление в Раменском Ф. М. Дмитриева было праздником, оживлением для Александра Алексеевича; оба они благоговели перед всем чистым, возвышенным. Вскоре друзья идеалисты-практики пришли к мысли о необходимости внести свет в рабочую среду — учредить в Раменском школу для малолетних рабочих. Но для этого нужно было преодолеть немало препятствий, из которых главным было — согласие помещика и затем материальная поддержка Павла Семеновича Малютина. Все было устранено, и 15-го января 1859 года счастливый Александр Алексеевич был уже учителем огромной школы в 250 человек. Ученики делились на 2 смены по 125 человек в каждой. Ежедневные занятия, по 1-2 часа, велись в школе по системе Ланкастера, и, по свидетельству посетившего эту школу профессора М. Я. Киттары, успехи превзошли его ожидания. Несомненно, Раменская школа была знаменательным явлением того времени.

Сеяние разумного, доброго, начатое Ф. М. Дмитриевым и А. А. Филатовым, принесло добрые плоды: вскоре Раменская школа выросла в огромную школу, с 10-20 учителями, для которой Малютины выстроили прекрасное помещение; для надлежащей постановки учебного дела пригласили в руководители одного из видных московских педагогов Н. В. Кашина, который руководил и другою школою Малютиных при их Купавенском химическом заводе. По Раменской школе, как по живому образцу, начали впоследствии устраивать свои школы Морозовы и другие провинциальные фабриканты.

Когда же в 1866 году фабрика с прилежащей к ней землей была куплена наследником Павла Семеновича, Семеном Павловичем, расширение производства быстро пошло вперед; в конце 1868 года в новом здании были пущены в ход 31 116 новых веретен, а в следующем году — 80 ткацких станков. В 1876 году фабрика имеет уже 69 000 веретен и 675 самоткацких станков, количество которых в 1880 году доходит до 1 000 станков, а числорядильных веретен подымается до 98 000 штук; выработка же товаров достигла 268 500 пудов пряжи и 560 000 кусков суровых тканей. Эти последние увеличения фабрики произошли после смерти Семена Павловича.

Громадное по своим размерам и чисто русское дело, Раменская ману-

фактура была, безусловно, прочною только в руках первого поколения семьи Малютиных у Павла Семеновича и у его первого сына Семена Павловича. Что же касается остальных трех братьев: Михаила, Николая и Павла Павловичей, то в их руках оно больше шло по общему промышленному течению, по инерции данного основателями твердого и верного хода, при содействии таких надежных рулевых, как Ф. М. Дмитриев и П. С. Гальцов, которые твердою и верною рукою направляли доверенный им громадный корабль к намеченной цели. Со смертью этих одухотворителей фабрика резко изменяет весь темп своей жизни и как бы замирает на 10 лет. Так, в 70-х и 80-х годах два старших владельца фабрики Михаил и Николай Малютины были далеки от дел; первый из них, постоянно живя за границею, ограничивал свое участие в делах лишь огромными на себя тратами, так, например, за один 1878 год он сумел прожить 1 395 000 рублей; второй же, хотя и жил в России, но мало интересовался раменскими делами, будучи человеком с большим самолюбием, подпадал под влияние льстивых людей, куривших фимиам пред ним, вследствие чего постоянно делал большие ошибки во вред делу.

Ч.М. Иоксимович

РАЗОРЕНОВЫ

Бумагопрядильная, ткацкая, белильная и красильно-аппретурная фабрики Разореновых находятся в селе Тезине Кинешемского уезда Костромской губернии, а небольшое отделение ткацкой фабрики близ села Владычного того же уезда, на левом берегу реки Волги, напротив города Кинешмы.

Основание Тезинских фабрик положил в 1822 году Дмитрий Андреевич Разоренов (скончался в 1850 году), крепостной крестьянин князя Куракина, перешедший в 40-х годах к генералу Павленкову, от которого семья Дмитрия Андреевича за 100 000 рублей получила вольную и около 30 десятин земли. Деятельность Дмитрия Андреевича Разоренова заключалась в том, что он раздавал купленную им пряжу по деревням и выработанный миткаль продавал по ярмаркам.

В 20-х годах сыновья Дмитрия Андреевича — Герасим и Алексей основали каждый отдельно в селе Тезине по сновально-красильному заведению. Первый из них в 40-х годах к красильне прибавил ручную ткацкую, в 1855 году завел паровую машину, а в 1879 году он имел уже небольшую механическую ткацкую.

Эта торговая деятельность Дмитрия Андреевича послужила основанием четырех мануфактур, а именно: товарищества мануфактур Герасима

Разоренова и Ивана Кокорева, товарищества Вичугских мануфактур братьев Ф. и А. Разореновых, товарищества Тезинской мануфактуры Николая Григорьевича Разоренова и товарищества большой Кинешемской мануфактуры бывшего товарищества Никанора Разоренова и Михаила Кормилицына.

После смерти Герасима Дмитриевича в 1893 году не осталось мужского потомства; его зять Иван Александрович Кокорев, заведовавший фабрикою Герасима Дмитриевича при конце его жизни, и его дочь Анна Герасимовна Кокорева учредили в 1894 году паевое товарищество с основным капиталом в 2 000 000 рублей, увеличенным за счет других капиталов в 1907 году до 4 000 000. Таким образом, от красильного заведения, основанного Герасимом Дмитриевичем, и ведет свое фабричное начало данное товарищество.

В 1895 году товариществом пущена в ход бумагопрядильная в 13 536 веретен, число которых увеличилось в 1910 году до 83 724, а в 1912 году до 100 296. Ткацкое производство товариществом также сильно развивается: в 1903 году им же была куплена от Торгового дома наследников Набатова небольшая ткацкая фабрика против города Кинешмы с 336 механическими станками, а также была куплена и соседняя с тезинскими фабриками механическая ткацкая Никанора Разоренова и Михаила Кормилицына.

В настоящее время прядильная товарищества имеет 100 296 прядильных веретен, из которых лишь 5 472 сельфакторных: ткацкие имеют 3 451 механический станок. Число рабочих в Тезине 6 500 человек, а близ Кинешмы — 650 человек. Товариществу принадлежит разных земельных угодий до 15-ти тысяч десятин. Годовое производство разных бумажных тканей превышает 10 миллионов рублей. Основной капитал товарищества 4 000 000 при запасном в 1 047 000 рублей. Имущества по балансу 4 829 000 при капитале погашения в 3 161 000 рублей.

Правление товарищества состоит из учредителя товарищества Ивана Александровича и его пяти сыновей: Николая, Владимира, Александра, Герасима и Дмитрия. Членами ревизионной комиссии состоят замужние дочери Ивана Александровича: Елена Ивановна Фокина и Анна Ивановна Треумова. За все время существования товарищества только в 1908 году был выдан дивиденд, но это не служит доказательством, что дела товарищества незavidны. За последние 5 лет товарищество имело в среднем 17% прибыли и всю списало в капиталы погашения и запасный, что практикуется и в других товариществах, где пайщиками являются близкие родственники.

Ч.М. Иоксимович

САПОЖНИКОВЫ

Изготовление ярко окрашенных или пестротканых материй относится к глубокой древности. Несомненно, впервые такие ткани появились в Индии, и отсюда уже ткацкое искусство проникло сначала в Персию, а потом и в Византию. Узор из ценного материала, ярко окрашенного шелка, золота и серебра, либо вышивался по гладкой материи, либо ткался по вертикально натянутой основе. В первые века нашей эры высшей степени совершенства ткачество достигло в Персии (в Ширазе), со времени же введения шелка, в VI столетии, Византия в производстве изящных тканей стала широко конкурировать с азиатскими произведениями и давала тон всей Европе до XII столетия. В эти времена почти вся торговля драгоценными тканями, узорчатыми и неузорчатыми, была в руках греков и венецианцев, производивших прекрасные бархатные ткани. Сарацинские ткачи на острове Сицилии долгое время не могли превзойти византийцев в ткацком искусстве, и их материи и одежды, производившиеся в сицилийских королевских мастерских, лишь тогда достигли высшего значения на всемирном рынке, когда в Сицилию было привезено большое число пленных греческих ткачей и когда магометанское искусство соединилось с христианским. Вышитые и узорчатые шелковые ткани того времени сохранились в музеях Европы в виде частей императорских одежд, например, в соборе св. Петра в Риме хранится императорская далматика из византийской тканой парчи X-XI века. В эпоху Возрождения производство узорчатых тканей прочно обосновалось в Нидерландах и во Франции. При Франциске I братья Гобелины основали свою знаменитую фабрику ковров, и было положено основание шелкоткацкому производству в Лионе.

В начале существования нашего государства парчи и узорчатотканые шелковые ткани привозились к нам отчасти из Византии, а больше из Азии, в чем нас убеждает то, что парча в то время называлась «зарбаф» или «изарбаф» от персидского «зер» — золото и «бафт» — ткань. Введение производства парчи и бархата в России принадлежит второй половине XVI века. Федор Иоаннович, желая завести в Москве шелковую фабрику, выписал из Италии Марко Чипони и для бархатной фабрики отвел ему дом близ Успенского собора. При Борисе Годунове иностранцы уже удивлялись шелковым тканям, выработанным москвичами. Развитие шелкового и парчового производства в значительных размерах относится к царствованию Петра Великого, при котором Апраксин, Шафиров и Толстой завели фабрику шелковой парчи в Петрограде, а Корчагин основал две позументные фабрики в Москве и Петрограде; в 1714 году истопник Милютин на свои деньги устроил шелковую фабрику в Москве, а ямщик Суханов «с товарищи» — в Казани, завели такие же фабрики братья Евреиновы на Посоль-

ском дворе, К. Колосов у Сухаревской башни, дворяне российские Лазарь и Петр Лазаревы — близ Златоустова монастыря, а впоследствии в селе Фрянове Богородского уезда.

Что же касается производства металлических нитей, т.е. плащильного, волоченого и пряденого золота и серебра, употреблявшихся в большом количестве для вышивания различных церковных предметов и одежды, то оно в России началось, вероятно, раньше ткачества и стояло на должной высоте. Около 1750 года, при Елизавете Петровне, фабриканты «канительного» дела объявили, что могут удовлетворить Россию без привоза иностранных произведений. Шелк-сырец привозился к нам сначала только из Азии — Китая, Персии и Кавказа.

Парчовое и шелковое производства, пользовавшиеся особенным покровительством царственных особ, в течение всего XVIII века развивались и совершенствовались самобытно; Сенат обязан был зорко следить за состоянием шелковых фабрик, а Мануфактур-коллегия должна была заботиться о привозе для русских фабрик из Китая шелка-сырца. К концу столетия в Москве и в подмосковных селах основалось несколько десятков небольших фабрик парчи; бархата и легких шелковых материй. В начале прошлого столетия в России было уже 200 шелковых фабрик, из которых 175 приходилось на долю Москвы и Московской губернии.

В 1822 году Министерство финансов прислало в Москву машину Жаккарда, которая немедленно была применена к работе шелковых тканей на фабрике купцов Рогожиных и вскоре получила большое распространение. Вследствие этого шелкоткацкое производство сделало огромные успехи, но, к сожалению, многие из наших фабрикантов ограничились копированием французских образцов. Запад не мог дать нам образцов парчи, вследствие чего это производство осталось самобытным, оригинальным, и нигде оно не достигло такого высокого совершенства, как в России.

Шелкоткацкое и парчовое производства свили себе прочное гнездо в Москве и Московской губернии; небольшие шелковые и парчовые фабрики в значительном количестве расположились по Стромьинскому шоссе от Москвы до Киржача (Владимирской губернии). Тут нашли себе место и большие старые фабрики Залогина (перешедшие от Лазаревых), Кондрашова, Евдокимова, Куприяновых, Соловьева.

До 60-х годов прошедшего столетия шелкоткацкое и парчовое производства находились в русских руках; в семидесятых годах в России появляются иностранные фабриканты и мастера, устраивают шелкоткацкие заведения нового типа, обставляя их более совершенным образом. Вследствие этого полукустарные шелковые фабрики начинают быстро падать. Что же касается парчового производства, неразрывно связанного с шелкоткац-

ким, то оно при этом мало пострадало. В то же время в целях внутреннего употребления парчовое дело слабо увеличивается, но зато заметным образом расширяется выработка парчи азиатского характера. Всех фабрик, занимающихся выработкою парчи, в России не более 15-16, и все они, за исключением фабрики Сапожниковых и также фабрик Г. Заглодина, К. Заглодина, товарищества Заглодиных и А. Колонина, имеют не более 25-30 ткацких станков.

Как по размерам, так равно и по совершенству парчовых и изящных шелковых тканей в России первое место принадлежит фабрикам товарищества А. и В. Сапожниковых.

Основателем этой фирмы был Григорий Григорьевич Сапожник, в тридцатых годах прошедшего столетия имевший торговлю шелковыми товарами в Китай-городе, в Средних рядах. В 1837 году Григорий Григорьевич впервые завел ручную ткацкую фабрику в Москве, у Красных ворот, и тем положил основание большому парчовому и шелкоткацкому производству.

Род Сапожниковых происходит от посадского жителя города Углича Ярославской губернии, Тита Сапожника, имя которого упоминается среди свидетелей убиения царевича Дмитрия, перечисленных в челобитной от посадских людей царю Феодору Иоанновичу. Один из потомков Тита, Григорий Иванович, приходящийся дедом основателю фирмы, по достоверным сведениям, в 1783 году переселился из Углича в Москву.

Основанное Г. Г. Сапожниковым фабричное дело сразу заняло видное место среди многочисленных своих конкурентов. Л. В. Тенгоборский в своей книге «О производительных силах России» говорит, что «фабрики Кондрашова, Сапожникова, Крюкова представили на выставку 1843 года узорчатые атласы для мебели, ничем не уступавшие французским материям, как совершенством ткани, так и красотою цветов». Дальше тот же Тенгоборский, имея уже в виду и выставку 1849 года, пишет следующее:

«Относительно парчей и материй, затканых серебром и золотом, первое место на последних выставках занимали фабрики Сапожникова, Полякова и Колокольникова. В особенности обращали на себя внимание материи, затканые серебром и золотом, фабрики Сапожникова, ценою от 4 рублей до 4 рублей 50 копеек аршин. Материи эти нисколько не уступали лионским тканям этого рода. Эта фабрика снабжает также лучшею шелковою парчицею».

После смерти Григория Григорьевича ведение промышленных дел перешло к его жене Вере Владимировне, урожденной Алексеевой, которая в 1870 году передала дело своим сыновьям Александру и Владимиру Григорьевичам. Братья в том же году основали Торговый дом под фирмою «А.

и В. Сапожниковы». Работая еще при матери, братья неустанно развивали и совершенствовали унаследованное предприятие; особенно заметное расширение фирмы братьев Сапожниковых началось с 1875 года, когда они основали новую фабрику при сельце Куракине (Московской губернии и уезда). В 1877 году умирает Александр Григорьевич, и во главе дела остается Владимир Григорьевич.

С 1852 года фирма Сапожниковых неизменно исполняет заказы придворного ведомства на облачения для духовенства ко дням священных коронаций императоров и на ткани для отделки дворцов. Кроме того, согласно Высочайше установленному образцу, Московская фабрика исполняет заказы военного ведомства на знамена и штандарты высокохудожественной работы. Неоднократно высшая духовная власть и частные лица предоставляли фирме сооружение соборных ризниц в случаях прославления святых угодников и празднования исторических юбилеев. Затем постоянными покупателями парчи являются бухарцы, употребляющие ее на одежды (Палаты), Тибетский Далай-Лама, заказывающий ткани с оригинальными рисунками буддийского культа; много парчи берут монголы, и, наконец, представители модных мастерских Парижа и Лондона выписывают себе легкие дамские ткани.

В деле выработки мебельных тканей из шелка и бумаги фирма достигла большой известности как качеством работы, так равно и художественностью стильных рисунков различных эпох.

В особенную заслугу фирме Сапожниковых должно быть отнесено то, что со дня своего основания и по настоящее время она остается чисто русскою: на ее фабриках иностранный рисунок не играл никогда доминирующей роли, наконец, в целях разработки русско-славянского стиля, фирма ежегодно ассигнует особые суммы на премии конкурсных работ, представляемых на специальные выставки при Строгановском училище. При этом нужно заметить, что фирма, сама располагая художественными и техническими силами, зорко следит за всеми новостями, какие только появляются на Западе.

Благодаря такой постановке дела, великолепные произведения фабрик братьев Сапожниковых были всегда образцами для других фабрикантов, в особенности ткани парчовые; оригинальность и художественность рисунка вместе с богатством и тщательностью исполнения самой ткани на всех выставках, выдвигали работы Сапожниковской фабрики на первый план, даже сравнительно с фабриками Лиона и лучшими фабриками Италии.

На Московской фабрике товарищества, вырабатывающей парчу и художественные шелковые ткани, имеется более 300 ручных станков. Что же касается Куракинской фабрики, то здесь постепенно вводились все усовер-

шенствования текстильного производства вплоть до применения механических ткацких станков к выработке многоцветных тканей. На этой фабрике работает 60 ручных станов и 250 механических ткацких станков. При этом нужно сказать, что значительную часть Куракинской фабрики составляют приготовительные отделения — шелкокрутильное, шелкомотальное и красильное с аппретурным.

Возникновение второго из них относится к 1888 году, когда Владимир Григорьевич Сапожников первым из русских фабрикантов вместе с земствами и Московским комитетом шелководства пришел на помощь южнорусскому шелководству в деле организации сбыта его произведений. Сначала на фабрике Сапожниковых было поставлено 4 размоточных стана кустарной системы, которые через четыре года были заменены совершенными французскими машинами. В настоящее время это отделение оборудовано 44 размоточными тазами новой итальянской системы и имеется 6 500 крутильных веретен. Для окраски шелка и бумаги в красильне поставлено 50 красильных барок.

Все отделения Куракинской фабрики работают с двигательной силой от паровых машин мощностью 145 лошадиных сил и силой воды в 50 лошадиных сил, развиваемых турбиною.

Общее число рабочих на обеих фабриках достигает 1 200 человек. Работают преимущественно женщины, получающие на Куракинской фабрике прекрасные помещения и пользующиеся бесплатно больницей. Для детей рабочих имеется школа. Всех служащих в фирме 90 человек.

Начиная с сороковых годов, фирма Сапожниковых принимала участие во многих отечественных и интернациональных выставках, и всегда ее произведения удостаивались высших наград. Так, на русских выставках 1849, 1861, 1891 годов ей были присуждены большие золотые медали, а на Всероссийских выставках 1870 и 1896 годов — право изображения на изделиях Государственного герба. За участие в 11 Международных выставках фирма получила 6 раз гран-при или диплом первой степени и 5 золотых или почетных медалей.

Своим столь большим успехом фирма обязана неутомимому труду и энергии Владимира Григорьевича Сапожникова, который всегда стремился к тому, чтобы поднять художественную сторону в ткацком деле русскими силами и в чисто русском духе. Владимир Григорьевич не был фабрикантом-промышленником, замкнувшимся в своем производстве; он немало сил своих отдавал и общественному служению, принимая близкое участие в таких учреждениях, как Московская городская дума, Купеческое и биржевое общества, Совет торговли и мануфактур; он состоит членом попечительных советов нескольких учебных заведений — Практической академии

(более 50 лет), Строгановского училища, Александровского коммерческого и прядильно-ткацкого училищ.

За полезные труды по развитию и совершенствованию шелкопрядильного и ткацкого дела, за неустанную общественную деятельность (с 1863 г.) Владимиру Григорьевичу Сапожникову в 1909 году было пожаловано потомственное дворянство, а в 1910 году был дан чин действительного статского советника.

В течение своей многолетней фабрично-промышленной деятельности Владимир Григорьевич Сапожников имел несколько выдающихся сотрудников, которым фирма во многом обязана своим процветанием. Сергей Васильевич Дудин (1851-1884) и Иван Семенович Кукин (1891-1906) были выдающимися администраторами по управлению фабричными делами, а Николай Семенович Кукин по ведению торгово-промышленных дел. Шелкомотальное и шелкокрутильное производства своим развитием на фабриках Сапожниковых обязаны энергии и настояниям Николая Семеновича Кукина, сын которого, Николай Николаевич Кукин, в настоящее время также принимает деятельное участие во всех делах товарищества. Что же касается постановки технической стороны производства, то очень много выдающегося в нее внес Сергей Константинович Липинский. Получив основательную подготовку в Лионской ткацкой школе, Липинский с 1884 по 1905 годы становится руководителем Московской фабрики товарищества. Его личное знакомство с Вердолом, изобретателем новейшего типа машин для выработки сложноузорчатых тканей, имело своим последствием то, что изобретение Вердоля, сделанное им в 1889 году, через три года уже имело широкое применение на фабрике Сапожниковых. После С. К. Липинского руководство технической стороной дела перешло к его ученику Григорию Дмитриевичу Капустину. Московскою фабрикою с 1907 года управляет Николай Алексеевич Умнов, а Куракинской — Николай Иванович Ивашев. Ученики прядильно-ткацкого училища на Куракинской фабрике товарищества находят применение своих сил.

В целях упрочения и дальнейшего развития своего дела В. Г. Сапожников в 1900 году решил преобразовать свою фирму в паевое «Торгово-промышленное товарищество А. и В. Сапожниковых». 25 февраля 1912 года был Высочайше утвержден устав товарищества, которое 11 августа того же года и открыло свои действия. Паевой капитал товарищества состоит из 2 ¹/₂, миллиона рублей.

В состав правления вошли: председателем его — Владимир Григорьевич Сапожников, директорами — В. В. Якунчиков, Г. В. Сапожников и Н. Н. Кукин, кандидатом директора — Е. В. Сапожникова.

Ч.М. Иоксимович

СЕНЬКОВЫ

Основание товарищества Вязниковской мануфактуры С. И. Сенькова фабрикам, вырабатывающим льняные и джутовые изделия, было положено в 1765 году Михайлом Сеньковым, крепостным крестьянином графа Панина в Богоявленской слободе Мстере Вязниковского уезда Владимирской губернии, откуда в 1825 году фабрика была переведена в город Вязники его сыном Осипом Михайловичем Сеньковым, а после его смерти в 1850 году перешла во владение сыновей его Осипа и Ивана Осиповичей Сеньковых и существовала под фирмой «Братьев Сеньковых» до 1866 года, когда за смертью И. О. Сенькова перешла во владение Осипа Осиповича с Сергеем Ивановичем Сеньковым, его племянником.

В 1870 году последовал раздел между владельцами, причем Осипу Осиповичу отошла во владение построенная в 1862 году льнопрядильная фабрика в селе Лосеве, а Сергею Ивановичу — полотняная фабрика в городе Вязниках, на которой со времени ее основания до 1866 года производство было исключительно ручное, а в этом году были поставлены 55 механических ткацких станков, количество которых в 1892 году было увеличено до 300 для производства в год различного рода льняных тканей на сумму до 1 000 000 рублей.

В 1898 году фабрика С. И. Сенькова перешла во владение паевого товарищества Вязниковской мануфактуры С. И. Сенькова, учрежденного с капиталом в 800 000 рублей. Два года спустя это товарищество приобрело от Торгового дома С. И. Сенькова и В. И. Игнатова в Вязниках джутопрядильную и ткацкую фабрику, которую в 1891 году расширило постановкою льнопрядильных машин, что, в свою очередь, через 10 лет, т.е. в 1901 году, вызвало увеличение основного капитала до 1 200 000 рублей.

В настоящее время на фабриках товарищества имеется до 8 000 прядильных и крутильных веретен для выработки льняной и джутовой пряжи и ниток и имеются 460 ткацких станков для выработки льняных и джутовых тканей с соответственным количеством подготовительных и аппретурных машин. Общее число рабочих на фабриках до 2 000 человек. Годовое производство пряжи, холста, брезента, мешков и прочих изделий из льна и джута достигает 3 500 000 рублей. Директором-распорядителем состоит С. И. Сеньков, а заведующим коммерческой частью — А. С. Ха-тунцев. Директором прядильной фабрики состоит Иван Михайлович Новожилов, а его помощником — Василий Михайлович Зубчанинов.

В 1861 году совладелец льноткацкой фабрики братьев Осипа и Ивана

Сеньковых в городе Вязниках Владимирской губернии Осип (Иосиф) Сеньков выстроил на родине своей супруги Анны Дмитриевой, урожденной Шапошниковой, в поселке Пучеже Костромской губернии льнопрядильную фабрику, которой он после раздела с братом, последовавшего в 1862 году, самостоятельно и владел до 1872 года. В 1865 году он выстроил в своем имении при селе Лосеве Владимирской губернии еще одну льнопрядильную фабрику вместе с небольшой механической ткацкой.

После смерти Осипа Осиповича обе фабрики перешли к Торговому дому «Наследницы Иосифа Сенькова», состоящему из жены и трех дочерей: Александры, Евдокии и Глафиры, вышедших замуж — Александра за шуйского фабриканта В. И. Калужского, Глафира за купца В. И. Дедюхина и Евдокия тоже за купца А. Н. Ленинова.

В 1878 году была упразднена ткацкая фабрика, когда из Торгового дома выступили Анна Дмитриевна и Александра Иосифовна.

В 1898 году вместо Торгового дома было учреждено «Товарищество льнопрядильных фабрик Иосифа Сенькова», директором правления которого с 1906 года состоит сын Андрея Николаевича Николай Андреевич Ленинов.

В настоящее время на Пучежской фабрике имеются 9 000 прядильных и 1 600 крутильных, а на Лосевской — 5 800 прядильных и 2 000 крутильных веретен. На первой фабрике занято 1 575 рабочих, производящих в год льняной пряжи и ниток на 1 000 000 рублей, а на второй — 1 000 рабочих с годовым производством на 800 000 рублей.

Ч.М. Иоксимович

ХЛУДОВЫ

I

Из числа окрестных ткачей кустарей города Егорьевска Рязанской губернии еще в начале XIX века выделялась семья Хлудовых. Как сам глава семьи Иван Иванович, так и сыновья его отличались большим природным умом, редкою предприимчивостью и огромным трудолюбием. Общими усилиями достигли они скоро значительного материального достатка и завели торговое дело в Москве, приписавшись к купцам. После смерти отца в 1835 году братьям — Савелию, Алексею, Назару, Герасиму и Давыду Хлудовым — осталось в наследство около 200 000 рублей, и они учредили Торговый дом под фирмой «А., Н., Г. и Д. Ивана Хлудова сыновья». В 1842 году члены Торгового дома — Алексей и Савелий Ивановичи Хлудовы — решились построить в городе Егорьевске бумагопрядильную фабрику, ко-

торая и была пущена в ход при 15 000 веретен в 1845 году, до каких пор существовала раздаточная контора. Здесь нужно заметить, что за покупкою машин в Англию ездил сам Алексей Иванович Хлудов, который вообще заведовал коммерческою частью фабрики. Фабричным хозяйством заведовал его брат Савелий Иванович, который в 1855 году скончался. В 1869 году удалось исходатайствовать проведение железнодорожной ветки к Егорьевску от станции Воскресенск Московско-Казанской железной дороги. Фабрика быстро расширилась, и в 1875 году уже начало действовать товарищество на паях, учрежденное в 1874 году под вышеприведенной в заголовке фирмой. До этих пор мануфактура имела одну бумагопрядильную, и только в 1878 году была основана механическая ткацкая на 140 станков.

В марте 1882 года умер Алексей Иванович, и дело Егорьевской фабрики лишилось одного из энергичных руководителей. Его паи перешли к сыну его Михаилу Алексеевичу Хлудову, который заменил отца своего и в правлении товарищества. В это время выбывает из товарищества навсегда второй сын Алексея Ивановича Василий Алексеевич, который со дня учреждения товарищества считался членом правления, а через два года его примеру последовал и сам Михаил Алексеевич, который свои егорьевские паи продал Герасиму Ивановичу, желая тем самым усилить средства другого наследственного бумаго-прядильно-ткацкого дела товарищества Ярцевской мануфактуры, основанной покойным его отцом Алексеем Ивановичем в 1873 году. Таким образом, с 1884 года Егорьевская фабрика почти сполна перешла в собственность Герасима Ивановича, и в члены правления товарищества избраны два его зятя: Дмитрий Родионович Востряков и Александр Александрович Найденов (старший); последний со смерти Герасима Ивановича, последовавшей в 1885 году, и по настоящее время стоит во главе предприятия.

После смерти Герасима Ивановича его наследниками за неимением мужского поколения сделались его дочери: П.Г. Прохорова, К.Г. Вострякова, А.Г. Найденова и Л.Г. Лукутина.

Размер фабрики во время пятидесятилетнего юбилея, т.е. в 1895 году, характеризовался следующими данными: она имела около 150 000 прядильных веретен, 1 360 ткацких станков, на которых вырабатывалось ежегодно до 410 000 пудов пряжи и до 700 000 кусков миткаля.

В настоящее время, когда исполнилось 70 лет со дня основания мануфактуры, на фабриках имеются: 194 850 прядильных и 7 888 крутильных веретен при 2 500 ткацких станках. Общее число рабочих около 6 400, и годовое производство пряжи и суровых тканей достигает 16 миллионов рублей. За последние 5 лет средняя прибыль была 18% без погашения, а 7%

с погашением при среднем дивиденде в 5%.

Состав правления: Александра Герасимовна Найденова, Александр Александрович Найденов-старший и инженер-технолог Николай Константинович Прохоров, фабрикою заведует кандидат-директор Александр Александрович Найденов-младший.

Финансовое положение мануфактуры видно из баланса, к которому можно прибавить, что за последние 5 лет средняя прибыль равняется 18%, дивиденд — 5%, а погашение имущества — 10%.

В сороковых годах XIX столетия в губерниях Ярославской, Костромской, Вологодской и отчасти Владимирской стала развиваться льноткацкая фабричная промышленность. Между тем льнопрядилен было немного; цены на льняную пряжу стояли крепкие, и это дело представлялось в то время весьма выгодным. Под влиянием этих обстоятельств у братьев Хлудовых явилась мысль построить при Егорьевской бумагопрядильне и льнопрядильню на 15 000 веретен, что ими и было исполнено в 1851 году. Лен доставлялся из губерний — Ярославской, Костромской и Вологодской; главным поставщиком был А. Локалов, хотя лен приобретался непосредственно от крестьян, привозивших его прямо во двор фабрики.

В начале шестидесятых годов условия льнопромышленности изменились: в губерниях Ярославской и Костромской, т.е. в главном районе посева льна и развития льноткачества, возникли новые льнопрядильные фабрики. Егорьевской фабрике приходилось переплачивать за доставку льна-сырца в Егорьевск и за отправку пряжи ярославским и костромским ткачам, и под влиянием этих причин егорьевское льняное дело стало для Хлудовых невыгодно. В 1860 году они основали льнопрядильню близ города Ярославля, на берегу Волги, в Норском Посаде, куда и перевезли из Егорьевска все льнопрядильные машины, взамен коих были поставлены бумагопрядильные.

Сначала Норская мануфактура была исключительно льнопрядильной. При открытии фабрики было 8 716 прядильных веретен, на которых вырабатывалось в год от 40 000 до 50 000 пудов пряжи разных номеров. В 1863 году поставлено еще 8 716 веретен и 80 самоткацких станков. В 1878 году работало всего 18 580 веретен и 244 самоткацких станка. В это время вырабатывалось в год пряжи до 100 000 пудов от № 3 до № 120 и полотна разных номеров до 750 000 аршин. Лен для переработки всего бумагопрядильных веретен 101 076. Рабочих на бумагопрядильной фабрике 1900 года состоит 2 140 человек, ибо с 1890 года как льнопрядение, так и ткачество были уничтожены.

В настоящее время количество перерабатываемого хлопка доходит до 250 000 пудов ежегодно, причем почти исключительно для выработки бумажной пряжи идет русский хлопок; американский же употребляется в ни-

чтожном количестве.

Пространство, занимаемое мануфактурой со всеми фабричными и жилыми строениями, лесными дворами и лугами составляет 175 десятин в одной меже.

Дрова, как и весь потребный для мануфактуры строевой лес, получают исключительно из принадлежащих мануфактуре лесных имений, находящихся в Новгородской (13 546 десятин) и Тверской (13 136 десятин) губерниях.

Последние 5 лет средняя прибыль равняется 12% с погашением, а за вычетом последнего - 8%. Дивиденд за это время не выдавался. Годовое производство достигает 5 ½ миллиона рублей при 100 000 бумагопрядильных веретен и 1 600 рабочих.

Ч.М. Иоксимович

II

В 1842 году четыре брата Хлудовы учредили Торговый дом под фирмою «А., Н., Г. и Д. Ивана Хлудова сыновья». И вот их предприимчивый дух в один счастливый для города Егорьевска день привел их к мысли построить в нем бумагопрядильную фабрику. В то время такие фабрики в России еще только начинали основываться и их было лишь несколько; между тем постоянное развитие ручного ткачества увеличивало и спрос на пряжу. Егорьевск представлял тогда все благоприятные данные, для того чтобы бумагопрядильная фабрика в нем успешно развивалась: существовало уже в самом городе несколько ткацких производств, опиравшихся на раскинутое по всем окружным деревням кустарное ткачество; вокруг города стояли огромные леса, которые обеспечивали фабрику дешевым топливом; увеличивавшееся население нуждалось в заработке; наконец город предусмотрительно предложил Хлудовым участок земли на берегу реки, величиною более 12 десятин, за плату всего по 30 рублей в год. В 1847 году был построен первый корпус фабрики. Когда рыли для фундаментов канавы, в земле находили окаменелые раковины, переливавшиеся перламутровым и металлическим блеском. Землекопы говорили хозяевам в шутку: «На золотом месте строитесь». Хозяева, которые при всей огромной своей предприимчивости не могли не волноваться за успех нового дела, куда они влагали все свое достояние, отвечали: «Да, или мы здесь золото добудем, или уж пойдем с вами вместе землю копать».

И братья Хлудовы добыли золото себе и озолотили Егорьевск. Они работали с большой энергией: безостановочно ширились и строились новые корпуса, выписывались усовершенствованные машины, приглашались

опытные руководители. Особенно много потрудились для развития фабрики братья Алексей и Герасим Ивановичи. Конечно, они не ограничивались местным районом для сбыта своих произведений, а отправляли их и на другие рынки. Обороты их росли, и через каких-нибудь десять лет они имели уже больше миллиона чистого капитала.

В 1869 году братья Хлудовы исходатайствовали проведение железнодорожной ветки к Егорьевску от станции Воскресенск Московско-Казанской железной дороги. Ветка эта была частью железной дороги на Муром, проектированной в то время генералом Е. В. Богдановичем, который личным своим участием в большой степени содействовал успеху ходатайства братьев Хлудовых. Проведение железнодорожной ветки сделало Егорьевск своего рода портом для значительной промышленной области, создав производство в нем и торговлю среди более чем двухсоттысячного ее населения. И действительно, непрестанно с тех пор развиваясь, обороты города достигли в настоящее время суммы более 10 000 000 рублей в год, и Егорьевск при 20 000 жителей платит казне процентного и раскладочного сбора ежегодно с суммы более чем в 1 000 000 рублей.

Таким образом, братья Хлудовы построением прядильной фабрики и проведением железной дороги дали постоянный заработок тысячам местного населения, укрепили положение местной промышленности, создали большую местную торговлю и всем этим положили прочное основание всему последующему росту благосостояния Егорьевского уезда.

III

Родоначальником этой семьи был Иван Иванович Хлудов, человек чрезвычайно энергичный и предприимчивый, каковым свойством, впрочем, отличались жители этого района, известные под именем «гуслицов» или «гусяков», по имени речки Гусянки, протекающей через город Егорьевск и впадающей в Москву-реку.

Иван Иванович переселился в Москву вскоре после французского нашествия и начал там торговать. Жил он в своем доме, на Швивой Горке, где и родились все его дети. В 1836 году приобретен был свой амбар в Старом Гостином дворе, за № 93. Скончался Иван Иванович во второй половине тридцатых годов

Старший сын Ивана Ивановича, Савелий Иванович, был холостяк, ходил в цилиндре и был приятелем Л. И. Кнопа. Они вместе пивали «из бочек» в погребке Бодега, на Лубянке, в доме Бауэр Кноп потом говорил: «Немец русского перепил, а тот и умер»

Второй сын, Назар Иванович, был женат и имел сына Николая. Дочь

последнего, Надежда Николаевна, была замужем сначала за Абрикосовым, а потом за известным чешским политическим деятелем К. П. Крамаржем.

Хлудов Алексей Иванович, третий сын основателя хлудовского дела, родился в 1818 и скончался в 1882 году. По отзывам людей, близко его знавших, это был «человек неподкупной честности, прямой, правдивый, трудолюбивый, отличавшийся силой ума и верностью взглядов». Одаренный большими природными способностями и развивавший их вполне самостоятельно, так как в молодости не получил почти никакого образования, Алексей Иванович, вместе со своим братом Герасимом Ивановичем, успешно руководил Хлудовским предприятием, работавшим в области хлопковой торговли и хлопчатобумажной промышленности. Принимал он участие и в других промышленных делах, в частности был одним из основателей Кноповской Кренгольмской мануфактуры. Алексей Иванович известен также как коллекционер древних русских рукописей и старопечатных книг, коих он составил богатейшее собрание, включившее в себя вещи большой ценности, как, например, «Просветитель» Иосифа Волоцкого, сочинения Максима Грека, творения Иоанна Дамаскина в переводе кн. А. И. Курбского с собственноручными его заметками и многие другие. Общее число рукописей достигало 430-ти, а старопечатных книг — до 624-х.

После его смерти собрание рукописей поступило, согласно его желанию, в Никольский Единоверческий монастырь в Москве.

Алексей Иванович уделял очень много времени и общественной деятельности. Он был членом коммерческого суда, почетным членом совета Коммерческого училища; с установлением в 1859 году должности председателя Московского биржевого комитета, был первым избран в это звание, каковое сохранил до 1865 года, а в 1862 году был выбран председателем московских отделений Департамента торговли и мануфактуры.

Имея звание Мануфактур-Советника и орден Владимира 3-й степени, в год коронации Александра II (1856), он был старшиной московского купеческого сословия.

Герасим Иванович родился в 1822 году и скончался в 1885 году.

Вот любопытная характеристика Г. И. Хлудова, которую я нашел в «Историческом вестнике» за 1893 год, в статье Д. И. Покровского «Очерки Москвы»: «Дом свой Герасим Иванович вел на самую утонченную ногу, да и сам смахивал на англичанина. У него не раз пировали министры финансов и иные тузы финансовой администрации. Сад при его доме, сползавший к самой Язуе, был отделан на образцовый английский манер и заключал в себе не только оранжереи, но и птичий двор, и даже зверинец. Прожил Герасим Иванович более полжизни в этом доме безмятежно и благополучно, преумножая богатство, возвышая свою коммерческую репутацию, и

сюда же был привезен бездыханным, от подъезда купеческого клуба, куда шел прямо из страхового общества, с миллионами только что полученной за сгоревшую язовскую фабрику премии.

Замечательно, что и брат его, Алексей Иванович, умер такою же почти смертью, едуци на извозчике из гостей, и попал домой мертвым, не прямо, а сначала побывав в Тверской части». Подобно своему брату Алексею Ивановичу, Герасим Иванович был коллекционером. Он собирал картины, и преимущественно русской школы. Его галерея начала составляться с начала 50-х годов. Он положил ей основание, купив у юноши Перова, только что выступившего со своим могучим талантом, его «Приезд станового на следствие» в 1851 году и «Первый чин дьячковского сына» в 1858 году. В течение 60-х годов к ним присоединилось несколько других хороших картин: «Разборчивая невеста» Федотова, «Вирсавия» Брюллова (эскиз), «Вдовушка» Капкова, пейзажи Айвазовского и Боголюбова, «Таверна» и «Рыночек» Риццони. Коллекция эта более не существует: после смерти Г. И. Хлудова она была разделена между его наследниками.

У Алексея Ивановича было четыре сына. Из них Иван Алексеевич был одним из самых выдающихся представителей своей семьи. Он родился в 1839 году и скончался в 1868 году, всего 29 лет от роду. Он получил образование в С.-Петербургском Петропавловском училище и, после его окончания, был отправлен в Бремен, на службу в контору, имевшую обширные торговые сношения со всеми странами света, а через два года отправился в Англию, где основательно изучил хлопковый рынок. В 1860 году был в Северо-Американских Соединенных Штатах, изучил на месте производство хлопка и завел для Торгового дома братьев Хлудовых торговые сношения с Америкой, но в самом начале от этого получились убытки, так как в это время в Америке была гражданская война и купленный хлопок был конфискован и частью сожжен.

Тогда Торговый дом Хлудовых открыл в Ливерпуле свою контору. Впоследствии, когда началась хлопковая торговля со Средней Азией, Иван Алексеевич отправился туда для изучения дела на месте и установил торговые сношения. Но в Самарканде он заболел и скоропостижно умер.

У Алексея Ивановича было три дочери: Ольга Алексеевна Ланина, Варвара Алексеевна Морозова и Татьяна Алексеевна Мамонтова. Две последних занимали видное место в московской купеческой иерархии, и в смысле жертвенности, и по своей поддержке культурных начинаний.

Хлудовы наряду с Бахрушинскими занимали видное место в деле устройства благотворительных учреждений.

Ими были созданы:

- Богадельня имени Герасима Ивановича Хлудова,

- Палаты для неизлечимо больных женщин,
- Бесплатные Квартыры имени П. Д. Хлудовой,
- Бесплатные квартиры имени Г. И. Хлудова,
- Бесплатные квартиры имени К. и Ел. Прохоровых,
- Ремесленная школа.
- Детская больница имени М. А. Хлудова являлась Университетской клиникой по детским болезням.

Упомянувшееся ранее собрание старинных рукописей А. И. Хлудова составило особую Хлудовскую библиотеку рукописей и старопечатных книг при Никольском монастыре.

П. Бурьшкин

ШИБАЕВЫ

В 1857 году в сельце Истомкине, близ города Богородска, в 48 верстах от Москвы, по Нижегородскому шоссе, на реке Клязьме, была построена богородским купцом Сидором Мартыновичем Шibaевым и пущена в ход ткацко-механическая, ситценабивная и красильная фабрика. На фабрике было поставлено 156 самоткацких станков, 2 печатных (набивных) одноколнерных машины, 10 красильных барок, 2 чана для кубового крашения, приводимых в движение паровой машиной. Рабочих на фабрике было 500 человек, красились и набивались ситцы и другие ткани до 90 тысяч кусков в год на сумму до 70 000 рублей. В том же году сюда, в Истомкино, была перенесена устроенная им же, Шibaевым, в 1844 году при местечке «Светлое Озеро», в 20 верстах от Богородска, отбельная фабрика. Эта фабрика была основана при помощи Ивана Саввича Морозова, личного друга С. М. Шibaева; последний до сих пор был старшим служащим на Богородско-Глуховской мануфактуре З. С. Морозова. В это время было очень немного отбельных фабрик, так что Сидор Мартынович отбеливал товар не только для Морозовых, но и других фабрикантов и отбельщиков-скупщиков мануфактурного товара. Из последних С. Щукин давал в отбелку кисею, тогда очень модный товар, отбелка и отделка которого на фабрике М. С. Шibaева была известна как первосортная. Вот на выработке этой кисеи Шibaев деньги и заработал для постройки фабрики близ города Богородска. Здесь кстати упомянем, что Сидор Мартынович Шibaев был одним из основателей Тверской мануфактуры, но свою долю вскоре по просьбе Тимофея Саввича Морозова ему и продал.

Миткаль для ситца вырабатывался частью на своей фабрике, а частью и на стороне владимирскими мастерами. Набивка (печатание) производи-

лась большею частью ручная на столах, рисунки (манеры) готовились в своей граверной резной мастерской, где резчики от руки резали их на дереве.

В таком приблизительно размере фабрика работала до 1862 года. В период 1862-1868 годов было увеличено количество ткацких станков, печатных и других машин новых систем, введено газовое освещение. Весь потребный под набивку миткаль стал вырабатываться на своей фабрике; производительность фабрики стала 150 000 кусков на сумму 1 000 000 — 1 200 000 рублей в год при 700 человеках рабочих.

К 1873 году на фабрике было уже 782 самоткацких станка, 6 печатных одно- и четырехколнерных машин, 20 красильных барок, 5 паровых машин, имеющих в общем 124 лошадиные силы, 1 500 человек рабочих, с годовой производительностью до 230 000 кусков на сумму 2 000 000 рублей.

Употреблявшиеся до сего времени для набивки краски из марены (крап и горансин) были заменены ализарином, а с 1876 года было введено многоколнерное печатание тканей.

В 1880 году была приобретена покупкой находящаяся рядом фабрика, бывшая купца Скороспелова, каковая, после капитального ремонта и установки новых машин, была пущена в ход в 1881 году; в ней работало 350 ткацких станков, преимущественно широких, для выработки так называемых одежных тканей (плис, полубархат, мильтон, молескин и прочее) и полный комплект красильных и отделочных для этих тканей машин.

Общая годовая производительность фабрик стала при 1 234 ткацких станках, 1 800 человек рабочих до 300 000 кусков на сумму 2 000 000 рублей.

С 1883 года производство с ситценабивного стало переходить на работу тяжелых одежных тканей одноцветного крашения.

В 1883 году основатель фирмы скончался, дело перешло к его жене Евдокии Вуколовне Шibaевой, и фирма стала именоваться «Вдова С. М. Шibaева, Е. В. Шibaева». В этом году на фабрике имелось 1 372 ткацких станка, рабочих 1 800 человек, вырабатывалось тканей 240 000 кусков на сумму почти 2 000 000 рублей.

В 1893 году была построена бумагопрядильная фабрика, которая была оборудована английскими машинами: поставлено 26 304 прядильных веретена, вырабатывающих 85 000 пудов бумажной пряжи ежегодно на сумму 1 200 000 рублей при 550 рабочих. Употреблявшаяся до сего времени для выработки тканей покупная бумажная пряжа была заменена пряжей своей фабрики.

В 1896 году на Нижегородской Всероссийской выставке фабрикой бы-

ла получена золотая медаль за выставленные впервые производимые фабрикой товары (до этого времени фирма на выставках не участвовала).

В 1899 году Евдокия Вуколовна Шибаева скончалась, и дело перешло сыновьям покойной. С этого времени фирма стала именоваться: «Н-ки вдовы С. М. Шибаева, Е. В. Шибаевой».

В 1900 году прядильная фабрика увеличена вдвое. В этом же году переустроены самоткацкая и красильная фабрики.

В 1905 году для продолжения и развития дела Е. В. Шибаевой было учреждено паевое товарищество под фирмой «Товарищество Истомкинской мануфактуры Сидора Мартыновича Шибаева сыновей» с основным капиталом в 4 200 000 рублей.

В состав правления товарищества вошли все сыновья Сидора Мартыновича Шибаева, из которых непосредственно фабричными делами занимаются: Иван Сидорович Шибаев как председатель правления и Сергей, Алексей и Глеб Сидоровичи как директора.

Кроме г. Шибаевых, в состав правления вошел многолетний сотрудник фирмы, Алексей Васильевич Банкетов, который большую пользу принес фирме еще при жизни Сидора Мартыновича, а особенно после его смерти, пока сыновья Сидора Мартыновича не достигли совершеннолетия.

В 1906-1907 годах товариществом был оборудован новый красильный корпус со всеми усовершенствованиями и построена новая ткацкая фабрика с верхним светом (шед) на 756 станков с приготовительным отделением, приводимая в движение электрической энергией от своей станции, со всеми техническими и гигиеническими усовершенствованиями, с вентиляцией, увлажнением и прочим.

В 1914 году товариществом приступлено к расширению новой ткацкой фабрики постройкой нового корпуса на 750 станков.

В настоящее время на фабриках состоит 55 024 прядильных веретена производительностью 157 000 пудов бумажной пряжи, на сумму 2 900 000 рублей.

Ткацкой фабрикой с 1 250 станками вырабатывается разных тканей 126 000 пудов, которые красятся и отделяются на своей красильной фабрике, на сумму 3 600 000 рублей.

Рабочих и служащих на фабрике до 3 800 человек при семи паровых машинах, общим количеством в 2 350 сил.

Топливом служат нефтяные остатки, антрацит и торф, вырабатывающийся на своем болоте, находящемся в 6-ти верстах от фабрики.

Как дополнение к описанию товарищества имеем присовокупить, что

основатель фирмы Сидор Мартынович Шибаев играл видную роль и в нашей нефтяной промышленности. Он был учредителем нефтяного товарищества «С. Шибаев и К^о», которое предприятие теперь, к сожалению, в руках иностранцев.

Ч.М. Иоксимович

ШОРЫГИНЫ

Основанием для фирмы послужили: ручная ткацкая фабрика (светелка) и контора для раздачи пряжи для работы на домах семейно-кустарным способом, открытые в селе Хозниково Житковской волости (ныне Быковской) Ковровского уезда Владимирской губернии, крепостным крестьянином из этого села княгини С. Г. Волконской Иваном Михайловичем Шорыгиным в 1825 году. По смерти Ивана Михайловича в 1860-1864 годы дело продолжала его жена Федосья Гордеевна, а с 1864 до 1870 года дело продолжали сыновья Тихон, Козьма и Евсигний, но фактически делами заведовал старший сын Тихона Ивановича — Полиевкт.

К этому времени дело уже сильно развилось и общая ежегодная выработка равнялась 82 000 кусков по 60 аршин, вырабатываемых на 10-15 тысячах ручных станков, рассеянных по 5-ти уездам Владимирской губернии: Ковровскому, Шуйскому, Суздальскому, Вязниковскому и Владимирскому.

В 1869 году за смертью Козьмы и Евсигния Ивановичей дело их перешло к сыну первого, Макарию Козьмичу, а Тихон Иванович всецело передал дело своим сыновьям Полиевкту и Абраму.

В 1870 году ручное дело Шорыгиными было ликвидировано и создано негласное товарищество из Макария Кузьмича, Полиевкта Тихоновича и Абрама Тихоновича Шорыгиных и Ивана Ивановича Треумова с капиталом в 145 000 рублей. В сельце Горках, недалеко от села Хозникова, товарищество выстроило механическо-ткацкую фабрику на 160 станков; это количество постоянно увеличивалось, и в 1879 году оно равнялось уже до 1 000 механических станков. За этот период в Торговом доме произошли большие изменения, а особенно после смерти в 1874 году Тихона Ивановича и Макария Козьмича Шорыгиных и после выдела в 1879 году сыновей последнего Николая и Дмитрия.

1 июля 1879 года «Торговый дом братьев Полиевкта и Абрама Шорыгины и К^о» передал все свое торгово-промышленное дело вновь учрежденному «Товариществу Шуйской мануфактуры бумажных изделий» с основным капиталом 750 000 рублей. Учредителями товарищества были: потомственные почетные граждане Полиевкт и Абрам Тихоновичи Шорыгины и

купцы: ковровский — Иван Андреевич Треумов и нерехтский — Михаил Алексеевич Павлов. Этому новому товариществу принадлежало: 1) ткацкая фабрика в селе Горках на 1 000 станков, 2) отбельная и ситценабивная фабрика в городе Шуе и 3) разные недвижимые имения.

Товариществу в таком виде не было суждено прожить более трех лет: в 1882 году Иван Андреевич Треумов вышел из дела совсем и в следующем году выстроил свою собственную ткацкую фабрику в городе Коврове; Шуйская фабрика перешла к М. А. Павлову, а Горкинская — осталась сначала за Полиевктом и Абрамом Шорыгинными, а с 1886 года за одним Полиевктом под названием «Товарищество Горкинской мануфактуры». Производительность Горкинской мануфактуры в 1887 году доходила до полмиллиона рублей, количество ткацких станков в 1893 году увеличено до 1 300. В это время помощником Полиевкта Тихоновича состоял сперва его старший сын Александр, а с 1897 года — его третий сын Петр. Помощником же по коммерческой части в Москве — Сергей Максимович Боков.

В 1899 году товарищество во вновь купленном имении при сельце Михневе, в 28 верстах от Москвы, где при Петре Великом была казенная суконная фабрика, выстроило бумагопрядильную и ткацкую фабрику на 19 904 веретена и 667 ткацких станков системы Платта. Этой фабрикой почти с самого начала и поныне заведует второй сын Полиевкта Тихоновича, инженер-технолог Иван Полиевктович Шорыгин.

К этому времени основной капитал товарищества Горкинской мануфактуры был увеличен с 600 000 до 1 000 000 рублей, Горкинская фабрика увеличена до 1 412 станков, а лесные имения достигали только во Владимирской губернии почти 3 000 десятин.

В 1906 году Михневская фабрика переходит вследствие семейного раздела к вновь учрежденному «Товариществу Старогоркинской мануфактуры», владельцами и директорами которого, кроме Полиевкта Тихоновича, остались сыновья Иван и Петр, а старший сын Александр вместе с отцом остались хозяевами Горкинской фабрики под старой фирмой «товарищество Горкинской мануфактуры».

В 1910 году умер Полиевкт Тихонович, и во главе обоих товариществ, где он был бессменным председателем, стали его сыновья: в первом — Иван и Петр, а во втором — Александр. В том же году Абрам Тихонович Шорыгин, выбывший из товарищества Горкинской мануфактуры в 1886 году, выстроил свою ткацкую фабрику на 600 станков при селе Новинках Ковровского уезда Владимирской губернии, недалеко от сельца Горок.

Михневская фабрика к этому времени имела 715 ткацких станков и 21 092 прядильных веретена, а в начале 1912 года была пущена в ход к существующим фабрикам еще новая ткацкая фабрика на 754 станка, из которых

722 станка — автоматические, системы «Нортроп», и новая прядильня на 6 728 веретен. Новая ткацкая фабрика с 722 английскими ткацкими станками системы «Нортроп» является первым опытом применения в России в большом количестве автоматических станков. Это новое дело создано всецело трудами инженера-технолога И. П. Шорыгина.

В настоящее время «Товариществу Старогоркинской мануфактуры при селе Михневе», руководителями которой состоят братья Иван, Петр и Павел Полиевктовичи Шорыгины, принадлежат: бумагопрядильная фабрика в 27 820 прядильных и 100 крутильных, бумаготкацкая в 1 469 станков и 245 десятин земли. На фабриках занято около 1 600 рабочих, вырабатывающих разных суровых тканей в год на 5 /, миллиона рублей.

До 1887 года товарищество выпускало на рынок только суровые, неотделанные ткани, а с 1 января этого года оно открыло в Москве торговый амбар для торговли бумажными тканями в отделанном виде. Своих красивой, ситценабивной и отделочной фабрик товарищество не имеет, и потому крашение и отделка товаров производится на чужих фабриках, главным образом Московского района. В первый же операционный год амбар сделал оборот на сумму 579 682 рубля. Весь баланс товарищества за этот год выразился в сумме 1 324 187 рублей. Амбаром этим с самого его учреждения и до сего времени заведует доверенный товарищества Сергей Максимович Боков.

Приведя здесь вид зала с ткацкими станками системы «Нортроп» на Михневской фабрике, считаем необходимым упомянуть, что эти станки в Америке появились в 1893 году, а в России впервые в 1896 году на фабрике «Саввы Морозова сын и К°» и то в виде пробы, ибо вскоре работу на них прекратили. В том же году Ярославская Большая мануфактура выписала из Америки 16 этих станков на пробу, которые работали несколько месяцев в Москве, а не на фабрике, после чего их отправили обратно в Америку, и только в 1904 году были поставлены на фабрике 8 станков, количество которых до сих пор не увеличено.

В 1908 году М. Н. Бардыгин поставил у себя в городе Егорьевске 120 этих станков, но вследствие малого количества их нельзя дать предприятию громкого названия «фабрика». Последнее принадлежит новому предприятию — товариществу Старогоркинской мануфактуры, которое в начале 1912 года пустило в ход первую в России фабрику, оборудованную 722 бумаготкацкими автоматическими станками системы «Нортроп».

Таким образом, ручная Хозниковская светелка, основанная в 1825 году, является родоначальницей нескольких крупных предприятий, а именно: 1) товарищества Старогоркинской мануфактуры в селе Михневе с капиталом 2 000 000 рублей, 2) товарищества Горкинской мануфактуры с основным

капиталом 1 500 000 рублей, 3) товарищества Шуйской мануфактуры с капиталом 5 000 000 рублей, 4) фабрик наследников И. А. Треумова в городе Коврове на 2 002 станка и 36 000 веретен и, наконец, 5) фабрики товарищества А. Т. Шорыгина при селе Новинках на 600 станков, и, что самое главное, от простого ручного ткацкого станка в Хозникове, когда для каждого станка нужен был один ткач, в течение неполных 90 лет сделан переход к автоматическим ткацким станкам, где теперь на Михневской фабрике один ткач работает на 16 автоматических ткацких станках.

Ч.М. Иоксимович

ПРОСЛАВИВШИЕСЯ В МЕЦЕНАТСТВЕ

БАХРУШИНЫ

Происходят из купцов города Зарайска Рязанской губернии, где род их можно проследить по писцовым книгам до 1722 года, но семейные предания идут дальше, утверждая, что род их был известен уже с половины XVII века. По профессии они были «прасолы», т.е. гоняли гуртом скот из Приволжья в большие города. Скот иногда дох по дороге, шкуры сдирали, их везли в город и продавали кожевенным заводам; потом это положило начало своему собственному делу.

Алексей Федорович Бахрушин (1800-1848) перебрался в Москву из Зарайска в тридцатых годах прошлого столетия. В московское купечество он занесен с 1835 года. Семья переезжала на телегах, со всем скарбом. Младшего сына Александра, будущего почетного гражданина города Москвы, везли в белье в корзине.

В Москве Алексей Федорович основал кожевенный завод и готовил лайку для перчаток. По своему времени он был новатором: учил младшего сына французскому языку, первый в Москве поставил кирпичную трубу на заводе и обрил себе бороду, что тогда для купца считалось зазорным. На трубу многие посматривали, качая головой: «Пролетит он в эту самую трубу». Вроде этого и случилось: когда он вскоре умер, наследники раздумывали, принимать ли наследство, — так много было долгов.

Про бороду говорили, что однажды, выпивши, Алексей Федорович поспорил с другими купцами на 100 рублей, что сбреет себе бороду. Тут же позвал цирюльника: «Сбрей мне бороду».- «Не могу, ваше степенство, когда протрезвитесь, ею меня побьете».- «Давай ножницы». И он сам себе отрезал бороду, и тогда цирюльник побрил его.

После смерти Алексея Федоровича его вдова, Наталия Ивановна, продолжала дело с тремя сыновьями, — Петром, Александром и Василием Алексеевичами. Дело пошло успешно. Кроме кожевенного завода, появилась и суконная фабрика. Разбогатели Бахрушины главным образом во время русско-турецкой войны. В то время уже существовало паевое товарищество «Алексей Бахрушин и сыновья». Жили братья очень патриархально. Старший, Петр Алексеевич, правил всем домом, всей семьей, и братьями, и взрослыми, женатыми сыновьями, как диктатор. Своим братьям, которые были значительно его моложе, он говорил «ты», «Саша», «Ва-

ся», но они обращались к нему: «Вы, батюшка-братец Петр Алексеевич». До прихода его в столовую никто не мог сесть. Потом младшая дочь читала молитву «Очи всех на Тя, Господи...», и начинался обед, после которого все подходили к его руке и к руке его жены. Жили долгое время общим хозяйством, материал на одежду покупали штуками, для всех. Долго и касса была общая. В конце года выводилась общая наличность.

Петр Алексеевич умер в 1894 году. Он был женат на Екатерине Ивановне Митрофановой и имел 18 человек детей, из коих 9 умерли в раннем возрасте. Из остальных было четыре сына: Дмитрий, Алексей, Николай и Константин Петровичи, — и пять дочерей. У всех сыновей были многочисленные семьи.

Александр Алексеевич, женатый на Елене Михайловне Постниковой, был отцом известного городского деятеля Владимира Александровича, коллекционеров Сергея и Алексея Александровичей и дедом профессора Сергея Владимировича.

Владимир Александрович был женат на Елизавете Сергеевне Перловой, а Алексей Александрович на Вере Васильевне Носовой.

У Бахрушиных в крови было два свойства: коллекционерство и благотворительность.

Из коллекционеров были известны Алексей Петрович и Алексей Александрович. Первый собирал русскую старину и, главным образом, книги. Его коллекция, в свое время, была подробно описана. По духовному завещанию, библиотеку он оставил Румянцевскому музею, а фарфор и старинные вещи — Историческому, где были две залы его имени. Про него говорили, что он страшно скуп, так как «ходит каждое воскресенье на Сухаревку и торгуется, как еврей». Но всякий коллекционер знает, что самое приятное — это самому разыскать подлинно ценную вещь, о достоинствах которой другие не подозревали.

О Театральном музее Алексея Александровича слишком хорошо известно, чтобы на нем останавливаться. Это единственное в мире богатейшее собрание всего, что имело какое-либо отношение к театру. Видно было, с какой любовью оно долгие годы собиралось. Алексей Александрович был большим любителем театра, долгое время председательствовал в Театральном обществе и был весьма популярен в театральных кругах.

Он был человек очень интересный и несколько взбалмошный. Когда он был в духе и сам показывал свои коллекции, было чрезвычайно поучительно. Об его музее и о нем самом упоминается в Большой Советской Энциклопедии.

Коллекционерствовал и брат его, Сергей Александрович. Это был

большой оригинал. Вставал он обычно в три часа пополудни и ехал в амбар, где состоял кассиром суконного склада. Приезжал он, когда уже запирали. Был большим поклонником балета и балерин. В балете его всегда можно было встретить. Собирал он гравюры, табакерки и картины. В частности, у него было большое количество картин Врубеля. Женат он не был.

Бахрушиных в Москве иногда называли «профессиональными благотворителями». И было за что. В их семье был обычай: по окончании каждого года, если он был, в финансовом смысле, благоприятен, отделять ту или иную сумму на дела благотворения. Еще при жизни старших представителей семьи были выстроены и содержались за их счет: Бахрушинская городская больница, Дом бесплатных квартир, Приют и колония для беспризорных, Ремесленное училище для мальчиков, Дом для престарелых артистов. В Зарайске была богадельня имени Бахрушиных.

И по Москве, и по Зарайску они были почетными гражданами города, — честь весьма редкая. Во время моего пребывания в Городской думе было всего два почетных гражданина города Москвы: Д. А. Бахрушин и князь В. М. Голицын, бывший городской голова.

Могли легко получить дворянство, — сами не хотели. Только Алексей Александрович, за переделку Музея Академии наук, получил генеральский чин.

Я очень хорошо знал многих членов семьи Бахрушиных и старшего поколения, и моих современников. С Алексеем Александровичем мы много работали по благотворительным делам, в частности на знаменитых Московских Вербных базарах, в Дворянском собрании. С Константином Петровичем постоянно встречался за преферансом. Это был один из самых толстых людей в Москве и приятный собеседник. Один из немногих, который говорил мне «Паша» и «ты», — а я ему, конечно, «Вы, Константин Петрович». У них ежегодно, в день Сретенья, 2 февраля, устраивался большой бал: это был день его рождения. Все вообще Бахрушины жили сравнительно замкнуто, и это являлось исключением. С его семьей мы были вообще ближе знакомы: две его дочери были за двумя Михайловыми, а посему в некотором свойстве с моей сестрой, Ольгой Афанасьевной; младшие же, Нина и Петр Бахрушины, бывали у нас в доме. Бывал также и милейший Михаил Дмитриевич, тогда еще только начинавший свою деловую карьеру.

Но больше всего приходилось встречаться с профессором Сергеем Владимировичем. И по городу Москве, и по Союзу городов мы работали вместе, и об этом общении я сохраняю самые светлые воспоминания. Это был один из самых культурных и обаятельных людей, которых мне доводилось видеть. Он был очень одаренный человек, очень хорошо рисовал. Обычно на каком-нибудь заседании и всегда на собраниях «Комитета про-

грессивной группы гласных», которые происходили зачастую в моей столовой, за чаем, он рисовал карикатуру на какую-нибудь жгучую тему, которую обсуждали. Это было всегда очень метко, забавно и хорошо сделано.

Свои воспоминания о Бахрушиных я закончу своего рода посторонним свидетельством, — выдержкой из одной статьи «Нового времени»: «Одной из самых крупных и богатых фирм в Москве считается Торговый дом братьев Бахрушиных. У них кожевенное дело и суконное. Владельцы — молодые еще люди, с высшим образованием, известные благотворители, жертвующие сотни тысяч. Дело свое они ведут хотя и на новых началах — т.е. пользуясь последними словами науки, но по старинным московским обычаям. Их, например, конторы и приемные заставляют многого желать»

П. Бурьшкин

БОТКИНЫ

Семья Боткиных, несомненно, одна из самых замечательных русских семей, которая дала ряд выдающихся людей на самых разнообразных поприщах. Некоторые ее представители до революции оставались промышленниками и торговцами, но другие целиком ушли в науку, в искусство, в дипломатию и достигли не только всероссийской, но и европейской известности. Боткинскую семью очень верно характеризует биограф одного из самых выдающихся ее представителей, знаменитого клинициста, лейб-медика Сергея Петровича: «С.П. Боткин происходил из чистокровной великорусской семьи, без малейшей примеси иноземной крови и тем самым служит блестящим доказательством, что если к даровитости славянского племени присоединяют обширные и солидные познания, вместе с любовью к настойчивому труду, то племя это способно выставлять самых передовых деятелей в области общеевропейской науки и мысли». Боткины происходят из торопецких посадских людей. Их род можно проследить по документам в непрерывной связи до половины XVII века. Первым перешел в Москву Дмитрий Кононович, по-видимому, в 1791 году. Потом его брат, Петр Кононович (1781-1853), основатель известной чайной фирмы. Этот деятельный и далеко не заурядный человек быстро достиг в Москве сначала зажиточного, а потом и богатого положения. Он был женат два раза и от обоих браков имел многочисленное потомство. После него осталось в живых 9 сыновей и 5 дочерей.

Боткин был один из пионеров чайного дела в России, и в этой области заслуги его велики. Дело это, чисто семейное, акционировано было лишь в 1893 году, когда было организовано товарищество чайной торговли «Петра Боткина сыновья». Их сахарный завод — товарищество «Ново-Таволжинский свекло-сахарный завод Боткина» — был акционирован в

1890 году.

Старший из сыновей П. К. Боткина, Василий Петрович, являет собой характерный пример подлинных русских самородков. Трудно объяснить себе, как мог этот московский купеческий сын, предназначавшийся для торговли за прилавком в амбаре своего отца, не прошедший через ту или иную высшую школу, так образовать и развить себя, что, не достигнув еще тридцатилетнего возраста, сделался одним из деятельных членов того небольшого кружка передовых мыслителей и литераторов начала сороковых годов, к которому принадлежали и Белинский, и Грановский, и Герцен, и Степанов, и Огарев. В этой блестящей плеяде он пользовался репутацией одного из лучших знатоков и истолкователей Гегеля, увлекавшего в то время эти молодые умы, искавшие света. Помимо его гегелианства, он славился как знаток классической литературы по всем отраслям искусств. Особенно характерны были его отношения с Белинским. Вот что писал о В. П. Боткине «неистовый Виссарион» в своем письме:

«Меня радует, что я первый понял этого человека. Его бесконечная доброта, его тихое упоение, с каким он в разговоре называет того, к кому обращается, его ясное гармоническое расположение души во всякое время, его всегдашняя готовность к восприятию впечатлений искусства, его совершенное самозабвение, отрешение от своего я даже не производят во мне досады на самого себя; я забываюсь, смотря на него... Меня особенно восхищает в нем то, что он столько же честный, сколько и благородный человек... Гармония внешней жизни человека с его внутренней жизнью есть идеал жизни, и только в Василии нашел я осуществление этого идеала...» Надо сказать, что для Белинского В. П. Боткин был не только другом, но и помощником. Он лучше его знал языки, читал в подлиннике Гегеля, занимался современной немецкой философией и давал ему материал, в котором Белинский нуждался.

Не менее характерно и свидетельство поэта Шеншина-Фета, который был женат на его сестре. Вот что пишет он в своих воспоминаниях:

«Во время оно я часто бывал у Василия Петровича во флигеле, но ни разу не бывал в большом Боткинском доме. Будучи на этот раз в духе, Василий Петрович объяснил мне, что, согласно завещанию их покойного отца, он состоит одним из четырех членов Боткинской фирмы и, таким образом, одним из хозяев дома. Покойный П. К. Боткин оставил после смерти своей дела в порядке и далеко не огромный капитал... Безобидно для всех членов семьи, из числа девяти сыновей, он назначил членами фирмы только четырех: двух от первого и двух от второго брака...»

Василий Петрович пригласил меня в тот же день к семейному обеду. Изюм всех членов фирмы наиболее очевидными представителями дома явля-

лись меньшей брат Петр со своей женой... Даже самый ненаблюдательный человек не мог бы не заметить того влияния, которое Василий Петрович незримо производил на всех окружающих. Заметно было, насколько все покорялись его нравственному авторитету, настолько же старались избежать резких его замечаний, на которые он так же мало скупился в кругу родных, как и в кругу друзей. Кроме того, все только весьма недавно испытали его педагогическое влияние, так как, влияя в свою очередь на покойного отца, Василий Петрович младших братьев провел через университет, а сестрам нанимал на собственный счет учителей по предметам, знание которых считал необходимым...»

К его характеристике В. П. Боткина можно еще добавить, что он сам немало писал. Его сочинения составляют три тома. Особенным успехом пользовались его воспоминания о путешествии — а он объездил почти всю Европу — в частности, его «Письма об Испании».

Что касается жизни и деятельности одного из самых знаменитых, а вернее — самого знаменитого русского клинициста, Сергея Петровича Боткина, они слишком хорошо известны, чтобы мне нужно было долго на них останавливаться. Сергей Петрович был гордостью русской науки. И как врач, и как человек он пользовался огромным уважением. Напомню только, что он окончил медицинский факультет Московского университета, был на Крымской войне и за границей, потом поселился в Петербурге, где получил кафедру в Военно-медицинской академии и где прошла вся его научная и врачебная деятельность. Сергей Петрович очень любил музыку, сам был прекрасный музыкант и с большим талантом играл на виолончели. Как многие из Боткиных, он был общителен, и его дом, где гости бывали по субботам, являлся большим культурным центром. Его сын, дипломат П. С. Боткин, в своих воспоминаниях «Картины дипломатической жизни», вышедших в 1930 году в Париже, описал свою молодость и жизнь в отцовском доме, где постоянно бывали и профессор Менделеев, и профессор Герье, и Салтыков-Щедрин, и Антон Рубинштейн, и И. Ф. Горбунов.

Про Боткиных можно сказать, как и про Бахрушиных, что коллекционерство было у них в крови. Почти каждый из братьев что-нибудь собирал. Но самым известным в этой области был Михаил Петрович, — художник, академик и тайный советник. Жил он в Петербурге, на Васильевском острове, в своем собственном доме, где и помещалось его драгоценнейшее собрание. Михаил Петрович в течение примерно пятидесяти лет собирал старинные художественные вещи. Он подолгу живал за границей, в частности в Италии, где и приобрел немало сокровищ. Древний мир был у него прекрасно представлен расписными вазами, терракотовыми статуэтками, масками, светильниками. Была у него коллекция итальянских майолик XV, XVI и XVII веков, художественная резьба по дереву эпохи итальянского

Возрождения, работы из слоновой кости, большое собрание русской финифти и многое, многое другое.

Из картин у него было много этюдов художника А. А. Иванова, жизнеописание которого он и издал.

Сам он писал картины преимущественно религиозного содержания.

Коллекционером был и Дмитрий Петрович. Он был женат на Софии Сергеевне Мазуриной и жил в своем доме на Покровке. Там же помещалась и его прекрасная коллекция картин иностранных художников, собранная им в течение многих лет. К сожалению, после его смерти эта коллекция не сохранилась в целом виде: частью была распродана, частью распределена между наследниками. Он был близким другом П. М. Третьякова, помогал ему в его собирательстве, участвуя даже в покупке некоторых картин, но сам произведений русских художников не собирал.

Дмитрий Петрович был чрезвычайно радушным хозяином и умел принимать своих друзей. Его воскресные обеды славились на всю Москву. Вообще вся семья его славилась своим гостеприимством.

В собирательстве и в составлении коллекций в семье Боткиных была одна особенность, которую нельзя обойти молчанием: все симпатии и стремления были космополитичны и общеевропейски и не заключали в себе ничего народнического, никакого стремления к отечественному. Все картины, собираемые и Василием Петровичем, и Дмитрием Петровичем Боткиными, были всегда иностранные, так что даже при распродаже этюдов и картин Александра Иванова, после его смерти, В. П. Боткин купил только итальянский пейзаж — «Понтийские болота» и копию Иванова, карандашом, с Сикстинской Мадонны Рафаэля. Д. П. Боткин имел в своей галерее только такие картины, которые носили характер вполне иностранный. Превосходная художественная коллекция М. П. Боткина, за исключением картин и этюдов Александра Иванова, имела характер «древний». Все художественные статьи В. П. Боткина посвящены прославлению великих созданий искусства греческого, римского, средневекового, времени Возрождения и стремились к изучению какого угодно искусства, только не русского. В своей статье, помещенной в «Современнике» за 1855 год, об академической выставке 1855 года В. П. Боткин говорит:

«Хранить чистоту вкуса, чистоту классических преданий, хранить святости правды и естественности в искусстве — вот в чем заслуга нашей Академии и благотворность ее влияния на русскую школу живописи... Идеалы искусства, в своем высшем развитии, всегда переходят за черты, разделяющие национальности, и становятся общими идеалами духа человеческого, но для этого необходимо, чтобы первоначально идеалы эти самостоятельно вырабатывались на национальной почве, прошли весь трудный

и сложный процесс очищения от всего частного и из народного возвысились до общечеловеческого».

В этом отношении, в этом своеобразном западничестве боткинская семья занимает особое место среди других московских фамилий, где, в то время, уклон в сторону национального был особенно силен.

Говоря о семье Боткиных, нельзя не сказать несколько слов и об одном из сравнительно младших ее представителей, но получившем почетную и заслуженную известность: это лейб-медик Евгений Сергеевич Боткин, один из сыновей Сергея Петровича. Во время русско-японской войны он был в действующей армии. Вскоре после ее окончания он был назначен лейб-медиком царской семьи и проживал с семьей в Царском Селе. Там оставался он при ней до революции и был в числе тех лиц царской свиты, которые не оставили царскую семью после Февральского переворота. Он последовал за нею в Тобольскую ссылку и был расстрелян в Екатеринбурге, оставаясь до конца дней своих верным своему долгу.

П. Бурышкин

МАМОНТОВЫ

Мамонтовы прославились на самых разнообразных поприщах: и в области промышленной, и, пожалуй, в особенности в области искусства. Мамонтовская семья была очень велика, и представители второго поколения уже не были так богаты, как их родители, а в третьем раздробление средств пошло еще дальше.

Происхождением их богатств был откупщицкий промысел, что сблизило их с небезызвестным Кокоревым. Поэтому, при появлении их в Москве, они сразу вошли в богатую купеческую среду («Темное царство» Островского).

Род Мамонтовых ведет свое начало от Ивана Мамонтова, о котором известно лишь то, что он родился в 1730 году и что у него был сын Федор Иванович (1760). Видимо, это он занимался откупным промыслом и составил себе хорошее состояние, так что сыновья его были уже богатыми людьми. Видимо также, что занимался он и широкой благотворительностью: памятник на его могиле в Звенигороде был поставлен благодарными жителями за услуги, оказанные им в 1812 году.

У него было три сына — Иван, Михаил и Николай. Михаил, видимо, не был женат, во всяком случае, потомства не оставил. Два других брата были родоначальниками двух ветвей почтенной и многочисленной мамонтовской семьи.

Вот что пишет о появлении Мамонтовых в Москве одна из внучек родоначальников этой семьи А. Н. Боткина в своей книге, «П. М. Третьяков»: «Братья Иван и Николай Федоровичи Мамонтовы приехали в Москву богатыми людьми. Николай Федорович купил большой и красивый дом с обширным садом на Разгуляе. К этому времени у него была большая семья. Между 1829 и 1840 годами родилось шесть сыновей. В 1843 и 1844 годах — две дочери, Зинаида и Вера. Для родителей и для братьев эти две девочки были постоянным предметом заботы и нежности. И хотя после них было еще четверо детей, эти две остались всеобщими любимицами... Между собой они были дружны и неразлучны. Их даже называли не Зина и Вера, а «Зина-Вера», соединяя их в одно. Характеры их, особенно впоследствии, оказались разными, как и их жизни: Зинаидой восхищались, Веру любили».

Мамонтовская молодежь — дети Ивана Федоровича и Николая Федоровича — была хорошо образована и разнообразно одарена. Больше всего во многих из них было природной музыкальности. Зинаида и Вера превосходно играли на фортепьяно. Особенно же музыкальны были Виктор Иванович и Савва Иванович, что сыграло большую роль в жизни и того, и другого.

Оба брата, и Николай, и Иван Федоровичи, были, как сказано, близки с Кокоревым, а через него стали в добрых отношениях и с известным русским историком М. П. Погодиным, который не раз упоминает о них в своем дневнике. И Кокорев, и Погодин часто виделись с Мамонтовыми и постоянно у них обедали. А через Погодина Мамонтовым открывался ход и в редакцию «Москвитянина» и вообще ко всему литературному и ученому миру Москвы.

Погодин был знаком и с другими Мамонтовыми. Он упоминает Михаила Федоровича и Федора Ивановича. Последний, по его поручению, виделся с известным чешским ученым Шафариком, о чем и писал Погодину:

«Найдя Шафарика дома, передал ему в кабинет Ваше письмо, книги, чай и пр... Шафарик принял меня очень благосклонно, спросил, как выговаривается моя фамилия, и спрашивал, от чего она происходит, и когда я не смог ему на это хорошенько ответить, то обещал мне сделать филологическое исследование и на другой день дал мне в знак памяти записочку, писанную его рукою, где он выводил мою фамилию от святого Мамонта».

Из всех Мамонтовых самой выдающейся фигурой был Савва Иванович. В народнохозяйственной жизни он был известен как строитель Ярославской, потом Северной дороги, но больше его знали как человека, самыми разными путями связанного с искусством. Сам он обладал разнообразными талантами: был певцом — учился пению в Италии, — был скульптором,

был режиссером, был автором драматических произведений. Но самое в нем главное то, что он являлся всегда тем центром, вокруг которого группировались все, кому дороги были артистические искания. И сам он много искал и много находил; немалую роль сыграл он в «отыскании» Шаляпина. Как сказал В. М. Васнецов, «в нем всегда была какая-то электрическая струя, зажигающая энергию окружающих. Бог дал ему особый дар возбуждать творчество других».

Савва Иванович родился в 1841 году и скончался в 1918, уже после революции.

К. С. Алексеев-Станиславский был другом Саввы Ивановича с самого детства. Он дает верную ему характеристику в своей книге «Моя жизнь в искусстве».

«Я обещался, — пишет он, — сказать несколько слов об этом замечательном человеке, прославившемся не только в области искусства, но и в области общественной деятельности. Это он, Мамонтов, провел железную дорогу на Север, в Архангельск и Мурман, для выхода к океану, и на юг, к Донецким угольным копям, для соединения их с угольным центром, хотя в то время, когда он начинал это важное культурное дело, над ним смеялись и называли его аферистом и авантюристом. И вот он же, Мамонтов, меценатствуя в области оперы и давая артистам ценные указания по вопросам грима, жеста, костюма и даже пения, вообще по вопросам создания сценического образа, дал могучий толчок культуре русского оперного дела: выдвинул Шаляпина, сделал, при его посредстве, популярным Мусоргского, забракованного многими знатоками, создал в своем театре огромный успех опере Римского-Корсакова «Садко» и содействовал этим пробуждению его творческой энергии и созданию «Царской невесты» и «Салтана», написанных для мамонтовской оперы и впервые здесь исполнявшихся. Здесь же, в его театре, где он показал нам ряд прекрасных оперных постановок своей режиссерской работы, мы впервые увидели, вместо прежних ремесленных декораций, ряд замечательных созданий кисти Поленова, Васнецова, Серова, Коровина, которые, вместе с Репиным, Антокольским и другими лучшими русскими художниками, почти выросли и, можно сказать, прожили жизнь в доме и семье Мамонтовых. Наконец, кто знает, может быть, без него и великий Врубель не смог бы пробиться вверх, к славе. Ведь его картины были забракованы на Нижегородской всероссийской выставке, и энергичное заступничество Мамонтова не склонило жюри к более сочувственной оценке. Тогда Савва Иванович, на собственные средства, выстроил целый павильон для Врубеля и выставил в нем его произведения. После этого художник обратил на себя внимание, был многими признан и впоследствии стал знаменитостью.

Дом Мамонтовых находился на Садовой, недалеко от Красных ворот и от нас. Он являлся приютом для молодых талантливых художников, скульпторов, артистов, музыкантов, певцов, танцоров. Мамонтов интересовался всеми искусствами и понимал их. Раз или два раза в год в его доме устраивался спектакль для детей, а иногда для взрослых. Чаще всего шли пьесы собственного создания. Их писал сам хозяин или его сын...» О своем отце немало говорит и Всеволод Саввич Мамонтов в своей книжке «Воспоминания о русских художниках».

К характеристике Станиславского он прибавляет, что всем, что делал Савва Иванович, тайно руководило искусство. И в Мурманске, и в Архангельске, и в оживлении Севера было много жажды красивого, и в его философии и религии сквозило искусство, и в важном, таком страшном, толстом портфеле пряталось искусство.

С именем Саввы Ивановича и жены его, Елизаветы Григорьевны, урожденной Сапожковой, тесно связано одно из замечательных начинаний в области русского народного искусства: знаменитое Абрамцево. Это имение, расположенное в 12-ти верстах от Троице-Сергиевской лавры, на берегу живописной речки Вори, было куплено Мамонтовым в 1870 году у Софьи Сергеевны Аксаковой, последней представительницы семьи автора «Детские годы Багрова внука». Это была аксаковская подмосковная усадьба. В новых руках она возродилась и скоро стала одним из самых культурных уголков России.

Об Абрамцеве много написано, и я не имею возможности останавливаться на нем подробно. Напоминаю только, что там был создан ряд мастерских и школ, которые дали мощный толчок развитию русского кустарного дела и популяризации всякого рода кустарных изделий.

У гостеприимных хозяев Абрамцева собирался весь цвет русского искусства: музыканты, певцы и особенно художники — Репин, Васнецов, Серов, Антокольский и др.

«Направление старших, — пишет Н. В. Поленова в своих воспоминаниях «Абрамцево», — не могло не отразиться на молодом поколении, на детях Мамонтовых и их товарищах. Под влиянием Абрамцева воспитывались художественно будущие деятели на разных поприщах искусства, отсюда вышли Андрей и Сергей Мамонтовы, их друг детства Серов, Мария Васильевна Якунчикова-Вебер и, наконец, Мария Федоровна Якунчикова, урожденная Мамонтова, племянница Саввы Ивановича, явившаяся преемницей в начатом Елизаветой Григорьевной деле художественного направления кустарных работ крестьян».

Абрамцевым особенно занималась Елизавета Григорьевна Мамонтова, которой долгое время помогала художница Елена Дмитриевна Поленова.

Но и сам хозяин немало вложил своего в эти начинания. Его, как скульптора, интересовала керамика, и он завел гончарную мастерскую, где наряду с другими художниками сам лепил.

В конце прошлого столетия С. И. Мамонтову пришлось пережить тяжелое испытание и глубокую внутреннюю драму: в постройке и эксплуатации Ярославской железной дороги были обнаружены злоупотребления и растраты, и Мамонтову, как и его коллегам по правлению, пришлось сесть на скамью подсудимых. Злоупотребления, несомненно, были, но, с другой стороны, вся эта «Мамонтовская панاما», как тогда говорили, была одним из эпизодов борьбы казенного и частного железнодорожного хозяйства. Чтобы осуществить выкуп дороги, министерство финансов, скупавшее акции через Петербургский Международный банк, старалось сделать ответственным лишь Мамонтова за весь ход дела. В Москве общественные симпатии были на стороне Саввы Ивановича, и его считали жертвой. Оправдательный приговор был встречен бурными аплодисментами, но все-таки это дело разорило этого выдающегося человека.

П. Бурьшкин

НАЙДЕНОВЫ

Происходили из мастеровых фабрики купцов Колосовых. Они были уроженцы села Батыева Суздальского уезда, принадлежавшего шелковым фабрикантам Колосовым. В 1765 году были переселены в Москву. Родоначальником семьи считается красильный мастер Егор Иванович. Сын его, Александр Егорович, уже начал сам торговать. Во время французского нашествия он уже был торговцем и другом известного Верещагина. Потом перешел к производству и устроил небольшую фабрику, работавшую шали.

Был он женат на Татьяне Никитишне Дерягиной. У него было три сына: Виктор, Николай, Александр Александровичи и дочери — Мария Александровна Ремизова, Ольга Александровна Капустина, Анна Александровна Бахрушина.

Самым выдающимся представителем семьи Найденовых был, вне сомнения, Николай Александрович. В течение долгих лет он занимал одно из самых первых мест в московской общественности и работал в разных направлениях. В течение 25 лет с лишним он был председателем Московского биржевого комитета, который в ту пору — конец прошлого столетия — был единственной промышленной организацией Московского района. Громадный рост текстильной, в особенности хлопчатобумажной индустрии, имевшей место в те годы, в значительной степени был облегчен деятельностью биржевого комитета, и в этом отношении заслуги его председателя

были значительны и несомненны. Именно в период возглавления им московской торгово-промышленной общественности у биржевого комитета создался тот престиж, который внешне выявлялся в том, что новоназначенный руководитель финансового ведомства долгом своим почитал приезжать в Москву и представляться московскому купечеству.

Помимо биржи, Николай Александрович уделял немало времени и внимания и работе в Московском купеческом обществе. Но здесь по преимуществу он работал в другой области. Вместе со своим другом, известным русским историком И.Е. Забелиным, он взял инициативу собрать и напечатать архивные документы, которые могли бы служить источником для истории московского купечества, а именно — ревизские, окладные, переписные книги, общественные приговоры и пр. Найденовская инициатива встретила живой отклик среди выборных купеческого общества: в девяностых годах было издано 9 томов, заключающих данные десяти ревизий (первая — в 20-х годах XVIII века, при Петре Великом, десятая — при Александре II, в 1857 году). Кроме того, вышло несколько дополнительных томов, содержащих переписные книги XVII века, окладную книгу 1798 года и другие документы.

Данными, извлеченными из этого огромного труда, я пользуюсь в своем изложении.

Изданием материалов для истории московского купечества не исчерпывается забота Найденова об опубликовании исторических документов. Им лично были собраны, переведены и напечатаны многочисленные извлечения из описаний Московии, содержащиеся в различных трудах иностранцев, приезжавших туда в XVI — XVIII веках. Главным образом, были напечатаны карты, планы и гравюры, которые мало кому были известны. Все это составило 4 или 5 сборников.

Но самым примечательным памятником, оставленным Николаем Александровичем, было издание, посвященное московским церквам. В ту же примерно эпоху по его инициативе и на его средства были сняты фотографии, большого альбомного размера, всех московских церквей (сорока сороков). Подлинник — фотографии — составлял шесть больших альбомов. С подлинника были перепечатки с литографиями и коротким текстом.

В моей коллекции были все найденовские издания, хотя они были напечатаны в очень небольшом количестве экземпляров, иногда менее 25-ти: по моей просьбе мне подобрал их сын Николая Александровича, Александр Николаевич. Все эти издания, вместе взятые, представляли необычайно ценный материал по истории города Москвы. Не думаю, чтобы в каком-либо другом городе мира было собрание такой же ценности исторических документов трудами одного человека, и не профессионального историка, а

любителя, желавшего послужить родной стране и родному городу.

Городу Николай Александрович служил и своим участием в городском общественном управлении, где был одним из активных гласных. Характерно было, в особенности для того времени, то, что он старался найти среди культурных элементов купечества лиц, подходящих для участия в Городской думе. Покойный Л. Л. Катуар, впоследствии так много поработавший для города Москвы, рассказывал мне, что это был именно Н. А. Найденов, который убедил его в том, чтобы войти в состав гласных Московской думы. И он подчеркивал, что его убедил тот аргумент, который приводился Найденовым: если городское положение, с его высоким избирательным цензом, возлагает на купечество, где все почти были домовладельцами, ответственность за руководство городским хозяйством, то прямой долг всех грамотных представителей этого сословия принять действительное участие в руководстве хозяйственной жизнью своего города. «А ведь наш город — это Москва, первопрестольная столица», — прибавил Найденов. И Л. Л. Катуар свидетельствовал мне, что он был далеко не единственный, кого привлек к городской жизни неутомимый Николай Александрович.

Вот так описывает Н. А. Найденова В. П. Рябушинский, хорошо его знавший. Указав, что фигура Николая Александровича очень показательна для купеческой Москвы последней трети XIX века, он продолжает:

«Значение и авторитет Н. А. Найденова в ней, т.е. в Москве, были тогда очень велики. Маленький, живой, огненный, — таким он живет у меня в памяти; не таков казенный тип московского купца, а кто мог быть им более, чем Николай Александрович. Так все в Москве: напишешь какое-нибудь правило, а потом самым характерным явлением — исключение. Как в грамматике, он делал свое купеческое ремесло, и хорошо делал, но главное его занятие было общественное служение... Жило в нем большое московское купеческое самосознание, но без классового эгоизма. Выросло оно на почве любви к родному городу, к его истории, традициям, быту. Очень поучительно читать у Забелина, как молодой гласный Московской думы отстаивал ассигновки на издание материалов для истории Москвы. Что-то общее чувствуется в мелком канцеляристе Забелине, будущем докторе русской истории, и в купеческом сыне Найденове, будущем главе московского купечества».

Мне довелось еще встречаться с Николаем Александровичем, но немного. Видел я его два-три раза. Воспоминание о нем такое же, как у Рябушинского. Думается мне, что слово «огненный» тут вполне уместно.

Но я очень хорошо знал семью Александра Александровича, о которой я уже упоминал. С А. А. Найденовым, который принимал большое участие в промышленной и банковской жизни, мы встречались в правлениях раз-

ных предприятий, в частности в Северном страховом обществе, где он был директором правления.

Александра Герасимовна Найденова, одна из самых крупных московских домовладелиц, была также одной из самых больших благотворительниц, Яузское попечительство о бедных так и называлось «Найденовским». Она была большим знатоком русского фарфора, и дом ее на Покровском бульваре был как бы маленьким музеем. Я не раз бывал в этом доме, где принимали с легендарным найденовским гостеприимством.

Старший сын, Александр Александрович младший, был членом Совета Московского купеческого банка и Московского биржевого общества. Младший, Георгий Александрович, благополучно здравствует, проживает в Париже. Нас с ним связывает более чем пятидесятилетняя дружба.

П. Бурыйкин

СОЛДАТЕНКОВЫ

Происходят из крестьян деревни Прокуниной Коломенского уезда Московской губернии. Родоначальник их, Егор Васильевич, значится в московском купечестве с 1797 года. Но известной эта семья стала лишь в половине XIX века, благодаря Кузьме Терентьевичу, внуку родоначальника. О К.Т. Солдатенкове очень много говорит в своих воспоминаниях П. И. Щукин и приводит немало подробностей, характеризующих этого замечательного человека и современную ему эпоху и среду, в которой он вращался. Эту среду нельзя в строгом смысле слова назвать «купеческой» преимущественно. Там были представители интеллигенции. Были, конечно, и купцы, начиная с семьи Щукиных. С Иваном Васильевичем его связывала тесная дружба в течение более чем пятидесяти лет.

В былое время Кузьма Терентьевич торговал бумажной пряжей, но также занимался дисконтом. Впоследствии стал крупным пайщиком ряда мануфактур, банков и страховых обществ.

К. Т. Солдатенков снимал лавку в старом Гостином дворе, состоявшую из двух комнат, верхней и нижней. В верхней он обыкновенно занимался чтением газет, а в нижней И. И. Барышев, его конторщик и управляющий, стоял или сидел за конторкой и, если не было дела, то писал фельетоны для «Московского листка» под псевдонимом Мясницкий. Псевдоним этот был взят потому, что Барышев жил в доме Солдатенкова, на Мясницкой улице. В этом доме, где жил и сам Кузьма Терентьевич, было несколько богато отделанных комнат, имелось много хороших картин русских художников, большая библиотека и молельня. В последней служил сам Кузьма Терентьевич вместе со своим дальним родственником, торговцем церковными ста-

ропечатными книгами, Сергеем Михайловичем Большаковым, для чего оба надевали кафтаны особого покроя... Как пишет П. И. Щукин, «Солдатенков был старообрядец по Рогожскому кладбищу, что не мешало ему жить с француженкой, Клемансой Карловной Дюпюи. Клеманса Карловна очень плохо знала по-русски, а Кузьма Терентьевич, кроме русского, не говорил ни на одном языке».

У К. Т. Солдатенкова была большая библиотека и ценное собрание картин, которые он завещал Московскому Румянцевскому музею. Но самым главным вкладом в русскую культуру была его издательская деятельность. Его ближайшим сотрудником в этой области был известный в Москве городской деятель Митрофан Павлович Щепкин, отец Дмитрия Митрофановича, ближайшего, в свою очередь, сотрудника князя Г. Е. Львова по Земскому союзу и Временному правительству. Под руководством М. П. Щепкина было издано много выпусков, посвященных классикам экономической науки, для чего были сделаны специальные переводы. Эта серия издания, носившая название «Щепкинской библиотеки», была ценнейшим пособием для студентов, но уже в мое время — начало этого столетия — многие книжки стали библиографической редкостью.

Кузьма Терентьевич оставил много средств на дела благотворительности, в частности, для постройки городской больницы.

Коллекция картин К. Т. Солдатенкова является одной из самых ранних по времени ее составления и самых замечательных по превосходному и долгому существованию.

Собирать картины он стал еще с конца сороковых годов, но решающим моментом была его поездка в Италию в 1872 году, где он сошелся, через братьев Боткиных, с знаменитым художником А. А. Ивановым и попросил его «руководства» для основания русской картинной галереи. В дальнейшем Кузьма Терентьевич просил Иванова покупать для него, что тот заметит хорошего у русских художников. «Мое желание, — писал он, — собрать галерею только русских художников». Иванов охотно это поручение принял, и постепенно у Солдатенкова собралась огромная коллекция, где было немало самых прекрасных образцов русской живописи, как, например, эскиз картины «Явление Христа народу» А. А. Иванова.

К. Т. Солдатенкову принадлежало весьма живописное подмосковное имение Кунцево. Он там всегда проживал летом; там же было немало дач, сдававшихся на лето. Жила там семья Щукиных, а по соседству находилась дача барона Кнопа. У Кузьмы Терентьевича постоянно кто-нибудь гостил, а иные приезжали обедать из Москвы, благо, это было недалеко. Приезжали туда И. С. Аксаков, историк И. Е. Забелин, М. П. Щукин, А. А. Козлов, в ту пору генерал-лейтенант и почетный опекун, художник Лагорио, врачи

Кетчер и Пикулин и др. Бывал всегда и кто-либо из Щукиных. Хозяин принимал всегда радушно, но без излишней роскоши. На одном таком обеде Н. И. Щукин сказал: «Угостили бы вы нас, Кузьма Терентьевич, спаржей», — на что К. Т. возразил: «Спаржа, батенька, кусается: пять рублей фунт».

Я воспроизвел этот эпизод для того, чтобы показать, что пресловутое легендарное московское хлебосольство состояло не в роскоши застольной трапезы. Оно выражалось в умении хозяина составить программу обеда и в способности создать приятную для приглашенных обстановку. Незадолго до последней войны в некоторых домах московских снобов на больших приемах, когда ужин готовил либо «Эрмитаж», либо «Прага», завели обычай давать карточку. Ужинавший мог заказать что угодно. Старые любители покушать строго осуждали это нововведение. «Если ты меня зовешь и хочешь приветствовать, — говорили они, — то избавь меня от заботы думать, чего бы вкусного я съел. А в трактир я и сам могу пойти — денег хватит».

П. Бурышкин

ТРЕТЬЯКОВЫ

Происходили из старого, но небогатого купеческого рода. Елисей Мартьянович Третьяков, прадед Сергея и Павла Михайловичей, из купцов города Малого Ярославца, прибыл в Москву в 1774 году семидесятилетним стариком с женой Василисой Трифоновной, урожденной Бычковой, и двумя сыновьями, Захаром и Осипом. В Малоярославце купеческий род Третьяковых существовал еще с 1646 года.

В 1800 году Захар Елисеевич остался вдовцом с малолетними детьми, снова женился в 1801 году; от второй жены Авдотьи Васильевны родился сын Михаил. В 1831 году Михаил Захарович женился на Александре Даниловне Борисовой. Он скончался в 1850 году, 49-ти годов от роду. У него были дети: старший сын Павел Михайлович, родившийся в 1832 году, Сергей Михайлович (1834), Елизавета Михайловна (1835), Софья Михайловна (1839) и Надежда Михайловна. Павел Михайлович был женат на Вере Николаевне Мамонтовой, Сергей Михайлович — на Елизавете Сергеевне Мазуриной. Елизавета Михайловна была замужем за Владимиром Дмитриевичем Коншиным, Софья Михайловна — за Александром Степановичем Каминским. Надежда Михайловна — за Яковом Федоровичем Гартунгом.

Все дети получили полное домашнее образование. Учителя ходили на дом, и Михаил Захарович сам следил за обучением детей.

История рода Третьяковых в сущности сводится к жизнеописанию двух братьев, Павла и Сергея Михайловичей. Не часто бывает, чтобы имена двух

братьев являлись так тесно связаны друг с другом. При жизни их объединяли подлинная родственная любовь и дружба. В вечности они живут как создатели галереи имени братьев Павла и Сергея Третьяковых.

Оба брата продолжали отцовское дело, сначала торговое, потом промышленное. Им принадлежала известнейшая Новая Костромская мануфактура льняных изделий. Они были льнянщики, а лен в России всегда почитался коренным русским товаром. Славянофильствующие экономисты вроде Кокорева всегда восхваляли лен и противопоставляли его иноземному американскому хлопку.

Торговые и промышленные дела Третьяковых шли очень успешно, но все-таки эта семья никогда не считалась одной из самых богатых; упоминая об этом, подчеркиваю, что при создании своей знаменитой галереи Павел Михайлович тратил огромные, в особенности по тому времени, деньги, может быть, несколько в ущерб благосостоянию своей собственной семьи.

Оба брата усердно занимались своими промышленными делами, но это не мешало им уделять немало времени и иной деятельности: оба они широко занимались благотворительностью, в частности ими было создано весьма ценное в Москве Арнольдо-Третьяковское училище для глухонемых. Было и другое: Сергей Михайлович много работал по городскому самоуправлению, был городским головой. Павел Михайлович целиком отдал себя собиранию картин. Оба брата были коллекционерами, но Сергей Михайлович собирал как любитель; Павел Михайлович видел в этом своего рода миссию, возложенную на него Провидением.

О Третьяковской галерее существует целая литература.

Недавно в Советской России была опубликована книга, составленная его дочерью, Александрой Павловной Боткиной, «Павел Михайлович Третьяков в жизни и искусстве». Нет поэтому, думаю мне, оснований подробно здесь на этом останавливаться. Я приведу лишь для полноты характеристики несколько строк, обрисовывающих то, как он сам понимал свою миссию: в своем заявлении в Московскую городскую думу о передаче Москве его галереи и галереи его покойного брата он писал, что делает это, «желая способствовать в дорогом мне городе полезным учреждениям, содействовать процветанию искусства в России и вместе с тем сохранить на вечное время собранную мной коллекцию». Эта же последняя мысль нашла отражение в его приписке к духовному завещанию, сделанной незадолго до его смерти. Давая иное назначение завещанному капиталу на приобретение новых картин, он говорит: «Нахожу не полезным и не желательным для дела, чтобы Художественная галерея пополнялась художественными предметами после моей смерти, так как собрание и так уже очень велико и еще может увеличиться, почему для обозрения может сделаться утомительным,

да и характер собрания может измениться, то я по сему соображению...» — и т.д.

Нужно сказать, что эта приписка, о юридическом значении которой юристы немало спорили, осталась невыполненной, и галерея стала менять свой характер еще до революции, когда во главе ее стоял И. Грабарь.

Передачу галереи городу Павел Михайлович хотел произвести возможно более тихо, без всякого шума, не желая быть в центре общего внимания и объектом благодарности. Ему это не удалось, и он очень был недоволен. Его особенно огорчил собранный в Москве съезд художников, на который он не пошел, и статья В.В. Стасова в «Русской старине». Эта статья появилась в декабрьской книжке 1893 года и произвела большое впечатление. В ней впервые было обрисовано то значение, которое имело третьяковское собирательство картин для развития русского искусства и, в частности, живописи. Вот как характеризует Стасов Третьякова как собирателя: «С гидом и картой в руках, ревностно и тщательно, пересмотрел он почти все европейские музеи, переезжая из одной большой столицы в другую, из одного маленького итальянского, голландского и немецкого городка в другой. И он сделался настоящим, глубоким и тонким знатоком живописи. И все-таки он не терял главную цель из виду, он не переставал заботиться всего более о русской школе.

От этого его картинная галерея так мало похожа на другие русские наши галереи. Она не есть случайное собрание картин, она есть результат знания, соображений, строгого взвешивания и, всего более, глубокой любви к своему дорогому делу. Крамской писал ему в 1874 году: «Меня очень занимает, во все время знакомства с вами, один вопрос: каким это образом мог образоваться в вас такой истинный любитель искусства. Я очень хорошо знаю, что любить разумом очень трудно».

От брака с В. Н. Мамонтовой у Павла Михайловича было шесть человек детей — два сына и четыре дочери. Один из сыновей, Иван, умер восьмилетним мальчиком, другой, Михаил, пережил отца, но был болен душевной болезнью. Из дочерей две, — Александра и Мария, — были замужем за двумя братьями Боткиными, Сергеем и Александром Сергеевичами. Сергей Сергеевич был доктором медицины, в дальнейшем — лейб-медиком, как и его отец Сергей Петрович. Вера Павловна была женой известного музыканта А. И. Зилоти, а Любовь Павловна вышла за художника Н. И. Гриценко.

У Сергея Михайловича от первого брака (с Елизаветой Сергеевной Мазуриной) был сын Николай Сергеевич, скончавшийся сравнительно рано; других сыновей у него не было. Николай Сергеевич был женат на Александре Густавовне Дункер, сестре инженера К. Г. Дункера.

У них было два сына и три дочери. Старший сын, известный общест-

венный деятель Сергей Николаевич Третьяков, женат на Н. С. Мамонтовой.

П. Бурьшкин

ЩУКИНЫ

I

Благодаря выгодному своему географическому положению, Москва с первых же годов своего существования начала завоевывать видное место не только в политическом отношении, но и становится центром внутренней торговли в России. В центре ее основывается исключительно торговая часть (Китай-город), застроенная одними торговыми лавками и обнесенная стеною (1535 г.). Торговали там русские торговые люди, по своему происхождению частью горожане, частью слобожане и посадские люди, и притом не все свободные, между ними много было людей, принадлежавших монастырям и частным лицам. Торгово-промышленное сословие Москвы в течение целого ряда веков пополнялось и пополняется выходцами из других городов и селений; когда энергичному промышленнику-предпринимателю или коммерсанту становится тесно у себя на родине, он старается перенести свою деятельность в Москву. Среди громадного количества крупнейших московских торгово-промышленных фамилий найдется очень немного таких, которых прошлое за 150-200 лет до наших дней принадлежало бы Москве. Устроившись в столице, такой предприниматель всегда продолжал то дело, с которым освоился на месте.

У промышленника главною двигательною силою является знание производства, а у коммерсанта — его капитал. В истории мануфактурной промышленности только в последнее время стало наблюдаться соединение в одних руках производства товара с оптовою и розничною торговлею им. В те времена, когда существовала помещичья фабрика и не было большой капиталистической фабрики, купец был скупщиком готового фабриката, если суровье было местного производства; когда же суровье являлось привозным продуктом, как, например, бумажная пряжа для ткача или миткаль для красильщика, то в этом случае оптовый торговец являлся заказчиком работы — «давальцем». В деле развития хлопчатобумажной промышленности «давальцы» и оптовые скупщики сыграли большую роль: располагая готовым суровьем, и безденежный фабрикант имел возможность вести фабричное дело, малосильный или мелкий производитель не в состоянии был бы для сбыта товаров открыть собственную торговлю, которая у нас в России искони ведется при наличности долгосрочных кредитов. Разумеется, далеко не бескорыстно капиталист-скупщик являлся посредником между фабрикантом и розничным торговцем. В ранний период хлопчатобу-

мажной промышленности вся оптовая торговля готовым фабрикатом сосредоточилась в руках 15-20 крупных скупщиков, которые держали в своих руках и фабрики, и рынки. Они давали чувствовать фабрикантам, что без них, без их финансовой поддержки фабрики существовать не могут, а в то же время, стоя далеко от производства, они были заинтересованы больше в дешевизне, чем в качестве товаров; были даже сорта товаров, составлявшие монополию не фабрики, а заказчика. В 70-х и 80-х годах прошедшего столетия такими скупщиками на московском рынке были Харузин, Оконишников, Щукин, братья Щаповы, Дунаев, Алексеев, Карцев, Лебедев, К. Прохоров и др. За последние 30 лет многие из этих фирм сошли со сцены, а на их место народились новые, но уже не столь могучие, чтобы вершить дела фабрик, ставших на ноги. В настоящее время Торговый дом Щукиных среди скупщиков хлопчатобумажных изделий занимает первое место.

Родоначальником этой одной из старых торговых фирм в Москве был Василий Петрович Щукин, уроженец города Боровска Калужской губернии. В конце семидесятых годов XVIII века Василий Петрович учредил в Москве торговлю мануфактурным товаром и продолжал ее в течение пятидесяти лет; сын его Иван Васильевич в 1838 году основал собственное торговое дело под фирмою «Иван Васильевич Щукин», которую в 1878 году преобразовал в Торговый дом «И. В. Щукин с сыновьями». При этом в дело были приняты четыре его сына: Николай, Петр, Сергей и Дмитрий Ивановичи. В 1881 году Николай Иванович Щукин вышел из дела и вступил в качестве директора правления в дело товарищества Даниловской мануфактуры. После смерти Ивана Васильевича в 1890 году (он умер 75-ти лет) дело продолжали его сыновья. После смерти Николая Ивановича Щукина, в 1912 году, вступили в дело сын Сергея Ивановича Щукина — Иван Сергеевич и Георгий Федорович Фридрихсон.

Покойный Николай Иванович Щукин был коллекционер, любитель старины; в его собрании находится много старинных рукописей, кружев, различных тканей и др. Для собранных предметов Николай Иванович в Москве, на Малой Грузинской, выстроил прекрасное здание в русском стиле. По завещанию Николая Ивановича, вся его коллекция, вместе с домом, поступила в собственность Исторического музея, в здание которого в настоящее время и перевозятся предметы Щукинского музея.

Сергей Иванович Щукин имеет картинную галерею из работ французских художников.

Торговый дом Щукиных производит продажу, главным образом, ситцев Иваново-вознесенского района следующих фабрик: товарищества Куваевской мануфактуры, товарищества Никанора Дербенева с-ей, товарищества мануфактур Н. М. Полушина н-ки, товарищества А. М. Гандурина с

братьями, товарищества Никона Гарелина, товарищества мануфактур Фокиных, а также товарищества Шуйской мануфактуры в городе Шуе и товарищества Прохоровской Трехгорной мануфактуры в Москве.

Торговый дом ведет обширную торговлю при большом торговом обороте, продавая товары во все места Центральной России, а также в Сибирь, на Кавказ, Урал, в Среднюю Азию и Персию. В последние годы Торговый дом, кроме ситцев, платков, бельевых, одежных товаров и бумажных тканей, начал продавать в значительном размере шерстяные, шелковые и льняные товары.

Ч.М. Иоксимович

II

Родоначальник этой замечательной семьи Петр Щукин происходил из купечества города Боровска Калужской губернии. Он переселился в Москву во второй половине XVIII века и стал торговать. Род Щукиных упоминается в московских писцовых книгах с 1787 года.

Его сын, Василий Петрович, продолжал его дело. Он скончался в 1836 году, 80-ти лет от роду; надо думать, что он не родился в Москве, а пришел в нее вместе со своим отцом из Боровска.

Сын его, Иван Васильевич, *был* подлинным основателем щукинской династии. При нем их фирма и его семья заняли то первенствующее место в торгово-промышленной Москве, которое они с той поры неукоснительно занимали.

И. В. Щукина подробно описал в своих воспоминаниях его сын Петр Иванович. Из них я позаимствую лишь несколько строк, добавив, что Иван Васильевич был, несомненно, один из самых — не побоюсь сказать — гениальных русских торгово-промышленных деятелей. Его престиж и влияние в Москве были чрезвычайно велики. И вовсе не из-за его богатства. В Москве тогда было много богатых людей, может быть, даже богаче Щукиных, но которые не пользовались далеко тем почетом, который приходился на долю Щукиных. Щукинская фирма была одной из самых уважаемых в Москве.

Вот как говорит Петр Иванович в своих воспоминаниях про своего отца: «Отец вел очень деятельную жизнь. Как человек уже пожилой, он ложился спать рано и вставал тоже рано; в театрах отец обыкновенно не досиживал до конца представления, и в ложах Московского Большого театра, где имеется комнатка с диваном, обыкновенно засыпал во время итальянской оперы, несмотря на то, что очень ее любил. По утрам из всей нашей семьи вставал раньше всех отец. Перед тем как спуститься в столовую,

пить кофе в халате и туфлях, отец вызывал к себе повара Егора...

Отец любил красное вино и был большим его знатоком. Шампанское он не переносил. Сладкое варенье еще посыпал сахаром...

Отец был сильный брюнет, но с годами волосы на голове и борода стали у него седеть, только одни брови, которые были у него чрезвычайно густые, оставались черными. У отца были такие выразительные глаза, что от одного его взгляда дети моментально переставали реветь; взгляд отца действовал и на взрослых; говорил он всегда очень громко, все равно, было ли это дома, в гостях или на улице. Даже за границей говорил на улице так громко, что прохожие оборачивались; речь у него была ясная и выразительная. Вот два его характерных выражения: об одном мужчине, у которого было много волос на голове, отец сказал, что «у него волос на три добрых драки», об одном горьком пьянице отец выразился так: «Пьет запоем, да еще каждый день пьян».

Иван Васильевич был женат на старшей дочери П. К. Боткина, и это делало его родней многих именитых купеческих фамилий того времени. У него было шесть сыновей и, кажется, пять дочерей. Все сыновья: Петр, Сергей, Николай, Владимир, Дмитрий и Иван Ивановичи — принимали участие в Щукинской фирме, но многие из нее впоследствии вышли, по тем или иным обстоятельствам. Из дочерей, кажется, ни одна не была замужем за представителем купеческой фамилии.

Из сыновей Ивана Васильевича самыми известными были Петр, Сергей и Иван Ивановичи.

Петр Иванович, автор воспоминаний, столь ценных для купеческой Москвы, был одним из самых известных в Москве коллекционеров русской старины. Он отличался от других тем, что не только собирал, но и популяризировал собранные им сокровища. Им было составлено подробное описание его музея, а самые интересные документы из его коллекции он полностью перепечатывал в издаваемом им «Щукинском сборнике». Вышло 10 томов этого сборника и, кроме того, три тома бумаг, относящихся к Отечественной войне 1812 года.

Его коллекции были переданы в Исторический музей в Москве; за это его также сделали «генералом». Я очень хорошо его помню: не раз он показывал мне свой музей. Он любил ходить в форменной шинели ведомства народного просвещения, с синими отворотами. Напоминал видом почтенного директора какой-нибудь гимназии.

Сергей Иванович занимает совершенно исключительное место среди русских — и московских — самородков-коллекционеров. Собирал он картины современной французской живописи. Можно сказать, что вся французская живопись начала текущего столетия: Гоген, Ван Гог, Матисс, часть

их предшественников, Ренуар, Сезанн, Монэ, Дега — находится в Москве, и у Щукина, и, в меньшей степени, у Ивана Абрамовича Морозова.

В щукинской коллекции замечательно то, что Сергей Иванович показал картины того или иного мастера в то время, когда он не *был* признан, когда над ним смеялись и никто не считал его гением. Покупал он картины за грош, и не по своей скарედности и не по желанию прижать или притеснить художника, но потому, что картины его не продавались и цены на них не было.

Но как бы то ни было, щукинское собрание стало изумительным по своей ценности музеем новой французской живописи, которому не было равного ни в Европе, ни в самой Франции. Когда в 1917 году, после Февральской революции, в Москву приезжали два французских депутата-социалиста — Мариус Мутэ и Марсель Кашэн, то я — в то время товарищ городского головы — был назначен сопровождать этих именитых гостей. Я помню, что один из них, кажется Мутэ, попросил меня устроить им возможность ознакомиться со щукинской, морозовской коллекциями.

И. А. Морозов наотрез отказал, сказав, что его картины упакованы, так как он собирается увозить их из Москвы. А С. И. Щукин не только согласился, но сам подробно свои галереи показал. Я помню, что Мутэ мне сказал после осмотра: «Вот видите, наша буржуазия все эти сокровища пропустила, и ее не трогают, а ваша их собрала, и вас преследуют».

Сергей Иванович обладал, несомненно, исключительным даром распознавать подлинные художественные ценности и видел их еще тогда, когда окружающие их не замечали. Это и дало ему возможность создать свое изумительное собрание, что и сотворило ему всеевропейскую славу. Он сам мне рассказывал, что когда уже в беженстве он обосновался в Париже, то крупнейший торговец картинами просил его «начать кого-нибудь собирать». Он предлагал ему дать безвозмездно большое количество картин того или иного художника, с тем, что они смогут официально заявить, что картины этого художника собирает Щукин. Он заверил Сергея Ивановича, что в этом деле нет никакого элемента «благодетельности» и что они не проигрывают, а заработают. Сергей Иванович на это не пошел, но сказал, что если бы он мог собирать, то собирал бы Рауля Дюфи.

Есть и другой пример отношения Сергея Ивановича к своему «собирательству», к тому, как он смотрел на творимое им дело. В конце 20-х годов, с связи с попыткой советского правительства реализовать за границей русские художественные ценности, начались процессы о собственности на эти предметы искусства. Много говорили о процессе, начатом госпожой Палей, урожденной Карпович, морганатической женой великого князя Павла Александровича. Говорили также и о том, что С. И. Щукин собирается су-

дебным порядком выволить свои коллекции. Я помню, что когда я спросил Сергея Ивановича, верно ли это, он очень взволновался. Он всегда заикался, тут стал еще больше заикаться и сказал мне: «Вы знаете, я собирал не только и не столько для себя, а для своей страны и своего народа. Что бы на нашей земле ни было, мои коллекции должны оставаться там».

Сергей Иванович был годом старше моего отца, и у нас, следовательно, была большая разница лет: он был старше меня на 36 лет, но, несмотря на это, нас связывала — не боюсь это сказать — глубокая и искренняя дружба.

Сергей Иванович очень много путешествовал, был в Египте, странствовал по пустыне, организовав для этого особый караван; он мне говорил, что это было одно из самых сильных и приятных воспоминаний его жизни.

Он был женат два раза: на Лидии Григорьевне Кореновой и на Надежде Афанасьевне, по первому браку Конюс. От первого брака у него было три сына: Иван, Григорий и Сергей — и дочь Екатерина. Два сына, Григорий и Сергей, трагически покончили с собой в молодом возрасте. От второго брака — дочь Ирина.

Иван Сергеевич, которого я также очень хорошо знаю, окончил филологический факультет, был учеником профессора Ключевского. По инициативе Ивана Сергеевича Сергей Иванович выстроил Психологический институт при Московском университете. В эмиграции Иван Сергеевич переменил специальность: он блестяще защитил диссертацию на степень доктора Сорбонны по истории восточных искусств — Персии и Индии — и, будучи французским гражданином, работает и до сих пор, если не ошибаюсь, в области археологических раскопок где-то в восточных странах.

Говоря о щукинской семье, нужно вспомнить еще младшего брата Сергея Ивановича — Ивана Ивановича. Он не участвовал в торговом доме, был выделен и проживал в Париже, на авеню Ваграм. Он собирал русские книги, главным образом по истории русской философии и истории русской религиозной мысли. Был близок с русской эмиграцией первых лет текущего столетия, в частности с М. М. Ковалевским, и, когда существовала Высшая школа социальных наук, читал там лекции. Как многие из Щукиных, он был человек очень одаренный и интересный. У него постоянно собирались его друзья из русских интеллигентов Парижа. В конце его жизни его материальное положение пришло в расстройство, и на почве материальных затруднений он наложил на себя руки. Его библиотека была приобретена Школой восточных языков и является наилучшим русским книгохранилищем Парижа.

П. Бурыйшкін

КАЖДЫЙ РОД ЗНАМЕНИТ И СЛАВЕН

АБРИКОСОВЫ

I

Семья Абрикосовых в представлении жителей Москвы была связана с кондитерским производством. Абрикосовские конфеты, особенно абрикосовская пастила, яблочная и рябиновая, пользовались заслуженной славой. Но заслуги этой семьи перед родным городом шли гораздо дальше. Эта семья, как и другие московские купеческие семьи, дала немало представителей, получивших почетную известность на разных поприщах и даже в разных странах.

Абрикосовы происходят их крестьян села Троицкого Чембарского уезда Пензенской губернии, которое принадлежало Анне Петровне Балашовой. Фамилию свою они получили в 1814 году.

Родоначальником был Алексей Иванович Абрикосов, организовавший кондитерские фабрики в Москве и Симферополе. Паевое товарищество «А. И. Абрикосова сыновья» было создано в 1880 году. В начале текущего столетия фирма переживала финансовые затруднения. На первое место в Москве вышли фабрики Эйнем и Сиу.

Абрикосовская семья была очень велика, и, как это бывало обычно в больших купеческих семьях Москвы, многие члены семьи второго или третьего поколения ушли или в науку, или в либеральные профессии.

Алексей Иванович был известный доктор и, в частности, врач городского родильного дома имени А. А. Абрикосовой. Борис Иванович был присяжный поверенный.

Дмитрий Иванович — дипломат. Я помню его секретарем посольства в Токио в 1920 году.

С семьей Абрикосовых связано имя одного из крупнейших государственных деятелей Западной Европы, именно К. П. Крамаржа, известного чешского политика. Его жена, Надежда Николаевна, в первом браке была Абрикосова. Вот как рассказывает об этом браке Немирович-Данченко в своих воспоминаниях «Из прошлого»: «Пришел к нам и Крамарж, представитель национального объединения чехов; даже нарочно приехал для этого из Вены... В антракте он ходил на сцену, к актерам, к Станиславскому, при-

ветливый, улыбающийся... Он был с женой. Я встретился с ним однажды давно в Москве, у нее же в салоне, когда она еще была Абрикосова. Она была урожденная Хлудова, из рода крупнейших миллионеров Хлудовых, замужем за фабрикантом Абрикосовым. Как она сама, так и ее муж принадлежали к той категории московских купцов, которые тянулись к наукам, искусству и политике, отправлялись учиться за границу в Лондон, говорили по-французски и по-английски. От диких кутежей их отцов и дедов, с разбиванием зеркал в ресторанах, не осталось и следа. Абрикосов, кондитерский фабрикант, участвовал в создании журнала философии и психологии, а у его красивой жены был свой салон. Здесь можно было встретить избранных писателей, артистов, ученых. В ее полуосвещенной гостиной раздавался смех Владимира Соловьева, тогдашнего кумира философских кружков, смех, замечательный какой-то особой стеклянностью и который мне всегда казался искусственным; в углу дивана можно было видеть этого характерного красавца с длинными волосами и длинной бородой. Сколько русских актеров пользовались его фотографией, когда им надо было играть обаятельного ученого!

И вот однажды в этом салоне появился блестящий молодой политический деятель из Праги. В моей памяти никогда не удерживались подробности романтических историй, о которых шумели в Москве. Поэтому не могу удовлетворить любопытных читателей рассказом о том, как брат славянин увлек красивую хозяйку московского салона, как она вышла замуж и как променяла Москву на «Златую Прагу»...

Надежда Николаевна несомненно сыграла большую роль в «русофильстве» своего мужа. Чехи даже считали, что для него Россия стала второй родиной. Крамарж часто приезжал в Россию и обычно лето проводил в Крыму.

Семья Абрикосовых имеет еще одну особенность: это, насколько я знаю, чуть ли не единственная московская купеческая семья, некоторые представители которой ушли в католичество. Об этом даже в Москве было сравнительно мало известно, почему я и привожу одно из недавно появившихся сообщений из книги К. Н. Николаева «Восточный обряд»: «В Москве организатором русского католичества являлась Анна Абрикосова, из известного богатого купеческого дома. По окончании гимназии в Москве она училась в Оксфордском университете и в Англии перешла в католичество. Замуж вышла она за своего дальнего родственника, Владимира Абрикосова, который затем тоже перешел в католичество. Анна Абрикосова была женщиной образованной, знала иностранные языки, имела интерес к богословским предметам, была женщиной властной и в то же время экзальтированной.

Богатый и открытый дом Абрикосовых стал местом католической пропаганды в сердце православной Москвы. Бывало много православного народа из кругов высшего московского общества, бывали и люди бедные, студенты, курсистки. По-видимому, многие даже толком не знали, какую пропаганду ведет Абрикосова.

Абрикосова часто ездила за границу и дважды была принята Пием X, который, вероятно, с любопытством смотрел на эту представительницу богатой православной Московии — Третьего Рима. За границей она вступила в третий орден Св. Доминика, и Анна стала Екатериной, отдав себя под покровительство Екатерины Сиенской.

Жизнь Абрикосовой в Москве изменилась. Свой дом она обратила в подобие монастыря. Собралось несколько молодых русских девушек — до десяти. Абрикосова и монахини принадлежали к латинскому обряду, к приходу католической церкви Петра и Павла. Так продолжалось до 1917 года.

После революции католический митрополит Шептицкий положил начало правильной организации католиков восточного обряда и посвятил Владимира Абрикосова... Екатерина отдала всю себя монашеской деятельности и пользовалась общим уважением». В 1922 году Владимир Абрикосов был выслан за границу. Католический монастырь в Москве существовал до 1923 года. Екатерина была арестована, сослана сначала в Тобольск, потом переведена в Ярославскую тюрьму, где заболела раком. Она проявила большое смирение: в тюрьме и ссылке оказывала возможную помощь окружающим. Умерла она в Москве в 1936 году, пятидесяти лет от роду.

О. Владимир Абрикосов указывается как свидетельствующий о переходе Владимира Соловьева в католичество. Этот вопрос в свое время очень интересовал всех, знавших Соловьева. Интересовался им и о. Владимир, собравший ряд данных, которые как бы разрешают эту загадку в положительном смысле.

П. Бурышкин

П

Абрикосов Сергей Николаевич, директор кондитерской фабрики товарищества «А. И. Абрикосова сыновья». Сергей Николаевич родился в Москве в 1873 году. Среднее образование получил в гимназии, высшее — в Московском университете по физико-математическому факультету. По окончании образования вступил в число членов товарищества «А. И. Абрикосова сыновья» сначала кандидатом директора, а затем директором. Сергей Николаевич состоит председателем Московского общества фабрикантов кондитерского производства, председателем больничной кассы для ра-

бочих кондитерских фабрик города Москвы, старостой церкви при городской богадельне Геер.

АЛЕКСЕЕВЫ

Происходят они из крестьян сельца Добродеева Ярославской губернии, принадлежавшего Наталье Никифоровне Ивановой. Предок их, Алексей Петрович (1724-1775), был женат на дочери конюха графа П. Б. Шереметева. Он переселился в Москву и значится в списках московского купечества с 1746 года. У него было два сына — Семен и Василий. В 1795 году он торговал в серебряном ряду. У Семена Владимировича было три сына: Владимир, Петр и Василий Семеновичи. От них и пошли различные ветви этой многочисленной семьи.

Семья Алексеевых была весьма известна по своим заслугам и в промышленности, и в общественной областях, и в сфере искусства. Имя Константина Сергеевича Алексеева-Станиславского известно всему миру.

В промышленной области Алексеевская фирма товарищества «Владимир Алексеев» работала по хлопку и шерсти. У них были хлопкоочистительные заводы и шерстомойни. Было и огромное овцеводство и коневодство. Им принадлежит заслуга перенесения мериносовского овцеводства из Донской области в Сибирь. Частично им принадлежала и золотоканительная фабрика — позднее кабельный завод, где директором был Станиславский.

Промышленные дела Алексеевых сохранил в потомстве Владимир Семенович. Откуда и название фирмы. Главным ее руководителем был внук основателя, Владимир Сергеевич, брат Станиславского, сам человек чрезвычайно талантливый и большой знаток искусства.

Он принимал участие в спектаклях алексеевского кружка, из которого вышел Художественный театр. Был музыкант, режиссер, ставил оперы в театре Зимины.

Брат его, Борис Сергеевич, играл в Обществе искусства и литературы.

Из сестер: Мария Сергеевна Оленина-Лонг — певица; Анна Сергеевна Штекер выступала на сцене Художественного театра под фамилией Алеева; Зинаида Сергеевна Соколова была также артисткой.

О К. С. Станиславском, думается мне, говорить не приходится: о нем существует целая литература. Он сам оставил записки «Моя жизнь в искусстве», где говорит и о своем детстве.

В общественной деятельности Алексеевы дали Москве двух городских

голов: Александра Васильевича (1840-1841) и Николая Александровича (1881-1893). Последний был энергичным деятелем, сильно двинувшим вперед городское хозяйство. О нем в Москве ходила легенда, пользовавшаяся большой популярностью, потому что в ее основе был подлинный эпизод; к нему пришел один богатый купец и сказал: «Поклонись мне в ноги при всех, и я дам миллион на больницу». Кругом стояли люди, и Алексеев, ни слова не говоря, в ноги поклонился. Больница была выстроена.

Он был убит на своем посту каким-то душевнобольным. Его очень оплакивали. О нем сохранился рассказ, что он именно накануне смерти в ноги поклонился. Александр Семенович Алексеев был профессором и деканом юридического факультета Московского университета. Мои студенческие годы проходили во время его деканства. Я сохранил о нем память как о просвещенном и приятном человеке, пользовавшемся общей любовью и большим уважением.

Сын его, Григорий Александрович, был ближайшим помощником князя Львова по Земскому союзу.

П. Бурьшкин

АСЕЕВЫ

Трескинская суконная фабрика Александра Васильевича Асеева находится в Кузнецком уезде Саратовской губернии, при селах Николаевском хуторе и Трескине, в 3 верстах от станции «Асеевской» Сызрань-Вяземской железной дороги, и к настоящему ее владельцу перешла в 1878 году от А. И. Работкина. В 1878 году фабрика приводилась в движение исключительно водяными колесами, расходуя около 100 лошадиных сил, причем 25 сил брала находившаяся тут же при фабрике мельница.

Годовая выработка составляла в 1878 году 4 тысячи кусков, т.е. около 125 тысяч аршин грубого сукна.

Купив фабрику, Александр Васильевич Асеев в том же году путем постановки новых машин увеличил ее производительность вдвое.

В дальнейшем фабрика растет постепенно добавлением новых машин и благодаря замене старых машин новыми, более производительными; как движущая сила по-прежнему используется лишь вода, но водяные колеса заменяются турбинами.

В 1901 году была поставлена паровая машина в 325 лошадиных сил, и через 4 года фабрика с ручного ткачества перешла на механическое.

По мере расширения старые деревянные корпуса были перенесены, а на

их месте воздвигнуты новые, каменные, но перекрытия почти во всех корпусах делаются деревянными.

В 1913 году фабрика значительно расширяется. Построен первый неогороженный корпус с железобетонными перекрытиями, с гольц-цементным покрытием крыши.

В этом же году был поставлен большой двигатель внутреннего сгорания и новые машины, увеличившие производительность фабрики процентов на 40.

Специальность фабрики составляют грубые крестьянские сукна из русской и ордынской шерстей, и только часть фабрики занята казенными рядами, вырабатывая шароварное, Серошинельное, а также и мундирное сукна.

Из крестьянских товаров фабрика в большом количестве вырабатывает так называемые «бобрики» различных сортов и цветов, байки, неворсованные цветные сукна, а также за последнее время и трико. Главным образом фабрикаты продавались на юге России и на Кавказе. Торговлю фабрика производит из собственных постоянных складов в городах Харькове и Бердичеве Киевской губернии, ярмарочного склада в Ромнах Полтавской губернии и через комиссионные склады в Москве и Пензе.

По объявлении войны фабрика направлена на выработку исключительно солдатских сукон и за 12 месяцев сработала и отделила на нужды армии 44 349 кусков- 2 684 044 аршина.

При фабрике имеются больница на 20 кроватей с родильным отделением и школа на 150 учеников.

Во главе дела стоят: с 1878 года Александр Васильевич Асеев, с 1911 года инженер-механик Александр Александрович, а с 1915 года вступил и Владимир Александрович.

БРАТЬЯ АСЕЕВЫ

Суконные фабрики торгового дома «Братья М. и В. Асеевы» находятся в Тамбовской губернии. Первая фабрика при селе Рассказове в 5 верстах от станции «Платоновки» Русско-Уральской железной дороги. На этом расстоянии с 1903 года работает особый железнодорожный путь.

Фабрика при селе Рассказове была основана в 1854 году и перешла от их родителей к настоящим владельцам — действительному статскому советнику Михаилу Васильевичу Асееву и Мануфактур-Советнику Василию Тихоновичу Асееву.

Вторая фабрика основана в 1893 году близ города Моршанска, в одной

версте от станции «Моршанск» Северо-Восточной железной дороги на месте известной в свое время кутаисовской мельницы на реке Цне, которая сейчас же ниже запруды у фабрики делается судоходной.

Первоначально фабрики работали сукна из грубой шерсти, и только с 1891 года на Рассказовской фабрике началась работа и тонких сукон. Фабрики постепенно расширялись вследствие ежегодно возрастающего спроса на сукна, что зависело, главным образом, от того, что крестьяне, главные потребители грубых сукон, стали предпочитать фабричные изделия, как более красивые, своим собственным, да и шерсти осталось в их распоряжении очень мало ввиду сильного сокращения овцеводства.

В настоящее время фабрики перерабатывают ежегодно шерсти русской, ордынской, монгольской, бухарской, верблюжьей, козьего пуха и мериновой всего в мытом виде около 430 000 пудов. Шерсть покупается по возможности из первых рук, для чего в главнейших шерстяных рынках — Оренбурге, Акмолинске, Семипалатинске, Верном, Зайсане и пр. — имеются доверенные от фабрик и собственные шерстомойни, так что шерсть отправляется на фабрики в мытом виде. Для мытья шленской имеется на Рассказовской фабрике левиафам, а шерсть покупается в Тамбовской, Саратовской и Воронежской губерниях. Хотя фабрики потребляют мытой шерсти ежегодно около 430 000 пудов, но запасы шерсти приходится иметь значительно большие, так как шерсть поступает на фабрики крайне разнообразная, и для работы сукна известного типа необходима шерсть строго определенного качества; предвидеть же заранее, какая именно будет потребность каждого сорта сукна, невозможно. Кроме того, из отдаленных мест покупки шерсти, как, например, Улясутая, Кобдо, Кульджа и пр., откуда ближайшая железнодорожная станция находится в расстоянии от 700 до 1 500 верст, не удастся закупленную шерсть получить в том же году, а только летом следующего.

В настоящее время на фабриках работают паровые машины и двигатели внутреннего сгорания около 2 000 сил и 5 водяных турбин. Рабочих занято на фабриках около 4 700 человек, и работа идет в 3 смены, по 8 часов каждая. Рабочие почти все местные и живут в своих домах близ фабрик. Для фабричной же администрации имеются квартиры от фабрик, предоставляемые в пользование с отоплением и освещением бесплатно.

При фабрике в Рассказове имеются приют для сирот-малолеток бывших рабочих на 80 призорных; в здании приюта имеется домовая церковь, больница с особым заразным баракком на 36 коек и обширной амбулаторией, обслуживающей всех обращающихся за помощью с бесплатным отпуском лекарств. Для женщин-работниц имеются ясли, где малышки могут весь день оставаться под надзором особого персонала. На Моршанской фабрике

медицинская помощь оказывается на основании особого договора с земством местной земской больницей.

При фабриках работают общества потребителей — вполне самостоятельные учреждения, имеющие цель доставить служащим и рабочим продукты по недорогой цене и хорошего качества. Ежегодный оборот свыше 350 000 рублей.

Фабрики вырабатывают в обыкновенное время для вольной продажи разного рода сукна, бобрики, байки, одеяла, трико, половики и пр., но в настоящее время, по требованию правительства, работают исключительно для русской армии, а именно по годовым контрактам: сукна серого шинельного свыше 7 500 000 аршин, и сукна портяночного более 1 000 000 аршин — всего на сумму свыше 23 000 000 рублей.

Исключительный подъем энергии и колоссальную затрату всех наличных сил отечества вызвала европейская война, и нельзя не отметить, что в этом небывалом в летописях истории государственном и общественном напряжении фабрики «Бр. М. и В. Асеевых», всецело работая для нужд русской армии, вполне оправдали возложенный на них высокий долг и заслуженное долготелными трудами доминирующее положение среди суконной промышленности.

АРЗАМАСЦЕВЫ

Торговый дом «Бр. Ф. и И. Арзамасцевы» основан в 1902 году. Основателем Торгового дома был Арзамасцев Федор Данилович, родившийся в 1860 году и умерший в 1908 году, с братом Иваном Даниловичем. До основания Торгового дома фирма производила скупку зернового хлеба в селе Рудне Саратовской губернии под фирмою деда настоящих владельцев — Данила Савельевича — с 1871 года, после смерти его в 1888 году во главе дела стал Федор Данилович, и хлебная скупка с этого времени начала сильно развиваться и к 1892 году выражалась в 1 1/2, миллиона пудов в год. В 1892 году Федором Даниловичем был приобретен участок крепостной земли в 2 850 десятин при селе Журавке Краишевской волости Аткарского уезда Саратовской губернии, а в 1897 году — конский завод от дворянина Байшева и в 1904 году приобретена паровая вальцевая мельница, бывшая Туркина, в Балашове Саратовской губернии. В настоящее время заведуют всеми делами Торгового дома: Иван Данилович с сыновьями покойного Федора Даниловича — Евгением Федоровичем, родившимся в 1888 году, и Даниилом Федоровичем, родившимся в 1890 году, последние получили среднее образование. Количество зерна, перерабатываемого мельницею ежегодно до 1 700 000 пудов. Район деятельности по покупке зерна по большей части местный, по сбыту муки местный, Петроград, Москва, Ка-

луга, Тула и Смоленск. Рабочих, обслуживающих мельницу, 138 человек, служащих — 42 человека. Средний годовой оборот Торгового дома равняется 2 750 000 рублей.

БАЛИНЫ

В 1860 году помещик И. А. Протасьев выстроил бумагопрядильную фабрику на 16 000 веретен. Пять лет спустя он эту фабрику вместе с 8 500 десятин леса продал за 320 500 рублей крупному торговцу бумажной пряжей, миткалем и ситцами А. Я. Балину, который в 1868 году выстроил и ткацкую фабрику на 108 механические станки.

Дед Асигкрита Яковлевича, С. И. Балин, также имел соприкосновение с мануфактурой. В двадцатых годах прошлого столетия им было устроено в селе Дунилове Шуйского уезда Владимирской губернии маленькое красильное заведение, в котором и начал красить суровую китайку в синий — кубовый цвет, в подогретой кубовой краске, в так называемых «горячих кубах».

Для крашения в то время кусок суровой китайки, которую Семен Иваныч покупал в селе Вичуге у мелких мастерков — «станошников», разрезался на несколько концов по 8 или 10 аршин, а после крашения эти концы «убирались», т.е. связывались по 10 концов в небольшие тючки, и такой тючок назывался «тюмом», и в оптовой продаже этот «тюм» продавался как целый кусок.

В 1831 году Семен Иванович на 72 году умер, оставив после себя сына Якова Семеновича и внука 15 лет, Асигкрита Яковлевича, родившегося в 1816 году. Сын Семена Иваныча по случаю недоразумений, возникших между наследниками Семена Иваныча Балина и их дядею Игумновым, красильное заведение после смерти отца закрыл, и только в 1836 году оно было возобновлено внуком Семена Иваныча, Асигкритом Яковлевичем, взявшим его в свое непосредственное управление и старавшимся его развить и расширить. Не ограничиваясь принятым прежде способом крашения «на горячих кубах тюмом», т.е. концами 8-10 аршин, он завел еще «холодные кубы», в которых красилось уже целыми кусками мерою в 50 и более аршин.

В сороковых годах Асигкрит Яковлевич завел выработку так называемой «красной пестряди» из пунцовой бумажной пряжи, которая покупалась им в дворцовой Новоалександровской слободе (ныне город Александров во Владимирской губернии) у Баранова и Зубкова, а впоследствии и выработку миткаля, для такой цели он к себе, в село Дунилово, иригласил «светочника» из деревни Мостишь, ближе села Родников Костромской губер-

нии, крестьянина Петра Герасимова. В это время Асигкрит Яковлевич начал заниматься и торговлею ситцами.

Вырабатывая, как выше было сказано, в селе Дунилове китайку и красную пестрядь, так называемую «александрийку», и, продавая, главным образом, ярославским купцам Лопатиным и Е. С. Горошкову, Асигкрит Яковлевич по их совету стал изготовлять миткаль белый и крашенный, а также и ситец одноколерный и крановый, а особенно «саксонский», который имел зеленый или кубовый грунт (фон), а по нем «расцветок» разных колеров. Не имея своей фабрики для выработки этих сортов товаров, он давал свое суровье для крашения и набивки шуйским и ивановским фабрикантам.

В пятидесятых годах Асигкрит Яковлевич, кроме конторы для раздачи пряжи на ткачество в Дунилове, открыл в компании с ситцевым фабрикантом Е. М. Бакуниным еще торговлю пряжей в Иванове, где производилась и покупка миткалей, вследствие чего в скором времени это дело быстро возросло до больших размеров.

Это и побудило А. Я. Балина самостоятельно купить в 1865 году Южскую бумагопрядильную фабрику, а в 1871 году вместе с купцом В. А. Макаровым приобрел от конкурсного управления по делам Д. Х. Шедрина такую же фабрику в селе Багрецове Клинского уезда Тверской губернии, а в 1872 году с купеческим сыном Ф. Д. Пупышевым купил бумагопрядильную и самоткацкую фабрику при сельце Ваулине Можайского уезда Московской губернии.

Асигкрит Яковлевич в 1836 году, начав красить китайку, как и торговлю пряжей и ситцами, можно сказать, с грошей, оставил наследникам в 1855 году около 10 миллионов. В этот же 1855 год им было учреждено «Товарищество мануфактуры А. Я. Балина» с капиталом в три миллиона рублей. На Южской фабрике тогда было 50 136 прядильных веретен и 120 механических станков, обслуживаемых 480 рабочими и вырабатывающих ежегодно пряжи и миткалей на сумму до 1/2 миллиона рублей.

С 1855 года и до настоящего времени в течение тридцати лет бессменным директором-распорядителем состоит известный филантроп старший сын Асигкрита Яковлевича Николай Асигкритович. При нем основной капитал товарищества возрос до 6 000 000 рублей, прядильня имеет теперь 131 052 прядильных и 6 800 крутильных веретен, а ткацкая — 1 800 механических станков. Годовое производство пряжи, миткалей и других суровых тканей превышает 10 миллионов рублей. Количество рабочих 5 300 человек. Имущество мануфактуры по балансу 8 538 533 при капитале погашения в 2 578 699 рублей. Фабрикою заведует второй директор товарищества Валентин Асигкритович Балин, благодаря которому на фабрике имеется Народный дом, включающий театральный зал, клуб, вечерние кас-

сы и библиотеку. На фабрике нет ни одного иностранца.

Здесь уместным считаем упомянуть, что одним бывшим членом правления Южской мануфактуры впервые в России сделана попытка привлечь рабочих для участия в прибыли мануфактуры, и именно Леонид Асигкри-тович Балин, третий сын Асигкрита Яковлевича, со времени его избрания в кандидат-директора, в конце 1885 года, почти все время жил на Южской фабрике и все свои молодые годы посвятил фабричному делу по исполнению всякого рода поручений правления товарищества по устройству и улучшению как самого производства Южской фабрики, так и быта рабочих.

Он в течение своей, к сожалению, очень короткой жизни много заболел об улучшении жизни трудящегося на фабрике люда, чем и заслужил себе всеобщую любовь и уважение.

После своей смерти, последовавшей 17 апреля 1891 года, на 26-м году от рождения, он, по духовному завещанию, оставил 50 тысяч на устройство и содержание богадельни для престарелых рабочих и их семей. Кроме того, половину своих паев (50) оставил в распоряжение своей матушки-душеприказчицы, Иларии Николаевны Балиной, с тем чтобы оные паи находились в общем деле и хранились в правлении, а из полученного на них дивиденда выдавалось бы 20 000 рублей, которые должны распределяться так: 1 500 рублей на содержание хора певчих при Южской сельской церкви, а остальные 18 500 рублей выдавались бы к Пасхе каждого года рабочим и служащим у товарищества всем поровну, по сколько придется, в зависимости от их количества. Излишний дивиденд, сверх упомянутых 20 тысяч рублей, идет на оборудование особого запасного капитала на тот предмет, чтобы выдачу 20 000 рублей можно было производить и в те года, когда прибыли от дела может и не быть.

Кроме Южской мануфактуры, Балиным принадлежит в настоящее время и товарищество Шуйско-Тезинской мануфактуры (город Шуя Владимирской губернии), которая была основана в сороковых годах XIX столетия Иваном Федоровичем Поповым, где было ручное ткачество и раздаточная контора, а затем временно и льнопрядение.

От И. Ф. Попова фабрика перешла в 1856 году к Афанасию Васильевичу Кокушкину, а после его смерти — к его сыновьям Василию и Николаю. При Кокушкиных, начиная с пятидесятых годов, было заведено механическое ткачество для выработки миткалей, а в шестидесятых годах была уже и хлопкопрядильня. От Кокушкиных в 1888 году фабрика перешла к товариществу Тезинских бумагопрядильной и ткацкой фабрик в Шуе, при котором она и была остановлена в 1903 году и только в 1908 году пущена в ход нынешними владельцами, которые основали общество под заглавным на-

званием.

Первоначальное название свое фабрики получили от реки Тези, по берегу которой они расположены. В 1892 году фабрики товарищества Тезинской мануфактуры имели 35 000 веретен и 721 механический ткацкий станок при 1 500 рабочих.

В настоящее время мануфактура имеет 32 000 прядильных веретен и 390 механических ткацких станков и около 1 100 десятин лесных угодий. На фабрике занято около 1 000 рабочих.

Годовое производство бумажной пряжи и миткалей достигает 1 500 000 рублей.

Ч. М. Иоксимович

БАСКАКОВЫ

Инженер-технолог Баскаков Иван Иванович — фабрикант шерстяной пряжи, владеет 2 фабриками. Шерстопрядильная и красильная фабрика, основанная в 1857 году отцом Ивана Ивановича при селе Осташкове Московского уезда, выпрядает и красит аппаратную пряжу от 4 до 14 мотков, которая поступает для платков, фуфаяк, чулок и перчаток, приводится в движение двумя турбинами системы «Пермякова» и паровой машиной Зульцера... Число рабочих на этой фабрике до 500 человек, живут при фабрике. Ежегодно фабрика вырабатывает до 36 000 пудов пряжи. Вторая фабрика существует с 1876 года и была основана при деревне Рязанове Подольского уезда Московской губернии для производства сукна, после же пожара в 1892 году была заново перестроена в 1912 году в камвольно-английскую прядильню. Эта фабрика выпрядает исключительно камвольную пряжу для шерстяных материй и трикотажных изделий. Вторая фабрика вырабатывает ежегодно до 20 000 пудов. Число рабочих до 500 человек, из которых 300 женщин. Живут все при фабрике. Все производство обеих фабрик ведется под личным руководством Ивана Ивановича Баскакова и его сыновей, Николая Ивановича и Дмитрия Ивановича, окончивших Императорское Московское техническое училище, и только благодаря их исключительной энергии, любви к делу, всестороннему знанию и гуманному отношению к своим помощникам, служащим и рабочим, он сумел поставить свое предприятие на должную высоту и стать в ряд первых фабрикантов по производству пряжи.

БЕЛОВЫ

Белов Александр Афанасьевич — ярославский купец, владелец извес-

теобжигательного завода в городе Ярославле. Происходит из крестьян Ярославского уезда, родился в 1854 году. Образование получил домашнее.

Мальчиком 10 лет поступил на службу по торговому делу и служил до двадцатипятилетнего возраста, когда открыл самостоятельное трактирное дело, а впоследствии известеобжигательный и винокуренный заводы. В настоящее время заводы вырабатывают: известеобжигательный до 100 000 пудов извести, а винокуренный до 170 000 ведер спирта в год. Александр Афанасьевич принимает близкое участие в общественной жизни города: состоит членом многих комиссий по общим вопросам городского хозяйства, гласным губернского и уездного земств и городской думы и директором и казначеем в приюте в память 300-летия дома Романовых, попечителем училища в память открытия Государственной думы и членом многих благотворительных и просветительных обществ и учреждений. Кроме того, Александр Афанасьевич в течение нескольких лет состоял церковным старостой в Демидовском лицее.

БУЛЫЧЕВЫ

Основатель фирмы, прапрадед Тихона Филипповича, «Никита Семенович сын Булычев», как гласят «Ревизские Сказки о убылых и прибылых Душах Орловского Уезда Первого Периода Изорловского Оброчного стана Испочинку Рубцовского в 1738-ом Году Принят Орловской ратушею И записан при ...оном Городе Орлове в купечество».

В те времена Орлов числился «Казанской Губернии Вятской Правинцы».

Никита Семенович Булычев производил торговлю сыпными, льняными, кожевенными товарами и салом. Сыпные товары покупал в Орле, куда сосредоточивался привоз, сало же покупал как местное, так и устюжское (Вологодской губернии).

Купленные в течение осени и начала зимы товары Никита Семенович отправлял «гужом» (на лошадях) на Ношульскую и Вымско-Быковскую пристани (Вологодской губернии) на реке Лузе. Луза — приток Юга, впадающего в Северную Двину. На этих пристанях товары грузили на барки и сплавляли в Архангельск. Сын его, Егор Никитич Булычев, торговлю расширил и основал в 1778 году кожевенный завод для выделки красной юфти. Завод был расположен «При селении Зубаревском государственных черносошных крестьян возле реки Вятки выше города Орлова расстоянием от одного в одной версте». Верста в то время считалась семьсот сажен. Первые годы выделывали от двух до девяти тысяч кож. С каждым годом завод расширялся, и с 1793 года производство достигает до 19 800 кож, весом 4

150 пудов. Покупная цена того времени была 1 рубль 65 копеек за коровью кожу, а обработка обходилась 60-70 копеек с кожи. Пуд выделанной кожи обходился заводу, как в то время говорили, «коштовал» — 12 рублей 25 копеек. Годовой оборот завода достигал очень значительной по тем временам цифры — 100 000 рублей. Высшие сорта выделанной кожи отправляли за границу, главным образом в Амстердам. Средний сорт именовался «немецкая розваль» и продавался в Архангельске. Низкий сорт назывался «домашняя розваль».

Егор Никитич, желая обеспечить лишний рынок сбыта кож, сделал опыт отправки небольшой партии в Петербург, который тогда только начинал завоевывать то положение морского порта, которое он впоследствии занял.

Как уже говорилось, Егор Никитич отцовскую торговлю расширил. Внимательно следя за заграничной торговлей, он сумел завязать торговые сношения с приезжавшими в Архангельск иностранными купцами и основал заграничную торговлю с Англией, Голландией и Швецией. В фирме до 1910-х годов сохранялись копии счетов, а также оборотные заграничные счета и маклерские записки.

Из той же корреспонденции видно, что Егор Никитич во время политических осложнений, предшествовавших Отечественной войне, желая всеми силами сохранить заграничную торговлю, старался завязать торговые сношения с Америкой и вел по этому поводу переписку, но удалось ли ему это, — к сожалению, из сохранившихся документов выяснить не пришлось. Фирма, основанная Никитой Семеновичем в 1738 году, существовала уже сорок три года, когда в 1781 году вышел указ императрицы Екатерины II об учреждении гильдий, и Егор Никитич был записан сначала во вторую, а затем с 1795 года в первую гильдию.

Деятельным сотрудником Егора Никитича был сын его — Тихон Егорович, помогавший отцу осуществлять все его проекты.

В 1800 году барочный караван Егора Никитича с товарами, подплывая к Архангельску, был разбит бурей. Это несчастье сильно отразилось на делах фирмы. Так, в записках Егора Никитича от 28 июня 1810 года говорится: «У меня ж торговлю производит более пятнадцати лет младший сын Тихон и после несчастья в 1800 году, случившегося от разбития в Архангельске моих барок с товарами, весь капитал приобретен уже вновь трудами и одними распоряжениями одного Тихона».

Будучи выдающимся коммерсантом, Егор Никитич принимал живое участие и в общественной жизни: так, с 1775 по 1780 год он состоял «в бывшей Орловской ратуше бургомистром», а с 1780 по 1784 и с 1787 по 1790 год — в «Орловском Магистрате бургомистром». В Отечественную войну

Егор Никитич с сыном Тихоном Егоровичем явились одними из самых крупных жертвователей на народное ополчение по Вятке.

Часто бывая в Архангельске и находясь в курсе заграничной торговли, Тихон Егорович, учитывая все увеличивающийся спрос русского сала за границей, открыл при своем кожевенном заводе сначала салотопню, а затем и салотопенный завод.

Стоя во главе фирмы, Тихон Егорович тоже служил по выборам: так, с 1805 по 1808 год он был в «Орловском Магистрате бургомистром», а с 1817 по 1823 год «Орловским Градским Головой».

На девяносто шестом году существования фирмы Тихон Егорович указом от 19 ноября 1834 года был возведен в потомственное почетное гражданство.

По смерти Тихона Егоровича дело перешло к его сыну, Филиппу Тихоновичу, отцу одного из последних владельцев фирмы.

Как уже было сказано, заготавливаемые товары с пристаней Ношульской и Вымско-Быковской сплавляли в Архангельск на барках. Барки строили деревянные, длиной 11 ¹/₂ сажени. Немедленно по проходе льда, когда на берегах еще лежал снег, владельцы караванов пускались в плавание. Надо было пользоваться весенним разливом, чтобы возможно быстро доплыть до Северной Двины, так как и Луза и Юг быстро мелели. Бывали случаи, когда из-за раннего мелководья или опоздания в погрузке барки становились на мель и обсыхали на песках. Несмотря на холодный воздух, отопления на барках, во избежание пожара, не было. Для того чтобы готовить пищу, на каждой барке отводили особое место, пол на пространстве квадратной сажени обивали железными листами, и на этих листах складывали маленькую кирпичную печку с котелком. Это место называлось «шесток».

Выплыв на Северную Двину, барки плыли вниз по течению, минуя устья рек Вычегды и Пинеги, и, таким образом, приплывали в Архангельск. В Архангельске первым делом справлялись, сколько в приходе кораблей. В одном из писем между прочим говорится, что «кораблей в приходе 200». От количества прибывших кораблей в зависимости находились и спрос, и цена на товары.

Филипп Тихонович, находя работу 11 ¹/₂ саженных барок малопродуктивной, первый решил построить большие барки, длиной по двадцать пять сажен. Другие владельцы караванов с недоверием следили за постройкой этих судов, считая их неприменимыми к условиям сплава. Когда же караван Филиппа Тихоновича, состоявший из пяти двадцатипятисаженных барок, имевших по 55 000 пудов груза сыпных товаров, льна и кудели и по 80 человек команды на каждой, пустился в путь и благополучно прибыл в Архангельск, — все приветствовали идею Филиппа Тихоновича.

В 1857 году родственник Филиппа Тихоновича — А. В. Булычев основал Северо-Двинское пароходство с первыми пароходами «Двина» и «Юг». Филипп Тихонович был избран директором, и в честь его построен пароход «Филипп Булычев».

Успешно процветая, фирма неоднократно терпела несчастья.

Так, в 1859 году произошел на Вымско-Быковской пристани большой пожар, причем пострадала не только контора Филиппа Тихоновича, но и многие другие.

Интересно отметить хорошее состояние почты в 1860 году: письма из Архангельска в Петербург доходили в неделю. В этих письмах упоминается, что в России в 1860 году благоприятные сведения об урожае, за границей же — наоборот. В письме от 17 февраля 1860 года из Архангельска говорится, что мука на пристани 50 копеек, но что для дирекции порядили 75 копеек за пуд. Но следующие годы не были столь благоприятны в смысле урожаев. Так, с 1861 года отмечаются недочеты в урожае, и хлеб в Архангельске дошел до 1 рубля 60 копеек не ассигнациями, а серебром за пуд. В 1863 году из Орлова в Архангельск идут письма с печальными известиями о том, что ожидается голод.

Филипп Тихонович, как и предки его, состоял и на общественной службе — с 1838 по 1841 год и с 1852 года городским головой Орлова.

В 1864 году Филипп Тихонович не поехал лично наблюдать за погрузкой барок на пристанях Ношульской и Вымско-Быковской, и вместо него отправился его сын, Тихон Филиппович, который, удачно погрузив товар в барки, совершил свое первое путешествие на барке в Архангельск. С того времени ему неоднократно приходилось совершать такие поездки, пока в 1870 году не прекратилась отправка товаров через Архангельский порт и не началась торговля на Рыбинск и дальше по Мариинской системе на Петербург.

Пароходство по реке Вятке начало функционировать с 1858 года. С 1863 года фирма Булычева открыла первоначально буксирное движение, а затем, сообразуясь с потребностью Вятского бездорожного края, в 1874 году Т. Ф. Булычев первый открыл по линии реки Вятки два раза в неделю пассажирское движение двумя пассажирскими пароходами: «Ф. Булычев» и «Почетный», а через два года удвоил число пассажирских пароходов, а следовательно, удвоилось и число отправок.

В 1877 году, имея уже 6 пассажирских пароходов, пассажирская линия была продолжена за Казань до Н. Новгорода. Дело постепенно начало развиваться. Были сделаны даже опыты увеличения района деятельности пароходства: так, в 1883 году была открыта линия по реке Белой, Уфа-Казань, а в 1888 году по реке Суре, Васильсурск-Промзино. Но в конце концов бы-

ло признано за лучшее ограничиться вятскими линиями и сообщением с Казанью и Н. Новгородом (во время ярмарки), чтобы не разбрасываться. Это было правильное решение. Получилась возможность из года в год улучшать и увеличивать дело, потому что река Вятка в силу своих природных условий принадлежала к числу наиболее тяжелых в судоходном отношении, и, только благодаря энергии и предприимчивости местных деятелей, судоходство по реке Вятке достигло значительного развития. Человеческая энергия оказалась сильнее неблагоприятных условий реки. Увеличивалась с каждым годом пассажирская линия, в 1894 году в линии ходило уже 10 пароходов, из которых некоторые были с электрическим освещением и с удобствами волжских пароходов; кроме того, по линии работали 4 буксирных парохода. Вятские пароходоладельцы для наибольшего улучшения путей и передвижения предпочли работать совместно, и в 1900 году образовалось 38 пассажирских и буксирных пароходов, целый флот баржей и подчалков, а в 1902 году они образовали товарищество Вятско-Волжского пароходства при основном капитале в 3 миллиона рублей и 36 пароходах.

Постепенно улучшая движение по реке Вятке, товарищество в интересах края продолжило товарную линию по реке Оке до города Москвы. Несмотря на то что по железной дороге от Вятки до Москвы около 1 000 верст, водным же путем грузы, отправляемые на легких железных барках по рекам Вятке, Каме, Волге и Оке, проходят около 2 300 верст, тем не менее фрахты речные чуть ли не втрое дешевле железнодорожных. Смелое начинание дало очень скоро хорошие результаты, и за вятскими пионерами потянулись по реке Оке и волгари. Фрахты значительно сократились ко благу всего населения, движение начало развиваться, и миллионы пудов груза уже изменили железной дороге и пошли по новому пути. Считаясь с потребностью улучшения движения по реке Вятке и видя только небольшую помощь извне, так как по реке Вятке была только одна принадлежащая Министерству путей сообщения землечерпательная машина, товарищество Вятско-Волжского пароходства на свои средства выстроило еще землечерпательную машину.

Но тем не менее, в силу неодолимого свойства реки Вятки, изобилующей перекатами, требовалась сильная помощь правительства, так как в середине лета по реке Вятке могли ходить только маленькие мелкосидящие пароходы вместо имевшихся у товарищества для удобства пассажиров больших пароходов американского типа, которые если и уступали волжским — только величиной, но вряд ли в смысле удобств.

Следует при этом отметить, что на Волге работало несколько пароходных обществ, а на Вятке всего одно. Следовало бы ожидать поэтому, что на Вятке таксы будут выше вследствие отсутствия конкуренции, оказалось —

наоборот; не надо к тому же забывать, что, благодаря сравнительному благоустройству Волги, волжские пароходы могут забирать более груза и, следовательно, работать с большими выгодами. Только один волжский плес, Тверь-Рыбинск, по трудностям плавания может сравниться с Вяткой, однако таксы даже на многоводных плесах Волги в некоторых случаях выше вятских.

В 1912 году река Вятка пережила небывалое мелководье. До 1912 года, даже в самые мелководные годы, хотя и были перекаты с водой на них 8-9 вершков, но число их не превышало 2-3, а именно на одной косе в Орлове, на Земцовской косе (углубленной в 1911 году) и в Мелянде, на остальных же перекатах воды было не менее 11-12 вершков. При таких условиях для товарищества была возможность ставить между этими перекатами три самых мелководных парохода, остальными же работать от Вятки и Медведок до первого переката.

В 1912 году 8-9-вершковых перекатов было шесть и более; чтобы иметь возможность работать от города Вятки, товариществу необходимо было бы поставить на перекатах все имеемые товариществом шесть мелководных пароходов, и, следовательно, на время мелководья вся работа от Вятки до Медведок должна бы была быть прекращена, или же являлось необходимостью приобретение новых мелководных пароходов. Но если товарищество могло, с большим убытком для себя, снести простой на перекатах трех пароходов в навигации до 1912 года, то простой шести пароходов, плюс затраты на приобретение новых судов, оказался бы совершенно несоответствующим ни грузообороту реки Вятки, ни фрахтовой расценке.

Ввиду указанного, товарищество, не получая удовлетворительного разрешения своим ходатайствам о постановке на реку Вятку казенных землечерпалок, было вынуждено озаботиться приобретением собственной землечерпалки, работа которой дала возможность, хотя и с большим трудом и затратами, но все же не останавливать ни пассажирского, ни грузового движения на мелководном плесе.

Навигационный период по реке Вятке продолжается в среднем около 6 месяцев, с половины апреля до половины октября.

В 1887 году Тихон Филиппович основал торговлю керосином по пристаням. Резервуары были устроены в Вятке, Котельниче, Кукарке, Медведке и Шурме. Одновременно им были заказаны два железных наливных судна, одно вместимостью 80 000 пудов, другое — 40 000 пудов. Керосин покупался в Астрахани, где наливался в баржи и своими пароходами доставлялся на место. Количество ежегодно продаваемого керосина колебалось от 120 000 до 150 000 пудов. Не находя возможным расширить торговлю керосином без приобретения нефтяных источников, Тихон Филиппович в 1910

году продал свое керосиновое дело товариществу братьев Нобель.

По закрытии Архангельского порта заготавливаемые товары Тихон Филиппович стал с 1870 года отправлять через Рыбинск по Мариинской системе на Петербург.

В голодный 1892 год Тихон Филиппович доставлял земству хлеб. В журнале Вятского губернского земского собрания чрезвычайной сессии (заседание 25 июня 1892 года) напечатано: «Не признает ли нужным Собрание, ввиду особенно полезной для земства деятельности вятского 1-й гильдии купца Тихона Филипповича Булычева, выразившейся, во-первых, в том, что купленный им для земства в качестве комиссионера хлеб до одного миллиона пудов обошелся земству значительно дешевле, чем хлеб других комиссионеров, и, во-вторых, в том, что как летом прошлого года, так и ныне Булычев, продавая чрезвычайно дешевой ценой заготовленный им собственный хлеб (ныне даже с убытком для себя), препятствует возвышению местных рыночных цен на него и тем оказывает громадную услугу всему населению губернии, ввиду чего, а также и других одолжений Булычева земству, не признает ли Собрание нужным ходатайствовать через г. начальника губернии о представлении Т. Ф. Булычева к почетной награде».

В настоящее время Тихон Филиппович производит покупку сыпных и льняных товаров по пристаням рек Вятки, Камы и Волги, до полутора миллиона пудов ежегодно.

Мысль об устройстве льнопрядильной и ткацкой фабрики у Тихона Филипповича впервые возникла в 1890 году. Тогда же им были заказаны чертежи и планы; к сожалению, планам этим тогда не пришлось осуществиться. Но Тихон Филиппович мысль об устройстве фабрики не оставил. И вот в 1910 году, через 20 лет после своего первого проекта, он устраивает льнопрядильную и ткацкую фабрику при своем имени «Крутые Горки» в городе Вятке. Фабрика расположена в Кутырской слободе ниже пристаней, на берегу реки Вятки. По местоположению фабрика находится в самых благоприятных условиях.

Покупка льна и кудели производится главным образом в Вятской губернии, причем товары из Котельничского и Глазовского уездов доставляются на фабрику железной дорогой, а товары из Нолинского и Яранского уездов привозятся водным путем. Суда с товаром имеют возможность подходить прямо к фабрике. Высшие сорта льна получают из села Вознесенского Вологодской губернии. Продукты выработки — пряжа, полотно и мешки — продаются большею частью в Москву.

Поступают также требования в Нижний Новгород, Самару и Сибирь.

В управлении фабрикой Тихону Филипповичу помогает сын его, Николай Тихонович, состоящий директором товарищества Вятско-Волжского

пароходства.

Кроме фабрики и хлебного дела, Тихон Филиппович владеет двумя третями всего количества акций товарищества Вятско-Волжского пароходства, где состоит директором-распорядителем.

Что касается общественной деятельности Тихона Филипповича, то в 1876 году он был избран орловским городским головой. Затем, переехав в 1877 году в Вятку, где он живет по настоящее время, Тихон Филиппович продолжает занимать многие почетные выборные должности.

В настоящее время Тихон Филиппович состоит почетным попечителем Вятской гимназии, имеет чин статского советника и орден св. Владимира 4-й степени.

ВИНОГРАДОВЫ

Еще за несколько лет до падения крепостного права тогдашним владельцем крестьян села Игнатовки (Симбирской губернии Сенгилеевского уезда) князем А. А. Долгоруковым была устроена здесь суконная фабрика, вырабатывавшая толстые, грубые сукна для армии и местных потребностей. Построена она была на реке Гуще и приводилась в движение водяным колесом. Несколько чесальных и скалочных машин, действующих приводом, да небольшие прядильные машины и ткацкие станы, работающие ручным способом, составляли все оборудование фабрики.

В таком виде фабрика, по смерти владельца, перешла в 1864 году в арендное содержание к предку теперешних владельцев, Ивану Алексеевичу Виноградову, и его товарищу П. И. Козлову, уже знакомым с фабричным делом — первый как аппаратный мастер, а второй как управляющий такой же фабрикой у другого владельца. Несколько лет совместной работы компаньонов доставили им возможность увеличить производство фабрики, и явилась мысль о приобретении ее в собственность. Таким образом, в 1872 году фабрика была куплена у наследников князя Долгорукова одним из арендаторов, И. А. Виноградовым, и с этого времени он стал единственным собственником фабрики и земельных владений.

Следя за прогрессивно развивающейся текстильной промышленностью и техникой фабричного производства, новый владелец Виноградов И. А. стал постепенно заменять старые машины новыми, более усовершенствованными, и поставил заграничные аппараты Торн-Тона и мюльные машины. Прежний двигатель — водяное колесо — был заменен турбиной, и, кроме того, поставлен паровой локомобиль. Увеличение количества машин вызвало постройку новых корпусов. Производство уже не ограничивалось выработкой одних армейских сукон, но, сообразуясь с требованием рынка,

стали вырабатываться разные сорта цветных сукон, производство которых достигло до 350 тысяч аршин в год.

По смерти главы дела И. А. Виноградова, последовавшей в 1895 году, фабрика вместе с земельными владениями перешла к старшему сыну покойного Александру Ивановичу Виноградову, который энергично продолжал развитие фабрики: построил новые корпуса, поставил новую паровую машину в 250 сил с 3 паровыми котлами, выписал несколько новых больших аппаратов и селфакторов, устроил электрическое освещение, водопровод, учредил больницу и школу, построил новый винокуренный завод и литейную и оборудовал новейшими приспособлениями ремонтные мастерские. Годовая производительность фабрики достигла при нем 600 тысяч аршин разных сукон, бобриков и байки. Неожиданно последовавшая смерть в 1910 году прервала деятельность А. И. Виноградова, и все предприятия его перешли к наследникам, которые в 1911 году учредили полное торгово-промышленное товарищество «Наследники А. И. Виноградова», существующее и по настоящее время. Членом-распорядителем товарищества состоит старший сын покойного Иван Александрович Виноградов при ближайшем сотрудничестве главного доверенного Д. М. Нефедьева. В начале 1912 года пожаром был уничтожен главный аппаратный каменный 3-этажный корпус со всеми машинами, и новые владельцы, не жалея огромных средств, принялись за возобновление корпуса, увеличив еще его, причем в целях безопасности от пожара в корпусе устроены железобетонные полы и потолок и везде поставлены железные лестницы, были приобретены новые усовершенствованные аппараты и селфакторы и другие отделочные машины, и фабрика в конце года пущена в ход. В феврале 1914 года новым владельцам еще раз пришлось перенести несчастье: сгорел 2-этажный корпус с находящимися в нем валяльными, промывными, ворсовальными и самосушильными машинами. Вместо сгоревшего корпуса выстроен каменный и также с железобетонными сооружениями, и поставлены вновь все нужные машины.

Несмотря на эти несчастные случаи, вызвавшие временную приостановку фабрики, владельцы прилагали все усилия к процветанию своих предприятий и особенное внимание обращали на улучшение и развитие производства суконной фабрики путем технических приспособлений и приобретений новых машин, улучшая в то же время и быт служащих и рабочих фабрики.

Благодаря упорным и настойчивым трудам распорядителей дела, фабрика в настоящее время достигла наивозможного процветания, год от году прогрессируя в своей производительности; теперь на фабрике имеется тринадцать аппаратов новейшего типа, шестнадцать селфакторов, пять мюль, сто двадцать восемь самоткацких станков и другие машины; производитель-

ность достигла до 1 400 000 аршин в год. Рабочих и служащих при фабрике находится до 1 000 человек.

Кроме фабрики и винокуренного завода, товарищество имеет 2 мукомольные мельницы, обслуживающие как собственное сельскохозяйственное дело, при котором находится пахотной земли 2 000 десятин, лесу 1 500 десятин, так и помол окрестных жителей. На одной из мельниц устанавливаются вальцы Бюллера, рассевы и другие аппараты для разделки высоких сортов муки, производительностью 1 200 пудов в сутки.

В целях обеспечения служащих в старости, а также и на случай острой нужды их при фабрике учреждена утвержденная правительством эмеритально-вспомогательная касса служащих, средства которой состояются из ежемесячных отчислений из жалования участников 5% и из годовых отчислений владельцами части своих прибылей.

ВИШНЯКОВЫ

Фамилия Вишняковых была купеческого происхождения, но я уже не помню никого из них купцами. Родом они из кашинских купцов. Древнейший представитель этого рода встречается в архивных документах 1636 года. В Москву перешел (в 1762 г.) Михаил Иванович Вишняков. Внук его, Николай Петрович, составил историю своей семьи и издал — не для продажи — под заглавием «Сведения о купеческом роде Вишняковых, собранные Н. Вишняковым». Участие их в торгово-промышленной жизни сохранялось лишь в совладении золотоканительной фабрикой «В. Алексеев, П. Вишняков и А. Шамшин». Был ли этот П. Вишняков отцом Николая Петровича — не знаю, но не думаю, так как товарищество это существовало с 1893 года, а Николая Петровича я помню перед войной, уже глубоким стариком. Он был долголетним членом городской думы и постоянно состоял председателем комиссии «О пользах и нуждах общественных». Он был очень образованный человек и после революции, уже совсем в преклонных годах, жил тем, что преподавал испанский язык.

Самым известным представителем этой семьи был Алексей Семенович, много потрудившийся по делу распространения коммерческого образования. Он был председателем правления Московского купеческого общества взаимного кредита, каковое являлось одним из самых крупных банков в Москве. Был в большой дружбе с моим отцом и называл его «Афоня». Был в свое время долго гласным городской думы и в прежние времена был лидером левого крыла. Он организовал Общество распространения коммерческого образования, и это общество вполне оправдало и свою цель, и свое наименование. Были созданы сначала бухгалтерские курсы, потом коммерческое училище для мальчиков и для девочек и, наконец, коммерческий

институт. Этот институт я окончил и вспоминаю о нем с большим удовольствием. При институте был ряд лабораторий и других вспомогательных учреждений. Все это было сооружено на собранные средства, в чем Алексей Семенович был весьма искусен; институтом он очень интересовался, был председателем попечительского Совета, бывал там каждый вечер и любил принимать студентов, но делал это с большим тактом, так как они хорошо уживались с директором института, профессором П. И. Новгородцевым. Все аудитории, «классы и иные помещения были выстроены «имени такого-то», т.е. или самого жертвователя или в его честь. Очень много было помещений «имени А. С. Вишнякова». Кстати скажу, что четыре класса и аудитории были имени моего отца и нашего товарищества.

К концу жизни Алексей Семенович заболел какой-то странной, неизлечимой болезнью и отошел от дел. У него было два сына, Петр и Семен. Петр Алексеевич заменил отца во многих общественных обязанностях. Мне много пришлось с ним работать вместе, и по городу, и по союзу городов. Он был деятельный человек, но далеко не так блестящ, как его отец.

П. Бурышкин

ВЫДРИНЫ

Выдрин Иван Семенович родился в 1861 году в богатой казацкой семье в имении своего отца, Оренбургской губернии. Не получив в детстве никакого образования и имея с ранних лет влечение к техническим познаниям, Иван Семенович стал изучать на практике эту отрасль, работая на заводах Урала и Сибири. Будучи от природы одарен недюжинным умом и энергией в приложении упорного труда, он, преодолев все трудности, выдержал экзамен в комиссии инженеров при Миасском горном округе и удостоился свидетельства на право замещать горного инженера и самостоятельно как руководить работами на золотых приисках, так равно и проводить таковые. Не ограничиваясь этим и стремясь к широким познаниям, Иван Семенович преданся изучению высших наук по математике, химии, медицине, философии и пр.

Владея громадными познаниями и опытом, Иван Семенович в 1909 году открыл в городе Екатеринбурге собственную техническую контору и мастерскую, а также и торговлю всевозможными станками и инструментами по обработке металлов и всеми приисковыми техническими принадлежностями. Оборудовав мастерскую по последнему слову техники, лично управляя делом, Иван Семенович стал выпускать в обращение разные горнозаводские инструменты самого высокого качества и строго проверенные в научном отношении. Кроме того, в мастерской производились работы по

ремонту и оборудованию железных дорог, лесопильных заводов, мельниц, приисков, а также по установке в земских ремесленных училищах образцово-показательных инструментов. Завоевав себе справедливо заслуженную лучшую репутацию и известность, Иван Семенович распространил свою деятельность на весь Урал и Сибирь.

Усердная и общепользная деятельность Ивана Семеновича по горному ведомству отмечена ВЫСОЧАЙШИМ пожалованием ему серебряной медали для ношения на шею на Станиславской ленте.

ГОРЕЛОВЫ

Горелов Василий Григорьевич — золотопромышленник и иркутский купец. Родился в 1862 году. Из крестьян. Образование получил в сельской школе. С 15-летнего возраста служил в золотопромышленных предприятиях. На 24 году стал владельцем прииска. Посвятив с этого времени всю свою энергию на всестороннее практическое изучение и производство этого дела, теперь в Алекминском округе имеет 14 приисков. Часть из них разрабатывается шахтовыми и открытыми работами, а часть золотничным способом. Работает на приисках до 800 человек рабочих и ежегодно добывается свыше 20 пудов золота. Кроме этого, состоит владельцем каменно-угольных копей в Забайкальской области. Василий Григорьевич был представителем от иркутского купечества на юбилейных торжествах 300-летия дома Романовых; товарищем председателя съезда золотопромышленников Алекминского, Витимского округов и членом на 1-м и 2-м Всероссийских съездах золотоплатинопромышленников. В настоящее время Василий Григорьевич состоит членом особого губернского раскладочного присутствия при Казенной палате; попечителем ремесленно-воспитательного заведения имени Трапезникова; старостой при полковой церкви 28-го Сибирского Стрелкового полка; членом Императорского Географического общества; членом во многих отделах детских приютов Ведомства учреждений императрицы Марии; членом Императорского Палестинского общества; членом Совета Православного Камчатского братства; членом Императорского общества попечения о слепых и многих других благотворительных и просветительных обществ города Иркутска.

ГУЧКОВЫ

Гучковы происходят из дворовых людей надворной советницы Белавиной, помещицы Калужской губернии Малоярославецкого уезда. Родоначальником их был Федор Алексеевич Гучков, переселившийся в Москву в конце XVIII века и устроивший в Преображенском, под Москвой, шерстя-

ную фабрику. Он был старообрядец и за это в конце своей жизни, в сороковых годах, был сослан в Петрозаводск, а фабрика перешла к двум его сыновьям, Ефиму и Ивану Федоровичам, которые некоторое время продолжали дело вместе, но потом разделились, и фирма стала называться «Ефим Федорович Гучков», по имени того, к кому перешла фабрика. Ефим Федорович скончался в 1859 году, и три его сына, Иван, Николай и Федор, продолжали дело под фирмой «Ефима Гучкова сыновья». В 1896 году Гучковы фабрику закрыли, но торговое дело продолжали. В 1911 году оно совсем прекратилось.

Из всех представителей этой семьи самыми известными были, несомненно, Александр и Николай Ивановичи. О деятельности Александра Ивановича, и как члена и председателя Государственной думы, и как председателя Военно-промышленного комитета, и как военного министра правительства князя Львова, и о его роли в отречении государя, слишком хорошо известно. Своим участием в русско-японской войне и особенно поездкой к бурам, воевавшим против англичан, он как бы вошел в легенду. Я здесь отмечу одно: несмотря на то, что он происходил из подлинного московского купечества, его не считали совсем своим человеком, а «политиком». У него были подлинные торгово-промышленные цензы, например, он был директором правления страхового общества «Россия», но московское купечество он не представлял, хотя одно время был на выборах членом Государственного совета. И основанная им и им же руководимая партия октябристов тоже не считалась торгово-промышленной.

Николай Иванович также не был чисто промышленным деятелем. Он оставался в торгово-промышленной жизни, участвуя в боткинских предприятиях — чайном и сахарном, — состоял в Северном страховом обществе и Частном коммерческом банке, но его, можно сказать, основная, создавшая ему заслуженную известность деятельность была в городском управлении, где он долго был гласным и семь лет городским головою (1905-1912). Он очень много сделал для своего родного города; при нем городское хозяйство стало на тот широкий путь, который сделал Московское городское управление первым во всей России. После выборов 1912 года в Московской думе, расколовшейся на две половины, было небольшое прогрессивное большинство, которое вело в своей голове князя Львова. Николай Иванович не был забаллотирован, но он получил меньше шаров, чем его соперник, и свою кандидатуру снял и опять продолжал свою работу как гласный.

Во время войны он был назначен председателем хлопчатобумажного комитета.

П. Бурьшкин

ДОСУЖЕВЫ

В 1823 году в городе Москве на Канаве (в Пятницкой части) Андреем Александровичем Досужевым была открыта в незначительных размерах суконная фабрика в собственном доме, построенном на своей земле, площадь которой обнимает в настоящее время 2 1/2 десятины. Первоначально фабрика помещалась в нескольких небольших помещениях и выработка сукна производилась примитивным способом. До 1859 года движение приводилось конными приводами и работа шла с большими замедлениями, что препятствовало аккуратной выработке сукна в потребном количестве. Андрей Александрович начал дело, будучи еще совсем молодым человеком, в возрасте 22 лет, и, невзирая на это, благодаря своей предприимчивости и неутомимому труду, повел дело настолько энергично, что уже в 1836 году явилось необходимым построить 3-этажный каменный корпус, вполне соответствующий своим устройством и приспособлениями для прядения, ткачества и отделки товаров. Одновременно с постройкой этого фабричного корпуса совпали работы Министерства путей сообщения по прорытию канала.

С каждым годом улучшая и увеличивая выработку своих товаров, Андрей Александрович в 1851 году еще более расширил дело приобретением 2-й фабрики в слободе Потылихе, при впадении реки Сетуни в Москву-реку. На этой фабрике была применена водяная сила, приводившая в движение так называемыми наливными и полуналивными колесами. В скором времени Андрей Александрович перевел с Московской фабрики прядильный отдел, а в 1859 году поставил на Московской фабрике бельгийскую паровую машину вертикальной системы завода Жилен, в 1879 году эта машина была заменена усиленной горизонтальной машиной завода Шилова. В этом же году на фабрике при селе Потылихе был поставлен в помощь водяной силе локомобиль, а прядильное отделение было вновь переведено на Московскую фабрику, причем все старые шерсточесальные аппараты и прядильные машины были заменены бельгийскими машинами новейшей конструкции фирмы Мерсье, а вся отделка сукон стала производиться на второй фабрике, за исключением сукновальни, отделение которой оставалось до 1893 года при Московской фабрике. В 1867 году на фабрике при селе Потылихе локомобиль был заменен паровой машиной русской работы, выполненной московским заводом «Родион Смит». С применением на обеих фабриках паровых машин дело значительно расширилось и впоследствии потребовало еще больших усовершенствований и технических нововведений. В 1876 году после кончины основателя фабрики Андрея Александровича

вича дело, выросшее к тому времени в довольно значительное предприятие, перешло его внуку, Алексею Александровичу Досуеву, который также, имея 22 года, начал самостоятельно руководить всем делом. По мере увеличения сбыта своих товаров и оборота Алексей Александрович неослабно расширял дело, последовательно совершенствуя качество и тщательность выработки товара. В 1893 году Алексей Александрович перевел сукновальное отделение на фабрику при селе Потылихе, где уже работали две паровые машины горизонтальной системы заводов «Родион Смит» и «Н. Э. Бромлей». В 1904 году на Московской фабрике паровые машины были заменены дизель-моторами завода «Л. Нобель», а с 1907 года фабрика при селе Потылихе также перешла на дизель-моторы того же завода, и, кроме того, в том же году фабрика стала особенно возобновляться в шерстопрядильном отделении. Все старые шерсточесальные аппараты стали заменяться аппаратами новейших конструкций, а также были заменены прядильно-мюльные машины немецкими и английскими сельфакторами и ватерами. Ближайшим сотрудником Алексея Александровича в течение 16 лет является его сын — инженер-механик Андрей Алексеевич Досуев, принявший на свою ответственность всю техническую часть и выработку из мериносовых шерстей, а также он заведует выработкой тканей из грубых шерстей, так называемых русской, джебаги и верблюжьей. Специализировавшись выработкой тканей из грубых шерстей, в особенности на выработке байки для резиновых галош, фабрика Алексея Александровича Досуева приобрела себе заказчика в лице товарищества Российско-Американской резиновой мануфактуры под фирмою «Треугольник». Имеющим постоянно крупные заказы от этой фирмы Алексеем Александровичем для большего развития этой отрасли выстроен специальный корпус, который в ближайшее время будет закончен и оборудован согласно последним требованиям техники. Для означенной цели шерстопрядильные и ткацкие машины заказаны в Англии и, кроме того, добавочный двигатель дизель-мотор в 200 сил Коломенскому машиностроительному заводу. Передача в этом новом корпусе предполагается электрической энергией. Для наилучшей и тщательной выработки суконных товаров фабрики снабжены всеми новейшими машинами, которые с технической точки зрения должны быть признаны вполне целесообразными и современными. При переходе фабрик во владение Алексея Александровича Досуева, т.е. в 1876 году, оборот достигал 500 000 рублей, который в настоящее время увеличился до 1 800 000 рублей. Таким образом, незначительное дело, начатое в 1823 году, к настоящему времени представляет из себя солидное предприятие и занимает в области суконной промышленности значительное положение, что было достигнуто неослабными трудами и неутомимой энергией нынешнего владельца Алексея Александровича Досуева. В течение многих лет А. А. Досуев состо-

ит поставщиком Военного ведомства.

ДУНАЕВЫ

Дунаев Петр Иванович — потомственный почетный гражданин. Родился в 1860 году. С 1876 года вступил в торговое дело отца и с 1886 года состоял заведующим всем делом.

С 1913 года состоит директором и председателем правления мануфактурного товарищества на паях «Наследники И. И. Дунаева».

В течение многих лет состоит выборным Московского биржевого общества.

Дело Дунаевых начато в 1823 году Иваном Герасимовичем Дунаевым и в 40-х годах перешло к сыну его, ныне умершему родителю теперешних владельцев, Ивану Ивановичу Дунаеву, который, получив дело, постоянно расширял и увеличивал его. Ближайшими помощниками его в расширении дела были его старшие сыновья: Иван Иванович, ныне также умерший, и Петр Иванович, другие сыновья его, Александр и Павел Ивановичи, были еще малолетними. Упорным трудом и старанием дело к 80-м годам было расширено настолько, что могло считаться в ряду крупнейших московских оптовых фирм. В 1888 году Иван Иванович Дунаев скончался, завещав своей жене, Александре Афанасьевне, и детям хранить и расширять оставленное им дело. Александра Афанасьевна Дунаева приняла дело, но ее преклонные годы не позволили ей принять в нем активного участия, и во главе дела стал Петр Иванович, который с вступившими к этому времени братьями, Александром и Павлом Ивановичами, продолжал укреплять и увеличивать торговлю, вводя новые товары и расширяя рынок их сбыта. Для дальнейшего развития дела Петр Иванович нашел нужным предложить матери и братьям учредить Торговый дом, и с 1 октября 1900 года дело продолжалось под фирмою «Торговый дом «Н-ки И. И. Дунаева», учредителем которого был Петр Иванович.

Торговый дом, строго и свято сохраняя завещанные основателями традиции, в течение 23 лет шаг за шагом увеличивал и расширял круг своей деятельности. В 1908 году открыто им отделение в Киеве, а в 1909 году приобретена и оборудована машинами новейших технических изобретений ткацко-вязальная фабрика. В 1913 году владельцы Торгового дома пришли к единогласному решению исполнить давнишнее их желание — учредить между собою паевое товарищество как самый совершеннейший вид каждого большого предприятия, и с 12 мая 1913 года новое товарищество под фирмою «Мануфактурное товарищество на паях «Н-ки И. И. Дунаева» открыло свои действия.

На первом общем собрании директорами избраны: Дунаев Петр Иванович, Дунаев Александр Иванович и Дунаев Павел Иванович.

ЕЛЬЦОВЫ

Ельцов Иван Васильевич — владелец золотых приисков в Амурской и Приморской областях.

Иван Васильевич родился в городе Якутске в 1844 году и, окончив курс трехклассного уездного училища, каковое в то время было единственным в этом городе, поступил на службу к богатому якуту, торговцу пушными товарами, скупавшему пушнину в тайге от тунгусов.

Ивану Васильевичу приходилось целые месяцы проводить в разъездах по тайге, часто приходилось ночевать на голом снегу и подвергать свою жизнь опасности. На этой службе он провел 6 лет, затем некоторое время служил в фирме «Дикман» и в 1883 году вместе с братом Федором Васильевичем открыл в ст. Сретенске торговлю, образовав Торговый дом. В 1887 году, чтобы оказать содействие брату Николаю Васильевичу, открывшему золотопромышленное предприятие под фирмой «Ельцов, Левашов и К^о», Иван Васильевич и Федор Васильевич торговлю в ст. Сретенске ликвидировали; золото стали добывать в 2-х системах по Амгуни и на Селемдже до 40 и 50 пудов.

Не принимая участия в этом предприятии, Иван Васильевич несколько лет жил в Благовещенске, посвятив себя общественной деятельности, а в 1898 году поехал путешествовать; он объехал всю Россию, побывал в Палестине, Египте и Японии, как восприимчивый и впечатлительный человек, глубоко интересуясь всем виденным; проездив 8 месяцев, Иван Васильевич возвратился в Благовещенск.

После смерти брата Николая Васильевича к Ивану Васильевичу перешли все его, предприятия, в том числе и золотопромышленное; в настоящее время добыча золота несколько уменьшилась, добывается от 20 до 30 пудов.

Иван Васильевич состоит почетным мировым судьей и посвящает много времени делам благотворительности.

ЕФРЕМОВЫ

Ефремов Михаил Ефимович — московский купец, владелец арматурного завода в Москве, член совета Общества заводчиков и фабрикантов и член попечительного совета женской гимназии Приклонской. Вышел из бедной крестьянской семьи Московской губернии, и, не получив никакого

образования, он поступил в 1869 году мальчиком на меднолитейный завод и постепенно упорным своим трудом, обладая природными дарованиями, изучил основательно литейное дело. Работая в литейных мастерских, он одновременно стремился и к самообразованию: сначала он выучился грамоте, а затем совершенствовался практически посещением заграничных заводов, побывал и в Америке. Его скромная жизнь и беспримерное трудолюбие позволили ему на скопленные скромные средства в 1882 году открыть в Москве мастерскую по выработке паровой и водопроводной арматуры, которой суждено было ныне превратиться в крупное предприятие «Арматурный и манометровый завода, с годовым оборотом около миллиона рублей. Все это создало ему доброе имя честного коммерсанта, пользующегося ныне в коммерческом мире большим доверием и уважением.

ЖЕМОЧКИНЫ

Жемочкин Илья Михайлович — владелец фабрики технических принадлежностей в Москве. Илья Михайлович родился в 1861 году в Москве. Образование получил домашнее. Илья Михайлович Жемочкин ведет непрерывно свой купеческий род с 1783 года и состоит во многих благотворительных местах членом. Фирма основана настоящим владельцем в 1892 году. Фабрика вырабатывает при водные кожаные ремни, брезенты, непромокаемые палатки, пожарные рукава и т.п. Оборот достигает 800 000 рублей в год. Илья Михайлович удостоен звания личного почетного гражданина. Ближайшим сотрудником Ильи Михайловича является сын его — Валентин Ильич, получивший высшее образование в Императорском Московском коммерческом училище. На выставках в Москве и Н. Новгороде фабрика удостоена 2 медалей. Илья Михайлович состоит выборным купеческого сословия.

ИВАНОВЫ

Иванов Павел Васильевич — московский купец, владелец крупного мануфактурного и галантерейного дела в Москве. Павел Васильевич родился в 1850 году в Москве в купеческой семье, скончался 31 января 1915 года. С 12-летнего возраста Павел Васильевич стал уже работать в торговом деле. Сначала он работал у своего дяди, который имел небольшую торговлю зерном и мукою. Немного позднее мать Павла Васильевича отдала его в учение по мануфактурному делу. Ознакомившись с этим делом, Павел Васильевич начал служить, но служба его продолжалась недолго, т. к. он всегда стремился к самостоятельной работе. Покинув службу, Павел Васильевич начал торговать оптом вразнос специально платочным товаром, в то время

входившим в большую моду. Он завел сношения с конторами, продававшими платки иностранного производства, и товар этот стал поставлять в московские мануфактурные лавки, особенно же его торговля имела большое развитие на пассажирских вокзалах Николаевской и Нижегородской ж. д. Это дало ему возможность собрать небольшие средства, на которые он и открыл мануфактурную торговлю на 1-й Тверской-Ямской улице. Здесь он вел торговлю частью в розницу и частью оптом. Лет 20 назад Павел Васильевич открыл при своей торговле игольно-галантерейное и парфюмерное отделение. Основанная им торговля постоянно развивалась и несколько лет тому назад уже получила широкую известность по всей России. Полувековая деятельность на этом поприще создала ему доброе имя честного коммерсанта, пользовавшегося большим доверием и уважением в коммерческом мире. Кроме торговой деятельности, Павел Васильевич принимал живое участие в Тверской старообрядческой общине в Москве, где до самой смерти состоял членом совета и на пользу коей вложил немало как труда, так и личных средств, а также в общине Рогожского кладбища, где много трудился.

КАЗЕЕВЫ

Суконная фабрика, находящаяся в Пензенской губернии, в Куренском уезде, при селе Большая Лука на реке Ваде, расположена на 25 десятинах. Фабрика была куплена в 1862 году Степаном Антоновичем Казеевым у Зиновия Ивановича Никифорова.

Она состояла из нескольких деревянных одноэтажных зданий и нескольких чесальных и скалочных машин и нескольких ручных прядильных и в настоящий вид приведена Степаном Антоновичем, улучшена и расширена покойным Николаем Степановичем Казеевым. Степан Антонович родился в 1818 году в Тамбовской губернии, в Спасском уезде, образование получил домашнее, но чтением пополнил свое образование, практически изучил технику и устройство плотин, умер в 1885 году. Сын Степана Антоновича, Николай Степанович, родился в 1849 году в Тамбовской губернии, кончил 4 класса Тамбовской гимназии, умер в 1908 году. Второй сын, Александр Степанович, родился в 1853 году в Тамбовской губернии, кончил 6 классов Тамбовской гимназии. Александр Степанович состоял несколько трехлетий земским гласным. Имеет награды как почетный мировой судья и попечитель церковно-приходской школы, которая содержится на счет владельцев фабрики. В 1910 году по разделу фабрика перешла в собственность Александру Степановичу. При фабрике имеется собственной земли 1 500 десятин. Рабочих 1 200 человек. Вырабатывается разных сукон до 20 000 кусков. В настоящее время фабрика является поставщиком для Во-

енного ведомства, для Главного Тюремного управления и для частной продажи, вырабатывает бобрики, байки всех сортов, монтоныки, шевиоты и русские сукна всех сортов. Производится торговля на Нижегородской ярмарке и на ярмарках Урюпинской, Покровской и Крещенской. Рабочие при фабрике — исключительно местные крестьяне. Освещение фабрики электрическое.

КАРЯКИНЫ

Братья Карякины — Василий, Андриан и Николай Петровичи — владельцы солеваренного завода в Славянске, мыловаренного завода, винокуренного завода и торговли скобяными, москательными и колониальными товарами. Фирма основана в 1860 году в Славянске отцом настоящих владельцев — Петром Трофимовичем — и представляла тогда собой небольшое торговое предприятие с годовым оборотом в 2 000 рублей. Постепенно Петр Трофимович расширял дело и приобрел соляной завод. В 1878 году Петр Трофимович умер, оставив имущество в наследство своим сыновьям. Братья энергично продолжали дело. В 1880 году открыли красильное заведение, в 1880 году мыловаренный завод, затем колониальную, москательную и скобяную торговлю и винокуренный завод. Дружными усилиями братья развили дело до степени первоклассного предприятия с миллионным оборотом. Василий Петрович родился в 1851 году. Образование получил домашнее. С 12-летнего возраста помогал отцу в его делах. В настоящее время Василий Петрович является руководителем всех предприятий фирмы. Василий Петрович состоит гласным городской думы, одно время занимал должность городского головы, по назначению губернатору является старостой Всехсвятской церкви, членом Общества пособия недостаточным учащимся и членом всех местных благотворительных учреждений. За спую общественную деятельность Василий Петрович удостоен двух больших серебряных медалей. Андриан Петрович родился в 1854 году. Образование получил домашнее, также как и брат, помогал отцу. В настоящее время заведует несколькими отделениями фирмы, способствуя их процветанию. Андриан Петрович состоит старостой соборной церкви и членом почти всех местных благотворительных учреждений. За обновление собора Андриан Петрович удостоен золотой шейной медали и за усердие — серебряной. Николай Петрович окончил 5 классов гимназии, но по болезни принужден был не закончить образование. По той же причине он не участвует активно в деле и в общественной жизни, а ограничивается пожертвованиями на дела благотворительности.

КАШТАНОВЫ

Инициаторами дела «Торгового дома братьев Т., Л., В. (старшего) Каштановых» были братья Тимофей и Леонтий Ивановичи Каштановы. Старший из них, Тимофей, с юных лет посвятил себя изучению суконного производства; родился он в деревне Щербинке Коломенского уезда Московской губернии 20 февраля 1836 года. На одной из известных в то время суконных фабрик Тимофей Иванович изучил прядильное, ткацкое и красильное дело, в 1859 году по желанию отца перешел на суконную фабрику в селе Подмоклове Алексинского уезда Тульской губернии, принадлежавшую его отцу Ивану Васильевичу и дяде; эта фабрика выпускала не более десяти кусков в день суровья и приводилась в движение водой. Тимофею Ивановичу на фабрике была предоставлена отцом полная свобода. Одновременно его брат, Леонтий Иванович, поселяется в Москве и удачно ведет фабрично-торговые дела. К 1876 году у владельцев этой маленькой фабрики образовался запасной капитал настолько большой, что они в том же году купили в городе Серпухове сгоревшую суконную фабрику г. Лыжина, на месте которой и была устроена прядильная, ткацкая и отделочная фабрика. Вскоре Тимофей Иванович вместе с братьями Леонтием и Василием (старшим) учреждает Торговый дом, в котором технической стороной дела заведует Тимофей Иванович и после его дети, а торговлей — Леонтий Иванович. В первые годы на Серпуховской фабрике работало не более 200 человек. В настоящее время на ней работает около 1 000 человек, и она при годовом обороте в $2\frac{1}{2}$ -3 миллиона рублей выпускает свыше 35 000 кусков ворсованного сукна из мериносовой шерсти, сатина, трико и др. С 1915 года Торговый дом преобразован в товарищество с основным капиталом в 2 000 000 рублей. Земли под фабрикой около 4 десятин, освещается электричеством собственной энергии. При фабрике имеется школа на 60 человек, выстроенная Тимофеем Ивановичем и в настоящее время переданная в церковно-приходское попечительство. Есть приемный и родильный покои, больница же присоединена к земству. При фабрике имеются казармы для рабочих; для семейных отдельные комнаты, для холостых — общие, причем те и другие предоставлены рабочим фабрики безвозмездно. Фабрика Каштановых является поставщиком Военного ведомства.

КАЩЕНКО

Фирма «В. М. Кащенко с-я» имеет своей специальностью кожевенное и мукомольное дело и представляет одно из самых старинных крупных русских предприятий по своей отрасли. Начало фирме было положено дедом настоящих владельцев, Михаилом Андреевичем Кащенко, в слободе Бу-

турлиновской Воронежской губернии. Дело это успешно развивалось и еще при жизни деда распространилось по Дагестанской области и Кавказу. Покойный отец владельцев Василий Михайлович Кащенко представлял собой человека с ярко выраженной русской натурой, человека редкой инициативы и глубокого ума. Наряду с развитием кожевенного производства Василий Михайлович поставил и развивал хлебное дело. Воспитав с раннего возраста в своих сыновьях, Алексее и Александре, самостоятельность и любовь к труду, он нашел вскоре в них деятельных помощников; так, например, Алексей Васильевич уже в 14 лет выезжал на лошадях самостоятельно по делам отца в Ростов и на Кавказ. В 1886 году скончался Василий Михайлович. Дело свое он передал сыновьям. Сыновья его, руководствуясь в ведении дела принципами своего отца, продолжали вести его по пути дальнейшего развития. В настоящее время фирма «В. М. Кащенко с-я» имеет несколько паровых мельниц, маслобойных заводов в разных городах России. Имеет свыше 50 отделений, занимающихся покупкой и продажей хлеба, заграничным экспортом и продажей кож и сыром виде русским заводчикам и за границу. Братья Алексей и Александр Васильевичи являются крупными деятелями в коммерческом мире. В то же время они принимают активное участие в делах общественного служения, общественной и частной благотворительности и в деле народного образования. Глубоко чтя свою православную церковь, в твердых правилах коей выросли с детства, братья выстроили в родной слободе Бутурлинской Воронежской губернии в память своего незабвенного отца церковь по точному образцу храма Христа Спасителя; роскошью отделки, художественной иконописью, обширностью и светом они действительно присоединили сокровищницу к памятникам Русской церкви, охарактеризовав своим делом любовь к памяти отца, православной церкви и русскому искусству. С 1888 года по настоящее время бесперывно Алексей Васильевич состоит попечителем Бобровской гимназии в Воронежской губернии. Здание гимназии им выстроено на свой счет. За особые заслуги перед городом Бобровом он избран почетным гражданином от города. В воздаяние заслуг перед отечественной торговлей и промышленностью пожалован званием потомственного почетного гражданина.

КОРОЛЕВ

Торговый дом под фирмой «И. Д. Стуколов и Я. С. Королев» в составе товарищей Ивана Дмитриевича Стуколова и Якова Сергеевича Королева возник в 1909 году.

Королев Яков Сергеевич происходит из крестьян Тверской губернии Новоторжского уезда. Не имея никаких средств, в 1892 году он поступил на службу на Охтенский пороховой завод в Петрограде, сначала в качестве

конторщика, а потом рабочего в пироксилиновом отделе завода. В атмосфере, полной вредных газов, напитокывал он особый материал кислотами и промывал в ваннах. Получался пироксилин. А пытливый ум Королева в то же время доискивался, из чего и как готовится материал для обработки пироксилина, почему он идет исключительно из Англии, нельзя ли приготовить его дома — в России. Уже наружный вид употребляемого материала свидетельствовал о том, что он готовится из хлопчатобумажных остатков, которых много имеется на наших фабриках. После полуторагодовой работы Королев открыл способ ручного изготовления хлопчатобумажных концов для выработки пироксилина.

Тогда Королев задумал устроить завод для обработки хлопчатобумажных остатков. С этой целью, взяв отпуск на Охтенском заводе, он отправился в Южу на фабрику Балина, где служил бухгалтером его родственник Пашков. Через Пашкова познакомился с директором фабрики П. И. Минофьевым, которого и заинтересовал своим проектом. По предложению Минофьева Королев обработал для пробы материал для выработки пироксилина, каковой и был послан для всестороннего испытания и авторитетного отзыва на Казанский пороховой завод. От начальника завода генерала Лукницкого был получен лестный отзыв об изготовленном Королевым материале, и вместе с тем генерал Лукницкий выразил желание пользоваться материалами для выработки пироксилина, изготовленными на русских заводах.

После этого Минофьев познакомил Королева с иваново-вознесенским купцом А. Матросовым, который согласился под руководством его оборудовать соответствующий завод. По приспособлении арендованного завода к выработке хлопчатобумажных концов было сделано предложение поставлять указанный материал Главному Артиллерийскому управлению. По требованию генерала Филимонова было отправлено 60 пудов изготовленных на этом заводе концов для испытания на Охтенский пороховой завод. Материал оказался для изготовления пироксилина годным, и Матросов получил казенный заказ. Тогда он, пригласив себе в компаньоны Коровкина с капиталом в 30 тысяч рублей, приступил к постройке в Иваново-Вознесенске специального завода, а Королева от дела устранил.

Но в это время проектом Королева заинтересовался И. М. Любавин и предложил ему принять участие в постройке такого же завода близ станции Петушки Нижегородской железной дороги. С увлечением принял Королев за работу, но вскоре его опять постигла неудача: завод, еще не достроенный, Любавин продал. В это время Матросов и Коровкин вследствие недостатка средств и знаний не смогли справиться со своим заводом для выработки хлопчатобумажных концов.

Об этих предприятиях и секрете их неудач узнал иваново-вознесенский фабрикант Д. Г. Бурылин и пригласил Королева к себе на службу, оборудовать специальное отделение для выработки хлопчатобумажных концов. Под руководством Королева дело это разрасталось.

Когда Королеву стало затруднительно справляться с разросшимся делом, Бурылин пригласил ему в помощники его двоюродного брата Ивана Дмитриевича Стуколова. Братья долго служили в качестве доверенных по этому делу в указанной фирме: Королев — 16 лет, Стуколов — 8.

Между тем с 1907 года Королев и Стуколов были приглашены компаньонами в пошатнувшееся аналогичное предприятие, владельцем которого в то время состоял Н. Н. Глухов, а компаньонами — С. Н. Хренов и А. С. Гурьян. Братья, вступив в это дело с очень ограниченными капиталами, энергично принялись за реорганизацию дела. Учредили Торговый дом под фирмой «И. Д. Стуколов и К^о», полными товарищами которого были Стуколов и Королев, Глухов, Хренов и Гурьян — вкладчиками. Торговый дом арендовал фабрику Глухова «Царевская мануфактура» и привел дела в блестящее состояние. Через два года, т.е. в 1909 году, Глухов, Хренов и Гурьян вышли из дела, получив полное удовлетворение, а фирма была переименована в Торговый дом «И. Д. Стуколов и Я. С. Королев», существующий поныне в составе полных товарищей Ивана Дмитриевича Стуколова и Якова Сергеевича Королева.

28 января 1913 года во время заведования фабрикой германского подданного П. И. Пикос произошел на фабрике Торгового дома взрыв варочного котла, повлекший за собой разрушение двухэтажного здания и человеческие жертвы и надолго затормозивший производство фабрики. Весьма вероятно, что тут был злой умысел Пикоса, тем более что во время его службы на химическом заводе Лури также был взрыв котла с бензолом. Энергичные владельцы Торгового дома восстановили фабрику и неизменно продолжали развивать свое предприятие, оказавшееся столь необходимым ввиду вспыхнувшей войны.

Во время настоящей Великой войны, когда обнаружился недостаток гигроскопической ваты, Королев и Стуколов, не жалея средств и труда, оборудовали при своей фабрике специальное отделение для производства гигроскопической простой (одежной) ваты, которое вместе с хлопкоотбельно-очистительным заводом Торгового дома работает в настоящее время с полным напряжением всех сил, дабы успевать своевременно выполнять правительственные заказы.

Кроме того Торговый дом «И. Д. Стуколов и Я. С. Королев» организует разработку торфа в Московской и Тверской губерниях. Разрабатываемая Торговым домом площадь торфяных болот в Тверской губернии достигает

1 000 десятин при толщине торфяного пласта от 3¹/₂ до 9 аршин. Отсутствие специальных машин, вызванное войной, тормозит дело, откладывая правильное ведение работ до более благоприятного момента.

Производство товаров и материалов Торговым домом «И. Д. Стуколов и Я. С. Королев» достигает в настоящее время до 3 000 000 рублей в год.

КРИВОДУШИНЫ

Криводушин Петр Ильич — владелец золотых приисков «Немонь» при реке Аканаке. Петр Ильич происходит из мещан города Благовещенска, родился в городе Каинске Томской губернии в 1866 году. Образование получил домашнее. До 20 лет занимался крестьянством, а затем ушел в тайгу на разведку золотых приисков. Возвратившись через некоторое время в город Благовещенск, Петр Ильич занялся подрядами плотничных работ и в то же время снял поименованные выше золотые прииски. Прииски оборудованы ручным способом. Рабочих бывает от 200 до 300 человек, состоящих из китайцев, корейцев и отчасти русских. Золота добывается от 1 до 5 пудов в год.

Петр Ильич состоит членом многих благотворительных и просветительных учреждений, а в коммерческой деятельности показал себя стоящим русским самородком, что так важно в нашей отечественной промышленности.

Ф. П. Криводушин имеет образование за 4 класса гимназии; служил телеграфным чиновником 3 года. С 1908 года состоит доверенным и управляющим золотыми приисками своего отца.

КУДРЯВЦЕВЫ

Кудрявцев Федор Тимофеевич — потомственный почетный гражданин и московский первой гильдии купец, церковный староста церкви Зачатия св. Анны в Углу, подобно родителю своему, ныне умершему, Тимофею Агафоновичу Кудрявцеву, пробыл в этой почетной — должности 4 с лишним трехлетия. Федор Тимофеевич родился в 1859 году в городе Москве и происходит из крестьян Тверской губернии. На почетную должность церковного старосты церкви Зачатия св. Анны Федор Тимофеевич избран единогласно всеми прихожанами храма в 1908 году по смерти своего отца и в настоящее время переизбран на новое 3-е трехлетие. За время своей деятельности в качестве церковного старосты Федор Тимофеевич много сделал для приходского храма, щедро жертвуя на его благолепие, как-то: на содержание хора и для внутреннего убранства, обогатив ризницу новой плащаницей и дорогими облачениями. Им же пожертвованы своему храму

иконы новопрославленных угодников Божьих — преподобного Серафима Саровского, княгини Анны Кашинской и святителя патриарха Ермогена. Кроме того, Федор Тимофеевич состоит председателем Елизаветинского местного комитета, гласным Московской городской думы и выборным Московского купеческого общества.

КУМАНИНЫ

Семья Куманиных является одной из старейших московских купеческих семей; с течением времени почти все ее члены перешли в дворянство. Она занимает первое место в московском купеческом родословии по числу ее членов, возглавлявших Московское городское общественное управление.

Родоначальником московской ветви Куманиных является Алексей Куманин, переяславский купец. Жена его, Марфа Андреевна, умерла в 1789 году. В том же году ее сыновья, Алексей, Василий и Иван Алексеевичи, переселились в Москву, где стали московскими «Кошельской слободы» купцами.

Алексей Алексеевич стал «первостатейным купцом, коммерции советником, кавалером ордена Св. Владимира IV степени (что тогда давало дворянство), бургомистром Московского магистрата (1792-1795) и Московским городским главою» (1811-1813, то есть во время Отечественной войны).

Сын его, Константин Алексеевич, был также городским головой (1824-1827); с 1830 года также получил дворянство. Его брат, Валентин Алексеевич, потомственный дворянин, занимался общественной деятельностью: был членом Московской мануфактуры и коммерческих советов, директором попечительства о тюрьмах и т.д.

Сын Ивана Алексеевича, Петр Иванович, потомственный почетный гражданин, был также московским городским головой (1852-1855). Он был учредителем богадельни, носящей его имя и находящейся в Москве на Калужской улице. Дочь Константина Алексеевича, Наталья Константиновна, была замужем за Кириллом Афанасьевичем Кукиным, потомственным почетным гражданином, который также был Московским городским головой.

Алексей Константинович, потомственный дворянин, работал в деле коммерческого образования.

Николай Гордианович, сын Гордиана Ивановича, брата Петра Ивановича, потомственный почетный гражданин, был казначеем городской распорядительной думы и выборным купеческого сословия. На его средства основана Петро-Николаевская богадельня.

Сын Александра Константиновича, Валентин Александрович, потомственный дворянин, служил дежурным чиновником в Румянцевском музее и имел чин коллежского регистратора. Владел банкирской конторой, был большим любителем театра и сам выступал в труппе Лентовского.

Его брат, Федор Александрович, также потомственный дворянин, служил в Московском губернском акцизном управлении, а затем посвятил себя литературной деятельности. Издавал ряд журналов: «Артист», «Театрал», «Театральная библиотека», «Читатель» и др.

Третий брат, Александр Александрович, служил в Московском Главном архиве Министерства иностранных дел.

П. Бурышкин

НОСКОВЫ

В семидесятых годах основано было Федором Ивановичем Носковым небольшое торговое дело в Ковровском уезде, которому суждено было развиться потом в крупное торговое предприятие, имеющее ныне 18 отделений, торгующих мучными, бакалейными и другими товарами. В 1905 году Федором Ивановичем было положено начало пароходству по рекам Оке, Клязьме и Тезе. На реке Тезе для движения судов была применена им первым паровая сила, для чего пришлось выстроить пароходы особой конструкции. Это нововведение много способствовало развитию торговли и промышленности в районе реки Тезы. Затем в 1910 году Федор Иванович основал бумаготкацкую фабрику в селе Кляземском Городке, которую после его смерти оборудовал сын его, Василий Федорович. Федор Иванович скончался в 1911 году, на 70 году жизни. Он был видный общественный деятель своего времени; деятельность его началась с 25-летнего возраста в качестве волостного старшины и затем гласного Ковровского земского собрания. Участвуя в заседаниях Ковровского уездного комитета о сельскохозяйственных нуждах в 1902 году, им была произнесена известная речь в защиту прав крестьянина, которая в то время была напечатана во многих русских и иностранных газетах. В качестве маркитанта Носков участвовал в Турецкой кампании. Имел подарок (золотые часы) от государя императора Александра II за поднесение так называемых кляземских стерлядей. За три года до своей смерти, т.е. в 1908 году, Федор Иванович учредил Торговый дом, под названием «Кляземско-Городецкий Торговый дом Ф. И. Носков с с-ми», главным руководителем которого является ныне сын его, Василий Федорович, который состоит членом Московского и Нижегородского биржевых обществ, членом съезда судовладельцев Волжского бассейна, членом Ковровского комитета Красного Креста, где состоит и членом реви-

зионной комиссии. Во время пребывания государя императора Николая II в Н. Новгороде в 1913 году Василий Федорович имел счастье участвовать, в числе других членов съезда судовладельцев Волжского бассейна, в приеме Высокого Гостя на специально приготовленной барже.

ОРЛОВЫ

Стеклопроизводство в России, как известно, увеличивается с каждым годом. Разнообразное применение стекла в домашнем обиходе и в других отраслях каждый знает. Изготовление же в России химической стеклянной посуды всецело находится в руках одной из немецких фирм. Русские фабриканты не желают заниматься производством химической посуды или же не имеют мастеров, умеющих делать сложные аппараты и приборы для химических лабораторий. Вообще изготовление стеклянной посуды делится на два рода: на заводскую и стеклодувную на паяльном столе, так как вещь, сделанную на паяльной лампе из тонкого стекла, невозможно изготовить заводским способом и наоборот.

Пионером в отрасли изготовления стеклянных предметов на паяльной лампе в России можно смело считать русского мастера, покойного родителя теперешнего владельца мастерских стеклянных изделий М. Орлова — Григория Семеновича Орлова.

В конце сороковых годов прошлого столетия искусство работ на паяльной лампе было в руках двух французов. Г. С. Орлов жил в то время, а именно в 1848 году, на стеклянном заводе «А. И. Ге и Мартен» в Корчевском уезде Тверской губернии. Там он случайно и увидел это искусство — выдувать из стеклянных трубочек разные мелкие вещицы. Ему пришла мысль выучиться и заняться этим делом. Первоначально это делалось самым примитивным способом: употреблялся так называемый в то время «дуванчик», напоминающий теперешнюю февку (блезер), применяемую золотых дел мастерами. Материалом для горения тогда было конопляное масло, в которое вставлялся фитиль из ваты и тряпья. К огню одним концом подставлялся вышеназванный дуванчик, в который дули ртом, и выходящим из другого отверстия дуванчика воздухом пламя удлинялось и имело повышенную температуру, в которой нагревалось стекло до его размягчения; в следующую секунду нужно было ртом оторваться от дуванчика и дуть в узенькую трубочку нагреваемого предмета, чтобы раздуть его шарик до требуемого размера; все это было очень и очень неудобно. Так работал Григорий Орлов десять лет, пока не догадался этот дуванчик соединить с воздушным мехом и накачивать воздух ногой. С этим первоначальным приспособлением дело пошло у него успешнее; он стал менять и материал для горения, переходя постепенно на коровье сало, потом на парафин, ко-

торый температуру спокойного пламени дает более высокую, чем масло и сало, вместе взятые. Так продолжали работать до 1877 года, изготавливая простые вещи, как-то: круглые бусы, серьги, запонки, мундштуки для курения папирос и т.п.

В 1877 году сын старика Орлова, Михаил Григорьевич Орлов, с целью усовершенствования своего дела, съездил в Петербург, где и получил возможность ознакомиться с применением специальной выдувной лампы, на которой и стал работать до 1882 года в деревне, в местности Круг (имение князя Меншикова Московской губернии Клинского уезда).

По переезде на постоянное жительство в С.-Петербург неутомимый М. Орлов всецело отдался работе в отрасли стеклянного производства, стараясь постичь искусство заграничных мастеров в изготовлении тонких и сложных приборов. Неустанным трудом и энергией в течение 30 лет Орлов достиг всего этого и выпустил из своей мастерской ряд учеников-подмастерьев, не уступающих теперь в работе, по общим отзывам, лучшим и известным заграничным мастерам. Для более удобной выработки стеклянных изделий в настоящее время работы производятся в мастерской Орлова на городском газе со специальной усовершенствованной и очень удобной для газа горелкой с двумя кранами, где возможно моментальное изменение пламени с большого на малое, чего ранее нельзя было делать скоро на керосиновых лампах.

Все эти усовершенствования дали возможность Орлову изготовить приборы, первоначально выставленные на Всероссийской Промышленной выставке в Н. Новгороде в 1896 году, за которые присуждена была Орлову серебряная медаль. На следующей С.-Петербургской Ремесленной выставке в 1899 году Орлов получил уже золотую медаль. При этом в отзыве экспертизы о работах М. Г. Орлова он был по справедливости назван экспертами «Русским Грейнером».

Вследствие того, что в последнее время вместе со стеклянными изделиями увеличился спрос на лабораторные принадлежности из дерева, фарфора, меди, платины и др., М. Г. Орлов в 1906 году открыл магазин, где имеются: химическая и аптечная посуда и лабораторные принадлежности; производятся полные устройства лабораторий: бактериологических-, химических и фармацевтических; постоянно в большом выборе аппараты для исследования низших организмов и принадлежностей к ним; печи Коха для стерилизации и культуры бактерий, ртутно-воздушные насосы, принадлежности микроскопии, терморегуляторы, термометры химические, для измерения температуры тела, максимальные, точно проверенные, для ванн и комнатные. Кроме сказанного, имеются аппараты для приготовления кислорода, закиси азота, для вдыхания насыщенного воздуха, для стерилиза-

ции молока, ареометры, горелки и лампы разного рода: дезинфекторы комнатные для быстрого обеззараживания жилых помещений, пульверизаторы и мн. др. предметы для ухода за больными.

М. Г. Орлов выпустил в 1910 году обширный иллюстрированный прейскурант, который много способствовал распространению известности этой фирмы в провинции; при этом в тех случаях, когда требовались приборы, не предвиденные прейскурантом, они всегда по присланным рисункам исполнялись Орловым скоро и добросовестно.

С хорошо подобранным комплектом подмастерьев и других служащих как при магазинах, так и при складах, следует надеяться, что эта русская фирма будет прогрессировать из года в год, имея в числе своих постоянных потребителей много высших учебных заведений как в Петербурге, так и в провинции.

Фирма принимает на себя устройство химических, бактериологических и физических лабораторий, а также полное оборудование аптек, амбулаторий и больниц.

ПОЛУТОВЫ

Полутов Дмитрий Васильевич — коммерции советник и почетный мировой судья округа Читинского окружного суда, член Читинского городского сиротского суда, почетный блюститель 2-го Читинского приходского училища, церковный староста церкви Института благородных девиц в городе Иркутске и член многих благотворительных и просветительных учреждений и общественных организаций.

Дмитрий Васильевич с 1 января 1883 года числился купцом 2-й гильдии, а с 1 января 1907 года — купцом 1-й гильдии; состоит деятельным участником и распорядителем дел Торгово-Промышленной фирмы Полутовых, возникшей в 1869 году в станице Митрофановой Забайкальской области и существовавшей сначала на имя Василия Егоровича Полутона — отца, а затем на имя братьев: Ивана, Николая, Александра и Дмитрия Полутовых.

После смерти отца и братьев Ивана и Николая братья Александр и Дмитрий перенесли всю деятельность в 1900 году в город Читу, где в 1907 году брат Александр умер. Фирма успешно вела торговлю и извозно-транспортное дело в пределах Нерчинского и Читинского округов; в направлении станции Сретенск к Верхнеудинску; имела крупные подряды на Забайкальской железной дороге и поставки дров, шпал и других материалов; фирма принимала участие по постройке Среднесибирской железной дороги, эксплуатации Петровского чугуноплавильного завода кабинета Его

Императорского Величества, в поставке провиантов в неурожайные годы населению Забайкальской области; владеет сейчас лесопильным заводом на станции «Бодо», участвует в компании Читинской электрической станции, в Читинской крупчатой мельнице, стеариновом заводе и золотопромышленных делах Забайкалья в нескольких приисках, в поставке провиантов для Интендантства и во многих других предприятиях Забайкалья и Иркутска.

Солидное положение Дмитрия Васильевича в коммерческом мире достаточно характеризуется также тем доверием к его честности и справедливости, так, он избран в члены учетного ссудного комитета при Читинском отделении Государственного банка, за какую-то службу награжден золотыми медалями на Станиславской и Александровской лентах.

За крупное пожертвование (более 25 тысяч рублей) при постройке нового здания для Читинского Мариинского женского приюта и за устройство на свои средства при этом приюте церкви во имя св. Дмитрия Солунского по представлению военного губернатора Забайкальской области от 1 ноября 1913 года Дмитрий Васильевич Высочайше награжден званием Коммерции Советника.

Кроме этого, им построены две церкви на родине в станице Митрофановой.

В 1914-1916 годах построены в Иркутске четыре каменных здания для лазарета Красного Креста; ввиду войны и вздорожания всех строительных материалов и рабочих рук, пришлось для окончания работ к сметному ассигнованию добавить из своих средств до 40 000 рублей.

ПОСЫЛИНЫ

Фабрика основана Степаном Ивановичем Посылиным в конце восемнадцатого столетия в городе Шуе, приблизительно в 1778 году, и сначала принадлежала братьям Посылиным. Она состояла из ткацкого, набивного и прядильного отделений, изготовляла бумажные материи, ситец и платочный товар, обслуживала, помимо русских рынков, Среднюю Азию, Кавказ и Персию. Наибольшего размера фабрика достигла в 1830 году при братьях Посылиных, при которых и получила награду — Государственный герб и медали. В это же самое время фирмой была оказана денежная услуга русскому отряду на Кавказе, за что глава фирмы, Михаил Степанович, удостоился личной благодарности императора Николая I. В 1883 году фирма преобразована в товарищество Степаном Михайловичем. Степан Михайлович неутомимой энергией поднял дело, начавшее уже приходить в упадок, и в товарищество привлек зятя, Ивана Ивановича Попова. Основной капитал

товарищества сначала был 300 000 рублей. В 1891 году Степан Михайлович умер и во главе дела стала его супруга — Мария Александровна и старый служащий — Иван Петрович Березкин. В 1894 году основной капитал увеличен до 350 000 рублей, а в 1910 году — до 600 000 рублей. Директорами правления состояли зятья Посылина: Х. Х. Леденцов, Е. П. Лашилин и служащий Языков. В то же время фабрика занималась изготовлением пунцовых тканей, сохранив вместе с тем ассортимент старых ситцев и платочного товара.

ПРОТОПОПОВЫ

Протопопов Степан Алексеевич — статский советник и Мануфактур-Советник, видный московский общественный деятель и крупный благотворитель.

Родился Степан Алексеевич 1 июля 1843 года в Москве в старинной купеческой семье. С юных лет Степан Алексеевич посвятил себя коммерческой деятельности. Сначала он работал в деле своего отца, а затем был директором-распорядителем в свое время известного водочного завода Попова. К этому именно моменту и относится начало его широкой общественной деятельности. Будучи избран в 1877 году гласным Московской городской думы, Степан Алексеевич принял самое живое участие в работах многих думских комиссий. Во всех работах, в которых он принимал участие, всегда проявлялась им здоровая инициатива, протекавшая под флагом широкого доверия к личности общественного работника. В московском купеческом обществе, где он в течение многих лет состоял старшиной, также ярко выразилась его полезная деятельность. По его инициативе была учреждена касса вспомоществования лицам купеческого звания, впадшим в нужду. В области народного образования Степан Алексеевич также немало потруился. Он любил учащихся и всегда оказывал им поддержку. Степан Алексеевич был одним из основателей и почетным членом Московского общества распространения коммерческого образования. Он пожертвовал обществу землю под постройку здания для этого училища и пятьдесят тысяч рублей на сооружение здания Коммерческого института. Состоя почетным попечителем мещанских училищ купеческого общества, Степан Алексеевич много жертвовал из своих средств на благосостояние этих училищ. В течение тридцати лет Степан Алексеевич состоял вице-президентом Общества попечения о детях лиц, ссылаемых по судебным приговорам в Сибирь. Наряду с этим он принимал живое участие в приюте Цесаревны Марии, который своим существованием обязан почти исключительно ежегодным крупным пожертвованиям Степана Алексеевича. Скончался Степан Алексеевич 12 января 1916 года. Он был одним из самых видных предста-

вителей финансового мира Москвы и общественным деятелем. Он был самым энергичным работником Северного Страхового общества, где в течение 35 лет состоял председателем правления и состоял в течение 22 лет председателем совета Московского купеческого общества взаимного кредита. Он же является создателем акционерного Общества «Радоха» химических заводов в Сосновицах. Помимо того, он состоял выборным Московского купеческого общества, попечителем Тверского городского попечительства о бедных, попечителем комитета Великой Княгини Елизаветы Феодоровны о Сергиево-Елизаветинском трудовом убежище для увечных воинов русско-японской войны, церковным старостой церкви Успения Пресвятой Богородицы. Более всего Степан Алексеевич любил труд, в нем он находил цель и смысл жизни.

САКИНЫ

Фабрика Торгового дома наследников П. А. Сакина основана в 1864 году при селе Макарове Ростовского уезда Ярославской губернии в виде раздаточной конторы и небольшого отбельно-отделочного заведения.

При неослабной энергии и знании дела основателя предприятие получило большое развитие, так что в 1880 году на земле, купленной у брата поэта Н. А. Некрасова Федора Алексеевича Некрасова, при селе Карабихе Ярославской губернии и уезда была выстроена ткацкая фабрика с усовершенствованными ручными ткацкими станками и при ней химическая отбельная с отделочным при ней отделением.

С этого времени фабрика начинает быстрыми шагами увеличиваться, и в 1888 году был положен первый кирпич к основанию механической ткацкой.

В дальнейшем предприятие фирмы продолжает развиваться и увеличиваться, но в самом расцвете предприятия в 1896 году умирает основатель фирмы П. А. Сакин. После него остаются малолетние наследники, которым и перешло все предприятие.

Наследниками покойного основателя предприятия стали сыновья его: Михаил, Алексей, Сергей и Владимир Петровичи Сакины.

Руководителем делами фирмы долгое время был Михаил Петрович, а затем выбыл из состава Торгового дома.

В настоящее время руководителем предприятия и торговли является Сергей Петрович, заведующим всей хозяйственной частью — Алексей Петрович и специально ткацким отделом — инженер-технолог Владимир Петрович.

Фабрика состоит из двух отдельных корпусов: ткацкого и отбельно-

отделочного со многими отдельными постройками.

Фабрика освещается электричеством с собственной станции. Имеет 300 механических ткацких станков, оборудованных для различного рода тканей, как-то: тонких полотен, батистов, столового белья и носовых платков и многих других льняных тканей.

Всех тканей вырабатывается до 3 500 000 аршин стоимостью до 1 500 000 рублей.

СКВОРЦОВЫ

Скворцов Иван Иванович принадлежал к числу тех русских людей, которые болеют душой за русское дело. Открывая фабрику, которая приносила бы выгоду лично ему, он тем самым способствовал общему экономическому подъему России. Началось дело с малого.

В начале сороковых годов Иван Иванович принял в свое управление дело отца в селе Середи.

Отец его, Иван Никитич, занимался выработкой ручным способом бумажных тканей. Делалось это так: пряжа покупалась на вновь возникавших бумагопрядильных фабриках и привозилась в Середу летом по Волге и зимой гужом. Здесь пряжа приготавливалась для тканья и раздавалась по соседним деревням для выработки миткаля. Дело это к концу 60-х годов Иван Иванович развил до больших размеров, давая работу местному населению на 3 000 ручных станков, вырабатывая в год до 70 000 кусков и более миткаля, на сумму около 400 000 рублей. В летние месяцы работа не производилась, так как народ занимался хлебопашеством. В это время Иван Иванович купил у крестьян деревни Фроловки — в 2-х верстах от Середы, на речке Шаче — 2¹/₂ десятины земли и построил механическую ткацкую фабрику на 450 ткацких станков, которые выписал из Англии.

Фабрика эта начала функционировать в 1871 году под руководством двух главных мастеров, выписанных из Англии.

Так как механическая выработка миткаля далеко по качеству своему превосходила ручную выработку, то требование на новый товар было очень большое, и продажа его для фабриканта была выгоднее.

Вследствие этого фабрика быстро начала расширяться, и к началу 80-х годов в ней уже действовало 1 120 ткацких станков.

В первое время основания механическо-ткацкой фабрики миткаль, вырабатывавшийся на ней, сбывался по-прежнему, как и ручной, на ситценабивные фабрики села Иваново (ныне Иваново-Вознесенск), а к концу 70-х годов на этот товар уже явились требования от фабрикантов Московского

района.

С этого времени (с конца 80-х годов) скворцовский миткаль занял почетное место среди товаров, производимых первоклассными русскими фирмами.

В 1889 году Иван Иванович приобрел у «Торгового дома А. Павлова сыновей» другую фабрику, тоже миткалево-ткацкую.

Но через два года ему пришлось прекратить свою деятельность навсегда: в 1890 году он тяжело заболел и в 1892 году скончался.

После его смерти все дела перешли к его единственной наследнице, дочери Матрене Ивановне, по мужу Павловой.

Матрена Ивановна, будучи от природы женщиной деятельной и энергичной, не нашла нужным ликвидировать дела, а стала их продолжать.

Первым долгом она обратила внимание на техническое состояние фабрик которые во время болезни Ивана Ивановича несколько в этом отстали.

Ею была предпринята капитальная перестройка, она улучшила и обновила здания фабрики, машины, квартиры служащих и больницы. Все торговое и фабричное дело велось до 1 октября 1894 года под фирмой «Наследница Ивана Ивановича Скворцова — Матрена Павлова». Во всех ее делах ей содействовал муж — Петр Александрович Павлов. Кроме фабрично-торговой деятельности, Матрена Ивановна была не чужда и деятельности благотворительной, завещанной ей отцом. Она пожертвовала крупные суммы на ремонт и обеспечение местных храмов. Сумма пожертвований достигла 150 000 рублей. Затем ею же было много пожертвовано в Московский университет, на постройку здания для библиотеки имени ее отца. Много ею же сделано и других добрых дел. Совместно с мужем, Петром Александровичем, она выстроила при фабрике прекрасное училище для детей рабочих и служащих, на что было затрачено 35 000 рублей. Вследствие болезни Матрены Ивановны, постигшей ее в 1894 году, она не могла принимать непосредственного участия в ведении дела, и оно все целиком легло на мужа ее, Петра Александровича. Спустя же десять лет, в 1904 году, она передала принадлежащее ей дело мужу и сыну, тогда еще малолетнему, Павлоу Николаю Петровичу.

В 1897 году Петром Александровичем для более рационального ведения дела было учреждено, от имени своего и малолетнего сына Николая Петровича, паевое товарищество под названием «Товарищество мануфактур, основанных Иваном Ивановичем Скворцовым».

Главным пайщиком и владельцем предприятий становится внук основателя мануфактур — Николай Петрович. Но до его совершеннолетия попрежнему руководителем всего был отец — Петр Александрович.

В 1903 году в ведении дела начал принимать участие и главный пайщик товарищества — Николай Петрович, а в 1906 году, когда Петр Александрович вышел из товарищества, Николай Петрович стал почти единоличным владельцем паев. Он в качестве директора-распорядителя принял на себя все руководство по ведению всего торгового и фабричного дела.

Молодой и смелый в своих начинаниях, Николай Петрович, вступив в непосредственное управление всем делом, занялся главным образом вопросом об обеспечении разросшихся до громадных размеров фабрик своей пряжей. С этой целью он в 1907-1908 годы предпринял постройку обширной прядильной фабрики, причем местом ее постройки избрал село Середу, где находилась родоначальница всех его фабрик.

Бумагопрядильная фабрика сначала занимала прекрасное пятиэтажное здание со служебным при нем корпусом, котельною и электрической станцией.

При серединских фабриках товарищества имеются два храма: большой храм во имя Божией Матери Всех Скорбящих Радости, малый — во имя Успения Пресвятой Богородицы.

Основатель мануфактур, Иван Иванович, задумал в 1886 году построить свой храм, так как имевшиеся храмы в селах Середи и Никольском находились от фабрики в двух верстах. Для нового храма он избрал место близ фабрики, при Середском кладбище, в центре фабричного населения. В 1886 году он приступил к постройке храма вместимостью на 200 человек и постройку его окончил в 1887 году. 12 июня 1887 года храм был освящен преосвященным Александром, епископом костромским. Постройка храма стоила до 40 000 рублей. Ввиду того что построенный Иваном Ивановичем храм был бесприходный, то явилась необходимость в утверждении особого причта, что строитель храма и привел в исполнение. Для этого приобрел рядом с храмом землю, устроил причтовые дома и с разрешения владыки пригласил причт — священника и диакона, обеспечив его содержанием. На приобретение земли, постройку домов для причта и его обеспечение Иван Иванович затратил до 25 000 рублей.

С годами местные фабрики расширялись. Из небольших деревушек близ фабрик выросли большие слободы с общим населением до 15 000 человек.

Храм был один и не мог вместить всех желающих молиться. Этой назревшей нужде навстречу идут преемники Ивана Ивановича — дочь Матрена Ивановна, ее муж Петр Александрович и внук Николай Петрович. Они, объединившись на деле Ивана Ивановича под фирмой «Товарищества мануфактур, основанных Иваном Ивановичем Скворцовым», и являясь единственными владельцами предприятий товарищества, решают расши-

речь построенный Иваном Ивановичем храм настолько, чтобы он мог вместить 2 000 человек.

С этой целью они приступают к перестройке малого храма в громадный собор, вместимостью в 2 000-2 500 молящихся, и закладывают его 5 июня 1897 года.

Храм строится по плану и под наблюдением московского архитектора П. П. Зыкова, при заботах жертвователей, в особенности Петра Александровича, и при участии ближайших их помощников: священника отца Феодора Даниловского и управляющего фабрикой товарищества Андрея Парменовича В олова.

Храм строился в продолжение почти 8 лет и был окончен постройкой в конце 1904 года.

13 февраля 1905 года преосвященнейшим Виссарионом, епископом костромским, в присутствии храмосоздателей и массы молящихся, он был освящен.

Маститый владыка, всю жизнь прошедший в Москве, при освящении храма сказал: «Много освящал храмов в жизни своей, но такой великолепный храм освящаю в первый раз. Поистине, стоя в нем, действительно, яко на небеси стояти мнишь».

После освящения нового большого храма явилась такая масса молящихся, что один причт не мог исполнить всех служб и треб. С этой целью строители храма испросили разрешение на учреждение второго причта. И вот с 1905 года при храме учрежден второй причт, в лице священника и диакона, причем содержание причта обеспечено вкладом.

Строителями на постройку храма израсходовано до 425 000 рублей.

Так как постройка храма была произведена расширением первой церкви, то богослужения в ней пришлось временно прекратить. И ввиду нужды в храме строители церкви, чтобы не лишать население религиозных потребностей, устроили вблизи строящегося храм другой — малый. Этот храм существует и сейчас, богослужения в нем совершаются ежедневно, и он служит усыпальницей.

Независимо от постройки и содержания своего храма, основатель мануфактур Иван Иванович и его преемники немало труда и жертв клали и на поддержание и украшение соседних Средского и Никольского храмов. Последний был особой заботой и вниманием всех. Иван Иванович, будучи прихожанином Никольского храма, долгое время состоял в нем ктитorem. Сколько он жертвовал на украшение храма, было его тайной, но во всяком случае, судя по устройствам и украшениям, жертвы были велики. При этом храме Иван Иванович и похоронен, согласно его желанию.

После смерти Ивана Ивановича заботой преемников также был этот храм, и они в разное время сделали много украшений в нем: заново сделан иконостас, написана живопись, переустроено отопление и прочее; на все это затрачено не менее 20 000 рублей.

При фабричном храме имеется зал-читальня. В зале помещается церковноприходская библиотека в 2 090 томов, преимущественно религиозно-нравственного содержания. Читателей за период существования библиотеки было 3 500 человек.

В этом же зале имеется книжный и иконный склад.

За 15 лет продано из склада: св. икон 12 300 штук, книг Священного писания и богослужебных 9 600 экземпляров, книг религиозно-нравственного содержания 32 500 экземпляров, картин, брошюр и листов 159 350 экземпляров.

В зале ведутся религиозно-нравственного содержания чтения с туманными картинами.

Для этой цели товариществом приобретены фонарь и много картин, на сумму не менее 1 000 рублей.

При церкви 14 лет назад учреждено Общество трезвости.

За все время существования общества записалось членов 13 500 человек. Им и другим лицам роздано бесплатно до 113 600 книг и брошюр о трезвости.

При середских фабриках товарищества имеются: училище, школа грамоты, зал для чтений, спектаклей и концертов и кинематограф.

Фабричная больница построена и начала функционировать в 1873 году. В первые годы деятельности состояла из амбулатории и госпитального отделения, затем, по мере развития медицинской работы, расширялась как в смысле увеличения самого здания больницы, так и в смысле увеличения числа лиц медицинского персонала.

В настоящее время больница состоит из 1) амбулатории с аптекой, 2) собственно больницы (госпитального отделения), 3) родильного приюта, 4) заразного барака.

Амбулаторию составляют 2 врачебных кабинета — хирургический и терапевтический, и ожидальная.

При аптеке имеется подвал для хранения медикаментов.

Принимаются не только фабричные рабочие и служащие, но и посторонние. Прием посторонних ограничен ближайшими родственниками рабочих, а также рабочих, имеющих то или другое отношение к фабрике.

При Писцовской фабрике находятся: библиотека-читальня, мужское

одноклассное Министерства народного просвещения училище, курсы для рабочих, женское одноклассное Министерства народного просвещения училище, смешанное одноклассное училище в деревне Шатры и высшее начальное училище имени потомственного почетного гражданина И. И. Скворцова.

Фабричная лечебница при Писцовской фабрике помещается в собственных зданиях фабрики и состоит: 1) из амбулатории с аптекой, 2) больницы, 3) родильного дома, 4) заразного барака.

Больница находится вблизи фабрики, на самой оживленной улице села Писцова, и, благодаря удачному топографическому расположению больницы, медицинская помощь может быть подана всегда в короткое время.

На усиленное питание больных обращено особенное внимание. В назначениях кушаний ведется широкая индивидуализация, сообразно болезни пациента.

Для стирки больничного белья в 1909 году приобретена стиральная машина, прачечная оборудована механическим катком и выжималкой.

Сообразно росту деятельности лечебницы постепенно возрастали и расходы фабрики на медицинскую организацию. Так, в 1904 году эти расходы выражены в сумме 7 685 рублей, а в 1912 году расход возрос до 15 236 рублей 35 копеек. Продовольствие одного коечного больного в сутки равнялось 1 рублю 42 копейкам.

СМИРНОВЫ

Основание мануфактуры сделал дед нынешних владельцев Василия и Сергея Алексеевичей, крестьянин деревни Ликина Кудыкинской волости Покровского уезда Владимирской губернии, Василий Сергеевич Смирнов. Во второй четверти XIX века Василий Сергеевич Смирнов работал в качестве «мастерка» для фабрики Саввы Васильевича Морозова, основателя знаменитых морозовских мануфактур. В начале третьей четверти Василий Сергеевич сделался уже самостоятельным, и дело начинает расширяться особенно после 1869 года, когда во главе дела становится сын основателя Алексей Васильевич. Тогда всех рабочих было не более 70-75 человек: 6 человек сновальщиков, 30 размотчиц пряжи и человек 15 красильщиков и другие. Размотка производилась конным приводом. В 1870 году была построена каменная двухэтажная фабрика для ручного ткачества.

Работали и на этой фабрике, и на стороне по деревням преимущественно карусет. Годовая выработка исчислялась не более как в 15-20 тысяч штук, но в 1880 году она достигла уже 42 040 штук, когда была уже своя небольшая отделочная фабрика.

В 1881 году упомянутый каменный корпус был обращен в фабрику для механического ткачества в 80 станков, а в 1900 году имеется при большой отделочно-красильной фабрике бумагопрядильная в 50 000 веретен и ткацкая в 1 000 станков, где занималось уже 2 400 рабочих, вырабатывающих разные ткани на 6 миллионов рублей.

В конце 1911 года из одноличного предприятия создается товарищество на паях с основным капиталом в 5 000 000 рублей, а в 1915 году, после смерти Алексея Васильевича, его дети получили наследство до десяти миллионов.

Нельзя также не отметить того, что весьма значительной долей своего благосостояния предприятие обязано трудам покойной супруги Алексея Васильевича — Татьяне Яковлевне Смирновой (скончалась 25 декабря 1913 года). Происходя из старинной купеческой семьи Жаровых, Татьяна Яковлевна почти всю свою жизнь прожила при фабрике товарищества, принимая ближайшее участие в различных вопросах, касавшихся фабричного дела. Татьяна Яковлевна, отличавшаяся добрым отзывчивым сердцем, всегда стремилась быть справедливой; она пользовалась большим уважением в среде служащих и рабочих предприятия, оставив по себе во всех тех, кто только знал ее, добрую память. Благодаря ее влиянию, мануфактура израсходовала около двух миллионов рублей на постройку жилых помещений (казарм) для рабочих, бани и школы. Особенно же много денег было израсходовано на постройку церкви по деревням.

В настоящее время директором-распорядителем товарищества состоит старший сын Алексея Васильевича, Василий Алексеевич, который заведует коммерческой частью, фабрикою же управляет второй сын, Сергей Алексеевич, которые и при жизни Алексея Васильевича эти должности занимали. На фабрике имеются 57 000 прядильных веретен, 1 472 механических ткацких станка и полный комплект красильных и отделочных машин для своего суровья. На фабрике занято 3 750 рабочих, вырабатывающих ежегодно разных сортов пряжи и тканей на 8¹/₂, миллиона рублей.

За первые три года существования товарищества прибыль была в среднем 13%, а дивиденд 11%. Казенного налога было уплачено в среднем ежегодно 42 000 рублей.

Заведующим прядильною фабрикою со дня основания состоит инженер-механик П. Н. Коротков, а ткацкой, тоже с ее основания, — П. Л. Воробьев.

Ч. М. Иоксимович

СУВОРОВЫ

«Лета Тысяща Восемь Сот Семнадцатого Декабря в двадцать второй День... продала я Тамбовскому купцу Ивану Алексеевичу сыну Суворову Тамбовской губернии, Спасской округи, деревню Шеренгужскую, пришедшую в упадок парусную фабрику (которая ныне преобразована им, Суворовым, в суконную) со всеми принадлежащими к ней инструментами и станами... крепостных моих на праве фабрикантском и приписных мастеровых людей и крестьян, написанных по ревизиям шестой за мною...» Так возникает суконная фабрика.

Как парусная и канатная она существовала, несомненно, в царствование Петра I. Его покровительством пользовались леса, а в особенности «заповедные дубовые корабельные рощи», заботливость о каковых простиралась до того, что за срубку дуба рубилась и голова срубившего его.

По ходатайству Ивана Алексеевича Суворова, парусная фабрика была в 1817 году преобразована в суконную и с начала своего существования была занята изготовлением сукон для поставки в казну.

В то время фабрика состояла из 5 отдельных корпусов на речке Ширке и Ваду (валочная, скалочная, стригальная, сукновальная, промывная), в работах использовалась водяная сила и 6 корпусов, в которых помещались красильня, сушильня, ручные прядильные машины, ткацкие станки, прессовая и мастерские.

Валка и промойка сукна производилась также при собственных мельницах в Кирсановском и Борисоглебском уездах Тамбовской губернии, от фабрики на расстоянии 90-300 верст, для отделки же сукна в пять привозились на фабрику.

Вырабатывалось исключительно сукно, бобрик был еще неизвестен.

В 1848 году, по смерти Ивана Алексеевича Суворова, фабрика переходит во владение супруги его, Евдокии Васильевны Суворовой, урожденной Тулиновой, а по смерти ее в 1852 году — в совладение Петра Михайловича, Петра, Павла и Матвея Дмитриевичей Суворовых, в 1863 году — к теперешнему владельцу Сергею Петровичу Суворову.

С 1870 года начинается усовершенствование, и в 1874 году, кроме водяной силы, имелась еще и паровая.

Освещение ныне электрическое. Отопление — торф собственного производства и дрова.

Общее количество рабочих до пятисот человек местных и приехавших из соседних деревень; часть живет в специально выстроенных корпусах.

Фабрика вырабатывает грубые русские сукна и бобрики для частного

рынка, а также берет подряды в казну. Общая выработка до 600 000 аршин.

При фабрике земельные угодья в количестве 730 десятин.

Фабрика отстоит от станции Зубова Поляна Московско-Казанской железной дороги в 25 верстах, от уездного города Спасска Тамбовской губернии в 28 верстах.

Владелец фабрики — Суворов Сергей Петрович, потомственный почетный гражданин.

СУЗДАЛЬЦЕВЫ

По образовании товарищества в 1879 году построена в городе Муроме, в Дмитриевской слободе, льнопрядильная фабрика с 200 веретенами. В 1896 году, после пристройки к главному корпусу здания, фабрика значительно увеличилась. В конце этого же года на ней работало 6 044 прядильных и 1 448 крутильных веретен. В настоящее время работает 9 024 прядильных и 2 416 крутильных веретен. Рабочих на фабрике 1 500 человек. Имеются два двигателя в 200 и 300 лошадиных сил. Сырье — исключительно лен — покупается в Муроме, Костроме, Пучеже и Ржеве. Сбыт преимущественно в Вязниковском уезде, ткачам. Льна-сырца употребляется до 200 000 пудов и вырабатывается пряжи и нитки до 150 000 пудов.

Правление товарищества находится в городе Муроме. Директором-распорядителем и главным его руководителем с 1892 года состоит потомственный почетный гражданин Николай Васильевич Суздальцев, состоящий еще гласным городской думы с 1884 года, гласным Муромского уездного земского собрания. Имеет орден св. Анны 3-й степени, 4 золотых и несколько серебряных медалей.

Суздальцев Федор Васильевич состоит директором товарищества в течение 9 лет, имеет льноткацкую фабрику и занимает следующие общественные должности: гласный городской думы, председатель городской подотчетной комиссии с 1902 года.

Суздальцев Василий Васильевич директором товарищества служит семь лет и состоит гласным Муромской городской думы.

Муромской мануфактура, заметно подняв промышленность того края, продолжает и теперь идти по этому же пути, увеличивая свое производство и тем способствуя увеличению в окрестностях посева льна.

ТАРАСОВЫ

Тарасов Федор Степанович основал фирму в городе — Екатеринбурге в 1909 году. Деятельность фирмы заключается в оптово-розничной продаже

железных, скобяных и чугунных изделий разных уральских горных заводов. Дело было основано в самых незначительных размерах, но благодаря опыту, знаниям и трудолюбию владельца ежегодно увеличивалось, причем в настоящее время фирма уже завоевала себе прочное положение и известность среди многочисленной клиентуры. Район деятельности фирмы — Урал, Сибирь и Забайкалье. Делами фирмы управляет владелец лично. Обширные познания в деле владелец приобрел на практике еще в бытность свою на службе в Москве у Аваева Николая Петровича и в товариществе Носенкова и на Урале в товариществе Сергинско-Уральских горных заводов.

Будучи от природы отзывчивым на всякое доброе дело, Федор Степанович принимает посильное участие и в делах благотворительности, не отказывая, по возможности, всякому нуждающемуся человеку.

УШКОВЫ

I

В 1850 году Капитоном Яковлевичем Ушковым были основаны химические заводы в Бондюге и Кокшане Вятской губернии Елабужского уезда. В 1883 году для развития деятельности названных заводов Петром Капитоновичем Ушковым учреждено существующее ныне «Товарищество химических заводов П. К. Ушкова и К^о» с основным капиталом 2 400 000 рублей. В последние пять лет Иваном Петровичем Ушковым товарищество значительно расширено, и в настоящее время товариществу принадлежат: земли под лесными дачами, заводами и пристанями свыше 5 500 десятин, четыре химических завода:

Бондюжский и Кокшанский, Вятской губернии Елабужского уезда, с заводской пристанью «Тихие Горы» на реке Каме, что выше Елабуги на 40 верст; Казанский завод в городе Казани (Большая Адмиралтейская слобода) и Самарский завод, Самарской губернии и уезда, при разъезде Иващенко Самаро-Златоустовской железной дороги — с одной стороны, и на реке Моче — с другой стороны; завод строительной извести и добыча известкового камня на реке Волге, Самарской губернии Сызранского уезда; торфяное болото близ села Частые на реке Каме, Пермской губернии Осинского уезда; товарные пристани в Н. Новгороде — Сибирская пристань, в Ярославле на ветке, в Перми, Левшине и Самаре с оборудованными складочными помещениями; на Урале для нужд заводов товарищество арендует колчеданные, хромовые, меднорудные, марганцовые и другие рудники, управляемые конторою в Екатеринбурге.

На заводах товарищества вырабатываются: серная кислота, олеум,

сульфат, соляная кислота, хлорная известь, глинозем, хромпик калиевый, хромпик натриевый, квасцы хромовые, штыковая медь, строительная известь и камень, половые плитки, гончарная посуда для химического и других производств и прочие мелкие фабрикаты.

Все материалы, потребляемые при выработке товаров на заводах товарищества, — отечественного происхождения, за исключением двух, а именно: чилийской селитры и боксита, привозимого из Франции.

Для доставки по Волге и ее притокам материалов, употребляемых на заводах, а равно и поступающих в продажу товаров, товарищество имеет свой флот, состоящий из буксирных стосильных пароходов и нескольких десятков баржей и других мелких судов.

Продажу вырабатываемых фабрикатов товарищество производит в конторах в Москве, Н. Новгороде, Перми, Казани, Самаре, а равно при всех заводах и складах и в агентствах в городах Омске и Уфе.

Товарищество состоит поставщиком казенных заводов как Казанского порохового, так и Самарского завода взрывчатых веществ и многих казенных российских железных дорог.

Фабрикаты товарищества, выпускаемые в течение года в нескольких миллионах пудов, находят применение в текстильной, красильной, кожевенной, писчебумажной, стекольной, химической, металлургической и других отраслях отечественной промышленности.

Следя за положением химической промышленности в России, а равно и учитывая запросы промышленности, товарищество заканчивает заводы разделки толуола, анилиновых солей и масла и первого в России завода разделки отработанных кислот при выделке взрывчатых веществ.

Все химические продукты, а равно и гончарная посуда, вырабатываются столь высокого качества, что не только имеют награды на выставках как от русского правительства, так и от правительства Франции, Северо-Американских Соединенных Штатов и других государств, но и расцениваются на рынке самими потребителями значительно выше однородных продуктов других заводов как отечественных, так и заграничных.

В заключение можно не без гордости сказать, что товарищество «П. К. Ушков и К^о» — предприятие исконно русское по духу и замыслу и где нет и не будет места подданным враждебных России государств, что очень редко в химической отрасли нашей отечественной промышленности.

Правление товарищества помещается в Москве, на Варварке. Состав правления — директоры: Иван Петрович Ушков, Александра Ивановна Ушкова и Константин Капитонович Ушков.

II

ФЕОКРИТОВЫ

Семья Ушковых появилась в московском купечестве сравнительно недавно, всего с 1850 года. Происходят они из крестьян помещика Демидова. Ушковых было два брата: Петр и Константин Капитоновичи. Им принадлежало крупное предприятие химического производства, с тремя заводами. Петр Капитонович умер давно. Его дочь, Лидия Петровна, была замужем за Николаем Константиновичем Прохоровым.

Константин Капитонович умер после революции. Первым браком он был женат на Кузнецовой, из фирмы Губкина-Кузнецова, одного из самых крупных предприятий чайной торговли. Он был очень богат, интересовался театром и вообще искусством и считался большим меценатом.

О меценатстве К. К. Ушкова говорит в своих воспоминаниях Немирович-Данченко.

«Среди директоров фирмы, — пишет он, — был богатый купец Ушков. В кабинете — подлинный Рембрандт, в зале пол обложен перламутровой инкрустацией... Сам Ушков являл из себя великолепное соединение простодушия, хитрости и тщеславия... У меня с ним был эпизод: на своей крошечной сцене я давно отказался от декораций и заменил их так называемыми сукнами. Сукна эти очень потрепались, я несколько раз обращался к администрации школы, но мне отказывали за неимением средств. Однажды я поймал удобную психологическую минуту и говорю Ушкову: «Ну что вам стоит пожертвовать какие-нибудь пятьсот рублей. Вот великая княгиня зачастила ходить к нам, а на сцене какое-то тряпье...» — «Хорошо, — говорит Ушков, — пятьсот, говоришь (в вескую минуту он любил с собеседником переходить на «ты»). Я тебе эти пятьсот дам, но смотри, скажи обязательно великой княгине, что это я пожертвовал...» Вот он-то и записался первым пайщиком в размере четырех тысяч рублей. Впоследствии он не раз просил подчеркивать, что он был первым...»

Дочь Константина Капитоновича была женой знаменитого дирижера С. А. Кусевицкого. Последний начал свою музыкальную карьеру в Москве как виртуоз на контрабасе. Нужно сказать, что играл он на этом мало подходящем для сольных выступлений инструменте с необычайным искусством; лишь впоследствии он перешел к своему подлинному призванию — дирижерской палочке. Когда он устроил ряд концертов в помещении театра Незлобина, это явилось для Москвы откровением. Несомненно, брак с Ушковой помог ему преодолеть препятствия, обычные при начале всякой карьеры.

П. Бурышкин

Феокритов Петр Силович — основатель старейшей в Поволжье типографии. Родился в 1841 году. Будучи сыном священника, он воспитывался в Саратовском духовном училище и по окончании курса поступил в Саратовский уездный суд, но вскоре оттуда перешел на службу в губернскую строительную и дорожную комиссию. Однако канцелярская служба оказалась не по сердцу, и он в 1865 году в чине губернского секретаря вышел в отставку, посвятив себя изучению типографского дела. С этой целью Петр Силович занял должность заведующего небольшой частной типографии. Быстро ознакомившись с техникой типографского дела, он решил открыть собственную типографию и осуществил свое намерение. Существовавшие в то время в Саратове небольшие типографии — губернская и земская — едва удовлетворяли своему назначению при казенных учреждениях, а между тем в губернском городе и окрестных городах назревала более острая потребность типографской услуги. Но Петр Силович не имел средств на обзаведение более или менее обширной обстановки и потому ограничился приобретением одной машины и с 8 человеками открыл частную типографию в 1873 году. Исполняя обязанности конторщика, наборщика и развозчика заказов, Петр Силович тем не менее развил дело, и через год после открытия к нему уже поступили заказчиками уездное земство и волостные правления Саратовской губернии. Однако сложные обязанности по типографии не лишили возможности Петра Силовича не только увеличить дело, но и усовершенствовать его. С этой целью он вошел с соглашением с заграничными фирмами и, подражая им, выравнивал технику печатного дела. Упорный труд и настойчивая любовь к открытому предприятию превозмогли материальный недостаток, и типография мало-помалу развивалась. Через несколько лет типография с новыми машинами заграничных фирм перешла в собственное помещение уже с большим составом служащих, хорошо обученных. К началу восьмидесятого года типография была лучшей в Поволжье, причем заказчиками ее стали губернии: Самарская, Саратовская, Астраханская, Сибирь и все уездные учреждения, а впоследствии и управление железной дороги и почтово-телеграфный округ. Но любовь Петра Силовича к типографскому делу не прекратилась. Он стал открывать ряд отделений в уездных городах и, закрепив их устойчивость, передал типографии в надежные руки. Наряду с этим Петр Силович не покидал заботу, и о своих служащих, стараясь поднять уровень их благосостояния, и результат заботы и теплого отношения к труженикам не замедлил сказаться не только тем, что в личной его типографии служащие служат без перерыва по несколько десятков лет, но когда в 1905-1906 годах ряд забастовок принял незаконный характер, в типографии Феокритова таковых ни

одной не было, рабочие этой типографии оставались верными долгу труда и на уговоры товарищей других таких же заведений не шли. Некоторые из служащих за добросовестную службу получили пособия и открывали собственные типографии, со временем тоже разросшиеся в значительные печатные заведения. Ко времени смерти Петра Силовича в марте месяце 1914 года типография его имела 27 машин с хорошо поставленной литографией и переплетной мастерской. В таком виде любимое дело Петра Силовича перешло к наследникам его — Евгению Петровичу Феокритову и дочери Марии Петровне Анисимовой.

ШЕЛАПУТИНЫ

I

Шелапутин Павел Григорьевич — потомственный дворянин, действительный статский советник, видный общественный деятель и промышленник. Павел Григорьевич родился в 1848 году в Москве. Промышленная деятельность Павла Григорьевича началась еще в молодые годы. Он был одним из учредителей товарищества Балашинской мануфактуры, основанного в 1874 году, состоял председателем правления и директором-распорядителем товарищества. С самого основания товарищества он руководил всем делом и оставил его после своей смерти в блестящем состоянии. Наряду с этим он вскоре весь отдался общественной деятельности. Сначала он был избран церковным старостой церкви св. Архидиакона Стефана в Москве, затем старостой церкви села Никольского, в приходе которой находится фабрика Балашинской мануфактуры, и церкви Покрова Богородицы в Филях. Во всех этих храмах вложено им немало своих средств и труда на их благолепие. Затем Павел Григорьевич всецело отдался созиданию целого ряда филантропических и просветительных учреждений, которые строились исключительно на его средства. Так, сначала он выстроил в Москве гинекологический институт врачей имени своей покойной матери; мужскую гимназию, три ремесленных училища в память покойного своего сына Григория; реальное училище имени своего сына Анатолия и педагогический институт, носящий имя самого Павла Григорьевича. Кроме того, он пожертвовал в 1903 году 860 квадратных саженей земли в своем имении в Филях для двухклассного министерского училища имени тайного советника Боголепова. На его же средства устроен один зал в музее императора Александра III. Им же уступлена полоса принадлежащей ему земли на сервитутном праве. Помимо того, Павел Григорьевич своими пожертвованиями занимал видное место в устройстве дома призрения заслуженных престарелых сиделок, служителей и служительниц клиники. Затем он жертвовал значительные суммы Московской глазной лечебнице, немало жертво-

вал городской Басманной больнице и Алексинской, Тульской губернии, земской больнице. В Покровской лечебнице, которую он также выстроил в имени своем в Филях, за сорокалетнее ее существование воспользовались бесплатными советами и отпусками лекарств более 300 000 больных. В память своего сына Бориса им пожертвовано 500 000 рублей на устройство женской учительской семинарии в Филях, где будут приготовляться учительницы для преподавания в сельских школах наиболее распространенных в русском народе кустарных производств. На фабрике Балашинской мануфактуры Павлом Григорьевичем пожертвовано более 60 000 рублей на постройку дома призрения престарелых рабочих, где содержится 40 стариков, 40 старух и столько же сирот. Им выстроен и пожертвован Братолюбивому обществу дом, в котором находится 53 дешевых квартиры, а также при имении в Филях выстроена богадельня для старух и приют для круглых сирот, исключительно убогих и слепых крестьянского сословия. Педагогическому институту его имени пожертвована им библиотека, содержащая в себе сочинения, представляющие собою большую часть уники. При Александровской гимназии в Ялте Павел Григорьевич выстроил церковь, где состоял старостою. Помимо того, он состоял старостою при Шелапутинской гимназии в Москве. Всех пожертвований на просветительные и благотворительные учреждения родины сделано им на сумму свыше трех миллионов рублей.

Павел Григорьевич обладал большими музыкальными дарованиями, был знатоком, любителем и ценителем музыки, учителем его был Гербер. Его полезная деятельность отмечена многими Высочайшими наградами и дарованием потомственного дворянства. Всецело посвятив себя работам о ближнем и работе на благо отечества, Павел Григорьевич черпал в этой работе силы и утешение. Но судьбе угодно было омрачить жизнь этого великого человека семейным горем: все его сыновья, уже взрослые, получившие высшее образование, умерли. Это и сократило его дни жизни. Скончался Павел Григорьевич в Фрейбурге 23 мая 1914 года.

II

Шелапутины происходят из Покровских купцов. Переселились в Москву в конце XVIII столетия и в 1792 году торговали в «светочном» ряду.

Внуки родоначальника, Прокофий и Антип Дмитриевичи, были очень богатыми людьми и имели звание Коммерции Советников. Прокофий Дмитриевич в 1811-1813 годах исполнял обязанности Московского городского головы. За свое пожертвование «минерального кабинета в пользу Московской Медико-хирургической академии» получил диплом на дворянское достоинство и был награжден орденом. Сын его, Дмитрий Прокофьевич, уже не состоял в купечестве.

Внук Антипа Дмитриевича, Павел Григорьевич, соорудил гинекологический институт при Московском университете и построил гимназию имени Григория Шелапутина. Им же было создано ремесленное училище имени Анатолия Шелапутина.

П. Бурьшкин

ЩЕНКОВЫ

Щенков Александр Владимирович родился в 1870 году в Москве. Образование получил в Императорской Московской практической академии коммерческих наук. По окончании образования в 1888 году Александр Владимирович вошел в дело своего отца в качестве бухгалтера, а затем вступил полным товарищем в Торговый дом, учрежденный под фирмой «Владимир Щенков с сыновьями» в 1896 году. Сделавшись в 1903 году купцом 1-й гильдии и состоя в то же время полным товарищем Торгового дома «В. Щенков с сыновьями», Александр Владимирович в 1906 году создает вместе со своими братьями «Товарищество шелкового производства С. Зубков и К^о», состоя в нем председателем правления. Александр Владимирович принимает деятельное участие и в общественной жизни: состоит выборным купеческого общества. Более 3-х лет состоял казначеем Московского Императорского коммерческого училища. С 1903 года состоит членом совета Московской глазной больницы и там же церковным старостой.

ЯКУНЧИКОВЫ

Якунчиковы были также одной из московских купеческих фамилий, которая довольно скоро отстала от торгово-промышленной деятельности и ушла в дворянство. Их имя было известно с первой четверти прошлого столетия, но почетное место в рядах московского купечества они заняли несколько позднее, благодаря Василию Ивановичу Якунчикову.

В одном из писем В. А. Кокорева к В. И. Якунчикову содержится любопытная характеристика молодого Якунчикова. Вот что писал автор «Русских провалов»:

«Ваше любезное письмо перенесло мои мысли к воспоминаниям о событиях, бывших в 1846 году, в котором я первый раз имел удовольствие познакомиться с Вами на откупных торгах в Ярославле. Как сейчас представляю себе красивого юношу, с шапкой кудреватых волос на голове, с розовыми щеками и созерцательным взглядом на окружающее. Потом этот юноша уехал надолго в Англию, восприял там только то, что пригодно для России, и возвратился домой, несколько не утратив русских чувств и рус-

ского направления. Этот юноша — Вы, продолжающий свое коммерческое поприще с достоинством и честью для родины. Много с тех пор протекло воды. Вы шли стопой благоразумной осмотрительности, а я без всякой сдержанности давал волю своим фантазиям».

Якунчиковым принадлежала Воскресенская мануфактура в местечке Наро-Фоминском Верейского уезда Московской губернии. Эту фабрику они продали товариществу «Эмиль Циндель», уйдя таким образом от активной деятельности.

Василий Иванович был женат на Зинаиде Николаевне Мамонтовой, дочери Николая Федоровича и сестре Веры Николаевны Третьяковой, жены известного создателя картинной галереи.

У Якунчиковых женская половина семьи была не менее известна, чем мужская. Зинаида Николаевна была одной из наиболее красивых и интересных в Москве хозяек дома. Еще большей известностью пользовалась ее невестка и племянница, Мария Федоровна.

В 1881 году, во время сильного голода, она организовала столовые в Тамбовской губернии; ей пришла мысль раздавать бабам работы и скупать их старинные местные вышивки. Дело это впоследствии приняло обширные размеры и стало известно в Европе. Это было сделано по образцу Абрамцевского кустарного дела, о котором я буду еще говорить. М. Ф. Якунчикова была племянницей Саввы Ивановича Мамонтова. Впоследствии, в 1908 году, Мария Федоровна взяла на себя управление Абрамцевской столлярной мастерской и кустарным складом в Москве.

Одна из дочерей Василия Ивановича, Мария Васильевна, по мужу Вебер, была сама художница, а ее сестра, Наталья Васильевна, была женой известного художника В. Д. Поленова.

П. Бурьшкин